

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2015 № 3 (63) Т. 3

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Бабиц М. – д-р юр. наук, проф. Баян-Лукского университета (Баян Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Welttrends» (Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки, отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Бибилко В. Н. – д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гудов А. М. – д-р физ.-мат. наук, доц., КемГУ (Кемерово, Россия).
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).
Исмаилов З. Р. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИУХМ СО РАН (Кемерово, Россия).
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Клочко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Черненко Т. Г. – д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2015 № 3 (63) Vol. 3

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library, Executive Editor Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Gudov – Dr. of Physics and Mathematics, Associate Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).
Z. R. Ismagilov – Dr. of Chemistry, Prof., Institute of Coal Chemistry and Materials Chemistry at the Siberian Branch of RAS (Kemerovo, Russia).
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
A. V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Founder Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ПЕДАГОГИКА

- 8 **Качимская А. Ю.** Отношение старшеклассников и студентов к представителям разных национальностей
- 14 **Молокова О. А.** Поликультурная среда как условие актуализации личностных ресурсов студентов первого курса на этапе адаптации к обучению
- 19 **Монсонова А. Р.** Учебный предмет «Основы религиозных культур и светской этики» как фактор социализации младших школьников
- 22 **Погодаева М. В., Молокова О. А.** Социализация ребенка в процессе присвоения культуры безопасности
- 26 **Ушева Т. Ф.** Опыт социализации студентов в вузе: рефлексивный подход

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- 30 **Демин А. А.** Социологический анализ ценностной системы социокультурного сообщества «Глобал Рашнз»
- 35 **Долганов Д. Н.** Межличностные отношения в контексте поликультурного образования
- 40 **Джгамадзе К. Б.** Теоретико-методологические особенности изучения образа страны в массовом сознании
- 45 **Зеленин А. А., Пфетцер С. А., Горелкин А. В.** Политическая социализация «провинциальной» молодежи: информационная поддержка ценностного самоопределения в системе технологий содействия ценностному развитию
- 50 **Трущева А. А.** Возможности и ограничение влияния ценностей КППРФ на социализацию молодежи в России
- 54 **Чефонова Е. А., Волкова О. А., Мозговая Е. И.** Региональная специфика социализации населения в Ракитянском районе Белгородской области
- 59 **Шабанов Л. В.** Конфликт «Немо»: обезличивание как проблема социализации личности в поликультурном обществе

ПСИХОЛОГИЯ

- 63 **Андронникова О. О.** Социализация как механизм порождения виктимности личности в поликультурном обществе
- 68 **Антилогова Л. Н., Лазаренко Д. В.** Аддитивное поведение как показатель нарушенной социализации личности
- 72 **Аргентова Л. В., Аргентова Т. Е.** Занятия национальными видами спорта как фактор аккультурации
- 77 **Аршинская Е. Л.** Профилактика этнических конфликтов среди подростков через развитие межкультурной компетентности

PEDAGOGICS

- 8 **A. Yu. Kachinskaya.** The attitude of senior schoolchildren and students to representatives of different nationalities
- 14 **O. A. Molokova.** Polycultural environment as the condition of actualization of first-year students' personal resources at the stage of adaptation to studying
- 19 **A. R. Monsonova.** The subject «The fundamental bases of religious culture and secular ethic» as a factor of socialization of junior schoolchildren
- 22 **M. V. Pogodaeva, O. A. Molokova.** Socialization of the child in the acquisition of the culture of safety
- 26 **T. F. Usheva.** The experience of higher school students' socialization: introspective approach

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- 30 **A. A. Demin.** Sociological analysis of «Global Russians» sociocultural community value system
- 35 **D. N. Dolganov.** Interpersonal relations in the context of multicultural education
- 40 **K. B. Dzhgamadze.** Theoretical and methodological features of studying the country's image in the mass consciousness
- 45 **A. A. Zelenin, S. A. Pfettser, A. V. Gorelkin.** Political socialization of «provincial» youth: information support of valuable self-determination in the system of technologies of assistance to valuable development
- 50 **A. A. Trushcheva.** Possibilities and limitations of the Communist Party values influencing the socialization of young people in Russia
- 54 **E. A. Chefonova, O. A. Volkova, E. I. Mozgovaya.** Regional specificity of socialization of the population of Rakityansky area of Belgorod region
- 59 **L. V. Shabanov.** The «Nemo» conflict: depersonalization as a new trend of social development

PSYCHOLOGY

- 63 **O. O. Andronnikova.** Socialization as a mechanism of generation of personal victimization in a multicultural society
- 68 **L. N. Antilogova, D. V. Lazarenko.** Addictive behaviour as the indicator of the broken socialization of the person
- 72 **L. V. Argentova, T. E. Argentova.** Practicing national sports as an acculturation factor
- 77 **E. L. Arshinskaya.** Prevention of ethnic conflicts through the development of intercultural competence of teenagers

- 82 **Белинская Е. П., Икрамова А. А.** Взаимосвязь совместного копинга и уровня групповой сплоченности при выработке группового решения
- 88 **Богомаз С. А., Горчакова О. Ю., Левицкая Т. Е., Шекетера А. А.** Восприятие образовательной среды университета студентами с разной степенью выраженности имплицитных теорий интеллекта и личности
- 93 **Борисенко Ю. В.** Семейные условия формирования родительской идентичности личности в современном мире
- 98 **Быкова И. А., Серкин В. П.** Жизнь в ипотеке: психологические особенности
- 107 **Володина Е. П.** Этнопсихологический аспект структуры ценностных ориентаций студентов Байкальского региона
- 110 **Дагбаева С. Б., Кимова С. З.** Внеурочная деятельность в этнической социализации школьников
- 114 **Дагбаева С. Б., Намсараев С. Д.** Психолого-педагогическое сопровождение процесса этнической социализации школьников
- 119 **Дмитриева Н. В., Буравцова Н. В., Левина Л. В.** Выбор способа разрешения ценностного конфликта с помощью ассоциативных карт
- 124 **Егорова О. В.** Культурно-психологические особенности взаимосвязи компонентов эмоционального интеллекта у студентов разных этнических групп
- 128 **Иванов М. С.** Обеспечение личной безопасности как проблема психологии жизненного пути, самореализации и идентичности личности
- 134 **Иванова Е. А.** Взгляд представителей разных азиатских народов на причины, влияющие на возникновение межнациональных конфликтов
- 137 **Карнышев А. Д.** Этнопсихологические проблемы взаимосвязи патриотизма и межнационального согласия в поликультурном обществе
- 143 **Карнышева О. А.** Этническая смешанность – несмешанность семей как фактор межнационального согласия и патриотизма
- 148 **Клочко В. Е., Краснорядцева О. М., Хван Н. В.** Индивидуально-психологические характеристики двух типов хронотопической организации жизненного мира человека
- 155 **Кривцова Е. В.** Толерантность личности в современных социокультурных условиях
- 160 **Кригер Г. Н.** Особенности «социального Я» чувашских и телеутских подростков, проживающих на территории Кемеровской области
- 164 **Кыштымова И. М.** Особенности восприятия социально значимых текстов бурятами: темпоритм как семантический маркер
- 167 **Логинова И. О., Живаева Ю. В.** Особенности социокультурной идентичности студентов малого города и мегаполиса
- 82 **E. P. Belinskaya, A. A. Ikramova.** The correlation of joint coping and the level of group cohesion in the formulation of group decisions
- 88 **S. A. Bogomaz, O. Yu. Gorchakova, T. Ye. Levitskaya, A. A. Sheketera.** Perception of the university's educational environment by students with different manifestation degrees of implicit intelligence and personality theories
- 93 **Yu. V. Borisenko.** Family factors of parent identity development in the modern world
- 98 **I. A. Bykova, V. P. Serkin.** Life in the mortgage: the psychological constitution
- 107 **E. P. Volodina.** The ethno-psychological aspect of the value orientations structure of the Baikal region students
- 110 **S. B. Dagbaeva, S. Z. Kimova.** Extracurricular activities in ethnic socialization of schoolchildren
- 114 **S. B. Dagbaeva, S. D. Namsaraev.** Psychological and educational support the process of ethnic socialization of schoolchildren
- 119 **N. V. Dmitrieva, N. V. Buravtsova, L. V. Levina.** The choice of the way to resolve a conflict of values using associative cards
- 124 **O. V. Egorova.** Cultural and psychological features of the correlation of the emotional intellect components of students of different ethnic groups
- 128 **M. S. Ivanov.** Ensuring personal safety as a problem of psychology of the way of life, self-realization and personal identity
- 134 **E. A. Ivanova.** The opinion of representatives of various Asian nations on the causes that influence the emergence of ethnic conflicts
- 137 **A. D. Karnyshev.** Ethno-psychological problems of interrelation of patriotism and interethnic consent in a polycultural society
- 143 **O. A. Karnysheva.** Ethnically mixed (multinational) and unmixed (mono-ethnic) families as a factor of interethnic harmony and patriotism
- 148 **V. E. Klochko, O. M. Krasnoryadtseva, N. V. Khvan.** Individual psychological characteristics of two types of chronotopical organization of human lifeworld
- 155 **E. V. Krivtsova.** Tolerance of the individual in modern sociocultural conditions
- 160 **G. N. Kriger.** Special features of the "social self" of the Chuvash and Teleut adolescents living on the territory of Kemerovo region
- 164 **I. M. Kyshtymova.** Features of Buryats' perception of socially relevant texts: tempo-rhythm as a semantic marker
- 167 **I. O. Loginova, Yu. V. Zhivaeva.** Socio-cultural features of students' identity in small towns and metropolis

- 173 **Лукьянов О. В., Шушаникова А. А.** Феномен психологической капитуляции в психологическом сопровождении проблем с адаптацией и самоидентичностью
- 179 **Маслова О. В., Буй Дык Т.** Изменение ценностных ориентаций вьетнамских студентов в России: результаты эмпирического исследования
- 185 **Мирошниченко Е. В.** Экспериментальное обоснование модели культуры межнационального общения педагогов современного образования
- 189 **Неяскина Ю. Ю., Бурова О. Е.** Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в условиях города при разных уровнях городской идентичности у вузовской молодежи
- 197 **Петров В. Г., Злыгостева К. В.** Представления о счастье у студентов
- 202 **Подлиняев О. Л.** Ониомания в среде студенческой молодежи как социальная проблема
- 206 **Помуран Н. Н.** Межкультурная компетентность русских старообрядцев
- 211 **Разорина Д. Н.** Проблема структуры и динамики идентичности в современной зарубежной социальной психологии
- 218 **Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Намсараев С. Д.** Этноконфессиональные ценности студентов как фактор их социализации
- 223 **Сапожникова Е. Е.** Представления о семейных ценностях и ролевых установках русских и корейских студентов ДВФУ
- 232 **Свиридова А. Н., Басалаева Н. В., Казакова Т. В., Захарова Т. В.** Возможности изотерапии в работе с подростками, находящимися в социально опасном положении
- 238 **Серый А. В., Вечканова Е. М.** Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности
- 248 **Скорова Л. В., Герасимчук Т. А.** К вопросу о психологической дистанции в разнотипных семьях
- 251 **Фризен М. А.** Представления о собственном развитии личности как основа его проектирования: из опыта эмпирического исследования
- 259 **Шахова И. С.** Гражданские установки личности: проблема диагностики
- 262 **Яницкий М. С., Браун О. А.** Этнокультурная специфика ценностной иерархии педагогов как агентов социализации
- 268 Правила для авторов журнала
- 270 Подписка на «Вестник КемГУ»
- 173 **O. V. Lukyanov, A. A. Shushanikova.** The phenomenon of psychological capitulation in the process of psychological support in case of problems with adaptation and self-identity
- 179 **O. V. Maslova, Duc Tuan Bui.** Change of the value system of Vietnamese students in Russia: results of an empirical study
- 185 **E. V. Miroshnichenko.** The validation of the model of interethnic communication culture of modern teachers
- 189 **Yu. Yu. Neyaskina, O. Ye. Burova.** Subjective assessment of basic values implementation in urban conditions at different levels of urban identity among college students
- 197 **V. G. Petrov, K. V. Zlygosteva.** Students' visions of happiness
- 202 **O. L. Podlinyaev.** Oniomania in the student environment as a social problem
- 206 **N. N. Pomuran.** Intercultural competence of Russian Old-believers
- 211 **D. N. Razorina.** The problem of the structure and dynamics of identity in modern foreign social psychology
- 218 **R. D. Sanzhaeva, A. R. Monsonova, S. D. Namsaraev.** Ethnic and confessional values of students as a factor of their socialization
- 223 **E. E. Sapozhnikova.** Ideas about family values and role sets of Russian and Korean students of Far-Eastern Federal University
- 232 **A. N. Sviridova, N. V. Basalaeva, T. V. Kazakova, T. V. Zakharova.** The possibility of isothetapy in working with adolescents in social risk
- 238 **A. V. Seryy, E. M. Vechkanova.** Temporal aspects of the actualization of the semantic facets of subjective images in the experience of identity crisis during adolescence
- 248 **L. V. Skorova, T. A. Gerasimchuk.** To the question of psychological distance in different families
- 251 **M. A. Frizen.** Personality self-development notion as the basis of its projecting: from the experience of empirical research
- 259 **I. S. Shakhova.** Civil sets of the person: the problem of diagnostics
- 262 **M. S. Yanitskiy, O. A. Braun.** Ethnic and cultural specifics of valuable hierarchy of teachers as agents of socialization
- 268 Information and instructions for authors
- 270 Subscribe to Bulletin of KemSU

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Изменения, происходящие сегодня в постмодернистском обществе, затрагивают, в первую очередь, базовые условия социализации личности: так, все более отчетливо уменьшается значение ее традиционных институтов и агентов, и одновременно все возрастающее влияние приобретают средства массовой коммуникации, новые субкультуры и неформальные, в том числе виртуальные, объединения. Смена контекста социализации личности в условиях массовизации культуры, глобализации и мультикультурализма, связанных с определенной утратой национальной самобытности, неизбежно приводит к нарушению культурной трансмиссии, механизмов трансгенерационной передачи ценностей, что проявляется в трансформации ценностной структуры массового сознания, дезорганизации системы ценностей нового поколения, состоянии аномии, и, в итоге, представляет угрозу сохранению национальных культур.

Все эти проблемы являются вызовами нынешнему, постнеклассическому этапу развития научного знания. Поиску решения названных проблем и была посвящена Всероссийская научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы социализации личности в поликультурном обществе»**, которая состоялась в Кемеровском государственном университете 27 – 29 мая 2015 года.

Названная конференция была приурочена к 20-летию юбилею социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета, который благодаря многолетнему плодотворному сотрудничеству с коллегами из Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, а также Томского, Иркутского, Бурятского, Камчатского и Дальневосточного федерального университетов, стал крупным научно-исследовательским центром в области социальной, этнической и кросс-культурной психологии.

Организаторами конференции выступили Кемеровский государственный университет, кафедра социальной психологии и психосоциальных технологий социально-психологического факультета, а также Департамент образования и науки Кемеровской области. Председатель оргкомитета конференции – М. С. Яницкий, д-р психол. наук, профессор, декан социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета; сопредседатель – А. В. Серый, д-р психол. наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета; ответственный секретарь – О. А. Браун, канд. психол. наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета.

Членами организационного и программного комитета конференции являлись д-р психол. наук, профессор Л. Н. Антилогова (г. Омск); д-р психол. наук, профессор Е. П. Белинская (г. Москва); д-р психол. наук, доцент А. А. Бучек (г. Белгород); д-р ист. наук, профессор В. А. Волчек (г. Кемерово); д-р полит. наук, профессор А. А. Зеленин (г. Кемерово); канд. психол. наук, доцент Р. В. Кадыров (г. Владивосток); канд. психол. наук, доцент В. А. Калита (г. Владивосток); д-р психол. наук, профессор А. Д. Карнышев (г. Иркутск); д-р психол. наук, профессор В. Е. Ключко (г. Томск); д-р психол. наук, профессор О. М. Красноярцева (г. Томск); д-р психол. наук, профессор И. О. Логинова (г. Красноярск); канд. ист. наук, доцент В. В. Поддубиков (г. Кемерово), канд. социол. наук, доцент И. Ю. Рассохина (г. Кемерово); канд. полит. наук С. А. Пфетцер (г. Кемерово); д-р психол. наук, профессор Р. Д. Санжаева (г. Улан-Удэ).

Общей целью конференции было обсуждение и поиск путей решения актуальных научно-практических проблем социализации личности, критериев, методов исследования, стратегий адаптации, инкультурации и ресоциализации в современных условиях поликультурного общества.

Основными направлениями работы конференции являлись: теоретические и методологические аспекты современного состояния проблемы социализации личности; социокультурный контекст развития личности; институциональные факторы и условия социализации личности; этнокультурные, этноконфессиональные, социально-экономические, социально-политические и экологические факторы социализации; поликультурная среда как условие актуализации личностных ресурсов; идентификационные процессы в поликультурном обществе; психологическое, социальное и психолого-педагогическое сопровождение людей, переживающих кризис социальной идентичности; проблемы межкультурной коммуникации, профилактика этнических конфликтов и интолерантности; проблемы формирования гражданской идентичности в поликультурном обществе.

В конференции приняли участие психологи, педагоги, культурологи, социологи, политологи: как авторитетные в России и за рубежом ученые, так и аспиранты и магистранты вузов и научных организаций из различных регионов России – от Камчатского края до Белгородской области.

Всероссийская научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы социализации личности в поликультурном обществе»** предоставила возможности для творческого и научного сотрудничества ведущих специалистов в данной области, разработки совместных научно-практических проектов, формирования общественного мнения по заявленной проблеме.

По результатам конференции были подготовлены научные статьи по психологии и ряду смежных научных дисциплин, которые и вошли в настоящий номер «Вестника Кемеровского государственного университета». Оргкомитет выражает благодарность всем участникам конференции за представленные публикации и выражает надежду на дальнейшее продолжение сотрудничества.

М. С. Яницкий

доктор психологических наук, профессор, декан социально-психологического факультета Кемеровского государственного университета, председатель оргкомитета конференции «Актуальные проблемы социализации личности в поликультурном обществе».

ПЕДАГОГИКА

УДК 371

ОТНОШЕНИЕ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И СТУДЕНТОВ
К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

А. Ю. Качимская

THE ATTITUDE OF SENIOR SCHOOLCHILDREN AND STUDENTS
TO REPRESENTATIVES OF DIFFERENT NATIONALITIES

A. Yu. Kachimskaya

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 15-06-10673 «Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи азиатской России».

В статье анализируются результаты изучения отношения обучающихся общеобразовательной и высшей школы к представителям разных национальностей, рассматриваются детерминанты отрицательных выборов и описываются условия формирования межкультурной компетентности обучающихся. Анализируются идентичские данные, свидетельствующие о наличии отрицательного отношения школьников и студенческой молодежи к представителям некоторых национальностей, в частности, кавказцам, китайцам, что для Восточно-сибирского региона является определенным этническим стереотипом. Обосновывается полезность специальных образовательных курсов по целенаправленному формированию у обучающихся межкультурной компетентности.

The paper analyzes the results of studying the attitude of secondary and higher school students to representatives of different nationalities. The determinants of adverse choices are considered and the conditions of students' intercultural competence formation are described. The author analyzes the empirical evidence of students' negative attitude to the representatives of some nationalities, particularly Caucasians and the Chinese, which is a specific ethnic stereotype for the East Siberian region. The study proves the usefulness of special educational courses focused on the formation of students' intercultural competence.

Ключевые слова: этническая идентичность, этнокультурная компетентность, межкультурная компетентность, поликультурная образовательная среда.

Keywords: ethnic identity, ethnic and cultural competence, intercultural competence, multicultural educational environment.

Межнациональные отношения являются производными от собственной национальной и гражданской идентичности человека. Современное образование на любом своем этапе создает условия для формирования и развития таких отношений. Это обусловлено рядом факторов, среди которых доминирует многонациональность образовательной ситуации как в общеобразовательной, так и в высшей школе.

Отношение людей к представителям разных национальностей понимается К. А. Казарян как особое психологическое образование, которое определяет готовность человека к установлению с представителями других национальностей межличностных контактов и базируется на комплексе обобщенных знаний об их личностных и поведенческих особенностях.

Образовательное пространство школы является поликультурной средой, что в значительной степени изменяет межличностное взаимодействие как в диаде «ученик – ученик», так и в диаде «учитель – ученик». Современная школа получает новый социальный заказ – подготовку российского гражданина, уважающего представителей других этносов и умеющего с ними конструктивно взаимодействовать [1, с. 22].

В федеральных государственных образовательных стандартах особое место уделено формированию

гражданской идентичности как «специфической форме самоопределения» [3, с. 37]. Рассмотрим определение гражданской идентичности, предложенное группой разработчиков стандартов второго поколения под руководством А. Г. Асмолова. Гражданская идентичность понимается как осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе. «Гражданская идентичность не тождественна гражданству, а имеет личностный смысл, определяющий целостное отношение к социальному и природному миру» [3, с. 37]. К похожему содержанию склоняется и группа авторов под руководством В. Н. Гурова, определяя это как этническую идентичность. Этническая идентичность – это «отождествление себя со своим народом, его культурой» [2, с. 54].

В Государственном документе «Проект концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации» вполне определенно обозначены цели развития поликультурного образования в России. Так, в частности, цели развития поликультурного образования неотделимы от общей генеральной стратегии модернизации российского образования, опирающейся на принцип сбалансированности социальных, этнокультурных и национальных интересов гра-

ждан. Здесь же цели поликультурного образования определяются как «...формирование всесторонне и гармонически развитой личности, способной к творческому саморазвитию и осуществляющей этнокультурное и гражданское самоопределение на основе национальной традиции, ценностей российской и мировой культуры; воспроизводство и развитие национальных культур и родных языков народов России; формирование российской гражданской идентичности; создание условий для сохранения и развития комплементарного сотрудничества всех этнокультурных групп; эффективная подготовка выпускников школы и вуза к жизни в условиях федеративного государства и современной цивилизации; развитие образовательного и профессионального потенциала России».

Таким образом, в генеральном образовательном документе декларируется поликультурная направленность современного образования. М. В. Бережицкая [7], проводя исследования в Таганрогском государственном педагогическом институте им. А. П. Чехова, отмечает, что частью поликультурного образования является этнокультурная компетентность учащихся. Именно этот аспект современного поликультурного образования призван формировать у обучающихся современный педагог. И начинать это нужно с начального этапа обучения.

Базовыми направлениями формирования этнокультурной компетентности студентов и школьников являются:

- 1) развитие у них принятия и понимания других народов, признания ценности этнокультурного многообразия;
- 2) воспитание их в духе мира, гуманного межэтнического общения, развитие толерантных качеств личности;
- 3) приобретение ими знаний, представлений об истории, географии, культуре, обычаях, получение студентами и учащимися знаний о традициях, образе жизни, ценностях разных народов;
- 4) формирование у студентов и школьников осознания и признания приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми и групповыми, понимания необходимости гармонизации общечеловеческих и национальных интересов, а также поиск общих культурных элементов, интересов, потребностей;
- 5) развитие у студентов и школьников конструктивных коммуникативных умений и поведенческих моделей во взаимодействии с представителями других этносов и национальностей.

В психолого-педагогических исследованиях понятие «межкультурная компетентность» рассматривается как знание жизненных привычек, нравов, обычаев, установок данного социума, формирующих индивидуальные и групповые установки; индивидуальных мотиваций, форм поведения, невербальных компонентов, национально-культурных традиций, системы ценностей [4].

Формирование межкультурной компетентности связано с воспитанием этнической толерантности, так как именно она является механизмом достижения межэтнического взаимопонимания и взаимодействия.

Этническая толерантность, основанная на признании и принятии этнокультурного разнообразия, дает возможность учащимся школы понять другие народы, сформировать начальный этнический опыт и знания.

Наше исследование проведено в рамках базовой кафедры «Практическая психология в образовании». Мы изучили отношение учащихся девятых и одиннадцатых классов МБОУ Гимназия № 25 г. Иркутска к представителям других национальностей. В предлагаемой респондентам анонимной анкете им необходимо было выбрать представителя одной из национальностей (если бы человек приехал по обмену): американца, украинца, немца, француза, японца, китайца, англичанина, кавказца или «любой национальности», – как родственника, друга, соседа, коллегу и т. д. Весь полученный нами эмпирический материал представлен далее в таблицах.

В опросе приняли участие 111 учащихся девятых классов. Как видно из таблицы 1, девятиклассники активно положительно выбирают представителей любой национальности, а на втором месте по частоте положительных выборов находятся украинцы.

Необходимо отметить, что чаще всего их выбирают как «родственников» и как «граждан своей страны». Достаточно высок положительный выбор по всем предлагаемым категориям англичан. Чаще всего девятиклассники выбирают их как родственников (28 %), друзей (24 %), соседей (25 %), коллег (53 %) и как туриста (59 %).

Информативным, на наш взгляд, является высокий процент – 31 % – отрицательных выборов кавказцев. Для нашего региона это, безусловно, является определенным этническим стереотипом. На втором месте по отрицательному восприятию находятся американцы – 21 %.

В качестве условий, на основании которых девятиклассники приняли бы представителей других национальностей, они отмечают: отсутствие агрессии; уважение; легальное проживание; ненавязывание порядков своей страны (культуры, религии); «будут учиться в нашей школе» (по обмену).

В таблице 2 представлены данные, полученные в ходе опроса 69 учащихся одиннадцатых классов. Анализ табличных данных позволяет говорить о сохранении тенденции школьников совершать положительные выборы относительно представителей украинской национальности и «любой» национальности. Вместе с тем добавляются в рейтинг приоритетных англичане, которых 32,5 % старшеклассников приняли бы как родственника и близкого друга, затем французы (28,5 %) и немцы (22,5 %). Это, вероятно, может быть аргументировано спецификой образовательного учреждения – Гимназия № 25 г. Иркутска является лингвистическим общеобразовательным учреждением и базой ИГЛУ.

Кроме того, в ответах учащихся одиннадцатых классов обозначены следующие условия, на которых они готовы принять представителей других национальностей. К таким условиям относятся: хорошее воспитание и ненавязывание своей культуры.

**Результаты изучения отношения гимназистов девярых классов
к представителям других национальностей, %**

<i>Приняли бы как ...</i>	<i>Человека с национальностью ...</i>								
	<i>любой</i>	<i>амери- канца</i>	<i>укра- инца</i>	<i>немца</i>	<i>фран- цуза</i>	<i>японца</i>	<i>ки- тайца</i>	<i>англи- чанина</i>	<i>кавказ- ца</i>
Как родственника	31	18	31	15	18	15	6	28	13
Как близкого друга	45	15	19	14	18	15	8	24	10
Как соседа	49	14	17	20	15	11	12	25	7
Как коллегу	53	16	10	15	15	16	8	22	5
Как гражданина своей страны	40	6	32	15	14	9	7	21	11
Как гостя (туриста)	59	15	7	11	16	9	14	7	6
Только по необходимости	43	10	8	9	10	12	8	8	12
Не принял бы ни в коем случае	0,9	21	12	5	2	7	10	2	31
С некоторыми условиями	15	8	4	7	6	7	12	5	15

Таблица 2

**Результаты изучения отношения гимназистов одиннадцатых классов
к представителям других национальностей, %**

<i>Приняли бы как ...</i>	<i>Человека с национальностью ...</i>								
	<i>любой</i>	<i>амери- канца</i>	<i>укра- инца</i>	<i>немца</i>	<i>фран- цуза</i>	<i>японца</i>	<i>ки- тайца</i>	<i>англи- чанина</i>	<i>кав- казца</i>
Как родственника	14	20,5	39	20,5	28,5	8	4	32,5	4
Как близкого друга	30,5	30,5	24,5	22,5	24,5	18	12	32,5	4
Как соседа	45	14	12	16	18	20,5	8	18	6
Как коллегу	41	20,5	8	18	14	18	10	24,5	6
Как гражданина своей страны	30,5	12	30,5	20,5	10	14	10	18	8
Как гостя (туриста)	53	36,5	14	12	26,5	16	8	20,5	8
Только по необходимости	36,5	24,5	16	18	16	22,5	14	10	18
Не принял бы ни в коем случае	10	10	8	8	4	2	22,5	4	43
С некоторыми условиями	24,5	8	8	10	8	2	16	6	10

Сохраняется отрицательное отношение к представителям кавказских национальностей, как один из стереотипов восприятия нашего региона. Однако если в ответах девятиклассников на втором месте по значимости в отрицательных выборах располагаются американцы, то у выпускников это китайцы. Такие данные могут быть объяснены негативным личным опытом школьников при взаимодействии с представителями этих национальностей в г. Иркутске. Это взаимодействие преимущественно осуществляется в ситуации «купли-продажи», что не способствует адекватному восприятию людей как носителей своей культуры и представителей своей страны.

Обобщая полученный эмпирический материал, следует заключить, что у опрошенных нами школьников в достаточной мере сформировано понимание межкультурных этнических различий. Они осознают значение гражданской идентичности и следующую из нее терпимость к представителям других культур. Вместе с тем для школьников будут полезными специальные образовательные курсы по целенаправленному формированию у них межкультурной компетентности.

С этой целью в течение полугодия сотрудники базовой кафедры «Практическая психология в образовании» проводили занятия для старшеклассников по

программе «Психология межкультурной компетентности». Занятия реализовывались как в лекционной, теоретической форме, так и в виде практических, развивающих мероприятий. Следует отметить высокий уровень интереса, в первую очередь у девятиклассников, к содержанию занятий.

Не только общеобразовательная, но и высшая школа сегодня представляет собой поликультурную среду и поэтому задачей вуза становится подготовка личности, гражданина принадлежащего, с одной стороны, к определенному этносоциуму, культуре, исторической эпохе, с другой – гражданина России, мира.

Понятие этнической идентичности пересекается с понятием этнокультурной компетентности.

В. Н. Гуров определяет этнокультурную компетентность «как совокупности знаний о той или иной этнической общности и ее культуре» [2, с. 24].

Т. В. Поштарева: «Этнокультурная компетентность – это свойство личности, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о той или иной этнической культуре, реализующейся через умения, навыки и модели поведения, способствующие эффективному межкультурному взаимопониманию и взаимодействию» [6, с. 35].

Поэтому обладать этнокультурной компетентностью – значит признавать равенство различных культур, обладать глубокими знаниями об этнических общностях и их культуре, осознавать их различия. При этом хотелось бы отметить, что знания не рассматриваются, как некая сумма обладания информацией о той или иной этнической общности, а как деятельностные основания, реализуемые для достижения эффективного межкультурного взаимопонимания и взаимодействия.

Этнокультурная компетентность предполагает понимание происхождения источников и последствий нетерпимого отношения к другим. Важно также знать причины межкультурных напряжений и конфликтов и пути их урегулирования. В этом случае этнокультурная компетентность помогает достичь взаимного уважения, понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения, присущих этническим группам и их представителям без применения давления, преимущественно при помощи компромиссного и приемлемого для всех решения [2].

Рассмотрение этнокультурной компетентности приводит нас к необходимости раскрытия понятия межкультурной компетентности. В психолого-педагогических исследованиях понятие «межкультурная компетентность» определяется как знание жизненных привычек, нравов, обычаев, установок данного социума, формирующих индивидуальные и групповые установки; индивидуальных мотиваций, форм поведения, невербальных компонентов, национально-культурных традиций, системы ценностей [4].

Р. А. Кутбиддинова в своей диссертационной работе отмечает, что большинство научных исследований по формированию межкультурной толерантности, выполненных до настоящего времени, было сосредоточено на работе с детьми дошкольного, младшего школьного возраста и подростками. Старшим возрастам, в частности, студенческому возрасту, уделялось значительно меньше внимания. Только отдельные ра-

боты касались формирования межкультурной толерантности и коммуникативной компетентности у будущих студентов-психологов, практически отсутствуют исследования, которые относятся к формированию соответствующих социально-психологических характеристик у психологов, которым предстоит практическая работа с населением в полиэтнических регионах.

Теперь рассмотрим эмпирический материал, полученный в процессе изучения отношения к представителям других национальностей студенческой молодежи.

В своем исследовании мы изучили отношение студентов-психологов 1 – 3 курсов ФГБОУ ВПО «ИГУ» к представителям других национальностей. В предлагаемой респондентам анонимной анкете им необходимо было выбрать представителя одной из национальностей (если бы человек приехал по обмену): американца, украинца, немца, француза, японца, китайца, англичанина, кавказца или «любой национальности», – как родственника, друга, соседа, коллегу и т. д. Весь полученный нами эмпирический материал представлен в таблицах.

Опрос 58 студентов-первокурсников выявил следующее (таблица 3).

У студентов первого курса преобладает положительное отношение к представителям «любой» национальности и украинцам, которых готовы принять как родственников и граждан своей страны 30,5 % респондентов. Вместе с тем получены высокие показатели по отношению к французам (39 %) и англичанам (44,5 %). Условия, на которых первокурсники готовы принять представителей других национальностей: порядок; бережное отношение к природе; уважительное отношение к жителям России.

Из таблицы видно, что положительное отношение к представителям «любой» национальности у первокурсников неоднородно. Так, в частности, доминирует отношение как к гостю, т. е. туристу – 55,5 %, и как к коллеге – 53 %.

Негативное отношение демонстрируется к кавказцам – 44,5 % студентов первого курса указывают, что не приняли бы их ни в коем случае. На наш взгляд, это связано с определенными стереотипами восприятия данных этносов.

У 47 опрошенных студентов второго курса (таблица 4) сохраняется положительное отношение к украинцам – они готовы принять их как родственников – 40 % и как граждан своей страны – 33 %. Однако в сравнении со студентами-первокурсниками, в выборке студентов второго курса не преобладает отчетливо позитивное отношение к представителям какой-либо другой национальности.

В качестве условий, соблюдение которых обязательно для того, чтобы представителя другой национальности приняли бы «по обмену», студенты-второкурсники указывают только одно – отсутствие агрессии. Из таблицы 4 видно, что так же, как и у предыдущей группы респондентов, представители кавказских народов вызывают отрицательное отношение. Так, в частности, 36,5 % второкурсников не приняли бы их ни в коем случае.

Таблица 3

Результаты изучения отношения первокурсников к представителям других национальностей, %

Приняли бы как ...	Человека с национальностью ...								
	любой	американца	украинца	немца	француза	японца	китайца	англичанина	кавказца
Как родственника	25	14	30,5	16,5	25	5,5	5,5	22	0
Как близкого друга	28	25	25	19,5	30,5	11	8	44,5	5,5
Как соседа	36	28	22	16,5	39	30,5	11	28	3
Как коллегу	53	11	19,5	22	22	16,5	8	19,5	0
Как гражданина своей страны	36	19,5	30,5	5,5	16,5	8	8	14	8
Как гостя (туриста)	55,5	25	16,5	16,5	25	14	11	25	3
Только по необходимости	36	11	3	5,5	5,5	3	11	5,5	11
Не принял бы ни в коем случае	5,5	11	5,5	16,5	3	8	16,5	3	44,5
С некоторыми условиями	16,5	11	5,5	11	5,5	5,5	11	3	14

Таблица 4

Результаты изучения отношения второкурсников к представителям других национальностей, %

Приняли бы как ...	Человека с национальностью ...								
	любой	американца	украинца	немца	француза	японца	китайца	англичанина	кавказца
Как родственника	40	26,5	40	20	30	16,5	10	23	10
Как близкого друга	43	23	13	10	13	16,5	13	20	6,5
Как соседа	60	6,5	20	3	13	10	3	10	3
Как коллегу	53	20	10	10	16,5	10	10	10	0
Как гражданина своей страны	36,5	13	33	6,5	20	10	10	16,5	6,5
Как гостя (туриста)	60	16,5	6,5	13	16,5	20	13	16,5	0
Только по необходимости	23	16,5	6,5	20	16,5	13	16,5	10	20
Не принял бы ни в коем случае	3	6,5	3	16,5	3	10	16,5	6,5	36,5
С некоторыми условиями	13	6,5	10	0	3	0	3	3	6,5

Результаты анкетирования студентов третьего курса представлены в таблице 5.

В этой выборке респондентов получены результаты, количественно близкие к данным предыдущих групп студентов-психологов. Вместе с тем есть различия по негативному отношению, в частности, к

кавказцам. Третьекурсники наиболее терпимы по отношению к представителям данной национальности в сравнении со всеми прочими группами респондентов (таблица 5).

Результаты изучения отношения третьекурсников к представителям других национальностей, %

Приняли бы как ...	Человека с национальностью ...								
	любой	американца	украинца	немца	француза	японца	китайца	англичанина	кавказца
Как родственника	20	6,5	33	13	13	6,5	0	6,5	13
Как близкого друга	26,5	13	33	20	26,5	0	6,5	26,5	6,5
Как соседа	40	20	33	13	20	13	13	20	6,5
Как коллегу	46,5	6,5	20	0	6,5	6,5	0	6,5	6,5
Как гражданина своей страны	33	13	33	6,5	13	13	13	26,5	13
Как гостя (туриста)	60	20	6,5	6,5	13	6,5	0	20	0
Только по необходимости	60	13	6,5	6,5	0	13	6,5	0	13
Не принял бы ни в коем случае	0	0	6,5	13	13	0	13	6,5	20
С условиями	13	13	0	0	6,5	6,5	0	0	0

Обобщая полученный эмпирический материал, следует заключить, что у опрошенных нами студентов сформировано понимание межкультурных этнических различий. Они осознают значение гражданской идентичности и следующую из нее терпимость к представителям других культур. Сравнивая ответы студентов с ответами старшеклассников, следует обратить внимание на некоторые положительные изменения в отношении к китайцам. Так, в частности, если в

ответах школьников китайцы занимают второе место в категории «не принял бы ни в коем случае», то студенты относятся корректнее. На наш взгляд, во многом это следует объяснять теми социально-экономическими событиями, которые разворачиваются на протяжении последнего года (эскалация международного конфликта, ужесточение санкций по отношению к нашей стране со стороны европейских государств и проч.).

Литература

1. Васильева А. А. Поликультурное образование в контексте мирового опыта: аккультурационный и диалоговый подходы // Проблемы и перспективы развития образования в России: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2011. 349 с.
2. Гуров В. Н., Вульф В. З., Галяпина В. Н., Поштарева Т. В., Романенко Т. П., Степанов С. В., Шабалдас А. Е., Шаповалов В. А. Формирование толерантной личности в полиэтнической образовательной среде: учебное пособие. М.: Педагогическое общество России, 2004. 240 с.
3. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. От действия к мысли: пособие для учителя / под ред. А. Г. Асмолова. 3-е изд. М.: Просвещение, 2011. 152 с.
4. Карнышев А. Д., Винокуров М. А., Трофимова Е. Л. Межэтническое взаимодействие и межкультурная компетентность. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. 323 с.
5. Морозов И. А. Этнокультурная компетентность и стандарты общего образования второго поколения // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы Междунар. заоч. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2011 г.) / под общ. ред. Г. Д. Ахмедовой. Уфа: Лето, 2011. С. 49 – 52.
6. Поштарева Т. В. Формирование этнокультурной компетентности // Педагогика. 2005. № 3. С. 35 – 42.
7. Поштарева Т. В. Этнокультурная компетентность как социально-педагогическое явление // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: материалы Междун. научн. конф. / отв. ред. В. В. Гриценко. Смоленск: Универсум, 2008. Т. 2. С. 95 – 104.

Информация об авторе:

Качимская Анна Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент Иркутского государственного университета, max115221@list.ru.

Anna Yu. Kachimskaya – Candidate of Psychology, Assistant Professor at Irkutsk State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

**ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК УСЛОВИЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ
СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА НА ЭТАПЕ АДАПТАЦИИ К ОБУЧЕНИЮ***О. А. Молокова***POLYCULTURAL ENVIRONMENT AS THE CONDITION OF ACTUALIZATION OF FIRST-YEAR STUDENTS' PERSONAL RESOURCES AT THE STAGE OF ADAPTATION TO STUDYING***O. A. Molokova*

В статье рассматриваются особенности поликультурной среды, в которой происходит адаптация студентов первого курса лингвистического вуза. Приводятся результаты собственного исследования межнациональных отношений, проводимого в течение четырех лет, оценки студентами контактов с представителями других национальностей, подходов к определению понятия «толерантность». Определяется значение личностно-центрированного подхода к сопровождению студентов на этапе адаптации к обучению в вузе, позволяющего актуализировать способность к успешному общению. Поликультурная среда при этом выступает условием развития отношения к себе и другим людям, имеющим с нами различия. Для повышения эффективности адаптации использовалась групповая фасилитация, осуществляемая в группах встречи. Сопровождение студентов, основанное на личностно-центрированном подходе, позволяет развивать ценностное отношение к себе и к другим людям, что способствует адаптации в поликультурной среде вуза и города.

The features of the polycultural environment in which the adaptation of first-year students of the institute of higher education occurs are considered in this paper. The results of an own research about interethnic relations, students' estimations of the contacts with representatives of other nationalities and approaches in definition of the concept «tolerance» are also cited. The author defines the significance of the person-centered approach to supporting students at the stage of adaptation to studying at any institute of higher education, which allows actualizing the ability to successful dialogue. At the same time the polycultural environment acts as a condition for developing the valuable attitude to oneself and to other people who are different from us.

Ключевые слова: адаптация студентов, поликультурная среда, аспекты адаптации, сопровождение студентов, личностно-центрированный подход, энкаунтер-группы, толерантность.

Keywords: students' adaptation, polycultural environment, aspects of adaptation, support of students, person-centered approach, encounter-groups, tolerance.

Адаптация студентов младших курсов к обучению в вузе во многом определяет не только успешность учебно-профессиональной деятельности, но и особенности развития и саморазвития личности. Поэтому данный процесс требует тщательно разработанной системы психолого-педагогического сопровождения. Сопровождение предусматривает пролонгированное присутствие в жизни человека, адаптирующегося к изменениям среды, осуществление комплекса мер, а не эпизодической помощи в затруднительной ситуации. Эти меры могут носить в том числе и превентивный характер, но, прежде всего, необходимо оценить потенциальные трудности. Поэтому, несмотря на универсальность и целостность процесса адаптации, целесообразно выделять аспекты, которые наиболее значимы для адаптации студентов к обучению в конкретном вузе, учитывая уже на этом этапе требования к тому, какие свойства профессиональной личности должны развиваться в процессе обучения.

В Евразийском лингвистическом институте (МГЛУ ЕАЛИ) в рамках работы лаборатории социально-психологических проблем образования осуществляется сопровождение студентов на этапе адаптации к обучению в вузе с позиций личностно-центрированного подхода. В результате исследований мы выделили в качестве наиболее значимых общеучебный, лингвистический (имеется в виду адаптация к изучению иностранного языка), психогигиенический

и социально-психологический аспекты адаптации. При этом критериями эффективности социально-психологической адаптации выступают не только удовлетворенность межличностными отношениями с преподавателями вуза и в студенческой группе, но и межнациональными отношениями в поликультурной среде лингвистического вуза. Нельзя не согласиться с мнением М. Г. Синяковой, что сегодня монокультурная образовательная среда – скорее гипотетическая конструкция, т. к. в условиях динамически развивающегося мира абсолютная монокультурность практически невозможна [10]. В современном мире важным показателем адаптивности личности становится многокультурность. Но она же является и составляющей ее профессионализма, что означает умение правильно понимать человеческие различия, быть толерантным к ним, утверждать личными делами и словами культурный плюрализм в обществе [4]. Для лингвистического вуза это имеет особую значимость, поэтому с 2010 г. мы стали выделять аспект адаптации в поликультурной среде вуза, учитывая его при сопровождении студентов.

Поликультурность среды обитания в регионе Восточной Сибири предопределяется исторической многонациональностью населения, созданной добровольным и вынужденным переселением, а также современными миграционными процессами. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Иркут-

ской области проживают представители 138 национальностей. При этом сложился этнографический тип сибиряка, который характеризуется такими чертами, как миролюбие, нравственность, трудолюбие, независимость характера, чувство собственного достоинства [7].

Разнообразие поликультурной среды лингвистического вуза, которое во многом отражает особенности региональной социокультурной среды, создается также иностранными студентами из Китая, Монголии, Японии, Германии, Франции, США, Бельгии, Испании, Швейцарии, Австралии, Мексики, Нидерландов, Кыргызстана, Таджикистана, Армении, Казахстана, Узбекистана и других стран, а также преподавателями – носителями языка. Если исходить из того, что «среда выступает... в смысле развития личности и ее специфически человеческих свойств в роли источника развития» [2, с. 395], поликультурная среда вуза предстает фактором, который нельзя не учитывать в свете эффективной адаптации в вузе и актуализации личностных ресурсов. Общение, происходящее в подобной многонациональной среде в ходе обучения и во внеучебное время, обогащает жизненный опыт студентов новыми фактами, меняя или уточняя не только восприятие человека другой культуры, но и представления о мире и взаимодействии в нем с другими людьми.

В формальном и неформальном окружении жителей региона всегда присутствуют представители разных национальностей. В мировоззрении первокурсника, начинающего обучение в лингвистическом вузе, уже имеется позитивное или негативное отношение к представителям различных наций и народов, а также стереотипы, суеверия и предрассудки, которые на деятельностно-поведенческом уровне реализуются в

желании или нежелании, умении или неумении с ними взаимодействовать. Приобретенное до обучения в вузе позитивное отношение к представителям других наций и народностей будет содействовать развитию способности к признанию культурного разнообразия мира и пониманию людей других культур, в то время как негативное – замедлять или препятствовать этому. Поэтому исследование адаптации в поликультурном пространстве позволяет прогнозировать не только эти особенности развития отношений (и разрабатывать специальные мероприятия в рамках психолого-педагогического сопровождения), но и ход формирования общекультурных и профессиональных компетенций обучающихся, сопряженных с общением.

Первой задачей при организации сопровождения выступает диагностика того или иного явления. При исследовании адаптации в поликультурной среде города и вуза нами используется метод анкетирования. Вопросы, на которые в условиях анонимности отвечают студенты первого курса, связаны с оценкой интереса к культуре других народов; ориентации на познание и принятие человека иной национальности, присутствия толерантности и потенциала ее развития. Кроме того, нас интересует наличие в жизненном опыте респондентов межнационального конфликтного взаимодействия. Отметим, что исследование охватывает относительно небольшое число респондентов и проводится для реализации сопровождения в конкретном вузе. Так, в исследованиях 2010 г. принимали участие 150 студентов различных специальностей и направлений подготовки лингвистического вуза; 2011 г. – 148; 2012 г. – 157 и 2013 г. – 121 студент. Некоторые общие оценки межнациональных взаимоотношений студентами первого курса представлены в таблице 1.

Таблица 1

Оценка межнациональных взаимоотношений (в % от числа опрошенных студентов первого курса)

<i>Показатели</i>	<i>2010 г.</i>	<i>2011 г.</i>	<i>2012 г.</i>	<i>2013 г.</i>
Считают, что существуют серьезные проблемы взаимоотношений людей разных национальностей	77	81	84	89
Считают, что таких проблем нет	16	16	13	9
Не захотели отвечать на этот вопрос	7	3	3	2
Сталкивались с неприязненным отношением к людям других национальностей	50	31	34	43
Испытывали национальное унижение	14	11	10	11
Сталкивались с хулиганскими действиями на межнациональной почве	29	30	36	34
Участвовали в конфликтах на межнациональной почве	11	5	6	10

Результаты показывают, что за четыре года исследования (отметим, что это не были годы острых противоречий в международных отношениях) не происходило уменьшение числа первокурсников, считающих, что существуют серьезные проблемы взаимоотношений людей разных национальностей. Это может свидетельствовать о том, что в межнациональных отношениях присутствует существенный потенциал противоречий, а потому данный аспект адаптации

нуждается во внимательном к нему отношении. Несмотря на то, что в большей мере оценка взаимоотношений между представителями разных наций и народов в нашем регионе позитивная, респондентами были отмечены случаи унижения по национальному признаку и участия студентов в межнациональных конфликтах. Это тот опыт, который появляется в том числе и в связи с переездом в чужой город (анкетирование в рамках сопровождения проводится в конце

октября – начале ноября текущего учебного года). Следовательно, адаптация происходит не только в поликультурной образовательной среде вуза, но и в целом в поликультурной городской среде. А это создает в большей мере ее сложности, так как в основном с негативными фактами межнациональных отношений студенты встречаются вне стен вуза.

Следует отметить тот факт, что представление о конфликтности межнациональных отношений присутствует у гораздо большего числа студентов, по сравнению с теми, кто непосредственно встречался с ее примерами. Таким образом, в данном случае мы в значительной мере сталкиваемся с действием устано-

вок и стереотипов, порождаемых недостатком информации и упрощением представлений об особенностях других народов или тревогой о собственной безопасности. Это осознается и самими респондентами, из которых более половины считают, что представления о других народах могут быть ошибочными и отталкивать их друг от друга, в то время как объединяют стремление к достижению общих целей и интерес к чужой культуре.

В исследовании нас интересовала оценка студентами первого курса контактов с представителями других национальностей, а также значения национальной принадлежности окружающих (таблица 2).

Таблица 2

Отношение к национальной принадлежности (в % от числа опрошенных студентов первого курса)

<i>Показатели</i>	<i>2010 г.</i>	<i>2011 г.</i>	<i>2012 г.</i>	<i>2013 г.</i>
Собственная национальная принадлежность важна/не важна	51/34	58/37	64/36	76/24
Никогда не задумывались о важности собственной национальной принадлежности	15	5	0	0
Национальная принадлежность друзей и знакомых важна/не важна	16/83	20/80	23/77	30/70
Имеют друзей – представителей другой национальности/не имеют	89/11	90/10	89/11	87/13
Не испытывают неприязни к представителям других национальностей/испытывают	61/21	58/21	52/24	42/38
Не могут ответить на этот вопрос	18	21	24	20
В ближайшем окружении студента относятся к представителям других национальностей хорошо	49	47	47	42
В ближайшем окружении студента относятся к представителям других национальностей нейтрально	48	49	47	51
В ближайшем окружении студента относятся к представителям других национальностей скорее плохо	3	4	6	7

По оценкам студентов, принимавших участие в исследовании, к представителям других национальностей в ближайшем их окружении, в основном, относятся хорошо или нейтрально. Если сравнивать эти результаты с теми, что были получены другими исследователями при анкетировании студентов в нашем регионе, то они в среднем (по опросу) совпадают [5, с. 11 – 20].

У большинства (от 87 до 90 %) опрошенных среди друзей есть представители другой национальности, а для 70 – 80 % респондентов не важна национальная принадлежность друзей и знакомых. 40 % студентов, принимавших участие в исследовании (это число практически не менялось за годы исследований) считают, что национальность при выборе мужа или жены не имеет никакого значения. Таким образом, значение для развития дружеских, приятельских – в большей мере, или потенциальных супружеских отношений – в меньшей мере, имеют личностные особенности человека, а в оценке межнациональных отношений определяются два плана – общий и частный, опирающийся на конкретные жизненные ситуации. Если в первом случае более важной оказывается идентичность человека как члена некой этносоциальной группы, то во втором – более значимы индивидуальные человеческие свойства и качества. Поэтому анализ ответов на эти вопросы затруднен тем, что они зачастую проти-

воречат друг другу, так как по-разному оцениваются тогда, когда в них преобладает обобщение или конкретизация рассматриваемого явления.

При рассмотрении вопросов, связанных с межнациональными отношениями, большое значение имеет интерес человека к другим народам, создающий возможность реализации образовательной (познавательной) функции в поликультурной среде. В этом случае развивается умение использовать творчески знания об уникальности своей национальной культуры и других культур для их понимания, а также для планирования и моделирования собственной жизнедеятельности [11]. Однако ежегодно около 10 % опрошенных студентов на начальном этапе обучения заявляют о том, что им неинтересны традиции и особенности других народов, за исключением стран изучаемых языков.

Необходимо отметить, что в исследованиях 2012/2013 учебного года впервые не было ответов о том, что респондент никогда не задумывался о значении своей национальной принадлежности. Анализа требует тот факт, что около трети студентов первого курса, принимавших участие в анкетировании, отвечают, что собственная национальная принадлежность для них не важна. В ходе дальнейшей работы в группах встречи было определено, что этим ответом студенты чаще стремятся подчеркнуть равноценность

для них различных наций и народов, не отрицая при этом собственную национальную идентичность.

Для успешной адаптации студентов-первокурсников в поликультурном пространстве вуза при организации сопровождения следует, на наш взгляд, предусмотреть следующее:

1) планировать мероприятия, связанные с формированием умений взаимодействия, в том числе и конфликтного. Это вытекает из того факта, что после психологической диагностики ежегодно более трети первокурсников рекомендуются тренинги развития коммуникативных навыков;

2) создавать ситуации межличностного общения с носителями другой национальной культуры. Информированность об особенностях других культур позволяет понять неоднородность мира, его многообразие, помогает проявлять независимость в своих суждениях. Она дает возможность проявлять гибкость мышления, изменять позиции и создавать предпосылки личностного выбора [8].

Особенностью студентов лингвистического вуза является то, что большинство из них поступает в вуз, движимое интересом к иностранным языкам, к иностранной культуре, а это подразумевает определенную толерантность в отношении чужой культуры и ее носителей. Обучение иностранному языку расширяет границы культурного опыта студента, формирует умение взаимодействовать с представителями других культур. Диалог культур, присутствующий в обучении иностранному языку, стимулирует становление не только интернационализма, но и национальной идентичности личности. Кроме того, само расширение общения в поликультурной среде вуза ведет к установлению личных отношений, осознанию особенностей той или иной народности, установлению взаимопонимания.

Для организации сопровождения представляет интерес выяснение отношения студентов к понятию «толерантность» (таблица 3).

Таблица 3

Оценка толерантности

Показатели	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Считают, что обладают терпимостью по отношению к людям другой национальности	64	58	59	48
Отметили, что их терпимость определяется ситуацией	26	25	31	44
Считают, что не обладают терпимостью/затрудняются ответить	10	17	10	6/2
Интересны передачи о международных отношениях, о традициях и обычаях других народов	11	18	45	56
Иногда интересны подобные передачи	37	39	45	37
Обучение в лингвистическом вузе повлияло на восприятие людей других национальностей, сделав более толерантным	21	22	35	37
Толерантность – это уважение к другим людям*	27	24	24	19
Толерантность – это умение понять других людей	26	28	25	29
Толерантность – это тактичность	15	14	12	9
Толерантность – это воспитанность	12	14	10	18

Примечание: *приведены наиболее часто встречающиеся в ответах определения толерантности.

Отметим, что в Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО это понятие определяется как «...уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности...» [3]. Исследование показывает, что около четверти респондентов под толерантностью понимают умение вести себя в соответствии с социальными правилами, соблюдая чувство меры и пристойность в отношениях, то есть в некоторой мере превозмогая или скрывая свое отрицательное отношение. Гуманизация же социальной и педагогической реальности – это ориентация на индивидуальность и уникальность человеческого образа, а не на социализирующую норму поведения [1], поэтому можно предположить, что личность другого человека при таком понимании толерантности не всегда представляет ценность. Это может стать препятствием в диалогическом общении, в том числе и в поликультурной среде, а потому нуждается в проведении психолого-педагогической работы.

Сопровождение обучающихся, организуемое с позиций личностно-центрированного подхода, который сегодня некоторыми исследователями рассматривается не как относительно узкий психологический подход в рамках гуманистической парадигмы, а как культурное течение, обладающее потенциалом изменения человеческой культуры [6, с. 69 – 77], определило для нас выбор методов профилактики и коррекции проблем адаптации у студентов младших курсов. В частности, это использование групповой фасилитации, направленной на изменения личности в сторону конгруэнтности, самораскрытия и личностной интеграции, осуществляемой в группах встречи (энкаунтер-группах). Сопровождение вхождения в высшее образование, базирующееся на позициях этого подхода, по нашему мнению, способствует приобретению опыта, позволяющего освободить резервы личностного и профессионального роста, необходимые для становления гуманистического мировоззрения личности [9], что создает возможности для эффективного общения людей, различающихся по своим внешним и

внутренним признакам. Уже на этапе адаптации к обучению в лингвистическом вузе происходят изменения в восприятии и отношении к представителям других национальностей, что отмечают некоторые из респондентов-первокурсников, принимавших участие в группах встречи, как и изменения, происходящие в самом себе.

В заключение следует отметить, что сопровождение студентов на этапе адаптации позволяет оценить существующие проблемы и прогнозировать их влияние на развитие образовательного пространства лин-

гвистического вуза, в котором поликультурность не является препятствием в общении, а создает возможность развивать и проявлять социально-психологическую компетентность в диалоге с представителями различных культур. При этом для взаимопонимания и общения недостаточно усвоения общепринятых социокультурных норм, необходимо развитие ценностного отношения к себе и другим людям, обладающим отличиями, что позволяет сопровождение студентов, основанное на личностно-центрированном подходе.

Литература

1. Бедерханова В. П., Бондарев П. Б. Гуманизация социальной и педагогической реальности: проблемы и опыт // Образование личности. 2012. № 2. С. 64 – 72.
2. Выготский Л. С. Основы педологии: Стенограммы лекций / Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
3. Декларация принципов толерантности: утв. Резолюцией S.16 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г. Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (дата обращения: 10.04.2015).
4. Дмитриев Г. Д. Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1999. 208 с.
5. Карнышев А. Д. Проблемы теории и практики межнациональных отношений (этнопсихологические аспекты) // Психолого-экономические и этнокультурные ресурсы улучшения межнациональных отношений в российских регионах: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. А. Д. Карнышев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 537 с.
6. Колпачников В. В. Человекоцентрированный подход к пониманию толерантности: напряженное терпение или безусловное позитивное уважение // Психолого-экономические и этнокультурные ресурсы улучшения межнациональных отношений в российских регионах: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. А. Д. Карнышев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 537 с.
7. Косогова А. С., Дьякова М. Б. Поликультурная среда в многонациональной школе как условие успешной адаптации выпускников // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 3.
8. Мириманова М. С. Толерантность как феномен индивидуальный и социальный: монография. М.: Прометей, 2004. 253 с.
9. Молокова О. А., Погодаева М. В. Подготовка студентов направления «Педагогическое образование» к сопровождению социализации обучающихся на разных ступенях образования // Преподаватель XXI века. 2014. № 3. С. 133 – 144.
10. Синякова М. Г. Педагог в поликультурной образовательной среде: субъектно-средовой подход: монография. М.: МГОУ, 2011. 170 с.
11. Фалунина Е. В. Приоритетные функции поликультурного образования России // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2011. № 3. С. 101 – 105.

Информация об авторе:

Молокова Ольга Александровна – кандидат биологических наук, доцент кафедры конфликтологии и безопасности жизнедеятельности Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета, г. Иркутск, Россия, omolokova@mail.ru.

Olga A. Molokova – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Conflict Resolution and Vital Activity Security, Eurasian Institute of Moscow State Linguistic University, Irkutsk.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 372.8: 2

УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ «ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР И СВЕТСКОЙ ЭТИКИ» КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

А. Р. Монсонова

THE SUBJECT «THE FUNDAMENTAL BASES OF RELIGIOUS CULTURE AND SECULAR ETHIC» AS A FACTOR OF SOCIALIZATION OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN

A. R. Monsonova

Статья посвящена анализу результатов экспериментального внедрения в 4 – 5 классах общеобразовательных школ России учебного предмета «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). Предметом исследования является локальный опыт работы учителей ОРКСЭ в Забайкальском крае, в котором находится Агинский Бурятский автономный округ, в котором проживает, в основном, коренное население – буряты. За его пределами, на территории края, преобладающим населением являются русские. За три столетия совместного проживания эти народы выработали модель этнокультурной и этноконфессиональной толерантности, сотрудничества и взаимного уважения. Цель работы – выявить те психологические проблемы, которые испытывают дети, их родители и учителя в процессе внедрения, изучения и преподавания этого сложнейшего и очень важного учебного предмета. Он необходим для духовно-нравственного воспитания детей, молодежи, чего недостает современному российскому обществу. Основной методологической основой являются комплексный, духовно-ценностный подходы. Результаты положительные и дают надежду, что духовные ценности, усвоенные детьми в этот сензитивный период, будут развиваться на последующих этапах онтогенеза.

The paper analyzes the results of the pilot implementation of the school subject “Basics of religious cultures and secular ethics” (BRCSE) in grades 4 – 5 of Russian schools. The subject of research is the local experience of BRCSE teachers in Trans-Baikal region housing the Agin-Buryat Autonomous District, which is home to mostly indigenous people – the Buryats. Outside the District, the population of the Region are predominantly Russians. During the three centuries of cohabitation, these nations have developed a model of ethno-cultural and ethnic and religious tolerance, community and mutual respect. The paper aims to identify the psychological problems experienced by children, their parents and teachers in the process of implementation, learning and teaching of this difficult and very important school subject. It is necessary for the spiritual and moral education of children and the youth, which modern Russian society lacks. The main methodological basis is the complex, spiritual-value approach. The results are positive and suggest hope that the spiritual values acquired by children in this sensitive period will grow at later stages of ontogeny.

Ключевые слова: эксперимент, школа, культура, религия, конфессия, этика, модуль.

Keywords: experiment, school, culture, religion, denomination, ethic, module.

В процессе социализации личности одним из ведущих его институтов является школа. Начало третьего тысячелетия знаменуется новыми вызовами как науке психологии, так и образовательной системе. Закономерным и знаменательным событием в обучении и воспитании личности стало внедрение после сложного экспериментального этапа в школы России учебного комплексного предмета «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) в 4-х классах. Младший школьный возраст – это наиболее благоприятный, сензитивный период для нравственного воспитания детей, что подтверждается в отечественной и зарубежной психологии.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 января 2012 г. № 84-р и приказами Минобрнауки России: от 31 января 2012 г. № 69 «О внесении изменений в федеральный компонент государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования, утвержденный приказом Министерства образования Российской Федерации от 5 марта 2014 г. № 1089»; от 1 февраля 2012 г. № 74 «О внесении изменений в федеральный базисный учебный план и примерные учебные планы для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования, ут-

вержденные приказом Министерства образования Российской Федерации от 9 марта 2014 г. № 1312» – во всех четвертых классах общеобразовательных учреждений, реализующих образовательные программы начального общего образования, преподается учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики», включающий 6 модулей:

1. «Основы буддийской культуры» (ОБК).
2. «Основы православной культуры» (ОПК).
3. «Основы мусульманской культуры» (ОМК).
4. «Основы иудейской культуры» (ОИК).
5. «Основы мировых религиозных культур» (ОМРК).
6. «Основы светской этики» (ОСЭ).

В Забайкальском крае ОРКСЭ изучается в 495 населенных пунктах (61,79 % от общего количества населенных пунктов Забайкальского края), в 566 школах, что составляет 99,1 % от общего количества общеобразовательных организаций в Забайкальском крае. Обучение проводится по учебникам федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования [1 – 4].

Сложной проблемой в экспериментальный период внедрения этого предмета было кадровое обеспечение, проблемы остаются, но основной преподаватель-

ский коллектив создан, проходит подготовку и резервный состав (таблица 1).

Таблица 1

**Сведения о подготовке педагогических кадров,
реализующих комплексный учебный курс ОРКСЭ в Забайкальском крае**

<i>Кол-во преподавателей, реализующих курс ОРКСЭ</i>	<i>Из них имеют высшее педагогическое образование</i>	<i>Общее количество учителей, прошедших очное повышение квалификации по курсу ОРКСЭ</i>				<i>ПК в заочной форме с использованием вебинаров (современных информационных технологий)</i>		<i>Не прошли ПК до начала учебного года</i>	<i>Необходимо повторное ПК</i>
		<i>по программам, разработанным на основе примерной (АПК и ППРО, ФИРО) 72 часа</i>	<i>по региональным программам по одному модулю</i>	<i>по программам свыше 72 часов</i>	<i>по программам менее 72 часов</i>	<i>по программам 72 часа и более</i>	<i>по программам менее 72 часов</i>		
739	387	114	74	0	0	0	0	0	112

Анализ кадрового состава преподавателей ОРКСЭ показал: учителя начальных классов – 28 %, учителя русского языка и литературы – 27 %, учителя мировой художественной культуры (МХК) – 17 %, истории – 9 %, химии и биологии – 3 %, библиотекари – 3 %, по

1 % – учителя информатики, географии, экологии, иностранного языка, психологи, воспитатели, логопеды, методисты.

Проведена работа по выбору изучаемых моделей на добровольной основе (таблица 2).

Таблица 2

**Сведения о предварительном выборе модулей ОРКСЭ на 2014 – 2015 учебный год
родителями (законными представителями) учащихся 3-х классов**

<i>Кол-во 3-х классов 13 – 14 уч. год</i>	<i>Общее кол-во обучающихся в 3-х классах</i>	<i>Количество обучающихся, выбравших модули:</i>					
		<i>основы мировых религиозных культур</i>	<i>основы светской этики</i>	<i>основы православной культуры</i>	<i>основы иудейской культуры</i>	<i>основы буддийской культуры</i>	<i>основы исламской культуры</i>
863	13926	4867	3300	4933	6	810	10

Преподавание ОРКСЭ в Агинском Бурятском автономном округе Забайкальского края связано с этнокультурной спецификой, это один из трех территориальных субъектов России, на которых проживают буряты. Основная часть проживает в Республике Бурятия, другая – в Иркутской области, в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе, это те, кто прошли христианизацию, и сейчас, в основном, проповедуют шаманизм. В Агинском округе, в основном, приверженцы буддизма, который пришел сюда в XVIII в. и вскоре был признан в России официальной религией [5].

В буддийской психологии принята формула происхождения личности из 12 стадий. Возраст от 6 до 8 лет относится к седьмой стадии и изображает на рисунке человека, в глаз которого попала стрела. Это символика, связанная с появлением у человека чувств приятного и неприятного и возможности их различе-

ния. Этот возраст также считается периодом действительного рождения человека, предыдущие годы – подготовка к этому событию [6].

В округе три района, каждый из которых имеет этноконфессиональную и социокультурную специфику: Агинский – находятся основной буддийский храм – Агинский дацан и центр округа поселок г. т. Агинское; Могойтуйский – находится старейший Цугольский дацан и ст. Могойтуй, через которую проходит первая железная дорога, сейчас соединяющая с Монголией и Китаем; Дульдургинский район – находится священная гора Алханай, одна из 33 буддийских святых вершин в мире, и крупный центр «Чита-энерго». Это повлияло на выбор изучаемых модулей ОРКСЭ.

Могойтуйский район, 18 школ, 26 четвертых классов, всего 408 учеников.

Выбрали: ОМРК – 13 классов (50 % уч-ся), из них все 10 классов из районного центра – п. Могойтуй; ОСЭ – 10 кл. (40 %), ОБК – 3 кл. (10 %).

Дульдургинский район, 12 школ. Выбрали: ОБК – 5 школ, ОПК – 4 школы, ОСЭ – 2 школы, ОМРК – 2 школы.

Агинский район, 19 школ. Выбрали: ОБК – 14 школ (сельские школы), ОМРК – 2, ОСЭ – 2, ОПК – 1 (НОСШ) – в основном поселковые школы и Орловского горнодобывающего комбината.

С целью оказать теоретическую и методическую помощь учителям по введению комплексного курса «Основы религиозных культур и светской этики» проводятся курсы, в рамках которых организована теоретическая и практическая работа по модулям. Также организуется взаимодействие с религиозными (православными, буддийскими и другими) организациями в сфере образования. Например, по православию продолжается работа по Соглашению между Комитетом общего, профессионального образования, науки и молодежной политики Читинской области и Читинской Забайкальской Епархией о совместной культурно-просветительской и научно-педагогической деятельности в Читинской области от 14.04.2003 г.

Проводятся традиционные Иннокентьевские чтения. При финансовой поддержке Читинской и Краснокаменской епархии и издательства «Палитра» реализован издательский проект «Азбука православной культуры» (в помощь учителю), автор проекта – О. Е. Надеяева, декан факультета гуманитарного образования ЗаБКИПКРО. Публикация статей учителей в газете «Православное Забайкалье».

Традиционные образовательные Рождественские чтения: «Традиционные ценности и современный

мир» (2012 г.), «Русь святая: история, современность, будущее» (2013 г.), «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси» (2014 г.).

Участие во Всероссийском конкурсе «За нравственный подвиг учителя». О. Е. Надеяева, декан факультета гуманитарного образования ЗаБКИПКРО, стала дипломантом второй степени на площадке Сибирского федерального округа за представленную работу по вопросам взаимодействия религиозных культур.

Совместно с ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» проведена Международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственное развитие и воспитание младших школьников: современные реалии и перспективы», в рамках которой обсуждались вопросы методологических и теоретических основ духовно-нравственного развития и воспитания младшего школьника.

Тот факт, что учащиеся одного класса и их родители смогут выбирать для изучения один из модулей курса «Основы религиозных культур и светской этики», не означает разделения школьников по конфессиональным и мировоззренческим основаниям. Модульное построение нового учебного курса реализует право граждан на свободный выбор и отражает особенность России как великой страны с богатыми и разнообразными духовными традициями.

Необходимо осуществление преемственности духовного воспитания в старших классах школы, в ссузах и вузах как, например, факультативный курс по теологии.

Литература

1. Беглов А. Л., Саплина Е. В., Токарева Е. С. Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы мировых религиозных культур. 4 – 5 класс. М.: Просвещение. 2014. 79 с.
2. Данилюк А. Я. Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы светской этики. 4 – 5 класс. М.: Просвещение. 2014. 63 с.
3. Кураев А. В. Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы православной культуры. 4 – 5 класс. М.: Просвещение. 2012. 95 с.
4. Чимитдоржиев В. Л. Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы буддийской культуры. 4 – 5 класс. М.: Просвещение. 2012. 79 с.
5. Монсонова А. Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор развития системы ценностных ориентаций молодежи (Байкальский регион). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. 126 с.
6. Монсонова А. Р., Санжаева Р. Д., Базарова Д. Р. Этнопсихология: учебное пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. 146 с.

Информация об авторе:

Монсонова Арюна Раднанимаевна – кандидат психол. наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии, заместитель декана по учебной работе социально-психологического факультета Бурятского государственного университета, monsonova@rambler.ru.

Aryuna R. Monsonova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Age and Pedagogical Psychology, Deputy Dean for Educational Work at the Socio-Psychological Faculty, Buryat State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ РЕБЕНКА В ПРОЦЕССЕ ПРИСВОЕНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ

М. В. Погодаева, О. А. Молокова

SOCIALIZATION OF THE CHILD IN THE ACQUISITION OF THE CULTURE OF SAFETY

M. V. Pogodaeva, O. A. Molokova

В работе рассматриваются факторы социализации, которые выступают одновременно и средовыми факторами формирования личности. Социализация предполагает активное приобретение опыта, в том числе опыта взаимодействия со всеми элементами среды обитания. Формирование детской культуры безопасного взаимодействия с окружающей средой рассматривается как важнейший фактор социализации. Развитие субкультуры безопасности детства проходит в ходе разнообразной деятельности: игр, чтения, исследовательской деятельности, наблюдения, знакомства с пословицами и поговорками, русскими сказками. Благодаря элементам культуры безопасности, встроенным в детскую субкультуру, реализуется передача от поколения к поколению опыта избегания опасностей и безопасного поведения в ситуациях повышенного риска или неопределенности.

The factors of socialization which act simultaneously as environmental factors of personality formation are considered in this research. Socialization assumes an active acquisition of experience, including experience of interaction with all environmental elements. The formation of children's safe interaction culture with the environment is considered as the major factor of socialization. Development of the subculture of childhood safety passes in the course of various activities: games, reading, researching activity, monitoring, acquaintance with proverbs and sayings and Russian fairy tales. By virtue of elements of the culture of safety, built in children's subculture, the vertical transmission of experience of avoiding the dangers and keeping safe behaviour in situations of the raised risk or uncertainty is realized.

Ключевые слова: социализация, индивидуальность, факторы социализации, субкультура детства, культура безопасности, игра, сказка.

Keywords: socialization, social adaptation, individuality, socialization factors, subculture of childhood, culture of safety, game, fairy tale.

Социализация человека, необходимая для его существования в системе общественных отношений, может рассматриваться как процесс познания и закрепления человеком правил и норм поведения, диктуемых ему социумом, как освоение навыков, необходимых для полноценной жизни в обществе. Или же в этом процессе сам человек рассматривается как субъект социализации и на первый план выступает его развитие и самоизменение в процессе усвоения и воспроизводства культуры.

Социализация, которая в первом случае означает определенную типизацию свойств личности в соответствии с общественными условиями и требованиями, может порождать проблему становления человеческой индивидуальности. Известно, что появление педагогики поддержки как гуманистической парадигмы отечественной педагогики было связано с необходимостью ее решения в образовании, которое в большей мере обеспечивало усвоение и признание социальных норм и правил и формирование типичного в человеке, а не становление индивидуализации обучающегося.

По мнению С. Розума, которое мы разделяем, решение этого противоречия заключается в том, что «человек становится тем более свободным и тем в большей степени может проявить свою индивидуальность, чем более полно будут усвоены, интериоризированы им нормативные требования общества и чем разнообразнее состав этих усвоенных им требований» [10, с. 17]. Тем самым присвоение культуры, субъективная легитимизация общественных требований не означает неизбежно потерю индивидуальности или невозможность ее достижения. Так, Л. В. Партина

рассматривает социализацию через взаимодействие социальной детерминированности и индивидуальной свободы: как способ социального бытия человека, «проявляющийся в динамике личностного начала, самореализации сущностных сил индивида в процессе свободного преобразования окружающей действительности, в результате которого генерируется индивидуальность» [9, с. 15]. Следовательно, социализация в ее успешном, как для конкретного человека, так и для общества, варианте, связана с активным становлением самой личности, но базируется на присвоении культуры, и источники развития личности находятся в области культурного опыта человечества [16].

Факторы социализации выступают одновременно и средовыми факторами развития личности, так как детерминируют не только процесс усвоения социального опыта, но и процесс становления внутреннего мира личности. Факторами социализации называют такие обстоятельства, при которых создаются условия для протекания процессов социализации [13]. Как много обстоятельств, вариантов их сочетания, так много и факторов (условий) социализации. А. В. Мудрик, рассматривая факторы, создающие условия социализации, представляет их в виде четырех групп: мегафакторы – космос, планета, мир, Интернет; макрофакторы – страна, этнос, общество, государство; мезофакторы – условия социализации больших групп людей, выделяемые по местности и виду поселения, в которых они живут (регион, село, город, поселок), по принадлежности к той или иной субкультуре; микрофакторы – семья, соседство, группы сверстников, воспитательные, религиозные общественные, государственные и частные организации, микросоциум [5,

с. 48 – 50]. Важнейшим фактором социализации, на наш взгляд, в настоящее время выступает процесс взаимодействия человека с окружающей средой. Процесс покорения природы, протекающий многие тысячелетия, заставлял человека не просто объединяться в группы, а активно, творчески взаимодействовать в них, подчиняться установленным правилам и осознанным природным закономерностям, для того чтобы добыть себе пропитание и сохранить жизнь. Но сегодня процесс взаимодействия человека с биосферой «вступает в новую и очень опасную фазу. Необходима глубокая моральная перестройка самого духа и смысла человеческой культуры. И другого пути у нас нет. Стратегия цивилизации должна быть согласована со стратегией Природы» [6, с. 28]. Результатом деградации природы становится деградация самого человека, общества в целом. Н. Ф. Федоров, русский религиозный мыслитель, писал: «Итак, мир идет к концу, а человек своей деятельностью даже способствует приближению конца, ибо цивилизация, эксплуатирующая, а не восстанавливающая, не может иметь иного результата, кроме ускорения конца» [15, с. 301]. Современное общество вновь должно консолидироваться, но уже не для покорения природы, а для ее сохранения. Для этого каждый отдельный человек должен создавать в себе личность на основе общечеловеческих нравственных ценностей, знания о истории развития человека и цивилизации, иметь как можно больше культурного пространства для расширения возможности выживания. Только усвоив культурное достояние народа, человек будет иметь возможность устоять и выжить в неблагоприятных условиях или в кризисных ситуациях. Классическое учение В. И. Вернадского о биосфере и переходе ее в ноосферу, обобщая знания в области естественных и социальных наук, раскрывает неограниченные возможности человеческого разума в гармонизации отношений общества и природы для сохранения благоприятной среды обитания будущим поколениям [2].

Таким образом, человек взаимодействует с огромным количеством условий и факторов, негативных и позитивных, которые определяют необходимость и интенсивность процесса социализации.

При этом отмечено, в частности, что социализация детей в условиях современного городского сообщества находится под воздействием повсеместно расширяющегося ряда факторов и агентов, транслирующих различные (иногда противоречащие друг другу) нормы и ценности [11]. В связи с этим исключается возможность однозначного понимания параметров успешной социализации, которая, как было показано ранее, является и средством поддержания социального воспроизводства, безопасного взаимодействия с миром и детерминирует развитие личности.

Принадлежность к той или иной субкультуре выступает значимым фактором социализации. В психолого-педагогической литературе выделяют понятие «субкультура детства». Т. А. Алиева, И. С. Кон, В. Т. Кудрявцев, М. Мид, Д. Б. Эльконин и др. показали, что детская субкультура является той средой, которая играет определяющую роль в жизнедеятель-

ности детей, формировании их личности, интеграции в общество и культуру. Не только общественно-исторические и социальные условия определяют личностное развитие ребенка, но и сама ситуация детства, детская субкультура являются мощными источниками развития, и его направление определяется содержанием детской субкультуры. В детстве не только «потребляется» культурный опыт взрослых, но и рождается собственный, фиксируемый детской субкультурой. В содержание детской субкультуры, по мнению В. В. Абраменковой, входят ценности, установки, способы деятельности и формы общения самих детей, осуществляемые в детских сообщениях в той или иной конкретной ситуации, особенности поведения детей, игры, детский фольклор, юмор и фантазии, философствования, эстетические и религиозные представления, устойчивые речевые обороты, зафиксированные в детской речи, игровых ситуациях, фольклоре [1].

Рассмотрим возможность развития субкультуры безопасности детства, элементы которой изначально присутствуют в личности ребенка, базируясь на инстинкте самосохранения. Л. Н. Горина определяет культуру безопасности «как деятельность человека, основанную на системе социальных норм, убеждений и ценностей, обеспечивающих сохранение его жизни, здоровья и целостности, как в сиюминутном масштабе времени, так и в будущем» [3, с. 23]. Рассматривая формирование культуры безопасности у детей дошкольного возраста, А. Э. Садретдинова дает следующее ее определение: «Культура безопасности жизнедеятельности – совокупность знаний о безопасности жизнедеятельности человека, нормах и правилах безопасного поведения, осознанном отношении к жизни и здоровью человека, умений и навыков оберегать, поддерживать свою жизнь и здоровье, адекватно вести себя в различных жизненных ситуациях» [12, с. 8]. Очевидно, что формирование культуры безопасности ребенка требует целенаправленной педагогической деятельности. Однако в детской субкультуре присутствуют формы поведения, в основе которых лежит базовая потребность в безопасности, мотивирующая ребенка к выбору наиболее безопасного взаимодействия с миром и людьми, не наносящим вреда жизни и здоровью. Они закреплены генетически и исторически и транслируются от одной общности детей к другой как элемент культурного поля.

В определенные моменты своего развития, примерно с 3-х лет, дети начинают ориентироваться не столько на взрослых, сколько друг на друга, перенимать друг у друга формы общения и поведения, копировать старших детей. Становится особенно четко заметным, что смыслом детской субкультуры являются не только актуальные для массовой культуры особенности поведения, сознания, деятельности, а и относительно стойкие во времени и пространстве образы, модели, тексты, представляющие собой «обломки» разных эпох, следы памяти прошлого опыта человечества, которые передаются детьми из поколения в поколение [4]. Какие элементы культуры безопасности можно наблюдать в детской субкультуре сегодня? Они сохранились в виде деятельности, поведения,

общения; в системе норм и ценностей; образцов деятельности и поведения, идей, практик взаимопомощи. Прежде всего, это множество вариантов разнообразных игр в защитника: мальчики выступают в роли защитника (русского богатыря, человека-паука, царевича, мушкетера); девочки, играя в дочки-матери, оберегают свой дом; дети играют в доктора, спасателя, пожарного. Тем самым речь идет о признании наличия в окружающем мире опасностей, которым надо уметь противостоять в разных условиях. При этом отметим, что игрой трудно управлять извне: ребенок ее выбирает самостоятельно, добровольно принимает правила, но, несмотря на их присутствие, она избирает случайностями и импровизациями, а потому возникает реальное взаимодействие социальной детерминированности и индивидуальной свободы, что создает условия для социализации, не препятствующей становлению субъектности ребенка, его творческих возможностей.

Огромный резерв народной мудрости о безопасном поведении содержат считалки, пословицы и поговорки, сказки, детские анекдоты. Так, большое количество русских пословиц и поговорок посвящено вопросам безопасности: «не зная броду, не суйся в воду», «берегись бед, пока их нет»; «тише едешь, дальше будешь»; «огонь не игрушка: тем не играют, от чего погибают»; «тише воды, ниже травы» и пр. Они значимы потому, что легко и быстро транслируются и способны оказать влияние, в частности, при самостоятельном выборе детьми игр, среди которых могут быть опасные игры с огнем, игры на тонком льду, на незнакомом водоеме, на проезжей части улицы и пр.

Сказки дети слушают, пересказывают, дополняют, уточняют, играют в сказку, подражая одним героям, жалея или осуждая других. Так постепенно сказка входит в жизнь малыша, занимая в ней огромное место, влияет на формирование его взглядов, мироощущения, поведения. Подражая тем или иным героям, ребенок проживает их жизнь: сражается со злодеями, защищает слабых, помогает нуждающимся, лукавит, хитрит, проявляет смекалку, сопереживает, радуется и огорчается. Но вновь возникает проблема того, какого героя выберет себе ребенок для подражания. К сожалению, сегодня дети редко подражают Илье Муромцу или Ивану Царевичу, Елене Премудрой или Аленушке. Очевидно, что ребенок подражает не только тому, что он слышит, но и тому, что он видит на экране. И это увиденное и услышанное, нередко вытесняя народную сказку, становится тем учебником, по которому маленький человек начинает учиться жить.

Сказки концентрируют в себе жизненный опыт многих поколений русских людей. Они иносказательны по форме, но по содержанию вбирают в себя житейскую мудрость наших предков, предупреждают об опасностях, которые могут подстерегать героя, подсказывают, как можно их избежать или разрешить уже сложившуюся трудную ситуацию. Через сказку, через игру с ней ребенок усваивает уроки безопасности, которые будет использовать всю жизнь. Слушая и обсуждая народные сказки, играя в них, ребенок усвоит, что реальный мир полон опасностей. Доверчи-

вость, невнимательность, несоблюдение определенных правил могут стать причиной, по которой герой попадает в трудные и опасные для жизни ситуации. Помощь друзей и родных, смелость и смекалка позволяют сказочным героям выйти победителями из самых невероятных ситуаций. В большинстве сказок герои непременно сталкиваются с опасной ситуацией и ищут из нее выход. Играя в сказки, малыши часто находят свой, безопасный выход из угрожающей ситуации. Для такого анализа дети используют самые разные сказки: «Колобок», «Кот, петух и лиса», «Заюшкина избушка», «Красная шапочка», «Иван-царевич и Серый Волк», «Снегурочка», «Маша и медведь», «Волк и семеро козлят» «Царевна-Лягушка», «Финист-Ясный сокол», «Кашей Бессмертный». В народных сказках есть четкая инструкция о том, что можно делать и чего нельзя, и дети впитывают ее с первыми книгами, которые читает им мама. Таким образом, «инструкции» по безопасному взаимодействию с окружающим миром имеются в народных припевках, колыбельных песнях, в присказках и сказках. Они усложняются и растут вместе с ребенком [8].

Благодаря элементам культуры безопасности, исторически встроенным в детскую субкультуру, реализуется передача от поколения к поколению, всем детям, опыта избегания опасностей и безопасного поведения в ситуациях неопределенности. Однако приведенные примеры в большей мере характеризуют стихийную социализацию или относительно социально-контролируемую социализацию в рамках семейного воспитания. Если же говорить о присвоении культуры безопасности в образовательном процессе, то необходима психолого-педагогическая поддержка данного компонента социализации ребенка. Необходимо отметить, что в федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования образовательная программа предстает в форме «программы психолого-педагогической поддержки позитивной социализации и индивидуализации, развития личности детей...» [14]. Психолого-педагогическая поддержка обеспечения безопасности детства может включать следующие этапы: определение наличия источников опасности и значимости его для ребенка; анализ возможных вариантов действий по снижению рисков, вовлечение ребенка в анализ проблемы, совместное принятие программы действий, стимулирование выполнения программы действий самим ребенком; рефлексия реализуемой программы деятельности по решению проблемы; поиск оптимальной формы педагогической поддержки, призванной снять остроту проблемы [8].

Таким образом, культура безопасности ребенка формируется по мере развития и расширения детского опыта, познания новых сфер деятельности, их практического освоения, осмысливания и рефлексии этого опыта, закрепления его в играх, детском фольклоре, традициях, характерных для детского сообщества. Она сохраняется благодаря передаче каждому новому поколению всего накопленного детского культурного опыта. В процессе передачи этого культурного наследия он обрывает новыми «приобретениями». Те из них, которые наиболее значимы для сохранения жиз-

ни и здоровья, немедленно пополняют культурную детскую копилку. Однако продуктивная социализация, связанная с формированием культуры безопасности, нуждается в организации психолого-педагогической

поддержки, использующей и элементы культуры безопасности, присутствующие и развивающиеся в детской субкультуре.

Литература

1. Абраменкова В. В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2000. 416 с.
2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.
3. Горина Л. Н. Многоуровневая педагогическая система формирования культуры безопасности жизнедеятельности человека на основе изо- и гомоморфизма: дис. ... д-ра пед. наук. Тольятти, 2002. 443 с.
4. Зебзеева В. А. Экологическая субкультура детства как источник и фактор развития личности. М.: Сфера, 2009. 305 с.
5. Мудрик А. В. Социализация человека: учеб. пособие. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 624 с.
6. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез. Цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3 – 30.
7. Молокова О. А., Погодаева М. В. Подготовка студентов направления «Педагогическое образование» к сопровождению социализации обучающихся на разных ступенях образования // Преподаватель XXI века. 2014. № 3. С. 128 – 136.
8. Некрасова З., Некрасова Н. Без опасности: от рождения до школы. М.: София, 2007. 176 с.
9. Партина Л. В. Социализация человека как проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Алматы, 1994. 27 с.
10. Розум С. И. Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб.: Речь, 2006. 365 с.
11. Рыбакова М. В., Гоманова С. О. Основные факторы социализации детей в условиях экотопоселений России // Мониторинг общественного мнения, январь – февраль 2014. С. 135 – 143.
12. Садретдинова А. Э. Педагогическое проектирование образовательной среды формирования культуры безопасности жизнедеятельности у дошкольников: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2009. 23 с.
13. Сластенин В. А., Исаев И. Ф., Шиянов Е. Н. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В. А. Сластенина. М.: Академия, 2002. 576 с.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. Утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 17 окт. 2013 г. № 1155. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/25/-doshk-standart-dok.html> (дата обращения: 10.04.2015).
15. Федоров Н. Ф. Философия общего дела. М.: Мысль, 1982. 711 с.
16. Фельдштейн Д. И. Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребёнка и ситуаций его развития. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 16 с.

Информация об авторах:

Погодаева Маргарита Викторовна – кандидат биологических наук, доцент кафедры конфликтологии и безопасности жизнедеятельности Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета, г. Иркутск, Россия, Margopog@rambler.ru.

Margarita V. Pogodaeva – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Conflict Resolution and Vital Activity Security, Eurasian Institute of Moscow State Linguistic University, Irkutsk.

Молокова Ольга Александровна – кандидат биологических наук, доцент кафедры конфликтологии и безопасности жизнедеятельности Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета, г. Иркутск, Россия, omolokova@mail.ru.

Olga A. Molokova – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Conflict Resolution and Vital Activity Security, Eurasian Institute of Moscow State Linguistic University, Irkutsk.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ОПЫТ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ: РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПОДХОД

Т. Ф. Ушева

THE EXPERIENCE OF HIGHER SCHOOL STUDENTS' SOCIALIZATION:
INTROSPECTIVE APPROACH

T. F. Usheva

В статье сделан психолого-педагогический анализ опыта социализации студентов в высшем учебном заведении. Аргументирована необходимость развития рефлексивной компетентности студентов для эффективной социализации на этапе профессионального становления личности. Перечислены некоторые педагогические условия реализации образовательного процесса в вузе на основе рефлексивного подхода.

The paper is devoted to the psychological and pedagogical analysis of students' socialization experience in higher school. The necessity of developing students' introspective competency in higher school in order to perform the socialization process at the stage of personal professional formation is proved in the paper. Some pedagogical conditions for the organization of the educational process at a university, based on the introspective approach, are specified.

Ключевые слова: образование в вузе, рефлексивный подход, социализация, рефлексивная компетенция, индивидуализация.

Keywords: higher school education, introspective approach, socialization, introspective approach, individualization.

К настоящему времени накоплен богатый педагогический опыт социализации студентов в высшем учебном заведении. Рассматривая социализацию как процесс и результат усвоения и активного воспроизводства студентом социального опыта, осуществляемого в учебно-воспитательном процессе, мы создаем педагогические условия для самоактуализации каждого студента.

Поисковые психолого-педагогические исследования по данной проблематике ведутся в Евразийском лингвистическом институте (филиале) Московского лингвистического института на кафедре конфликтологии и безопасности жизнедеятельности около десяти лет.

Многолетние наблюдения показали, что наиболее полное раскрытие способностей и реализация потенциала студента происходит, как правило, если с первых дней обучения в вузе показать ему все возможности реализации собственного потенциала и понять индивидуальный вектор развития первокурсника.

В гуманистической психологии (А. Маслоу, К. Роджерс, С. Л. Братченко, А. В. Серый, М. С. Яницкий и др.) для самоактуализации «Я-концепции» пусковым механизмом является рефлексия [8]. На основе данного постулата основной задачей для преподавательского состава является развитие рефлексивной компетентности студента.

Рефлексивная компетентность – это свойство личности, обладающее интенсивностью, которая может влиять на развитие личности» [10, с. 598]. Рефлексия представляет собой генеральную способность человека, специфический и фундаментальный механизм истинно человеческого способа жизни, деятельность по самоисследованию, самопроектированию, конструированию себя.

Рефлексия становится важнейшим, определяющим звеном между концептуальным знанием и личным опытом профессионала. Без рефлексивной проработки профессиональные знания, из которых скла-

дываются концептуальные представления, как бы «рассыпаются» в сознании, а это не позволяет им стать непосредственным руководством к действию.

Увидеть, рассмотреть данное свойство личности студента в процессе подготовки к профессиональной деятельности можно только через конкретные умения.

Умение – это освоенный студентами способ выполнения действий на основе знаний о том, как действовать, и осознание условий, при которых эти действия приведут к достижению соответствующей цели. На основе обозначенного понимания умений можно сделать вывод о том, что для формирования рефлексивных умений важно, чтобы студенты владели знанием о сущности, средствах и способах осуществления рефлексии и были готовы к применению этого знания в знакомых и новых ситуациях. Основываясь на этом, рефлексивные умения мы рассматриваем как освоенные студентами способы выполнения рефлексивной деятельности на основе знаний о сущности, средствах и способах осуществления рефлексии над собственной деятельностью [7].

Процесс социализации студента в вузе мы условно разделяем на три периода: адаптация, коммуникация, реализация. Адаптация – это период «вхождения» в учебно-воспитательную среду образовательного учреждения. Основным педагогическим смыслом адаптации заключается не в «прилаживании» личности к новой среде, а в возможности приобретения новых качеств самой личностью [6, с. 62], что требует изменения самой среды. При этом адаптация как результат активного стремления к установлению оптимальных взаимоотношений человека с социальной средой способна изменять не только внутренний, индивидуальный мир студента, но и социальную реальность. В системе высшего образования среда обязана быть адаптивной, то есть приспосабливаться к особенностям развития субъекта обучения.

Адаптивность образовательной среды мы рассматриваем на основе рефлексивного подхода, где

рефлексивные умения студентов выступают в качестве основного психологического механизма организации понимания условий адаптации [11, с. 16]. В этом случае студент находится в процессе рефлексивного управления, оно реализуется при определенных условиях: если, с одной стороны, студент будет отражать объективную картину образовательной среды вуза и поликультурного пространства, а также если, с другой стороны, он будет стараться регулировать свою деятельность с позиции саморазвития в процессе активного взаимодействия с другими людьми и развития личностных механизмов саморегуляции.

Понимание адаптации как целостного и системного процесса не исключает выделения в практических целях отдельных ее сторон. Как показывают многолетние исследования под научным руководством О. А. Молоковой, для лингвистического института такими аспектами стали: психогигиенический (повышение умственной работоспособности и сохранение уровня здоровья); общеучебный (выявление и коррекция трудностей обучения на начальном этапе); социально-психологический (адаптация в учебной группе и в поликультурном пространстве лингвистического вуза); лингвистической (адаптация к изучению иностранных языков и культур) [4 – 5].

Второй период социализации студента в вузе – коммуникация, где нормой взаимодействия является диалог. Диалог является пусковым механизмом мышления человека и основой любого человеческого взаимодействия, в том числе и учебного.

Большое значение для педагогического истолкования диалога, с нашей точки зрения, имеет концепция М. М. Бахтина [16]. Автор утверждает, что истина рождается между людьми, совместно ее ищущими в процессе их диалогового взаимодействия. Согласно данной концепции, преподаватель может сделать возможным диалогическое общение между студентами группы. Для этого необходимо дать каждому из его участников ощущение внутренней уверенности в себе и своих силах, уверенности в принятии себя другими участниками диалога; создать условия для того, чтобы у каждого возникло желание действовать, желание раскрыть себя для других, и других участников диалога для себя; создать особое пространство взаимодействия, где каждый осознает свою ценность, а также ценность и неповторимость других участников диалога.

Возможность каждому студенту действовать в учебной ситуации, осознавать свою ценность и ценность каждого позволяет коллективная организационная форма учебных занятий. Для коллективных учебных занятий характерно [3]:

- отсутствие общего фронта, т. е. студенты реализуют разные цели, изучают разные фрагменты учебного материала, разными способами и средствами, за разное время;
- разные студенты осваивают общее содержание учебного материала по разным маршрутам;
- наличие временных коопераций как мест пересечения разных маршрутов продвижения обучающихся.

Важно, что на коллективном учебном занятии можно наблюдать одновременное использование всех четырех общих организационных форм обучения: индивидуально-опосредованной, парной, групповой и коллективной (общение в парах сменного состава). Последняя форма выступает ведущей. Например, такие виды учебной деятельности в паре, как «обсуждение» и «проверка», позволяют совместно решать новые, нестандартные задачи, выдвигать и проверять самые разные гипотезы, каждому смотреть на проблему со своей точки зрения [2].

Такая организационная форма позволяет обучающимся вести диалог своим темпом, а преподавателю управлять диалоговым взаимодействием каждого, а не «среднего» студента в группе. Студенты быстро осваивают «нормы социальной жизни» и это позволяет снизить уровень конфликтности в студенческой среде и сделать деловыми отношения преподаватель – студент.

Ещё один важный организационный момент – это организация обучения на основе индивидуальных образовательных программ. Они создаются благодаря рефлексии, в ходе которой действия студента в конкретной ситуации сопоставляются с его актуальными качествами: знаниями, представлениями, индивидуальностью – и до оформления проходит ряд стадий: образовательные потребности – образовательные задачи – индивидуальная образовательная программа.

Студент находится в рефлексивной позиции и устанавливает связи между разными моментами, факторами, но именно образовательные потребности обнаруживаются, когда обусловленность достижений и затруднений студента сопоставляются с его актуальными качествами. Такие моменты позволяют студенту себя познавать, самому принимать решения – это акт самоорганизации и самоуправления.

Преподаватель совместно со студентом направляет процесс рефлексии на объективизацию образовательных потребностей, постановку образовательных задач, оформление индивидуальных образовательных программ и демонстрирует образцы управления рефлексивным процессом. Студент обнаруживает достижения и проблемы, понимает: почему в деятельности у него что-то получилось, или не получилось, т. е. находит причины достижений и проблем. Индивидуальные программы появляются тогда, когда обучающийся ставит цели и задумывает действия, требующие усилий.

Студент, имеющий индивидуальную образовательную программу, принимает непосредственное участие в постановке собственных образовательных задач и в её составлении. Его представления о предстоящих этапах, способах, формах, средствах, необходимых для достижения результатов деятельности, обязательно должны быть им осмыслены.

Индивидуальная образовательная программа предполагает принятие студентом ответственности за собственное образование, осознание его цели, понимание особенностей своего стиля учения и исходя из этого непосредственное проектирование образовательной деятельности, планирование конкретных дей-

ствий по организации учебной деятельности и ее рефлексии.

Третий период социализации студента в вузе – реализация. Данный этап предполагает самореализацию студента в учебной, научной и творческой деятельности. Главная задача периода состоит в организации условий и освоении студентами навыков самоуправления в социально-культурной сфере, навыков позиционирования, а также оформления событийных отношений в рамках поликультурного сообщества.

В данный период социализации большое влияние уделяется как учебному, так и воспитательному процессам. В соответствии с Концепцией воспитательной работы МГЛУ ЕАЛИ целью воспитания студентов лингвистического вуза является разностороннее развитие личности будущего конкурентоспособного специалиста с высшим профессиональным образованием, обладающего социальной активностью и качествами гражданина России, в том числе высокой общей культурой российского интеллигента, владеющего иноязычной культурой общения.

Воспитательная деятельность направлена на формирование у студентов таких качеств личности, как:

1) уважение достоинства другого человека и сохранение собственного достоинства в разнообразных ситуациях социального взаимодействия (бытового, профессионального, общественного), т. е. культура личности, саморегуляции;

2) адекватность человека (внешний вид, манера поведения, общение) ситуациям бытового, профессионального, общественного взаимодействия, т. е. культура быта, труда, отдыха, здорового образа жизни, общения;

3) соблюдение этно-социокультурных традиций, обычаев, норм, этикета в моно- и кросскультурном взаимодействии;

4) актуальная готовность использования общекультурного и индивидуального фонда знаний (гуманитарных, естественнонаучных, экономических, политических, правовых и т. д.) в процессе решения задач социального взаимодействия, т. е. культура интеллекта;

5) ненасыщаемость потребности в развитии и саморазвитии, т. е. культура саморегуляции, личностного самоопределения;

6) ориентирование в основных ценностно-смысловых доминантах современного мира, страны, т. е. в общечивилизационной культуре;

7) социальная ответственность за себя, свое поведение, ответственность за благополучие других, т. е. культуру социального бытия.

Основными направлениями воспитательной работы являются:

– формирование мировоззрения и системы фундаментальных ценностей – общечеловеческих, гражданских, профессиональных, нравственно-этическое и эстетическое воспитание студентов;

– изучение проблем студенчества и организация работы социально-психологической службы, консультационной помощи студентам;

– организация гражданского, патриотического и правового воспитания студентов;

– организация работы по профилактике правонарушений среди студентов;

– проведение научно-просветительских мероприятий, организация досуга студентов;

– работа по обеспечению вторичной занятости студентов (параллельное обучение, получение второго высшего образования, социально-значимая трудовая деятельность);

– семейно-бытовое воспитание и проведение мероприятий в поддержку молодой семье;

– пропаганда здорового образа жизни;

– содействие работе студенческим общественным организациям, клубам и объединениям;

– поиск и внедрение новых технологий, форм и методов внеучебной деятельности.

Большое внимание уделяется волонтерскому движению студентов. Студенты организуют проекты и проводят акции: «Мы за конструктивный конфликт», «Формирование здорового образа жизни, сохранение и укрепление психического и физического здоровья молодежи», «Воспитание культуры здоровья как аспекта здоровьесберегающего обучения», «Валеологические, психологические, правовые проблемы молодой семьи», «Профилактика наркомании и токсикомании в молодёжной среде», «Наука и искусство против наркотиков», «Дни духовности и культуры», «Моя профессия» и многие другие.

Особое значение имеют мероприятия, связанные с будущей профессией, для их проведения приглашаются работодатели. Практика организации интересных совместных мероприятий (круглых столов, презентаций, тематических семинаров для работодателей, специализированных ярмарок вакансий рабочих мест, организация временных рабочих мест для студентов, производственная практика для будущих молодых специалистов) способствуют осознанному выбору профессиональной карьеры.

Период «реализация» продолжительный, он охватывает учебную, воспитательную и самое главное научную деятельность. Научная деятельность студента организуется с первого курса через многообразные формы: кружки, проекты, лаборатории, студенческие научные общества, конференции, которые позволяют студентам найти единомышленников. Такая работа способствует развитию индивидуального и коллективного творчества.

Основными ожидаемыми результатами социализации является переход компетенций студентов на новый уровень развития. Такой переход становится возможным в результате осознания, понимания и качественной оценки студентом существа тех или иных способов действия, представленных в современном обществе.

Осознание и понимание, в свою очередь, достигаются посредством механизмов рефлексии, на основе знаний и практической деятельности. Показателями результата являются конкретные культурные продукты, создаваемые студентами в процессе образования в

вузе: рефлексивные тексты, научные статьи, программы, проекты и т. д.

В процессе социализации студенты овладевают рефлексивными умениями при специально созданных педагогических условиях. Овладевают умениями принимать решения и прогнозировать их последствия, приобретают навыки анализа собственной деятельности (её хода и промежуточного результата), позиционирования и самоопределения в проблемной ситуации, а также осваивают приемы коллективной коммуникации [9].

Сегодня рефлексивный подход к проблеме социализации связан с созданием рефлексивной среды вуза,

которая способствует осознанию студентом себя как субъекта образовательного процесса, свободной и ответственной личностью, стремящейся к самосовершенствованию и самореализации, что отвечает задачам гуманизации образования.

Таким образом, рефлексивный подход позволил решать задачи социализации через самого студента как субъекта деятельности, кооперации преподавателей по новому осмыслить мировоззренческие позиции и психологические установки. Считаем, что накопленный опыт и намеченные перспективы помогут в решении вопросов социализации студентов нового поколения.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
2. Лебединцев В. Б. Необходимость перехода к нефронтальным системам обучения // Педагогика. 2015. № 2. С. 67 – 74.
3. Мкртчян М. А., Литвинская И. Г. Новые формы организации образования взрослых. Красноярск: КИПК, 2012. 120 с.
4. Молокова О. А., Ушева Т. Ф. Психолого-педагогическое сопровождение студентов на этапе адаптации к обучению в лингвистическом вузе // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 2. С. 101 – 106.
5. Молокова О. А. Адаптация с позиций гуманистического подхода к обучению // Вестник ВСГАО. 2012. Вып. 16. С. 37 – 41.
6. Осипова С. И., Баранова И. А. Психолого-педагогическое сопровождение и поддержка студентов первого курса в условиях информатизации учебного процесса // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 4. С. 58 – 68.
7. Петрова Н. В. Педагогическое проектирование совместной деятельности преподавателя и студентов как фактор совершенствования профессионально-творческой подготовки высших учебных заведений: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 1998. 182 с.
8. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / науч. ред. М. С. Яницкий. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 272 с.
9. Ушева Т. Ф. Реализация рефлексивного подхода в педагогическом образовании // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 4. С. 66 – 71.
10. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичёв и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
11. Федотова Е. Л., Ушева Т. Ф. Рефлексия как способ педагогического взаимодействия в условиях высшей школы // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 6. С. 15 – 20.

Информация об авторе:

Ушева Татьяна Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры конфликтологии и безопасности жизнедеятельности Евразийского лингвистического института (филиала) Московского лингвистического университета, itf76@mail.ru.

Tatiana F. Usheva – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Conflict Resolution and Vital Activity Security, Eurasian Institute of Moscow State Linguistic University, Irkutsk.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.613-614 + 325.2.001.1

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА «ГЛОБАЛ РАШНЗ»

А. А. Демин

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF «GLOBAL RUSSIANS»
SOCIOCULTURAL COMMUNITY VALUE SYSTEM

A. A. Demin

Статья посвящена проблеме ценностных оснований формирования социокультурных сообществ, которая содержательно раскрывается в рамках анализа отдельно взятого кейса. В ней приводятся результаты исследования особенностей ценностной системы сообщества «Глобал Рашнз», объединяющего в себе российских эмигрантов и людей, ориентированных на референтную группу, идентификационный образ которой выстраивается вокруг идеи космополитизма. Данное социокультурное сообщество существует в виртуальных границах за счет тесного взаимодействия его представителей в рамках закрытой социальной сети (на базе медиапроекта «Сноб»). «Глобал Рашнз» представляет собой яркий пример сообщества социокультурного типа, появление которого в значительной степени обусловлено процессом глобализации. Исследование ценностной системы данного сообщества опирается на социально-психологический подход, рассматривающий ценностный компонент как результат внутреннего опыта личности. Проведенное исследование имеет комплексный характер, оно опирается на качественные методы анализа: методику Р. Инглхарта, метод фиксированных ассоциаций и качественный вариант контент-анализа. В ходе исследования были выявлены факторы, ограничивающие способность к социально-психологической адаптации в инокультурной среде, а также ее социальную аттрактивность. Обнаруженные факторы напрямую связаны с ценностными инвариантами, закрепленными в сознании на самом раннем этапе развития личности – в процессе первичной социализации.

The paper is dedicated to the problem of value foundations of sociocultural communities, which is disclosed in the framework of analyses of a particular case. The author uses the survey results of the peculiarities of “Global Russians” community value system, unifying both Russian emigrants and people, aligned with the reference group, the identification image of which is based on the cosmopolitanism ideas. The following sociocultural community exists within the virtual borders by means of close interaction of its representatives in the framework of closed social network (on the basis of Snob media project). “Global Russians” is a bright example of sociocultural community, the appearance of which is caused by the globalization process. The research of the value system of this community relies on the sociopsychological approach, analyzing the axiological component as the result of person’s internal experience. The research has an integrated nature and relies on the qualitative methods of analysis: the method of R. Inglehart, the word association method and the qualitative content analysis. As part of the study the author discovers the factors, limiting the capability of socio-psychological adaptation to foreign culture as well as its social attractivity. The discovered factors are directly connected to the value invariants, anchored in the consciousness since the earliest periods of development of the personality, namely – in the primary socialization process.

Ключевые слова: ценность, ценностная система, социокультурное сообщество, эмиграция, социализация.

Keywords: value, value system, sociocultural community, emigration, socialization.

Одной из современных тенденций научных исследований социогуманитарного профиля является повышенный интерес к изучению проблемы ценностного измерения социальной реальности. Социологический анализ ценностных систем направлен на изучение глубинных оснований социального порядка и общественной жизни в целом, которые существуют в виде отдельных ценностных императивов, представленных на уровне общественного и индивидуального сознания. Социологическая наука опирается на точку зрения, согласно которой ценностно-нормативное регулирование общественных отношений является необходимым фактором функционирования не только отдельных элементов социальной структуры, но и социальной системы в целом. Помимо этого, ценности

необходимо рассматривать на уровне индивидуально-го сознания, поскольку ценностный фактор жестко встроен в структуру отдельной личности – он выполняет функцию базового элемента социально-ориентированного действия и интересубъективной жизни. Ценностные системы и ценности как отдельные элементы данных систем приобретают все большую значимость в качестве научной проблемы в результате тех масштабных структурных трансформаций глобального общества, которые затрагивают также локальные культурные формы и индивидуальный уровень сознания [1].

Темп и масштаб глобализации современного мира приводит к разрастанию социокультурных сообществ, объединенных по признаку проживания вне привыч-

ной культурно-идеологической среды в результате интенсификации миграционных процессов. Такие сообщества существуют в своих виртуальных границах преимущественно за счет поддержания сложной, многомерной коммуникации. В свою очередь, данная коммуникация опирается на ценности, которые признаются индивидом (или социальной общностью в целом) как значимые, оказывающие влияние на его жизнь. Повышенной значимостью наделяются не сами ценности, а заложенный в них конкретный смысл для индивида [16]. Таким образом, процесс «признания» значимости является комплексным — он опирается на стратегию разработки, адаптации и принятия разнообразных смыслов в качестве «имеющих вес» на уровне коллективного и/или индивидуального сознания. При этом наряду с социально одобряемыми ценностными императивами (общечеловеческими ценностями [17] и их личной интериоризацией в системе ценностей сообщества не последнее место занимает ориентация личности в мире культурно-идеологических маркеров и символов, которые также транслируются в ходе коммуникации.

Социологическая наука не дает интегрального обоснования проблемы ценностей, она предусматривает наличие многообразных теоретико-методологических подходов к изучению данного феномена. Однако при изучении социокультурных сообществ целесообразным выглядит использование социально-психологического подхода [6; 16], который рассматривает ценность как результат внутреннего опыта личности. Последнее неотрывно связано с понятием социализации.

Социализация личности является неотъемлемым процессом становления и развития индивида. Данный процесс характеризуется включением человека в социальную систему, при этом он проходит поэтапно, наряду с тем, как изменяется личность в соответствии с возрастом [2]. В сущности, социализация личности никогда не прекращается, с возрастом меняется лишь степень интенсивности протекания данного процесса. Социализация начинается едва ли не с самого рождения, когда ребенок начинает знакомиться с конфигурацией социальных отношений [15] и мотивационно-поведенческой моделью, господствующей в семье. Именно на данном этапе социализация являет собой наиболее интенсивный процесс. Разумеется, подобный опыт — он же опыт первичной социализации личности — сопряжен с присвоением (интернализацией [10–11]) первичных ценностей, в том числе и ценностей социального порядка. С каждым новым витком взросления личности расширяется количество агентов социализации (институты образования, армия, отдельные социальные группы или общество в целом и т. п.), повышается роль ретрансляторов, существующих в ментальности (национальном культурно-историческом коде) ценностных компонентов. В конечном счете происходит смена внутренних позиций индивида в результате усвоения всех ключевых социально-культурных элементов.

Один из основных принципов процесса социализации заключается в том, что усвоенные на этапе первичной социализации ценностные компоненты сохраняются на всю последующую жизнь индивида. Таким

образом, они являются основополагающими компонентами ценностного выбора личности, следовательно, также и идентификационного выбора в пользу той или иной социальной общности. При этом мы должны понимать, что подобный выбор не ограничивается уровнем только социальных групп, но и также может распространяться на целые государства, в случае если они будут выступать носителями некоего референтного образа. Иными словами, социальная аттрактивность целого государства может быть связана с уже заложенным в индивидуальном сознании ценностным императивом.

В контексте вышесказанного предлагается обратиться к результатам проведенного в 2013 г. эмпирического исследования особенностей ценностной системы представителей социокультурного сообщества «Глобал Рашнз». Поскольку это сообщество является относительно новым (его существование напрямую связано с возникновением мультимедийного медиапроекта «Сноб» в 2008 г.), а его название на данном этапе весьма ограниченно закреплено в отечественном дискурсе, необходимо коротко охарактеризовать его для прояснения ситуации с выбором исследовательского кейса. Во-первых, «Глобал Рашнз» представляет собой яркий пример сообщества социокультурного типа, появление которого логически связано с процессом глобализации, под которым мы понимаем, прежде всего, усиление взаимосвязанности, а значит взаимозависимости разнообразных культур локального (национального) уровня [3; 5]. В каком-то смысле данное сообщество целесообразно рассматривать и как общественно-политическое, так как существенное внимание его представителей концентрируется вокруг общественно-политических процессов современной России. Во-вторых, в организационном плане «Глобал Рашнз» представляет собой виртуальную социальную сеть закрытого типа, где членство рассчитывается на финансовой основе и личных связях — иными словами, данное сообщество существует только за счет коммуникации между его представителями. В-третьих, в содержательном смысле «Глобал Рашнз» предстает как референтная группа с присущим ей идентификационным образом, что во многом определяется нормативно-поведенческой моделью, в основе которой лежит идея космополитизма или мирового гражданства. Как следует из названия данного сообщества (отметим, что не все представители сообщества одобряют выбранную формулировку, однако она весьма успешно отражает заложенный в ней содержательный смысл), национально-государственная идентичность не имеет доминантного значения — личность, придерживающаяся подобной нормативно-поведенческой модели, позиционирует себя как человека «глобального», не стесненного территориальными границами.

Стоит отметить, что большинство участников сообщества представляет среднее и позднесоветское поколение (в возрасте от 30 до 60 лет), социализация которых пришлась на «послевоенные годы, годы хрущевской оттепели и брежневский застой» [15, с. 240]. Кроме того, многие из них совершили вынужденную эмиграцию в период 70–80-х гг. преимущественно в страны западного мира. Впрочем, стоит отметить, что при нарастающей популярности медиапроекта «Сноб» на

блюдается весьма ощутимый приток людей младшего или постсоветского поколения в возрасте до 30 лет, которым, однако, представляется достаточно трудным на начальном этапе включиться в коммуникацию и стать в данном сообществе «своим».

В когнитивном аспекте представители социокультурного сообщества «Глобал Рашнз» проявляют нейтрально-негативные психологические установки в восприятии российского государства, что вызвано рядом факторов. Во-первых, это непосредственно связано с проникновением ценностей либерального спектра в рамках догматически-ментальной экспансии Запада [12]. Очевидно, что западный образ жизни с присущими ему ценностями (несмотря на общую противоречивость менталитету как политико-культурной матрицы, а также прошлому советскому образу жизни) воспринимается представителями сообщества как более привлекательный по сравнению с иными. Более того, такой образ жизни воспринимается в качестве своеобразного идеала, к которому нужно стремиться, что подтверждает множество затрагиваемых тем в рамках внутригрупповой коммуникации. Неудивительно, что самими участниками (а нередко и в источниках, которые не имеют прямого отношения к сообществу) дается характеристика референтной группы как объединения носителей демократических и либеральных идеологем.

Во-вторых, большую роль в формировании негативного образа России в сознании представителей сообщества сыграло сильное разочарование, связанное с завышенными ожиданиями по поводу демократических реформ последних двадцати лет. Это также отчетливо прослеживается в наборе поднимаемых на коммуникативной Интернет-площадке тем, связанных с текущими событиями политического характера в России. Общая форма высказываний имеет преимущественно критический характер, где те или иные важные политические события в стране трактуются как отступление от содержания демократии западного типа.

В качестве третьего значимого момента в формировании общественного сознания членов сообщества, разумеется, можно выделить фактор эмиграции или проживания за рубежом. Сама по себе миграция является феноменом глобализирующегося мира, и она оказывает сильное влияние на формирование взглядов индивида. На уровне сознания индивида происходит интенсивное когнитивное и эмоциональное усвоение культурных знаков окружающей социальной реальности, в связи с чем постепенно ослабевает эмоциональная связь с родной страной. Таким образом, общественное сознание мигрантов сильно меняется под воздействием своеобразной для страны проживания социокультурной среды. Но изменения, происходящие в сознании личности, все равно будут ограничены таким системообразующим детерминантом, как ценностно-мотивационный профиль, сформированный на раннем этапе в процессе социализации.

Исследование содержания ценностной системы социокультурного сообщества «Глобал Рашнз» проводилось в два этапа с использованием комплекса качественных методов социально-психологического анализа, а именно: *методики Р. Инглхарта* (которая позволяет выявить политические ценности в плоско-

сти материалистичности/постматериалистичности) [7], *метода фиксированных ассоциаций* (на основе самостоятельной научной разработки), а также *качественного варианта контент-анализа* (благодаря которому проводился анализ содержания текстов представителей сообщества «Глобал Рашнз» на сайте журнала «Сноб») [9]. Выбор качественных методов исследования обосновывался тем, что именно они позволяют весьма подробно описать аспекты изучаемой проблемы с точки зрения существования скрытых субъективных смыслов и внутриличностных психологических механизмов формирования ценностной системы. Благодаря качественным методам социально-психологического исследования удалось достичь полноты отражения ценностей, присутствующих в сознании представителей изучаемого сообщества, а также проследить некоторые важные тенденции в структуре ценностной системы, характерной для всех категорий российских граждан независимо от их места проживания.

На первом этапе качественного исследования был проведен опрос с использованием электронной почты. Участникам медиапроекта «Сноб» были разосланы электронные письма, содержащие в себе следующие методики исследования: метод фиксированных ассоциаций и методика Р. Инглхарта. В результате была получена обратная связь более чем от пятидесяти потенциальных респондентов. В разосланных письмах помимо самих методик исследования содержался следующий уточняющий вопрос: «*Считаете ли Вы себя "Global Russian" и насколько Вы разделяете содержание концепции, представленной на сайте "Сноб"?*». Отбросив те варианты ответов, которые не могли быть использованы в ходе дальнейшего анализа, в итоге мы располагали материалами для анализа от 42 респондентов, которые самоидентифицировали себя в рамках социальной категории «Глобал Рашнз». Именно эти данные затем были проанализированы в соответствии с выбранной нами концептуальной моделью.

Несколько слов о самих методиках исследования, которые с подробной инструкцией по самозаполнению, прикладывались к разосланным письмам. Первой методикой, на вопросы которой предлагалось ответить респонденту, была *методика Р. Инглхарта*. Данная методика представляет собой процесс присвоения своеобразных рангов 12 утверждениям. Утверждения разбиты на три набора по четыре штуки, каждое из которых требуется дважды проранжировать по степени их важности для респондента. В каждом наборе содержатся высказывания, являющиеся индикаторами двух классов ценностей, согласно теоретико-методологической концепции Р. Инглхарта: нечетные утверждения в каждом наборе указывают на материалистические ценности, в то время как четные — на постматериалистические.

Что же касается *метода фиксированных ассоциаций*, то оно представляет собой метод выявления глубинных скрытых пластов сознания. Подразумевается, что метод спонтанных ассоциаций позволяет «выявить аффективную силу имеющихся образов, которая обеспечивает их последующую устойчивость» [14, с. 25]. В качестве стимулирующего материала для возникновения ассоциаций респондентам был предложен список из 15 слов/терминов, которые обозначали абстрактные

понятия или «имена ценностей», связанных преимущественно с политической сферой жизни общества. В данный список вошли следующие «имена ценностей»: *мир, равенство, демократия, собственность, национализм, традиционность, интернационализм, глобализация, суверенитет, порядок, свобода, законность, патриотизм, безопасность, справедливость*. Точно так же, как и в предыдущей методике, от респондента требовалось проранжировать в порядке значимости данные понятия. Традиционно подобное тестирование проводится с использованием карточек, которые нужно просто расположить в особой последовательности. Однако в нашем случае при дистанционном тестировании необходимо было присвоить каждому понятию свое цифровое значение в порядке убывания. Кроме того, респондент должен был описать возникающие ассоциации, относящиеся к первым трем наиболее значимым для него словам из списка.

На втором этапе нашего исследования была осуществлена попытка изучения непосредственно содержания ценностной системы социокультурного сообщества на основе *метода контент-анализа* [4]. Данный метод является одним из самых распространенных в социологических, социально-психологических и иных исследованиях социогуманитарного профиля, его востребованность обуславливается необходимостью проведения содержательного анализа крупного массива информации. При этом важную роль в контент-анализе играет подсчет частоты упоминаний тех или иных заранее заданных параметров (будь то определенные понятия, суждения, темы, образы и т. п.).

Принято различать количественный и качественный варианты контент-анализа в зависимости от поставленных целей и задач исследования. Количественный вариант включает стандартизированные процедуры подсчета выделенных категорий; тогда как качественный контент-анализ нацелен на углубленное изучение содержания текстов, где важная роль отводится контексту, в котором представлены выделенные категории. В рамках нашего исследования использовался именно качественный вариант контент-анализа при изучении текстов, непосредственно созданных представителями социокультурного сообщества «Глобал Рашнз». На наш взгляд, его преимущество заключалось в том, что он позволяет «рассматривать авторский текст как своего рода проекцию личности, отражающую особенности его психологии» [13, с. 70]. На основании контент-анализа удалось выделить актуализированные ценностно-мотивационные аспекты всего сообщества. Для этого были обозначены единицы анализа, которые выделялись в качестве элементов, подводимых под ту или иную смысловую категорию.

В рамках проводимого исследования подобные категории выделялись на основании полученных результатов в ходе использования метода фиксированных ассоциаций и методики Р. Инглхарта, а также первичного анализа текстов участников сообщества. В итоге мы получили *пять* крупных отдельных смысловых блоков или категорий для характеристики содержания ценностной системы социокультурного сообщества «Глобал Рашнз».

1. Категория «Свобода» – характеризуется отношением к наиболее значимой для индивида ценно-

сти социального порядка. В качестве единицы анализа использовались слова и словосочетания, непосредственно связанные со словом «свобода». Например: «свобода слова», «права и свободы», «экономическая свобода», «политическая свобода», «творческая свобода», «независимость», «несвобода».

2. Категория «Безопасность» – второй существенный смысловой блок, весьма часто затрагиваемый в различных темах при обсуждении участниками сообщества. Единицами анализа для его изучения являлись следующие: «экономическая безопасность», «личная безопасность», «мир», «война», «порядок», «законность», «преступность».

3. Категория «Пространство» – крайне важная система смыслов для определения идентичности, особенно учитывая фактор проживания и особенности взаимодействия членов данного социокультурного сообщества. В качестве единиц измерения были выделены в частности: «глобализация», «национализм», «интернационализм», «эмиграция», «территория», «заграница», «география», «местоположение».

4. Категория «Время» – еще одна значимая идентификационная характеристика с точки зрения временных представлений архаического сознания. В рамках исследования были выделены следующие единицы измерения: «настоящее», «здесь», «сейчас», «прошлое», «будущее», «золотой век».

5. Категория «Культура» – данная система смыслов строится на понимании культуры с точки зрения ее исторического развития, и в широком смысле – как результат воспитания личности. В качестве основных единиц измерения использовались: «история», «традиция», «патриотизм», «духовность», «образование», «воспитание», «нравственность», «цивилизация».

К каждой из определенных выше категорий или систем смыслов было отобрано по 50 сообщений (постов) из блогов участников медиапроекта «Сноб», где встречались упоминания единиц измерения контент-анализа. Важно заметить, что единицы измерения нередко пересекались сразу в нескольких выделенных категориях, поэтому наибольшую важность для исследования представляли не столько сами единицы измерения, сколько контекст их обнаружения.

Одна из рабочих гипотез исследования предполагала, что в мотивационно-ценностном профиле представителей сообщества «Глобал Рашнз» будут преобладать ценности либерально-демократического спектра и что они будут лежать преимущественно в постматериалистической плоскости, что во многом связано как с высоким социально-экономическим статусом представителей исследуемого сообщества, так и с переездом в иностранные государства с более высоким уровнем экономического развития. Однако на деле фиксировалась проблема, связанная с невозможностью полного перестроения системы ценностей в соответствии с окружающей социально-культурной средой. На когнитивном уровне у представителей социокультурного сообщества обнаружались такие компоненты, которые, как правило, имеют отношение к мифологизированному типу сознания, что было сильно распространено в советском обществе и отчасти наблюдается в современном российском. Это напрямую связано с процессом первичной социализации, кото-

рый накладывает максимальный отпечаток на формировании общественного сознания личности, из-за чего представители «Глобал Рашнз» не могут в полной мере проникнуться ощущением «экзистенциальной безопасности» [8] в другой стране, что ставит под сомнение один из аспектов социальной аттрактивности данной страны.

На глубинном уровне их общественного сознания сохраняются психологические инварианты, которые не позволяют представителям социокультурного сообщества окончательно избавиться от ощущения эмоциональной привязанности к отечественному государству. Интересным наблюдением является здесь то, что в связи с невозможностью до конца разорвать свою ментальную связь с Россией, представители «Глобал Рашнз» в критической форме начинают оценивать настоящее состояние российской общественной жизни. Это напрямую связано с ощущением фру-

страции, переживаемым членами сообщества «Глобал Рашнз». Во многом именно из-за него мы наблюдаем обострение мифологизированного типа сознания, когда восприятие настоящего и будущего уступает место рефлексии по прошлому.

В конечном счете получается, что представители социокультурного сообщества «Глобал Рашнз» оказались в «подвешенном» состоянии в связи с невозможностью полного принятия психологических элементов социокультурной среды непривычного западного мира по причине неразрывной ментальной связи с родным государством, из-за чего многими из них осуществленная в прошлом вынужденная эмиграция сегодня оценивается весьма болезненно, что также сказывается и на социальной аттрактивности страны нынешнего проживания, которая значительно ослабевает в социально-психологическом смысле.

Литература

1. Андреева Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. № 6(20). Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva-20.html> (дата обращения: 28.04.2015).
2. Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.
3. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
4. Боришполец К. П. Методы политических исследований: учеб. пособие для студентов вузов. М: Аспект Пресс, 2005.
5. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.
6. Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. М.: Политиздат, 1986.
7. Инглхарт Р. Культурный сдвиг в развитом индустриальном обществе. М., 1993.
8. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.
9. Международный проект «Сноб». Режим доступа: <http://www.snob.ru/> (дата обращения: 28.04.2015).
10. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренко. М., 1996.
11. Парсонс Т. Системы современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997.
12. Ракитянский Н. М. Догматические основания англо-американской ментальной экспансии // Информационные войны. 2010. № 4(16).
13. Ракитянский Н. М. Психологическое портретирование в политологической практике. М.: Интерпресс, 2008.
14. Селезнева А. В. Политико-психологический анализ политических ценностей современных российских граждан: поколенческий срез // Вестник Томского государственного университета. (Серия: Философия. Социология. Политология). 2011. № 3(15).
15. Шестопап Е. Б. Политическая психология: учебник для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007.
16. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
17. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology*. New York: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1 – 65.

Информация об авторе:

Демин Андрей Андреевич – аспирант кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, аналитик Управления социально-политических исследований ВЦИОМ, andrew.a.demin@gmail.com.

Andrey A. Demin – post-graduate student at the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University; analyst at the Department of Social and Political studies, Russian Public Opinion Research Center.

(Научный руководитель: Мамедов Агамали Куламович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, soccomsys@mail.ru.

Academic advisor: Agamali K. Mamedov – Doctor of Sociology, Full Professor, Head of the Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Д. Н. Долганов

INTERPERSONAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF MULTICULTURAL EDUCATION

D. N. Dolganov

В статье анализируется феномен межличностных отношений в контексте актуальных задач поликультурного образования. Основная цель теоретического исследования – выявить характерные проявления межличностных отношений в образовательной деятельности. Межличностные отношения в деятельности образовательного учреждения рассматриваются в следующих основных проявлениях: отношения как результат образовательной деятельности, отношения как средство обучения и воспитания, отношения между субъектами образовательного процесса, отношения как фактор среды образовательного учреждения. Феноменологически межличностные отношения проявляются в двух основных параметрах: эмпатия и диалогичность. Основные цели поликультурного образования могут быть достигнуты через развитие и оптимизацию межличностных отношений субъектов образовательного процесса.

The paper analyzes the phenomenon of interpersonal relations in the context of actual problems of multicultural education. The main purpose of the theoretical research to identify specific manifestations of interpersonal relations in the educational activity. Interpersonal relations in the activities of educational institutions are discussed in the following main forms: relations as a result of the educational activities, relations as a means of training and education, relations between the subjects of the educational process, relations as a factor of educational institutions environment. Phenomenological interpersonal relations are manifested in two basic parameters: empathy and dialogical. The main goals of multicultural education can be achieved through the development and optimization of interpersonal relations of subjects of educational process.

Ключевые слова: межличностные отношения, поликультурное образование, социализация, обучение, развитие.

Keywords: interpersonal relations, multicultural education, socialization, training, development.

Вопросы поликультурного образования в России в последнее десятилетие приобретают особое значение, что связано с усилением миграционных процессов, вследствие чего и без того многонациональная культурная среда России становится все более изменчивой. Одной из форм формирования устойчивого толерантного межнационального/межкультурного отношения является образование. Поликультурная образовательная среда, по определению Е. И. Суровцевой, это среда, в которой посредством различных влияний формируется готовность личности к эффективному взаимодействию и коммуникации с представителями иных культур [28]. С другой стороны, поликультурная образовательная среда способствует интеграции личности учащегося в пространство национальной и мировой культуры, что связано с большими возможностями социальной адаптации в современном мире [5].

Основные принципы поликультурного образования, как указывает И. С. Бессарабова, это: воспитание высоконравственной личности; воспитание межэтнической и межконфессиональной толерантности; воспитание готовности к взаимному сотрудничеству [4]. Г. Г. Литвинова, характеризуя основную цель поликультурного образования, указывает на то, что основной целью межкультурного компонента образования является формирование навыков межкультурной компетенции, к которой относятся: чувствительность к культурным различиям; уважение к другой культуре; терпимость к необычному поведению; установка на позитивное отношение к неожиданному; готовность реагировать на изменения, гибкость и отсутствие завышенных ожиданий от общения с представителями других культур [21]. В обобщенном виде структура и

содержание поликультурного воспитания хорошо представлена В. А. Ершовым. Структура поликультурного образования основана на общедидактической теории четырехкомпонентного состава общего образования: 1) развитие социокультурной идентификации учащегося; 2) овладение основными понятиями, определяющими разнообразие мира; 3) воспитание эмоционально положительного отношения к разнообразию культур; 4) формирование умений, составляющих поведенческую культуру мира [12].

Говоря об инструментах реализации целей и задач поликультурного образования, среди прочих средств влияния в образовательном процессе следует выделить в отдельную категорию межличностные отношения (МО), которые в контексте образования выполняют различные функции, межличностные отношения являются и процессом и результатом образования. Т. е. можно сказать, что реализация целей поликультурного образования и воспитания через призму МО будет в наибольшей степени эффективна, поскольку межкультурное взаимодействие – это всегда межличностное взаимодействие.

Анализ ряда публикаций по вопросу межличностных отношений в контексте образовательной деятельности позволил выявить несколько аспектов рассмотрения данного феномена. Межличностные отношения как результат обучения и воспитания, как компетенция выпускника, как результат социализации и развития личности в образовательном процессе. Межличностные отношения как инструмент обучения и как фактор, условие развития личности учащихся. Межличностные отношения между учащимися и отношения в системе педагог – учащийся. Межличностные

отношения как инструмент педагогического взаимодействия. Межличностные отношения как параметр педагогической среды.

Межличностные отношения как результат образовательного процесса

В данном аспекте отношения выступают в качестве одного из целевых показателей реализации ФГОС и таким образом мероприятия, реализуемые в обучении, направлены на формирование личностных компетенций.

Методы и способы формирования отношений достаточно различны. В. А. Калашникова рассматривает возможности формирования МО в процессе эстетического воспитания старших дошкольников. В ходе реализации программы развития и оптимизации отношений через реализацию творческой, художественной деятельности, автором отмечается существенный рост основных показателей МО (таблица) [15].

Таблица

Динамика основных показателей развития МО

<i>Показатель</i>	<i>Динамика ЭГ</i>	<i>Динамика КГ</i>
1. Эмоциональные реакции	14,5 %	5 %
2. Показатель положительного выбора	24 %	7 %
3. Удовлетворенность местом в группе	35 %	6 %

С. В. Каханович также рассматривает возможности развития МО в художественно-творческой деятельности. Реализуя интерактивные принципы педагогического взаимодействия, становится возможным развитие и становление не только МО, но и комплексное развитие личности [16; 18]. Кроме того, автор рассматривает процесс формирования культуры МО в весьма широком аспекте поликультурного воспитания личности. В содержании поликультурного воспитания автор выделяет несколько аспектов: навыки взаимодействия, социокультурное и патриотическое воспитание, нравственное развитие [17].

Задачи развития МО и культуры МО свойственны не только для работы с детьми дошкольного возраста. И. В. Хитрова, исследуя механизмы педагогического взаимодействия, выделяет ряд условий, которые способствуют развитию культуры МО у студентов вуза. К данным условиям относятся: формирование мотивации развития МО, включение в учебную программу ценностные и личностно-значимого содержания, педагогические средства активизации, повышение субъективной роли студента в образовательном процессе, проявление дружелюбия к студентам, организация сотрудничества [32].

В более широком аспекте взаимосвязь МО и учебной деятельности рассматривают Н. Г. Ершова, Е. И. Холодилова. Авторы анализируют МО не только как результат обучения, но и указывают на то, что оптимизация отношений между учащимися оказывает положительное влияние на учебную деятельность [13]. Конечно, следует указать на тот факт, что авторы исследовали данную тенденцию в рамках одного учебного предмета, но и это дает нам возможность размышлять о позитивном влиянии МО на процесс учебной деятельности.

И. В. Гуляева изучает возможности развития МО учащихся среднего профессионального образования. Автор рассматривает МО как одну из конечных целей обучения. Основными средствами развития отношений выступают формы интерактивного обучения, которые являются «одним из условий, способствующих становлению межличностных отношений, позволяя создавать развивающее образовательное пространство...» [9, с. 90].

А. В. Кидинов рассматривает формирование МО в процессе обучения через механизм жизненной позиции. Педагогическими условиями, способствующими становлению адекватной позиции и развитию МО, выступают активные виды деятельности, в ходе которой студенты создают новые объекты, приобретают новые знания и навыки [19]. Таким образом, активное взаимодействие является принципиальным механизмом формирования МО и средством достижения целей поликультурного образования и воспитания.

Межличностные отношения как инструмент обучения и развития

В наиболее широком смысле МО рассматриваются как средство, условие, фактор развития и социализации. А. Н. Нестеров рассматривает МО как средовые условия, в которых протекает социализация подростка. В МО автор видит значительный воспитательный потенциал, который может быть задействован в качестве эффективного педагогического воздействия. Эмпирическая проверка показала результативность данного механизма социализации [22]. Е. А. Фокина, напротив, рассматривает МО в более узком смысле, определяя их как один из факторов развития одаренных детей. «Большое воздействие на развитие интеллектуально-творческого потенциала личности ребенка оказывают и так называемые «неинтеллектуальные факторы» – факторы среды и особенности развития личности» [30, с. 1]. Используемая автором программа оптимизации МО в гетерохронном учебном коллективе позволила не только оптимизировать деятельность одаренных детей, но и способствовала развитию интеллектуально-творческой сферы всех детей.

А. Н. Сивак, Ю. Ю. Андреев, с одной стороны, рассматривают влияние специальных педагогических воздействий в курсе физической подготовки курсантов вузов МВД на формирование позитивных МО, но с другой стороны, развитие МО не является самоцелью. Создание позитивных отношений в конечном итоге влияет на формирование профессиональной компетентности выпускника, объективным показателем чего «...явились положительные отзывы на выпускников ЭГ по сравнению с сокурсниками КГ. На выпускников ЭГ не поступило ни одного отрицательного отзыва, в то время как на выпускников КГ посту-

пило более 15 % отрицательных отзывов» [27, с. 135]. Т. е. авторы рассматривают МО как один из инструментов формирования личности будущего специалиста.

Т. С. Сергейчик на примере студенческих учебных групп установила взаимосвязь между МО студентов и эффективностью их учебной деятельности [25]. Выдвигается тезис о том, что «педагогическое регулирование взаимоотношений в студенческом коллективе способствует повышению мотивации к обучению и, в конечном счёте, качества процесса подготовки будущих инженеров» [26, с. 257]. Следовательно, возникает потребность целенаправленного использования МО как инструмента педагогического воздействия, о чем говорят и другие исследователи. Например, О. В. Рассказова отмечает необходимость целенаправленного управления МО студентов, поскольку это позволяет более эффективно управлять деятельностью группы и стимулировать студентов к более плодотворной и результативной работе [24]. А В. В. Беликова отмечает, что одной из функций современного образования является воспитание гражданственности, патриотизма. Для решения данной задачи требуются решения в области повышения качества образования. Одним из аспектов является формирование «в учебных коллективах межличностных отношений как фактора успешности обучения, воспитания, образования» [2, с. 50]. Но кроме достижения общих образовательных целей, МО могут быть использованы как реальное дидактическое средство. И. Ю. Белова рассматривает МО как инструмент эффективного изучения иностранного языка в детском возрасте. МО выступают каналом трансляции культуры, в результате чего «...язык перестаёт быть «чужим»... Мир другой, доселе «чужой» культуры начинается постепенно «оживать», становится своим...» [3, с. 22]. Т. е. погружение детей в пространство МО в контексте иной культурной традиции способствует более успешному изучению дисциплины. Данный пример в наибольшей степени иллюстрирует возможности использования развития и оптимизации МО для решения задач поликультурного воспитания и образования.

Межличностные отношения в системе «педагог – учащийся» и в среде учащихся

П. А. Хазанов указывает на существенную роль МО в системе «педагог – учащийся», поскольку эта система взаимодействия является ключевой в реализации образовательной деятельности. Конечно, «педагогическая деятельность... не сводима, разумеется, к межличностным, интерперсональным отношениям..., однако эти отношения выступают в качестве принципиально важных, базовых процессов, определяющих успешность функционирования учебно-образовательной системы в целом...» [31, с. 45]. В значительной степени усилия по регулированию МО в данной системе взаимодействия отводятся педагогу. Автор указывает на значимые характеристики педагогической деятельности, которые способствуют оптимизации отношений: установки, рефлексия, эмпатия, личностная идентификация, интерактивность, функционально-ролевые взаимодействия. Из приведенного списка

следует выделить эмпатию и интерактивность. Поскольку именно от того, есть ли взаимодействие между учителем и учеником, и от того, насколько позитивно/негативно протекает данный контакт, зависит реализация и эффективность остальных функций, что вписывается в парадигму гуманизации образования. Т. Г. Панарина на этот счет отмечает, что «гуманистическая парадигма коммуникативного взаимодействия предполагает диалог, в котором проявляются индивидуальные особенности партнеров и формируются гуманные, доверительные отношения, выражаемые в поддержке, помогающем поведении» [23, с. 4]. Также автором показано, что эмпатические способности педагога и его ориентация на диалогическое взаимодействие существенным образом повышают позитивность отношений.

Интерес к проблеме межличностного взаимодействия возникает еще и из понимания того, что в педагогической деятельности часто происходит профессиональная деформация, ведущая к дисфункциям педагогического взаимодействия. Т. Н. Банщикова продемонстрировала данный факт результатами лонгитюдного исследования отношений в педагогической среде. Результаты, полученные автором, тревожны. У 44,9 % педагогов в течение 11 лет наблюдений прослеживается рост индекса агрессии в отношениях, что закономерно приводит к нарушениям взаимодействия между учителем и учащимися [1]. В исследовании Н. В. Елфимовой показана взаимосвязь между конфликтогенностью и стилем педагогического общения, между стилем педагогического общения и готовностью к диалогу с ребенком [10]. Следует оговориться, что указанные факты скорее являются условиями проявления деформаций, тогда как реальные причины дисфункций кроются в ином. Автор основные причины деформации МО дифференцирует в два класса: внешние и внутренние причины. Внешние причины: тип школы, административный уклад, материальный достаток, социально-психологические изменения в обществе. Внутренние причины: установки, эмпатия, уровень агрессивности, личностные деформации, индивидуально-личностные особенности, информация об ученике, психологические барьеры [11].

Е. Ю. Клепцова, анализируя феномен гуманных/негуманных МО, выделяет основные характеристики, которые связаны с проявлениями профессиональной деформации и деструктивным поведением. «Негуманные межличностные отношения субъектов образовательной деятельности определяются низкой сформированностью механизмов терпения и принятия, преобладанием негуманных характеристик в реагировании на ситуацию межличностного взаимодействия в образовании» [20, с. 148]. Можно сказать, что данные проявления сводятся к уже известным параметрам эмпатии и диалогичности.

В целом данные проявления дисфункций межличностных отношений можно экстраполировать и на поведение учащихся, с той лишь разницей, что влияние педагога в данной системе более выражено. Кроме того, при анализе МО можно учитывать гендерные отличия. С. Н. Загуменов, исследуя данный вопрос, показал, что личностные, гендерные характеристики определяют иерархический групповой статус в боль-

шей степени, чем социально-психологические характеристики. В гендерных моделях мужчин преобладают когнитивные компоненты, в моделях женщин – эмоциональные [14]. Все вышеназванное можно использовать в целях направленного управления МО в учебной группе, поскольку стихийное и неконтролируемое функционирование группы приводит к ослаблению «учебного потенциала» учащихся, а управление отношениями, напротив, приводит к положительному результату. Как справедливо отмечает Н. В. Тильтевская, «Взаимодействие преподавателей и студентов во многом способствует раскрытию творческого потенциала субъектов образовательного процесса» [29, с. 98].

Межличностные отношения как элемент педагогической среды

Еще одним аспектом проявления МО в педагогической деятельности является рассмотрение их как элемента среды. И. Г. Бозина, Н. Э. Касаткина, анализируя среду образовательного учреждения, описывают следующие основные факторы среды: макрофакторы, мезофакторы, микрофакторы. В каждой группе факторы дополнительно подразделяются на субъективные и объективные. Абсолютно во всех группах субъективные факторы содержат проявление отношений, причем часто выделяются отношения к социальным группам, к отдельным людям или отдельным индивидуальным проявлениям [6 – 7]. Это говорит о том, что где есть человек, там всегда есть место МО. И даже сами педагогические работники отмечают важность МО как элемента среды образовательного учреждения. А. Э. Болотин, А. Н. Сивак, проводя опрос среди преподавателей вузов внутренних войск МВД, выявили наиболее значимые параметры среды образовательного учреждения. Наряду с возможно-

стями профессионального роста и влияния на личностное развитие курсантов, среда образовательного учреждения должна способствовать развитию и становлению МО [8].

Проведенный нами теоретический анализ заявленной проблематики позволяет сделать следующие выводы.

1. Межличностные отношения – это феномен, который пронизывает все аспекты образовательной деятельности и в равной степени значим для всех ступеней образования.

2. Феноменология проявления межличностных отношений в образовательной деятельности может быть сведена к двум основным характеристикам: эмпатия и диалогичность. Все прочие характеристики не утрачивают своего смысла, но выступают вторым планом.

3. Межличностные отношения в образовательной деятельности проявляются в следующих основных аспектах: отношения как результат образования в виде сформированных компетенций специалиста; отношения как инструмент педагогического воздействия, как дидактический инструмент приводящий к оптимизации учебной деятельности; отношения между субъектами образовательной деятельности; отношения как общий фактор среды образовательного учреждения.

4. Основные цели поликультурного образования могут быть достигнуты через механизмы развития и оптимизации межличностных отношений субъектов образовательного процесса. Успешная реализация данной цели становится возможной в силу того, что основные задачи поликультурного образования и воспитания направлены на выработку адекватного взаимодействия, а равно и отношений с представителями иной культуры.

Литература

1. Банщикова Т. Н. Диспозиционные детерминанты агрессивных проявлений педагогов // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2013. № 1. Режим доступа: <http://ppip.idnk.ru> (дата обращения: 05.02.2015).
2. Беликова В. В. Педагогическая диагностика формирования межличностных отношений в учебной группе // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 74-2. С. 50 – 52.
3. Белова И. Ю. Игра как средство формирования межличностных отношений у дошкольников на занятиях английского языка // Среднее профессиональное образование. 2012. № 1. С. 21 – 22.
4. Бессарабова И. С. Цели, задачи и принципы поликультурного образования в России и США // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 8. С. 97 – 99.
5. Богданова А. И. Поликультурная образовательная среда // Современные наукоемкие технологии. 2011. № 1. С. 113 – 115.
6. Бозина И. Г., Касаткина Н. Э. Факторы, влияющие на социализацию личности старших школьников в условиях образовательного учреждения // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 6. С. 290 – 298.
7. Бозина И. Г., Касаткина Н. Э. Факторы, влияющие на социализацию школьника в образовательной среде гимназии // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 5. С. 266 – 273.
8. Болотин А. Э., Сивак А. Н. Типологические признаки образовательной среды, необходимые для эффективного профессионального развития курсантов в вузах внутренних войск МВД России // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2013. № 5(99). С. 16 – 21.
9. Гуляева И. В. Потенциал интерактивного обучения в становлении полноценных межличностных отношений учащихся среднего профессионального образования // Вестник ЧГПУ. 2014. № 1. С. 84 – 92.
10. Елфимова Н. В. Исследование деформаций межличностного взаимодействия в системе «педагог – учащийся» // Педагогическое образование в России. 2011. № 3. С. 89 – 95.
11. Елфимова Н. В. Причины деформации межличностного взаимодействия в образовательной среде // Фундаментальные исследования. 2012. № 11-6. С. 1368 – 1372.
12. Ершов В. А. Поликультурное образование в системе общеобразовательной подготовки учащихся средней школы: дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 185 с.

13. Ершова И. Г., Холодилова Е. И. Формирование межличностных отношений у детей 6 – 7 лет средствами физического воспитания в процессе воспитательной деятельности // Физическое воспитание студентов творческих специальностей: сб. научн. тр. / под ред. проф. С. С. Ермакова. Харьков: ХГАДИ(ХХПИ), 2007. № 3. С. 67 – 71.
14. Загуменов С. Н. Личностные и социально-психологические детерминанты гендерных различий в системе межличностных отношений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 26 с.
15. Калашникова В. А. Практико-исследовательский подход в формировании межличностных отношений старших дошкольников в процессе эстетического воспитания (результаты опытно-экспериментального исследования) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 7. С. 114 – 120.
16. Каханович С. В. Основные интерактивные принципы педагогической технологии формирования культуры межличностных отношений у дошкольников в художественно-творческой деятельности // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 4. С. 26 – 30.
17. Каханович С. В. Формирование культуры межличностных отношений у детей дошкольного возраста в условиях поликультурного воспитания // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 3(15). С. 14 – 18.
18. Каханович С. В. Формирование основ культуры межличностных отношений у детей дошкольного возраста средствами художественно-творческой деятельности: теоретический и технологический аспекты // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 8. С. 31 – 44.
19. Кидинов А. В. Психологические аспекты влияния активной жизненной позиции студентов на формирование их межличностных отношений // Вестник Тамбовского университета. (Серия: Гуманитарные науки). Тамбов, 2010. Вып. 1(81). С. 162 – 168.
20. Клепцова Е. Ю. Психологические характеристики гуманных межличностных отношений и проблемы психологической поддержки профессиональной деформации и деструктивного поведения педагогических и управленческих кадров образовательных учреждений // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. (Серия: Педагогика и психология). 2013. № 2(3). С. 144 – 151.
21. Литвинова Г. Г. Поликультурное образование в системе подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. Режим доступа: www.science-education.ru/104-6883 (дата обращения: 26.04.2015).
22. Нестеров А. Н. Социализация подростков в условиях межличностных отношений в общеобразовательной школе: дис. ... канд. пед. наук. Карачаевск, 2005. 193 с.
23. Панарина Т. Г. Социально-психологические основы оптимизации межличностных отношений «учитель – ученик»: дис. ... канд. психол. наук. М., 1996. 126 с.
24. Рассказова О. В. Развитие межличностных отношений как фактор управления субъектами образования в вузе // Известия ЮФУ. (Серия: Технические науки). 2006. № 14. С. 72 – 75.
25. Сергейчик Т. С. Формирование межличностных отношений в студенческом коллективе (на примере технического вуза): дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2004. 196 с.
26. Сергейчик Т. С., Дерябина Н. В. Роль преподавателя в формировании межличностных отношений в студенческом коллективе технического вуза // В мире научных открытий. 2013. № 11.7(47). С. 254 – 258.
27. Сивак А. Н., Андреев Ю. Ю. Технология применения средств физической подготовки и спорта для развития позитивных межличностных отношений у курсантов вузов внутренних войск МВД России // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2012. № 4(86). С. 133 – 136.
28. Суровцова Е. И. Поликультурная образовательная среда как феномен современной духовной жизни общества // Педагогическое образование в России. 2014. № 7. С. 162 – 164.
29. Тельтевская Н. В. Роль межличностного взаимодействия в профессиональной подготовке студентов // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 4. С. 95 – 99.
30. Фокина Е. А. Формирование межличностных отношений одаренных детей со сверстниками в гетерохронных коллективах массовой начальной школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 24 с.
31. Хазанов П. А. Оптимизация межличностных отношений и взаимодействий в системе «учитель – ученик»: (на материале индивидуальных занятий художественно-творческой деятельностью): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. 51 с.
32. Хитрова И. В. Педагогическое взаимодействие как средство развития культуры межличностных отношений в образовательном процессе вуза: дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2006. 182 с.

Информация об авторе:

Долганов Дмитрий Николаевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, докторант межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, заведующий лабораторией социологических и социально-психологических исследований филиала КузГТУ в г. Белово; dodn-b@yandex.ru.

Dmitriy N. Dolganov – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Social Psychology and Psychosocial Technologies, doctoral student at the Inter-University Department of General and University pedagogics, Kemerovo State University; Head of the Laboratory of Sociological and Socio-Psychological Research, Kuzbass State Technical University branch in Belovo.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА СТРАНЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

К. Б. Джгмадзе

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FEATURES OF STUDYING THE COUNTRY'S IMAGE IN THE MASS CONSCIOUSNESS

K. B. Dzhgamadze

Центральным предметом анализа является продукт восприятия – политический образ страны в массовом сознании. Статья имеет своей целью описать существующие теоретические и методологические подходы к исследованию образа страны. Системный анализ зарубежной и отечественной литературы выявил огромное количество научных теорий и направлений в рамках изучения заявленного предмета. Автор классифицировал и ввел собственную теоретико-методологическую карту по исследованию образа страны. Проблема восприятия страны рассматривается в соответствии с политико-психологическим, политико-культурным, политико-коммуникативным и пространственно-географическим подходами. Каждый подход раскрывает отдельные характеристики образа страны – территориальные, темпоральные измерения, политическую культуру, представления субъекта восприятия о политике, истории, экономике и прочем.

The main subject of analysis is the product of perception – the political image of the country in the mass consciousness. The study of the country's image reveals the deep contradictions in the political system and the political situation of real differences with the demands of society. The paper aims to describe the existing theoretical and methodological approaches to the study of the image of the country. System analysis of foreign and Russian research works revealed a huge amount of scientific approaches and trends in the study of the claimed subject matter. The author classified and introduced his own theoretical and methodological research map of the country's image in the public mind.

Ключевые слова: образ страны, политическое восприятие, массовое сознание, политическая психология, идентичность.

Keywords: image of the country, political perception, mass consciousness, political psychology, identity.

Современный мир стремительно развивается – усовершенствование технологий, наступление эры информационного общества, процесс глобализации и многие другие положительные процессы. Однако, события последних лет подтверждают наличие внешних и внутренних угроз для общества, выражающихся в военных столкновениях, религиозных конфликтах, межэтнической напряженности, терроризме, массовых эпидемиях и многих других. В связи с этим на государство возлагается огромная миссия по протекции своего населения, в то же время каждый член общества должен ощущать ответственность за свои поступки перед страной.

В эпоху модернизации российского общества наиболее важным становится вопрос об отношении граждан к своей стране, к своей истории, к своей культуре, к своему общественному устройству, к месту и роли своего государства в мировом сообществе. В данном случае образ страны отражает представления общества о своем государстве в целом. Изучение образа страны открывает глубинные противоречия в политической системе и расхождения реальной политической ситуации с запросами общества.

Образ является результатом восприятия внешнего объекта, запечатленного в сознании субъекта. Основоположником концепции образа в отечественной научной литературе выступает А. Н. Леонтьев. Он считал, что «образ мира» или «картина мира» является «символической знаковой репрезентацией мира, формируемой в индивидуальной психике субъекта на основе усвоения субъектом системы общественно выработанных

значений, закрепленных в языке, предметах культуры, нормах и эталонах деятельности» [13, с. 251 – 261].

Под **политическим образом** можно понимать отражение реальных характеристик объекта восприятия – политической власти, личности лидера, особенности той или иной политической партии, а также страны [20].

История изучения политического образа требует комплексного анализа литературы и исследовательских работ в данной сфере. Среди массива теоретических и методологических разработок можно выделить несколько актуальных блоков (таблица): политико-психологический, политико-культурный, политико-коммуникативный и политико-географический подходы.

Политико-психологический подход к изучению образа страны

Формирование тех или иных объектов в сознании индивида неразрывно связано с феноменом социального восприятия или перцепцией. Так, в 1947 г. Дж. Брунер ввел понятие «**социальное восприятие**», под которым он понимал активное, селективное восприятие социальных объектов, зависящее от установок и стереотипов нашего сознания [1].

Согласно взглядам исследователя политического лидерства и проблем личности в политике Ф. Гринстайна [24] специфика восприятия политических объектов обусловлена множеством факторов, среди которых – когнитивные особенности субъекта, особенности среды и источников, получаемой информации, существующий политический и исторический контекст, социокультурные особенности исторического процесса.

Теоретико-методологическая карта исследования образа страны

<i>Политико-психологический подход</i>	Образ страны с точки зрения политической психологии (школа Е. Б. Шестопал)	Психологическая структура образа	Психолингвистика
<i>Политико-культурный подход</i>	Идентичность		Особенности политической культуры
<i>Политико-коммуникативный подход</i>	Имидж и бренд	Образ государства в международных отношениях	
<i>Пространственно-географический подход</i>	Когнитивная география		

А. Н. Леонтьев писал, что любая вещь существует в двух модификациях: во-первых, объективно – в объективных связях предметного мира, а, во-вторых, в субъективности, т. е. в сознании человека. «Мы строим Образ, активно "вычерпывая" его из объективной реальности» [13, с. 151 – 161]. В результате этого процесса, по Леонтьеву, выстраивается образ объективной реальности, причем этот образ может быть как менее, так и более адекватный, а иногда и вовсе ложный.

Механизмы формирования и структура политического образа достаточно полно описаны в работах **школы политической психологии** на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова под руководством профессора Е. Б. Шестопал [18]. С 2008 г. на кафедре реализуется научно-исследовательский проект "Образ России в стране и в мире", цель которого – выявление образа России как внутри страны, так и за ее пределами.

Для анализа образа страны авторский коллектив выделяет несколько параметров:

- *политико-культурный аспект* – опирается на мифы, этнонациональные и ценностные особенности образа, сравнение идеальных и реальных представлений о стране, которые позволяют выделить эталонный образ, сопоставить его с современными реалиями;

- *субъективный аспект* – демонстрирует зависимость образа от субъекта восприятия (образы в массовом сознании, в представлениях групп элит или в СМИ);

- *пространственный аспект* – учитывает политико-географические особенности образа;

- *темпоральный аспект* – позволяет рассмотреть ретроспективный, современный и перспективный срезы политического образа;

- *политико-психологический аспект* – подразумевает рассмотрение образов на рациональном (вербализируемые представления, оценки и установки) и бессознательном (неосознаваемые установки) уровнях восприятия, а также в трех измерениях: эмоциональном, когнитивном и поведенческом [16].

Содержанием **психологической структуры образа** занимаются многие ученые (Прим. автора: Н. А. Романович, А. В. Захаров, О. В. Бражник, А. А. Вилков, Ю. П. Зинченко), среди которых Л. А. Преснякова. Она определяет основные *факторы*, воздействующие на формирование индивидуального образа того или иного политического объекта в сознании воспринимающе-

го субъекта, логично выделяя объектные, коммуникативные, ситуативные и субъективные факторы [17].

В исследованиях структуры политического восприятия особое место занимают работы Е. В. Егоровой-Гантман [7]. Она ввела понятие *«перцептивного экрана»* – фильтра, расположенного между субъектом восприятия и объектом политической реальности, расставляющего смысловые акценты и оказывающего непосредственное влияние на интерпретацию политической информации. Е. В. Егорова-Гантман и ее соавторы, изучая проблему восприятия политиков, выделяют три основных элемента в структуре образа. Первый, *образ-знание* – представляет собой отраженную субъектом восприятия картину реальности и выступает в форме зафиксированного знания об объекте. Второй, *образ-значение* – определяет ценность какого-либо объекта для нас. На образ-значение влияет идеология, которая создает определенную систему оценок и суждений. И третий, *образ потребного будущего* – он связан с ожиданиями и прогнозами относительно того, каким станет воспринимаемый объект в будущем (идеальный образ).

Психолог Ю. П. Зинченко в свою очередь в структуре образа выделяет 4 составляющие: *образ самовосприятия* – как образ для себя; *имидж* – как образ для других; *репутацию*, или образ, имеющийся у других; и *авторитет* как коммуникативный ресурс или метаобраз [15].

Далее можно выделить **психолингвистику** (Прим. автора: см. работы исследователей: Ч. Осгуда, А. А. Леонтьева, Е. А. Киселева), которая представляет собой дисциплину, изучающую закономерности порождения и восприятия речи. Отечественные специалисты по психолингвистике предлагают собственное видение образа страны. Е. Ф. Тарасов вместе с коллегами провел исследование образа России в рамках проекта "Образ России в автохтонном и неавтохтонном языковом сознании" [19]. Под образом страны в исследовании понимался фрагмент языкового сознания с аффективно окрашенным содержанием. Подобные ментальные образования, как считает Е. Ф. Тарасов, можно трактовать как социальные мифы, формируемые в рефлексивном слое сознания. Образы рефлексивного слоя сознания, в том числе и социальные мифы, конструируются в относительном отрыве от реальной действительности, с которой они связаны через другие – чувственные образы, прямо, непосредственно отображающие реальное бытие людей.

Политико-культурный подход к изучению образа страны

Смысл политико-культурного подхода к изучению образа страны заключается в возможности интерпретировать политическую систему того или иного общества посредством изучения его политической культуры. Иными словами, политическая культура передает важные для процесса восприятия ценности, символы и опыт.

Как считает А. И. Юрьев, образы формируются под воздействием взаимосвязанных элементов [21]. К ним относятся: *картина мира* как определенный продукт мышления человека, соответствующий конкретному историческому периоду; *образ жизни* – результат формирования человека как индивида; *мировоззрение* – результат формирования человека как личности, который представляет собой систему взглядов, принципов, ценностей, убеждений; *жизненная позиция граждан* – существующее отношение к способу получения средств к существованию (к труду).

В своих научных трудах А. Ю. Юрьев ссылается на исследования В. А. Ганзена, описавшего пять принципов гармонии восприятия [4]. Первый принцип заключается в повторяемости целого в частях на основе сходства. Второй принцип указывает на соподчиненность – объединение частей в целое на основе различия. Третий опирается на соразмерность частей по метрическим характеристикам. Четвертый уделяет внимание уравновешенности противоположных объектов, их симметричности и тектоничности. Пятый принцип требует единства: согласования структурности (цели) и функциональности (средства). Следовательно, целостность и гармония – залог положительной динамики образа страны в перспективе.

Известный в отечественной политологической науке профессор К. С. Гаджиев высказал мнение о том, что «каждая нация, каждый народ, каждое сообщество людей в процессе своей истории вырабатывает собственный образ или самообраз, который в значительной мере выражается в разного рода символах и знаках» [2].

Так, Т. Н. Загородникова и В. П. Кашин считают, что «образ страны и ее народа (или народов) формируется в общественном сознании другой страны и тех, кто ее населяет, из разнородной смеси фактов истории, этнических и культурных особенностей, искусства, национальных традиций, развития национальной экономики, социальных и политических процессов» [19].

При анализе политических образов не следует забывать и про стереотипы, которые, несомненно, содержатся в сознании людей и служат некой «призмой», через которую воспринимается информация. Феноменом стереотипов занимался У. Липпман, определяя их как «упорядоченные, схематичные детерминированные культурой "картинки мира" в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права» [14].

В рамках политико-культурного подхода особое место занимают исследования по теме «**идентичности**». Хотелось бы отметить теоретическую модель Т. В. Евгеньевой – «*концепцию политико-психологи-*

ческих трансформаций идентичности». Согласно данной концепции национально-государственная идентичность представляет собой значимый фрагмент политического сознания. Под *национально-государственной идентичностью* Т. В. Евгеньева понимает психологическую самоассоциацию личности с геополитическим образом (образами) определенного национально-государственного конструкта, имеющую в своем основании персональные фреймы (мотивы и ценности), закрепляющую и проявляющуюся через символические репрезентации [6, с. 199 – 205].

Как считает А. Л. Зверев, для создания идентичности, включающей в себя широкие массы населения, важны государственные символы [10]. При этом им необходимо соответствовать определенным критериям. Во-первых, символы должны нести ценности, которые разделяются всем сообществом. Во-вторых, символы должны иметь положительную коннотацию и поэтому, по крайней мере, не быть скомпрометированы своим прошлым. И в-третьих, государственным символам желательно обладать мощным потенциалом мобилизации.

Итак, образ страны включает в себя, как правило, достаточно разнородные символы, стереотипы, менталитет и наиболее общие представления об историко-культурных и природных условиях страны.

Политико-коммуникативный подход к изучению образа страны

В рамках политико-коммуникативного подхода образ страны понимается как конструкт, который подвергается целенаправленному воздействию в процессе коммуникации.

Формирование имиджа и бренда в качестве направления исследований по восприятию можно назвать самым популярным из всех описанных (*Прим. автора: см. работы исследователей: Е. В. Егоровой-Гантман, К. В. Плешакова, Т. Э. Гринберга, И. Ю. Глинской, Г. И. Козырева, А. В. Федякина, Д. А. Леонтьева*).

Ссылаясь на определение Э. А. Галумова, *имидж страны* является комплексом объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы: экономических, политических, географических, национальных и культурных [3]. Эти характеристики формируются в сознании широких масс общественности в процессе развития государственности конкретной страны.

Итак, использование категории «образа» подчеркивает именно спонтанный характер формирования представлений об объекте. Имидж предполагает коррекцию образа с помощью стандартных процедур и, в первую очередь, выборочного целевого информирования. Имидж формируется на основе уже имеющегося образа, но не тождественен ему.

На данный момент чрезвычайно востребовано научное направление, которое изучает **образ страны в международных отношениях** (*Прим. автора: см. работы исследователей: Р. Херрманн, Р. Коттама*). Причиной стало бурное развитие международных связей и возникновение такого понятия, как «soft power». В научный оборот его ввел Дж. Най, согласно которому «мягкая сила» основана на привлекательности культуры, ценностей, политических и социальных

программ государства [25]. Обладание «мягкой силой» является следствием позитивного образа государства, сформировавшегося у других государств.

Социолог К. Боулдинг утверждает, что знание основывается на информации, которую субъект получает от объекта в результате случайной утечки информации или преднамеренной коммуникации [22]. Таким образом, в сознании формируется образ как структура, в которую облекается знание. Важно, что образ сложится, даже если коммуникация была неосознанной. Основные сходные черты людей позволяют образу стать общим для группы людей или для организации, или для общества в целом. Возникая в сознании индивидов, после распространения образы становятся общественными представлениями, разделяемыми массами людей.

К. Боулдинг сделал акцент на понятии «national image» (образ государства) [23]. Образы играют важную роль в выстраивании международных отношений, именно с их помощью можно объяснить причины негативного восприятия друг друга у различных стран. Причиной враждебности между государствами является существование национальных образов «других» государств в международной системе. К. Боулдинг настаивает на том, что образ «другого» необходимо трактовать исключительно как образ врага, который ярко наполнен символическим содержанием.

Ярославские исследователи И. Ю. Киселев и А. Г. Смирнова обозначили факторы восприятия государства на принятие внешнеполитических решений [11]. По словам специалистов, государство – это коллективный субъект, который вступает во взаимоотношения с другими государствами, исходя из собственного восприятия «Я-образа», а также других государств в качестве «друга» или «врага». При этом исследователи отстаивают тезис, что «образ государства – это когнитивная, аффективная и оценочная структура поведения, которая выступает в качестве совокупности убеждений коллективного субъекта о себе, и возникает в процессе интересубъективного, диалогического ("Я" – "Мы" – "Они") взаимодействия субъектов международных отношений».

Политико-географический подход к изучению образа страны

Политико-географический подход, прежде всего, нацелен на рассмотрение географического образа страны, который вбирает в себя характеристику территории, исторический контекст, национальный состав и многое другое (Прим. автора: см. работы исследователей: А. Геттнера, В. А. Пуляркина, И. Б. Бочкаревой, В. П. Семенов-Тянь-Шанского, Н. Н. Михайлова).

Географический образ является совокупностью ярких, характерных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства [12]. В массовом сознании географические образы могут формироваться как стихийно, так и намеренно подвергаться трансформации и корректировке.

Г. Тробридж изучал географический образ в индивидуальном сознании, сравнивая особенности ориентации людей в пространстве относительно собственного дома с ориентацией по сторонам света [26].

Согласно теоретической концепции Дж. Голда [5] географический образ основан на пространственном и атрибутивном знании. Под пространственным знанием исследователь понимает знания о территории и ее структуре, под атрибутивным – название местности и ее ассоциативные оценки.

Российская школа гуманитарной географии основана Д. Н. Замятиным и Н. Ю. Замятиной. По их мнению, политико-географический образ построен скорее на атрибутивном (ассоциативном) знании, нежели на пространственном [8].

Образ страны авторы определяют как устойчивый и диверсифицированный географический образ, наполненный представлениями о географическом пространстве, природными и культурно-историческими, экономическими особенностями.

Структура политико-географического образа, согласно Д. Н. Замятину, представляет собой «матрешку», внутри которой спрятан стержневой и «ностратический» образ, под которым понимается географический образ. Придерживаясь пирамидального принципа устройства, на втором уровне расположен локальный миф, иными словами, история территории. На третьем уровне под влиянием СМИ формируется идентичность. Завершает пирамиду культурный ландшафт: совокупность всех визуальных образов территории. Таким образом, территория исследуется на предмет наиболее ярких, запоминающихся символов, знаков и характеристик на разных уровнях политико-географического образа.

Говоря о пространственно-географических измерениях реальности, существенно отметить точку зрения В. А. Колосова и его коллеги Д. В. Заяца. Они полагают, что в обществе бытуют представления о границах своей страны и иностранных государств, отличные от официальных. «Можно сказать, что эти образы складываются как системы концентрических окружностей вокруг воображаемого национального пространства, как орбиты, отделяющие ближних и дальних соседей, врагов и друзей, верных союзников и "попутчиков". Эти границы отделяют "нас" (социально-территориальную общность) от "них", "чужих"» [9].

Подведем итоги: современные научные работы ярко демонстрируют интерес ученого сообщества к изучению образа страны в отраслях гуманитарных наук – политической психологии, политической географии, социальной психологии. Написано достаточно много монографий и диссертаций, организуются международные конференции и проекты.

Анализ научной литературы позволяет классифицировать исследования образа страны следующим образом:

- I. Политико-психологический подход:
 - образ России с точки зрения политической психологии – школа Е. Б. Шестопал;
 - психологическая структура образа;
 - психолингвистика.
- II. Политико-культурный подход:
 - особенности политической культуры;
 - идентичность.
- III. Политико-коммуникативный подход:

- имидж и бренд;
- образ государства в международных отношениях.

IV. Пространственно-географический подход:

- когнитивная география.

Итак, образ страны отображает территориальные и темпоральные измерения, политическую культуру, представления субъекта восприятия о политике, экономике и т. п. Поэтому рассмотреть все грани образа страны так сложно, ведь под влиянием различных факторов образ постоянно трансформируется и приобретает новые оттенки.

Литература

1. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
2. Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. М.: Логос, 1999. Гл. 16.
3. Галумов Э. А. Международный имидж современной России: автореф. ... д-ра полит. наук. М., 2004.
4. Ганзен В. А. Восприятие целостных объектов. Л., 1974.
5. Голд Д. Основы поведенческой географии. М., 1990.
6. Евгеньева Т. В. Национально-государственная идентичность современной российской молодежи: структурное измерение и политико-психологические особенности // Перспективы развития политической психологии: новые направления: материалы Международной научной конференции 22 – 23 октября 2010 г. / под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Издательство Московского университета, 2012.
7. Егорова-Гантман Е. В., Плешаков К. В. Политическая реклама. М.: Никколо М, 2002.
8. Замятин Д. Н. Образ страны: структура и динамика // ОНС, 2000. № 1.
9. Заяц Д. В., Колосов В. А. Географические образы в зеркале СМИ // Отечественные записки. 2002. № 6.
10. Зверев А. Л. Государственный символизм в образе современной России // Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Аспект Пресс, 2008.
11. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Образ государства и принятие решений в международных отношениях: учебное пособие. СПб., 2004.
12. Колосов В. А. Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник ДВГСА. Сер. 1. 2008. № 1(1).
13. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М., 1983.
14. Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.
15. Образ России в стране и за рубежом: гуманитарное измерение / под общ. ред. Ю. П. Зинченко, Л. В. Матвеевой. М., 2008.
16. Пищева Т. Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. 2011. № 2.
17. Преснякова Л. А. Структура личностного восприятия власти // Полис. 2000. № 4.
18. Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
19. Тарасов Е. Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 69 – 73. Режим доступа: it-claim.ru/Projects/ASIS/Tarasov2006.pdf (дата обращения: 10.03.2015).
20. Шестопаля Е. Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: Аспект Пресс, 2008.
21. Юрьев А. И. Состав, структура, функции изменяющегося образа России в мире глобальных изменений // «Северо-Запад России: окно в глобальный мир». Круглый стол: «Образ России: новый контекст». СПб., 14.11.2003. Режим доступа: <http://www.yuriev.spb.ru/russia/sostav-struktura-russia> (дата обращения: 07.03.2015).
22. Boulding K. National Images and International Systems // Journal of Conflict Resolution. 1959. № 3.
23. Boulding K. The Image: Knowledge in Life and Society. Ann Arbor, MI, 1997.
24. Greenstein F. J. Can Personality and Politics Be Studied Systematically // Political Psychology: Key Readings / ed. by John T. Jost and James Sidanius. New York: Taylor & Francis Books, 2004.
25. Nye J. The Power of Persuasion: Dual components of US leadership // The conversation with J. Nye. Harvard International Review, Winter, 2003.
26. Trowbridge G. On fundamental methods of orientation and «Imaginary maps» // Science. 1913. Vol. 88.

Информация об авторе:

Джгмадзе Кристина Бадровна – аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, di-an-a@yandex.ru.

Kristina B. Dzhgamadze – post-graduate student at the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

(Научный руководитель: Зверев Андрей Леонидович – кандидат политических наук, доцент, заместитель заведующей кафедрой по научной работе, кафедра социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, zveandr@mail.ru).

Academic advisor: Andrey L. Zverev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department for Research at the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 323.2

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ «ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ» МОЛОДЕЖИ:
ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
В СИСТЕМЕ ТЕХНОЛОГИЙ СОДЕЙСТВИЯ ЦЕННОСТНОМУ РАЗВИТИЮ**

А. А. Зеленин, С. А. Пфетцер, А. В. Горелкин

**POLITICAL SOCIALIZATION OF «PROVINCIAL» YOUTH: INFORMATION SUPPORT
OF VALUABLE SELF-DETERMINATION IN THE SYSTEM OF TECHNOLOGIES
OF ASSISTANCE TO VALUABLE DEVELOPMENT**

A. A. Zelenin, S. A. Pfetzer, A. V. Gorelkin

В статье рассматриваются проблемы политической социализации молодежи в условиях современной российской провинции. Раскрывается значение политической социализации в формировании системы политических ценностей, лежащей в основе политической культуры различных общностей. Дается общая характеристика системы ценностей «провинциальной» молодежи. Аргументируется значение поддержки ценностного развития молодежи российской провинции в контексте обеспечения политической стабильности общества. Раскрываются психолого-педагогические, социально-политические и информационные технологии содействия ценностному развитию молодежи. В этом аспекте обосновывается ведущая роль информационных технологий, связанная со снижением роли традиционных институтов социализации при одновременном росте значимости средств массовой коммуникации. Дается подробная характеристика Интернета как одного из основных агентов социализации молодежи, анализируются позитивные и негативные эффекты его использования. Выделяются и систематизируются информационные угрозы процессу социализации молодежи в интернет-среде. Аргументируется необходимость разработки и реализации комплекса мер по обеспечению информационной безопасности молодежи в процессе ее политической социализации. Дается авторская трактовка информационной безопасности молодежи как состояния ее защищенности от негативного воздействия информационных угроз, направленных на деформацию общественного и индивидуального сознания. Раскрывается содержание психолого-педагогических, социально-политических и информационных технологий содействия процессу ценностного самоопределения молодежи, основанных на создании условий для самостоятельного выбора и внутреннего принятия высших духовных ценностей. На основании проведенного теоретического исследования делается вывод о необходимости включения информационных технологий в комплекс мер по обеспечению эффективной политической социализации молодежи, создания условий профилактики экстремизма и радикализации политического участия в молодежной среде и тем самым обеспечения устойчивого, стабильного развития общества.

The paper considers the problems of political socialization of youth in the conditions of the modern Russian province. It reveals the role of political socialization in the formation of the system of political values which is the cornerstone of political culture of various communities. The general characteristic of the system of values of «provincial» youth is given. The importance of supporting valuable development of the Russian province youth in the context of ensuring political stability of the society is reasoned. Psychological and pedagogical, social and political and information technologies of assistance to valuable development of youth are revealed. In this aspect, the authors prove the key role of information technology associated with the reduced role of traditional institutions of socialization along with growing importance of mass communication. The paper provides a detailed description of the Internet as one of the major agents of socialization of youth, the positive and negative effects of its use are analyzed. Information threats to the process of socialization of youth in the Internet environment are identified and systematized. The paper argues for the necessity of development and realization of a complex of measures for ensuring information security of youth in the process of political socialization. The authors' interpretation of information security of youth as a state of safety from the negative impact of threats to the deformation of social and individual consciousness is given. The paper reveals content of psycho-pedagogical, socio-political and information technologies facilitate the process of value determination of youth, based on the creation of conditions for independent choice and internal acceptance of higher spiritual values. On the basis of the conducted theoretical research, the authors arrive at the conclusion about the necessity of incorporating information technology in the package of measures to ensure effective political socialization of young people, creating conditions for prevention of extremism and radicalization of political participation among the youth, and thus ensuring sustainable, stable development of the society.

Ключевые слова: политическая социализация, политическая культура, политические ценности, ценностное развитие, информационная безопасность, политические технологии, молодежь.

Keywords: political socialization, political culture, political values, valuable development, information security, political technologies, youth.

Социализация нового поколения в качестве одной из своих важнейших составляющих включает политическую социализацию, представляющую собой политическое самоопределение молодежи по отношению к

общественным и государственным институтам, институтам власти, к частной или общественной собственности и т. п. Результатом этого процесса оказываются предпочтения того или иного типа общественно-

го устройства, формы правления, различных социальных систем, заключающиеся в итоге в формировании политического самосознания. Формой проявления политического самосознания выступают общественно-политические феномены, обозначаемые разными авторами как политическая активность, политическое поведение, политическая деятельность, политическое участие и т. д. Особенности выраженности и проявления данных феноменов в совокупности характеризуют политическую культуру соответствующей общности.

В качестве одного из ведущих компонентов или структурных составляющих политической культуры рассматриваются также и политические ценности. Так, Г. Алмонд в своей модели, описывающей структуру политической культуры, выделяет три основных компонента: познавательный (представления о политических объектах, основанные на имеющейся информации), эмоциональный (суждения, основанные на переживаемых эмоциях) и оценочный (ориентации, основанные на ценностных стандартах и критериях) [1]. Н. И. Бирюков и В. М. Сергеев в структуре политической культуры выделяют три уровня: картина мира (социальная онтология), ценности и операциональный опыт. При этом в их представлении ценности фактически выступают в качестве центрального, интегрирующего компонента политической культуры, устанавливающего степень «приемлемости» или «неприемлемости» той или иной социальной ситуации [2]. Как показано в политико-психологических исследованиях, ценностные ориентации детерминируют различные проявления политической активности, определяя, в частности, характер и направленность участия в конкретных формах выражения общественного мнения, деятельности общественных движений и политических партий, а также особенности электорального поведения [11; 14]. Ценности, таким образом, выступают основой политической культуры. Закономерно в этой связи, что и само понятие «политическая культура» определяется через ценности. Так, Г. Алмонд и С. Верба понимают политическую культуру общества как «систему эмпирических ориентаций, экспрессивных символов и ценностей, определяющих ситуацию политического действия» [15]. Соответственно, структурно-содержательные характеристики политической культуры могут рассматриваться в качестве итога ценностного самоопределения в процессе политической социализации.

В качестве объекта политической социализации традиционно рассматривается молодое поколение. В то же время все большее распространение получает и представление о молодежи как о самостоятельном субъекте социально-политического развития и инновационной группе в процессе политической модернизации. Сегодня уже является общепризнанным, что преемственность и развитие системы ценностей того или иного общества обеспечивается как принятием молодежью ценностей старших поколений, так и выработкой ей новых ценностных ориентиров. Поэтому молодежь в настоящее время рассматривается не только в качестве объекта процесса социализации, обеспечивающего посредством принятия норм и ценностей сохранение и воспроизводство существующей

системы социальных отношений, но и как самостоятельный и активный субъект социально-политического развития. Тем самым молодежь предстает как важнейший социальный ресурс, базовый потенциал сохранения и приумножения материальных и духовных ценностей, с ней связывается надежда на будущее более справедливое и гуманное общество. С другой стороны, с молодежью связываются и различные опасения и тревоги, определяющиеся, в частности, утратой ценностей, присущих предыдущим поколениям.

В современных социологических и политологических исследованиях не наблюдается какого-либо единства в описании и интерпретации иерархии ценностных ориентиров нынешнего поколения российской молодежи. Молодежь России как большая социальная общность весьма неоднородна в ценностном отношении, поскольку в молодежной среде сегодня представлены различные ценностные системы. Очевидно, что это в полной мере касается и молодежи российской провинции. Как показано в нашем предыдущем исследовании, система ценностных ориентаций молодежи Кемеровской области представляет собой отражение общероссийских тенденций формирования общественно значимых установок. Приоритетными для молодежи региона остаются такие традиционные ценности, как семья, одновременно наблюдается рост значимости индивидуалистических ценностей, связанных с самореализацией. Таким образом, при сохраняющемся в настоящее время доминировании традиционно одобряемых социальных ценностей можно говорить о начинающемся сдвиге в сторону постмодернистских ценностей в среде «провинциальной» российской молодежи. Одновременно растет и число молодежи, не определившейся в ценностном отношении, что свидетельствует о нарастающей ценностной дезориентации в молодежной среде, являющейся отражением общего состояния аномии в современном российском обществе [11].

Трансформация ценностных представлений «провинциальной» молодежи может выступить фактором политической эволюции, поскольку направленность на ту или иную систему ценностей является важной детерминантой, определяющей особенности основных структурно-содержательных характеристик политического участия. Результаты нашего исследования доказывают, что степень активности, институционализированности и конвенциональности политического участия молодежи современной российской провинции прямо пропорциональна уровню ее ценностного развития, демонстрируя наиболее низкие показатели при несформированности ценностной системы и последовательно повышаясь по мере ее становления. Сказанное говорит о необходимости создания условий для повышения уровня ценностного развития молодежи посредством специально организованной системы социальной, педагогической и воспитательной работы, что закономерно определяет повышение значимости соответствующих субъектов политической социализации.

В системе воспитательного воздействия, направленного на повышение уровня ценностного развития молодежи, условно можно выделить психолого-

педагогические, социально-политические и информационные технологии. Наиболее разработанными из них на данный момент можно считать технологии психолого-педагогической поддержки ценностного развития, субъектами которых выступают, в первую очередь, образовательные учреждения. Акцент на ценностно-смысловой проблематике выступает сегодня методологической основой постнеклассической педагогической психологии, а работа с ценностями и смыслами – ее «магистральным» направлением [13]. Соответственно, психолого-педагогическая работа с молодежью закономерно фокусируется на ценностно-смысловой сфере личности, заключаясь в поддержке становления просоциальной системы ценностных ориентаций личности и интернализированной системы личностных смыслов в процессе обучения и воспитания.

Социально-политические технологии, используемые для реализации аналогичных целей, направлены на преодоление ценностной дезориентации и состояния аномии среди современной молодежи, а также на профилактику радикализма в студенческой среде. Ранее нами была разработана и апробирована политическая технология содействия ценностному развитию молодежи в рамках региональной модели реализации государственной молодежной политики, основанной на целенаправленном воспитательном воздействии на процесс становления системы ценностей конкретных групп молодежи и поддержке формирования ее просоциальной направленности [6; 11]. Формирование направленности на традиционные и социально одобряемые ценности в данном случае рассматривается в качестве способа предупреждения роста радикализма и экстремизма в молодежной среде. Использование подобных технологий при осуществлении государственной молодежной политики на региональном уровне способствует повышению эффективности субъектов ее реализации.

Особое место в поддержке ценностного самоопределения молодежи, по нашему мнению, сегодня занимают информационные технологии. Это связано, в первую очередь, с изменением характера социализации в постмодернистском обществе, проявляющегося в одновременном снижении роли таких ее традиционных институтов, как семья и школа, и росте значимости средств массовой коммуникации. Как показывают современные исследования, важнейшим «транслятором социального опыта» для молодежи в настоящее время выступает Интернет, при этом «степень приоритетности такого канала может быть определена как по количественным показателям – совокупностью трафика проходящего через него искомого информационного контента, так и по качественным – его доступностью/популярностью для членов целевой социальной группы (в данном случае – молодежи)» [10]. Интернет уже является основным источником информации для подавляющего большинства российской молодежи, становясь все более доступным для возрастающего числа молодых россиян, которые посвящают интернет-коммуникации все большее количество времени. Более того, длительное «погружение» в интернет-пространство становится отличительной особенностью нового поколения: «постоянное пребы-

вание в Интернете стало одним из маркеров молодежного образа жизни» [9, с. 209]. В этой связи рядом авторов применительно к современной реальности используется понятие «онлайн-молодежь».

Предпочтение Интернета как источника информации и средства общения определяется возможностью реализации собственной активности, двусторонней коммуникацией, удобством и оперативностью, чрезвычайно широкими возможностями, превышающими потенциал печатных СМИ, радио и телевидения вместе взятых. Высокая результативность информационного воздействия в Интернете обусловлена, в этой связи, возможностью «кумулятивного» эффекта, связанного с характером получаемой информации, одновременно и текстовым, и визуальным, и аудиальным.

Возможности, предоставляемые ресурсами Интернета, определяют выраженность как позитивных, так и негативных эффектов от его использования. А. Н. Ильин в своей работе анализирует высказываемые различными авторами «за» и «против» в плане влияния Интернета на общество и личность. К положительным сторонам использования Сети он относит, в частности, доступность и разнообразие информации, способность одновременного удовлетворения не только познавательных, но и коммуникативных целей, интерактивность и т. д. Отрицательными эффектами Интернет-коммуникации, как резюмирует автор, можно считать преизбыток информации, приводящий к поверхностности восприятия, калейдоскопичность и мозаичность формируемой картины мира, размывание и диффузность идентичности личности, эмоциональное и нравственное снижение и др. [8]. Д. Н. Карпова в своем исследовании описывает наиболее общие социально-психологические деформации в молодежной среде, являющиеся следствием интенсивной интернет-коммуникации: киберзависимость и определенная утрата связей с реальным миром; изменение характера межличностной коммуникации, предпочтение виртуального общения реальному; деформация когнитивной сферы, формирование фрагментарного знания и «клипового» мышления; качественные изменения процесса социализации детей и молодежи, «перетягивание» функции социализации от традиционных ее институтов на Интернет [9, с. 209 – 210]. Очевидно, что помимо этих недифференцированных и скорее «непредумышленных», фоновых побочных эффектов, существует и множество отдельных информационных угроз, обусловленных намеренным, целенаправленным негативным воздействием на молодежь. Ранее нами были выделены, в частности, следующие конкретные интернет-угрозы ценностному развитию молодежи: размывание традиционной системы ценностей, распространение нигилизма, пропаганда «бездуховности» и меркантилизма, формирование эгоистических установок и потребительского образа жизни; снижение значимости семейных ценностей, пропаганда сексуальной «распушенности», различных сексуальных девиаций, альтернативных и нетрадиционных форм семейных и сексуальных отношений; распространение экстремистских взглядов, формирование негативных установок в отношении других национальных и культурных групп, пропаганда нацио-

нального превосходства и исключительности и др. [3]. Перечисленные угрозы определяют необходимость разработки и реализации комплекса мер по обеспечению информационной безопасности молодежи в процессе ее социализации.

В зависимости от ракурса и методологии исследования информационная безопасность может рассматриваться в нескольких аспектах. Так, под информационной безопасностью может пониматься собственно безопасность информации, ее сохранность, компьютерная безопасность, защита персональных и иных данных, обеспечение конфиденциальности информации и т. д.; безопасность обладателей информации, таких как государственные или коммерческие организации; безопасность потребителей информации, защищенность от возможных информационных угроз тех или иных социальных общностей или же отдельной личности. В контексте нашей работы наибольший интерес представляют исследования информационной безопасности как защищенности от негативного воздействия информационной среды.

Данные подходы к пониманию информационной безопасности также существенно различаются по выделению ее основных объектов. Соответственно, можно говорить об информационной безопасности государства, общества и отдельной личности. В этой связи наиболее релевантными для политической практики нам представляются интегративные определения информационной безопасности. В частности, подобную позицию выражают В. М. Губанов, Л. А. Михайлов, В. П. Соломин, понимая под информационной безопасностью Российской Федерации такое состояние страны, в котором гражданам, обществу и государству не может быть нанесен существенный ущерб путем оказания воздействия на ее информационную сферу [4]. Закономерно в этой связи, что в соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации под информационной безопасностью РФ понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства [5].

Таким образом, в наиболее общем виде информационную безопасность можно определить как состояние защищенности государства, общества, а также отдельной личности от негативного воздействия на них различных информационных угроз, направленных на деформацию общественного и индивидуального сознания. Мы будем исходить из данной трактовки, делая акцент при этом на защищенности молодежи как специфической большой социальной группы, играющей важную роль как в поддержании, так и в развитии существующей системы социальных отношений и тем самым в обеспечении устойчивого развития общества в целом.

Субъектами обеспечения информационной безопасности молодежи в процессе ее социализации выступают органы государственной власти РФ и ее субъектов, органы местного самоуправления, правоохранительные органы, общественные организации, образовательные учреждения, формальные и неформальные молодежные объединения, наконец – сами средства массовой коммуникации. Объектом инфор-

мационной безопасности в данном случае является молодежь как особая социально-демографическая группа. Однако, как показывает практика, реальные меры, направленные на обеспечение информационной безопасности молодежи, сегодня преимущественно касаются источников информационного воздействия на молодежь. Сюда можно отнести прямое противодействие информационным угрозам со стороны государственных правоохранительных органов посредством правового регулирования процессов в информационной сфере, а также осуществляемого на этой основе технического ограничения доступа к представляющим опасность интернет-ресурсам, контент-фильтрацию и т. д.

Очевидно, что одновременно с этим необходимо осуществление мер профилактического характера и в отношении самой молодежи как объекта потенциально негативного воздействия. Как справедливо указывает Г. А. Фомченкова, «информационная безопасность» общества должна быть основана на информационно-идеологическом факторе, который формирует духовную составляющую молодежи, а значит и является основой ее безопасности» [12, с. 72]. По словам П. П. Зети, ситуация в современной российской провинции требует создания в региональном информационном пространстве условий, при которых молодые люди могли бы получать максимально возможное количество информации, способствующей воспитанию и укреплению общечеловеческих ценностей, выработке активной гражданской позиции, формирующей у молодежи позитивные установки по отношению к другим национальностям и друг другу, высокий уровень политической культуры. Данный процесс, по мнению автора, включает следующие информационные технологии: создание концепции и программы научно-исследовательской и информационной деятельности; создание молодежных региональных СМИ и поддержку уже существующих; подготовку специалистов научно-исследовательской и информационной деятельности в сфере молодежной политики; развитие межрегионального сотрудничества. Такая информационная политика призвана сформировать социальный диалог между государством, СМИ и молодежью [7, с. 78 – 79].

Соответственно, эффективное обеспечение безопасности молодежи может быть достигнуто в рамках совместной деятельности ее субъектов, осуществляющих комплекс мер по прямому противодействию информационным угрозам и одновременно по повышению уровня ценностного развития. К информационным технологиям содействия ценностному развитию молодежи можно отнести как целенаправленную информационную деятельность по повышению уровня морально-нравственного развития, пропаганде значимости традиционных и гражданско-патриотических ценностей, так и формирование информационной и коммуникативной компетентности молодежи посредством медиаобразования как развития способности к критическому восприятию и анализу медиатекстов, в том числе с учетом регионального социокультурного и политического контекста. Реализация данных технологий позволит оптимизировать процесс ценностного самоопределения «провинциальной» молодежи,

создавая условия для самостоятельного выбора и внутреннего принятия высших, духовных ценностей.

Таким образом, для эффективной политической социализации «провинциальной» молодежи, создания условий профилактики экстремизма и радикализации политического участия в молодежной среде и тем самым обеспечения устойчивого, стабильного развития

общества необходим целый комплекс мер содействия ценностному развитию молодого поколения, включающий психолого-педагогические, социально-политические и информационные технологии, и, соответственно, требующий системной интеграции деятельности субъектов их реализации.

Литература

1. Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. II. С. 593 – 600.
2. Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. М.: Издательский сервис, 2004. 544 с.
3. Горелкин А. В., Яницкий М. С. Проблема негативного информационного воздействия в интернет-среде и основные направления обеспечения информационной безопасности молодежи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке (г. Хабаровск). 2014. № 3(43). С. 210 – 214.
4. Губанов В. М., Михайлов Л. А., Соломин В. П. Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них. М.: Дрофа, 2007. 288 с.
5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Российская газета. 2000. № 187. С. 9.
6. Зеленин А. А. Региональная модель государственной молодежной политики и практика ее реализации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 240 с.
7. Зети П. П. Проблемы информационного воздействия на молодежь на Юге России // Вестник Южного научного центра РАН. 2012. № 1. Т. 8. С. 76 – 79.
8. Ильин А. Н. Интернет как альтернатива политически ангажированным СМИ // Полис. 2012. № 4. С. 126 – 130.
9. Карпова Д. Н. Интернет-коммуникация: новые вызовы для молодежи // Вестник МГИМО. 2013. № 5(32). С. 208 – 212.
10. Крапивенский А. С. Вербальный аспект культурной безопасности молодежи в социальных сетях и блогосфере Рунета // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. С. 47 – 52.
11. Пфетцер С. А., Зеленин А. А., Яницкий М. С. Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 143 с.
12. Фомченкова Г. А. Информационно-идеологический фактор формирования духовной безопасности молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. (Серия: Общественные науки). 2012. № 1(21). С. 71 – 77.
13. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19. С. 82 – 97.
14. Яницкий М. С. Ценностная структура массового сознания современной России // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред. Е. Б. Шестопа. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 7 – 27.
15. Almond G. A., Verba S. The civic culture revisited: An analytic study. Boston: Little Brown, 1980. 421 p.

Информация об авторах:

Зеленин Алексей Анатольевич – доктор политических наук, заместитель Губернатора Кемеровской области, руководитель аппарата Администрации Кемеровской области, aazelenin@yandex.ru.

Aleksey A. Zelenin – Doctor of Political Science, Deputy Governor of Kemerovo region, Head of the Staff of the Administration of Kemerovo region.

Пфетцер Сергей Александрович – кандидат политических наук, заместитель начальника Департамента образования и науки Кемеровской области по науке и профессиональному образованию, pfetzer@mail.ru.

Sergey A. Pfetzer – Candidate of Political Science, Deputy Head of the Department for Education and Science of Kemerovo region for Science and Vocational Education.

Горелкин Антон Вадимович – начальник главного управления по работе со СМИ Администрации Кемеровской области, anton.gorelkin@gmail.com.

Anton V. Gorelkin – Head of the Chief Department for Work with Mass Media of the Administration of Kemerovo region.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

**ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ЦЕННОСТЕЙ КППФ
НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ***А. А. Трущева***POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF THE COMMUNIST PARTY VALUES
INFLUENCING THE SOCIALIZATION OF YOUNG PEOPLE IN RUSSIA***A. A. Trushcheva*

Центральным предметом анализа является изучение «идеологической» функции политических партий, реализация которой направлена на политическую социализацию молодежи в России. Статья имеет своей целью рассмотреть возможности и ограничения влияния ценностей КППФ на социализацию молодежи России. В заключении автор приходит к выводу, что при реализации «идеологической» функции партия отказалась от производства содержательно наполненных ценностных конструкций, заменив их двусмысленными политическими терминами в своих программах, что ограничивает влияние ценностей КППФ на социализацию молодежи в России.

The central subject of analysis is the study of the “ideological” function of political parties, the implementation of which is directed at political socialization of young people in Russia. The paper aims to examine the possibilities and limitations of the Communist Party values influencing the socialization of young people in Russia. The author concludes that in its implementation of the “ideological” features, the Party refused to produce substantive content of valuable structures and replace them with ambiguous political terms in their programmes, which limits the impact of the Communist Party values on the socialization of young people in Russia.

Ключевые слова: политическая социализация, КППФ, консервативные ценности, идеология, молодежь.

Keywords: political socialization, Communist Party, conservative values, ideology, young people.

Политические партии появились и стали развиваться как носители определенных идеологий, отстаивая либеральные, социалистические, социал-демократические, консервативные ценности. Одним из главных признаков, позволяющих идентифицировать политическую партию, является идеология и программа партии, которые способны формировать предпочтения электората. Таким образом, политические партии в обществе выступают в роли агентов производства идей и смыслов, являясь одним из институтов политической социализации, они артикулируют социальные интересы и трансформируют их в политические платформы.

По мнению многих исследователей (см. работы: [1; 5; 9; 10; 17]), современные партии при реализации «идеологической» функции отказались от производства глубинных и содержательно наполненных ценностных конструкций, заменив их двусмысленными политическими терминами в своих программах. Это приводит к тому, что в массовом сознании ценности существуют в виде противоречивой идейной мозаики из разных политических идеологий. Молодежь как наиболее восприимчивая к идеологическому воздействию со стороны разных институтов и агентов социализации социальная группа оказывается в ситуации ценностно-идеологической неопределенности. При этом, по мнению Е. Б. Шестопал, проблема в большей степени заключается не в неспособности молодого поколения самому выстраивать собственные системы представлений и ценностей, а в существовании этих ценностей в виде определенных антиномий, противопоставленных пар ценностей [17, с. 69].

Анализируя причины «неприживаемости» партийных ценностей в массовом сознании молодого поколения россиян, исследователи обращают внимание на два важных обстоятельства: во-первых, современная политическая практика показывает, что в настоящее время существенно ограниченными являются возможности и необходимость продуцировать и продвигать партий-

ные политические ценности; во-вторых, «в условиях монополизации политического пространства произошло сужение идеологического спектра: партии, оказавшись в зависимом положении от статусных акторов, в своем идеологическом творчестве стали ориентироваться, прежде всего, на них».

В свою очередь, российское общество в последнее десятилетие двадцатого века оказалось в ситуации, в которой, по мнению В. А. Пилепенко, консерватизм как тип личного и группового сознания стал не только реакцией на происходящие общественные трансформации, но и выражал самым противоречивым образом и «охранительные» тенденции, и фрустрацию, связанную с утратой прежнего социального статуса и латентным осознанием невозможности достичь прежних позиций в социальной иерархии [13]. Несмотря на массовое признание в 90-х ценностей демократии, свобода и права человека так и не стали прикладными аспектами новой идеологии, в связи с этим, согласно результатам исследований, запрос в массовом сознании молодого поколения на «работающие ценности» консервативной идеологии оставался актуальным [16]. Но проблема размытости и универсальности ценностно-идеологической составляющей партийных программ стала причиной появления так называемого «номенклатурного» или «бюрократического консерватизма».

Возникший в конце 90-х номенклатурный консерватизм реализовывался в различных модификационных вариантах партийной идеологии. Идентификация партий и общественных организаций как приверженцев консервативной идеологии в силу многослойности их имиджа размывает понятие «консерватор», а консерватизм, становясь частью политического имиджа, «утрачивает» ценностный компонент.

В последнее время все чаще в научной публицистике встречаются мнения, что левый консерватизм является интегральным политико-идеологическим каче-

ством КПРФ. Так ли это на самом деле и можем ли мы с этим согласиться?

Для ответа на поставленный вопрос, в первую очередь, необходимо разобраться с генезисом понятия консерватизм.

Определение консерватизма имеет определенные методологические трудности, в связи с чем утвердилось слишком широкое определение рассматриваемого понятия, поэтому необходимо разграничить толкования консерватизма и привести к единому смысловому знаменателю.

Разграничение понятия представляется возможным провести по нескольким основаниям, в зависимости от того, что именно мы подразумеваем, когда говорим о консерватизме: консерватизм как ценностная и идеологическая система (консерватизм – идеология, идеационный/ценностный подход); консерватизм как характеристика поведенческой сферы личности (консерватизм – когнитивный стиль личности, социально-психологический подход).

В первом случае, рассматривая понятие «консерватизма» как ценностную и идеологическую систему, мы имеем ввиду идеологию партий, государств и иных политических/общественных институтов, либо ценности отдельно взятой личности, т. е. речь идет о приверженности субъектов политики ценностям данной идеологии в силу рационального признания ее перспективности и практической необходимости.

Во втором случае, понятие «консерватизма» употребляется в контексте психологии личности, обозначая способ принятия решений, методы и формы поведения при решении проблем, т. е. речь идет о психологическом уровне личности, включающем эмоции, способность мышления и уровень ригидности, характер в целом.

Безусловно, вопрос о том, можно ли утверждать, что идеологические предпочтения связаны с определенной психологической структурой личности, до сих пор не получил однозначного ответа, поскольку при рассмотрении консерватизма в данном контексте консервативным может быть и либерал, и коммунист и социал-демократ [4, с. 32]. Тем не менее, каким бы ни был результат, он не противоречит логике разграничения подходов к понятию «консерватизма» как системы политических ценностей и особенностей психологии личности.

Сразу же стоит оговориться, что восприятие КПРФ как консервативной партии в контексте привязанности к «советскому прошлому» является проявлением консерватизма как характеристики поведенческой сферы личности. Восприятие же коммунистических ценностей в контексте понимания традиций нашего государства (как того прошлого, что было), в силу чего они становятся «консервативными», приводит к тому, что мы рассматриваем консерватизм в рамках структурно-функционального подхода. Подобное определение консерватизма, на наш взгляд, имеет ситуативный характер, и в случае признания его справедливым мы вынуждены будем признать советское прошлое нашей страны с социалистическими ценностями тоже консервативным.

Возвращаясь к поставленному нами в начале статьи вопросу, является ли левый консерватизм интегральным политико-идеологическим качеством КПРФ, приходим к тому, что дальнейшие размышления по

этому поводу зависят от того, в каком контексте мы употребляем понятие «консерватизма». Представляется очевидным, что в рамках рассмотрения вопроса о возможности влияния ценностей КПРФ на социализацию молодежи речь должна идти о консерватизме как идеологии.

О наличии консервативных взглядов и поддержке консервативных ценностей, точнее синтеза консервативных и социалистических ценностей, заявляет лидер коммунистической партии Г. А. Зюганов. Лидер партии к ценностям партийной идеологии, наряду с работами К. Маркса, В. И. Ленина, относит консервативные идеи К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского, в связи с чем появляются тезисы о левом консерватизме КПРФ (см. работы следующих авторов: [7; 11; 13; 14]) и мнения о том, что взгляды «евразийцев», которые были первыми поднявшими проблему идейного синтеза консерватизма и социализма, оказали определенное влияние на российскую мысль идеологов коммунистической партии.

Позиционирование партии, в качестве агента политической социализации, транслирующего ценности «социал-консерватизма», по мнению отдельных политологов, является обоснованным. Данный вывод был основан на выявленном наборе ценностей партии, в которой включены такие ценности, как «патриотизм, возрождение традиционной русской духовности, умеренный русский национализм, необходимость сильного государства (этатизм), экономический дирижизм, принцип социальной справедливости, осуществляемой с помощью государственных механизмов (государственный патернализм)» [3, с. 53 – 60].

Так насколько же «левый консерватизм» КПРФ является интегральным качеством идейной платформы, а сама партия агентом политической социализации, транслирующим ценности «социал-консерватизма»?

Действительно, КПРФ, как и другие коммунистические партии в начале 1990-х гг., были единственными, кто обозначили консервативную ценность патриотизма в качестве ведущей ценности программы партии и, действительно, программа КПРФ – это программа партии государственников. В то же время, собственное приращение партии КПРФ к сторонникам ценностей консерватизма вызывает вопрос, при котором становится неизбежным обращение к политическим ценностям консерватизма (патриотизму, стабильности, сильному государству, безопасности, традициям, частной собственности как гаранту личной свободы, вере как религиозному чувству) и их соотношения с ценностным набором партийной программы КПРФ. Сопоставляя ценностный ряд идей консерватизма и ценностей в программе партии, приходим к выводу, что КПРФ выполняет функцию ценностной генерации коммунистической идеологии, поэтому она не может быть признана «консервативной», т. к. в основании коммунистической идеологии лежит философия марксизма со своими ценностными императивами. КПРФ уже по своему названию декларирует приверженность ценностям коммунистической идеологии, при этом на практике происходит постепенное внедрение социал-демократических ценностей в программу партии. Суть идеологической платформы КПРФ, по мнению исследователей партийных идеологий [5, с. 75], можно свести к стремлению скомпилировать экономические ценности

социал-демократии, консервативные ценности государственного патернализма и патриотизма, коммунистические идеи интернационализма с традициями державности, при этом «неозвученным» идеалом партии фактически является – «шведский социализм», ценностная концепция которого – это «демократический социализм» и сопутствующие ему ценности коллективизма, солидарности и социальной справедливости.

С другой стороны, обосновывая запрос общества на идейный синтез консервативных и социалистических ценностей, партия не дает четкого понимания, какова совокупность социально-консервативных ценностей? Никто не отвергает идею «симбиоза» данных ценностей, как это произошло с либеральными и консервативными идеями, в результате чего появился «ценностный сплав» неоконсерватизма. Но в этом случае актуализировалась необходимость сочетания отдельных ценностей консерватизма и либерализма, при доминировании первых над вторыми или наоборот, не затрагивая вопроса об идейной интеграции одних понятий другими. В случае с КПРФ, судя по высказываниям партийцев, речь должна идти о новом ракурсе понимания консервативных ценностей, в которых есть не учтенный социалистический контекст. Тем не менее ни партия, ни партийный лидер не дают четкого определения смысловой значимости ценностей, без чего не возможно определение ни индикаторов, ни референта ценности, не говоря уже о функциональном назначении и в целом единых границ понимания и принятия социально-консервативных ценностей.

Другой момент, на который хотелось бы обратить внимание, – это причисление Г. А. Зюгановым консервативных идей К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского к ценностному наследию партии, как представителей «евразийцев», которые первыми подняли проблему идейного синтеза консерватизма и социализма [14, с. 76 – 79]. По данному поводу требуется несколько уточнений, в связи с чем становится неизбежным обращение к историографии политической мысли вышеуказанных авторов.

Н. Я. Данилевский и К. П. Леонтьев являются представителями позднего славянофильства. Консервативные идеи Н. Я. Данилевского были связаны с ценностями традиции и самобытной культуры России [7, с. 430]. Философ разработал теорию культурно-исторических типов, согласно которой Россия и Европа – это два разных культурно-исторических типа государств, синтез которых невозможен, а европейский уклад жизни представляет опасность для ценности самобытной культуры России (фактически, консерватизм Н. Я. Данилевского переходит к идеям пан-славенизма, что некоторые исследователи рассматривают как корреляцию с ценностью «умеренного национализма» в программе КПРФ. На наш взгляд, подобные соотнесения сомнительны хотя бы в силу этимологии «пан-славенизма» и «национализма» (даже и умеренного – прим. автора). К. П. Леонтьев, являясь последователем Н. Я. Данилевского, также был убежден, что основная ценность государства – это самобытность России, которая, по его мнению, имела исконно византийские начала, укреплению же ценности самобытности могло способствовать принятие некоторых элементов восточной духовности [9, с. 242 – 253].

Ценностное наполнение идеологии так называемого левого консерватизма евразийцев, действительно, в определенной степени пыталось синтезировать ценности и традиции Царской России и революции, но к ним относились: «новоградцы», которые фактически заложили основу либеральному консерватизму (Н. А. Бердяев, Г. П. Степун, Г. П. Федотов, Б. П. Вышеславский и др.), стремясь синтезировать ценности православной религии с идеями либерализма и социального прогресса, развивая идею, согласно которой христианство, утверждающее абсолютную ценность человеческой личности, является предпосылкой ценности политической свободы и демократии; «младороссы» (А. Л. Казин-Бек, С. Ю. Буш, В. Д. Мержеевский и др.) идеологически обосновывали синтез ценностей консерватизма и социальной революции, выступали за возрождение ценности традиционной русской государственности и идеократической самодержавной монархии, главная идея «младороссов» – это мировая «революция Духа» над господствующими материальными ценностями (обоснование примата духовного над материальным); «сменовеховцы» и национал-большевики (Н. В. Устрялов, А. В. Бобринцев-Пушкин, Ю. В. Ключнико, С. С. Чахотин и др.) развивали идею о возможности принятия большевистской революции и примирения с её результатами ради сохранения ценностей единства (ценность соборности) и мощи российского государства (ценность сильного государства); евразийцы (Н. С. Трубецкой, П. В. Фроловский, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Л. Г. Карсавин и др.) развивали мессианскую идею «Москва – Третий Рим» при акцентуации ценности русской культуры и православия как религиозно-нравственной основы национальной культуры, обладающей элементами традиций Востока.

Таким образом, краткий дискурс политической консервативной мысли ставит под сомнение заявление как лидера партии и рядовых партийцев, так и исследователей о том, что наследие «евразийцев» или представители позднего славянофильства стали философскими основаниями для интеграции ценностей консерватизма в программу партии КПРФ.

Подтверждением такому выводу могут служить эмпирические данные, полученные в рамках исследования «Политические ценности и их восприятие в современной России» (проект «Политические ценности и их восприятие в современной России» (2013 – 2014) проводится по руководством доцента, кандидата педагогических наук А. В. Селезневой на базе кафедры социологии и психологии факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова – прим. автора). Одной из задач данного проекта было вывить ценностный компонент в программах политических партий и проанализировать восприятие ценностных платформ партий в массовом сознании, в частности среди молодежи.

Согласно полученным данным, КПРФ ассоциируется в 68,8 % с коммунистической идеологией, в 10,3 % – с консервативной, но в не зависимости от того, с какой идеологией респонденты связали КПРФ, в обоих случаях, отвечая на вопрос, каких идей придерживается партия, респонденты проранжировали ценности «коллективизма» (11,5 %), «патриотизма» (9,5 %), «равенства» (8,8 %), «справедливости» (6,6 %).

Анализ ценностного компонента программы КПРФ при помощи контент-анализа также не выявил основа-

ний для почвеннической риторики партии. Проверка допущения проводилась по частоте употребления ценностных индикаторов «традиции», «духовность/вера», «патриотизм», «родина/отечество», «государство» (в контексте сильного государства). По частоте употребления данных терминов следует сделать вывод, что партия не ориентирована на ценности, связанные с консервативной аксиологической платформой. В частности, частота употребления терминов в программе партии следующая: «традиции» (3 из 16), «духовность/вера» (6 из 10/4 из 10), «патриотизм» (10 из 15), «родина/отечество» (18 из 20), «государство» (32 из 110).

При подобном несовпадении содержания и «наименования» транслируемых ценностей на практике происходит развитие ложной мотивации молодого поколения за счет сформированных лингвокогнитивных конструкций, искажающих лексику естественного языка. Фактически, политическая социализация, которая представляет собой процесс усвоения индивидом по-

литической культуры общества и его политических ценностей, не только искажена, но и происходит. Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что ценностная платформа КПРФ не имеет консервативного интегрального политико-идеологического качества, что, в свою очередь, свидетельствует об ограничении влияния «социально-консервативных» ценностей КПРФ на социализацию молодежи в России. В политической практике партии КПРФ происходит несовпадение вербально оформленных идей и символических средств самопрезентации, что нарушает реализацию «идеологической» функции и ставит под сомнение качество транслируемых ценностей данного института социализации. Данная ситуация приводит к появлению идеологического «мейнстрима», в результате которого молодежь слабо сегментирована по идейно-мировоззренческим основаниям, что приводит к появлению «идеологической всеядности» со стороны объекта социализации и монополизма частных политических сил.

Литература

1. Аль-Дайни М. А. Манипулятивные идеологии: методологические и политические аспекты проблемы // Вестник МГУ. (Серия 12: Политические науки). 2009. № 2.
2. Белов Е. А. Теория и практика современного российского социал-консерватизма // Полис. 2006. № 4.
3. Блинов В. В. Политико-психологический подход к изучению консерватизма: обоснование и структура анализа // Вестник Московского университета. 2007. № 1.
4. Головченко В. И. Идеологические основы КПРФ и «Справедливой России»: особенности и перспективы // Власть. 2009. № 3. С. 75.
5. Григорьев М. С. Fake – структуры: призраки российской политики. М.: Изд. Европа, 2007.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-романскому. М.: Книга, 1991.
7. Капустин Б. Левый консерватизм КПРФ и его роль в современной политике // Независимая газета от 05.03.1996.
8. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев. Леонтьев. Соловьев. СПб., 1991.
9. Малинова О. Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. № 5.
10. Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1 – 2.
11. Пашенко В. Я. Марксизм, большевизм, революция в зеркале евразийства // Вестник МГУ. (Серия 12: Политические науки). 1999. № 2.
12. Пилипенко В. А. Консервативные ценности в общественном сознании россиян // Официальный сайт Центра социально-консервативной политики (ЦСКП). 03.02.2010. Режим доступа: <http://www.cscp.ru/doklad/10147/> (дата обращения: 27.04.2015).
13. Работяжев Н. В. Консервативная геополитическая мысль в России: преемственность и обновление // Вестник МГУ. (Серия 12: Политические науки). 2009. № 5.
14. Работяжев Н. В. Феномен «право-левой» коалиции в России: фронт национального спасения // Полис. 2004. № 4.
15. Селезнева А. В. Молодежь в современной России: политические ценности и предпочтения. М.: АРГА-МАК-МЕДИА, 2014.
16. Шестопал Е. Б. Структура и динамика политических ценностей в российском массовом сознании // Ценности в политике. Опыт Польши и России. Краков, 2013.
17. Юрьев А. И., Анисимова Т. В., Бурикова И. С., Коновалова М. А., Матушкин В. В., Свешникова Н. О. Объективная классификация политических партий и политиков в России по материалам их программ и публичных выступлений // Власть. 2013. № 9.

Информация об авторе

Трущевва Анастасия Александровна – аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, sigma91tna@mail.ru.

Anastasia A. Trushcheva – post-graduate student at the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

(Научный руководитель: **Шестопал Елена Борисовна** – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, shestop0505@rambler.ru).

Elena B. Shestopal – Doctor of Philosophy, Full Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

**РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИАЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
В РАКИТЯНСКОМ РАЙОНЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ***Е. А. Чефонова, О. А. Волкова, Е. И. Мозговая***REGIONAL SPECIFICITY OF SOCIALIZATION OF THE POPULATION
OF RAKITYANSKY AREA OF BELGOROD REGION***E. A. Chefonova, O. A. Volkova, E. I. Mozgovaya*

В статье рассматриваются особенности социализации населения Ракитянского района Белгородской области, приоритетные направления социальной политики и достигнутые социально-экономические показатели. Особое внимание уделяется развитию социальной инфраструктуры района, специфике социокультурной ситуации, особенностям жизнедеятельности социальных групп и отдельных членов общества в условиях районного центра. В заключении перечисляются факторы, позволяющие осуществлять эффективную социализацию населения в Ракитянском районе Белгородской области, приводятся показатели успешности.

The paper discusses the features of socialization of the population of Rakityansky area of Belgorod region, the priority areas of social policy and the achieved socio-economic indicators. Particular attention is paid to the development of social infrastructure of the area, the specifics of the socio-cultural situation, especially the vital functions of social groups and individuals in the community. In conclusion the author lists the factors that allow for the effective socialization of the population in Rakityansky area of Belgorod region, and the indicators of success.

Ключевые слова: социализация, регион, социальная структура, человеческий капитал, качество жизни, социально-культурное пространство.

Keywords: socialization, region, social structure, human capital, quality of life, social and cultural space.

В условиях современного российского общества особую актуальность приобретают проблемы социализации населения отдельных регионов, муниципальных образований, конкретных населенных пунктов, представляющих собой самостоятельные территориальные и социокультурные общности.

Исследования отечественных ученых убедительно доказывают, что в современной России именно регионы являются самостоятельными субъектами инновационных процессов в социально-экономической сфере. Человеческий капитал развивается на фоне их полномочий и ресурсов, является одним из факторов конкурентоспособности в современных условиях [3, с. 149].

Интерес к указанной проблеме обусловлен рядом макросоциальных факторов, среди которых, прежде всего, следует отметить социально-экономические преобразования, происходящие в России в последние десятилетия, дифференциация жизненных условий, сложность и нестабильность положения целых социальных групп населения и т. д.

Различные социальные слои современного общества, группы и индивиды характеризуются динамичностью своего внутреннего состояния, непрерывными изменениями. Тенденции и содержание этих процессов в значительной мере предопределяют перспективы развития общества, социальных структур, отражающих множество различных связей и явлений, отношений, существующих в обществе [2, с. 21]. Необходимым условием формирования современного российского общества является переход на инновационный путь развития, который связан, в первую очередь, с масштабными инвестициями в человеческий капитал и развитием человека [3, с. 150].

Специфика социализации населения во многом определяется колоссальной территорией Российской Федерации, различным уровнем социального и эко-

номического развития регионов, в связи с чем особую актуальность приобретают проблемы взаимоотношений между территориальными образованиями, становления социальной инфраструктуры системы – «город-село», изучение особенностей социокультурной ситуации, жизнедеятельности социальной группы и отдельных членов общества.

Как свидетельствуют данные, полученные в ходе прикладных социологических исследований, меру возможностей в удовлетворении потребностей отдельной личности определяют условия конкретного места поселения, детерминированные его профилем, численностью, административным статусом [5, с. 20 – 29]. Именно здесь происходит социализация и формирование личности, усваивающей в ходе социального взаимодействия основные общественные и культурные нормы и ценности, способы жизнедеятельности.

Таким образом, именно в условиях конкретного региона, районного центра, населенного пункта появляется возможность наиболее полно учесть интересы, потребности, жизненные ценности и ориентиры местного сообщества, принимая во внимание условия проживания людей, характер межличностных и межгрупповых взаимоотношений, имеющиеся ресурсы для решения проблем и повышения качества жизни населения.

Социализация местного сообщества обусловлена структурой экономики региона, бюджетной обеспеченностью социальных программ, демографической ситуацией, объективными показателями уровня и качества жизни населения, социального обеспечения, взаимодействия социальных институтов, деятельностью властных структур, развитостью общественных объединений, наличием региональной самобытности, экологической ситуацией и др. [1].

Обратимся к рассмотрению специфики социализации населения на примере Ракитянского района Белгородской области.

Ракитянский район – это стабильно развивающаяся и перспективная территория общей площадью

свыше 90 тысяч гектаров. В его состав входят 13 округов: 2 городских и 11 сельских. В районе проживает около 35 тысяч человек (рис. 1).

Рис. 1. Число жителей в городских и сельских поселениях Ракитянского района

В Ракитянском районе, как и во всей Белгородской области, ведется системная и планомерная кластерная деятельность по обеспечению устойчивого развития сельских территорий, совершенствованию инфраструктуры, повышению уровня и качества жизни населения. Деятельность в рамках указанных направлений призвана обеспечить достаточный, с точки зрения общественного развития, уровень благосостояния, доступность основных жизненных благ для большинства населения, гарантировать необходимый уровень социальной помощи, создать равные возможности социальной мобильности для всех групп и слоев населения, их активного участия в управлении обществом, проявляющейся социальной активности, самореализации своих способностей [2, с. 41].

Социально-экономическое развитие Ракитянского района характеризуется положительной динамикой основных социально-экономических показателей, насыщенной общественно-политической жизнью.

Агропромышленный комплекс – основной сектор экономики Ракитянского района, в котором реализуются мероприятия Программы развития сельского хозяйства Белгородской области на 2013 – 2020 гг., других областных и районных целевых программ, направленных на создание конкурентноспособного сельскохозяйственного производства и его динамичное развитие. В 2014 г. Ракитянский район был награжден Почетной грамотой Департамента агропромышленного комплекса Белгородской области «За вклад в развитие агропромышленного комплекса Белгородской области и успехи, достигнутые в обеспечении условий для развития предпринимательской активности сельского населения» [4].

Сельскохозяйственным производством в районе заняты 6 крупных, 4 малых сельхозпредприятия и 29 крестьянских (фермерских) хозяйств. Главным условием продовольственной безопасности и стратеги-

ческим ресурсом Ракитянского района является продукция, производимая крестьянско-фермерскими и личными подсобными хозяйствами. В районе насчитывается 176 семейных ферм и 5 инфраструктурных предприятий. В настоящее время в областную программу «Семейные фермы Белогорья» включились 165 малых хозяйств района (рис. 2). Прибыль от реализации сельскохозяйственной продукции участниками программы по оценке за 2014 г. составила 413,3 млн рублей. Объем привлеченных инвестиций – 111,2 млн рублей.

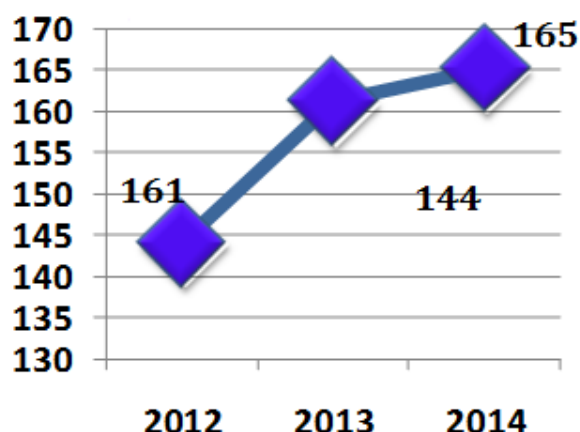

Рис. 2. Малые хозяйства Ракитянского района, включившиеся в программу «Семейные фермы Белогорья»

Главными условиями инвестиционной привлекательности Ракитянского района является создание благоприятного инвестиционного климата, активизация инвестиционной деятельности и привлечение инвестиций в район. В 2014 г. объем инвестиций по району составил 4941,8 млн рублей. Одной из основных

задач по повышению качества и конкурентоспособности продукции и услуг является формирование благоприятного инвестиционного климата для развития малого бизнеса [4].

Наряду с крупными предприятиями, практически во всех отраслях экономики района работают малые и средние предпринимательские структуры. На сегодняшний день предпринимательский сектор Ракитянского района сформирован и достаточно стабилен. Бизнес-сообщество района на 1 января 2014 г. насчитывает 856 индивидуальных предпринимателей и

58 действующих малых предприятий. Развитие малого и среднего предпринимательства способствует насыщению потребительского рынка товарами и услугами, росту налоговых поступлений в районный бюджет.

Денежные доходы, полученные населением Ракитянского муниципального района в 2014 г. и являющиеся важнейшим индикатором уровня жизни, увеличились по сравнению с предшествующим годом на 15,1 % (таблица 1).

Таблица 1

Среднемесячная номинальная заработная плата работников

<i>Вид деятельности</i>	<i>2013 г.</i>	<i>2014 г.</i>	<i>Темп роста 2014 г. к 2013 г., %</i>
Крупных и средних предприятий и некоммерческих организаций	21755,1	22380,2	102,9
Муниципальных дошкольных образовательных учреждений	9869,3	14572,5	147,7
Муниципальных общеобразовательных учреждений	16075,8	17083,8	106,3
Учителей муниципальных общеобразовательных учреждений	18866,36	22236,06	117,9
Муниципальных учреждений культуры и искусства	10010,2	13410,2	134,0
Муниципальных учреждений физической культуры и спорта	11254,7	11412,9	101,4
Итого	14638,6	16849,3	115,1

Главной экономической задачей района в наступившем 2015 г. является дальнейшее обеспечение экономического роста в натуральном и стоимостном выражении как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

Пристальное внимание уделяется привлечению инвестиций в сферу жилищного строительства. Увеличение общей площади жилых помещений, приходящейся на 1 жителя, с 30,86 м² в 2013 г. до 31,56 м² в 2014 г., связано с увеличением объёмов жилищного строительства с 14750 м² в 2013 г. до 28675 м² в 2014 г., что составляет 194,4 % к показателям предыдущего года. В целях развития индивидуального жилищного строительства сформировано и передано ОАО «Белгородская ипотечная корпорация» 2 земельных массива общей площадью 127 га.

В районе построено 9 жилых домов/21 кв. общей площадью 902,2 м² для переселения граждан из аварийного жилого фонда. В ракурсе внимания администрации района – обеспечение жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [4].

На протяжении последних десяти лет образование является одной из наиболее реформируемых отраслей. В 2013 г. завершилась реализация мероприятий областной программы «Модернизация региональных систем общего образования» на 2011 – 2013 гг. Продолжается работа по реализации основных положений «Стратегии развития дошкольного, общего и дополнительного образования Белгородской области на 2013 – 2020 гг.», районной целевой программы «Развитие образования Ракитянского района на 2011 – 2015 гг.».

В районе ведется активная работа по формированию инновационного образовательного пространства. Обеспечение доступности и качества образования в Ракитянском районе осуществляется управлением об-

разования через систему дошкольного, общего, профессионального и дополнительного образования, представленную муниципальными и государственными учреждениями.

В Ракитянском районе функционируют 8 детских садов, 12 средних, 3 основных, 2 начальных школы, 2 учреждения дополнительного образования (Дом детского творчества и районная станция юных натуралистов), МУ «Оздоровительный лагерь им. А. Гайдара», учреждение начального профессионального образования (агротехнологический техникум), специальная коррекционная школа – интернат VIII вида.

Приоритетными направлениями деятельности в образовательной сфере становятся:

- обеспечение доступности качественного образования в образовательных учреждениях района на основе внедрения федеральных государственных образовательных стандартов (далее ФГОС) нового поколения;

- активизация процесса повышения квалификации и переподготовки педагогических и руководящих работников системы образования, обеспечивающего рост их профессиональной компетентности; усиление контроля над реализацией этих процессов;

- создание условий для сохранения и укрепления здоровья детей и подростков, развития психолого-педагогической, медико-педагогической и социальной поддержки их образовательной деятельности.

Приоритетным направлением работы в Ракитянском районе является выявление и поддержка одаренных детей в рамках муниципального проекта «Интеллект – инкубатор», который функционирует с 2011 г.

В 2013 – 2014 учебном году в муниципальном этапе Всероссийской олимпиады школьников приняли участие 1272 обучающихся 7 – 11 классов школ района (для сравнения: в прошлом учебном году –

739 человек). По итогам муниципального этапа олимпиад число победителей составило 56 человек, призеров – 156. В региональном этапе приняли участие 42 победителя и призера муниципального этапа Всероссийской олимпиады школьников. Трём призерам регионального этапа всероссийской олимпиады школьников учреждена премия губернатора Белгородской области. 37 одаренных детей стали лауреатами персональной премии главы администрации Ракитянского района «Одаренность», из них 14 лауреатов – по направлению «Наука», 5 лауреатов – по направлению «Творчество», 18 обучающихся – по направлению «Спорт». За высокие результаты работы с одаренными детьми персональная премия главы администрации Ракитянского района «Признание» учреждена пяти педагогам Ракитянского района.

На базе МОУ «Ракитянская средняя общеобразовательная школа № 1» создан Центр поддержки одаренных детей, где занимаются 80 обучающихся школ района. Центр осуществляет деятельность по четырем направлениям: научно-исследовательское, гуманитарное, обществоведческое, изучение иностранных языков.

Особое внимание уделяется организации и внедрению здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс. На оснащение медицинских кабинетов общеобразовательных учреждений за счет средств областного бюджета приобретено 113 единиц медицинского оборудования на сумму 89920 рублей [4]. На базе общеобразовательных учреждений открыты и функционируют Центры здоровья. В целях улучшения здоровья школьников за счет обеспечения их качественным и сбалансированным питанием в районе реализуются мероприятия Долгосрочной целевой программы «Модернизация школьного питания в Белгородской области на 2012 – 2014 гг.».

Муниципальная система дошкольного образования Ракитянского района представлена десятью муниципальными дошкольными образовательными учреждениями. Пристальное внимание уделяется:

- повышению эффективности и качества услуг путем перехода к эффективному контракту;
- сокращению зон неэффективности путем рационализации соотношения педагогического, административно-управленческого, учебно-вспомогательного персонала, оптимизации соотношения численности воспитанников к численности работников;
- развитию кадрового потенциала, внедрению механизмов стимулирования качества педагогического труда;
- повышению охвата детского населения услугами дошкольного образования, уровня посещаемости детьми дошкольных образовательных учреждений;
- развитию альтернативных форм работы с дошкольниками на основе их кратковременного пребывания в дошкольном учреждении.

В 2014 г. общая численность детей в возрасте от 1 до 6 лет в Ракитянском районе составляет 2210 детей, услугами дошкольного образования охвачено 1316 детей, что составляет 59,55 % от общего количества детей дошкольного возраста. Общий объем расходов бюджета муниципального образования на дошкольное образование в 2014 г. составил 80 млн 246 тыс. рублей, на бюджетные инвестиции на увели-

чение стоимости основных средств – 1 млн 994 тыс. рублей, на оплату труда и начисления на оплату труда – 51 млн 618 тыс. рублей [4]. К 2016 г. планируется ввести 305 новых мест и полностью ликвидировать очередь в дошкольные учреждения.

Организация физкультурно-оздоровительной работы среди населения осуществляется в рамках районной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта на территории Ракитянского района» на 2012 – 2015 гг., целевой программы развития футбола в Ракитянском районе, целевой программы «Развитие спортивного туризма в Ракитянском районе», «Развитие хоккея в Ракитянском районе», Областного проекта «Развитие массового лыжного спорта в образовательных учреждениях Белгородской области», Областного проекта «Развитие гиревого спорта в образовательных учреждениях Белгородской области».

Результатом реализации мероприятий в рамках указанных программ и проектов становится: увеличение числа систематически занимающихся физической культурой и спортом среди различных возрастов населения района, организация спортивных клубов по месту жительства, укрепление материально-спортивной базы, повышение эффективности ее использования, максимальное удовлетворение потребностей отрасли квалифицированными специалистами, снижение уровня заболеваемости среди населения, проведение физкультурно-оздоровительных профилактических мероприятий на предприятиях, в организациях, учреждениях Ракитянского района. Так, в 2014 г. было организовано и проведено свыше 270 спортивно-массовых мероприятий районного и областного уровней. По итогам областной спартакиады среди команд муниципальных образований Белгородской области Ракитянский район занял 1-е место. За период 2011 – 2014 гг. в районе введено в эксплуатацию 13 спортивных объектов: ледовая арена и плавательный бассейн в пгт. Ракитное, хоккейная коробка ФОК «Ракита», КСЦ «Боброва», лыжная трасса с вечерним освещением, спортивный зал с. Центральное, спортивно-досуговая площадка в п. Пролетарский и др. В 2015 г. планируется завершить строительство футбольного стадиона в п. Пролетарский и др.

Одним из основных показателей благополучия жителей является демографическая ситуация в Ракитянском районе. В 2014 г. на свет появилось 385 детей, из них рожденных вторыми и последующими в семье – 243 ребенка, что составило 63,1 % от общего числа родившихся, что на 11,4 % больше показателей 2013 г. (таблица 2, рис. 3).

В Ракитянском районе 186 женщин получили сертификаты на материнский (семейный) капитал, 84 раkitянских матерей удостоены Почетного знака Белгородской области «Материнская слава» I, II и III степени.

Таким образом, Ракитянский район является самостоятельным субъектом в экономике, социальной политике Белгородской области. В районном центре проводится целенаправленная работа по преодолению кризисных процессов и тенденций в социально-экономической сфере, решению социальных проблем, улучшению качества жизни населения, развитию про-

изводственного, инновационного и человеческого потенциала.

Ключевое значение имеет развитие социальной инфраструктуры, системы местного самоуправления,

удовлетворение насущных жизненных потребностей населения, совершенствование системы образования, воспитания, оздоровление духовной атмосферы, реализация культурного потенциала местного сообщества.

Таблица 2

Прирост населения Ракитянского района на 2010 – 2014 гг.

Годы	Численность населения	Коэффициент на 1000 человек населения по району (%)	Коэффициент на 1000 человек населения по Белгородской области (%)
2010	34260	12	10,9
2011	34072	11,1	11
2012	34306	12,7	11,7
2013	34468	10,8	11,6
2014	34650	11,1	11,6

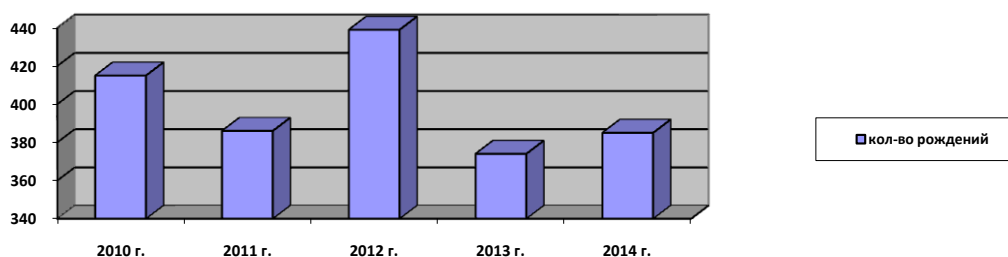

Рис. 3. Количество рождений

Литература

1. Букин В. П. Проблемы социализации молодежи российской провинции: монография. М.: Экслибрис-Пресс, 2009. 327с.
2. Волкова О. А. Социологическая модель социальной работы в условиях маргинализации: монография. Челябинск: Образование, 2006. 166 с.
3. Волкова О. А., Бабенко И. А., Егоренко А. О. Человеческий капитал в представлениях различных категорий населения // Вестник Адыгейского государственного университета. (Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология). 2011. № 4(88). С. 149 – 156.
4. Доклад главы администрации Ракитянского района «О достигнутых значениях показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципального района «Ракитянский район» за 2013 год и планируемых значениях на 2014 – 2016 годы». Режим доступа <http://www.rakitnoeadm.ru/sites/default/files/-f.pdf/file-doklad40.pdf>
5. Дулина Н. В. Феномен города в меняющемся мире // Человек, культура, общество: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Н. В. Дулина. Волгоград: ВолгГТУ, 2005. Вып. 5. С. 20 – 29.

Информация об авторах:

Чефонова Елена Анатольевна – аспирант кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета, 56294@rambler.ru.

Elena A. Chefonova – post-graduate student at the Department of Social Work, National Research Belgorod State University.

(Научный руководитель – **О. А. Волкова**). (Academic advisor – **O. A. Volkova**).

Волкова Ольга Александровна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета, volkova_oa@bsu.edu.ru.

Olga A. Volkova – Doctor of Sociology, Full Professor, Head of the Department of Social Work, National Research Belgorod State University.

Мозговая Елена Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Белгородского государственного национального исследовательского университета, mozgovaya@bsu.edu.ru.

Elena I. Mozgovaya – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Assistant Professor at Department of Social Work, National Research Belgorod State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 316.33, 316.6 (075.8)

КОНФЛИКТ «НЕМО»: ОБЕЗЛИЧИВАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Л. В. Шабанов

THE «NEMO» CONFLICT: DEPERSONALIZATION AS A NEW TREND OF SOCIAL DEVELOPMENT

L. V. Shabanov

Автор статьи рассматривает проблему дисфункций отношений «Государство – закрытые “Роевые структуры” типа “бюрократия” – Общество как конгломерат множества личностей отдельных и самодостаточных». В ходе исследования была сформулирована конфликтная модель, в которой стороны конфликта, «Рои», оказались в роли паразита, не отражающего ни интересов государства, ни интересов общества. Однако многочисленные «Роевые закрытые структуры» пополняются за счет общества, рекрутируя в себя все новых членов, теряющих качества личности, и расширяются за счет прямых или косвенных средств поддержки со стороны государства. С точки зрения социокультурного аспекта развития личности в сфере актуализированного системного конфликта интересов «Рой» предстает как социальный паразит, нивелирующий качества личности человека холистического за счет актуализации качеств личности иерархической.

The author considers the problem of dysfunctions in the relations between «State – "Swarm structures" – Society as a conglomeration of many individual personalities». From the point of view of socio-cultural aspects of personality development in the field of the updated system of conflict of interests, the "swarm" appears as a social parasite, grading the personal identity of the holistic person through the actualization of the hierarchical person. The study revealed the new trend in depersonalization (personality, corporate, hierarchical person); however, in swarm structures, 'identity' equals 'swarm' (instead of an individual's personality we see the structure of elementary individual functionary of plus-minus reaction).

Ключевые слова: социализация личности, бюрократия как институт социализации, государство, общество, роевые социальные образования.

Keywords: socialization, state, society, swarm social structure as an institution of socialization.

Институциональные факторы развития личности в современную информационную эпоху претерпели существенные изменения. Роль семейного окружения как главного фактора социализации уходит с первых позиций темы социальной адаптации личности еще в XX в. Роль внесемейного окружения / неформальных групп также оказалась деформирована субкультурными и корпоративными маркерами общественных отношений. Существенно расширились влияния на социализацию личности глобальных поликультурных агломераций надинституционального характера. В 2013 – 2014 гг. проводилось исследование в рамках проблемы влияния на социализацию человека его местоположения внутри государственных, корпоративных, социальных полей на примере пересечения системы личностных ценностей относительно системы ценностей общества.

Личностные изменения в периоды социальной адаптации необходимо рассматривать через изменение отношения к значимости личных и социальных проблем в поле приспособления (ассимиляции) индивида к социальной среде, поведенческого стремления к дифференциации (ре-адаптации) на переходных этапах процесса социализации (подросток – молодой человек). Отслеживая динамику этих процессов, становится понятно, что социальная адаптация сегодня включает в себя приспособление к деструктивным и маргинальным параметрам современного атомизированного общества (зависимое поведение, подверженность влияниям, делинквентность/девиантность; отчужденность или ломка личностных качеств, при приспособлении к новому социуму временного пре-

бывания/ длительного проживания). На уровне микросреды эта маргинальность совместимости и качества жизни, а на уровне макросреды – изменения отношений к внешним условиям социума. Оказалось, что необходимо учитывать не только маркеры дезадаптивности личности, переживающей ситуацию изменения или даже распада своего социального окружения, но и то, что деструктивность становится необходимой частью социализации личности, которая включает в себя и позитивное приспособление к социальному пространству жизни, и деструктивные изменения личности в процессе адаптации к новым условиям [5, с. 8].

С точки зрения аксиологии проиллюстрировать развитие противоречий такой схемы социализации оказалось удобным через системно-функциональные отношения «Чиновничество – Государство – Общество», где (еще в конце XIX в.) была вычленена динамика социальных интересов разных уровней общности и способы обеспечения их взаимодействия. Важным здесь является не только учет специфики отношений, автономности интересов, многоаспектности деятельности, но и понимание к их совместимости. В обществе должны существовать зоны согласования интересов и позиций, единые правила поведения, которые принимались бы всеми участниками как «порядок» в системе отношений, которые в дальнейшем были выделены как поле «Государство – закрытые “Роевые структуры” типа “бюрократия” – Общество как конгломерат множества личностей отдельных и самодостаточных».

Рассматривая проблематику социальных качеств изменений, представители социальных наук к концу XX в. предложили концепции «диалектического конфликта» (Р. Дарендорф), теорию «человеческих отношений» (Э. Мэйо), «конкурентной ситуации» (К. Боулдинг), «закрытого» и «открытого» общества (Л. Козер) – тем самым поставив вопрос о качестве коммуникационных процессов в макросоциальном пространстве.

На наш взгляд, именно проблема «доступности» коммуникационных полей в процессе реформирования государственной службы не только приобретает особое значение в условиях поиска современной модели более эффективного взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества, но и становится определяющей в поисках способов обеспечения снижения социальной напряженности и упрочения политического и гражданского согласия. Выходом из создавшейся ситуации и шагом на пути изменения системно-функциональных отношений «Закрытый рой – Государство – Общество» становится задекларированное использование государственными служащими коммуникативных технологий, направленных на установление диалога между государством и гражданским обществом.

С точки зрения системно-функционального подхода, именно здесь, несмотря на все декларации, происходит тот самый «диалектический конфликт», когда гуманистическая ценность человеческой личности с её холизмом оказывается избыточной относительно «роевой» личности сетевого человека с его иерархиями и системами соподчиненностей, которые пусть не дают свободы, зато несут безопасность. Чем более закрыта система, тем более неуязвим ее элемент. Иными словами, логика такой социальной адаптации заключается в том, чтобы пожертвовать своей личностной индивидуальностью, а закрытая коммуникационная система за это даст гарантии большей безопасности и предсказуемости относительно личностного роста попавшего в нее элемента.

Вопросы таких системно-функциональных отношений отражены в трудах Аристотеля и Платона – о взаимодействии власти и общества; Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо – об общественном договоре; Н. Макиавелли, Г. Лебона, Х. Ортега-и-Гассета – о социальном государстве; М. Вебера – о государственной службе как рациональной бюрократии; Т. Ларсонса – об общей теории и структуре социального действия; К. Хабермаса – о теории коммуникативного действия; П. Сорокина – о взаимодействии как модели социального явления; Н. Лумана – о власти как средстве коммуникации; А. А. Богданова – о конъюгации как объединении или отношении двух систем, находящихся во взаимодействии и др. [1, с. 154 – 156, 503]. Интерес различных наук к данной проблематике объясняется и тем, что благодаря пониманию функционирования коммуникационного процесса осуществляется эффективное управление различными социальными системами как локального, так и глобального общества, что, соответственно, влияет на изменения системно-функциональных отношений.

Однако может ли процесс подобной коммуникации адекватно социализировать или развивать лич-

ность? Влиять на процесс – да, но итогом такого развития становится сначала переход от человека холистического к человеку корпоративному, а затем – к человеку иерархическому и сетевому с минимальными маркерами личностной независимости, оригинальности и возможности самоактуализации.

Актуальность роли коммуникации в процессе государственного управления в системе отношений «Чиновничество – Государство – Общество» была продиктована поиском путей становления эффективного механизма взаимодействия органов государственного управления и институтов государственной власти, упрочения политического и гражданского согласия в обществе. Могло ли быть в этой коммуникации место для холистического человека? Ставилась ли такая задача? Кем?

Американский социолог Э. Тоффлер считает, что к исходу XXI в. информация и знания станут важнейшими ресурсами власти, а механизмом, контролирующим изменения будет сама власть, имеющая надличностный социентальный характер. Получается, что будущее как раз за закрытыми системами? Значит и социализация будущего будет строиться на дефиците информации (ее защите и строго парциальной доступности), ergo – на дефицитарном качестве коммуникации.

В своей книге «Третья волна», Тоффлер [3] акцентирует внимание на социально-экономических тенденциях, сопутствующих развитию информационных технологий, которые социализируют человека, умаяя при этом его личность (*«инфантилизируя» ее – Л. Ш.*). Рассуждая о тенденциях де-массификации в средствах массовой коммуникации, он указал на повышение их интерактивности вследствие внедрения новых сетевых технологий. Изменения, идущие в непредсказуемых и быстроразвивающихся направлениях, становятся основной чертой жизни человечества будущего, и они непременно будут влиять как на общество в целом, так и на личность (*которая просто не будет успевать взаимодействовать в коммуникации полноценного общения – Л. Ш.*).

Итогом постсовременных социальных перемен, порожденных развитием и конвергенцией информационных и коммуникационных технологий, будет создание общества нового типа – «глобального» или «информационного», в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ, а образование станет действительно непрерывным. Приобщение к новым информационным технологиям, с одной стороны, будет способствовать взаимопроникновению культур (в том числе организационных), с другой – откроет для каждого сообщества и личности новые возможности самоидентификации (в том числе не протоколированных, не «бумажных»). Насколько в такой глобальной коммуникационной организации процесса социализации возможно будет говорить об экологии развития личности как независимой самовоспроизводящейся индивидуальной системе отличий одного человека от другого со своими глубинными особенностями?

С середины XIX в. по схеме «закрытого общества» развивался новый управляющий класс, названный

«чиновничество». Бюрократическая поликультурная многонациональная агломерация становится показательным социальным институтом, выступающим в качестве рационально функционирующего административно-командного аппарата (М. Вебер), проводящего в жизнь решения исполнительной и законодательной властей, который сначала подменяет собой общественные иерархии государственного функционирования (Ю. Олешук, А. Х. Бурганов), а затем подменяет и всю социальную структуру больших общественных образований (Ю. Хабермас, А. В. Макарин), что позволяет бюрократии эволюционировать в совершенно иную обезличенную безграничную и надгосударственную «роевую личность» (Дж. Акрилла, С. Джонсон).

Таким образом, коммуникативное поле «Чиновничество» превращается из персонального или группового в безликое роевое пространство, где стороны-участники конфликта – «надличностное государство» и «персонифицированное общество» – оказываются втянутыми в противоборство с невидимками, имеющими богатый опыт выживания и формирования своей паразитической среды обитания внутри общества и госструктур через выстраивания новых безличностных отношений. Именно этот опыт выживания и самоорганизации становится моделью для наиболее успешных с точки зрения сетевого маркетинга корпораций («Бенетон», «Гербалайф», «Вольво», «Пятерочка», «ЭмВэй» и др.) и новых сект («Сайентология», «свидетели Иеговы», «Ашрам Шамбалы» и т. п.).

Возможно, уже в настоящее время потребуются новая концепция «восприимчивой» общественной системы, при которой личность ради своего сохранения (как качества человека) должна научиться чутко реагировать на импульсы, поступающие от роевых структур общества. Основной упор здесь должен делаться на процедуры, обеспечивающие включенность в государственное управление общественного мнения и подотчетность властных структур обществу. Иными словами, необходимо не допустить превращения бюрократии, прикрытой ширмой демократических структур, в провокатократию, востребованную охлократическим большинством. Включенные в широкую коммуникацию люди должны не только оценивать результаты каких-то властных действий по принципу «хорошо – плохо», но и активно включаться в общественное взаимодействие выработки и контроля или необходимых бюджетов времени, лимитов знаний и циркуляции информации.

Получение информации происходит благодаря коммуникации, и тот же Тоффлер проводит параллель между организацией знания в обществе и его институциональной составляющей. Однако общество должно эволюционировать к полностью анти-бюрократическим властным формам, поскольку свободный, многообразный и неисчерпаемый поток информации обуславливает уничтожение иерархической структуры коммуникаций, порожденный авторитарной организацией власти. Новую организационную структуру он назвал «адхократия» (от лат. *ad hoc*, для данного случая, для данной цели). Несмотря на это, общество, эволюционируя, порождает другие роевые структуры, отраженные в сетевых технологиях и рас-

ширяющихся корпорациях, которые также берут на вооружение управление как особую трудовую занятость (менеджмент), четкую иерархическую зависимость (карьерная координация и супервизия), оптимальное действие безличных правил и подавление инициативной личности.

Такое подавление личности обусловлено целым рядом параллельных процессов в глобальном обществе. При этом само общество подвергается постоянно-му воздействию медийных провокаторов, которые тестируют социальные группы на предмет расширения и нивелирования нормы и замены эталонной группы, идентифицируемой обществом как «свои», на массу «интересностей» в виде парада фрикков, скандалов, паноптикума извращений и телевизионного пандемониума запредельных отражений танатоса. Этому способствуют: политические деятели и их институциональная инфляция, чиновники и их растущее обезличивание, превращение человека в функциональную единицу посредством менеджмента и продюсирования, массовое потребление и мода на консумацию вместо полноценных отношений – все это ответ на вопрос о востребованности социумом сильной самостоятельной личности.

Растущая взаимоизоляция дает не только уменьшение критического мышления от граждан, но и усиливает зависимость политических систем от освещения СМИ, изменяя тем самым и властные отношения. Это вызвано, в первую очередь, кризисом идентичности национального государства и той формы политической демократии, которая складывалась в течение последнего времени (Охлократия может подаваться как коллективное властоуправление, но чаще всего это коллективная анти-личность, т. е. даже не человек иерархический).

Одновременно отчетливо ощущается резкое усиление значимости информационных коммуникаций в системно-функциональных отношениях при последовательном выключении личностной активности за счет интерактивного диалога «человек – машина». Новые информационные технологии меняют качество и структуру предложений как в области политики, так и на социально-экономическом рынке, способствуя повышению плотности интерактивного взаимодействия элитарных и неэлитарных слоев с техно-сферой государственных институтов (но не между собой) [4, с. 334]. В обществе создаются «сетевые отношения». Последние начинают постепенно становиться едва ли не основным инструментом идентификации граждан, организации и координации участия элитарных и неэлитарных слоев в жизни общества.

Таким образом, социализация в системно-функциональных отношениях усвоения и овладения тем социальным опытом, который передается индивиду в ходе его взаимодействия и общения с социальным окружением (сетевыми ассоциациями и техно-сферой), и предполагает освоение социального опыта, который передается ему в ходе совместной деятельности (общения) с окружением для реализации уже субъектности взаимодействия. Три составляющие такой социализации входят в конфликт с тремя основами коммуникации диалога: взаимодействие, взаимопонимание и взаимовлияние.

Сфера такого экзистенциального конфликта выглядит как стремление государства избавиться от немобильных устаревших систем самоуправления, с одной стороны, и стремлением общества избавиться от посредников (роевых структур типа раздутого бюрократического аппарата), в системе интеракции с государственными структурами. Действительно, государству, с его нынешней технологичностью и стремлением к дальнейшему росту рациональности, стандартизованности и контроля, *de facto* выгодно уменьшение именно «человеческого фактора» в сфере управления и исполнения принятых административных решений. Социальный психолог Kevin Werbach в 2013 г. показал существенный рост применения игровых элементов и цифровых методов проектирования игры для не игровых проблем, таких как бизнес и социальные проблемы воздействия [6]. Иными словами, в администрирование пришло поколение компьютерных игроков, которые стали использовать в бизнесе, рекламе, маркетинге, социальных аспектах и повседневной жизни опыт виртуального пространства. Опыт этих новых управленцев и государственных служащих принципиально отличен от опыта «некомпьютерного», старого, поколения административных работников. Исчезает человек общества. Конкретный реальный клиент превращается в юнита нереального пространства техно-сферы, схожей с игровой ситуацией героев компьютерных игр, которые не имеют индивидуальной ценности (их появление или потеря – дело рук матрицы виртуального пространства «play the game»).

Обществу, также имеющему достаточный интеллектуальный уровень и технические возможности оформления и продвижения документов, тотальная бюрократизация и коррумпированность услуг не дает двигаться в направлении декларируемого «гражданского общества» и «правового государства». Результатом становится все расширяющаяся подмена общественных институтов – клиентеллой, состоящей из многочисленных, разнообразных и зависимых от гос-

структур (в лице отдельных роевых конгломератов). Социальная диверсификация приводит к воспроизводству схемы доминирования сетевых компаний, созданных по типу закрытых ассоциаций типа бюрократии, над обществом. В подобной ситуации именно холистический индивидуалист не просто старается жить независимо от таких отношений, но выживает, уходя от общества (фриланс, дауншифтинг, боди- и соул-билдинг). Иными словами, человек, который всю историю социального развития определял задачи социализации, степень субъектности, создавал и двигал общество по дорогам прогресса и заставлял подтягиваться конформистское большинство, теперь перестает работать на будущее своего социума, а часто и вообще покидает его, разрывая преемственность институтов социализации и связь с другими объектами.

Сама роевая структура, в частности бюрократия, стремится подчинять потребности общества своим целям ради самосохранения и упрочения собственных позиций. Даже «политика государства непосредственно направлена на удовлетворение эгоистических интересов групп и отдельных лиц, находящихся непосредственно у власти..., или обладающих возможностями оказывать влияние на власть» [2, с. 211], что ведет к конфликту роевой структуры (структуры-паразита) и общества. Конфликт с обществом является результатом безличного отношения к насущным проблемам, требующим индивидуального подхода. Роевая структура не только надиндивидуальна, она не отвечает и запросам групп, слоев, индивидуумов – в частности, и общества – в целом.

Однако, не только бюрократия, но и все роевые структуры (и не только в РФ) продолжают расширяться и множиться, демонстрируя процессы перерождения системно-функциональных отношений постоянной ре-социализации личности, ее подчинения и обезличивания, подавая этот процесс как возможность для индивидуального самосохранения и выживания роя.

Литература

1. Восленский М. С. Номенклатура. London, 1985. 516 с.
2. Сметанкина Л. В. Социокультурные факторы управления. Ростов н/Д.: Антей, 2011. 220 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 776 с.
4. Шабанов Л. В. Отчуждение как конфликтологический фактор тенденций глобального диалога культур // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения, 15 – 20 мая 2014 г. СПб.: СПбГУП, 2014. С. 333 – 334.
5. Шабанов Л. В., Мороденко Е. В. Динамика изменений личности студента в процессе социальной адаптации к новым условиям жизни. Прокопьевск, 2015. 181 с.
6. Что такое игрофикация? Она же Gamification, она же Геймификация. Я предпочитаю говорить на русский манер. Режим доступа: <http://gamification-now.ru/wtf/> (дата обращения: 28.08.2015).

Информация об авторе:

Шабанов Лев Викторович – доктор философских наук, кандидат психологических наук (социальная психология), академик Международной Академии психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета профсоюзов, lev.shabanov@mail.ru.

Lev V. Shabanov – Doctor of Philosophy, Professor at St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9+316.6

**СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ ВИКТИМНОСТИ ЛИЧНОСТИ
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ***О. О. Андронникова***SOCIALIZATION AS A MECHANISM OF GENERATION OF PERSONAL VICTIMIZATION
IN A MULTICULTURAL SOCIETY***O. O. Andronnikova*

Статья посвящена вопросам социализации человека в условиях современного поликультурного общества. Цель данной статьи заключается в анализе виктимизации как результата, связанного с морфогенетическими социальными процессами глобализации современного мира. В статье представлен обзор основных изменений, связанных с трансформацией современного общества, выявлены виктимные влияния процессов глобализации на население и социальные институты России. Раскрыта специфика психологического подхода в изучении вопросов влияния глобализации на мировое сообщество. Дано описание поликультурного пространства и его основных характеристик. Показана сложность и многообразие воздействия комплекса причин на изменение и трансформацию структуры современного поликультурного общества. Раскрыты основные риски и побочные негативные последствия процесса глобализации. Показаны влияния основных процессов на особенности функционирования социума, изменения структуры и специфики конкретных процессов. Выделены причины усиления некоторых негативных проявлений (сепаратизм, изоляция) и их влияние на увеличение виктимизирующего воздействия социума.

The paper is devoted to the issues of socialization in today's multicultural society. The study aims to perform the analysis of victimization as the result associated with morphogenetic social processes of globalization in the modern world. The paper provides an overview of the major changes associated with the transformation of modern society and reveals the victimizing influence of globalization on the Russian population and social institutions. The specificity of the psychological approach to the study of the impact of globalization on the world community is revealed. The description of a multicultural environment and its basic characteristics is provided. The complexity and diversity of the impact of the complex of reasons on the change and transformation of the structure of a modern multicultural society is shown. The paper outlines the main risks and negative side effects of globalization showing the influence of the main processes on the peculiarities of the society, changes in the structure and specificity of particular processes. The causes for the strengthening of some negative manifestations (separatism, isolation) and their impact on the society's increasing victimizing impact are highlighted.

Ключевые слова: виктимность, поведение, личность, социализация, поликультурное общество

Keywords: victimization, behaviour, personality, socialization, multicultural society.

Достаточно большое внимание как отечественных, так и западных специалистов в области юриспруденции, криминологии, социологии и психологии привлекают различные характеристики жертв посягательств. В настоящее время не только морально-психологические но и значительный ряд социальных характеристик (социальный статус, социальная роль, социальное положение жертвы, характеристики семейных, производственных, досуговых и межличностных отношений и т. д.) привлекают внимание и становятся объектом пристального изучения специалистов с целью выявления детерминации социальных факторов виктимной уязвимости человека.

Взросшая актуальность исследования социально-психологических детерминант виктимизации связана со стремлением социальных и гуманитарных наук выявить и объяснить сущность происходящих изменений глобального масштаба, наблюдаемых в мировом сообществе [1].

В научной литературе активно идёт разработка вопросов социально-психологической детерминации виктимной деформации личности как направления индивидуальной виктимизации. Однако вопросы со-

циального влияния на личность жертвы представлены значительно меньше. Исследования, связанные с виктимизацией социальных групп, практически не представлены. Появилось несколько работ, рассматривающих криминальную виктимизацию социальных групп, однако в полном объёме вопросы виктимизации социальных групп и влияние специфики современного социального устройства на формирование виктимности отдельной личности в настоящий момент остаются нераскрытыми [1].

Вместе с тем наблюдается достаточно устойчивая тенденция переноса фокуса внимания от вопросов психологической детерминации личности жертвы к социальной проблематике изучения факторов виктимизации как отдельной личности, так и социальных групп или общества в целом. Особенно ярко данная тенденция прослеживается в последнее время, что может быть объяснено нами как стремление научного сообщества раскрыть сущность морфогенетических социальных процессов, характерных для происходящей глобализации современного общества, и их влияние на процессы виктимной деформации личности и общества.

Рассматривая вопросы влияния различных социальных факторов на увеличение виктимизации социальных групп в контексте криминологической науки, К. В. Вишневецкий [1] использует понятие социальной стратификации.

Под социальной стратификацией автор понимает совокупность различных социальных общностей, занимающих неравное положение по отношению друг к другу относительно социально значимых признаков и группирующихся в иерархически расположенные группы [10]. Рассматривая вопросы влияния социальных параметров (статус, роль, стративная принадлежность) на виктимизацию личности, автор отмечает их роль в формировании потенциальной виктимности, обоснованно отмечая необходимость учета сложившихся механизмов реализации виктимогенного потенциала (в виде моделей поведения) для реализации виктимности вовне. Нам хотелось бы заметить, что механизмы реализации виктимности напрямую связаны с влиянием всё тех же социальных воздействий на ребенка в контексте различных институтов социализации.

Большое значение К. В. Вишневецкий придает вопросам влияния процессов глобализации на виктимизацию человека и социальных групп. Рассматривая глобализацию как морфогенетический процесс, приводящий к комплексной морфогенетической трансформации структуры общества, отражающей глубинные изменения в нём, автор показывает закономерные процессы дифференцированного увеличения и трансформации виктимизации социальных групп, по-разному участвующих в процессах социальной глобализации [1].

Под глобализацией понимается всесторонняя интеграция всех стран мира в технологической, информационной, культурной, экономической и политических сферах. Тенденция к интеграции между различными государствами наиболее радикально проявлялась двух исторических периодах: перед началом первой мировой войны и в 90-е гг. прошлого столетия. Специфика реализации глобализации, проходящей в соответствии с неолиберальными социально-экономическими принципами, неизбежно приводит к нарастанию серьезного разрыва между обеспеченными и не обеспеченными странами. Всё это усиливает существующую в мире социальную дифференциацию и трансформирует сертификационные процессы во всём мире [7]. Существующее несоответствие между «единочленно-традиционной» и «общей» матрицей глобализации стало источником возникновения многих актуальных проблем современного общества: увеличения социальных фобий, нарастание социальной нетерпимости, аутизация населения, увеличение роста психических заболеваний, терроризм и экстремизм. Всё это вместе взятое приводит к ускорению роста виктимогенного потенциала общества и увеличению виктимности.

Анализ различных аспектов глобализации и её влияние на современное общество позволяет сделать вывод, что побочные негативные последствия процесса глобализации зачастую выглядят более весомыми, нежели позитивные влияния. Среди негативных последствий глобализации современного общества выделяются:

- увеличение нетерпимости и криминальной уязвимости населения [9];
- кризис среднего класса, криминализация немощных, рост сверхдоходов при 10 % полностью обездоленных людей [6, с. 8];
- уничтожение современных политических, экономических и институционализированных социальных отношений до того, как возникнут новые [10];
- усложнение взаимосвязи между различными государствами в контексте национальных и наднациональных общностей и институтов, что приводит к преобразованию современных социально-политических структур;
- ослабление национальных чувств, связанных с классическими формами государства, при возрождении локального национализма [2];
- появление и развитие никогда ранее не существовавших популяций (расово-этнических и культурно цивилизованных групп);
- нарастающая деструкция социальных процессов, опосредованная неустойчивостью социально-групповой структуры общества, трансформацией нормативно-ценностных систем, быстротой культурных сдвигов, ростом мобильности людей, новыми индивидуализированными видами трудовой деятельности;
- увеличение объёма функциональных социальных связей отдельного индивида;
- необходимость в новых технологиях и методах организации социальной деятельности, способных обеспечивать функционирование в информационном сообществе;
- трансляция на планетарном уровне как образа жизни, так и стиля, что приводит к сложностям и многообразию в выборе индивидом моделей поведения, изменениям в области виктимизации населения [4] и отказу от традиций;
- снижение уровня защищенности отдельной личности через глубокое включение в систему социума. Повышение виктимологической уязвимости личности в результате увеличения анонимных и быстро переходящих социальных связей;
- фрагментарность структуры урбанистических отношений [11, с. 73 – 74], преодоление которой через увеличение актов общения может привести к эмоциональной пустоте и саморазрушению;
- повышение конфликтности социальных отношений;
- возрастающая индивидуализация современных обществ, приводящая к ослаблению связей отдельной личности с социальной средой или группой, транслирующей ясную систему норм и ценностей [4];
- духовно-нравственная и правовая девальвация, обнищание внутреннего мира человека. Смещение фокуса внимания людей с духовного мира на практическую выгоду от общения. Подмена понятий самореализации понятием социальной успешности человека. Ограничение интересного поведения, включающего такие параметры, как искренность, правдивость, открытость;
- нарушение личностной и социальной идентичности. Утрата ориентиров в формировании общего «мы», выход за рамки национально-государственных общностей, приобретение транснационального харак-

тера. Культурная дезориентация, разрушение содержания духовного наполнения бытия;

– психическое отчуждение людей [2, с. 3], связанное с процессами вытеснения традиционных групповых связей.

Это лишь незначительный список последствий процессов глобализации современного мира.

Значительные изменения претерпевает не только общество, но и личность. Необходимо отметить, что наблюдается ярко выраженный феномен дестабилизации отношений между отдельной личностью и социумом, приводящий к кризису социальной идентичности человека. Вовлекаясь во множество информационно-познавательных и практических взаимодействий, не наполненных нравственным содержанием, человек не может формировать устойчивые структуры, отвечающие за девиктимизацию личности.

С этой точки зрения происходит деаксиологизация сознания личности и смешение ценности и антиценности. Параллельно с этим можно наблюдать процесс фрагментации социальных сообществ изнутри. Макросоциальные ансамбли, способные объединять людей общими жизненными целями и смыслами, практически разрушены. Это приводит к формированию неадекватности институциональной социальности и увеличению требований к самостоятельности и ответственности отдельной личности. При этом наблюдается сепарация общества на две противоположные, изолированные друг от друга группы, одна из которых направлена на внутренний интеллектуальный рост и получение образования, тогда как другая как высшую ценность рассматривает удовлетворение материальных потребностей. Такая сепарация постэкономического общества на два класса (класс носителей знаний (knowledge-class) и работников, занятых в производстве (consumption workers)), приводит к формированию нового конфликта и социальной разобщенности. В настоящее время именно информация, знания и образование становятся основными ресурсами, что приводит к перераспределению социальных благ и сосредоточению основных материальных ценностей в руках узкой части населения. Группа работников, не обладающих особыми талантами, будет вынуждена вступать в жестокую конкуренцию за достойную заработную плату. Таким образом, знания (и соответственно образование) становятся серьезным фактором социальной стратификации, что приводит к становлению новой общественной структуры, сформированной на совершенно других принципах и имеющей значительно более жесткую структурную организацию. Главным фактором, лимитирующим возможности приобщения к ресурсу власти, становится не социальное влияние, а особенности самого человека: его интеллект, набор знаний, память, способности, психологические характеристики, условия развития, мироощущение. По сути, многие авторы отмечают, что главным фактором приобщения к «высшему» классу становится не доступ к ресурсам, а способность ими воспользоваться.

М. Кастельс [13, с. 359], П. Дракер [14, с. 23] отмечают еще одно изменение, вызванное глобализацией общества, – влияние субъективных качеств человека. Так, по мнению М. Кастельс, именно человеческое сознание через использование репрезентативных об-

разов определяет возможность достижения в социальной иерархии. Восприятие постматериалистической мотивации, усвоение которой происходит в детстве и практически не меняется, формирование постматериалистических ценностей и действия согласно им могут привести человека в высшую страту с соответствующим уровнем благосостояния. Все это говорит о том, что происходит расслоение общества, увеличивающее криминализацию и виктимизацию населения. Социологи выделяют как новую социальную группу «новых бедных». Представители данной группы будут характеризоваться низким уровнем профессионализма и неспособностью эффективно работать в системе мировых рыночных отношений. Необходимо заметить, что практически впервые основой для стратификации становятся естественные и неустраняемые факторы. Таким образом, стратификационное неравенство приобретает не только количественные, но и серьезные качественные изменения.

На Женевской сессии генеральной ассамблеи ООН (2000 г.) неравномерное распределение благ общества было отмечено как центральная проблема глобализованной экономики мира. В первую очередь, это неравенство при получении доходов, трудоустройстве, социальных областях, возможности участия в социальной жизни общества. Также была отмечена серьезная поляризация уровня жизни социальных страт. Современное общество можно назвать кастовым. Такое положение приводит к возникновению конфликтов не только между различными государствами, но и внутри стран, между различными организациями сообществами. Всё это означает повышение актуальности вопросов виктимности социальных статусов. Интенсивно протекающие процессы, связанные с поляризацией благосостояния, приводят к серьезной дезинтеграции и дестабилизации на всех социальных уровнях общества и являются одним из самых тяжелых последствий процесса глобализации.

Необходимо отметить ещё один важный параметр, связанный с изменением межэтнических отношений, специфика и напряженность которых является серьезным фактором виктимизации социальных и этнических групп. В настоящее время происходит процесс размывания культурных, этнических и групповых границ, который оказывает серьезное влияние на восприятие собственной жизни отдельным индивидом и формирование специфических потребностей, мотивов и ценностей, зачастую отличающихся от традиционных в конкретной культуре. Стирание национальных границ под натиском процесса глобализации и транснационального воздействия приводит к формированию унификации различных параметров этнических сообществ. Всё это вызывает и противоположные тенденции, связанные с возведением новых барьеров способных сохранить этническое самосознание и усиление этнического антагонизма [3].

Пока в мировом сообществе происходит поиск механизмов ассимиляции различных культурных сообществ, с сохранением их самобытности и независимости, социальная и этническая нестабильность приводит к попытке многих представителей этих сообществ обрести некую уверенность через принятие традиционных форм реагирования на приходящие процессы. В первую очередь, это сепаратизм, изоля-

ция, ксенофобия [5]. Несомненно, подобные процессы приводят к собственной виктимизации людей и виктимизации социальных страт.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить тенденции, связанные с морфогенетическими социальными процессами глобализации современного мира. В первую очередь, это трансформация системы факторов виктимности отдельных социальных групп и всего сообщества. Порождение новых конфликтов, разобщенность, дифференциация благосостояния, социальное неравенство, размывание этнических границ являются значимыми факторами виктимизации как отдельной личности, так и социальных сообществ. Одновременно, в контексте глобализации происходит два процесса. С одной стороны, наблюдается менее жесткая связь индивида с его социальной стратой, что приводит к ослаблению виктимизирующего воздействия социума и позволяет формировать более успешные поведенческие реакции для отдельной личности. С другой – процесс глобализации приводит к появлению новых параметров виктимности, связанных с тенденциями информационно-постиндустриального общества, в контексте которых первичная тенденция с выбором менее виктимных поведенческих реакций может быть существенно нивелирована.

Анализируя процессы, происходящие в современном обществе, У. Бек отмечает нарастающие тенденции, ведущие к распаду существующих иерархических социокультурных моделей. Причиной этого процесса рассматривается распад классовых идентификации и нарастающая мобильность населения, которая с одной стороны приводит к свободе от социальных форм индустриального общества (социальная страта, семья, половая дифференциация). К. В. Вишневецкий, анализируя современное состояние криминальной виктимизации социальных групп, ссылаясь на работы российских социологов, описывает данное социальное явление как «социально демографическую пирамиду» [12].

Вершину пирамиды составляют представители мировой элиты, благосостояние которых связано с процессами глобализации. Вторая группа включает в себя людей, жизненные принципы и образ мышления которых идентичен представителями глобалистической элиты, однако масштаб и размах деятельности отличается. Третья группа населения – это слой, который так или иначе связан с процессами глобализации в контексте национальных границ. Четвертая группа включает в себя людей, имеющих достаточно высокий уровень жизни и занятых в сегменте экономики собственных стран. Пятая группа включает всех остальных представителей человечества, занятых сельским или натуральным трудом, кустарным или полукустарным производством. Такая стратификационная пирамида, с одной стороны, строится в системе традиционных стратификации индустриального общества, с другой – находится в системе деформаций под воздействием глобалистических социальных процессов. Особенностью российской стратификационной системы является состояние «стратификационного хаоса», когда старые характеристики уже обесценены, а новые ещё не сложились. В контексте виктимизации социальных групп данная ситуация повыша-

ет вероятность виктимного риска для многих социальных страт. Этот риск связан с рассогласованием ценностных и культурных норм как на уровне отдельного индивида, так и различных страт.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить сложность и многообразие воздействия комплекса причин на изменение и трансформацию структуры современного общества. Как общие направления и характеристики социального развития в контексте возможной виктимизации социальных групп и отдельного индивида можно отметить следующие тенденции.

1. Как один из сложных последствий глобализации современного общества может рассматриваться нарушение социокультурной самоидентификации общества и маргинализации значительных групп населения, что обуславливает увеличение виктимного потенциала социальных сообществ.

2. Современное состояние сообществ вследствие процессов глобализации одновременно характеризуется двумя тенденциями: с одной стороны, ослабление жестких связей с социальной стратой отдельного индивида и возможность выбора стратегий жизни и жизненных перспектив; в другой – увеличение степени в виктимизации социальных групп, которые усиливают виктимность на уровне социального воздействия. Несомненно, это повышает степень риска виктимизации личности и нивелирует индивидуальное снижение виктимности.

3. Превращение общества в информационное и доступность широкого спектра виктимных поведенческих реакций через коммуникационную сеть повышает риск усвоения доступных виктимных форм поведения.

4. Ослабление общей включенности личности в различные традиционные и этнические социальные институты приводит к деструкции социальных классов и разрушению привычных иерархических моделей. Результатом становится снижение эффективности нравственных и национальных регуляторов поведения личности, что может привести к увеличению процессов анатомии и кризису ценностно-смысловой сферы личности. При этом анатомия будет рассматриваться нами не только как процесс социальной виктимизации на личном уровне, но и на уровне социальных групп.

5. Наблюдаются процессы отчуждения личности, девальвации ценностей и идеалов, разрушения института семьи, морально нравственных норм. Всё это приводит к возникновению ощутимых угроз разрушения системообразующих элементов структур самосознания современного человека, нарастающей тревоге и страху. Нарушение процессов идентификации с обществом, семьей порождает серьезный уровень дестабилизации отношений между личностью и социальными структурами.

6. Резкое возрастание доступа к информации и знаниям, при увеличении влияния фактора умения распоряжаться этими знаниями, приводит к серьезной сепарации благосостояния и значимости высокоинтеллектуального труда на рынке. Превалирование информационных технологий и технологий управления социальными процессами над процессами производства и воспроизводства делит общество на два класса,

большой из которых, связанный с производством материальных благ, будет подвергаться виктимизации и обнищанию. Это приводит к увеличению разрыва между бедными и богатыми личностями, между бедными и богатыми странами, что может приводить как к индивидуальной виктимизации отдельных сообществ, так и к развитию различных форм международного терроризма.

7. Особенности формирования виктимных социальных статусов в России связаны с установлением «стратификационного хаоса» и усилением виктимности различных социальных статусов. Это касается в первую очередь миграции, аномических процессы, десоциализации отдельных личностей. При этом аномия и десоциализация будет проявляться как на уровне самосознания личности, так и в контексте с воспроизводства социальных установок на восприятие отдельных социальных групп. Специфика российской ситуации проявляется в том, что десоциализация коснулась не только низших страт, но и высших.

Таким образом, человек в современной России стоит перед целым комплексом сложных задач, обусловленных общемировыми и специфическими российскими тенденциями развития общества. С одной стороны, процессы социализации осложнены необходимостью адаптации к современному мировому социальному пространству с его особенностями, вызван-

ными процессами глобализации, с другой – возникает необходимость научения ориентироваться в существующем в России стратификационном хаосе. В этом контексте человеку необходимо определиться со своим местом в стратификационной пирамиде с учетом сложившихся уже форм стратовой самоидентификации. Наводнение информацией усиливает ощущение социального неравенства и увеличивает желание выйти из низших страт. Большое влияние на этот процесс оказывают индивидуальные составляющие человека, его способности, специфика мышления, мотивация и ценностные приоритеты. Еще одной значимой задачей для человека становится обретение навыка жизни в поликультурном мире, где с одной стороны наблюдается тенденция нивелирования культурных и этнических традиций, с другой – противоположная тенденция выстраивания барьеров, способных сохранить своеобразие этноса. Серьезную сложность представляют собой и процессы формирования и сохранения личной идентичности, нравственных и правовых ценностей. Все это говорит об увеличении риска виктимизации как отдельной личности, так и социальных групп, следствием чего становится увеличение процессов десоциализации, социальная дезинтеграция, деформация образа жизни, потеря социального контроля как над поведением отдельного человека, так и поведением социальных групп.

Литература

1. Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 398 с.
2. Галецкий В. Ф. Демографические проблемы глобализации: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2001.
3. Гидденс Э. Социология. М., 1999. 264 с.
4. Дилигенский Г. Г. Глобализация в человеческом измерении // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 7. С. 4 – 15.
5. Еремеев С. Г. Вызовы глобализации: этнический и религиозный экстремизм в современном мире. 23.02.2005. Режим доступа: www.anthropology.ru
6. Мотроитлова Н. В. Идеи единой Европы // Вопросы философии. 2004. № 12.
7. Саблина С. Г. Статусные рассогласования: Методология анализа и практика исследований. Новосибирск, 2002.
8. Скородумова О. Б. Интернет и его основные социокультурные функции // Философия и общество. 2004. № 1. С. 35.
9. Солонин Ю. Н. Сущность и характеристики процессов глобализации в их отношении к состоянию общества, социальных и политических институтов. СПб, 2002.
10. Социальная стратификация российского общества / под ред. З. Т. Голенковой. М.: Летний сад; Институт социологии РАН, 2003. 366 с.
11. Тоффлер Л. Футушок. СПб. 1997. 464 с.
12. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (мат. круглого стола) // Вопросы философии. 2000. № 1. С. 17 – 18.
13. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 2: The Power of Identity. Maiden. Oxford, 1997.
14. Drucker P. F. The New Realities. Oxford, 1996.

Информация об авторе:

Андронникова Ольга Олеговна – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета, andronnikovao@gmail.com.

Olga O. Andronnikova – Candidate of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ НАРУШЕННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

*Л. Н. Антилогова, Д. В. Лазаренко*ADDICTIONAL BEHAVIOUR AS THE INDICATOR
OF THE BROKEN SOCIALIZATION OF THE PERSON*L. N. Antilogova, D. V. Lazarenko*

В статье рассматриваются два аспекта социализации: осуществляемой в условиях образования и в условиях стихийного воздействия на личность различных обстоятельств жизни. Акцентируется внимание на втором аспекте, связанном с аддиктивным поведением личности. Описывается структура аддиктивного поведения, а также характерные особенности личности, склонной к аддиктивному поведению. Приводятся эмпирические данные, подтверждающие взаимосвязь между чертами личности и наличием у нее склонности к аддиктивному поведению. На примере студентов ОмГПУ и СКГУ представлены различные виды аддикций и степень их выраженности. Делается вывод, что употребление психотропных веществ способствует переходу не только от временной дезадаптации личности к постоянной, но и к аддиктивной реализации как показателю нарушенной социализации человека.

The paper considers the two aspects of socialization: under the conditions education and under the conditions of spontaneous influence of various life circumstances. The attention is focused on the second aspect connected with addictive behaviour of the person. The structure of addictive behaviour and the features of the person with disposition to addictive behaviour are described. The empirical data confirming the correlation between the features of the personality and their disposition to addictive behaviour are cited. With the example of students of Omsk State Pedagogical University and North Kazakhstan State University various kinds and degrees of addictions are presented. The conclusion is that the use of psychotropic substances promotes transition from a person's temporary desadaptation to the permanent state, and further to addictive realization as an indicator of the broken socialization of the person.

Ключевые слова: аддикт, аддикция, аддиктивное поведение, дезадаптация, психоактивные вещества, социализация, черты личности.

Keywords: addict, addiction, addictive behaviour, desadaptation, psychoactive substances, socialization, personality traits.

На современном этапе развития общества, претерпевающего значительные преобразования различных сфер общественной жизни, большие надежды связывают с личностью активной, творческой, способной к самореализации как в профессии, так и в различных социальных направлениях. Это касается, прежде всего, молодежи, которая в силу своих социально-психологических особенностей не отягощена привычками и стереотипами старого. Она легко отзывается на все новое, передовое, готова к новаторским свершениям.

Именно в этом аспекте молодежь можно рассматривать как субъект, т. е. активный, деятельный, способный проявить инициативу, самостоятельно принимать и реализовать решения и определять перспективу своей жизнедеятельности.

Однако об активности молодежи в реализации жизненных планов можно говорить лишь в том случае, когда ею успешно пройдены этапы социализации, под которой понимают процесс усвоения и активного воспроизведения личностью социального опыта, осуществляемого в общении и деятельности [5].

Социализация, как известно, может проходить как в условиях образования и воспитания, так и в условиях стихийного воздействия на личность различных обстоятельств жизни, имеющих иногда характер разнонаправленных факторов.

В условиях образования личность, как правило, включается в социальный мир ценностно-нормативной системы требований и правил, овладение которой приводит к социально приемлемым способам

поведения, отражает основу формирования нравственного сознания, выражающегося в наличии у человека нравственных убеждений и принципов, понятия социальной ответственности, долга, что ведет к соответствующей регуляции своего поведения.

В условиях же стихийного влияния на личность различных жизненных факторов возможны определенные отклонения в поведении человека, одним из которых является аддиктивное поведение, под которым понимается вид отклоняющегося саморазрушающегося поведения, связанный с состоянием измененного сознания, деформированной формой удовлетворения потребностей через психоактивные вещества [8, с. 286 – 287].

Структуру аддиктивного поведения личности можно представить следующим образом (рис.).

Человек, встречаясь с какой-либо жизненной трудностью, проблемой, попадая в конфликтную ситуацию, начинает определенным образом реагировать на нее, проявляя определенную активность (физическую, психическую). Иногда этой активности бывает недостаточно, и неразрешенная проблемная, конфликтная ситуация начинают вызывать у человека напряжение. Будучи не в состоянии должным образом реагировать, отвечать, он вынужден уходить от этой ситуации, от этой реальности. Но возникшее напряжение не исчезает и продолжает «давить» на человека, мешая ему выполнять основную деятельность, препятствуя удовлетворению различных потребностей. В зависимости от личностных особенностей данное напряжение будет сниматься разными путями.

Нередко в силу неспособности рационально мыслить и видеть социально полезные пути выхода из ситуации человек прибегает к неадекватным способам, а именно: к употреблению различных психоактивных веществ, которые на определенное время снимают это напряжение, но постепенно в силу привыкания к этим веществам должный эффект не наступает. В этом случае человек добавляет другие психоактивные вещества или меняет их, чтобы получить удовольствие,

поддержать соответствующие эмоции, избавиться от существующего напряжения. Поддержание определенных эмоций, сопровождающееся уходом от реальности, становится с каждым разом все более и более необходимым. Этот процесс происходит на первых этапах параллельно с основными видами деятельности, а затем начинает подменять их, навязывая человеку все большую и большую вовлеченность в обладание аддитивным агентом.

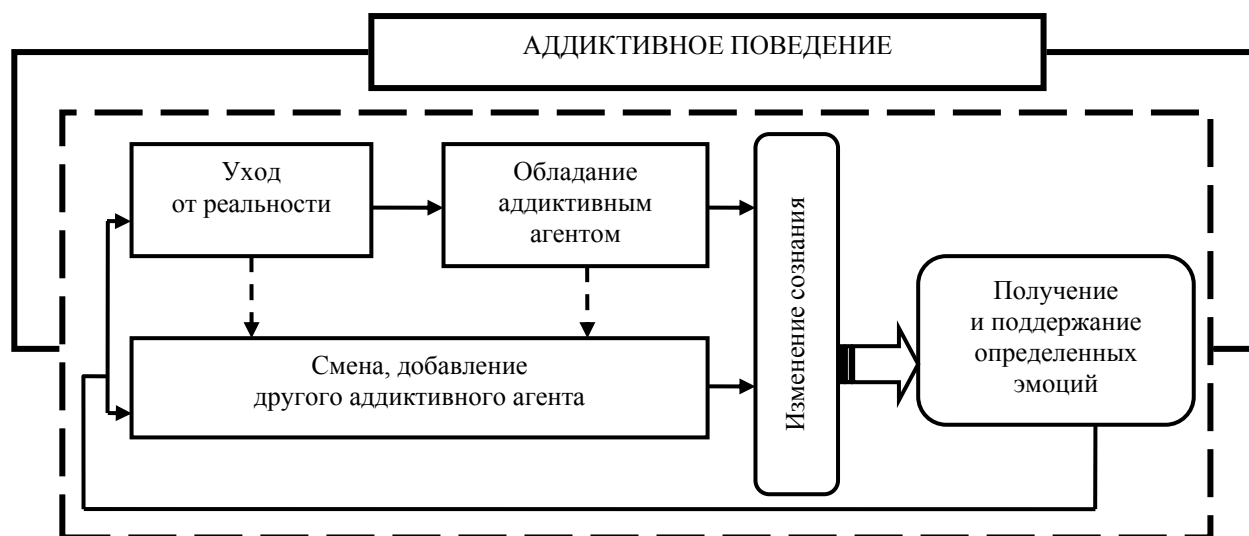

Рис. Структура аддитивного поведения личности

Следует подчеркнуть, что длительный период патологического пристрастия к психоактивному веществу приводит к приращению, сплетению и переходу одной привычки, пристрастия в другие.

Анализ научной литературы [3; 4; 6; 7; 9; 11] позволяет констатировать, что аддикты – это личности с устойчивым стремлением к изменению психофизического состояния, со сниженной переносимостью трудностей, им присуще стремление уходить от ответственности в принятии решений. Им свойственна потеря ранее значимой системы ценностей, а также низкая переносимость фрустраций, социальная инфантильность.

Опираясь на исследование Е. А. Чевериной [10, с. 7] и собственные наработки [1; 2] в изучении социально-психологических особенностей студентов, склонных к зависимости от психоактивных веществ, мы выделили среди этих особенностей следующие: неустойчивое эмоциональное состояние, тревожность, зависимость от мнения окружающих и высокая зависимость от объекта привязанности; затрудненный самоконтроль, сложность перенесения трудностей; деформированная структура ценностных ориентаций; сниженная оптимистическая, познавательная, трудовая и альтруистическая мотивации.

Проведенное нами исследование склонности к аддитивному поведению студентов Омского государственного педагогического университета и Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева позволило выявить степень выраженности различных аддикций как у российских, так и казахстанских студентов (таблицы 1, 2).

Как видно из таблицы 1, студенты-девушки из Казахстана (n1) в большей степени, чем студенты-девушки из России (n2), склонны к гэмблингу, трудоголии, алкогольной, наркотической зависимости, компьютерной и Интернет-зависимости как на уровне выраженной аддикции, так и на уровне тенденции к ней. Практически не выявлено различий в проявлении склонности к зависимости от людей и отношений, сексуальной аддикции. В случае адреналиномании и любовной аддикции наблюдаются незначительные различия.

В целом же можно констатировать, что студенты-девушки из Казахстана в большей степени, чем студенты-девушки из России, склонны к аддитивному поведению.

Сходные результаты были получены и при сравнении выборок студентов-юношей (n3 и n4).

Как видно из таблицы 2, студенты-юноши из Казахстана в большей степени, чем студенты-юноши из России, склонны к гэмблингу, трудоголии, интернет-зависимости, компьютерной зависимости и к зависимости от людей и отношений. В то же время отсутствуют значимые различия в выборках в выявлении склонности к адреналиномании, сексуальной, любовной, алкогольной и наркотической аддикциям.

Для определения случайности/неслучайности выявленных различий мы использовали **критерий Фишера** ф, который позволил констатировать, что различия между казахстанскими и российскими студентами, склонными к аддитивному поведению, незначительны.

Таблица 1

Степень выраженности аддикции студентов-девушек СКГУ ($n1 = 66$) и ОмГПУ ($n2 = 43$) в %

Степень выраженности аддикции Вид аддикции	Отсутствие аддикции		Тенденция к формированию аддикции		Устойчивое наличие аддикции	
	$n1$	$n2$	$n1$	$n2$	$n1$	$n2$
Алкогольная зависимость	24	54	17	16	59	30
Наркотическая зависимость	20	49	24	14	56	37
Гэмблинг	23	63	21	2	56	35
Зависимость от людей и отношений	85	91	5	2	10	7
Компьютерная и Интернет-зависимость	21	51	17	12	62	27
Трудоголия	14	44	56	42	30	14
Адреналиномания	21	16	35	14	44	30
Сексуальная зависимость	52	44	23	26	25	30
Любовная зависимость	12	19	27	42	61	39

Таблица 2

Степень выраженности аддикции студентов-юношей СКГУ ($n3 = 46$) и ОмГПУ ($n4 = 18$) в %

Степень выраженности аддикции Вид аддикции	Отсутствие аддикции		Тенденция к формированию аддикции		Устойчивое наличие аддикции	
	$n3$	$n4$	$n3$	$n4$	$n3$	$n4$
Алкогольная зависимость	33	50	15	22	52	28
Наркотическая зависимость	7	22	41	50	52	28
Гэмблинг	11	22	7	28	82	50
Зависимость от людей и отношений	70	78	17	11	13	11
Компьютерная и Интернет-зависимость	15	50	20	17	65	33
Трудоголия	17	50	7	17	76	33
Адреналиномания	15	28	15	33	70	39
Сексуальная зависимость	20	17	20	50	60	33
Любовная зависимость	13	28	33	50	54	22

Мы попытались определить также наличие взаимосвязи между чертами личности студентов и склонностью их к аддиктивному поведению. Для этого был применен корреляционный анализ с использованием коэффициента линейной корреляции Пирсона. Данные корреляционного анализа представлены в таблице 3.

Как видно из таблицы, наибольшее количество связей наблюдается между выделенными чертами личности и сексуальной аддикцией, компьютерной и Интернет-зависимостью и общей шкалой склонности к аддиктивному поведению. Это означает, что уход от реальности и получение специфических ощущений молодые люди осуществляют посредством просмотра сайтов сексуального содержания; общения в чатах на сексуальные темы, выстраивая отношения по типу «вирта», т. е. виртуального секса. Интернет-зависимость проявляется в стремлении студентов к постоянному участию в сетевых он-лайн играх, форумах; непреодолимой тяге к поиску информации в сети.

Выявлено наличие корреляционной связи между склонностью к сексуальной аддикции у студентов и такими чертами их личности, как свободомыслие, терпимость к неудобствам, экспериментаторство (фактор Q1 – «Консерватизм – Радикализм»); раздражительность, возбужденность, активность, слабое

чувство порядка (фактор Q4 – «Низкая эго-напряженность – Высокая эго-напряженность»). В меньшей степени сексуальная аддикция связана с такими чертами личности, как собранность, сообразительность, проницательность, эрудиция (фактор В – «Низкий интеллект – Высокий интеллект»).

Прослеживается взаимосвязь между склонностью студентов к компьютерной и Интернет-зависимости и такими чертами их личности, как неуверенность в себе, депрессивность, суетливость, погруженность в мрачные раздумья (фактор О – «Гипертимия – Гипотимия»); независимость от группы, отсутствие нужды в поддержке людей (фактор Q2 – «Зависимость от группы – Самодостаточность»); возбужденность, раздражительность, активность, несмотря на утомляемость, повышенная мотивация порядка (фактор Q4 – «Низкая эго-напряженность – Высокая эго-напряженность»). В то же время можно констатировать, что склонность к Интернет-зависимости в меньшей степени связана с такими чертами личности, как догматичность, требование от окружающих нести ответственность за свои ошибки, осторожность в поступках (фактор L – «Алаксия – Протенсия»).

Матрица корреляционного анализа черт личности и форм аддиктивного поведения студентов

Черты личности	Формы аддиктивного поведения студентов									склонность к аддиктивному поведению
	алкогольная	наркотическая	гэмблинг	адреналиномания	сексуальная	любовная	зависимость от людей и отношений	компьютерная и интернет-зависимость	трудоголия	
A	,021	-,019	-,002	,038	,137	,037	,042	-,020	,152	-,110
B	,079	,026	-,023	-,072	-,160*	-,028	,028	,141	,083	-,132
C	,004	-,027	,066	,003	-,136	,038	,009	,101	-,076	,119
E	-,111	-,042	-,124	,068	-,142	-,048	-,141	-,074	-,176*	-,161*
F	-,009	-,067	,010	,210**	,046	-,025	-,067	,025	-,029	,244**
G	,061	-,044	-,047	-,108	-,021	-,011	,131	,023	,008	-,062
H	,040	,000	,069	,094	-,006	,107	-,022	,065	,032	,150
I	,025	,084	,068	-,005	,100	,089	,068	,016	,063	-,129
L	-,125	-,048	-,134	,059	-,022	-,067	-,165*	-,171*	-,168*	-,029
M	-,130	-,082	,123	,059	,044	-,118	,032	,008	,012	-,033
N	,177*	,073	,024	-,030	-,137	,281**	,148	,127	-,014	,032
O	-,015	,041	-,030	-,064	,176*	-,087	-,058	,210**	-,036	,191*
Q1	,004	-,005	,056	,059	,185*	-,033	-,057	-,038	,078	,029
Q2	,171*	,217**	,092	-,041	-,071	,100	,141	,160*	,064	-,054
Q3	,026	,013	,042	,023	-,032	,116	,138	,083	,094	-,052
Q4	-,097	,006	-,111	-,096	,172*	-,048	-,052	,204*	-,037	-,056

Примечание: * – при $p \leq 0,05$; ** – при $p \leq 0,01$.

На основе проведенного исследования можно заключить, что определенные черты личности могут влиять не только на переход от временной дезадаптации к постоянной, но и к аддиктивной реализации как

показателю нарушенной социализации человека, препятствующей как личностному, так и профессиональному росту и самосовершенствованию.

Литература

1. Антилогова Л. Н., Лазаренко Д. В. Психологические особенности аддиктивного поведения студентов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2(57). С. 40 – 43.
2. Антилогова Л. Н., Лазаренко Д. В. Черты личности как фактор аддиктивного поведения студентов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. (Серия: Педагогика, психология). 2014. № 3(18). С. 13 – 16.
3. Бородин Н. А. Психологическая причинность аддиктивного поведения личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2005. 24 с.
4. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: Олсиб, 2001. 251 с.
5. Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд. Ростов на/Д.: Феникс, 1998. 512 с.
6. Кушнерова Ю. Ю. Формирование эго-идентичности студентов в процессе адаптации к обучению в вузе как фактор профилактики алкогольной аддикции: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2012. 23 с.
7. Менделевич В. Д. Клиническая (медицинская) психология. М., 2005. 432 с.
8. Овчарова Р. В. Технологии практического психолога образования: учебное пособие для студентов вузов и практических работников. М.: ТЦ Сфера при участии «Юрайт-М», 2001. 448 с.
9. Хмелевская О. Е. Психологические предикторы и детерминанты формирования наркотической аддикции личности с нарушением адаптации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Красноярск, 2005. 23 с.
10. Чеверикина Е. А. Социально-психологические особенности студентов вузов, склонных к зависимости от психоактивных веществ: дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2013. 218 с.
11. Четвериков Д. В. Психологические механизмы и структура аддиктивного поведения личности: дис. ... д-ра психол. наук. Новосибирск, 2002. 385 с.

Информация об авторах:

Антилогова Лариса Николаевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии Омского государственного педагогического университета, Antilogova@yandex.ru.

Larisa N. Antilogova – Doctor of Psychology, Full Professor, Head of the Department of General and Pedagogical Psychology, Omsk State Pedagogical University.

Лазаренко Дмитрий Витальевич – аспирант кафедры общей и педагогической психологии Омского государственного педагогического университета, mitya1981-07@inbox.ru.

Dmitry V. Lazarenko – post-graduate student at the Department of General and Pedagogical Psychology, Omsk State Pedagogical University.

(Научный руководитель – Л. Н. Антилогова). (Academic advisor – N. Antilogova).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.923:796.01

ЗАНЯТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ВИДАМИ СПОРТА КАК ФАКТОР АККУЛЬТУРАЦИИ

Л. В. Аргентова, Т. Е. Аргентова

PRACTICING NATIONAL SPORTS AS AN ACCULTURATION FACTOR

L. V. Argentova, T. E. Argentova

В статье описаны и сравнительно проанализированы личностные особенности профессиональных спортсменов (тайских боксеров) и профессиональных боксёров, занимающихся другими единоборствами, а также мужчин, профессионально не занимающихся спортом. При этом возраст всех испытуемых-мужчин (спортсменов-профессионалов и любителей спорта) относится к периоду ранней взрослости (20 – 25 лет). Результаты исследования выявили значимые различия в личностных особенностях людей, занимающихся тайским боксом, в сравнении со спортсменами, занимающимися другими единоборствами, и мужчинами, не занимающимися спортом вообще. Делается вывод о том, что занятие новым для нашей страны видом спорта – тайским боксом – в целом благоприятно сказывается на развитии личности спортсмена.

The paper describes and comparatively analyzes the personality features of professional Thai boxers, boxers engaged in other martial arts, and also men who are not professionally involved in sports. The age of all the studied men (professional and amateur athletes) refers to the period of early adulthood (20 – 25 years old). The results of the study revealed significant differences in the personal characteristics of the people involved in Thai Boxing, in comparison with the athletes in other combat sports and the men who do not do sports at all. It is concluded that practicing Muay Thai, which is a new kind of sport for this country, has overall favorable impact on the development of athletes' personality.

Ключевые слова: аккультурация, личность спортсмена, тайский бокс, агрессивность, ценностные ориентации.

Keywords: acculturation, athlete's personality, Thai boxing, aggression, personality factors, value orientations.

Исследования различных проблем межкультурного взаимодействия приобретают в последнее время всё большее значение в связи с процессами глобализации и интенсификации межкультурных коммуникаций, с которыми мы сталкиваемся все чаще.

В настоящее время в нашей стране получают распространение новые для нашей культуры виды спорта, в частности, тайский бокс в России и Кузбассе получил широкое распространение. Сборная команда Кузбасса по тайскому боксу является ведущей сборной России. В неё входят заслуженные мастера спорта международного класса, ведущие спортсмены по версии всемирной спортивной ассоциации «Gloxy», мастера спорта, кандидаты в мастера спорта и спортсмены, имеющие спортивные разряды.

Известно, что тайский бокс является одним из самых жёстких спортивных единоборств, требующих отличной физической и психологической подготовки. В тайском боксе используется отличная от всех дру-

гих видов единоборств, техника нанесения ударов ногами, локтями и коленями, захватов и бросков. Во всем мире тайские боксеры являются наиболее подготовленными к реальным контактным поединкам.

Тайский бокс тесно связан с философией Буддизма. В федерации спорта по тайскому боксу существуют свои правила и законы, которые непрекословно должны соблюдать спортсмены.

Тайским боксом занимаются люди в начале возраста ранней взрослости (20 – 25 лет, согласно периодизации Э. Эриксона, на которую мы опираемся). Этот возрастной период является оптимальным для максимального физического и психического развития спортсменов в их профессиональной деятельности. Именно в этом возрасте человек осознанно составляет личный профессиональный план, осваивает новую профессию, активно формирует свои ценностные ориентации, выбирает свой жизненный путь [3].

Поскольку за тайским боксом стоит другая философия, то изучение ее влияния на личность молодого человека очень важно. Возникает вопрос: как сказываются занятия тайским боксом на личности молодого человека в период его становления? А в сравнении с другими видами бокса они более агрессивны? А в сравнении со своим ровесниками, не занимающимися спортом профессионально? [1; 5]. Нас интересует, как идет аккультурация, под которой на уровне психологии индивида мы понимаем процесс изменения ценностных ориентаций, ролевого поведения, социальных установок индивида. Это и определило актуальность нашего исследования.

Проведённый теоретико-методологический анализ литературных источников по названной проблеме и наблюдения тренеров, ведущих спортсменов позволили предположить, что существуют личностные особенности профессиональных тайских боксеров возраста ранней взрослости, отличающие их как от профессиональных боксеров, занимающихся другими видами единоборств, так и мужчин, профессионально не занимающихся спортом.

Наше исследование было посвящено сравнительному изучению личностных особенностей профессиональных спортсменов – тайских боксёров – возраста ранней взрослости и их ровесников, профессиональных боксеров, занимающихся другими видами единоборств, и мужчин, профессионально не занимающихся спортом.

Для проверки нашей гипотезы в марте – апреле 2014 г. было проведено исследование личностных особенностей профессиональных тайских боксеров на базе спортивного оздоровительного центра «СИАМ», где проходят тренировки сборной команды Кузбасса и России по тайскому боксу. В этом Центре также тренируются профессиональные спортсмены-боксеры, занимающиеся другими единоборствами. Большую помощь в сборе материала оказала психолог М. Е. Шакурова [8].

Выборку исследования составили 60 мужчин в возрасте 20 – 25 лет. *Исследуемую группу* составили 20 мужчин – профессиональных тайских боксеров, имеющих высокие спортивные достижения (чемпионы и призеры первенств и чемпионатов городов, областей, федеральных округов, стран Европы и мира) и звания (Кандидаты в Мастера Спорта (КМС), Мастера Спорта (МС), Заслуженные Мастера Спорта (ЗМС)). *Первую контрольную группу* составили 20 мужчин – профессиональных боксеров, также имеющие спортивные разряды и достижения. *Вторую контрольную группу* составили 20 мужчин, не занимающихся профессионально спортом, но периодически проявляющие физическую активность (посетители тренажерного зала).

В исследовании был использован комплекс **методов и методик**: «16-факторный личностный опросник» Р. Б. Кеттелла; методика «Ценностные ориентации» М. Рокича; тест «Оценка агрессивности в отношениях» А. Ассингера, с помощью которого изучался уровень агрессивности респондентов; методы математической статистики: корреляционный анализ, анализ средних значений признаков. Корреляционный анализ и выявление различий в средних уровнях исследуемых признаков – с помощью Т-критерия Стьюдента. Обработка и анализ полученных результатов исследования проводились с помощью программ STATISTIKA 6.0 и EXCEL.

Обсуждение результатов исследования

1. Исследование агрессивности респондентов осуществлялось с помощью методики «Оценка агрессивности в отношениях» А. Ассингера. С помощью Т-критерия Стьюдента для независимых выборок выявлялись статистически значимые различия в средних значениях показателей в исследуемой (Гр.1) и двух контрольных (Гр.2 и Гр.3) группах испытуемых. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели агрессивности исследуемых групп спортсменов

Агрессивность (среднегрупповые показатели)	Гр.1 (тайский бокс)	Гр.2 (боксеры)	Гр.3 (любители спорта)	Уровень значимости	
				Р (между Гр. 1 и 2)	Р (между Гр. 1 и 3)
	38,40	42,30	41,95	0,0012	0,0107

Результаты исследования свидетельствуют о том, что:

– выявлены значимые различия средних значений групп по параметру агрессивность между тайскими боксерами (Гр.1) и боксерами (Гр.2) ($p = 0,0012$). Результаты исследования показали, что у тайских боксеров уровень агрессивности значимо ниже, чем у боксеров других единоборств;

– выявлены также значимые различия средних значений групп по параметру агрессивность между тайскими боксерами (Гр.1) и группой мужчин, профессионально не занимающихся спортом (Гр.3) ($p = 0,0107$). Согласно данным проведенного исследования, уровень агрессивности у тайских боксеров зна-

чимо ниже, чем у мужчин, не занимающихся профессионально спортом.

2. Исследование личностных особенностей респондентов осуществлялось с помощью методики «16-РФ» Р. Б. Кеттелла. Результаты исследования представлены в таблице 2.

Результаты исследования показали:

1. Выявлены значимые различия в средних значениях групп практически по всем первичным факторам: А, В, С, F, G, H, I, M, N, Q1, Q3, Q4; и вторичным факторам: F1, F2, F3, F4; между тайскими боксерами (Гр.1) и боксерами (Гр.2) (при $p < 0,03$).

Показатели 16 личностных факторов исследуемых групп спортсменов

	Гр.1 (тайский бокс)	Гр.2 (боксеры)	Гр.3 (любители спорта)	Уровень значимости	
				Р (между Гр.1 и Гр.2)	Р (между Гр.1 и Гр.3)
A	8,25	6,35	5,65	0,0001	0,0001
B	7,65	6,25	5,55	0,0001	0,0001
C	7,55	6,15	5,65	0,0002	0,0001
E	7,00	-	5,8	-	0,0005
F	7,35	6,60	5,9	0,0324	0,0001
G	8,55	6,65	5,7	0,0001	0,0001
H	8,10	6,65	6,0	0,0001	0,0001
I	2,50	4,55	4,9	0,0001	0,0001
M	2,55	3,90	4,95	0,0001	0,0001
N	7,85	6,70	6,05	0,0005	0,0001
Q1	8,35	6,45	6,05	0,0001	0,0001
Q2	6,95	-	6,00	-	0,0033
Q3	8,90	6,60	5,90	0,0001	0,0001
Q4	6,40	6,90	-	0,0382	-
F1	2,55	4,25	4,25	0,0001	0,0001
F2	8,50	6,85	6,85	0,0001	0,0001
F3	8,20	6,90	6,90	0,0001	0,0001
F4	8,20	6,75	6,75	0,0001	0,0001

Это характеризует тайских боксеров (в сравнении с боксерами других единоборств) как людей значимо **более** общительных, открытых, легко идущих на контакт, с живыми яркими эмоциями (A); интеллектуально развитых, легче обучаемых (B); эмоционально устойчивых (C); оптимистично настроенных, бодрых, активных и верящих в удачу и свою счастливую звезду (F); одновременно при этом как людей более ответственных, с чувством долга, соблюдающих социальные нормы (G); смелых, решительных, склонных к риску, не пасующих при столкновении с непредвиденными обстоятельствами (H); практичных, здравомыслящих, трезво оценивающих обстоятельства и людей, твердо стоящих на ногах (M); как людей более тактичных, вежливых, дипломатичных, тоньше чувствующих других людей (N); легче воспринимающих новые идеи и перемены, менее консервативных, более критичных (Q1); организованных, дисциплинированных, с высоким уровнем самоконтроля (Q3); но при этом менее фрустрированных и менее эмоционально напряженных (Q4).

Что касается вторичных факторов, то по ним группа тайских боксеров характеризуется меньшей тревожностью (F1), большей экстравертированностью, хорошим установлением и поддержанием социальных контактов (F2), большей уравновешенностью (F3) и независимостью (F4).

2. Выявлены значимые различия в средних значениях групп по первичным факторам: A, B, C, E, F, G, H, I, M, N, Q1, Q2, Q3, и по вторичным факторам: F1, F2, F3, F4, (при $p < 0,0117$) между тайскими боксерами (Гр.1) и спортсменами-любителями, профессионально не занимающимися спортом (Гр.3).

Это характеризует тайских боксеров (в сравнении с ровесниками, не занимающимися профессионально спортом) как людей: **более** общительных, открытых, легко идущих на контакт, с живыми яркими эмоциями

(A); более интеллектуально развитых, легче обучаемых (B); более эмоционально устойчивых (C); уверенных в себе, самостоятельных, независимых, менее послушных, отстаивающих свою точку зрения, более доминантных (E); более оптимистично настроенных, бодрых, активных (F); одновременно при этом как людей более ответственных, с чувством долга, соблюдающих социальные нормы (G); более смелых, решительных, склонных к риску, не пасующих при столкновении с непредвиденными обстоятельствами (H); более практичных, здравомыслящих, трезво оценивающих обстоятельства и людей, твердо стоящих на ногах (M); одновременно при этом как людей более тактичных, вежливых, дипломатичных, тоньше чувствующих других людей (N); легче воспринимающих новые идеи и перемены, менее консервативных, более критичных (Q1); самодостаточных, ориентированных на собственное мнение, самостоятельных и ответственных (Q2); более организованных, дисциплинированных, с более высоким уровнем самоконтроля (Q3).

Что касается вторичных факторов как итоговых показателей первичных факторов, то по ним группа тайских боксеров характеризуется меньшей тревожностью (F1), большей экстравертированностью, легким установлением и поддержанием социальных контактов (F2), большей уравновешенностью (F3) и независимостью (F4).

3. Таким образом, тайские боксеры (в сравнении с представителями двух контрольных групп) характеризуются: большей общительностью, более высоким уровнем интеллекта, лучшей эмоциональной устойчивостью, оптимистичностью, большей приверженностью к социальным нормам, большей смелостью и склонных к риску, большей практичностью, тактичностью, дисциплинированностью, организованностью, более высоким уровнем самоконтроля.

3. Исследование предпочитаемых терминальных и инструментальных ценностей у исследуемых групп респондентов осуществлялось с помощью методики «Ценностные ориентации» М. Рокича. Результаты исследования представлены в таблицах 3 и 4.

В таблице 3 представлены результаты сравнения предпочитаемых *терминальных* ценностей-целей у испытуемых исследуемой (Гр.1 – тайские боксеры) и двух контрольных групп (Гр.2 – боксеры и Гр.3 – не занимающиеся спортом).

Таблица 3

Предпочитаемые терминальные ценности (первые 5) исследуемых групп по методике М. Рокича

Ранг	Терминальные ценности					
	Гр.1 (тайский бокс)	Ранг Гр.1	Гр.2 (боксеры)	Ранг Гр.2	Гр.3 (любители спорта)	Ранг Гр.3
1	Здоровье	2,35	Здоровье	2,5	Развитие	2,85
2	Наличие хороших друзей	2,75	Материальное обеспечение	4,35	Здоровье	4,1
3	Активная жизнь	3,85	Активная жизнь	4,8	Любовь	4,65
4	Любовь	5,25	Наличие хороших друзей	5,75	Развлечения	5,15
5	Материальное обеспечение	6,9	Развитие	5,9	Наличие хороших друзей	5,95
6	Интересная работа	7,85	Свобода	7,2	Активная жизнь	6,2

К предпочитаемым ценностям-целям испытуемые всех трех групп пусть и немного в разной последовательности отнесли здоровье, наличие хороших и верных друзей, активную жизнь. Тайские боксеры при этом в отличие от других добавили ценности материально обеспеченной жизни, интересную работу (более практичные ценности). Представители второй группы (боксеры) к более ценным отнесли более абстрактные

терминальные ценности развития и свободы. Представители третьей группы (не занимающихся профессионально спортом) больший акцент сделали на ценностях любви, развлечениях (на земных радостях).

В таблице 4 представлены результаты сравнения предпочитаемых *инструментальных* ценностей-средств у испытуемых трех исследуемых групп.

Таблица 4

Предпочитаемые инструментальные ценности (первые 5) исследуемых групп по методике М. Рокича

Ранг	Инструментальные ценности					
	Гр.1 (тайский бокс)	Ранг Гр.1	Гр.2 (боксеры)	Ранг Гр.2	Гр.3 (любители спорта)	Ранг Гр.3
1	Высокие запросы	2	Высокие запросы	3,95	Смелость в поступках	3,65
2	Образованность	2,95	Непримиримость к недостаткам	5,3	Высокие запросы	3,9
3	Аккуратность	3,95	Образованность	5,55	Непримиримость к недостаткам	4,35
4	Непримиримость к недостаткам	5,25	Аккуратность	5,9	Аккуратность	4,75
5	Независимость	6,55	Твердая воля	7,05	Твердая воля	5,2
6	Жизнерадостность	7,7	Смелость в поступках	7,7	Образованность	5,9

К предпочитаемым ценностям-средствам испытуемые всех трех групп отнесли: высокие запросы, образованность, аккуратность, непримиримость к недостаткам. Но представители 1-й группы (тайские боксеры) добавили к ним такие ценности, как независимость, жизнерадостность, отражающие свободу и позитивный жизненный настрой.

Во второй (боксеры) и третьей группе (не спортсмены) к вышеназванным ценностям добавили: твердую волю, смелость в поступках – более жесткие для реализации ценности-средства.

В итоге сравнительный анализ результатов агрессивности в отношениях исследуемых групп показал, что у тайских боксеров этот показатель значимо ниже, чем у представителей других единоборств и неспортсменов. А у неспортсменов ниже, чем у боксеров.

По результатам методики «16 – PF» Р. Б. Кеттелла тайские боксеры (в сравнении с боксерами других единоборств и неспортсменами) значимо чаще характеризуются как люди более общительные, открытые, легко идущие на контакт (фактор А); интеллектуально развитые, легче обучаемые (фактор В); более эмоционально устойчивые (фактор С); оптимистично настро-

енные, бодрые, активные (F); одновременно при этом как люди более ответственные, с чувством долга, соблюдающие социальные нормы (G); смелые, решительные, склонные к риску, не пасующие при столкновении с непредвиденными обстоятельствами (H); практичные, здравомыслящие, трезво оценивающие обстоятельства и людей, твердо стоящие на ногах (M); тактичные, вежливые, дипломатичные, тоньше чувствующие других людей (N); легче воспринимающие новые идеи и перемены, менее консервативные, более критичные (Q1); организованные, дисциплинированные, с высоким уровнем самоконтроля (Q3).

По вторичным факторам группа тайских боксеров в сравнении с двумя контрольными группами характеризуется меньшей тревожностью (F1), большей экстравертированностью, хорошим установлением и поддержанием социальных контактов (F2), большей уравновешенностью (F3) и независимостью (F4).

Сравнительный анализ терминальных и инструментальных ценностей испытуемых 3-х групп показал их сходство, скорее связанное с их принадлежностью к одной возрастной группе. Представители тайского бокса несколько больший акцент сделали на более практичные ценности материально обеспеченной жизни, интересной работе. Представители второй группы (боксеры) – на более абстрактных терминальных ценностях развития и свободы. Представители третьей группы (не занимающихся профессионально спортом) к основным терминальным ценностям отнесли более земные ценности любви, развлечений –

ценности людей, не обремененных жесткой дисциплиной и постоянными тяжелыми тренировками.

Сравнительный анализ инструментальных ценностей испытуемых 3-х групп наряду со сходством выявил некоторые отличия. Так, представители 1-й группы (тайские боксеры) добавили к ним такие ценности, как независимость, жизнерадостность, отражающие свободу и позитивный жизненный настрой. А представители второй и третьей групп акцент сделали на более жестких для реализации ценностных средствах: твердой воле и смелости в поступках.

Результаты исследования показали, что **занятие новым для нашей страны видом спорта – тайским боксом – в целом благоприятно сказывается на развитии личности спортсмена.** Эти люди менее агрессивные, более эмоционально устойчивые, жизнерадостные, оптимистично настроенные, общительные, вежливые в обращении; организованные, дисциплинированные, активные, ответственные, с чувством долга, смелые, решительные, не пасующие при столкновении с непредвиденными обстоятельствами; практичные, здравомыслящие, твердо стоящие на ногах, легко воспринимающие новые идеи и перемены в жизни.

Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу о существовании значимых различий в личностных особенностях людей, занимающихся тайским боксом, в сравнении со спортсменами, занимающимися другими единоборствами, и мужчинами, не занимающимися спортом вообще.

Литература

1. Венкатеш К. Нейропсихологические факторы и проблема изменения эмоционально-личностной сферы в практике боевых искусств // Актуальные проблемы современной науки. 2004. № 4. С. 100 – 102.
2. Загайнов Р. М. К проблеме уникальности личности спортсмена-чемпиона // Спортивный психолог. 2005. № 1(4). С. 4 – 16.
3. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития / под общ. ред. Т. В. Прохоренко. (Серия: Мастера психологии). 9-е изд. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
4. Найдиффер Д. Психология соревнующегося спортсмена. М.: Физкультура и спорт, 1979. 256 с.
5. Ротенберг А. Р. Развитие личности спортсменов под влиянием занятий единоборствами. СПб.: Военный ин-т физической культуры, 2008. 166 с.
6. Серова Л. К. Психология личности спортсмена: учебное пособие; рекомендовано УМО. М.: Советский спорт, 2007. 116 с.
7. Тарас А. Е. Психология спорта: хрестоматия / сост.-ред. А. Е. Тарас. М.: АСТ, 2007. 352 с.
8. Шакурова М. Е. Личностные особенности мужчин – профессиональных спортсменов в период ранней зрелости (на примере тайских боксеров): дипломная работа. Кемерово, 2014. 80 с.

Информация об авторах:

Аргентова Лариса Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития социально-психологического факультета КемГУ, argentovalora@gmail.com.

Larisa V. Argentova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Аргентова Татьяна Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий социально-психологического факультета КемГУ, argentovat@gmail.com

Tatyana E. Argentova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.922.4+159.94

ПРОФИЛАКТИКА ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ СРЕДИ ПОДРОСТКОВ ЧЕРЕЗ РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Е. Л. Аршинская

PREVENTION OF ETHNIC CONFLICTS THROUGH THE DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMPETENCE OF TEENAGERS

Е. L. Arshinskaya

Выполнено в рамках гранта РГНФ 15-06-10673 «Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи азиатской России».

В статье рассматриваются возможности современной школы по развитию навыков эффективного межличностного и межгруппового взаимодействия как способа профилактики этических конфликтов. На основе проведенных исследований обосновывается необходимость осуществления профилактики этнических конфликтов через развитие межкультурной компетентности подростков. Межэтнические и межнациональные конфликты рассматриваются как частный случай социального конфликта, когда конфликтующие группы сформированы по этническому основанию. Представлены результаты проведения психопрофилактической работы, направленной на развитие составляющих межкультурной компетентности, коммуникативной толерантности и умение принимать других. Полученные данные позволяют сделать выводы о том, что формировать межкультурную компетентность можно посредством психопрофилактических программ, направленных на снижение конфликтности, развитие коммуникативных навыков и обогащение знаниями о культуре и традициях других народов. Наиболее значимые изменения отмечены в таких показателях межкультурной компетентности, как терпимость к противоположным взглядам и мнениям, способность избегать конфликтных ситуаций, понимание своеобразия разных народов.

The paper discusses the possibilities of the modern school in the development of skills for effective interpersonal and inter-group interaction as a means to prevent ethical conflicts. On the basis of the conducted research the author proves the necessity of prevention of ethnic conflicts through the development of intercultural competence of adolescents. Inter-ethnic conflicts are considered as a special case of social conflict when conflicting groups have been formed on an ethnic basis. The paper presents the results of the psycho-prophylactic work aimed at the development of the components of intercultural competence, communicative tolerance and ability to accept others. The obtained data allow drawing conclusions that intercultural competence can be instilled through prevention programmes aimed at the reduction of conflict, the development of communicative skills and learning about the culture and traditions of other nations. The most significant changes are observed in such indicators of intercultural competence as the tolerance to opposing views and opinions, the ability to avoid conflict situations and understanding the peculiarities of different nations.

Ключевые слова: этнические отношения, межкультурная компетентность, подростки, конфликт, взаимодействие.

Keywords: ethnic relations, intercultural competence, teenagers, conflict, cooperation.

Обострение этнических проблем и как следствие возникновение межнациональных, этнополитических конфликтов выдвигают необходимость поиска путей их профилактики. Большинство исследователей отмечает, что подобные конфликты носят эмоционально-иррациональный характер протекания, ведут к многочисленным жертвам среди мирного населения. В конце 80-х – начале 90-х гг. этнополитические конфликты нашли свое выражение в больших и малых войнах в Азербайджане, Армении, Таджикистане, Молдове, Чечне, Грузии, Северной Осетии, Ингушетии. И сегодня события, происходящие в России и за рубежом, свидетельствуют о дезинтеграционных разрушительных тенденциях, угрожающих возникновением новых конфликтов.

Изучение межнациональных отношений в Байкальском регионе, проведенное А. Д. Карнышевым, Е. А. Ивановой, позволяет отметить, что в период с 90-х гг. по 2003 г. отмечалось определенное ухудшение оценок характера межнациональных отношений,

к 2008 г. эта ситуация начала улучшаться, данные представлены на рис. 1 [3, с. 35 – 39].

В конце 1990-х гг. 27 % респондентов оценили межнациональные отношения как хорошие, способствующие межнациональному согласию, а в 2003 г. только 11 % посчитало, что межнациональные отношения в регионе являются хорошими. В 2008 г. эта ситуация изменилась в лучшую сторону, но не достигла уровня 1990-х гг. Хорошими межнациональные отношения посчитали только 17 % опрошенных.

В конце 90-х межнациональные отношения, сложившиеся в регионе, были оценены как конфликтные и тревожные 5 % опрошенных, а в 2003 г. было отмечено значительное увеличение таких оценок до 19 %, к 2008 г. этих оценок оказалось меньше 12 %. Таким образом, мы можем говорить только о незначительном улучшении межнациональных отношений в Байкальском регионе.

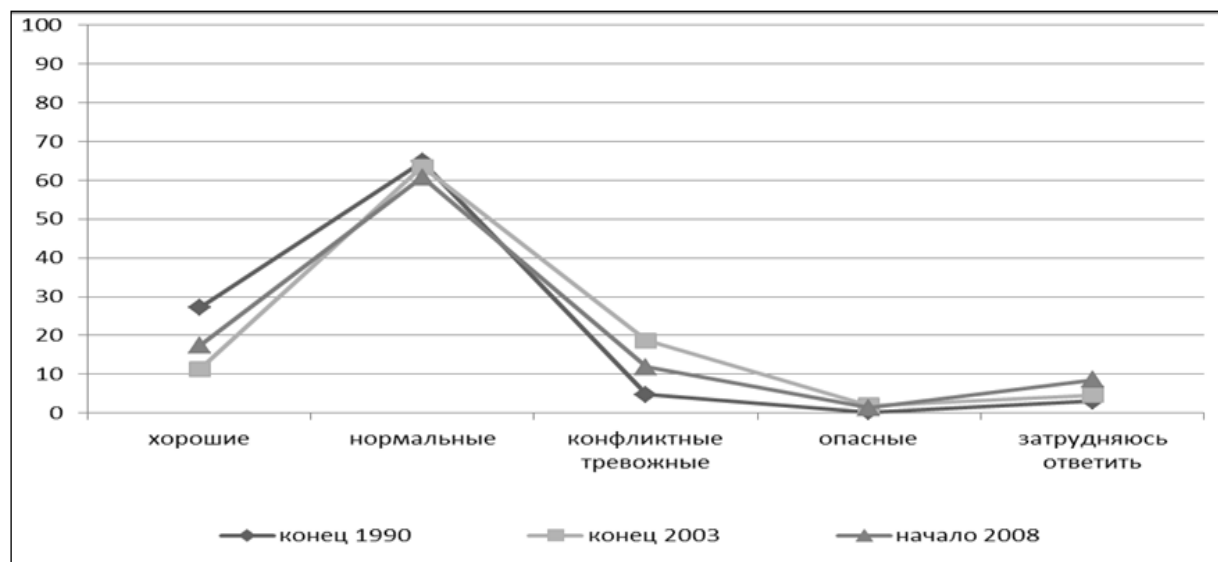

Рис. 1. Оценка характера межнациональных отношений в динамике

В настоящее время продолжают этнические миграции, вызванные политическими, экономическими, военными причинами, в результате чего увеличивается вероятность возникновения групп со смешанным этническим составом, в которых велик конфликтотензиональный потенциал.

Опрос старшеклассников из различных населенных пунктов Байкальского региона показал, что в школьной среде существуют конфликты на почве межнациональных различий. Как видно на рисунках 2 и 3 представлены результаты опроса старшеклассников в 2008 г. и в 2014 г. Здесь мы можем отметить, что в 2008 г. чаще конфликтные отношения на национальной почве встречались в сельской местности. В 2014 г. ситуация

несколько изменилась: 16 % старшеклассников, проживающих в городе, оценили отношения как конфликтные и тревожные, а 4 % оценили межнациональные отношения как взрывоопасные, грозящие перейти в конфликт. В то время как старшеклассники, проживающие в сельской местности, поселках городского типа и в селе, оценили отношения как конфликтные 11 % и 10 % соответственно, а как опасные и грозящие перейти в конфликт – 7 % и 3 %.

Таким образом, результаты опросов позволяют говорить о необходимости принятия мер по улучшению межнациональных отношений в регионе как среди взрослого населения, так и среди молодежи.

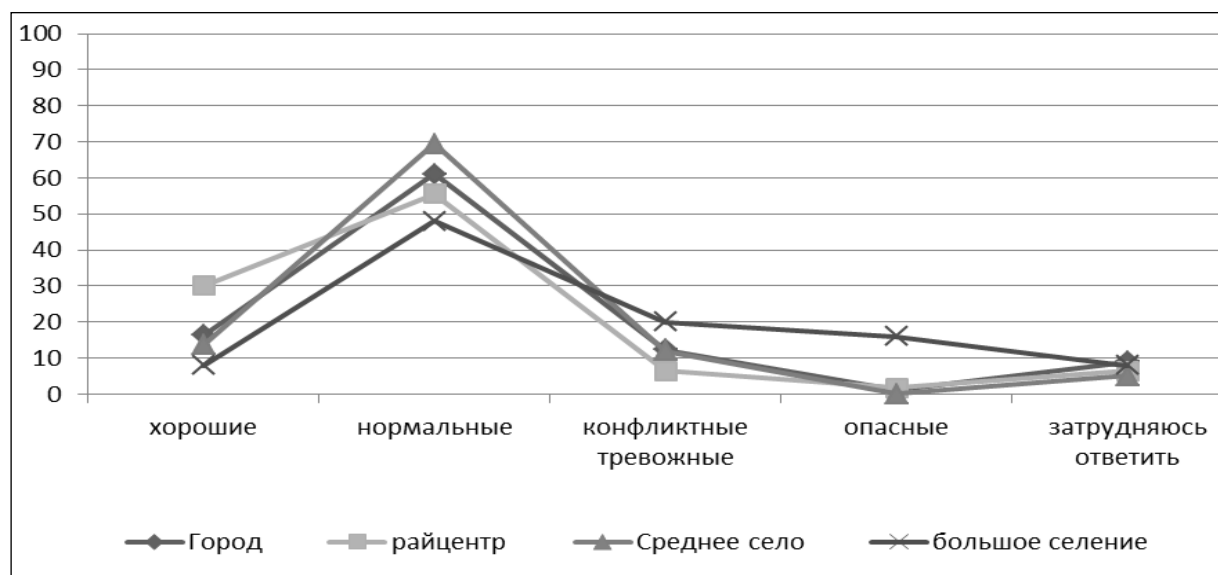

Рис. 2. Оценка характера межнациональных отношений старшеклассниками из различных населенных пунктов Байкальского региона 2008 г.

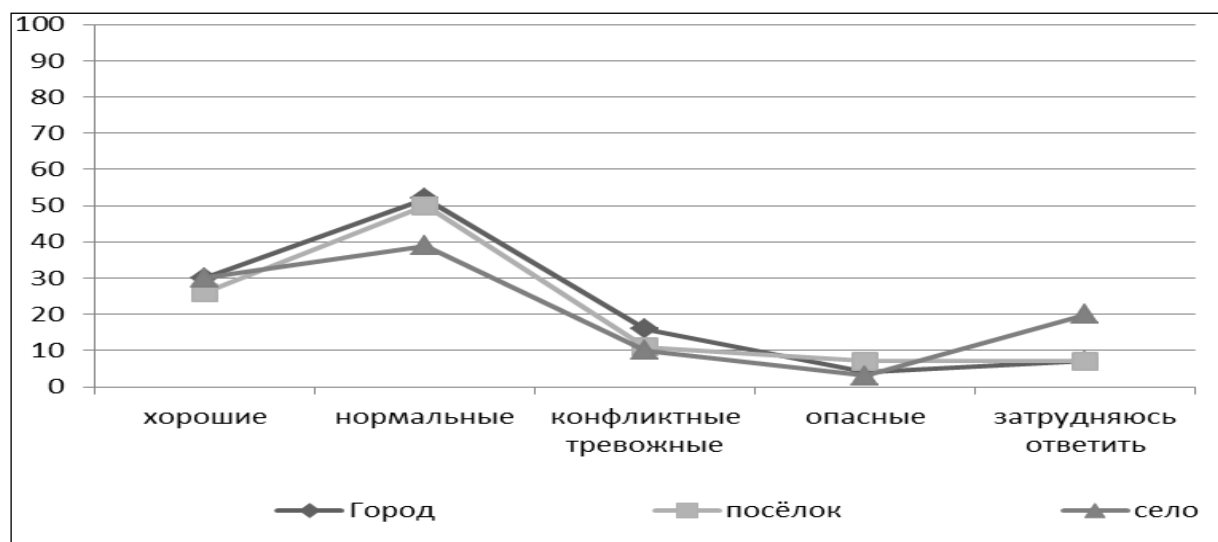

Рис. 3. Оценка характера межнациональных отношений старшеклассниками из различных населенных пунктов Байкальского региона 2014 г.

Изучению межнациональных и межэтнических конфликтов посвящены работы В. А. Тишкова, Л. М. Дробизева, А. Н. Ямска, З. В. Сикевича и др. Многие исследователи считают этнический конфликт частным случаем социального конфликта, обладающего определенными особенностями, в частности тем, что конфликтующие группы сформированы по этническому основанию. Зачастую причиной возникновения подобных конфликтов являются не только политические и социальные разногласия этнических групп, а неумение решать возникающие проблемы на стадии возникновения и правильно организовать межкультурное взаимодействие. Поэтому стабилизация межнациональных, межэтнических отношений должна осуществляться во всех сферах жизнедеятельности. Особое внимание должно уделяться этой проблеме в образовательных учреждениях, где формируется будущая личность, закладываются ценности, жизненные установки, в том числе и отношение к людям различных социальных, этнических и конфессиональных групп.

Свободная, самостоятельная, поликультурная и творческая личность может развиваться только в контексте общечеловеческих ценностей и без этого невозможно представить современное образование. Сегодня школа призвана сформировать систему ключевых компетенций, где важная роль отводится межкультурной компетенции, которая выступает фактором формирования универсальных качеств личности, необходимых для жизни в современном поликультурном обществе [6]. Умение эффективно выстраивать социальные и межэтнические отношения также является составной частью межкультурной компетентности.

Необходимо отметить, что в социальной психологии нет общепринятого названия области, изучающей взаимодействие этнических групп. Часто используются такие термины, как «межгрупповые отношения» (Т. Г. Стефаненко, Н. П. Сихирев), «межгрупповое взаимодействие» (В. С. Агеев) «межгрупповое поведение» (М. Шериф), «межгрупповое общение» (Н. М. Лебедева), «взаимоотношения групп» (И. Р. Сушков), «межэтническое восприятие» (В. Н. Павленко). Каж-

дый из вышеприведенных терминов затрагивает определенный аспект рассматриваемой предметной области. Понятие «межэтнические отношения» А. Н. Тарко и Н. М. Лебедевой определяются как совокупность осознаваемых, эмоционально окрашенных представлений и оценок, объектами которых выступают этнокультурные группы или конкретные представители этих групп [4, с. 9 – 10].

Следует обратить внимание на то, что не существует особых, свойственных исключительно межэтническим отношениям, психологических явлений и процессов: все они являются универсальными для межгрупповых отношений. Британский социальный психолог А. Тэшфел все отношения между людьми располагал на континууме, полюса которого составляют межличностные отношения и межгрупповые отношения между представителями конкретных и ясно различимых групп. При такой постановке вопроса практически все отношения между людьми окажутся межгрупповыми. Поскольку человек одновременно является членом многих групп, то хотя бы одна из его групповых принадлежностей будет отличаться от групповой принадлежности людей, с которыми он вступает в контакт. Например, общаться могут люди одного возраста, одного пола, одной профессии, но если они идентифицируют себя с разными этносами, на их взаимодействие большое влияние будут оказывать как особенности двух групп, так и взаимоотношения между ними. Межгрупповые отношения, особенно отношения между этническими и другими большими социальными группами, детерминированы политическими, экономическими, культурными процессами, идущими в обществе.

Что касается соотношения понятий «межэтнические отношения» и «отношения межгрупповые», то межэтнические отношения являются разновидностью межгрупповых. Межэтническим отношениям присущи все феномены, свойственные межгрупповым отношениям, – ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация, межгрупповые конфликты, стереотипизация. Понятие межэтнических отношений включено в понятие межгрупповых, но не полностью, так как ме-

жестнические отношения имеют специфические явления, связанные только с ними, например, этноцентризм, аккультурация, этническая картина мира и др. [4, с. 9 – 11].

Задача современной школы научить школьников эффективному межличностному и межгрупповому взаимодействию, что является залогом личного и профессионального успеха в будущем. А так как на территории Байкальского региона проживает множество народов и народностей, то формирование эффективных межэтнических отношений должно происходить в рамках формирования межкультурной компетентности школьников.

А. Д. Карнышев отмечает, что формирование межкультурной компетентности должно быть максимально приближено к межкультурным особенностям конкретных мест взаимодействия народов [2, с. 9 – 10].

Е. А. Иванова выделяет общие принципы и направления формирования межкультурной компетентности и отмечает, что совершенствование межэтнического взаимодействия будет более эффективным, если учитывать возрастные особенности испытуемых, социально-экономическую и политическую ситуации в регионе, этнические и индивидуальные особенности. Дети изначально включены в ту или иную систему связей, сложившихся между народами страны, республики, области, провинции, и они оказывают определяющее влияние на формирование культуры межнациональных контактов, на формирование у детей отношения к людям разных национальностей.

Учитывая эти положения, нами была разработана программа профилактики этнических конфликтов через формирование межкультурной компетентности, рассчитанная на учебный год. Занятия со старшеклассниками проводились два раза в неделю, одно занятие проходило в форме тренинга характера, а второе занятие обычно было выездным – экскурсии, посещение музеев, национальных праздников и т. д. При этом мы учитывали, что составляющие межкультурной компетентности это:

- способность легко и быстро устанавливать отношения с людьми;
- терпимость к противоположным взглядам и мнениям;
- способность избегать конфликтных ситуаций;
- умение сопереживать любому человеку;
- понимание своеобразия разных народов;
- умение найти подход к представителям других национальностей;
- осмотрительность и осторожность;
- умение быстро ориентироваться в особенностях других народов;
- способность чувствовать себя хорошо в любой стране.

Перед проведением программы старшеклассникам предлагалось оценить у себя уровень сформированности (развитости) перечисленных составляющих межкультурной компетентности по 4-х балльной шкале. Отсутствие, либо очень низкое развитие качества, оценивалось в 1 балл, если данное качество проявляется, но редко, необходимо было поставить 2 балла, в том случае, когда определенная способность или качество

развито, но не всегда проявляется в повседневном взаимодействии – 3 балла, наличие способности и умение проявлять данное качество в жизни на высоком уровне оценивалось в 4 балла.

Поскольку программа носила профилактический характер, мы опирались на базовые принципы психопрофилактики. При разнообразии мнений по поводу построения психопрофилактических программ можно выделить основные принципы, которым должны отвечать психопрофилактические программы:

- гарантированной безопасности;
- раннего вмешательства;
- опоры на установление возрастно-психологических и личностных критериев благополучия в развитии ребенка;
- комплексности решаемых задач;
- дифференциации и приоритетности задач;
- компетентности [5, с. 52 – 55].

Цель программы: профилактика возникновения этнических конфликтов через формирование межкультурной компетентности.

Задачи:

1. Познакомить с понятием конфликт, видами, функциями конфликтов, стратегиями взаимодействия в конфликте, способами взаимодействия в конфликте.
2. Развитие коммуникативных навыков.
3. Формирование толерантного отношения к представителям других культур через развитие эмпатии, понимание своеобразия разных народов;
4. Познакомить школьников с культурой и историей этносов, проживающих в Байкальском регионе.

Формы и методы: опрос, анкетирование, кейс-методы, дискуссии, экскурсии, элементы социально-психологического тренинга.

Блоки программы:

1. Диагностический: анкета «Самооценка межкультурной компетентности», диагностика коммуникативной толерантности (В. В. Бойко), диагностика принятия других (по шкале Фейя)

2. Развивающий – состоял из тех этапов:

а) мотивационный – цель данного этапа привлечь внимание старшеклассников к проблеме, пробудить осознанное желание заниматься по данной программе, создать положительный эмоциональный настрой на занятия.

б) теоретический – цель этого этапа представить в доступной форме знания о конфликте, его видах и способах разрешения конфликтов, познакомить со спецификой протекания этнических конфликтов. Знакомство с историей и культурой различных этносов, проживающих в Байкальском регионе.

в) практический – предполагал в рамках социально-психологического тренинга отработать навыки взаимодействия с представителями различных культур, способы взаимодействия в конфликте, а также овладение приемами предотвращения и профилактики конфликтов, способами урегулирования конфликтов.

3. Рефлексивный – цель этапа определить результативность работы, отследить динамику личностных изменений.

Как было сказано выше, критериями оценки результативности программы были выделены состав-

ляющие межкультурной компетентности, а также показатель принятия других и коммуникативная толерантность.

Динамика результатов представлена в таблице, где мы можем наблюдать, что по всем представленным критериям отмечаются положительные изменения. По таким показателям, как умение сопереживать другому человеку, осмотрительность и осторожность, способность чувствовать себя хорошо, мы можем наблюдать незначительные положительные изменения в сторону среднего, достаточного и высокого уровней, разница составила 2 – 6 %.

Значительные изменения произошли в развитии таких качеств, как способность быстро устанавливать

отношения с людьми, умение найти подход к представителям других национальностей, умение быстро ориентироваться в особенностях других народов. Здесь отмечается снижение низкого уровня на 10 – 12 % и увеличение числа школьников, оценивающих у себя эти способности на достаточном и высоком уровне на 12 – 18 %.

Самая значительная динамика отмечена в развитии таких качеств, как терпимость к противоположным взглядам и мнениям, способность избегать конфликтных ситуаций, понимание своеобразия разных народов. В развитии этих способностей мы можем наблюдать динамику с разницей в 20 – 26 %.

Таблица

Сравнение результатов профилактической программы

I. Составляющие межкультурной компетентности	Самооценка уровня развития, %							
	низкий		средний		достаточный		высокий	
	до	после	до	после	до	после	до	после
Способность легко и быстро устанавливать отношения с людьми	32	20	40	28	28	20	20	32
Терпимость к противоположным взглядам и мнениям	42	14	38	16	8	38	12	32
Способность избегать конфликтных ситуаций	36	12	28	10	20	36	16	42
Умение сопереживать любому человеку	16	10	16	18	28	36	40	36
Понимание своеобразия разных народов	38	12	40	15	10	48	12	25
Умение найти подход к представителям других национальностей	42	32	38	28	12	18	8	22
Осмотрительность и осторожность	17	15	17	17	28	30	38	38
Умение быстро ориентироваться в особенностях других народов	36	22	42	24	12	26	10	28
Способность чувствовать себя хорошо в любой стране	12	10	18	18	30	32	40	40
II. Диагностика принятия других	32	12	24	12	26	40	18	36
III. Коммуникативная толерантность	Уровень развития							
	низкий		средний		высокий			
	38	32	40	34	22	34		

Показатели принятия других также имели положительную динамику. Здесь можно наблюдать, что до участия в программе в группе преобладали подростки с низким уровнем развития этого качества – 32 %, а школьники с высокими показателями принятия других находились в меньшинстве – 18 %. После занятий у большинства подростков, а это составило 40 %, был диагностирован достаточный уровень, у 36 % – высокий, остальные так и остались на среднем и низком уровнях.

Следует отметить, что в развитии коммуникативной толерантности у школьников отмечены незначительные положительные изменения. Если до начала программы в группе преобладали средний и низкий показатели развитости этого качества, то после занятий смещение произошло в сторону высокого уровня.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что формировать межкультурную компетентность можно посредством психопрофилактических программ, направленных на снижение конфликтности, развитие коммуникативных навыков и обогащение знаниями о

культуре и традициях других народов. В результате прохождения программы наибольшие изменения отмечаются по таким составляющим межкультурной компетентности: терпимость к противоположным взглядам и мнениям, способность избегать конфликтных ситуаций, понимание своеобразия разных народов.

Отзывы учащихся:

– «я понял, что лучше при возникновении любых разногласий лучше договориться, хотя порой бывает очень сложно, чем начинать доказывать свою правоту силой»;

– «для меня стали открытием некоторые обычаи других народов, и я понял, что надо уважать традиции и обычаи других народов, какими бы странными они не казались, тогда и будет взаимопонимание»;

– «многих людей нужно принимать такими, какими они есть и учитывать эти особенности в общении, а не «раздувать» из этого неразрешимую проблему».

Литература

1. Карнышев А. Д., Иванова Е. А. Социально-психологические механизмы и особенности этнической и экономической социализации // Сибирский психологический журнал. 2001. № 39. С. 43 – 59.
2. Карнышев А. Д., Терехова Т. А., Трофимова Е. Л., Скорова Л. В., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Психолого-педагогическое сопровождение формирования межкультурной компетентности: учебно-методическое пособие. Иркутск: РепоцентА1, 2012. 332 с.
3. Карнышев А. Д., Костин А. К., Иванова Е. А. Межнациональное согласие рождается в семье и школе. Иркутск: Сарма, 2013. 128 с.
4. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Кросс-культурный анализ социально-психологических факторов этнической толерантности и типичные стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Этническая толерантность в поликультурных регионах России / под ред. Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко. М.: Изд-во РУДН, 2002. С. 252 – 285.
5. Пахальян В. Э. Психопрофилактика в практической психологии образования: учебное пособие. М.: ПЕР СЭ, 2003. 208 с.
6. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/1095/word/mezhkulturnaja-kompetencija>
7. Смирнов Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в школе. М. АРКТИ, 2006. 320 с.
8. Сушков И. Р. Психология взаимоотношений групп в социальной системе: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002. 50 с.

Информация об авторе:

Аришинская Елена Леонидовна – старший преподаватель кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета, larshinskaya@yandex.ru.

Elena L. Arshinskaya – Senior Lecturer at the Department of Educational Psychology and Personal Development, Pedagogical Institute, Irkutsk state University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОВМЕСТНОГО КОПИНГА И УРОВНЯ ГРУППОВОЙ СПЛОЧЕННОСТИ ПРИ ВЫРАБОТКЕ ГРУППОВОГО РЕШЕНИЯ

Е. П. Белинская, А. А. Икрамова

THE CORRELATION OF JOINT COPING AND THE LEVEL OF GROUP COHESION IN THE FORMULATION OF GROUP DECISIONS

E. P. Belinskaya, A. A. Ikramova

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-06-00640 «Культура как образующая личности: современные тенденции и механизмы».

В статье рассматривается проблема группового копинга; отмечается, что сегодня ситуации групповых реакций на возникающие трудности изучаются преимущественно в рамках диадического взаимодействия (семейный копинг) или же в рамках больших социальных групп (коллективный копинг). Ставится задача исследования собственно группового совладания с трудностями на уровне малой группы. Под групповым копингом понимается единый для всех членов группы способ совладания с объективной стрессовой ситуацией, угрожающей целостности группы и мобилизующей её ресурсы. Приводятся данные экспериментального исследования, показывающего, что стратегии группового совладания не являются совокупностью индивидуальных копингов членов группы, а также что существует взаимосвязь стратегий группового совладания с эффективностью группового решения и уровнем сплоченности группы.

The paper addresses the problem of group coping. The authors note that today the situation of group reactions to difficulties are studied mainly in the framework of dyadic interaction (family coping) or within large social groups (collective coping). The study focused on group coping with the difficulties at the level of small groups, an attempt is made to distinguish it from group defense mechanisms. Group coping refers to the way shared by all group members to cope with the objective stressful situation that threatens the integrity of the group and mobilizes its resources. The paper presents the data of an experimental study showing that the strategies of group coping are not a set of group members' individual copings, and that there is a correlation between the strategies of group coping with the effectiveness of group decisions and the level of group cohesion.

Ключевые слова: совладание с трудными жизненными ситуациями, индивидуальные стратегии совладания, ресурсы совладания, коллективный копинг, семейный копинг, групповое совладание с трудными ситуациями, групповые решения, уровень групповой сплоченности.

Keywords: coping with difficult life situations, individual coping strategies, resources, coping, collective coping, family coping, group coping with difficult situations, group decisions, the level of group cohesion.

Одним из ведущих трендов в изучении копинг-поведения является переход от анализа «сильных» и относительно нечастых стрессовых ситуаций к более «слабым» и часто встречающимся. Сегодня все более процесс совладания с трудностями мыслится исследователями как необходимый и постоянный элемент повседневной жизни: в отличие от исследований еще двадцатилетней давности, фокус исследовательского интереса однозначно сместился от анализа преодоления воздействия объективных и сильных стрессоров к изучению саморегуляции в ситуации столкновения с субъективными трудностями, чья «событийность» есть результат чисто когнитивных оценок [4; 11; 2]. Эта «повседневность совладания» происходит в том числе в информационном пространстве, которое, в свою очередь, оказывает неоднозначное влияние на процессы социальной категоризации и, возможно, тем самым и на оценки субъективных трудностей.

Во-вторых, значительный интерес для исследователей совладания представляет проблема эффективности тех или иных его стратегий. Заметим, что в наибольшей степени это касается такой стратегии преодоления трудностей как поиск социальной поддержки (см., например: [7]). Очевидно, что в условиях информационного мира социальная поддержка может быть оказана не только реально, но и виртуально, и неминуемо будет «попадать под влияние» неоднозначных норм виртуальной коммуникации.

Наконец, в-третьих, определенным вектором сегодня в изучении процесса совладания становится понимание его как принципиально субъектного: так, многие современные теоретические модели эффективного копинга акцентируют внимание на способности человека гибко относиться к своим целям [11], трактуют совладание как процесс активного и осознанного взаимодействия человека с ситуацией [4], понимают трудные жизненные ситуации как требующие от человека максимальной реализации ресурсов субъектной регуляции [8] и связывают процесс конструктивного совладания с возможностью и способностью человека реализовать богатый репертуар конкретных копинг-стратегий [9].

Однако, несмотря на отмеченные выше «сдвиги» в эмпирических интересах исследователей, на теоретическом уровне по-прежнему продолжает доминировать позиция Р. Лазаруса и С. Фолкмана, которые в свое время выступили основоположниками изучения копинг-процессов в целом. Как известно, в качестве основной причины выбора той или иной стратегии совладания они выбрали социально обусловленные факторы. Тем самым копинг-стратегии выступают не как характеристика личности, а как гибкий процесс, которым человек может управлять в зависимости от требований ситуации и изменять копинг в случае его неэффективности. Р. Лазарус утверждает, что во всех случаях будет происходить развивающийся, динами-

ческий процесс когнитивной оценки, переоценки, совладания и эмоциональной переработки. Таким образом, копинг рассматривается как деятельность личности по поддержанию или сохранению баланса между требованиями среды и ресурсами, удовлетворяющими этим требованиям [по: 1], причем основным механизмом сохранения этого баланса является когнитивная оценка – как самой ситуации, так и имеющихся ресурсов. Результатом подобного оценивания является выбор той или иной стратегии совладания, которые в целом могут быть классифицированы по следующим трем основным критериям: «фокуса» (фокусированные на проблеме/фокусированные на собственных эмоциональных состояниях), «модуса реагирования» (когнитивный, эмоциональный и поведенческий копинг) и степени активности субъекта (активный и пассивный копинг).

Однако, представляется достаточно очевидным, что в том случае, когда стрессовое воздействие оказывает свой эффект не на одного человека, а на группу, оказывается недостаточно информации об индивидуальном копинг-поведении. Подчеркнем, что при всей очевидности факта группового копинга и однозначно социально-психологической его феноменологии, исследования совладания тех или иных групп со стрессовыми событиями парадоксально мало представлены в современных исследованиях.

Так, одним из еще только разрабатываемых сюжетов является изучение группового совладания на уровне больших социальных групп. В частности, Т. П. Емельянова предлагает рассматривать коллективный копинг как определенный вариант социальных представлений о тех или иных объективно травматических событиях в жизни больших социальных групп [3], при этом заметим: групповое совладание выступает как исключительно когнитивный феномен. В рамках же малой социальной группы совместный копинг практически не изучен. Исключение на сегодняшний день составляют исследования семьи [5]. Остановимся на этом подробнее.

На сегодняшний день существует ряд подходов к изучению совместного копинга в рамках семьи как малой группы. В первую очередь стоит отметить многоосевую модель С. Хобфолла, который рассматривает выбор копинг-стратегии человеком в зависимости от его социального окружения. Копинг-ресурсом при этом выступают не только индивидуальные особенности человека, но и общие групповые ресурсы окружающих его людей. Вторая модель, авторами которой являются Дж. Койн и Д. Смит, акцентирует, что выбор совладающего поведения зависит от уровня согласованности семейных ролей, которые тем самым также рассматриваются как ресурс группового совладания. Иными словами, очевидно, что семейное совладание в значительной степени определяется комплексностью межличностных отношений в мо-

мент стрессового воздействия. Поэтому одной из самых известных моделей, рассматривающих внутрисемейный копинг, является модель диадического копинга. Согласно этой модели, возможны две позиции взаимоотношений партнеров: симметричное копинг-поведение (т. е. одинаковые и взаимосвязанные копинг-стратегии партнеров) и комплиментарное поведение – когда один из партнеров находится в более выгодном положении относительно другого и выполняет функцию буферизации [по: 6]. В последнем случае возможны три варианта дальнейшего взаимодействия:

1) проявление эффекта заражения, когда человек, оказывающий поддержку, сам впадает в стрессовое состояние;

2) игнорирование партнером, на которого было направлено воздействие, помогающих действий другого партнера;

3) человек, на которого направлено воздействие, отвечает проявлением позитивного или негативного диадного копинга [12].

Большое внимание в рамках диадической модели семейного копинга уделяется описанию его различных видов и возможных следствий для семьи как малой группы. Так, с точки зрения исследователей, позитивный копинг можно разделить на три вида: поддерживающий копинг (помощь в ежедневных делах, советы, эмпатическое слушание и т. д.); обычный диадный копинг (совместное решение проблем, совместный поиск информации, совместная релаксация и обмен чувствами) и делегированный групповой копинг, который заключается в том, что в тот момент, когда один из партнеров просит о помощи в трудной жизненной ситуации, возникает новая система отношений, при которой один из партнеров полностью забирает на себя заботы другого. Негативный копинг, в свою очередь, также делится на три вида: враждебный копинг (в данном случае оказание поддержки сопровождается насмешками, сарказмом, умалением достоинств партнера и т. д.); амбивалентный диадный копинг (поддержка оказывается неохотно или через силу, партнер показывает, что с этим делом можно было бы справиться и без его помощи) и поверхностный диадный копинг (неискренняя поддержка: партнер задает вопросы, но не проявляет интереса к ответам, не слушает и не проявляет сочувствия) [15]. Иными словами, семейный копинг отражает процесс функционирования семьи как единого целого, как группы и по многим оценкам выступает одним из ведущих механизмов в психологической защите семьи, направленных на ее поддержание и восстановление при воздействии негативных факторов, нарушающих целостность и стабильность семейной системы [13].

Очевидно при этом, что сам процесс группового семейного совладания может претерпевать определенную динамику, и существует ряд классификаций, основанных на принципе развития семейного копинга в стрессовых ситуациях. Так, например, выделяются три уровня, на которых происходит совладание семьи со стрессовой ситуацией. Первый уровень – индивидуальный, который включает в себя когнитивное или поведенческое усилие, направленное на принятие эффективного решения и снижение требований стрессо-

вой ситуации, предъявляемых к супругу в том случае, когда у него обнаруживается недостаток ресурсов для качественного совладания со стрессором. Второй уровень – внутрисемейный, на данном этапе копинг основывается на изменениях внутрисемейных связей, ролей, также возможна смена отношения к одному из членов семьи. Третий уровень является непосредственно семейным уровнем, при котором семья представляет собой целостное начало, группу. На данном этапе совладание направлено на изменение и качественное улучшение соотношения между требованиями стрессовой ситуации и семейными ресурсами [14].

Определенная часть эмпирических исследований семейного совладания опирается на фактически те же основные стили копинга, которые были выделены Р. Лацарусом и С. Фолкман для изучения индивидуального совладания. Так, например, выделяют тип семейного совладания, основанный на когнитивных усилиях и переоценке стрессора, – в противоположность такому типу, как отрицание возникших трудностей и реакция совместного «ухода» от решения проблемы. Это дополняется выделением семейных копингов, основанных на том, ищут ли партнеры в ситуации трудностей социальную поддержку или же предпочитают социальную изоляцию. Специфическим при этом является, по сути, лишь выделение такого особого вида совладания, как компромиссный копинг, который определяется исходя из качества коммуникации партнеров: стремятся ли они прийти к компромиссу и найти общий путь совладания, или же каждый отдает предпочтение своему индивидуальному способу совладания и старается разрешить стрессовую ситуацию без обсуждения с партнером. Анализ показал, что если семьи выбирают компромиссный копинг, то это способствует лучшей адаптации к наличествующей ситуации, а хорошая внутрисемейная коммуникация способствует увеличению эффективных вариантов разрешения трудной ситуации [16].

Значительно меньше работ посвящено исследованиям совместных копингов на материале других, не семейных, малых групп. Среди отечественных исследований практически единственным подходом является подход В. А. Штроо, предложенный исходно для изучения групповых защитных механизмов. Он определяет групповые трудности как влияние, оказывающее негативное и разрушающее воздействие на целостность группы. Соответственно, любые проявления активности группы в борьбе против разрушения групповой целостности понимаются как защитное воздействие на групповую реальность. Подобная позиция группы разделяется по двум основным критериям: адекватность/неадекватность реакции группы на угрозу целостности; локализация источника угрозы на внутренний и внешний. Соответственно, выделяется два типа стратегий реагирования группы на трудную ситуацию:

1. Организационно-деятельностная – происходят изменения в операциональной и функциональной составляющих групповой деятельности (смена ролевых позиций участников, уменьшение или увеличение числа участников и т. д.). Энергетику этой стратегии придает чувство неудовлетворенности группы тем

положением, в котором она находится в данный момент.

2. Когнитивно-аффективное реструктурирование ситуации – трансформация происходит только в перцептивных и мотивационно-смысловых аспектах совместной деятельности. Данная стратегия формирует в группе определенные феномены группового сознания (групповой миф, табуирование совместного взаимодействия и т. д.). Энергетику данной стратегии придает чувство страха, противоречие между групповой и внешней реальностью [10].

С этой точки зрения групповой копинг можно определить как единый для всех членов группы способ совладания со стрессовой ситуацией, угрожающей целостности группы и мобилизующей её ресурс. Именно на такое понимание мы и опирались при проведении эмпирического исследования. В качестве модели стрессовой групповой ситуации была выбрана ситуация необходимости быстрого принятия группового решения. Основным методом исследования стал эксперимент.

В качестве гипотез исследования выступали следующие три предположения:

1. Групповые стратегии совладания не представляют собой совокупности индивидуальных копингов членов группы.

2. Существует взаимосвязь стратегий группового копинга и эффективности группового решения.

3. Групповые стратегии совладания взаимосвязаны с уровнем групповой сплоченности.

Эксперимент проводился на студенческой выборке, всего 40 человек; все респонденты имели опыт активного участия в турнирах «Что? Где? Когда?», т. е. обладали навыками работы в командах по выработке групповых решений.

Непосредственно перед экспериментом участников просили заполнить методику диагностики стратегий преодоления стрессовых ситуаций С. Хобфолла (в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой) на определение индивидуального стиля совладания и социометрический опросник со свободным числом выборов (использовались три критерия: деловой позитивный, деловой негативный и эмоциональный). После этого участники были в случайном порядке распределены на 8 групп по 5 человек в каждой, из которых в дальнейшем 4 группы стали контрольными и 4 – экспериментальными. Далее каждой группе было предложено принять участие в коллективной игре на распределение ресурсов «Потерпевшие кораблекрушение». Экспериментальные группы выполняли полную версию задания с 15 объектами и имели для выполнения ограниченное количество времени (10 минут) с условием, что экспериментатор может в любой момент сократить это время по собственному усмотрению. Помимо этого экспериментатор периодически подходил к командам и создавал эмоциональное напряжение словами: «У вас осталось совсем немного времени», «Вам стоит поторопиться», «Подумайте еще, вы движетесь в не совсем верном направлении» и т. д. Контрольным группам предлагалось то же задание, но в упрощенной форме (5 объектов) и без лимита времени, а также на них не оказывалось никакого стрессового воздействия со стороны

экспериментатора. На протяжении всего эксперимента для каждой группы велась диктофонная запись с целью дальнейшего анализа групповой дискуссии. Помимо этого после окончания эксперимента группам были заданы вопросы по поводу группового решения задач, по поводу взаимоотношений внутри группы (помогала ли группа принять правильное решение или наоборот) и по поводу стрессовых высказываний экспериментатора в процессе решения. В дальнейшем диктофонные записи, отражающие ход принятия группового решения, анализировались методом контент-анализа.

Были получены следующие результаты.

Прежде всего отметим, что при проведении социометрии по критерию негативных деловых отношений ни одна из групп не получила высоких или средних баллов, – иными словами, исходно у данных групп не было предпосылок для открытого конфликтного взаимодействия в процессе решения задания. В двух экспериментальных и в двух контрольных группах наблюдался достаточно высокий уровень групповой сплоченности по обоим социометрическим критериям; одна контрольная группа также демонстрировала исходно высокий уровень групповой сплоченности; также одна экспериментальная группа имела низкий уровень групповой сплоченности по всем критериям.

По результатам контент-анализа записей групповых дискуссий в целом наблюдалось формирование феномена совместного совладания со стрессовой ситуацией в двух группах (экспериментальные группы № 3 и № 4). При этом стоит отметить, что основное их отличие от двух других экспериментальных групп (№ 1 и № 2) состояло в исходно высоком уровне групповой сплоченности, что само по себе настраивало участников на возможность дальнейшего развития групповой динамики в рамках выполнения поставленной перед ними задачи. В этих двух группах каждый участник стремился внести свой вклад в деятельность группы, предлагал оригинальные решения выхода из трудной ситуации и эмоционально поддерживал всех участников своей команды.

Участники двух других экспериментальных групп демонстрировали иные способы решения групповой задачи. В группе № 1 участники выбрали конфликтное взаимодействие, что выражалось в напаках на других игроков, стремлении продвинуть свою точку зрения и нежелании слушать аргументы других участников. Группа № 2 изначально пошла по другому пути. В начале игры выделились два лидера, которые и принимали наиболее активное участие в решении задания, в то время как остальные участники старались включаться в игру как можно меньше и оставить основное право голоса за лидерами.

Подчеркнем при этом, что все экспериментальные группы дали в конечном итоге в целом верное решение задания.

Но представляется, что, несмотря на это, экспериментальные группы № 1 и № 2 проявляли совладание с групповым стрессом в рамках индивидуальной деятельности, которое было направлено не на саму ситуацию, вызвавшую стресс (т. е. необходимость выработать групповое решение задачи в условиях де-

фицита времени и эмоционального давления экспериментатора), а на остальных участников своей команды (т. е. в данном случае источником дополнительного стресса служило поведение других членов команды). Другими словами, вместо того, чтобы совместно выработать единый способ разрешения трудной ситуации, они предпочли совладать с ней индивидуально, без поддержки со стороны остальных членов команды.

В качестве объяснения мы предполагаем влияние субъективного понимания источника стресса. В группах под № 3 и № 4 источник стресса субъективно воспринимался за пределами группы (стрессовая ситуация в задаче и давление экспериментатора), что повлекло за собой механизм формирования процесса, схожего с феноменом ингруппового фаворитизма. Однако, если в случае ингруппового фаворитизма группа спланируется против конкурирующей группы, то в нашем случае сплочение и выработка активных действий были направлены на внешний источник стресса. В случаях групп под № 1 и № 2 источники стресса понимались участниками как сложившиеся внутри группы. И этот стресс оказал более сильное деструктивное воздействие на группу, чем задаваемый извне, что повлекло за собой фактически распад группы и, соответственно, нарушение возможности формирования какой бы то ни было групповой дискуссии. Косвенным доказательством подобной трактовки является тот факт, что в ходе обратной связи группы под № 1 и № 2 сообщили, что чувствовали оказанное на них стрессовое воздействие, и при этом работа в группе никак не помогла им снизить его. В то же время участники групп № 3 и № 4 в своей обратной связи утверждали, что за счет того, что в групповом обсуждении решения участвовал каждый член группы и каждый старался выслушать и принять во внимание мнение всех, стрессовое воздействие практически не ощущалось.

По поводу степени эффективности групповых решений поставленной задачи в разных группах трудно сделать однозначные выводы. Несмотря на то, что (по исходным условиям задачи) существовал единственный верный алгоритм выбора конечного решения, участники всех экспериментальных групп предлагали свои оригинальные алгоритмы и могли грамотно объяснить их причины. Однако, наиболее близкими к предполагаемому верному решению оказались группы № 1 и № 2, и вероятно это произошло по той причине, что в решении задания участие принимали всего несколько человек команды, в то время как в группах № 3 и № 4 найденный алгоритм решения был несколько отличен от верного – как представляется, именно в результате активного участия всех. Интересно, что на поиск алгоритма решения в этих двух группах сильное влияние оказывало то, что в качестве первоочередной цели их участники принимали цель обеспечения общегрупповой безопасности, и лишь потом пытались найти выход из сложившейся ситуации. Иными словами, участники данных групп изначально делали все для сохранения целостности группы.

Было бы логичным предположить, что групповой копинг формируется на базе схожих индивидуальных

стратегий совладания участников группы, и что чем сильнее расходятся стратегии, тем ниже возможность формирования коллективного копинга. Однако оказалось, что формирующийся единый совместный копинг может значительно различаться с индивидуальной стратегией того или иного участника. Так, по результатам изначальной диагностики индивидуальных стратегий совладания выяснилось, что участники групп предпочитают самые разнообразные копинг-стратегии. При этом при работе в группах данные стратегии практически не проявлялись, а формировался некий единый стиль совладания со стрессом. Можно предположить, что это происходило за счет того, что основной стиль совладания оказывается эффективным в том случае, когда человек выступает против стрессовой ситуации один на один. Но в тот момент, когда он попадает в значимую для него группу, его стратегии изменяются с целью помочь справиться со стрессом не только себе, но и партнерам по команде, что не всегда возможно с опорой на привычные индивидуальные стратегии совладания. В частности, в данной экспериментальной ситуации стратегия манипулирования или агрессивных действий сработала бы скорее против командной работы, нежели в помощь. Хотя если бы у команды был более объективный источник стресса (например, конкурирующая команда), подобная стратегия совладания могла бы оказаться полезной.

В целом по результатам проведенного экспериментального исследования представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Исходно высокий уровень сплоченности группы положительно влияет на формирование стратегий совместного совладания.
2. Стратегии совместного копинга не представляют собой ни суммы индивидуальных копинг-стратегий, ни наиболее частотных из них.
3. Ориентация большинства членов группы на мнения и поведенческие реакции участников своей группы способствует формированию совместного совладания, что, в свою очередь, повышает эффективность групповой дискуссии.
4. В группах, предпочитающих стратегию сотрудничества в выработке группового решения, вероятность формирования совместного совладания повышается.
5. При провоцировании стрессовой ситуации группа в первую очередь выбирает копинг, направленный на снижение эмоционального напряжения в группе, после чего меняет его на проблемно-ориентированный.
6. В рамках совместного совладания наиболее эффективной оказывается комбинация использования когнитивных и эмоциональных ресурсов группы.

Литература

1. Белинская Е. П. Совладание как социально-психологическая проблема // Психологические исследования. 2009. № 1(3). Режим доступа: <http://psystudy.ru>
2. Битюцкая Е. В. Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. (Серия 14: Психология). 2011. № 1. С. 100 – 111.
3. Емельянова Т. П. Совладание (коллективный копинг) как феномен макропсихологии // Психология совладающего поведения: материалы Междунар. научно-практической конференции. Кострома, 16 – 18 мая 2007 г. С. 189 – 191.
4. Крюкова Т. Л. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. 2008. № 2. С. 88 – 95.
5. Куфтык Е. В. Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей // Психологические исследования. 2010. № 6(14). Режим доступа: <http://psystudy.ru>
6. Куфтык Е. В. Концепция семейного совладания: основные положения // Медицинская психология в России. 2012. № 5(16). Режим доступа: <http://medpsy.ru>
7. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы // Психологические исследования. 2011. № 3(17). Режим доступа: <http://psystudy.ru>
8. Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2008.
9. Хачатурова М. Р. Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 160 – 169.
10. Штроо В. А. Поведение группы в трудной жизненной ситуации // Личность в трудной жизненной ситуации как актуальное научное направление копинг-исследований в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 35-летию Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского / под ред. Л. И. Дементий. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 267 – 269.
11. Ялтонский В. М. Современные теоретические подходы к исследованию совладающего поведения // Медицинская психология в России. 2010. № 1. Режим доступа: <http://medpsy.ru>
12. Bodenmann G., Widmer K. The couples coping enhancement training (CCET): a new approach to prevention of marital distress based upon stress and coping / University of Zurich, Switzerland. Family relations. Vol. 53. № 5. Oct. 2004. P. 98 – 107.
13. Brock B. A., Shute M. A. Group coping skills program for parents of children with dyslexia and other learning disabilities // Australian Journal of Learning Disabilities. 2001. № 6(4). P. 15 – 25.
14. Dyc P., Schvaneveldt J. Coping as a concept of a family theory // Family science review. 1987. № 4(32). P. 57 – 65.
15. Papp L., Witt N. Romantic Partners' Individual Coping Strategies and Dyadic Coping: Implications for Relationship Functioning // Department of Human Development and Family Studies, University of Wisconsin-Madison. 2010. October. 24(5): 551 – 559. Режим доступа: <http://pubmedcentralcanada.ca/pmc/articles/PMC3220915/pdf/nihms335606.pdf>
16. Skinner E. Coping assessment // The SAGE Handbook of Personality Theory and Assessment: Personality. Vol. 1. Portland State University. P. 245 – 250.

Информация об авторах:

Белинская Елена Павловна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Elena_belinskaya@list.ru.

Elena P. Belinskaya – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Икрамова Асаль Айбековна – выпускница факультета психологии филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Ташкенте, asalikramova@gmail.com.

Asal A. Ikramova – graduate of the Faculty of Psychology, Branch of Lomonosov Moscow State University in Tashkent.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

**ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ УНИВЕРСИТЕТА СТУДЕНТАМИ
С РАЗНОЙ СТЕПЕНЬЮ ВЫРАЖЕННОСТИ ИМПЛИЦИТНЫХ ТЕОРИЙ
ИНТЕЛЛЕКТА И ЛИЧНОСТИ**

С. А. Богомаз, О. Ю. Горчакова, Т. Е. Левицкая, А. А. Шекетера

**PERCEPTION OF THE UNIVERSITY'S EDUCATIONAL ENVIRONMENT
BY STUDENTS WITH DIFFERENT MANIFESTATION DEGREES OF
IMPLICIT INTELLIGENCE AND PERSONALITY THEORIES**

S. A. Bogomaz, O. Yu. Gorchakova, T. Ye. Levitskaya, A. A. Sheketera

Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд им. Д. И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015 г.

Цель исследования состояла в выявлении связи между субъективной оценкой студентами реализуемости базисных ценностей в образовательной среде университета и степенью выраженности у них имплицитных теорий интеллекта и личности. С целью исследования имплицитных теорий был использован опросник К. Двек в модификации Т. В. Корниловой и С. Д. Смирнова, а также методика субъективной оценки реализуемости базисных ценностей (СОРБЦ), разработанная С. А. Богомазом. Для студенческой выборки вычислены профиль значимости базисных ценностей и профиль реализуемости этих ценностей в университетской среде. Анализ профилей показывает, что университетская среда способствует реализации профессиональных ценностей, однако для студентов значимыми оказываются ценности «семьи», «любви» и «здоровья». Установлено, что для университетской среды характерен существенный «разрыв» между значимостью и реализуемостью ценности «быть здоровым». Обнаружена значимая корреляционная связь параметров имплицитных теорий с оценками реализуемости базисных ценностей. Полученные результаты расширяют представления о личностно-средовом взаимодействии и могут быть учтены при создании в университете условий, в максимальной степени обеспечивающих личностно-профессиональное развитие молодежи. Можно сделать вывод о том, что студенты с имплицитными теориями наращиваемого интеллекта и обогащаемой личности склонны позитивно воспринимать средовые условия, которые сложились в университетской образовательной среде. Особенности этой среды могут быть количественно охарактеризованы с помощью методики СОРБЦ. Анализ «разрыва» между значимостью ценностей и возможностью их реализации в университетской среде позволяет получить важную информацию об особенностях личностно-средового взаимодействия.

The purpose of the study was to discover the correlation between students' subjective evaluation of the feasibility of the basic values in the university educational environment and the degree of manifestation of their implicit theories of intelligence and personality. In order to study implicit theories we used the questionnaire by K. Dweck modified by T. V. Kornilova and S. D. Smirnov, as well as a method of subjective evaluation of feasibility of basic values (SEFBV) developed by S. A. Bogomaz. For the studied students' group we calculated the profile of basic values and the profile of these values feasibility in the university environment. The profiles analysis shows that the university environment contributes to the implementation of professional values, but the students rank the values of "family", "love" and "health" as important. It was proved that the university environment is characterized by a significant "gap" between the importance and feasibility of the value "to be healthy". We found significant correlation between the parameters of implicit theories and evaluation of feasibility of basic values. The acquired results broaden the idea of personal-environment interaction and may be taken into account when creating the university environment which would ensure personal and professional development of young people to the maximum extent. It can be concluded that students with implicit theories of augmenting intelligence and enriched personality tend to have a positive attitude to milieu conditions that have developed in the university educational environment. The milieu properties may be quantified using the SEFBV technique. Analysis of the "gap" between the importance and feasibility of values in the university environment will provide important information about the peculiarities of individual-environment interaction.

Ключевые слова: студенческая молодежь, имплицитные теории интеллекта и личности, личностно-средовое взаимодействие, субъективная оценка реализуемости базисных ценностей.

Keywords: university students, implicit intelligence and personality theories, individual-environment interaction, subjective evaluation of basic values realizability.

Социализацию следует рассматривать как двуправленный процесс взаимодействия молодежи и общества: общество возобновляется, если оно удовлетворяет требованиям индивида, индивид на первом этапе онтогенеза личностно развивается только при условии выполнения им требований, предъявляемых обществом. При этом в процессе социализации, ориентированной на будущее, молодые люди, осуществ-

ляя различные пробы возможного, формируют ценности и способы поведения, характерные для тех групп людей, в которые они позднее войдут [3; 7 – 8]. Анализ психологической литературы и собственный исследовательский опыт подсказывают, что пробы, формирование ценностей и способов поведения молодых людей могут определяться сложившимися у них имплицитными теориями интеллекта и личности.

Имплицитные теории интеллекта и личности представляют собой систему убеждений человека о собственном интеллекте и собственной личности. При этом одни люди считают, что интеллектуальные способности и личностные свойства находятся под их контролем, и имеет смысл прилагать усилия к их развитию. Другие люди склонны считать, что интеллектуальные способности и личностные свойства «даны» им от рождения, находятся вне сферы их контроля и нет смысла прилагать усилия к их развитию. Сторонники «теории заданности» полагают, что поскольку способности фиксированы и неизменны, то результат деятельности скорее зависит от способностей, нежели от усилий [5; 9 – 10]. Нам важно отметить, что посредством имплицитных теорий человек описывает мир, который его окружает, и самого себя в нем [2]. В связи с этим возникает вопрос: как вузовская молодежь с разными имплицитными теориями воспринимает свой «локальный» мир – образовательную среду университета?

В стремлении ответить на этот вопрос была сформулирована исследовательская цель, которая заключалась в изучении особенностей восприятия студентами с разными имплицитными теориями образовательной среды университета, создающей условия для личностно-профессионального развития. Исследование было проведено в начале 2015 г. и в нем участвовали 258 студентов 1 – 3 курсов различных факультетов Томского государственного университета. Для оценки имплицитных теорий (ИТ) студентам был предложен опросник К. Двек в модификации Т. В. Корниловой и С. Д. Смирнова. Ответы на вопросы данного опросника позволяют количественно оценить 4 шкалы: принятие ИТ наращиваемого интеллекта, принятие ИТ обогащаемой личности, принятие целей обучения и самооценка обучения [5].

Изучение образовательной среды университета мы осуществляли посредством конструкта субъективной оценки реализуемости 20 базисных ценностей. Для этого была модифицирована инструкция методики Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей (СОРБЦ), разработанная С. А. Богомазом [4]. В инструкции для участников исследования было сформулировано: «По моему мнению, жизнь и обучение в университетской среде может мне обеспечить возможность в будущем: ...» и предлагалось по 7-ми балльной шкале оценить список 20 ценностей (иметь хорошую работу, быть здоровым, быть материально обеспеченным, иметь благополучную семью, достичь успехов в профессии, быть уважаемым, достичь успехов в карьере, любить и быть любимым, стать свободным, чувствовать себя в безопасности, стать известным и знаменитым, достичь желаемой цели, жить полной жизнью, найти смысл своей жизни, все знать, быть примером для других, самоутвердиться в жизни, стать уникальным и оригинальным, иметь власть, быть справедливым). Кроме того, участникам исследования предлагалось оценить по 7-ми балльной шкале эти же ценности с точки зрения их личностной значимости. В результате этих субъективных оценок мы получили возможность построить профиль реализуемости ценностей в университетской среде, профиль значимости ценностей, а также профиль степени

«разрыва» между значимостью и реализуемостью ценностей. Подобный прием мы использовали ранее для характеристики города Куйбышев Новосибирской области [6].

Результаты психодиагностики были включены в электронную базу данных и обработаны с помощью статистического пакета Statistica 6.0.

Анализ вычисленных средних значений степени выраженности имплицитных теорий показывает, что у студентов в целом сформированы позитивные убеждения относительно возможности наращивать свой интеллект и развивать свою личность, убеждения по поводу принятия целей обучения и самооценки обучения (все значения выше нуля). Однако сравнение полученных результатов с теми, которые представлены в работе Т. В. Корниловой и др. [5], указывает на значимую тенденцию к снижению шкальных оценок. Причины этого не ясны, но следует учитывать, что исследование Т. В. Корниловой и др. было проведено на выборке студентов-психологов в столичном вузе в 2008 г. С этого времени в России и в российском образовании многое изменилось (в частности, введена процедура ЕГЭ, которая по многим причинам характеризуется как негативно влияющая на индивидуальность обучающихся [1]). Кроме того, следует напомнить, что в нашем случае исследовательскую выборку составили студенты разных факультетов (гуманитарного, технического и естественного профилей обучения) ведущего университета, но расположенного в периферийном российском городе.

Таблица 1
Средние значения (в баллах) и стандартное отклонение шкал опросника имплицитных теорий интеллекта и личности в выборке студентов Томского государственного университета (n = 258)

<i>Шкалы</i>	<i>Среднее значение</i>	<i>Ст. откл.</i>
Наращиваемый интеллект	7,67	5,93
Обогащаемая личность	2,46	6,77
Принятие целей обучения	2,03	5,16
Самооценка обучения	4,44	5,87

По мнению студенческой молодежи (таблица 2), университетская образовательная среда максимально может способствовать реализации таких ценностей, как «иметь хорошую работу» ($5,99 \pm 1,17$ балла), «получить обширные знания» ($5,95 \pm 1,28$ балла), «достичь успехов в профессии» ($5,91 \pm 1,24$ балла), «быть уважаемым» ($5,91 \pm 1,17$ балла), «достичь успехов в карьере» ($5,90 \pm 1,15$ балла). В целом такие оценки положительно, с нашей точки зрения, характеризуют Томский государственный университет, в котором, судя по полученным нами данным, исторически сложились важные условия для личностно-профессионального развития.

Вместе с тем, как считают студенты – участники исследования, в образовательной среде минимально могут быть реализованы такие ценности, как «стать известным и знаменитым» ($4,64 \pm 1,49$ балла) и «иметь власть» ($4,87 \pm 1,39$ балла). Низкую оценку

реализуемости получили ценности «быть здоровым» ($5,05 \pm 1,67$ балла) и «быть уникальным и оригинальным» ($5,06 \pm 1,61$ балла). Как можно заметить, две из этих четырех ценностей в большей степени в восприятии соотносятся со сферой творчества. В силу этого можно предположить, что университетские средовые условия в малой степени способствуют достижению креативности. Судя по оценке ценности «иметь

власть», студенты слабо верят в то, что образовательная среда университета может обеспечить им возможность влиять на события и ситуации. И особо следует отметить, что участники исследования совсем не уверены в том, что университетская образовательная среда способна обеспечить (улучшить) собственное здоровье.

Таблица 2

Средние значения (в баллах) и стандартное отклонение субъективной оценки реализуемости ценностей в образовательной среде университета, по мнению студентов (n = 206)

<i>Шкалы</i>	<i>Среднее значение</i>	<i>Ст. откл.</i>
Стать известным и знаменитым	4,64	1,49
Иметь власть	4,87	1,39
Быть здоровым	5,05	1,67
Быть уникальным и оригинальным	5,06	1,61
Любить и быть любимым	5,19	1,37
Стать свободным	5,28	1,41
Чувствовать себя в безопасности	5,36	1,25
Найти смысл своей жизни	5,44	1,38
Иметь благополучную семью	5,48	1,45
Быть материально обеспеченным	5,52	1,48
Быть справедливым	5,55	1,28
Быть примером для других	5,60	1,24
Жить полной жизнью	5,63	1,46
Достичь желаемой цели	5,77	1,34
Самоутвердиться в жизни	5,79	1,20
Достичь успехов в карьере	5,90	1,15
Быть уважаемым	5,91	1,17
Достичь успехов в профессии	5,91	1,24
Получить обширные знания	5,95	1,28
Иметь хорошую работу	5,99	1,17

Интересно отметить, что для студентов, по их собственной оценке (рис. 1), наиболее значимыми оказываются не ценности профессионального развития, а такие личностные и семейные ценности, как: «иметь благополучную семью» ($6,56 \pm 0,99$ балла), «любить и быть любимым» ($6,45 \pm 1,13$ балла), «жить полной жизнью» ($6,44 \pm 0,91$ балла), «быть здоровым» ($6,40 \pm 1,04$ балла). Можно отметить, что эти студенческие предпочтения в ценностях практически никак не связаны с образовательной миссией университета. Итогом является максимальный «разрыв» между значимостью ценностей «быть здоровым», «любить и быть любимым», «иметь благополучную семью» и «жить полной жизнью» и оценкой возможности реализации этих ценностей в образовательной среде (рис. 1). В связи с этим логично предположить, что отсутствие возможности реализовать эти ценности в университетских условиях может фрустрировать вузовскую молодежь.

Наряду с этим, наблюдается максимальная отрицательная величина «разрыва» относительно ценностей «стать известным и знаменитым», «иметь власть», «быть примером для других» и «быть уважаемым». Это значит, что эти ценности минимально значимы для студентов, а университетская среда способна с избытком их реализовать. Как следствие, можно ожидать, что эти ценности минимально влияют на организацию поведения и деятельности участников исследования.

Наиболее важной для нас представлялась задача выявления связей между имплицитными теориями студентов и их субъективными оценками реализуемости базисных ценностей в университетской среде. Корреляционный анализ позволил выявить ряд значимых закономерностей. Так, оказалось, что положительно коррелируют между собой степень убеждения в возможности нарастить интеллект с реализуемостью ценностей «быть материально обеспеченным» ($r = 0,225$; $p = 0,001$), «быть уважаемым» ($r = 0,242$; $p = 0,000$), «достичь успехов в карьере» ($r = 0,325$; $p = 0,000$), «получить обширные знания» ($r = 0,260$; $p = 0,000$), «быть примером для других» ($r = 0,318$; $p = 0,000$), «самоутвердиться в жизни» ($r = 0,221$; $p = 0,001$). Это означает, что чем сильнее у студентов убеждение о том, что интеллект может быть наращен и имеет смысл прикладывать усилия к его развитию, тем в большей степени они склонны считать, что университетская образовательная среда может обеспечить им возможность реализации перечисленных выше ценностей. Другими словами, студенты с ИТ наращиваемого интеллекта позитивно воспринимают («видят») средовые условия университета. Напротив, студенты с ИТ «заданного» интеллекта могут оказаться нечувствительными к тем условиям университетского образования, которые обеспечивают личностно-профессиональное развитие.

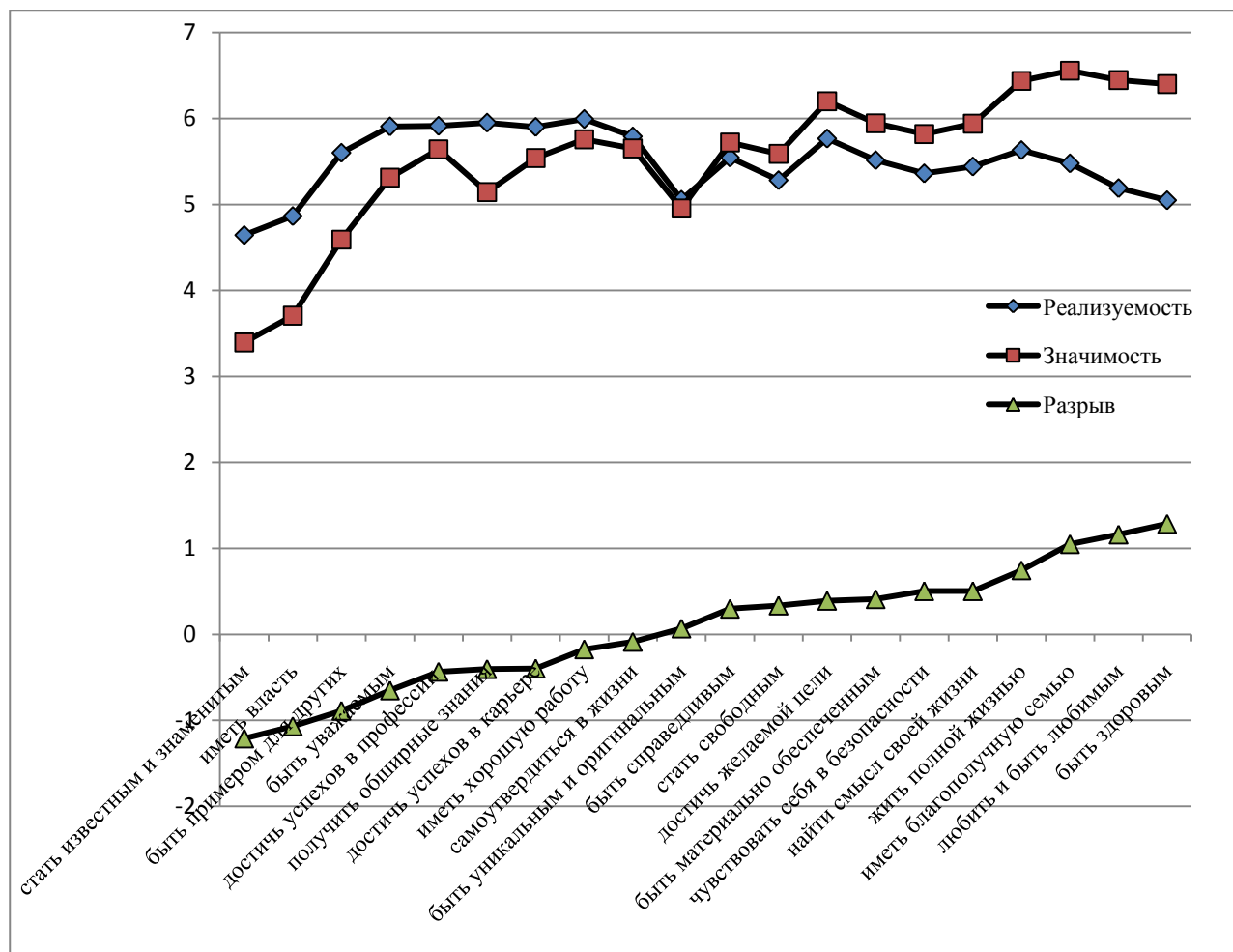

Рис. 1. Профили значимости и реализуемости базисных ценностей, профиль степени разрыва между значимостью и реализуемостью ценностей, построенные на основе субъективных оценок студенческой молодежи ($n = 206$). По оси ординат значения показателей в баллах

Студенты с ИТ обогащаемой личности характеризуются тенденцией к более позитивной оценке возможности реализации ценности «стать известным и знаменитым». На это указывает прямая корреляционная связь шкалы «Обогащаемая личность» с оценкой реализуемости ценности ($r = 0,215$; $p = 0,002$). Следует обратить внимание на то, что убеждение студентов в возможности обогащать свою личность гораздо в меньшей степени, чем убеждение в возможности наращивать свой интеллект, связано с позитивной оценкой образовательной среды университета. Однако возникает закономерный вопрос: не является ли это следствием того, что университетская среда нацелена исключительно на развитие рационального и профессионального мышления, но не развитие личностных качеств (в том числе профессионально значимых)?

Таким образом, полученные данные свидетельствуют в пользу того, что формирование ценностей и способов поведения молодых людей могут определяться сложившимися у них имплицитными теориями интеллекта и личности. Результаты корреляционного анализа показывают, что в процессе личностно-средового взаимодействия студенты с ИТ наращиваемого интеллекта и обогащаемой личности склонны позитивно воспринимать условия личностно-профессионального развития, которые сложились в уни-

верситетской образовательной среде. Особенности этой среды могут быть количественно охарактеризованы с помощью методики СОРБЦ, в которой субъективно оценивается реализуемость 20 базисных ценностей. Анализ «разрыва» между значимостью ценностей и возможностью их реализации в университетской среде позволяет дополнительно получить важную информацию об особенностях личностно-средового взаимодействия. На примере Томского государственного университета показано, что студенческая молодежь высоко оценивает образовательные условия в университете, но для себя считает более важными ценности, связанные со способностью «жить полной жизнью» и выстраивать личные и семейные отношения. Полученные результаты, очевидно, можно объяснить тем, что на данном этапе процесса социализации университетская образовательная среда не в полной мере способствует ориентации студенческой молодежи на ценности и способы поведения, характерные для тех профессиональных сообществ, в которые они позднее могут войти.

Мы планируем провести подобное исследование в других университетах г. Томска и могли бы оказать помощь психологам из других городов, заинтересованным возможностью изучения и оценки личностно-средового взаимодействия.

Литература

1. Абакумова Н. Н., Богомаз С. А. Мониторинг образовательных результатов в вузе: проблема содержания психолого-педагогической диагностики // Психология обучения. 2015. № 3. С. 62 – 68.
2. Аллахвердов М. В. Принцип проверяемости имплицитных теорий // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. (Серия 12: Психология, социология, педагогика). Вып. 3. СПб, 2011. С. 14 – 19.
3. Богомаз С. А., Тренякаева Н. А. Модель личностного развития в юношеском возрасте по варианту гиперсоциализации // Сибирский психол. журн. 2007. Вып. 26. С. 55 – 61.
4. Богомаз С. А., Мацута В. В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психол. журн. 2012. № 46. С. 67 – 75.
5. Корнилова Т. В., Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новотоцкая-Власова Е. В. Модификация опросников К. Двек в контексте изучения академических достижений студентов // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 86 – 100.
6. Литвина С. А., Богомаз С. А., Галай И. А., Айзман Р. И. Особенности личностно-обусловленного восприятия вузовской молодежью среды города (на материале исследований в Иркутске, Томске и Куйбышеве) // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1(11). С. 106 – 111.
7. Равен Дж. Педагогическое тестирование: Проблемы, заблуждения, перспективы / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. М.: Когито-Центр, 2001. 142 с.
8. Розум С. И. Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб., 2006. 362 с.
9. Dweck C. S., Chiu C., Hong Y. Implicit theories: Elaboration and extension of the model // Psychological Inquiry. Vol. 6(4). P. 322 – 333.
10. Hong Y., Chiu C., Dweck C. S. Implicit Theories of Intelligence / Efficacy, Agency, and Self-Esteem // The Springer Series in Social Clinical Psychology. 1995. P. 197 – 216.

Информация об авторах:

Богомаз Сергей Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой организационной психологии факультета психологии Томского государственного университета, bogomazsa@mail.ru.

Sergey A. Bogomaz – Doctor of Psychology, Full Professor, Head of the Department of Organizational Psychology, Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University.

Горчакова Олеся Юрьевна – старший преподаватель кафедры организационной психологии факультета психологии Томского государственного университета, avendus@mail.ru.

Olesya Yu. Gorchakova – Senior Lecturer at the Department of Organizational Psychology, Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University.

Левицкая Татьяна Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии факультета психологии Томского государственного университета, levic69@mail.ru.

Tatiana Ye. Levitskaya – Candidate of Medical Psychology, Assistant Professor at the Department of Genetic and Clinical Psychology, Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University.

Шекетера Анастасия Александровна – аспирант факультета психологии Томского государственного университета, anastasia_3110@mail.ru.

Anastasia A. Sheketera – post-graduate student at the Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University.

(Научный руководитель – С. А. Богомаз). (Academic advisor – S. A. Bogomaz).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

СЕМЕЙНЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ю. В. Борисенко

FAMILY FACTORS OF PARENT IDENTITY DEVELOPMENT IN THE MODERN WORLD

Yu. V. Borisenko

В статье представлен анализ семейных условий формирования родительской идентичности личности. Приведены результаты исследования взаимосвязи семейных условий с различными параметрами родительской идентичности личности российской выборки, а также сравнение особенностей родительской идентичности российской и американской выборок. Результаты различаются у мужчин и женщин. Для женщин внутрисемейные условия значимо взаимосвязаны с оценкой себя как родителя. Удовлетворенность браком у женщин прямо связана с родительской идентичностью в уходе за ребенком, с оценкой супруга в роли кормильца. Для мужчин самым информативным параметром является оценка себя в роли кормильца, прямо связанная с совпадением ролевых ожиданий супругов и удовлетворенностью браком.

The paper provides the analysis of family factors of parent identity development. The results of studying the correlations between family factors and parent identity in Russia are given, as well as the comparison of the parent identity specifics in Russian and American samples. The results have difference by gender. The family factors correlate with women's caregiving identity. Breadwinning identity appears more significant for men.

Ключевые слова: родительство, отцовство, идентичность, семья.

Keywords: parenting, fathering, identity, family, caregiving, breadwinning.

В психологической науке все более популярным становится изучение институциональных факторов и условий социализации личности, в контексте которых родительство имеет совершенно особый статус. Родительство, с одной стороны, детерминировано социальными условиями развития личности самого родителя, с другой – само является мощным фактором развития личности в период взрослости [1]. Кроме того, родительская идентичность, материнские и отцовские практики и поведение определяют условия развития личности ребенка. Интерес к феномену родительства выходит за рамки детской психологии, отцовство и материнство становится самостоятельным предметом исследований в рамках психологии развития и акмеологии, все чаще рассматривается не с позиций влияния на развитие ребенка, а как часть личностной сферы взрослого человека.

В современной науке при изучении родительства как личностного феномена, влияния родительства на развитие личности самого родителя и родительской идентичности авторы чаще всего оперируют понятиями концепции гендерных ролей [4]. При этом считается, что традиционно мужская гендерная родительская роль предполагает финансовое обеспечение семьи и ребенка, а женская – уход и заботу. Распределение этих функций, однако, варьируется в современной семье [3]. Соответственно, определение для себя приоритета какой-то из ролей (или паритета обеих), а также согласованность принятия определенных ролей между супругами может качественно описать родительскую идентичность личности. Причем важно не просто выполнение этих ролей, а идентификация себя как родителя именно в этой роли, ощущения «правильности» своего поведения как родителя при следовании данной линии поведения [6]. Родительская идентичность партнеров-родителей тесно взаимосвязана между собой. То есть родительство не является

просто личностным феноменом, оно во многом обусловлено супружескими отношениями [5]. Эта идея не нова и для отечественных семейных психологов, однако в основном она постулируется в работах, основанных на практике семейной психотерапии. Теоретическое обоснование данного постулата дается в терминах системной семейной терапии. В американской традиции исследования отцовства выделяются работы [11; 13], в которых акцент смещается на роль женщины-матери как партнера мужчины-отца, во многом определяющего отцовское поведение последнего. W. Doherty, например, предлагает специально учить женщин «обучать» мужчин ответственному отцовству [11]. J. Pleck доказывает, что вовлеченность отца в жизнь ребенка прямо зависит от вовлеченности матери [13]. Согласно J. Pleck, собственная родительская идентичность может быть определена только в тесной взаимосвязи с оценкой своего партнера как родителя и с представлением об оценке себя как родителя в глазах супруга. При этом они полагают, что это одинаково значимо как для мужчин, так и для женщин. То есть отцовская идентичность тесно связана с оценкой своей жены как матери и с теми ожиданиями, которые она имеет по отношению к отцовскому овладению мужа. Эти идеи находятся в согласии с концепцией трансгенерационной передачи [10], где указывается, что климат в семье и отношение к детям передаются в семьях через поколения по женской линии. С другой стороны, и материнская идентичность тесно связана с тем, как женщина оценивает своего супруга как отца. При этом чем меньше он принимает участия в жизни детей, тем большая ролевая нагрузка ложится на женщину, особенно в финансовом плане (шкала идентичности в роли кормильца). Материнская идентичность также связана и с ожиданиями мужчины относительно материнского поведения супруги: вопросов возможности выбора и приоритета

карьеры жены или воспитания детей [9]. Таким образом, изучив все эти взаимовлияния, можно определить особенности родительской идентичности личности, прогнозировать развитие конфликтов и проблем в этой сфере, определить возможности роста и развития личности родителя.

В этой связи представляется интересным изучение этнической и культурной специфики семьи, определяющей супружеские ролевые модели, гендерную стратификацию семьи и в конечном итоге особенности родительства в современной семье, а также особенностей семейных условий, таких как: взаимоотношения супругов, удовлетворенность супругов финансовым статусом семьи, профессиональная занятость или незанятость женщины, стаж брака, количество детей (многодетные семьи), совпадение или несовпадение ролевых ожиданий супругов, удовлетворенность браком [8]. В рамках апробации методики Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI), созданной в 2001 г. коллективом авторов во главе с Джозефом Плеком (Joseph Pleck) и переведенной на русский язык в 2013 г. [2], которая проходила в 2012 – 2013 гг. в Кемеровской области, были получены данные, свидетельствующие о том, что, несмотря на то, что существует четкая этнокультурная специфика семейной стратификации [8], внутрисемейные условия формирования родительства могут быть более значимы в контексте конкретной семьи, чем этнические особенности. В обследовании

приняли участие в общей сложности 893 человека (437 мужчин, 456 женщин), из них 158 супружеских пар. Все испытуемые имеют детей. Средний возраст мужчин – 31,9 лет. Женщин – 30,7 лет. Так как в американском исследовании принимали участие только супружеские пары (128 пар), для сравнения с их результатами из российской выборки были взяты результаты 158 супружеских пар. В исследовании российской выборки, помимо опросника родительской идентичности, использовались следующие методики: опросник «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шеффера-Белла и др. (Schaefer E. S. – Bell R. A.) опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой, опросник удовлетворенности браком В. В. Столина, Т. А. Романовой, Г. П. Бутенко, Методика «Маскулинность – фемининность» С. Бем, специально разработанная анкета [7].

Сравнение средних значений отдельных шкал теста в исследовании на американской и российской выборках представлено в таблице 1.

Как видно из таблицы, результаты оказались сходны (попарное сравнение выборок мужчин и женщин по t-тесту показало отсутствие значимых различий).

В целом у российских мужчин немного снижены по сравнению с американской выборкой. У российских женщин более высокие результаты по всем трем шкалам идентичности в роли кормильца. Наглядно это представлено рис. 1 и 2.

Таблица 1

Сравнение характеристик шкал ОРИ по средним значениям в американской [12] и российской выборках [2]

<i>Шкалы</i>	<i>Отцы (США)</i>	<i>Отцы (РФ)</i>	<i>Матери (США)</i>	<i>Матери (РФ)</i>
	<i>среднее (SD)</i>	<i>среднее (SD)</i>	<i>среднее (SD)</i>	<i>среднее (SD)</i>
1. Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	3.66 (.378)	3.301 (.568)	4.15 (.343)	4.258 (.244)
2. Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в уходе за ребенком	3.35 (.553)	3.502 (.456)	3.99 (.418)	3.163 (.445)
3. Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга(и)	3.36 (.437)	3.001 (.522)	3.99 (.354)	3.182 (.354)
4. Шкала родительской идентичности в роли кормильца	3.45 (.883)	3.248 (.979)	2.55 (.717)	3.506 (.934)
5. Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца	3.18 (.531)	3.041 (.632)	2.27 (.649)	2.716 (.849)
6. Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруга(и)	3.13 (.559)	3.218 (.457)	2.31 (.697)	3.301 (.567)

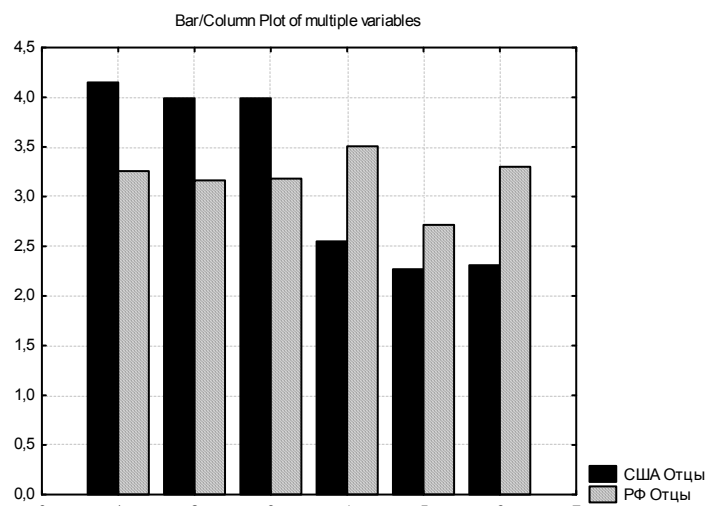

Рис. 1. Сравнение результатов выборок отцов США и РФ

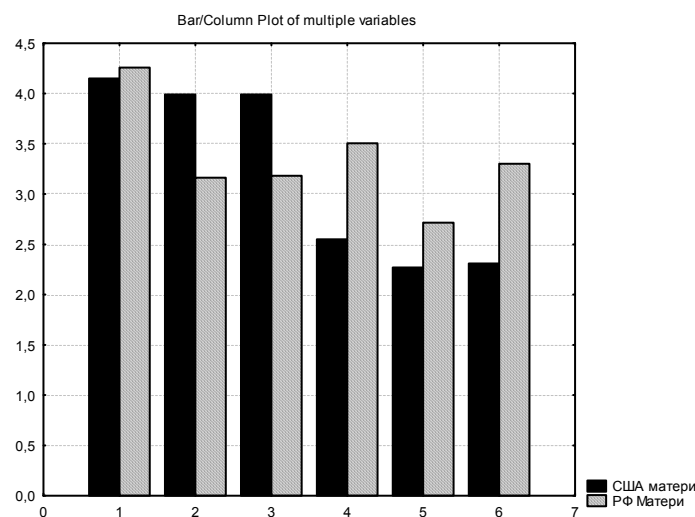

Рис. 2. Сравнение результатов выборок матерей США и РФ

При этом изучение внутрисемейных влияний, таких как: удовлетворенность супругов финансовым статусом семьи, профессиональная занятость или незанятость женщины, стаж брака, количество детей (многодетные семьи), совпадение ролевых ожиданий супругов, удовлетворенность браком, показало, что существуют значимые связи между этими параметрами и некоторыми шкалами родительской идентичности.

Таким образом, внутрисемейные условия для женщин значимо взаимосвязаны с оценкой себя как родителя. При этом многие взаимосвязи теоретически прогнозируемы: удовлетворенность (с точки зрения испытуемого) финансовым статусом семьи обратно связана для женщин со шкалой родительской идентичности в роли кормильца, и прямо связана с оценкой родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца, профессиональная занятость женщины обратно связана с родительской идентичностью в уходе за ребенком и прямо – с оценкой родительской

идентичности супруга(и) в уходе за ребенком, стаж брака с родительской идентичностью в уходе за ребенком, параметр количество детей (многодетные семьи) прямо связан с родительской идентичностью в уходе за ребенком и оценкой идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга, а совпадение ролевых ожиданий супругов со школой родительской идентичности в уходе за ребенком. Удовлетворенность браком прямо связана с несколькими параметрами: с оценкой родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруга, с родительской идентичностью в уходе за ребенком, с оценкой родительской идентичности супруга в роли кормильца, с оценкой родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга и одновременно с оценкой родительской идентичности супруга в уходе за ребенком.

Взаимосвязь семейных параметров и шкал родительской идентичности у женщин

<i>Параметры (женщины)</i>		<i>Коэффициент корреляции, при $p = 0,01$</i>
Удовлетворенность супругов финансовым статусом семьи	Шкала родительской идентичности в роли кормильца	-0,67
	Шкала оценки родительской идентичности супруга в роли кормильца	0,74
Профессиональная занятость женщины	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	-0,59
	Шкала оценки родительской идентичности супруга в уходе за ребенком	0,48
Стаж брака	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	0,61
Количество детей (многодетные семьи)	Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга	0,81
	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	0,78
Совпадение ролевых ожиданий супругов	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	0,68
Удовлетворенность браком	Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруга	0,53
	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	0,59
	Шкала оценки родительской идентичности супруга в роли кормильца	0,62
	Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруга	0,78
	Шкала оценки родительской идентичности супруга в уходе за ребенком	0,49

У мужчин были найдены другие взаимосвязи, представленные в таблице 3.

Из таблицы видно, что у мужчин меньше взаимосвязей между перечисленными параметрами. Это может быть обусловлено несколько меньшей включенностью внутрисемейных условий в структуру оценки себя как родителя. При этом основные связи имеют шкалы оценки родительской идентичности в роли кормильца и оценки в роли кормильца в глазах супруги, что согласуется с зарубежными данными [13]. Они прямо связаны с удовлетворенностью супругов финансовым статусом семьи, совпадение ролевых ожиданий супругов и удовлетворенностью браком.

У мужчин обратно связаны параметры: профессиональная занятость женщины и оценка родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, а

также параметр стаж брака и оценка родительской идентичности супруги в роли кормильца. Прямо связаны количество детей (многодетные семьи) и родительская идентичность в уходе за ребенком, совпадение ролевых ожиданий супругов и шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком, удовлетворенность браком и шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги

Однако делать выводы о причинах таких особенностей российской выборки можно только после более детального исследования, имеющего своими задачами изучение семейных факторов формирования родительской идентичности личности и этнической и социальной специфики российской модели семейной стратификации и родительства.

Таблица 3

Взаимосвязь семейных параметров и шкал родительской идентичности у мужчин

<i>Параметры (мужчины)</i>		<i>Коэффициент корреляции, при $p = 0,01$</i>
Удовлетворенность супругов финансовым статусом семьи	Шкала оценки родительской идентичности в роли кормильца в глазах супруги	0,78
	Шкала родительской идентичности в роли кормильца	0,65
Профессиональная занятость женщины	Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком	-0,51
Стаж брака	Шкала оценки родительской идентичности супруги в роли кормильца	-0,56
Количество детей (многодетные семьи)	Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	0,52

Совпадение ролевых ожиданий супругов	Шкала оценки родительской идентичности супруги в уходе за ребенком	0,62
	Шкала родительской идентичности в роли кормильца	0,67
Удовлетворенность браком	Шкала оценки родительской идентичности в уходе за ребенком в глазах супруги	0,49
	Шкала родительской идентичности в роли кормильца	0,67

Литература

1. Белогай К. Н., Морозова И. С. Эмпирическое исследование структуры родительского отношения // Психологическая наука и образование. 2008. № 4. С. 12 – 23.
2. Борисенко Ю. В. Адаптация методики Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory (CBIRAI) на русский язык // Вектор науки ТГУ. (Серия: Педагогика, психология). 2013. № 4(15). С. 34 – 37.
3. Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4. С. 26 – 44.
4. Дмитриева Н. В., Гулина Н. Р., Савельев Д. И. Гендерные особенности кризисной идентичности личности // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 1. С. 58 – 70.
5. Евсеенкова Ю. В., Дмитриева Н. В. Опыт исследования феномена отцовства в рамках групповой работы // Семейная психология и семейная терапия. 2004. № 4. С. 55 – 69.
6. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
7. Лидерс А. Г. Психологическое обследование семьи: учеб. пособие-практикум для студ. фак. психологии высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. 432 с.
8. Морозова И. С., Белогай К. Н., Борисенко Ю. В. Психология семейных отношений: учебное пособие. Кемерово, 2012. 424 с.
9. Филиппова Г. Г. Психология материнства. М.: Изд-во института психотерапии. 2002. 240 с.
10. Bouchard G. Intergenerational Transmission and Transition to Fatherhood: A Mediated-Moderation Model of Paternal Engagement // Journal of Family. 2012. ol. 26. № 5. P. 747 – 755.12.
11. Doherty W. J., Boss P. G., LaRossa R., Schumm W. R., Steinmetz S. K. Family theories and methods: A contextual approach. Family theories and methods: A contextual approach. New York: Plenum Press, 1993.
12. Maurer T. W., Pleck J. H., Rane T. R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics // Journal of Marriage and the Family. 2001. № 63. P. 309 – 321.
13. Pleck J. H., Hofferth S. Mother involvement as an influence on father involvement with early adolescents // Fathering. 2008. № 6. P. 267 – 286.

Информация об авторе:

Борисенко Юлия Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, evseenkova@mail.ru.

Yuliya V. Borisenko – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ЖИЗНЬ В ИПОТЕКЕ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ*И. А. Быкова, В. П. Серкин***LIFE IN THE MORTGAGE: THE PSYCHOLOGICAL CONSTITUTION***I. A. Bykova, V. P. Serkin*

В качестве основной была использована гипотеза о том, что образ жизни людей, реализующих «ипотечный сценарий», специфичен по сравнению с образом жизни людей без ипотечных обязательств. Для выявления и описания специфики «ипотечного сценария» были сформированы две группы респондентов по 30 человек (с ипотекой и без). Методики: специализированный семантический дифференциал «Образ жизни», «Шкала I-E» Роттера, шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, шкала экзистенции (тест ШЭ) А. Лэнгле и К. Орглер, авторская анкета. Основная гипотеза подтвердилась. На основе полученных результатов описаны одиннадцать специфических психологических характеристик людей, живущих в ипотечном сценарии.

We used a hypothesis that the lifestyle of people with mortgage commitments is specific and very different from that of the people without a mortgage. To identify and describe the specifics of "mortgage scenarios" people were divided into two groups (30 people in each group) with and without a mortgage. The study methods include: specific semantic differential "Lifestyle", Rotter's "I-E Scale", Spielberger-Hanin scale of reactive and trait anxiety, A. Langle and K. Orgler's scale of existence (SE test), the authors' questionnaire. The main hypothesis was proved. The eleven specific psychological characteristics of people living in the mortgage scenario are described.

Ключевые слова: ипотечный сценарий, сценарий отложенной жизни, образ жизни.

Keywords: mortgage scenario, scenario of delayed life, lifestyle.

Введение

Во многих странах ипотечное кредитование используется в качестве инструмента улучшения жилищных условий. В городах России цены на жилье иногда столь велики по сравнению со средним заработком, что люди вынуждены приобретать его в ипотеку, переплачивая проценты по кредиту. В настоящее время миллионы жителей РФ уже имеют ипотечные обязательства. И их количество постоянно растет. Обеспечение данной услуги на рынке недвижимости и строительства поддержкой государства в период экономической нестабильности повышает уровень ее востребованности [15].

Ряд источников [5; 15 – 16] указывает на то, что ипотечное кредитование позитивно влияет на общественные процессы. Люди, вступающие в экономические отношения подобного рода (долгосрочные, дорогостоящие, требующие пунктуальности и ответственности), заинтересованы в увеличении своих доходов, сохранении стабильности, мотивированы погасить долги.

Ипотекой называют залог недвижимости с целью получения ссуды. В качестве предмета залога могут быть как жилые дома или квартиры, так и производственные объекты, земельные участки [5]. Если должник не может вернуть долг кредитору, то последний вправе погасить обязательства должника за счет недвижимого имущества, которое находится в залоге. Права кредитора защищены законом РФ «Об ипотеке» ГК РФ [15].

Для того чтобы рассмотреть весь период приобретения жилья и погашения ипотеки нужно найти соответствующую категорию его описания. Если рассмотрим весь событийный ряд, то увидим, что в этом процессе во всех индивидуальных случаях есть одни и те же этапы. Очевиден контур договорных отношений, предсказуемые варианты финала, специфические ха-

рактеристики образа жизни и определенный многолетний предзаданный план. Такие явления описываются понятием «жизненный сценарий».

Теоретические подходы к изучению сценариев

Существуют два подхода к пониманию процесса структурирования жизненного пути с точки зрения сценарного поведения.

Согласно первому, отраженному в трудах отечественных ученых (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев и др.), личность сама выбирает и регулирует процесс жизни. Выбор сценария осознается, роль влияния родителей на представления ребенка и планирование им его жизненного пути не выделяется как ключевая. По мнению С. Л. Рубинштейна, личность сама определяет «свое отношение к жизни, гармонично или дисгармонично связывая между собой трагедию, драму и комедию» [8, с. 56]. Развитие этой идеи в трудах К. А. Абульхановой-Славской привело к формированию понятия жизненной стратегии – умение соединить свои индивидуальные особенности, статусные и возрастные возможности с требованиями общества. Жизненная стратегия подразумевает сознательную работу личности над выбором своих ценностей и действий по их реализации, а также ответственность за выбор своего пути [1]. В. Н. Дружинин писал, что личность осуществляет свой жизненный путь определенным способом, который он назвал вариантом: «под вариантом жизни понимается качественно-определенный способ осуществления личностью своего жизненного пути» [4, с. 17].

Другой подход, представленный работами зарубежных авторов (Ш. Бюлер, Г. Олпорт, У. Деннис, Х. Леман, В. Дильтея, Э. Шпрингер, Л. Зонди, А. Адлер, Э. Берн), рассматривает жизнь личности как ее историю. Причем многие из них (Ш. Бюлер, А. Адлер, Э. Берн) говорят в своих работах о том, что жизнен-

ный сценарий бессознательно выбирается личностью на ранних стадиях жизни. Согласно этому подходу, жизненный план предполагает представление о том, как именно будет реализовываться человеком его жизнь. Жизненный сценарий – это жизненный план, который одновременно структурирует жизненное время и пространство личности и ограничивает ее способы структурирования.

Э. Берн является основоположником сценарной теории, в основе которой заложена разработанная им модель эго-состояний. Берн определил сценарий как «План жизни, который составляется в детстве, подкрепляется родителями, оправдывается ходом событий и достигает пика при выборе пути» [2, с. 204]. Берн поясняет, что ребенок хочет структурировать свое время, ищет способы и соответственно находит их.

Сценарная теория получила развитие в трудах коллеги Э. Берна – К. Штайнера. Он изучал обстоятельства, условия жизни ребенка и его жизненные установки, которые впоследствии формировали жизненный сценарий. Возможно, что ипотечный сценарий подходит под описание «безрадостного» сценария по К. Штайнеру [17] – человеку приходится постоянно ограничивать себя. К. Штайнер также обратил внимание на то, что сценарии отнимают у людей самостоятельность, поскольку диктуют определенное самовыражение, способ чувствования и мышления.

Сценарий отложенной жизни и невроз отложенной жизни

Сценарий отложенной жизни (СОЖ) – введенное В. П. Серкиным [9] понятие для обозначения специфической группы жизненных сценариев. Суть СОЖ заключается в том, что живущий в таком сценарии человек искренне (часто неосознанно) считает, что пока он не живет еще настоящей жизнью, а лишь готовится к ней. «Заживет по-настоящему» он потом, когда подготовится и создаст для «настоящей жизни» необходимые условия.

Ярким примером СОЖ является северный сценарий – многие жители северных регионов РФ считают, что пока они не живут еще настоящей жизнью, а лишь готовятся к ней. «Настоящая жизнь» начнется после того, когда они накопят достаточно средств, чтобы купить в регионе с благоприятными климатическими условиями и развитой инфраструктурой квартиру или дом, дачу, машину и гараж (северная мечта) и переедут. Такой сценарий часто длится всю активную жизнь человека (до пенсии).

Другим примером являются различные «сценарии достижения», в рамках которых упорно добивающийся чего-либо человек (покупка, спортивный результат, защита диссертации, переезд из деревни в город, из провинции в столицу и пр.) длительное время ведет особый, ограниченный требованиями продвижения к цели образ жизни, часто отказывая себе (и близким) в реализации других значимых целей. Таким образом, понятие «СОЖ» является обобщающим для описания целого класса жизненных сценариев, характеризующихся наличием длительного подготовительного периода жизни до достижения цели и «настоящей жизни» после достижения цели [9].

Невроз отложенной жизни (НОЖ) – введенное В. П. Серкиным [10] понятие, обозначающее совокупность проявленных (заметных для окружающих) невротических проявлений СОЖ. Человек, откладывающий решение насущных проблем (до реализации СОЖ), может накопить критическую для себя массу нерешенных проблем. Психологический механизм НОЖ аналогичен механизму невротических проявлений по З. Фрейду: энергия нерешенных, постоянно вытесняемых проблем «прорывается» в виде неконтролируемых самим носителем проблем невротических симптомов.

СОЖ как обобщающее понятие для разных типов сценариев имеет еще одну особенность, а именно это отсутствие тотальности в моменте «здесь и сейчас», основные ценности и смыслы априорно помещены в будущее. Таким образом, человек отказывается от поисков смысла в настоящем моменте.

На основе эмпирических данных [3; 9; 11] можно выделить следующие основные признаки СОЖ:

- наличие «точки отсчета», поворотного момента, превращающего жизнь из подготовительной (временной, тренировочной, накопительной и пр.) в «настоящую» (данные опросов и методики «Линия жизни»);
- поворотный момент, событие становится для человека сверхценностью (опрос, семантические дифференциалы);
- при сопоставлении частей жизни «до» и «после» воображаемой точки отсчета жизнь «после» больше наполнена значимыми ценностями (удовольствием, радостью, свободой, глубоким смыслом, покоем и пр.);
- будущее после момента реализации сценария структурированно не представляется. Чаще всего вместо каких-либо целей, планов, сроков испытуемые говорят о том, что «начнется настоящая жизнь», «жизнь будет лучше», «тогда заживем» и пр. (опрос, метод ассоциаций, методика «Линия жизни»);
- испытуемые оценивают свои личные качества и свою жизнь в будущем выше, чем в прошлом и в настоящем (опрос, СД «Образ жизни», личностные СД);
- редко принимаются решения и осуществляются действия с целью обустройства, улучшения текущей жизни (опрос);
- СОЖ занимает более десяти лет (опрос);
- сценарий имеет узнаваемый паттерн, который включает в себя сюжет, цель, схематизированное описание значимого события (например, переезд), иногда – представление о необходимой для реализации сценария деятельности, чаще – отдельных действий (опрос);
- человек считает такой образ мыслей и образ жизни естественным, объективно вытекающим из условий и событий его реальной жизни (опрос).

Ипотечный сценарий и его специфика

Вводимое нами понятие «ипотечный сценарий» подчеркивает наличие финализма и общего контура: события будут разворачиваться и происходить по некоему заданному плану. Личность в ипотечном сценарии осознанно решает, оказаться или нет в данном сценарии, то есть осуществляет **выбор**. На образ жизни человека, реализующего ипотечный сценарий,

влияет ряд **условий**: экономическая ситуация в стране, ситуация на рынке ипотечного кредитования, обстоятельства личной и семейной жизни, биографии, особенности характера, мировоззрение, личные качества.

Ипотечный сценарий включает в себя заключение ипотечного договора, который задает рамки, сроки, условия погашения кредита и фиксирует основы взаимодействия человека с банком. В течение срока договора (десять, двадцать, тридцать лет) человек вынужден выполнять обязательства по нему. Выплата кредита и процентов предполагает работоспособность и экономическую состоятельность человека в течение всего периода. Помимо этого, жесткие внешние условия оказывают влияние на психологическое состояние человека.

Рассмотрим специфику ипотечного сценария. В первых, сценарий имеет свой узнаваемый **контур**:

1. Решение о необходимости вступить в сотрудничество с кредитующей организацией.

2. Поиск подходящей фирмы, квартиры и условий, заключение договора.

3. Выплаты значительных сумм по договору в течение долгого периода.

3.1. Многократно повторяемый цикл: зарабатывать – разделение средств на выплату долга и текущие потребности – выплата – зарабатывать.

3.2. Структурирование своего времени и активности таким образом, чтобы справляться с выплатами (изменение образа жизни).

4. Завершение выплат, окончание обязательств или невыполнение обязательств (имущество изымается, человек несет финансовый и психологический ущерб).

Наблюдается жесткая **цикличность** внутри сценария, как бы еще один вложенный сценарий (п. 3.1). А п. 3.2 обусловлен п. 3.1.

Таким образом, с приобретением жилья в ипотеку меняются объективные условия жизни человека. Ценность отдыха и свободного времени увеличивается, поскольку его становится объективно меньше. Особенно тяжело это обстоятельство переживается в случае, если работа не вполне соответствует интересам, склонностям человека. Вместе с тем появляется личное пространство, место, которое можно считать своим собственным домом, хочется обустроить и обживать, что в свою очередь также требует времени и денег.

Все расходы домашнего хозяйства или отдельного человека теперь контролируются более жестко. В некоторых случаях будет выявляться тенденция к экономии, которая выражается, например, в покупке менее дорогостоящей еды, одежды, экономии на хобби или качественном отдыхе. Поскольку выплаты имеют и жесткие временные рамки, это может способствовать увеличению напряжения как физического, так и психического.

Рассмотрим жизнь в период погашения ипотеки с точки зрения теории четырех фундаментальных мотиваций А. Лэнгле [6].

Согласно темам первой фундаментальной мотивации **жизненное пространство** находится под угрозой: оно есть, но – оно не до конца свое. Конечно, не-

возможно помнить об этом двадцать четыре часа в сутки, но тревога присутствует в образе жизни как фон. Человек осознает, что его свобода ограничена – если он заболеет, если он потеряет работу, если он захочет сменить место жительства – его пространство подвергнется риску. И человек сам ущемляет и ограничивает свою свободу. Ипотечные вопросы существенно перекликаются с темами первой фундаментальной мотивации, дающими человеку возможность просто быть. Без своего жилья наше пребывание затруднено.

Вообще если говорить об основной деятельности первой фундаментальной мотивации, «принять» и «выдержать», она осуществляется в случае ипотеки с большим трудом, на это часто уходит вся энергия и все силы. Выдерживание как деятельность, выражаемая конструктом «я могу с этим быть», является существенной составляющей экзистенции такого человека. Однако у человека появляется пространство как важнейшая предпосылка этого выдерживания.

Переживание «могу» зависит:

а) от внешнего – у меня есть возможность;

б) от внутреннего – у меня есть силы и способности что-то сделать.

Человек может переживать наличие собственного жилья как увеличение своих «могу», своих возможностей, либо как ограничение того, что он может. Теперь он не может себе позволить что-то, вынужден себя ограничивать: мотивация имеет две части – ситуативная зависит от обстоятельств и персональная зависит от личности [6].

Чувство опоры возрастает в связи с тем, что появляется собственный дом. Однако, в случае приобретения жилья на нулевом или раннем этапе строительства, опоры еще очень мало. Кроме того, нужно иметь стабильную высокооплачиваемую работу. Россию в настоящее время трудно назвать стабильной страной, трудно примерно описать экономическую ситуацию даже в ближайшие несколько лет, не говоря о десятилетиях. Это справедливо как по отношению к курсам валют, так и ценам за квадратные метры жилой площади. Нужно сказать и о том, что договор выступает также ненадежной защитой для граждан, поскольку имеется масса свидетельств о случаях обмана, о случаях, когда жилье не было построено и сдано в эксплуатацию или же не было предоставлено вовремя. Имеются случаи, когда цены могут быть и неожиданно повышены застройщиком после того, как часть выплат уже была осуществлена.

Помимо того, что есть физическое пространство, с ним нужно установить отношения. Хочу ли я быть там закрепленным? Хочу ли я быть здесь? В этом городе, в этой стране? Действительно ли человек, оформивший ипотечный кредит, официально не являющийся обладателем собственности на жилье, заселяет это пространство? Взаимодействие между внутренним и внешним пространством может уплотниться до чувства дома. Чувствует ли он себя у СЕБЯ дома? [6 – 7; 13].

Человеку недостаточно просто быть, хочется переживать свое бытие как хорошее, которое нравится. В финансово-тесных условиях ипотеки жизнь нравится гораздо меньше, доставить себе ра-

дость получается не в полной мере, человек вынужден ограничивать себя. Страдают и отношения. Время, которое можно было бы посвятить семье и детям, уходит на «зарабатывание», работа выматывает, страдает близость, теплое общение с родными, друзьями, любимыми.

Переживание «Нравится» опирается на две опоры – желание (сила изнутри) и ценность (сила извне). В ипотечном сценарии полюсу «нравится» (иметь свой дом) противопоставлен полюс «не нравится» (зарабатывать, выплачивать проценты, изымать из своего повседневного бюджета средства достаточно долгий период времени). В этом противоречие такого образа жизни, которое в преломлении второй фундаментальной мотивации становится очень заметным.

Следующий аспект, который «высвечивает» вторая фундаментальная мотивация, это конечно **время**. Наша жизнь может быть в некотором смысле измерена временем, и то, на что мы растрчиваем нашу жизнь, и является тем, ради чего мы, собственно, и живем [5]. Стоит всерьез принимать то, на что мы тратим время жизни и принимать себя в этом, иначе оглянувшись назад и увидев, что двадцать лет жизни потрачены на небольшую квартиру, велика вероятность разочароваться в своей жизни, посчитать ее безрадостной и «слишком тяжелой». Если в моей жизни было мало отношений, близости весь этот период, может возникнуть тоска, холодность и даже депрессия, частично утратиться чувство ценности жизни. Активное участие, движение к жизни также сужено [13], ибо активность человек направляет на то, что ему не нравится: на выплату долга [7].

Темы третьей фундаментальной мотивации рассказывают о том, что **человек стремится к тому, чтобы чувствовать себя особенным**, отличающимся от других, неповторимым. Человек делает выборы, которые соответствуют конкретно ему и только ему. Однако когда у него есть огромный долг и договор ипотеки, он далеко не всегда может следовать за «выражением себя». Даже в вопросе о том, сколько детей я могу прокормить – он будет руководствоваться внешними обстоятельствами. Приходится соотноситься не только с собой и с окружающими людьми, но и с жесткими условиями договора. Это может привести к тому, что локус контроля у людей с ипотекой будет скорее экстерналино ориентированным, чем интерналино, им придется часто соотносить свои выборы с условиями погашения ипотечных обязательств (прим. авторов: не подтвердилось, см. результаты). При определении того, что является «моим» или «не моим», человек также будет ограничен финансовыми проблемами. Имею ли я право на свое собственное мнение? Здесь ставится вопрос о том, что является твоим собственным, а что нет, потому что многое зависит от того, насколько успешно ты справляешься с условиями погашения. Человек может чувствовать себя в несколько «подвешенном» состоянии, что может сказываться на его самочувствии, занимаемой им своей позиции, отношениях к другим людям или событиям.

Основные смыслы и ценности личности на уровне четвертой фундаментальной мотивации иерархизированы, и смыслообразующим фактором ста-

новятся выплаты по ипотеке. В случае ипотечного сценария возможны следующие негативные варианты: человек ходит на нелюбимую работу или сохраняет отношения с человеком, от которого устал, или не может себе позволить родить второго ребенка, или приобретать то, что нравится. Задавшись такой практической целью (погашение ипотеки), человек может упустить свой экзистенциальный смысл – то, что есть здесь и сейчас, запрос текущего момента, ощущение ситуации жизни в моменте. Помимо этого существует и онтологический смысл, философский и религиозный аспекты которого также могут быть не востребованы в случае тяжелого бремени ипотечных обязательств, особенно если изначально, до того как вступить в соглашение, человек не задумывался для чего, в конце концов, он совершает этот выбор. И еще – в поисках смысла как «самой ценной возможности» в конкретной ситуации теряется возможность соотноситься каждый раз с каждой новой ситуацией. Поскольку смысл (как погашение долга) задан и определен на много лет вперед, вполне вероятно, что смыслы текущего момента могут быть упущены или проигнорированы как «второстепенные» [12; 18].

Схема эмпирического исследования

Общая гипотеза: существуют различия в образе жизни людей, живущих в условиях ипотеки, и людей, не имеющих ипотечных обязательств.

Выборка: 60 человек разных профессий из городов РФ (2 группы по 30 чел). Стратегия формирования экспериментальной группы – метод «снежного кома»; контрольной группы – стратифицированный отбор.

Процедура: респондентов просили заполнить анкету и батарею опросников в аудитории, либо дома, в некоторых случаях высылали анкету по электронной почте. Респонденты заполняли бланки самостоятельно, после чего возвращали исследователю. Были использованы следующие **методики**:

1. Авторская анкета на выявление **отличий образа жизни у людей с ипотекой и без нее**.

2. Авторская анкета на **выявление специфики образа жизни** у людей, живущих в период погашения обязательств по договору ипотеки, составлена **для респондентов экспериментальной группы**. Поскольку в контрольной группе люди не имеют опыта проживания в ипотечном сценарии, им данные вопросы не задавались.

3. Специализированный семантический дифференциал «Образ жизни» [11].

4. «Шкала I-E» Роттера.

5. Самочувствие. Активность. Настроение (САН).

6. Русскоязычный вариант STAI известен как шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина.

7. Шкала экзистенции (тест ШЭ) А. Лэнгле и К. Орлге.

Результаты и их обсуждение

Групповые оценки респондентами экспериментальной и контрольной групп своего **самочувствия, настроения, активности** по их субъективному само-

отчету и данным, полученным с помощью опросников САН, не различаются значимо.

Данные, полученные с помощью «Шкалы I-E» Роттера для определения локуса контроля, не выявили значимых различий результатов экспериментальной и контрольной групп. Поскольку люди, реализующие ипотечный сценарий, находятся в жестких рамках ипотечного договора, мы предположили, что **локус контроля** станет у них направлен вонне для соотношения с условиями и порядком выплат. Отсутствие различий говорит о том, что в более жестких экономических условиях у людей, связанных обязательствами ипотеки, мобилизуются внутренние ресурсы – согласно данным из анкет, желание планировать и контролировать свою жизнь. Многие из респондентов отметили, что им приходится экономить или более взвешенно подходить к статьям затрат.

Интересно, что люди, погашающие обязательства по ипотеке, имеют примерно тот же **уровень экзистенциальной исполненности**, что и люди без ипотеки, согласно данным полученным по опросникам «Шкала экзистенции (тест ШЭ) А. Лэнгле и К. Орглер» (значимых различий **не выявлено**). У людей с ипотекой появляется чувство радости и гордости за себя в связи с приобретением жилья и пониманием того, что они справляются со своими трудностями. Используемая шкала не позволяет сделать выводы о содержании экзистенциальной исполненности, однако такие данные удалось частично получить с помощью метода специализированного семантического дифференциала и анкетирования.

Результаты по опросникам на **выявление уровня тревожности (шкалы Спилберга-Ханина)**: среднее значение уровня реактивной тревожности 37,9 в группе с ипотекой и 38,4 в группе без ипотеки, а значения уровня личностной тревожности составляет 41,4 и 42,5 соответственно.

Особенно интересен анализ рядов данных (по каждому отдельно взятому респонденту). Проверив значимость отклонений от «нормального» уровня тревожности по группам с помощью критерия Фишера и Колмогорова-Смирнова, мы выяснили, что в группе людей с ипотекой реактивная тревожность ниже «нормального уровня» встречается чаще, чем в группе людей без ипотеки ($p = 0,01$). Личностная тревожность ниже «нормального уровня» также чаще встречается в группе людей с ипотекой, чем в группе людей без ипотеки ($p = 0,01$).

Могут ли люди с ипотекой вытеснять или «заглушать» степень своей тревожности? Вполне, поскольку большинство из респондентов ответили, что последний взнос по ипотеке переживут как «облегчение» и «сброшенный груз» с плеч. С другой стороны, также согласно анкетным данным, многие из них чувствуют себя более уверенными и спокойными в связи с тем, что у них не будет трудностей квартиросъемщиков. Например, таких как – постоянно безвозвратно выплачивать «дяде», а не за свое жилье, «в любой момент могут попросить съехать», «нельзя обставить по своему вкусу». Очевидно, что не ипотека делает людей менее тревожными, но наличие собственного жилья, возможно, и создает некоторую базу для большей психологической устойчивости и баланса.

Также факт более низкой тревожности в группе с ипотекой, возможно, проинтерпретировать тем, что ипотеку оформляют люди менее тревожные (об этом говорит низкий уровень личностной тревожности у людей в группе с ипотекой). Высокотрехотные люди ипотеку не берут.

Семантический дифференциал «Образ жизни»

В таблице 1 приведены различающиеся качественно дескрипторы образа жизни людей с ипотекой и без ипотеки.

Таблица 1

Различающиеся качественно дескрипторы групповых универсалий оценки своего образа жизни

Группа с ипотекой			Группа без ипотеки		
№	признак	вес признака	№	признак	вес признака
1	нравственный	1,87	1	понимающий	1,87
2	счастливый	1,87	2	миролюбивый	1,87
3	интересный	1,80	3	положительный	1,70
4	осмысленный	1,77	4	истинный	1,57

Согласованными оценками своего образа жизни по экспериментальной группе являются дескрипторы «нравственный», «счастливый», «интересный» и «осмысленный», по контрольной – «понимающий», «миролюбивый», «положительный» и «истинный». Выделенные аспекты образа жизни респондентов экспериментальной группы вошли в универсалию групповой оценки в связи с тем, что им приходится преодолевать трудности, и следовательно, постоянно подтверждать для себя ценность того, ради чего все это происходит. В универсалию оценки контрольной группы входят дескрипторы «Понимающий» и «Миролюбивый», характеризующие ту сторону жизни, которая связана с общением. Дескрипторы «Истинный» и «Положи-

тельный» характеризуют соответствие своего образа жизни положительным представлениям о нем.

С помощью факторного анализа по результатам группы респондентов с ипотекой было выделено 14 факторов, которые объясняют 89 % дисперсии результатов. По результатам группы респондентов без ипотеки было выделено 13 параметров, объясняющих 87 % дисперсии результатов (таблица 2).

Наиболее весомыми факторами своего образа жизни для обеих групп являются факторы «насыщенный – скучный». Это косвенно подтверждается показателями опросника экзистенциальной исполненности для обеих групп (нет значимых различий).

**Параметры (факторная структура) семантической оценки своего образа жизни людьми
из группы с ипотекой и группы без ипотеки**

<i>Группа с ипотекой</i>	<i>Группа без ипотеки</i>
Насыщенный – Скучный (13,6 %)	Насыщенный – Скучный (12,3 %)
Порядочный – Непорядочный (10,5 %)	Радостный – Безрадостный (10,9 %)
Благополучный – Неблагополучный (10,4 %)	Организованный – Не организованный (10,1 %)
Стабильный – Не стабильный (7,2 %)	Активный – Пассивный (8,1 %)
Гармоничный – Дисгармоничный (6,2 %)	Благополучный – Неблагополучный (7,5 %)
Комфортный – Дискомфортный (5,6 %)	Комфортный – Дискомфортный (5,9 %)
Независимый – Зависимый (5,6 %)	Независимый – Зависимый (5,7 %)
Достойный – Недостойный (4,8 %)	Истинный – Ложный (5,1 %)
Положительный – Отрицательный (4,6 %)	Уверенный – Неуверенный (4,9 %)
Гнетущий – Легкий (4,5 %)	Нравственный – Безнравственный (4,4 %)
Авторитарный – Демократичный (4,4 %)	Авторитарный – Демократичный (4,4 %)
Оправданный – Неоправданный (4,2 %)	Альтруистичный – Эгоистичный (3,7 %)
Непримиримый – Компромиссный (3,9 %)	Понимающий – Не понимающий (3,6 %)
Унифицированный – Индивидуализированный (3,7 %)	x

Однако следующие три наиболее весомых фактора оценки своего образа жизни различны: для экспериментальной (с ипотекой) группы это оценка порядочности, благополучия и стабильности, для контрольной – оценка радости, организованности и активности. В обеих группах три последующих фактора по сумме весов (проценту охваченной дисперсии результатов) более чем вдвое превышают веса первых факторов, поэтому можно констатировать, что различия факторных структур значимее сходства.

Качественно эти различия показывают, что испытуемые экспериментальной группы больше ориентированы на социальное благополучие (внешняя группа мотивов), а контрольной (без ипотеки) – на экзистенциальные переживания (внутренняя группа мотивов). Таким образом, при одинаковом уровне экзистенци-

альной исполненности ее наполнение может существенно различаться.

Анкетный опрос

Сравнение времени, затрачиваемого людьми в группе с ипотекой и в группе без ипотеки **на профессиональную деятельность**: люди с ипотечным сценарием тратят времени на профессиональную деятельность больше, чем люди без ипотеки. Критическое значение находится на уровне «работать по 5 дней в неделю 9 ч в день» и сверх этого: назовем данный эффект эффектом «большой занятости». Эффект «большой занятости» чаще встречается в группе людей с ипотекой, чем в группе людей без ипотеки ($p = 0,01$).

Рассмотрим **качества, которые люди выделяют как привлекательные в других** (таблица 3).

Таблица 3

Сравнение качеств, которые нравятся в других людях

Какие человеческие качества вам нравятся?	<i>Группа с ипотекой</i>	<i>Группа без ипотеки</i>
	<i>Совпадающие качественно дескрипторы</i>	
	честность (11)	честность (15)
	чувство юмора (5)	чувство юмора (5)
	доброта (8)	доброта (16)
	открытость (4)	открытость (6)
	<i>Различающиеся качественно дескрипторы</i>	
	ум (7)	искренность (22)
	ответственность (6)	
	порядочность (5)	
	оптимизм (4)	

Примечание: в таблице приведены только значимые по частоте дескрипторы ($p = 0,01$).

В обеих группах люди признают ценными в других людях такие качества, как честность, доброта, чувство юмора и открытость. Причем такое качество, как «доброта», особенно ценным является для людей без ипотеки (16 человек).

Люди с ипотекой выделяют также такие качества, как ум, ответственность, порядочность, оптимизм.

Согласно данным таблицы 3, специфика различий состоит в том, что качества, которые назвали люди с ипотекой, направлены на организованность, а люди без ипотеки – направлены на качество взаимодействия с собой и другими людьми.

Рассмотрим **наиболее значимые события в жизни** для контрольной и экспериментальной группы, ответы представлены в таблице 4.

Таблица 4

**Частота «наиболее значимого события
в жизни»**

<i>Наиболее значимое событие в жизни</i>	<i>Группа с ипотекой</i>	<i>Группа без ипотеки</i>
Рождение детей, беременность	15	3
События, связанные с личной жизнью (встреча, свадьба, развод)	4	7
События в сфере социальных достижений (работа, карьера)		3
Образование (поступление, окончание)	3	1
Личностный рост	2	2
Отношения с семьей	3	7
Смерть, жизнь, мое рождение	3	5
Опыт путешествий, поездки, переезда		1
Большой взрыв и формирование все-ленной		1

К самому **значимому событию в жизни** люди, реализующие ипотечный сценарий, относят события, связанные с рождением детей (15 выборов из 30), в группе без ипотеки только 3 выбора из 30. В группе людей без ипотеки наиболее важными признаются события, связанные с личной жизнью и семьей.

Для выявления специфики образа жизни в период погашения ипотечных обязательств респондентам обеих групп были заданы вопросы об их **планах**, и **на какой период они планируют будущее**, ответы представлены в таблице 5.

Люди, реализующие ипотечный сценарий, привыкли чаще составлять планы на будущее, 25 (83,3 %) людей из 30 ответили на этот вопрос «Да», люди без ипотеки реже составляют планы – 18 (60 %) человек из 30 (φ^* эмп. значимо, $p = 0,02$).

Также из таблицы мы видим, что люди, реализующие ипотечный сценарий, планируют на значительно более долгий отрезок времени. Для проверки уровня достоверности данного высказывания разделим выборки на подгруппы. В качестве критерия для разделения обеих выборок на подгруппу, где «есть эффект» и где «нет эффекта», будет выступать срок 3 года. Данный эффект мы назвали эффектом «долгосрочного планирования». Эффект «долгосрочного планирования» (планы свыше 3 лет) чаще встречается в группе людей с ипотекой, чем в группе людей без ипотеки ($p < 0,01$).

Людям, реализующим «ипотечный сценарий», для выявления специфики их образа жизни в анкете были помещены дополнительные вопросы.

Вопрос: **«Почувствовали ли вы изменения с тех пор, как вступили в ипотеку?»**. Ответы: «да» (25 респондентов из 30), нет (3), небольшие (2).

Таблица 5

Наличие планов на будущее и период планирования

<i>Вопрос</i>	<i>Группа с ипотекой</i>	<i>Группа без ипотеки</i>
Есть ли у вас конкретные планы на будущее?		
да	25	18
нет	5	12
На какой период (на сколько лет или месяцев вперед) вы примерно распланировали свое будущее?		
меньше недели	3	5
1 неделя	х	1
3 недели	х	2
2 месяца	1	х
3 месяца	х	1
6 месяцев	х	7
1 год	5	7
2 года	5	5
3 года	5	х
4 года	1	х
5 лет	3	1
5 – 10 лет	1	х
10 лет	3	х
14 лет	1	х
15 лет	1	х
нет ответа	1	1

Вопрос: **«В чем они состоят?»**. Ответы: «В планах учитываю погашение ипотеки. Начинаешь более ответственно относиться к планированию расходов, дорогостоящих покупок, есть боязнь перед каким-нибудь кризисом (в частности потеря работы из-за него)». «Приходится более тщательно рассчитывать месячный бюджет. При планировании мероприятий, требующих финансовых затрат, возникает необходимость предварительного накопления, либо производства расчета в рассрочку». «Экономим на всем: на одежде, на еде. Развлечений практически нет, только бесплатные». «Дополнительная мотивация к заработку». «Чувствую себя в собственной квартире комфортней, сделали хороший ремонт на свой вкус. Пришлось строже контролировать расходы, отказываться от необязательных вещей, больше искать подработок». «Больше работаю (на пределе своих возможностей), чтобы побыстрее выплатить ипотеку, меньше себе позволяю, больше думаю о деньгах, давит на мозг ответственность, ощущение долга и невозможность выйти замуж и завести детей до погашения кредита». «Необходимость жесткого ведения бюджета, экономия, планирование затрат». «Отказываю себе практически во всем, экономлю деньги, ищу возможности дополнительного заработка – это на уровне поведения, еще есть психологический груз». «Сократились праздные затраты и внезапные поездки». «Стало хуже, денег перестало хватать», «Ни на что не хватает денег, увеличилась нагрузка на финансы в семье, связанные с содержанием имущества, находящегося в ипотеке, оплатой страховок». «В какой-то степени жить стало комфортнее. Появилась квартира, где я – хозяйка, могу обставить по

своему вкусу и т. д. В том, что я не плачу чужому дяде, а вкладываю в свое». «Радость — теперь у меня своя квартира в Москве!! Гордость за себя!». «Только положительные: стабильность, уверенность в завтрашнем дне как это ни странно». «Дисциплинирует. Не залежишься, не замечтаешься».

Изменения в образе жизни почувствовали практически все респонденты. Кто-то расценил их как позитивные, кто-то больше описывает трудности и тяжесть ответственности.

Вопрос: «**Можете ли вы сказать, что увеличилось количество конфликтов в вашей жизни, после того как вы вступили в ипотеку?**». Ответы: «да» — 2 человека, «нет» — 28 человек.

Вопрос: «**Можете ли вы сказать, что заметили ухудшение в своем самочувствии, после того как вы вступили в ипотеку?**». Ответы: «да» — 3 человека, «нет» — 27 человек.

Вопрос: «**Как вам кажется, что вы почувствуете, когда произойдет последний взнос?**». Наиболее частые ответы на этот вопрос: «Облегчение» (10 человек), «Свобода» (4 человека), «Радость» (3 человека), «Счастье» (2 человека), «Падение груза с плеч» (2 человека). Лишь 3 человека предположили, что ничего особенного не почувствуют, 27 человек описали событие как позитивное, праздничное, символизирующее начало новой жизни и новых планов, освобождающее их, облегчающее жизнь, способствующее их независимости.

Обобщенные выводы

Что происходит у людей, берущих ипотеку, в психологическом плане?

1. Они совершают в период заключения ипотечного договора значимый выбор: принимают решение изменить свою жизнь. Приобретая свое жилье, пусть и по договору ипотеки, люди приобретают не просто недвижимость, но и психологическую ценность. Ценность «имею свое жилье» переживается людьми, погашающими ипотеку, постоянно. Это помогает им посвящать большое количество времени работе, контролировать свои траты и сдерживать спонтанные импульсы.

2. Желание иметь свой дом способно вдохновить и придать сил, сделать человека более активным, целеустремленным, работоспособным. Но важно правильно рассчитать свои силы, поскольку есть вероятность потратить слишком много сил, и тогда жизнь может показаться слишком тяжелой и безрадостной. В этом случае ипотеку называют «кабалой» или «рабством». Когда мало сил и энергии, трудно обращаться к другим людям, духовным и культурным ценностям.

3. С одной стороны, собственное жилье воспринимается как нечто естественное, что должно быть у всех, а с другой — как трудновыполнимая задача. Приобретение жилья как пространства для жизни открывает новые возможности. Например: ремонт по собственному желанию; жить, не боясь того, что попросят внезапно переехать со съемной квартиры; появляется больше условий для того, чтобы иметь детей; принимать гостей; завести питомца и т. д.

4. Жилье до проведения окончательных выплат не переходит в личную собственность, поэтому люди стремятся сохранить стабильность: держатся за свою

работу и ближайшее поддерживающее окружение. Стабильная работа, высокий заработок, минимальные задержки заработной платы — вот требования к работе, которые выступают на первый план в ущерб возможности работать на интересной, но малооплачиваемой работе.

5. Скорее всего, легче решиться на оформление договора ипотеки людям с низким уровнем тревожности, которые доверяют своим отношениям с жизнью и другими людьми.

6. Может ли выплата долгов по ипотеке влиять на отношения человека со своей семьей, близкими ему людьми? Вопрос неоднозначный и сложный, потому что, прежде всего, в отношениях человек участвует персонально, и многое зависит от его установок, активности и личных качеств. Нельзя не отметить и тот аспект, что любые отношения требуют затрат времени, которого становится меньше. Большая часть времени, которое можно было бы посвятить семье, общению с друзьями и детьми, уходит на зарабатывание. Кроме того, сами отношения требуют и средств на их обслуживание: на подарки, поездки, угощение, совместный отдых, посещение культурных мероприятий.

7. Увеличивается роль волевых качеств, приходится отодвигать свои «хочу» и двигаться в сторону долгосрочной цели, а не текущих желаний. Многим людям важно не просто иметь одежду, технику, машину, а важно иметь вещи, соответствующие им, удовлетворяющие не только их биологические, но и социальные потребности. Кто я, если я постоянно экономлю на себе, покупаю себе более дешевые вещи, не те, которые мне нравятся? Здесь легко начать себя сравнивать с другими людьми, считая их жизнь более легкой и исполненной. В ипотечном сценарии в первую очередь приходится ориентироваться на необходимость, а не стремиться к выражению себя. Человеку, обремененному ипотекой, приходится более тщательно подбирать свои слова и более осторожно и взвешенно подходить к выбору позиции.

8. Современное общество поддерживает и одобряет людей, берущих ипотеку, поскольку заинтересовано в стабильных, серьезных и лояльных гражданах. Люди, приобретающие жилье по договору ипотеки, пользуются уважением и сочувствием у окружающих людей, кажутся им благонадежными, ответственными. Кроме того, сами люди, берущие ипотеку, начинают относиться к себе также. Они уважают себя за это, считают свой образ жизни достойным и серьезным. Респонденты экспериментальной группы (с ипотекой) больше ориентированы на социальное благополучие (внешняя группа мотивов), а контрольной (без ипотеки) — на экзистенциальные переживания (внутренняя группа мотивов).

9. Невроз отложенной жизни (НОЖ) при ипотечном сценарии может проявиться в виде «срывов» напряженного образа жизни, проявиться как «внезапный» для окружающих (и иногда самого человека) отказ выполнять ипотечные обязательства, трудностях в общении с окружающими, «неожиданных», «неоправданных» затратах на реализацию своих интересов и потребностей, эмоциональной нестабильности, депрессии и непреодолимом чувстве усталости.

10. Ипотечный сценарий — многоплановое явление, а реализующий его человек не всегда переживает

тяжесть и безрадостность. **В случае если выплаты по ипотечному договору примерно равны выплатам по найму жилья, это может позитивно сказаться на восприятии ипотеки.** Человек признает тот факт, что тратит эти деньги не впустую, а на стоящее дело. Однако, в большинстве городов РФ выплаты процентов по кредиту превышают арендную плату на сопоставимое жилье в два и более раз. А переплаты процентов по кредиту просто огромны. В таком случае ценность собственного жилья переживается человеком как превышающая негативные переживания, трудности и ограничения, связанные с погашением долга за жилье.

11. Ипотечный сценарий структурирует не только время, но и образ жизни, и мировоззрение личности.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 67 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / пер. с англ.; под ред. Н. Бурыгиной, Р. Кучкаровой. М.: Апрель Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2002. 640 с.
3. Быкова И. А., Серкин В. П. Ипотечный сценарий и ипотечный невроз // Взаимодействие науки и практики в гуманитарных и социальных науках: Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. Магадан: Издательство СВГУ, 2013. С. 138 – 146.
4. Дружинин В. Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. СПб.: ИМАТОН-М, 2000. 76 с.
5. Ковалев В. В. Финансовый менеджмент: теория и практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 1024 с.
6. Лэнгле А. Фундаментальные мотивации человеческой экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии / пер. с нем. О. М. Ларченко; под науч. ред. А. С. Баранников, А. В. Локтионова // Psychoterapija (Moskwa). 2004. Vol. 4. P. 41 – 48. Режим доступа: <http://www.laengle.info/downloads/GM-Wirkstrukt-Fundamenta2%202002-Psth%20Mosk%2004.doc> (дата обращения: 08.06.2014).
7. Петровский В. А. Психология в пространстве-времени Зинченко (опыт персонологического прочтения) // Психология. 2011. № 3. Т. 8. С. 75 – 91. Режим доступа: <http://psy-journal.hse.ru/2011-8-3.html> (дата обращения: 29.11.2012).
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 4-изд. СПб.: Питер, 2004. 641 с.
9. Серкин В. П. Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // Колыма. 1997. № 4. С. 20 – 23.
10. Серкин В. П. Невроз отложенной жизни (НОЖ) и «северный невроз» // Ученые записки кафедры психологии СМУ. Вып. 1. Магадан: Кордис, 2001. С. 113 – 118.
11. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учебное пособие для вузов. М.: Пчела, 2008. 382 с.
12. Серый А. В., Семенова М. Б. Трансформация системы личностных смыслов в ситуации вынужденной потери работы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 3(43). С. 106 – 110.
13. Старовойтенко Е. Б. Отношение к себе: от культурогенеза к индивидуальному развитию // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2011. № 4. С. 3 – 28.
14. Стюарт Я., Джойнс В. Современный транзактный анализ. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. 335 с.
15. Ужегов А. Н. Квартира в кредит: ипотечная сделка. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
16. Цылина Г. А. Ипотека: жилье в кредит. М.: Экономика, 2001. 358 с.
17. Штайнер К. Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна. СПб.: Питер, 2003. 416 с.
18. Varahrami A., Arnau R., Rosen D., Mascaro N. The Relationships between meaning, hope, and psychological development, International Journal of Existential Psychology and Psychotherapy. 2010. Vol. 3(1).

Информация об авторах:

Быкова Ирина Александровна – магистр психологии, стажер Центра психологического консультирования НИУ «ВШЭ», bykova_ia@bk.ru.

Irina A. Bykova – Master of Psychology, Intern at the Center of psychological counseling, National Research University Higher School of Economics.

Серкин Владимир Павлович – доктор психологических наук, профессор кафедры организационной психологии НИУ «ВШЭ», vserkin@hse.ru, serkinv@mail.ru.

Vladimir P. Serkin – Doctor of Psychology, Full Professor, Professor at the Department of Organizational Psychology, National Research University Higher School of Economics.

Заключение

Все данные, предоставленные респондентами, основаны на их субъективном переживании событий, в этом и ценность, и ограничение данного исследования.

Практическое применение результатов данного исследования возможно для предоставления информации людям, сомневающимся в принятии решения о приобретении квартиры в ипотеку, в сфере консультирования людей, несущих на себе бремя ипотечных обязательств, для создания психологических методик, помогающих адаптироваться к новому образу жизни людям, которые недавно взяли на себя обязательства по договору ипотечного кредитования.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.922.4

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТРУКТУРЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТУДЕНТОВ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Е. П. Володина

THE ETHNO-PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE VALUE ORIENTATIONS STRUCTURE OF THE BAIKAL REGION STUDENTS

E. P. Volodina

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ 15-06-10673 «Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи азиатской России».

В данной статье рассматривается этнопсихологический аспект структуры ценностных ориентаций студентов байкальского региона. В работе представлена лишь часть данных масштабного кросс-культурного исследования. Целью являлось изучение структуры ценностных ориентаций студентов разных национальностей, проживающих в байкальском регионе. В исследовании был использован метод анкетирования, в котором приняли участие более 900 студентов русской и бурятской национальностей, проживающих в Иркутской области и в республике Бурятия. Результаты проведенного исследования показали, что в структуре ценностных ориентаций молодых людей имеются отличия, указывающие на характерные национальные особенности. Структура ценностных ориентаций молодых людей русской и бурятской национальностей, проживающих в Иркутской области, статистически достоверно отличается по ряду жизненных ценностей от структуры ценностных ориентаций русских и бурят, проживающих в республике Бурятия. Такие отличия указывают, что на развитие и формирование жизненных ценностей оказывает влияние фактор проживания человека на родной земле. Общечеловеческие, базовые жизненные ценности, такие как уважение к родным и близким, семья и брак, любовь и дружба, вне зависимости от национальной принадлежности и региона проживания занимают значимые места в структуре ценностных ориентаций молодых людей. Результаты нашего исследования будут применены в практике и внесут ценный вклад в актуальную на сегодня значимую область исследований, направленных на изучение патриотизма и межнационального согласия.

The paper discusses the ethno-psychological aspect of the value orientations structure of the Baikal region students. The paper presents only a part of the data from a large-scale cross-cultural research. The objective was to study the structure of value orientations of students from different nationalities living in the Baikal region. The study used the method of survey which was taken by more than 900 students of Russian and Buryat ethnic groups living in Irkutsk region and Buryatia. The results of the study showed that the structure of value orientations of young people has some differences which depend on specific national characteristics. The structure of the value orientations of young people of Russian and Buryat ethnic groups living in Irkutsk region significantly differs in a number of life values in comparison to the structure of value orientations of Russians and Buryats living in the republic of Buryatia. These differences indicate that the factor of human habitation in their motherland affects the development and the formation of values in life. Universal basic life values such as respect for the relatives and friends, family and marriage, love and friendship, regardless of the ethnicity and the region of residence, occupy a significant place in the structure of the value orientations of young people. The results of our research will be applied in practice and will make a valuable contribution to the currently important, significant area of research which aims to understand patriotism and interethnic harmony.

Ключевые слова: ценности жизни, структура ценностных ориентаций, студенты, этнос, этнопсихологический аспект.

Keywords: values of life, structure of value orientations, students, ethnicity and ethno-psychological aspect.

В настоящее время в связи с социально-экономическими преобразованиями общества актуальность приобретает изучение отношения молодого поколения к своему этносу, культуре, традициям [2], образованию, профессиональной деятельности, обусловленное динамическими системами их ценностей и ценностных ориентаций [4], личностных смыслов [3]. Именно в юношеском возрасте происходит интенсивное развитие и формирование этнической и психологической культуры.

В нашем исследовании, направленном на изучение этнопсихологического аспекта структуры ценностных ориентаций студентов байкальского региона, мы придерживаемся уже неоднократно апробированной и показавшей свою работоспособность личностно-деятельностной концепцией, предложенной А. Д. Карнышевым [1, с. 187 – 203]. На ее основе возможно не

только глубинное изучение ценностно-смысловой сферы личности студентов разных национальностей, но и других значимых характеристик личности, т. к. данная концепция позволяет выделить следующие взаимоувязанные друг с другом компоненты структуры личности.

1. Биопсихические или психофизиологические свойства личности, отражающие ее природные (генетически сформировавшиеся) истоки отношения к себе и миру в целом.

2. Направленность личности, включающую в себя мировоззренческие установки, ценности, потребности, интересы, мотивы.

3. Способности, знания и умения.

4. Самооценка и самоуважение личности.

5. Коммуникативные качества.

Теоретический анализ ведущих подходов к изучению проблемы ценностных ориентаций позволяет говорить нам о том, что на сегодняшний день в современной психологии нет единого толкования термина «ценностные ориентации» и «ценность», эти понятия часто отождествляются. Ценности понимаются нами как значимые для личности (т. е. необходимые для удовлетворения потребностей) предметы и явления окружающей действительности.

Ценностно-смысловую сферу мы рассматриваем как целостное, системное и динамическое образование, каждый элемент которой связан между собой. Нам близка концепция и построенная на ее основе структурно-динамическая модель системы ценностных ориентаций личности М. С. Яницкого. Ценностные ориентации понимаются нами как «определяющие жизненные цели человека ценности, которые выражают соответственно то, что является для него наиболее важным и обладает для него личностным смыслом» [5, с. 26 – 27]. По мнению М. С. Яницкого, система ценностных ориентаций личности является многофункциональным психологическим органом, выполняющим одновременно функции регуляции поведения и определения его цели, связывающим в единое целое личность и социальную среду. В формировании системы ценностных ориентаций принимает участие ряд циклических процессов:

1) адаптация заключается в устранении тревоги и поддержании баланса в системе «человек – среда» посредством модификации ценностных ориентаций;

2) социализация – внутреннее принятие ценностей значимых других;

3) индивидуализация – выработка собственной автономной системы ценностей.

Целью нашего исследования являлось изучение структуры ценностей студентов разных национальностей, проживающих в байкальском регионе. В работе представлена лишь часть данных масштабного кросс-культурного исследования, проведенного коллективом ученых под руководством доктора психологических наук, профессора А. Д. Карнышева.

Для достижения поставленной цели был использован метод анкетирования. В исследовании приняли участие более 900 студентов русской и бурятской национальностей, проживающих в Иркутской области и в республике Бурятия. Для того чтобы изучить этнопсихологический аспект структуры ценностных ориентаций, студентам был предложен авторский список, состоящий из 12 жизненных ценностей: 1) интересная работа; 2) уважение к родителям, родным, близким; 3) семья, брак; 4) любовь и дружба; 5) хорошие взаимоотношения между людьми разных национальностей; 6) здоровье, спорт; 7) возможность общения со сверстниками, интересными людьми, в том числе через интернет; 8) учеба, самообразование; 9) независимость мнений и поступков, личная свобода; 10) возможность творчества, самовыражения; 11) лидерство, авторитет в молодежной среде; 12) общение с природным окружением.

Необходимо отметить, что авторский список содержит в себе неповторимое и оригинальное группирование жизненных ценностей (преимущественно терминальных). Большинство методик, направленных на изучение ценностно-смысловой сферы личности чело-

века, представлены большими списками ценностей и зачастую дают общее представление о структуре ценностных ориентаций личности. В авторский список в особой комбинации входят как базовые общечеловеческие ценности, так и ценности, представляющие для человека личную значимость, в которых отражается стремление человека к саморазвитию, коммуникации, здоровью и др. Такое сочетание жизненных ценностей, по нашему мнению, позволяет наиболее глубоко и полно изучить структуру ценностных ориентаций личности в этнопсихологическом аспекте. Так, ценность «общение с природным окружением» в такой формулировке в которой она представлена в списке способна выявить ее истинную прагматическую значимость в структуре ценностных ориентаций молодых людей. В классической методике Р. Рокича данная ценность обозначена как «красота природы и искусства» и отражает только эстетическую значимость для человека данной ценности. Жизненные ценности, такие как «хорошие взаимоотношения между людьми разных национальностей» и «лидерство, авторитет в молодежной среде», являются важными характеристиками личности, ориентация на которые наряду с другими ценностями из списка позволяет достичь цели исследования. Данные жизненные ценности также не отражены в методиках других авторов, направленных на изучение ценностей и смыслов.

Респондентам было предложено каждую ценность из списка оценить по десятибалльной шкале значимых для них жизненных ценностей. Далее студенческие анкеты разделили на четыре группы, в первую и вторую группу вошли анкеты студентов русской и бурятской национальностей, проживающих в России, вторую и третью группу составили студенты русской и бурятской национальностей, проживающие в бурятском округе. Такое деление обусловлено тем, что, по нашему мнению, у студентов разной национальности структура ценностных ориентаций и отношение к патриотизму будет иметь особенности в зависимости от региона, в котором они проживают. Достоверность результатов исследования обеспечивалась использованием статистических методов обработки данных, достоверность отличий по всему профилю считалась с использованием критерия Манна-Уитни. Обработка данных принесла следующие результаты (таблица).

Сравнительный анализ структур ценностных ориентаций студентов русской и бурятской национальностей, проживающих в Иркутской области и в Республике Бурятия, показал как общее, так и особенное. У студентов во всех группах такие ценности, как уважение к родным и близким, семья и брак, любовь и дружба, вне зависимости от национальной принадлежности и региона проживания занимают первые места в структуре ценностных ориентаций. Такое единство в выборе значимых жизненных ценностей свидетельствует о том, что базовые общечеловеческие жизненные ценности вне зависимости от национальной принадлежности и региона проживания являются устойчивыми и ведущими в структуре ценностных ориентаций молодых людей.

Отличия были выявлены в отношении ценностей учебы, самообразования и интересной работы. У студентов, проживающих в Республике Бурятия ценность работы, которая нравится и интересна, статистически

достоверно оценивается намного выше (8,51 и 8,39, $p \leq 0.05$), по сравнению со студентами, проживающими в Иркутской области. У бурят, проживающих в своей республике, в отличие от бурят, проживающих в Иркутской области, ценность учебы и ориентация на самообразование, саморазвитие достоверно выше (8,44, $p \leq 0.05$). Данный выбор можно объяснить тем, что из-

начально у бурят получение образования и отношение к будущей профессии было и остается особенной ценностью, обусловленной культурой народа. Молодые люди бурятской национальности, «оторванные» от своих корней, от своей земли постепенно утрачивают значимость данных ценностей.

Таблица

Оценка респондентами жизненных ценностей

№ n/n	Регион проживания			
	Иркутская область		Республика Бурятия	
	русские	буряты	русские	буряты
1	7,95	8,01	8,51*	8,39*
2	9,02	9,13	9,46	9,41
3	8,55	8,59	8,75	8,24
4	8,39	8,46	8,57	8,43
5	7,08	7,24	7,65	8,03*
6	7,86	7,89	8,12*	8,24*
7	7,12	7,05	7,50	7,65*
8	8,01	7,88	8,01	8,44*
9	8,23	7,59	8,20	8,54*
10	7,69	7,41	7,88	7,99
11	7,19	7,12	7,38	7,37
12	7,14*	6,96	6,99	6,96

Примечание: 1 – интересная работа, 2 – уважение к родителям, родным, близким, 3 – семья, брак, 4 – любовь и дружба, 5 – хорошие взаимоотношения между людьми разных национальностей, 6 – здоровье, спорт, 7 – возможность общения со сверстниками, интересными людьми, в том числе через интернет, 8 – учеба, самообразование, 9 – независимость мнений и поступков, личная свобода, 10 – возможность творчества, самовыражения, 11 – лидерство, авторитет в молодежной среде, 12 – общение с природным окружением; * статистически значимые отличия ($p \leq 0.05$).

Студентами бурятской национальности, проживающими в своем родном крае, по сравнению со всеми остальными группами студентов выше оценивается возможность общения со сверстниками, интересными людьми (7,65, $p \leq 0.05$), значительные отличия выявлены в отношении ценности независимости мнений, поступков и личной свободы (8,54, $p \leq 0.05$), а также выявлена ориентация на хорошие взаимоотношения между людьми разных национальностей (8,03, $p \leq 0.05$). Мы объясняем полученные результаты тем, что буряты, проживающие на своей территории, имея численное преимущество, ориентированы на личную свободу и стремятся к независимости в поступках и действиях. Вместе с тем они более открыты социуму, нацелены на общение не только со сверстниками, но и с другими интересными для них людьми, в том числе через интернет. Для данной группы студентов характерно сохранение хороших отношений между людьми разной национальной принадлежности, т. к. буряты бережно относятся и сохраняют свои традиции, они способны уважать обычаи других народов.

Для молодых людей русской и бурятской национальностей, проживающих в Республике Бурятия, значимую жизненную ценность представляет здоровье, спорт (8,12 и 8,24) в отличие от молодежи, проживающей в Иркутской области (7,86 и 7,89). Значимым является отличие, выявленное в отношении ценности общения с природным окружением. У русских студентов, проживающих в России, данная ценность оценивается значительно выше по сравнению со всеми остальными группами студентов (7,14, $p \leq 0.05$). Русские молодые люди, живущие на родной земле,

имеют возможность видеть и ценить природу родного края, они осознают ценность общения с родной природой, соприкосновения с ней. Молодежь с детства видит красоту Родины, которая воспитана многими русскими писателями и поэтами. Молодые русские люди, проживающие в Республике Бурятия, ценят общение с природным окружением намного ниже (6,99, $p \geq 0.05$).

Таким образом, результаты проведенного исследования наглядно показали, что в структуре ценностных ориентаций молодых людей имеются отличия, обусловленные национальными особенностями и регионом, в котором он живет, т. е. на развитие и формирование жизненных ценностей оказывает влияние фактор проживания человека на родной земле. Структура ценностных ориентаций молодых людей русской и бурятской национальностей, проживающих в Иркутской области, статистически достоверно отличается по ряду жизненных ценностей от структуры ценностных ориентаций русских и бурят, проживающих в республике Бурятия.

Общечеловеческие, базовые жизненные ценности, такие как уважение к родным и близким, семья и брак, любовь и дружба, вне зависимости от национальной принадлежности и региона проживания занимают значимые места в структуре ценностных ориентаций молодых людей.

Результаты нашего исследования будут применены в практике и внесут ценный вклад в актуальную на сегодня, значимую область исследований, направленных на изучение патриотизма и межнационального согласия.

Литература

1. Карнышев А. Д., Винокуров, М. А. Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. М.: Институт психологии РАН, 2010. 480 с.
2. Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия: монография / науч. ред. А. Д. Карнышев. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 319 с.
3. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика: монография. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004.
4. Яницкий М. С., Серый А. В. Развитие системы ценностно-смысловых ориентаций личности профессиональной деятельности специалистов деонтологического статуса // Личность и профессиональная деятельность / под ред. Л. Г. Дикой, Т. Х. Невструевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. Т. 1. С. 147 – 159.
5. Яницкий М. С. Ценностные ориентации как динамическая система. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. 214 с.

Информация об авторе:

Володина Елена Павловна – старший преподаватель кафедры психодиагностики и практической психологии педагогического института Иркутского государственного университета, volodina.1984@list.ru.

Elena P. Volodina – Senior Lecturer at the Department of Psychodiagnostics and Practical Psychology, Pedagogical Institute, Irkutsk State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 152.32

ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

С. Б. Дагбаева, С. З. Кимова

EXTRACURRICULAR ACTIVITIES IN ETHNIC SOCIALIZATION OF SCHOOLCHILDREN

S. B. Dagbaeva, S. Z. Kimova

В статье поставлена проблема организации внеурочной деятельности с целью этнической социализации школьников. Этническая социализация личности понимается как процесс становления этнической идентичности, ценностных ориентаций и толерантности. Авторы акцентируют внимание на том, что согласно новым ФГОС внеурочная деятельность призвана обеспечить духовно-нравственное развитие и социализацию учащихся посредством организации экскурсий, конференций, диспутов, круглых столов; создания кружков и факультативов, школьных научных обществ, научных исследований и др. При этом образовательное учреждение самостоятельно определяет формы организации внеурочной деятельности. В связи с этим педагогическое проектирование и организация внеурочной деятельности приобретает важное значение в контексте этнической социализации учащихся. В работе показано, что проектирование программ внеурочной деятельности в этнической социализации учащихся требует разработки конкретных целей; содержания изучаемого материала; применения инновационных методов и средств обучения и воспитания и т. д. Приводятся принципы реализации программ внеурочной деятельности, а также ее методические основы, апробированные в региональных моделях школы коммуникации.

The paper poses the problem of the organization of extracurricular activities for the purpose of ethnic socialization of schoolchildren. Ethnic socialization of the individual is understood as a process of formation of ethnic identity, values and tolerance. The authors emphasize that under the new GEF extracurricular activities are designed to provide spiritual and moral development and socialization of students through the organization of excursions, conferences, debates, round tables; creating clubs and elective classes, school scientific societies, research and others. The educational institution determines the forms of organization of extracurricular activities. Therefore, instructional design and organization of extracurricular activities is important in the context of ethnic socialization of students. It is shown that the design of extracurricular activities programs in the ethnic socialization of students requires the development of specific objectives, the content of the studied material; the application of innovative methods and means of training and education etc. The paper provides the guidelines for implementing the program of extracurricular activities, as well as its methodological foundations, approved in the regional model of School of communication.

Ключевые слова: этническая социализация, внеурочная деятельность.

Keywords: ethnic socialization, extracurricular activities.

Обеспечить благоприятный режим социализации новых поколений особенно важно в условиях значимых изменений современного общества. Одним из направлений национальной инициативы «Наша новая школа» в рамках модернизации российского образования является переход на новые образовательные

стандарты [2]. Отличительной особенностью нового ФГОС выступает включение в учебный план общеобразовательного учреждения раздела «Внеурочная деятельность». В соответствии с новым ФГОС внеурочная деятельность должна обеспечивать духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся,

становление их гражданской и этнической идентичности, приобретение навыков толерантного поведения [6]. Указанные в ФГОС личностные результаты, а именно этническая идентичность, ценностное отношение к этнокультурному разнообразию, толерантность к Другим, являются психологическими эффектами процесса этнической социализации школьников [1]. В настоящее время проблема обеспечения успешной этнической социализации учащихся средствами внеурочной деятельности нашла отражение в теории, но тем не менее она еще не получила необходимого решения в практике средних образовательных учреждений. В связи с этим организация внеурочной деятельности, обеспечивающей успешную этническую социализацию учащихся средних общеобразовательных школ на основе формирования гармоничной, толерантной личности с позитивной этнической и гражданской идентичностью выступает как настоятельное практическое требование.

Целью настоящей статьи является изложение теоретического обоснования и методических разработок организации внеурочной деятельности школы в контексте этнической социализации учащихся.

Вопросы определения теоретических основ проектирования программ внеурочной деятельности, определения содержания, форм и методов реализации занимают важное место в общем образовании [4]. Систематичность, ресурсоёмкость задач проектирования, современные тренды общего образования, их влияние на социальную стратификацию и самоидентичность человека свидетельствуют об актуальности новых образовательных практик социализации подрастающего человека.

ФГОС, являющийся отражением социального заказа, рассматривается как общественный договор, согласующий требования к образованию, предъявляемые семьей, обществом и государством, и представляет собой совокупность трех систем требований – к структуре основных образовательных программ, к результатам их освоения и условиям реализации, которые обеспечивают необходимое личностное и профессиональное развитие обучающихся.

В условиях реализации мероприятий ФЦПРО в 2011 – 2013 гг. по лоту № 2 «Распространение на всей территории Российской Федерации моделей образовательных систем, обеспечивающих современное качество общего образования» в Забайкальском крае разработана и осуществлена комплексная программа по реализации региональных моделей Школы коммуникации. Школа коммуникации представляет собой институциональный проект, определяющий стратегию развития современной школы в регионе. С учетом поликультурности и поликонфессиональности среды и исторически сложившейся ситуации трансграничья Забайкальского края с Китаем и Монголией образовательные учреждения реализуют модели межкультурной коммуникации, интеграции личности, способствующие социализации молодежи в современном мире. Методологическое обоснование региональной модели Школы Коммуникации разработано учеными Забайкальского государственного университета (С. З. Кимова и др.) [5].

Этническая социализация учащихся в экспериментальных школах достигалась через разработку

единой содержательной линии, интегрированной во все школьные предметы. Основным документом, направленным на повышение качества образования в школе и на этническую социализацию учащихся, являлась Программа развития школы. Она предусматривает разнообразные формы, методы и приемы деятельности членов педагогического коллектива, методических объединений, методического совета школы и администрации. Программа строится с учетом накопленного педагогическим коллективом опыта, имеющихся достижений и выявленных проблем в образовательной деятельности. На основании Программы развития школы составлялся Учебный план школы, его вариативная часть, в том числе направления дополнительного образования. При этом внеурочная деятельность обучающихся может осуществляться как в одновозрастных, так и разновозрастных объединениях по интересам (студия, клуб, группа, секция, ансамбль, секция, театр, творческое объединение и другие). Формы организации внеурочной деятельности определяет образовательное учреждение самостоятельно. В связи с этим рекомендуем для организации внеурочной деятельности в образовательном учреждении создать творческую группу. Следует выделить такие формы организации внеурочной деятельности, как экскурсии, олимпиады, поисковые и учебные исследования, круглые столы, конференции, соревнования, общественно полезные практики, конкурсы, выставки, деловые игры, экспедиции и другие.

Организационным механизмом реализации внеурочной деятельности является план внеурочной деятельности, который определяет состав и структуру направлений, формы организации, объем внеурочной деятельности для обучающихся на ступени основного общего образования с учетом интересов обучающихся и возможностей образовательного учреждения. Образовательное учреждение самостоятельно разрабатывает и утверждает план внеурочной деятельности. Программы внеурочной деятельности разрабатываются на 35 учебных недель. В программе количество часов теоретических занятий не должно превышать 50 % от общего количества часов.

Необходимо отметить, что вопросы педагогического проектирования внеурочной деятельности разрабатываются в психолого-педагогической литературе и представлены достаточно. Применительно к практике проектирования программ внеурочной деятельности актуально следующее понимание: педагогическое проектирование – это деятельность по совершенствованию образовательного процесса с целью создания оптимальных условий обучения и развития человека [3].

Быстро меняющиеся контексты современного мира, возрастающая конкурентоспособность, мобильность объективируют задачи определения теоретических конструкторов программ внеурочной деятельности. Определение теоретического конструкта программы внеурочной деятельности требует некоего базиса: требования, принципы, которые в свою очередь определяют структуру и алгоритм реализации.

Проектирование программ внеурочной деятельности в контексте этнической социализации строилось с учетом следующих требований: последовательная дидактическая разработка целей обучения, воспитания; распределение содержания учебного ма-

териала по модулям, соответственно целям обучения; комплексное применение дидактических, технических, в том числе и электронных средств обучения и воспитания; возможность обратной связи обучения и воспитания.

Реализация программ внеурочной деятельности осуществлялась с учётом нижеизложенных принципов:

1) *системность*, проектирование содержание материала как множества упорядоченных элементов: цели, содержания учебного материала и результатов обучения и воспитания.

2) *структурированность*, распределение содержания учебного материала как иерархия элементов системы целей, содержания, методов, средств, форм, условий обучения, направленное на реальное функционирование модели внеурочной деятельности;

3) *целостность*, представление учебного материала как взаимосвязанных компонентов обучения и воспитания, обеспечивающая в целом социализирующую роль обучения, ориентирующего обучающегося в окружающем мире;

4) *целенаправленность* как нацеленность всего процесса обучения на формирование универсальных учебных действий и приобретение личностного опыта в творческих видах деятельности;

5) *дидактическое обеспечение* учебного процесса (технологическая карта учебного процесса, карта знаний, карта интересов обучающегося и т. д.), предполагающее поэтапную фиксацию и коррекцию процесса социализации;

6) *интенсивность* обучения, включение в образовательный процесс разнообразных форм интерактивных занятий, предполагающий перевод обучающегося в субъектную позицию.

Выделенные требования и принципы позволили создать базовую схему внеурочной деятельности (рис.).

Рис. 1. Базовая схема внеурочной деятельности

На этапе *вызова* актуализируются знания и представления об изучаемом объекте. Сочетание индивидуальной и групповой формы работы позволяет обучающимся строить акты социального взаимодействия, формировать личный интерес, определять цели изучения темы.

На этапе *понимания* ученик вступает в контакт с новой информацией. Происходит ее систематизация. Он получает возможность задуматься о природе изучаемого объекта, учиться формулировать вопросы, соотносить знания с полученными прежде. Происходит выстраивание собственной позиции.

Этап *рефлексии* характеризуется тем, что обучающиеся закрепляют новые знания и активно перестраивают собственные первичные представления с

тем, чтобы включить в них новые понятия. У обучающегося формируется отношение к изучаемому материалу, что является одной из направляющей процесса социализации.

Этап *осмысления* связан с «присвоением» нового знания и формированием на его основе собственного аргументированного представления об изучаемом объекте.

Алгоритм реализации программы внеурочной деятельности предполагал следующие шаги.

Шаг первый. Диагностика. Проведение входного контроля, который позволяет выявить уровень сформированности интереса и мотивации, первоначальных знаний и умений. Это позволяет скорректировать содержание материала и формы деятельности учащихся.

Шаг второй связан с разработкой программы внеурочной деятельности. Проектирование содержания программ, дидактических материалов строится с учетом диагностики; по каждому модулю программы определяется комплекс дидактических и технических средств, указываются формы творческой самореализации ученика и формы организации самостоятельной работы.

Структура программы внеурочной деятельности может включать несколько разделов: организационно-методический; требования к результатам освоения; содержание дисциплины (тематические разделы, практические занятия, внеаудиторная работа, самостоятельная работа); учебно-методическое и информационное обеспечение.

В организационно-методическом разделе помимо традиционных рубрик (цели и задачи) указывается междисциплинарное поле знаний, ключевые понятия. Пункт «Междисциплинарное поле знаний» и ключевые понятия позволяют очертить проблемное поле собственно курса программы внеурочной деятельности и выявить поля взаимодействия с учебными предметами.

В разделе «Требования к результатам освоения дисциплины» помимо компетенций включена диагностическая карта дисциплины, в которой показаны ожидаемые результаты. Один из вариантов приведен в таблице 1. Уровень формирования универсальных учебных действий (далее УУД) раскрывается на трёх уровнях, а каждый уровень имеет три подуровня. Это позволяет учителю представить ожидаемые результаты как иерархию уровней сформированности УУД.

В пункте «Практические занятия» раздела «Содержание дисциплины» помимо тематики занятий желательно указать интерактивную форму деятельности ученика. В пункте «Самостоятельная работа» описать виды и формы самостоятельной работы и содержание материала, выносимого на самостоятельное рассмотрение (таблица 2).

Раздел «Учебно-методическое и информационное обеспечение» раскрывает возможности электронно-образовательных ресурсов (IRBIS, библиотека on-line и т. д.), базы данных, информационно-справочных и поисковых систем.

В разделе «Форма контроля» показывают систему оценки, образцы материалов текущего, модульного контроля, примерный перечень тем и видов творческих работ.

Таблица 1

**Ожидаемые результаты
(диагностическая карта дисциплины)**

№ п/п	Уровень освоения учебного материала	Уровень сформированности УУД
1	Знание и понимание	Пороговый Стандартный Эталонный
2	Применение и анализ	Пороговый Стандартный Эталонный
3	Синтез и оценка	Пороговый Стандартный Эталонный

Шаг третий. Содержание деятельности на данном этапе связан с уточнением и конкретизацией материала, выносимого на самостоятельное рассмотрение и формы его представления. Выбор формы представления определяется самим обучающимся. Таким образом, обеспечивается возможность развития творческой индивидуальности ученика. Определение внеаудиторных форм работы (экскурсия, практика, дискуссия, круглый стол и т. д.), содержание выносимого материала определяется интересами ученика. Внесение изменений в учебную программу обусловлены только новациями в системе образования. Внеурочная деятельность направлена на открытое, ответственное взаимодействие, на раскрытие творческого потенциала обучающегося.

Таблица 2

Организация самостоятельной работы

№ п/п	Наименование раздела	Содержание материала, выносимого на самостоятельное изучение	Форма самостоятельной работы
1	2	3	4

Шаг четвертый. Промежуточный контроль в виде дискуссии, круглого стола и т. д. (форма промежуточного контроля жестко не регламентируется, её выбор детерминируется как содержание материала программы, так и ведущей формой обучения) рекомендуется проводить после каждого модуля с целью выявления точек напряжения в усвоении учебного материала у учеников (проходит по цепочке – контроль, взаимоконтроль, самоконтроль); по итогам которого конкретизируется образовательная траектория ученика. Этот этап предполагает разнообразие дидактического материала, позволяющего оценить уровень усвоения материала.

тического материала, позволяющего оценить уровень усвоения материала.

Шаг пятый. Формы итогового/рубежного контроля разнообразны: наряду с традиционным опросом (устный или письменный) проводится защита творческих работ, презентация образовательных продуктов учащихся и т. д. Для этого учителю нужна достоверная информация, касающаяся различных сторон жизнедеятельности обучающихся, чтобы наиболее полно оценить работы учеников. Как правило, приходится пользоваться различными видами диагностики, приспособляя их к конкретным задачам программ внеурочной деятельности. Одной из форм оценивания могут быть регистрационные бланки, матрица знаний, карта знаний. Интересной является и методика ранжирования «ценности», где и определяется тесная взаимосвязь учебной и внеучебной деятельности.

Реализация задач воспитания предполагает работу по созданию ситуации успеха, обеспечивающего выявление потенциала обучающегося в различных видах деятельности (учебной, творческой, исследовательской, волонтерской, трудовой, спортивной и др.).

Таким образом, изложенное выше позволяет нам сформулировать следующие выводы.

1. Современная социокультурная ситуация требует психолого-педагогического обеспечения этнической социализации учащихся, которая понимается как процесс становления этнической идентичности, ценностных ориентаций и толерантности к другим.

2. Важное значение в этнической социализации школьников приобретает в свете модернизации образования внеурочная деятельность, которая согласно новым ФГОС призвана содействовать духовно-нравственному развитию и социализации учащихся, становлению их гражданской и этнической идентичности, приобретению навыков толерантного поведения.

3. Педагогическое проектирование внеурочной деятельности в средней школе предстает как деятельность по совершенствованию образовательного процесса с целью создания оптимальных условий обучения и развития человека. Проектирование программ внеурочной деятельности в этнической социализации учащихся требует разработки конкретных целей; распределения изучаемого материала по модулям; применения инновационных методов и средств обучения и воспитания; обратной связи.

4. Необходимыми принципами реализации программ внеурочной деятельности выступают системность, структурированность, целостность, целенаправленность, дидактическое обеспечение, интенсивность. Методические основы определяют конструкт программы внеурочной деятельности, её структуру и алгоритм реализации.

Литература

1. Дагбаева С. Б. Сущность, содержание, психологические механизмы и эффекты этнической социализации личности // Ученые записки Забайкальского государственного университета. (Серия: Педагогика и психология). 2014. № 5(58). С. 110 – 116.
2. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» от 4 февраля 2010 г. Режим доступа: http://минобрнауки.рф/документы/наша_новая_школа (дата обращения: 12.03.2015).
3. Кимова С. З. Педагогическое проектирование предметных образовательных программ в современной школе: дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2002. 199 с.

4. Об организации внеурочной деятельности при введении *федерального* государственного образовательного стандарта общего образования // Письмо Министерства образования и науки РФ от 12 мая 2011 г. № 03-296. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071318/#ixzz3YmG1co49> (дата обращения: 12.03.2015).

5. Реализация ФПРО в Забайкальском крае 2014 – 2015 гг. // Официальный сайт ФЦПРО на 2012 – 2015 гг. в Забайкалье. Режим доступа: <http://fcprozab.ru/?p=1> (дата обращения: 12.03.2015).

6. ФГОС основного общего образования от 17 декабря 2010 г. Режим доступа: http://минобрнауки.рф/документы/938/файл/749/10.12.17-Приказ_1897.pdf (дата обращения: 12.03.2015).

Информация об авторах:

Дагбаева Соелма Батомункуевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Забайкальского государственного университета (ЗабГУ), г. Чита, soela@bk.ru.

Soelma B. Dagbaeva – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Psychology of Education, Transbaikal State University, Chita.

Кимова Сэсэгма Зандараевна – кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора по научной и инновационной работе Института социальных наук, психологии и педагогики Забайкальского государственного университета (ЗабГУ), г. Чита, kimova@mail.ru.

Sesegma Z. Kimova – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Deputy Director for Scientific Innovations at the Institute of Social Sciences, Psychology and Pedagogy, Transbaikal State University, Chita.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.922.4

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПРОЦЕССА ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ

С. Б. Дагбаева, С. Д. Намсараев

PSYCHOLOGICAL AND EDUCATIONAL SUPPORT THE PROCESS OF ETHNIC SOCIALIZATION OF SCHOOLCHILDREN

S. B. Dagbaeva, S. D. Namsaraev

В статье представлен содержательный анализ организации психолого-педагогического сопровождения этнической социализации учащихся по основным направлениям деятельности практического психолога образования (диагностическое, профилактическое, просветительское, коррекционно-развивающее, консультационное). Психолого-педагогическое сопровождение этнической социализации понимается как деятельность психолога по обеспечению становления у учащихся позитивной этнической идентичности, толерантности и ценностного отношения к этнокультурному разнообразию. Просветительское направление предполагает стимулирование интереса к истории и культуре своей и других этносов, повышение осведомленности в области культуры мира и толерантности, помощь в осознании межкультурного взаимовлияния и взаимозависимости и др. Консультационное направление предполагает индивидуальные и групповые консультации учеников, родителей и педагогов по вопросам этнической социализации. Диагностика направлена на выявление актуального уровня показателей этнической социализации школьника. Профилактика включает предупреждение негативной идентичности, рассогласованности системы ценностных ориентаций, интолерантности, повышение уровня позитивной оценки себя и Другого, противодействие этническому атрибутированию и т. д. Коррекционно-развивающее направление подразумевает коррекцию негативной идентичности, интолерантности, развитие навыков сотрудничества и диалога, снижение уровня предубежденности по отношению к Другим и т. д.

The paper presents a content analysis of the organization of psycho-pedagogical support of ethnic socialization of schoolchildren in key areas of practical psychology of education (diagnostic, preventive, educational, corrective developing, consulting). Psychological and educational support of ethnic socialization is understood as the activity of the psychologist to ensure the formation of students' positive ethnic identity, tolerance and valuable attitude to ethno-cultural diversity. Educational direction involves stimulating interest in the history and culture of their own and other ethnic groups, raising awareness of a culture of peace and tolerance, intercultural awareness assistance and mutual interdependence and others. Consultation area involves individual and group counseling of students, parents and teachers on ethnic socialization. Diagnostics is designed to identify the students' current level of performance of ethnic socialization. Prevention includes preventing negative identity, mismatch in the system of values, intolerance, increased positive evaluation of self and others, countering ethnic attribution, etc. Corrective developing implies correction of negative identity, intolerance, developing the skills of cooperation and dialogue, reducing prejudice towards others, etc.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, этническая социализация.

Keywords: psychological and educational support, ethnic socialization.

Востребованность психологических услуг системой образования растет с каждым годом. В новых стандартах образования, как пишет И. В. Дубровина, большое внимание уделяется вопросам психического, личностного и социального развития ребенка, его возрастным и индивидуальным особенностям, сохранению и укреплению его психического и психологического здоровья. Эффективность решения этих сложных вопросов в значительной степени связана с дальнейшим развитием и укреплением психологической службы образования [6, с. 254].

Психологическая служба призвана создавать в любом учебном заведении особую культурную среду, стимулирующую личностное развитие субъектов образовательного процесса [6, с. 254]. При этом основными направлениями деятельности практического психолога образования выступают психопрофилактика, психодиагностика, развивающая и коррекционная работа, консультационная работа [9].

Сегодня в условиях нарастания полиэтничности общества к многочисленным функциям и задачам практического психолога образования добавилась еще одна – выступать посредником в ситуациях межкультурного взаимодействия [11, с. 58 – 67]. Для этого ему требуется, с одной стороны, высокий уровень этнопсихологической грамотности, а с другой – сензитивность и внимательность, чтобы корректно дифференцировать культурные и индивидуальные проявления [14]. К тому же психолог должен выступать как носитель культуры толерантности, создающей основу для конструктивного диалога между представителями различных культур и позволяющей участникам взаимодействия понять и принять друг друга [1]. Сказанное подводит нас к убеждению о том, что психологу сегодня необходимо сопровождать процесс этнической социализации школьников.

В толковом словаре В. И. Даля термин «сопровождение» определяется как «сопутствовать, идти вместе, следовать» [5]. Под психологическим сопровождением понимается «система профессиональной деятельности психолога, направленная на создание социально-психологических условий для успешного обучения и психологического развития ребенка в ситуациях школьного взаимодействия» [3, с. 20]. Педагогическое сопровождение процесса включения школьников в социальные отношения, по М. И. Губановой, должно быть направлено на выработку у них готовности и способности решать свои проблемы, делать жизненный выбор, опираясь на подлинные ценности [4, с. 33]. Нам близка позиция И. С. Морозовой [7, с. 18 – 31; 8, с. 270 – 283; 10], согласно которой сопровождение должно быть направлено не только на удовлетворение психологических потребностей развития личности на разных этапах онтогенеза, но и также учитывать социальные потребности той группы населения, к которой принадлежит индивид. В связи с этим И. С. Морозова настаивает на использовании термина «психолого-педагогическое сопровождение», поскольку термин «психологическое» выражает связь сопровождения с развитием личности, а термин «педагогическое» выражает связь сопровождения с социальной адаптацией и социализацией индивидуума. В основе такого сопровождения – комплексный подход к решению проблем ребенка, который осуществим только при условии тесного взаимодействия родителей, учителей и психологов. Для

обеспечения позитивных изменений в развитии ребенка психологу необходимо подготовить учителя к грамотному взаимодействию с ребенком, к его поддержке. Кроме этого, психологу нужно привлечь семью к сотрудничеству в решении как учебных, так и личностных проблем ребенка [10, с. 310].

Психолого-педагогическое сопровождение процесса этнической социализации школьников понимается нами как деятельность психолога по обеспечению становления у учащихся позитивной этнической идентичности, толерантности к Другим и ценностного отношения к этнокультурному разнообразию. Сопровождение этнической социализации в условиях общеобразовательной школы обязательно должно строиться на комплексной основе, затрагивая всех субъектов образовательного процесса и все компоненты образовательной среды.

Основные стратегии работы школьного психолога в поликультурном образовательном пространстве выделены О. В. Хухлаевой и М. Ю. Чибисовой [14] и включают: использование поликультурного материала в содержании работы; содействие формированию культуры мира, признания норм толерантного поведения, стремления к конструктивному решению конфликтов, с использованием диалога, сотрудничества, при уважении противоположной стороны; поддержка самораскрытия и положительного самоотношения у учащихся, которое является основой толерантности к другим; возможность обсуждать и осмысливать межкультурное взаимодействие. Как подчеркивают исследователи, данная работа должна быть направлена на практическое воплощение и не носить декларативный характер. Если дети знают, что такое толерантность, но это не находит никакого отражения в их реальной жизни, проведенная работа не эффективна.

Предупреждение ксенофобии и агрессивного национализма, по мнению О. Е. Хухлаева [12, с. 86 – 95], включает следующие аспекты:

1. Борьба с «этническим атрибутированием», т. е. с объяснением поведения инокультурного ученика или родителя его национальной принадлежностью. Мероприятия проводятся за счет расширения возможностей для объяснения реальности, снятия однозначности оценки происходящего. Вопросы «Как ты думаешь, почему еще он это сделал?», «Что он этим хотел сказать?», «Какие еще возможны причины случившегося?» и т. д. нацелены на объяснение того, что национальный фактор – это одна из возможных, но отнюдь не обязательных причин. Большое значение имеют способности психолога показать пример перехода от этнического атрибутирования к всестороннему анализу причин поведения человека.

2. Создание в классе системы взаимозависимых социальных связей и включение в нее всех учеников. Данная система нацелена на удовлетворение потребности молодого человека в социальном признании, который стремится определить свое место в социуме. Как пишет О. Е. Хухлаев, превратив класс из группы детей, собирающихся ради учебы, в систему реальной взаимопомощи, мы лишим националистические группировки важного козыря. Ведь чтобы войти в националистические группы, подростку нужно будет лишиться уже имеющихся у него социальных связей, а на это пойдет не каждый. Именно психолог, способный установить личностный контакт с подростком,

может сыграть ключевую роль в предотвращении его вступления в националистическую группировку.

3. Активная работа с ценностями и смыслами школьников. Существующие в современной молодежной среде ценности очень слабо связаны с глобальными жизненными смыслами. При этом в случаях, когда подросток попадает в националистические группировки, у него возникает ощущение осмысленности происходящего, которое наполняет его энергией и дает ресурс, от которого трудно отказаться. Из этого следует очень важный вывод: психологу стоит разговаривать со своими учениками о ценностях и смысле. Как пишет О. Е. Хухлаев, главное – это не конкретные ответы, самое важное заключается в том, что психолог сам должен в это верить, чувствовать это и не бояться разговоров об этом.

4. Формирование позитивного ощущения своей этничности. Содействие формированию позитивного образа своей этнической группы – важная задача для психолога и педагога. При этом, как пишет О. Е. Хухлаев, школьнику необходимо понимать, что он имеет непосредственное отношение к историческому и культурному наследию своего народа, и это накладывает определенную ответственность на него. Также важно дать понять, что это наследие не исчезло, а существует и развивается сейчас, и от самого ученика во многом зависит, что станет с этим наследием в будущем.

5. Осознание межкультурного взаимовлияния и взаимозависимости. Как пишет О. Е. Хухлаев, важно делать экскурсии в сторону взаимовлияния и взаимозависимости культур таким образом, чтобы и мы, и наши ученики могли видеть как различия, так и систему бесчисленных взаимосвязей, объединяющих весь мир, что, безусловно, является хорошей профилактикой национализма.

В целом в образовательном учреждении должна создаваться атмосфера толерантности и ценностного отношения к этнокультурному многообразию. Если нормой образовательного учреждения будет толерантность, то и ученик скорее всего будет ориентироваться на толерантное поведение. Безусловно, данная задача может решаться только совместными усилиями всех специалистов образовательного учреждения, причем особая роль в этом процессе принадлежит педагогам, занимающимся воспитательной работой (классным руководителям и др.).

Опираясь на выше изложенные положения, мы предположили, что этническая социализация школьников будет успешной, если в образовательной среде школы реализуется программа психолого-педагогического сопровождения этнической социализации учащихся по основным направлениям деятельности практического психолога образования (диагностическое, профилактическое, просветительское, коррекционно-развивающее, консультационное).

Просветительское направление предполагает: ознакомление с этнокультурным многообразием; стимулирование интереса к истории и культуре своей и других этносов; формирование представлений о своей этнической и гражданской принадлежности; повышение осведомленности учащихся в области культуры мира и толерантности; повышение этнопсихологической грамотности, помощь в осознании межкультурного взаимовлияния и взаимозависимости, осознании себя в качестве субъекта межкультурного взаимодействия; по-

вышение ценностного отношения к этнокультурному многообразию; уважение традиций, правил поведения, образа жизни представителей разных культур.

Консультационное направление предполагает индивидуальные беседы с учениками по запросу, консультации родителей и педагогов по вопросам этнической социализации школьников, групповые консультации с целью установления эмоционально значимых связей между школьниками и взрослыми, содействие формированию культуры мира, признанию норм толерантного поведения.

Диагностика показателей этнической социализации предполагает: выявление актуального уровня показателей этнической социализации школьника – определение типа этнической идентичности, структуры ценностных ориентаций, уровня толерантности и гражданской идентичности школьников и отдельных участников образовательного процесса и т. д. Данное направление подразумевает исследовательскую деятельность по выявлению условий и способов повышения эффективности этнической социализации школьников, проектирование идеального уровня этнической социализации школьника.

Профилактика включает: предупреждение негативной идентичности, рассогласованности системы ценностных ориентаций, интолерантного поведения по отношению к представителям других этносов; повышение уровня позитивной оценки себя и «другого», развитие навыков сотрудничества и диалога, противодействие этнонациональному атрибутированию (объяснения поведения человека только его национальной принадлежностью) и упрощенному пониманию чужой культуры.

Коррекционно-развивающее направление реализуется посредством разработки программ, направленных на создание условий, способствующих принятию ценностей этнокультурного многообразия, становлению позитивной этнической и гражданской идентичности, толерантности личности учащихся. Данное направление подразумевает коррекцию негативной идентичности, интолерантности; формирование позитивного отношения к своему и другим народам, готовности к сотрудничеству с людьми разных национальных культур; развитие навыков общения со сверстниками, развитие толерантного поведения; поддержку самораскрытия; развитие навыков сотрудничества и диалога; снижение уровня предубежденности по отношению к представителям иных этнических групп.

При этом необходимо учитывать возрастно-психологические особенности учащихся. В младшем школьном возрасте, когда идет процесс этнической самоидентификации и расширения этнокультурной осведомленности, этническая социализация будет максимально эффективной только при условии присутствия в образовательном процессе элементов игры. Поэтому в работе с младшими школьниками наиболее продуктивны игровые методы. Для подростков интерес представляют групповые методы работы (групповое обсуждение, ролевые и деловые игры, моделирование конструктивного межкультурного взаимодействия, толерантного поведения и др.). Характеристикой данного возраста является стремление «быть модным», что позволяет успешно применять призывы к этому. В связи с этим следует до них довести, что к 2020 – 2030 гг. одной из самых востребованных ком-

петенций работника будущего будет мультикультурность и мультиязычность как необходимое качество в наиболее перспективных, высокотехнологичных и быстрорастущих отраслях российской экономики. Так, данная компетенция указана как важный над-профессиональный навык в 76 профессиях из 162 возможных профессий, указанных в Атласе новых профессий [2]. Работа со старшеклассниками, этническая социализация которых направлена на закрепление достигнутых позитивных результатов, предполагает использование широкого спектра различных методов с опорой на рефлексивные: групповая и межгрупповая дискуссия, обсуждение и т. д.

Важным условием этнической социализации школьников является единство целей образовательного учреждения и семьи. В связи с этим одним из направлений деятельности психолога в рамках этнической социализации школьников является работа с родителями. Целью работы с родителями должно стать повышение их этнокультурной грамотности и привлечение к процессу этнической социализации учащихся. Достижение данной цели решается через постановку задач: просвещения родителей в области проблем этнической социализации, снабжения этнопсихологическими знаниями; помощь в осознании собственных этностереотипов, активизации роли родителей в социализации их ребенка. Взаимодействие с семьей осуществляется через родительские собрания и лектории; психолого-педагогическое просвещение родителей через индивидуальные и групповые консультации; вовлечение родителей в совместную с детьми деятельность через участие в работе совета школы и попечительского совета, организацию совместных школьных праздников, образовательных событий, состязаний; взаимодействие с общественными организациями родителей: родительским комитетом школы, советом школы и т. д. для организации целенаправленного процесса этнической социализации учащихся.

Другим важным направлением деятельности в рамках этнической социализации школьников является работа с педагогами. Цель работы: помощь в осознании трудностей, связанных с поликультурной средой, помощь в дифференцировании их от типичных педагогических задач. Основными трудностями педагогов при этнической социализации школьников являются: неосознавание собственных стереотипов в отношении тех или иных этнических групп; недостаток знаний о конкретных культурах (обычаях, традициях, национальных праздниках); недостаточное владение технологиями работы [13, с. 51 – 52]. По словам О. В. Хухлаевой и М. Ю. Чибисовой преодоление данных трудностей возможно посредством повышения межкультурной компетентности педагогов, которая включает четыре измерения.

1. «Преуменшение» – это ситуация, когда педагог игнорирует влияние этнокультурных факторов на образовательный процесс, испытывает неловкость при обсуждении национального вопроса, считая открытое обсуждение этого вопроса некорректным. В данном случае перед психологом стоит задача повышения степени осознания педагогом влияния культуры на развитие и обучение ребенка, признания самого факта влияния этнокультурных различий на образовательный процесс, что позволит педагогу более гибко

реагировать на поведение ребенка и полнее удовлетворять его образовательные потребности.

2. «Абсолютизация». В этом случае национальная принадлежность ребенка рассматривается педагогом как причина практически всех сложностей, возникающих с учеником. Одной из причин выбора педагогами именно этой модели работы может являться недостаточное владение знаниями об особенностях других культур. В данном случае работа психолога может быть направлена преимущественно на формирование у учителя представления о том, что, хотя этнокультурную принадлежность ребенка изменить невозможно, вполне реально найти такие способы практического взаимодействия с ним, которые позволят преодолеть имеющиеся у ребенка трудности и оптимизировать учебный процесс.

3. «Адаптация». В этом случае педагоги, признавая наличие культурных различий, придерживаются мнения о том, что школа не является тем местом, где эти культурные различия могут предьявляться в своей полноте. Психологу важно объяснить педагогу, почему инокультурному ребенку трудно осваивать чужие правила и нормы, и ненавязчиво подвести учителя к необходимости реализовывать более гибкие, культуросообразные педагогические стратегии, сделать свое поведение более понятным для ребенка или родителя из другой культуры.

4. «Принятие». Является оптимальной стратегией работы психолога в поликультурном образовательном пространстве, необходимо рассматривать ее как ориентир при повышении педагогической компетентности. В этом случае учитель способен гибко выбирать модель собственного поведения с учетом того, насколько оно понятно и адекватно культурным особенностям ученика. Специалисты, выбирающие данный стиль работы, не только рассматривают свою педагогическую деятельность в контексте той поликультурной среды, в которой они взаимодействуют с учащимися как представителями тех или иных этнических групп, но и признают относительность своей культурной позиции. В этом случае учителю практически не требуется помощь психолога, важно создать условия для трансляции его опыта [13, с. 51 – 52].

В целом, подводя итог сказанному, необходимо сформулировать следующие выводы.

1. Психолого-педагогическое сопровождение этнической социализации школьников определяется как система просветительских, профилактических, консультационных, диагностических, корректирующих и развивающих направлений деятельности практического психолога образования, ориентированных на создание оптимальных условий для формирования ценностного отношения к этнокультурному многообразию, позитивной этнической идентичности и толерантности школьников.

2. Основными направлениями психолого-педагогического сопровождения этнической социализации являются: диагностическое, просветительское (проведение лекций, дискуссий, ознакомительных экскурсий); профилактическое (профилактика этнической интолерантности, негативной идентичности, расхолаженности системы ценностных ориентаций); коррекционно-развивающее (этнокультурный тренинг и техника повышения межкультурной сензитивности) и консультационное.

3. Психолого-педагогическое сопровождение процесса этнической социализации учащихся средней школы необходимо включает работу с родителями (просвещение в области проблем этнической социализации их детей, активизация их участия в данном

процессе, снабжение этнопсихологическими знаниями, осознание этностереотипов и др.) и педагогами (расширение этнопсихологических знаний, помощь в овладении культуросообразных педагогических стратегий и др.).

Литература

1. Асмолов А. Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта – к парадигме толерантности // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 3 – 15.
2. Атлас новых профессий / П. Лукша, К. Лукша, Д. Песков, Д. Коричин. М.: Агентство стратегических инициатив при Президенте РФ; Московская школа управления СКОЛКОВО, 2014. 168 с.
3. Битянова М. Р. Организация психологической работы в школе. М.: Совершенство, 1997. 298 с.
4. Губанова М. И. Педагогическое сопровождение социального самоопределения старшеклассников // Педагогика. 2007. № 9. С. 33 – 38
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Рус. яз. Медиа, 2003. Т. 4. 688 с.
6. Дубровина И. В. Идеи Л. С. Выготского о содержании детской практической психологии // Психологическая наука и образование. 2013. № 3. Режим доступа: <http://psyedu.ru/journal/2013/3/3432.phtml> (дата обращения: 29.11.2014).
7. Морозова И. С. Модель функционирования психологической службы // Педагогический вестник. Вып. 44. Кемерово: Научно-методический центр, 2008. 98 с.
8. Морозова И. С. Моделирование организации психологической службы в дошкольном образовательном учреждении // Постнеклассическая практическая психология: региональный опыт: коллективная монография / под ред. М. С. Яницкого, Ю. В. Пелеха. Тернополь: Навчальна книга – Богдан, 2011. 364 с.
9. Овчарова Р. В. Практическая психология образования: учеб. пособие (мультимедийное сопровождение курса в схемах и комментариях). Курган: Курганский гос. ун-т, 2001. 210 с.
10. Педагогическая психология: учебник / под ред. Н. Б. Евтуха, Ю. В. Пелеха, М. С. Яницкого. Ровно: Асоль, 2014. 287 с.
11. Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А., Макачук А. В. Ключевые компетенции ведущего межкультурных тренингов // Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития: сборник материалов Второй Всероссийской научно-практической конференции (21 – 22 ноября 2008 г., г. Москва) / ред. О. Е. Хухлаев. М.: МГППУ, 2008. 217 с.
12. Хухлаев О. Е., Хухлаева О. В. Национализм как социально-психологический феномен в молодежной среде // Этнопсихология: вопросы теории и практики: сборник научных трудов. Вып. 2 / под ред. О. Е. Хухлаева. М.: МГППУ, 2009. 96 с.
13. Хухлаева О. В. Психологические «барьеры» взаимодействия педагогов с учащимися в поликультурном классе // Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития: сборник материалов Второй Всероссийской научно-практической конференции (21 – 22 ноября 2008 г., г. Москва) / ред. О. Е. Хухлаев. М.: МГППУ, 2008. 217 с.
14. Хухлаева О. В., Чибисова М. Ю. Работа психолога в многонациональной школе: учебное пособие. М.: Форум, 2011. 176 с.
15. Чурекова Т. М. Непрерывное образование и развитие личности в системе инновационных учебных заведений. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 262 с.

Информация об авторах:

Дагбаева Соелма Батомункуевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования Забайкальского государственного университета (ЗабГУ), г. Чита, soela@bk.ru.

Soelma B. Dagbaeva – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Psychology of Education, Transbaikalian State University, Chita.

Намсараев Сергей Дашиинимаевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, vestnik_method@bsu.ru.

Sergey D. Namsaraev – Doctor of Pedagogics, Professor at the Department of Pedagogy, Buryat State University, Ulan-Ude.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ВЫБОР СПОСОБА РАЗРЕШЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО КОНФЛИКТА С ПОМОЩЬЮ АССОЦИАТИВНЫХ КАРТ

Н. В. Дмитриева, Н. В. Буравцова, Л. В. Левина

THE CHOICE OF THE WAY TO RESOLVE A CONFLICT OF VALUES USING ASSOCIATIVE CARDS

N. V. Dmitrieva, N. V. Buravtsova, L. V. Levina

В статье анализируются понятия «ценности» и «ценностный конфликт». Показаны возможности применения ассоциативных карт для разрешения данного конфликта. Представлена схема разрешения конфликта с помощью ассоциативных карт. Описан алгоритм анализа этической дилеммы с использованием методов арт-терапии (сказкотерапии). Материалы работы будут полезны специалистам, работающим в практике консультирования с использованием метафорических карт при разрешении широкого спектра межличностных проблем, в том числе конфликтов различного характера. Метафорические карты являются ценным инструментом психологической работы, что наглядно показано в статье.

The paper examines the concepts of “value” and “conflict of values”. The possibilities of using metaphorical association cards to resolve the conflict are revealed. A scheme of conflict resolution with the help of metaphorical cards is presented. The authors provide an algorithm for analysis of ethical dilemmas using the methods of art therapy. The proceedings will be useful to specialists working in the counseling practice using metaphorical cards for resolution of a wide range of interpersonal problems including conflicts of different nature. Metaphorical cards are a valuable tool of psychological work, which is clearly shown in the paper.

Ключевые слова: личностные ценности, конфликт, поведение в конфликте, проективные методы, арт-терапия, сказкотерапия, метафорические ассоциативные карты.

Keywords: personal values, conflict, conflict behaviour, projective methods, art therapy, metaphorical association cards.

Происходящие в современной России глобальные изменения во всех сферах жизнедеятельности человека порождают сложные и многогранные проблемы, требующие решения. Интенсивное развитие телекоммуникационных технологий, изменение процесса получения информации глобальным образом влияет на мировосприятие человека, формирование его ценностей и картины мира. Этот факт оказывает существенное влияние на социальную дифференциацию общества, в структуре которой ряд важных «вчерашних» ценностей утрачивают былые смыслы и значения. В эпоху постмодернизма коренным образом меняется соотношение производства и потребления: общество из производительного опять возвращается в состояние потребительного. Вышеперечисленные характеристики превращают постмодернизм в сложную среду обитания для личности [5].

Второе главное изменение, фиксируемое постмодернистским дискурсом, — это индивидуализм членов нового общества, его фрагментарность и плюралистичность. Психологические и социологические теории, описывающие постмодернизм, отмечают не только утрату экономикой былой роли доминирующей и системообразующей структуры, но и растущий разрыв и взаимную независимость экономической и политической жизни, религиозной сферы и сферы приватной жизни и т. д. [5].

Постмодернизм по своей сути, являясь полным антагонистом порядка, целостности и покоя, приветствует и опирается на такие понятия, как множественность, нестабильность, разрозненность и пр. Рассматривая с позиции постмодерна любые социально-экономические системы как коллапсирующие и «взрывающиеся вовнутрь», Бодрийяр, Гидденс, Тоф-

флер, Кастельс и другие современные философы полагают, что главным открытием XX в. следует считать концепцию невозможности «подчинения сложных систем, подобных современным экономикам, кибернетическому контролю» из-за отсутствия сигнализации «снизу вверх» (bottom up). Взрывной характер отношений превращает конкретную предметную область в свободную «черную дыру», а в условиях симулякров — в виртуальную ловушку [15].

Соглашаясь с мнением М. Н. Эпштейна, мы считаем, что современный постмодернизм представляет собой специфическое мировоззрение информационного общества, отличительной чертой которого является плюрализм [16]. Именно плюрализм в своем широком многообразии дает толчок к размыванию базовой системы ценностей, которая воспитывается от поколения к поколению, являясь крепким фундаментом развития психологически устойчивой и адаптивной личности.

Размывание системы ценностей в таких сферах, как семья, честь и порядочность, духовность и пр., — типичное для XXI в. явление. Этот факт подтверждается ростом агрессии и насилия, терроризмом, активностью деструктивных религиозных культов, доминированием в сознании и поведении многих членов общества материальных ценностей, финансовых составляющих и пр. Постмодернизм, превратившись в «питательную» среду для деформации ценностей и возникновения конфликтов, приводит к негативным последствиям как для человека, так и для общества в целом. Мы считаем, что нерешенный ценностный конфликт является серьезным триггером возникновения широкого спектра психологических и патопсихологических нарушений и в том числе аддикций.

Проблема анализа и разрешения ценностного конфликта на протяжении долгого времени остается в поле внимания теоретических исследований. Несмотря на то, что «личностные ценности» являются одним из наиболее часто исследуемых понятий в психологии, в научной литературе до сих пор существует более четырехсот разных определений этого феномена, зависящих от предпочитаемых авторами парадигм, теорий и способов исследования [3; 6 – 7; 12 – 14; 17].

Пути и возможности разрешения ценностного конфликта представляют значительный интерес и для практиков – психологов-консультантов и психотерапевтов. Практика показала, что наиболее эффективным в работе по выбору способа разрешения внутреннего психологического ценностного конфликта является определение, предложенное М. С. Яницким, рассматривающим ценности как двойственный феномен, основанный одновременно на индивидуальном и социальном опыте и связывающий внутренний мир отдельного человека с массовым сознанием [18].

Цель данной статьи – описать опыт применения приемов и техник, основанных на использовании проективных методов. В основе проективного подхода заложено стремление интерпретировать явления и предметы окружающей действительности во взаимосвязи с желаниями, потребностями, чувствами, – всем тем, что составляет внутренний, психологический мир личности. Обоснование проективного подхода, опирающееся на понятие «личностного смысла», создающего «пристрастность человеческого сознания» базируется на теории деятельности А. Н. Леонтьева [8].

По мнению Л. Ф. Бурлачука, базовым принципом для объяснения и анализа феномена проецирования является представление об активности процесса восприятия, его личностном характере. Из разработанного в психологии понимания процесса восприятия как одной из форм активности личности, включенной в контекст общей психической и практической активности, вытекает и понимание данного процесса как сложноструктурного, включающего изменение установок, тенденций, мотиваций. В любом перцептивном действии выступает личностное отношение человека, отражается вся многообразная жизнь личности [2].

Это дает основания полагать, что использование проективных методов позволяет более «тонко» проанализировать ценностные ориентации личности, более бережно воздействовать на данные конструкты в случае необходимости их психологической коррекции. Используя в своей работе метафорические ассоциативные (проективные) карты, мы выявили, что с их помощью можно не только работать с различными деструктивными личностными проявлениями [4], но и успешно развивать определенные личностные качества. Работа с проективными картами позволяет моделировать и исследовать любые процессы в прошлом и будущем, находя с их помощью метафорические образы решений, создающих для человека особую, в последующем воплощающуюся в его жизни реальность; способствует запуску внутренних восстановительных процессов, помогает поиску уникальных путей выхода из кризисных ситуаций [1].

Практика показывает, что использование проективных методов, нашедших свое применение в психотерапевтических арт-техниках (в частности – в использовании ассоциативных карт) является действенным приемом и при разрешении (нейтрализации) ценностного конфликта. Выбор адекватного способа нейтрализации ценностного конфликта представлен на разработанной нами схеме (рис. 1).

Если для принятия решения работы со схемой оказывается недостаточно, используется дополнительный вариант психологической помощи (анализ этической дилеммы), направленной на разрешение ценностного конфликта. Как указывается в Толковом словаре русского языка, дилемма – это положение, при котором выбор одного из двух противоположных решений одинаково затруднителен [9]. Этическая дилемма представляет собой ситуацию морального выбора, когда при реализации одной ценности разрушается другая, не менее важная.

К. Пол выделил следующие характеристики этической дилеммы [11]:

- конфликт между ценностями, нормами, правилами или принципами;
- наличие возможности выбора;
- возможность решения проблемы через рефлексию;
- выбор воздействует на действительность и имеет определенные последствия;
- ответственность личности за выбор;
- привычный способ действий не позволяет решить конфликт;
- существуют альтернативные способы действий.

Схематически данные характеристики представлены на рис. 2.

Оказание психологической помощи клиенту, перед которым стоит этическая дилемма, осуществляется в контексте сказкотерапии с учетом характеристик, выделенных К. Поллом [11]. В качестве психологического инструментария при работе с клиентом используются ассоциативные карты из набора «Сказочные персонажи» [10].

После обсуждения проблемы, заявленной клиентом, и получения клиентского запроса обсуждаются нюансы его этической дилеммы с анализом возможных альтернатив. С этой целью используется сказочная метафора встречи с камнем на перепутье дорог: «Направо пойдешь – коня потеряешь, себя спасешь; налево пойдешь – себя потеряешь, коня спасешь; прямо пойдешь – и себя и коня потеряешь».

Для того чтобы сделать выбор, анализируются все варианты существующих альтернатив с поиском ответа на вопрос, сколько же сказочных дорог открывается перед клиентом? Для ответа на этот вопрос клиенту предлагается случайным образом выбрать пять карт с изображениями сказочных героев из набора «Сказочные персонажи», представить в воображении и рассказать, каким образом каждый из них предпочел бы решить заявленную проблему. Далее клиент сообщает о выбранном им способе решения проблемы, открытым способом выбирает сказочных героев, которые могли бы, по его мнению, решить обсуждаемую дилемму аналогичным образом.

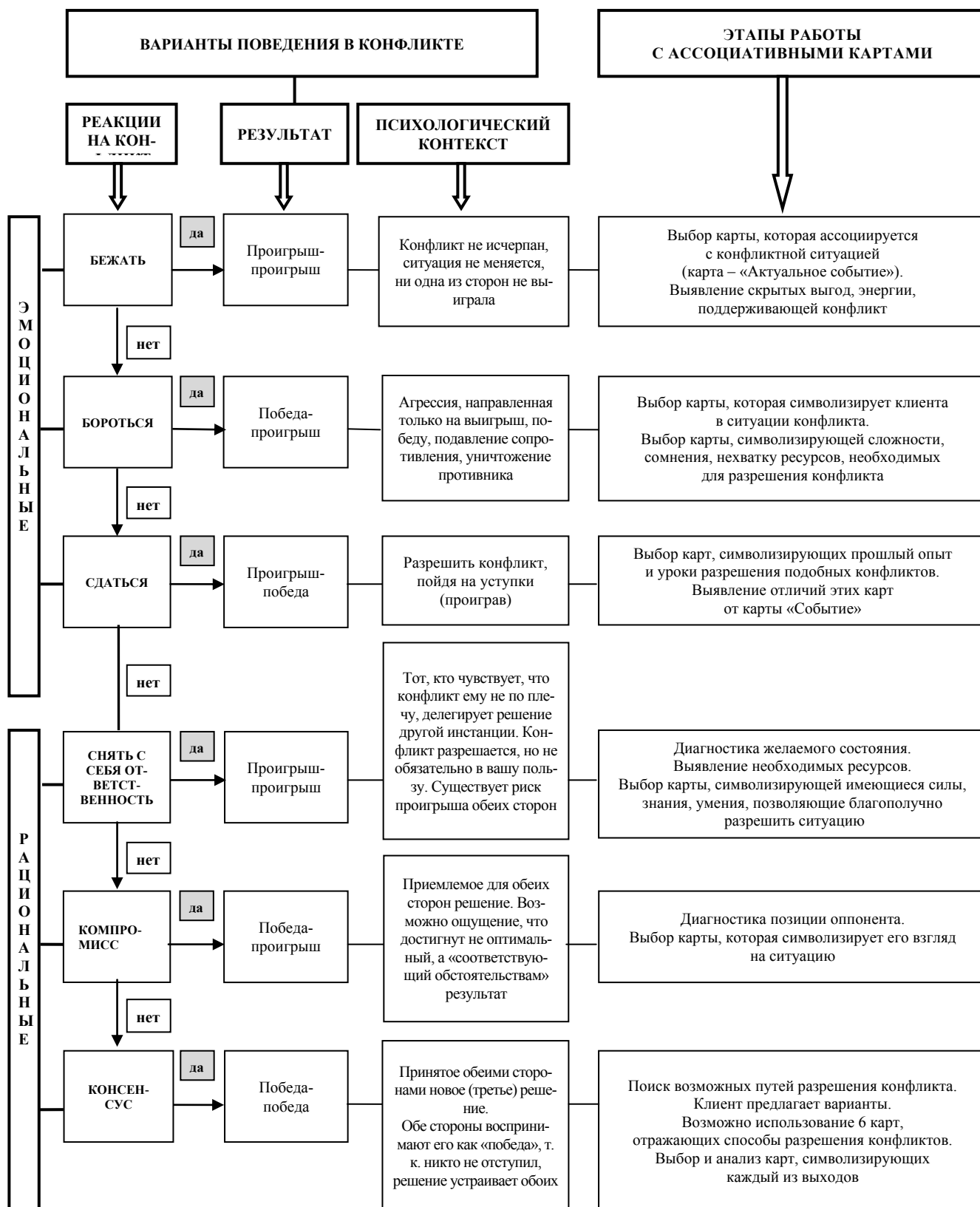

Рис. 1. Выбор способа разрешения конфликта с помощью ассоциативных карт

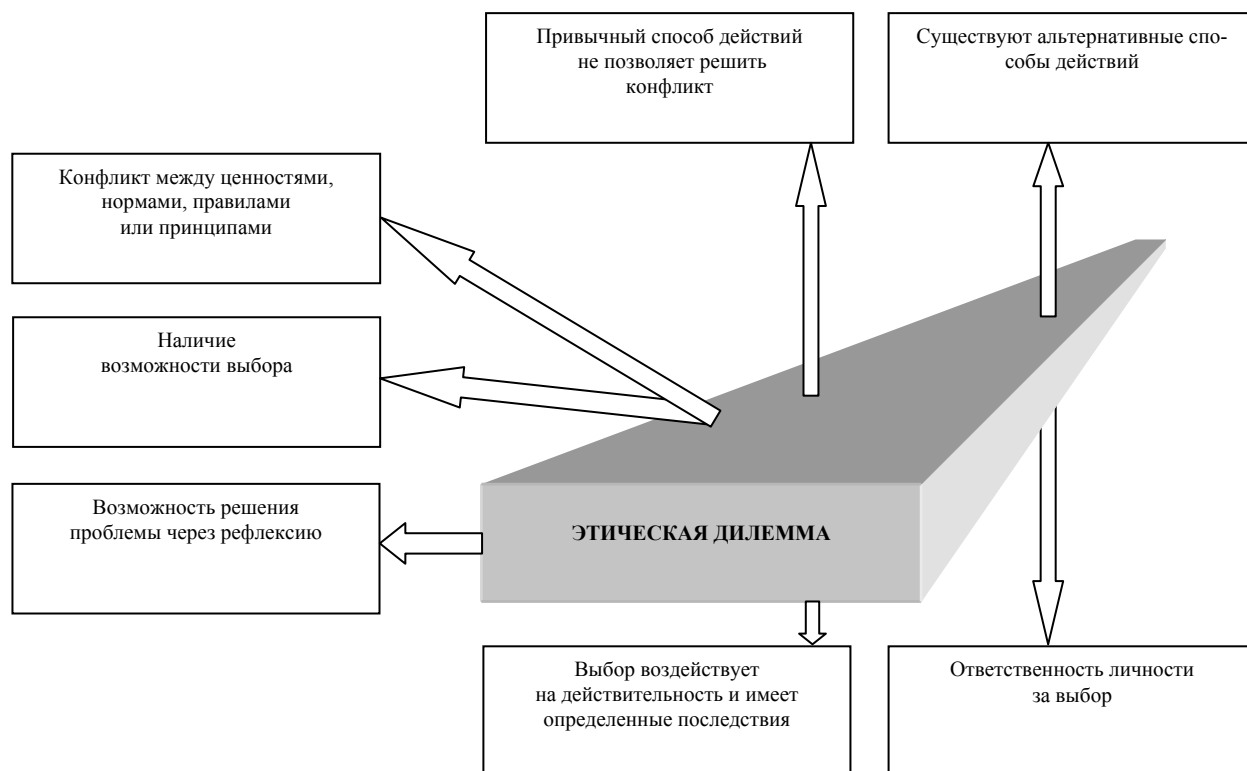

Рис. 2. Характеристики этической дилеммы (в концепции К. Пола)

Возвращаясь к аналогии со сказочным камнем на перепутье дорог, психолог отмечает, что ни один из способов не является идеальным. Любой выбор, как известно, имеет как плюсы, так и минусы, которые обсуждаются вместе с клиентом. Следуя принципу, что за все надо платить, обсуждается «цена» сделанного выбора в виде преодоления возможных опасностей, невзгод, неприятностей и «груза» ответственности, который предстоит нести.

Клиент от имени каждого сказочного героя рассказывает о выбранной дороге с акцентом на том, что в ней хорошего (плохого), какие возможности она предлагает и какие опасности в себе таит. Каждый из сказочных героев должен доказать, что именно эта дорога является наилучшим способом решения проблемы.

После того как все монологи произнесены, клиент ранжирует выборы героев по степени приемлемости возможных способов решения проблемы, выбирает сказочного героя, который получил, с его точки зрения, наивысший балл и проводит анализ собственной готовности выбрать именно этот путь. Клиенту предлагается проанализировать ресурсы и качества героя,

которые позволят ему осуществить намеченные цели, перенести предстоящие трудности, осознать, какие качества героя есть у клиента, какими личностными характеристиками он не обладает и какие качества он хотел бы приобрести.

Если клиент понимает, чем он будет «расплачиваться» за предложенный героем выбор (нести груз ответственности и пр.), ему задается вопрос, а что с ним случится, если его проблема будет решена именно таким способом, и как он при этом будет себя чувствовать? Ответ на вопрос может обнаружить отсутствие готовности взять на себя ответственность за возможные последствия выбора. В таком случае анализу подвергается выбор другого сказочного героя. Такая работа продолжается до тех пор, пока не будет найден максимально устраивающий клиента способ разрешения ценностного конфликта.

На наш взгляд, данные приемы и техники значительно оптимизируют работу психологов-практиков с таким сложным явлением, как «ценностный конфликт», а представленные в статье материалы будут весьма полезны для их работы.

Литература

1. Буравцова Н. В., Дмитриева Н. В., Козырева Т. С. Метафорические карты в пространстве формирования личностной харизматичности // Мир науки, образования, культуры. 2014. № 6(49). С. 255 – 258.
2. Бурлачук Л. Ф. Введение в проективную психологию. Киев: Ника-Центр, 1997. 128 с.
3. Дмитриева Н. В. Психологические факторы трансформации идентичности личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Новосибирск: Изд-во НГПУ. 1996. 38 с.
4. Дмитриева Н. В., Буравцова Н. В., Первозкина Ю. М. Использование ассоциативных карт в нарративной психотерапии рабочеголизма // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 4. С. 166 – 172.

5. Емелин В. Кризис постмодернизма и трансформация идентичности в инфообществе // *Sredo new*. 2014. № 1(77). С. 35 – 52.
6. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. *Номо Postmodernicus*. Психологические и психические нарушения постмодернистского мира. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. 230 с.
7. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. *Сексуальность в постсовременном мире*. М.: Академический проект; Культура, 2011. 406 с.
8. Леонтьев А. Н. *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Политиздат, 1975.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: АЗЪ. 944 с.
10. Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б., Дмитриева Н. В. Архетипические основания сказочных персонажей: разработка новой методики // *Вестник педагогических инноваций*. 2013. № 1. С. 35 – 46.
11. Пол К. *Запретный плод. Этика гуманизма* / пер. с англ. И. В. Кувакина; ред. В. А. Кувакин. Изд. 2-е, исправленное // Библиотека журнала «Здравый смысл». М.: Российское гуманистическое общество, 2002.
12. Пфетцер С. А., Зеленин А. А., Яницкий М. С. *Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 143 с.
13. Серый А. В., Карась А. В. Уровень напряженности защитных механизмов личности в зависимости от типа актуального смыслового состояния // *Сибирский психологический журнал*. 2007. № 25. С. 29 – 34.
14. Серый А. В., Яницкий М. С., Харченко Е. В. Ценностно-смысловые аспекты психологической работы с молодежью, находящейся в кризисной ситуации // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2014. № 2. С. 40 – 49.
15. Толкачев С. А. Постмодерн как мировоззрение перманентного кризиса // Интернет-журнал «Капитал страны», 24.12.2008. Режим доступа: http://www.kapital-rus.ru/strateg_invest_element.php?ID=7765
16. Эпштейн М. Н. Прото-, или конец постмодернизма // *Знамя*. 1996. № 3. С. 196 – 209.
17. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 19. С. 82 – 97.
18. Яницкий М. С. *Ценностное измерение массового сознания*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 237 с.

Информация об авторах:

Дмитриева Наталья Витальевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии девиантного поведения Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, dnv2@mail.ru.

Natalia V. Dmitrieva – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Pedagogy and Psychology of Deviant Behaviour, St.-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work.

Буравцова Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, профессор кафедры практической психологии Новосибирского гуманитарного института, доцент кафедры психологии личности и специальной психологии Новосибирского государственного педагогического университета, burawzov@yandex.ru.

Nataliya V. Buravtsova – Candidate of Psychology, Professor at the Department of Practical Psychology, Novosibirsk Humanitarian Institute, Assistant Professor at the Department of Psychology of the Personality and Special Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Левина Лариса Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин филиала Московского государственного университета экономики и статистики города Усть-Каменогорска, larisa_levina@mail.ru.

Larisa V. Levina – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Law and General Subjects, Ust-Kamenogorsk branch of Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ КОМПОНЕНТОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

О. В. Егорова

CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE CORRELATION OF THE EMOTIONAL INTELLECT COMPONENTS OF STUDENTS OF DIFFERENT ETHNIC GROUPS

O. V. Egorova

В статье дано определение, представлена структура эмоционального интеллекта как психолого-педагогического феномена. Изучение связи культурного контекста с компонентами эмоционального интеллекта осуществляется с помощью теории саногенного мышления Ю. М. Орлова. Обосновывается возможность развития эмоционального интеллекта у студентов педагогического колледжа посредством организации межкультурного взаимодействия. Полученные результаты расширяют представление о структуре эмоционального интеллекта, характеризуя его как один из факторов, влияющих на межличностное общение. Делается вывод о том, что рефлексия и переживания выступают единым психологическим механизмом в процессе изменения профессионального сознания слушателей.

The definition and the structure of emotional intelligence as a psychological-pedagogical phenomenon are introduced in the paper. The research of the relationships of cultural context with the components of emotional intelligence is done with the help of the sanogenic thinking theory of Yu. M. Orlov. The possibility of the development of emotional intelligence among students of pedagogical college through the organization of intercultural interaction is explained. These results extend the understanding of the structure of emotional intelligence, describing it as one of the factors affecting the interpersonal communication. It is concluded that reflection and experiences are a single psychological mechanism in the process of changing professional consciousness of students.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоциональное мышление, эмоциональная толерантность, эмоциональная устойчивость, позиция личности, саногенное мышление.

Keywords: emotional intelligence, emotional thinking, emotional tolerance, emotional stability, personality position, sanogenic thinking.

По определению И. А. Зимней, студенчество включает людей, целенаправленно, систематически овладевающих знаниями и профессиональными умениями, отличающихся наиболее высоким образовательным уровнем и активным потреблением культуры.

В восточных культурах, к которым наряду с китайским, японским народами принадлежат и аборигенные российские этносы Сибири и Дальнего востока, стилем взаимодействия приоритетно является эмоционально-нейтральный, т. е. нормы общественного поведения требуют сдержанности и контроля эмоций [9].

Именно культурные условия, с точки зрения социокультурной теории неврозов К. Хорни, не только придают вес и окраску индивидуальным переживаниям, но и определяют их особую форму [7].

Психологическим условием, обеспечивающим, по мнению Г. Алдера, Д. Големана, Р. Дж. Стернберга, способность к конструктивным формам взаимодействия в юношеском возрасте, является эмоциональный интеллект [2; 6].

Обобщая взгляды на понятие эмоционального интеллекта как зарубежных, так и отечественных исследователей (И. Н. Андреева, Г. Алдер, Х. Вайсбах, Д. Големан, У. Дакс, А. В. Запорожец, Е. И. Изотова, Д. Мейер, П. Саловей, Дж. Шермерон, Д. Хант) можно сделать вывод о сложной интегративной природе данного феномена. На основании теоретического анализа психологических подходов в рамках данного исследования эмоциональный интеллект мы определили как интегральное личностное образование, отражающее систему эмоциональной организации поведения и сознания [1; 2; 5].

Учитывая основные положения интегративно-уровневого подхода, представленного в монографии М. А. Холодной, а также исследования Д. Карузо, Д. Майера, П. Саловей, Д. Големана, была разработана структура эмоционального интеллекта как психолого-педагогического феномена [7].

Структура эмоционального интеллекта может быть представлена тремя уровнями, первый из которых определяет состав и строение эмоционального опыта; второй представлен совокупностью свойств, эмпирически показывающих особенности эмоциональной активности субъекта; третий проявляется позицией личности, отражающей глобальное переживание отношений к себе, к другим, к миру (рис.).

Выделяя данные уровни, мы учитывали положения отечественной психологии о взаимосвязи эмоций с когнитивными, волевыми и мотивационными процессами.

Показателем мотивационного уровня анализа эмоционального опыта является эмоциональная толерантность, указывающая на широту эмоционального репертуара, свидетельствующего о многообразии интересов, потребностей, желаний личности, о деятельностной жизненной позиции. Произвольный уровень характеризуется эмоциональной устойчивостью личности, проявляющейся в переключаемости эмоций, свидетельствующей о гибкости и повышенной адаптивности личности. Когнитивный уровень показывает степень осознания эмоций, содержащих информацию об интеграции психической реальности, и проявляется в уровне развития эмоционального мышления.

Рис. Структура эмоционального интеллекта

Именно эмоциональное мышление, по нашему мнению, является системообразующим фактором эмоционального интеллекта. Не случайно ряд зарубежных авторов (Г. Орме, Р. Бар-Он, К. Кэннон, Л. Морис, Э. Ориоли) отождествляют понятия эмоционального мышления и эмоционального интеллекта [5].

Эмоциональное мышление обеспечивает полноценную реализацию информационной, мотивационной и регулирующей функций эмоций в процессе психического развития личности. Подход к эмоциям аналитически позволяет определять выбор подходящих откликов на актуальную ситуацию, а значит расширяет адаптивные возможности, что задает жизнеутверждающий вектор развития личности.

В кросскультурном исследовании эмоциональных расстройств, проведенных под руководством А. Б. Холмогоровой, Н. Г. Гараян, показано, что важные факторы эмоциональных расстройств следует искать не только в области биологии, потому что известно: генетика и биохимия человека не могут столь радикально измениться всего лишь за одно поколение. По их мнению, именно в современной культуре существуют достаточно специфические психологические факторы, способствующие росту общего количества переживаемых отрицательных эмоций в виде тоски, страха, агрессии и одновременно затрудняющих их психологическую переработку. К ним относятся ценности и установки, поощряемые в социуме и культивируемые во многих семьях. Эти установки становятся достоянием индивидуального сознания, создавая predisposition к эмоциональным расстройствам [7].

Опираясь на позиции Т. Рибо и П. Фресса, авторы определяют две основные тенденции в эмоциональной жизни современного человека. Первая тенденция

характеризуется возрастанием частоты и интенсивности эмоциональных нагрузок. Вторая – негативным отношением к эмоциям, которым приписывается деструктивная, дезорганизующая роль как в общественной, так и в личной жизни.

Социальные ценности и стереотипы, включающие культ успеха и достижений, культ силы и конкуренции, культ рациональности и сдержанности, отражают макросоциальный уровень исследования. Причем культ успеха и достижения при его сверхценной значимости ведет к депрессивной пассивности, культ силы – к тревожному избеганию и ощущению беспомощности, культ рациональности – к накоплению эмоций и разрастанию их физиологического компонента. Данный феномен К. Хорни обозначает как эффект обратного действия сверхценной установки.

Эмпирическая работа проводилась на базе Регионального колледжа педагогического образования г. Иркутска с 2002 по 2014 гг. на этапе вхождения студентов в процесс получения среднего профессионального образования. Исследованием было охвачено 60 студентов педагогического колледжа, получающих квалификацию «воспитатель ДОУ». Независимую выборку составили три группы студентов разных этнических групп: русские, буряты, тувинцы. В каждую группу входили 20 испытуемых, средний возраст – 19 лет, образовательный уровень – 11 классов, пол – женский.

С целью изучения особенностей когнитивной представленности личностного отношения к той или иной эмоции мы использовали когнитивно-эмотивный тест Ю. М. Орлова. Средние показатели защитной рефлексии представлены в таблице [4].

Среднее значение данных когнитивно-эмотивного теста

№	Показатели теста КЭТ	Среднее в %		
		русские	буряты	тувинцы
1	Объем защитной рефлексии при неудаче	46	36	41
2	Объем защитной рефлексии при чувстве вины	51	63	44
3	Объем защитной рефлексии при чувстве стыда	53	44	44
4	Объем защитной рефлексии при чувстве обиды	51	55	35
5	Агрессия против других	37	46	47
6	Агрессия против себя	36	34	55
7	Рационализация обесцениванием объекта	46	42	46
8	Рационализация обстоятельствами	45	55	64
9	Проекция на других	57	41	57
10	Защита от чувства вины	47	38	54
11	Защита от чувства стыда	63	35	41
12	Защита от страха неудачи	45	65	48
13	Защита от зависти	51	53	43
14	Защита от обиды	50	36	53
15	Уход из ситуации	54	35	41
16	Самоуничтожение Я	27	35	41
17	Возбуждение вины в других	50	45	57
18	Саногенное реалистичное мышление	62	33	57
19	Несоответствие поведения других моим ожиданиям	61	45	48
20	Аппелирующее мышление	48	46	58

В результате исследования были выявлены значительные количественные различия по таким показателям, как «Защита от страха неудачи», «Защита от чувства стыда».

Как видно из таблицы, самый высокий показатель у русских студентов отмечается по шкале «Защита от чувства стыда», и «Несоответствие поведения других моим ожиданиям».

Такую эмоцию, как стыд, невозможно рассматривать как реакцию на недостаток информации. Стыд – рассогласование между программой поведения, предписываемой чертой концепции-Я и реально осуществляемым поведением субъекта. Здесь и теперь я должен быть умным, так как в моей концепции Я есть черта "Я – умный", но реальное поведение не соответствует этому и мне стыдно.

Эмоция стыда, по мнению К. Изарда, обладает особой отзывчивостью на критику по отношению к «сокровеннейшей способности человека, – способности к личной целостности». При первых признаках посягательства на «Я» стыд встает на его защиту, он принуждает человека сильнее чувствовать сигналы, свидетельствующие об излишней открытости «Я», о чрезмерной искренности и уязвимости. Переживание стыда и успешное противостояние ему играют важную роль в развитии и сохранении Я-концепции и личной идентичности. Естественное стремление избежать переживаний этой эмоции, нормальное желание не поддаваться ей с излишней легкостью становится существенным мотивом для развития целого комплекса интеллектуальных, физических и социальных навыков, помогающих индивиду укрепить чувство собственной адекватности и компетентности [3, с. 356].

Психологическая защита, обусловленная «Несоответствием поведения других моим ожиданиям», приводит к формированию презрения – эмоции, играющей значительную роль в формировании враждебности к окружающим. Причиной неодобрения, осуждения действий других людей является, по мнению К. Изарда, чувство собственного превосходства. Поскольку человек обращает свое внимание против людей, очень трудно найти в этой эмоции что-нибудь позитивное или адаптивное. Возможно, что презрение служит конструктивным целям тогда, когда оно направлено против тех, кто действительно заслуживает его: тех, кто повинен в хищническом уничтожении природных ресурсов, разжигает войны и конфликты [3, с. 285].

Бурятские студенты демонстрируют высокий уровень защит от страха потери и чувства вины.

Страх, с точки зрения К. Изарда, складывается из определенных физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфических переживаний, проистекающих из ожидания угрозы или опасности.

Доказаны различия в социализации страхов в разных культурах как в гендерном, так и в возрастном аспекте. По наблюдению Томкина родители используют разные формы социализации страха: избегание, формирование толерантности, обучение техникам регуляции.

Из беседы с бурятскими студентами, имеющими высокий уровень защиты от страха потери, выяснилось, что родители в детстве преувеличивали отрицательные воздействия страха. Таким образом, формировалось восприятие страха как поражения, капитуляции.

Д. Боулби доказывает, что прочная привязанность к родителям создает базу для развития чувства безопасности и доверия к жизни.

Вина в соответствии с теорией дифференциальных эмоций играет ключевую роль в процессе развития личной и социальной ответственности, в процессе становления совести. Существование неких фундаментальных, присущих каждому человеку источников вины неоспоримо, однако совесть как психический феномен представляет собой скорее комплекс аффективно-когнитивных структур, формирующихся под воздействием родительских требований и предписаний разнообразных социальных институтов, и становится мотивом и регулятором нравственного поведения.

Прямой дорогой к становлению зрелой совести и формированию адекватных порогов переживания вины, по мнению М. Мид, Р. Мэй, является сочетание разнообразных воспитательных воздействий, в числе которых необходимо отметить угрозу лишения одобрения и любви, пробуждение сочувствия, научение осознанию собственной роли в огорчении другого человека [7].

Значительную дисгармонию рационального и чувственного познания себя продемонстрировали тувинские студенты. Высокие показатели по шкалам «Рационализация обстоятельствами», «Аппелирующее мышление» свидетельствуют о высокой потребности студентов употребления психологических средств устранения или ослабления ущерба, грозящего ему со стороны другого субъекта.

Обучение саногенному мышлению как раз и состоит в том, чтобы расширить сознание этих эмоциональных умственных операций и приобрести навыки и умения интроспекции своих эмоций. Для этого нужно

знать умственные автоматизмы общения, сделать сознательными свои ожидания относительно поведения других, понять их и скорректировать; чему как раз студент и обучается в ходе межкультурного взаимодействия.

Таким образом, различия в социализации эмоций являются важным условием для согласования опытов в условиях профессионального образования. Русские студенты уважают бурят за сдержанность, буряты с интересом наблюдают за живой эмоциональной мимикой и жестикой русских. В свою очередь и буряты и русские помогают тувинцам, оказавшимся оторванными от дома, родителей, привычных условий жизнедеятельности формировать новые привязанности, которые должны стать базой для чувства безопасности и доверия к жизни.

Способы, которыми студенты содействуют развитию аффективной сферы, не ограничиваются тем, что они сами служат в качестве объектов идентификации, они передают сверстнику ожидания относительно его способности переносить определенные аффекты. Главной ценностью межкультурного общения является умение показывать свои собственные эмоции, но также и разрешение их проявлять другим. Низкий уровень вербализации эмоций приводит к их соматизации и недостаточной дифференциации.

Анализ теории и практики профессионального образования привел нас к пониманию того, что рефлексия и переживания выступают единым психологическим механизмом в процессе изменения профессионального сознания слушателей. Именно такой подход позволяет преодолеть дисгармонию рационального и чувственного познания себя и своего места в мире.

Литература

1. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект. Исследование феномена // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 78 – 86.
2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А. П. Исаевой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. 478 с.
3. Изард К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
4. Орлов Ю. М. Обида. Вина / сост. А. В. Ребенок. Кн. 1. 3-е изд., испр. М.: Слайдинг, 2003. 96 с.
5. Орме Г. Эмоциональное мышление как инструмент достижения успеха. М.: КСП+, 2003. 272 с.
6. Стернберг Р. Дж., Форсайт Дж. Б., Хедланд Дж., Хорвард Дж. А., Вагнер Р. К., Вильямс В. М., Снук С. А., Григоренко Е. Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
7. Тхостов А. Ш., Колымба И. Г. Эмоции и аффекты: общепсихологический и патопсихологический аспекты // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 4. С. 41 – 49; № 5. С. 81 – 88.
8. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск: Изд-во Том. ун-та.; М.: Барс, 1997. 392 с.
9. Этнопсихология и практическая психология формирования межкультурной компетентности: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. А. Д. Карнышева. Иркутск, Изд-во Репроцентр, 2013. 358 с.

Информация об авторе:

Егорова Ольга Васильевна – преподаватель психологии Иркутского регионального колледжа педагогического образования, jasna67@mail.ru.

Olga V. Egorova – Teacher of Psychology at Irkutsk Regional College of Pedagogical Education.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА
ПСИХОЛОГИИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ, САМОРЕАЛИЗАЦИИ И ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ****М. С. Иванов****ENSURING PERSONAL SAFETY AS A PROBLEM OF PSYCHOLOGY OF THE WAY OF LIFE,
SELF-REALIZATION AND PERSONAL IDENTITY****М. S. Ivanov**

В статье представлены результаты исследования психологических аспектов отношения людей к личной безопасности, которыми показано наличие индивидуальных различий в отношении к обеспечению личной безопасности в жизненной перспективе. Выделены и описаны типы жизненных стратегий обеспечения личной безопасности. Делается вывод о возможности и перспективности изучения проблем безопасности в психологии применительно к проблематике жизненного пути и самореализации личности в русле постнеклассической методологии и ценностно-смысловой парадигмы.

The paper presents the results of a study of the psychological aspects of people's attitudes to personal safety, which showed the presence of individual differences in regard to the personal security of life in the long term. The author identifies and describes the types of life strategies for personal safety. The conclusion is made about the opportunities and prospects for security studies in psychology as applied to the problems of the person's way of life and self-realization in post-non-classical methodology and value-semantic paradigm.

Ключевые слова: психология безопасности личности, стратегия обеспечения личной безопасности, жизненный путь личности, самореализация личности.

Keywords: psychology of personal security, personal safety strategy, person's way of life, self-realization.

При изучении «жизненных» категорий в психологии – стратегии жизни, жизненного пути, жизнеосуществления, самореализации обычно их рассматривают с позиций развития – как способ реализации возможностей, достижения успеха, исходя из непреложности развития как условия существования любой жизни. При этом о втором условии существования жизни – сохранении – говорится крайне мало. Считается, что человек планирует и реализует стратегию своей жизни исходя из соображений развития, достижения успеха и самореализации. Однако даже поверхностное эмпирическое изучение вопроса показывает, что большинство людей при принятии решений, особенно важных жизненных решений, в первую очередь анализируют риски и угрозы, а потом уже развивающиеся возможности планируемых действий. И решаются на развитие только тогда, когда уверены, что обеспечен необходимый уровень безопасности этого развития. Кроме того, обеспечение безопасности жизненного пути может выступать не только условием его реализации, но и самостоятельной задачей жизнеосуществления. При этом вопросы безопасности в психологии применительно к проблемам жизненного пути и самореализации практически не изучаются, как, впрочем, и проблематика безопасности крайне редко упоминается в исследованиях «жизненных» категорий. По этой же причине психология безопасности не может выйти из методологического поля классической рациональности, ограничиваясь изучением проявления психических характеристик низового уровня в ситуативно обусловленном поведении по обеспечению безопасности в опасных ситуациях.

Дело в том, что традиция исследования проблем безопасности в психологии основывается на понимании деятельности по обеспечению безопасности как ситуативной, необходимость в которой возникает

лишь в опасных ситуациях, как реакция на внешнюю угрозу, и отпадает после снижения опасности. Отсюда и классическая методология в изучении психологических факторов обеспечения безопасности – круг исследований обычно ограничивается изучением психических процессов, особенностей характера, эмоционально-волевой сферы, проблем стрессоустойчивости и других психических свойств, напрямую определяющих поведение в опасных и экстремальных ситуациях. Основу изучения безопасности в психологии сформировала психология безопасности труда, в русле которой выделилась отрасль – *психология безопасности*, изучающая психологические причины несчастных случаев, возникающих в процессе труда и других видов деятельности, и пути использования психологии для повышения безопасности деятельности (Е. А. Климов, М. А. Котик и др.). Предметом исследования данной области являются психические процессы, порождаемые деятельностью и влияющие на ее безопасность. Данным подходом предполагается, что проблема безопасности появляется лишь в ситуации повышенной или явной опасности, например, на опасном производстве, и поэтому должна рассматриваться как проблема безопасности опасной деятельности.

Несколько расширяют взгляды на проблему безопасности в психологии авторы исследований *психологической безопасности* – относительно нового и популярного направления в изучении психологических аспектов безопасности (И. А. Баева, В. П. Соломин, Н. Л. Шлыкова и др.). Психологическая безопасность выделяется как вид безопасности, наряду с физической, экономической, и понимается как защищенность психического развития и психологического здоровья. Предметом исследования становится обеспечение человеком безопасности своего внутреннего

мира, душевного покоя. В новом свете, через призму проблемы безопасности, изучаются психологические защиты, проблемы тревоги и тревожности, неуверенности в себе, устойчивости системы ценностей, жизненной позиции и т. п. Несомненная научная новизна и ценность исследований психологической безопасности состоит в расширении проблемного поля психологии безопасности – исследования убеждают, что проблема обеспечения безопасности шире, чем сохранение жизни и физического здоровья и предметом психологии безопасности может быть не только деятельность в опасных ситуациях.

Совсем недавно возникло еще одно направление в изучении психологических проблем безопасности – *психология безопасности личности* (Т. М. Краснянская, Г. Ю. Фоменко), авторы которого еще больше расширяют проблемное поле психологии безопасности – до изучения поведения в любой ситуации человеческой жизни, воспринимаемой как опасной, показывая, что проблема обеспечения своей безопасности актуальна для каждого человека и выходит за рамки опасных производств и профессий. Г. Ю. Фоменко пишет: «Когда говорят о психологии безопасности, подразумевают чрезвычайные ситуации и в первую очередь события, связанные со стихийными бедствиями, террором. Но более опасными для общества могут оказаться реальные события повседневности, которые совсем не исключительны» [3].

Т. М. Краснянская вводит понятие «психологическое самообеспечение безопасности субъекта в экстремальной ситуации», под которым понимает «феномен, концептуально представленный в сознании субъекта и реализующийся в форме сложно организованного многоуровневого и многокомпонентного процесса достижения им психического состояния подконтрольности экзо- и эндогенных параметров, поддерживающего динамическое равновесие со средой и обеспечивающего неснижение во времени вероятности реализации жизненно значимой для него цели. Психологическое самообеспечение безопасности характеризуется своими закономерностями, стратегиями, принципами, средствами и методами организации» [2].

Несмотря на существенное расширение проблемного поля психологии безопасности авторами данного направления, и здесь сохраняется привязка к опасной ситуации, экстремальной ситуации и, по сути, сохраняется рассмотрение проблемы безопасности как ситуационного поведения, не проявляющегося на уровне стратегии жизни и жизненного пути.

Таким образом, проблемное поле психологии безопасности сводится к вопросам обеспечения безопасности в опасных и экстремальных ситуациях – опасном производстве, боевых действиях, стихийных бедствиях и т. д. Обеспечение безопасности, даже личной безопасности самим человеком, рассматривается как ситуативно обусловленная деятельность, возникающая по необходимости как реакция на опасность. Безопасность понимается как необходимость, присущая любому живому организму адаптационная способность, выраженная в стремлении к выживанию, обусловленная инстинктивной мотивацией низкого уровня. Другими словами, используя понятие А. Мас-

лоу, безопасность понимается как дефицитарная ценность, т. е. необходимость, обеспечивающая выживание. Даже современные исследования проблем безопасности в психологии, выполненные в русле психологии личности, сохраняют некоторую «реактивность» и «ситуативность» в понимании безопасности.

Совершенно очевидно, что такое положение дел в психологии безопасности не соответствует ни тенденциям развития современной психологии, где определяющей становится постнеклассическая ценностно-смысловая парадигма [5], ни основной задаче психологии безопасности, которая состоит во всестороннем изучении психологических оснований обеспечения человеком своей безопасности.

В данной статье представлены результаты некоторых пилотажных исследований, показывающих, что психологические аспекты обеспечения человеком личной безопасности могут изучаться в постнеклассической психологии как проблемы жизненного пути, стратегии жизни и самореализации, поскольку имеют ценностно-смысловую детерминацию и обуславливают значительно более широкий круг психических явлений, чем принято считать. Для проверки этого предположения изучим в эмпирическом исследовании некоторые характеристики отношения человека к жизненным стратегиям в части обеспечения личной безопасности, выделим и опишем основные типы этих стратегий.

С целью изучить многообразие индивидуальных отношений к обеспечению личной безопасности, мы применили глубинное интервью, где в качестве испытуемых выступили слушатели президентской программы подготовки управленческих кадров в возрасте от 23 до 38 лет в количестве 18 человек. Были заданы вопросы: «Расскажите о своем отношении к безопасности. Что Вы делаете для того, чтобы сделать свою жизнь безопаснее? Как Вы стратегически обеспечиваете безопасность своего настоящего и будущего?»

Ответы позволили выделить 3 типа отношения к безопасности. Первый тип испытуемых (33 %) отрицают необходимость целенаправленного планирования стратегии обеспечения безопасности, склонны полагаться на судьбу, общество, государство. Типичные высказывания таких испытуемых: «Это судьба, живи правильно, не надо пытаться себя обезопасить. В России безопасно», «Никогда на этом акцент не делаю», «Не задумываюсь об этом».

Испытуемые второго типа (22 %) уделяют внимание тактическим вопросам безопасности, выполнению необходимых, общепринятых действий, направленных на безопасность, но не занимаются вопросами стратегической безопасности. Типичный ответ: «Машина должна высокая и большая, зимой надо тепло одеваться, нужно заниматься своим здоровьем. Страхую квартиру, машину по КАСКО».

И все же большая часть испытуемых (45 %) уделяет серьезное внимание безопасности своего будущего – стратегически планируют жизнь, стараются сегодня действовать так, чтобы обеспечить экономическую и физическую безопасность себя и своей семьи в будущем. Ответы испытуемых третьего типа: «Стараемся заранее купить квартиры детям, иметь накопительные счета», «Квартиру купили сыну заранее,

есть вторая работа, есть страховки и счета в разных банках», «Стараюсь планировать, минимизировать риски, софинансирование пенсии, счета в банках, «яйца в разных корзинах», «Дело моей жизни – центр для диабетиков, стараюсь улучшить жизнь больных диабетом, изменить отношение общества к ним – это для моей дочери (больной диабетом), для ее безопасности».

Соотнесение выделенных типов с направленностью ценностных ориентаций испытуемых убедительно указывает на ценностную детерминацию отношения к безопасности в части выбора стратегии обеспечения безопасности. Для диагностики ценностных характеристик использовался опросник Р. Инглхарта в модификации М. С. Яницкого [4], который предполагает отнесение испытуемых к одному из трех типов ценностной направленности – адаптирующемуся, социализирующемуся и индивидуализирующемуся, а также промежуточный тип, сочетающий в себе

ценности всех трех типов. По результатам оказалось (таблица 1), что все испытуемые первого типа отношения к безопасности в нашей выборке имеют социализирующую направленность ценностных ориентаций, когда ведущими ценностями являются ценности социализации (репутация, престиж, друзья). Половина испытуемых второго типа отношения к безопасности также относятся к социализирующемуся типу, а другая половина – к адаптирующемуся типу, для которых ведущими являются ценности адаптации (материальный достаток, стабильность, здоровье). И, наконец, среди испытуемых третьего типа отношения к безопасности лишь 25 % относятся к социализирующемуся ценностному типу, 50 % – к адаптирующемуся и 25 % – к промежуточному типу, для которого имеют ведущее значение как ценности адаптации и социализации, так и ценности индивидуализации (самореализация, свобода, демократия).

Таблица 1

Распределение типов отношения к безопасности по ценностным типам

Типы отношения к безопасности	Ценностные типы, %			
	адаптация	социализация	индивидуализация	промежуточный тип
Тип 1 (отрицание стратегии безопасности)	0	100	0	0
Тип 2 (тактическая безопасность)	50	50	0	0
Тип 3 (стратегическая безопасность)	50	25	0	25

Анализ результатов показывает, что от первого к третьему типу отношения к безопасности доля испытуемых с ценностями социализации снижается. И, хотя в нашей выборке не встретился ни один испытуемый индивидуализирующегося ценностного типа, все же можно говорить о нарастании ценностей индивидуализации у испытуемых третьего типа отношения к безопасности, поскольку промежуточный ценностный тип частично ориентирован на ценности индивидуализации.

Полученные результаты свидетельствуют в пользу подтверждения предположения о наличии индивидуальных различий в отношении к обеспечению личной безопасности и его ценностной детерминации. Следующая задача, решение которой мы попытались наметить в наших пилотажных исследованиях, касается изучения и классификации стратегий обеспечения личной безопасности.

Данные упомянутого интервью были проанализированы и классифицированы с применением того же основания, которое положено в основу классификации ценностной направленности в модифицированной М. С. Яницким методике Инглхарта, обнаружившей отчетливые взаимосвязи с типами отношения к безопасности. Используемые М. С. Яницким типы – адаптирующийся, социализирующийся и индивидуализирующийся, согласуются с классической синтагмой «индивид-личность-индивидуальность», предложенной Б. Г. Ананьевым для типологизации уровня лич-

ностного развития [1]. По аналогии с данной типологией могут быть выделены и описаны типы **жизненных стратегий обеспечения личной безопасности**, как компонента стратегии жизни, выступающие индивидуальными способами обеспечения безопасной самореализации. Представляется уместным называть их именно *жизненными* стратегиями во избежание понятийной путаницы с широко изучаемыми стилями поведения в опасных ситуациях, которые авторы также иногда называют стратегиями безопасности.

При описании стратегий используем три основных сферы, характеризующие реализацию стратегии:

- 1) внутренняя сфера – реализация стратегии в отношении собственного развития;
- 2) микросреда – реализация стратегии в организации своей жизни и быта;
- 3) макросреда – реализация стратегии в отношении к обществу и государству.

1. Стратегия адаптации. Соответствует индивидуальному уровню в типологии Б. Г. Ананьева и адаптирующемуся типу в типологии М. С. Яницкого. В основе этой стратегии лежит отношение к обеспечению безопасности как к защите, базирующееся на отношении к жизни в целом как к выживанию. Стратегия состоит преимущественно в обеспечении стабильности и комфорта за счет собственных способностей и ресурсов. Люди, выбирающие такую стратегию, уверены в том, что для лучшего обеспечения личной безопасности необходимо развивать свои соб-

ственные способности – физические, интеллектуальные, профессиональные. Они обучаются боевым искусствам и навыкам обращения с оружием для обеспечения физической безопасности, изучают основы права, экономики и финансов, анализируют опыт и истории других людей, стараясь самостоятельно обеспечить свою экономическую безопасность, выбирают соответствующие профессии, помогающие лучше обеспечивать собственную безопасность. В организации жизни и быта такая стратегия также состоит в опоре на собственные силы – хорошо защищенное жилище, наличие средств защиты, создание необходимого материального достатка для обеспечения безопасности. В отношении к государству и обществу такая стратегия проявляется, чаще всего в стремлении жить при силовом режиме, где строго обеспечивается порядок и стабильность в государстве и обществе.

2. Стратегия социализации. Соответствует личностному уровню в типологии Б. Г. Ананьева и социализирующемуся типу в типологии М. С. Яницкого. Реализующие эту стратегию, в отличие от реализующих стратегию адаптации, осознают, что человек живет в обществе и включен в систему отношений, поэтому самостоятельно, лишь развивая собственные способности, обеспечивать безопасность – не самый эффективный путь. Лучше обеспечить свою безопасность можно став уважаемым человеком, либо заручившись поддержкой авторитетных людей. Саморазвитие лиц, выбирающих эту стратегию направлено на повышение своей репутации, статуса, влияния, установление нужных связей, обретение власти. В организации жизни и быта эти люди делают упор на то, чтобы окружить себя надежными людьми (семья, друзья, соседи, коллеги по работе, партнеры и т. д.), понимая, что в отличие от реализующих защитную стратегию, что надежное социальное окружение намного важнее в обеспечении личной безопасности, чем железные двери, оружие и системы безопасности. Это не означает, что люди, реализующие социальную стратегию обеспечения безопасности, не ставят на квартиры металлические двери – важно понимать, что при переходе на следующий уровень развития достигнутое на предыдущем уровне сохраняется, но акценты уже делаются на новые образования – это отмечает и Б. Г. Ананьев, описывая уровни личностного развития. В отношении макросреды, люди, реализующие социальную стратегию также осознают, что силовой режим, обеспечивающий стабильность в обществе, не является гарантией безопасности, если само общество не разделяет ценности безопасности. Поэтому их стратегия становится направленной на выбор и поддержку общества с высокой культурой безопасности и государственного режима с ответственной политикой в отношении обеспечения безопасности населения.

3. Стратегия индивидуализации. Соответствует уровню индивидуальности в типологии Б. Г. Ананьева и индивидуализирующемуся ценностному типу в типологии М. С. Яницкого. Поскольку испытуемых, полностью соответствующих этому типу стратегии в нашей выборке не встретилось, опишем этот тип стратегии как образ, ориентир развития. На самом деле Б. Г. Ананьев, при описании уровня индивидуаль-

ности, также рассматривает этот тип как некоторый ориентир, образ будущего для человека, ставшего на путь «надличностного» развития. В основе стратегии индивидуализации лежит опора человека на экзистенциально-гуманистические взгляды в отношении себя, окружающего мира, общества, проявляющиеся в осознании, с одной стороны, невозможности и нецелесообразности попыток обеспечения полной безопасности, с другой – понимание того, что наибольшую опасность для человека представляет он сам. Поэтому основной задачей саморазвития при этой стратегии становится уже не обучение навыкам самообороны и завоевание власти и авторитета, а работа над укреплением своей личности, духовное развитие, достижение внутренней гармонии и психологического здоровья. Именно формирование сильной личности, способной справиться с любыми жизненными трудностями, представляется для людей, реализующих эту стратегию, лучшей гарантией обеспечения безопасности. Одновременно, стратегия индивидуализации может реализовываться в стремлении стать востребованным, незаменимым в своей области человеком, быть в чем-то уникальной личностью, обрести народную любовь. Опять же подчеркнем – это не значит, что реализующие эту стратегию отрицают физическое развитие и не занимаются повышением своего социального статуса – речь идет о приоритетах, зависящих от уровня развития отношения к безопасности. В организации жизни и быта реализующие эту стратегию стремятся к самодостаточности, мобильности, независимости и отсутствию привязанности к конкретным бытовым условиям. В сфере макросреды реализующие стратегию индивидуализации понимают, что ни силовой режим, ни даже общество с высокой культурой безопасности не может обеспечить их личную безопасность настолько, насколько ее может обеспечить гуманное и терпимое общество, а также демократическая политическая система, надежно защищающая права личности и собственности.

Описанная модель может быть представлена в виде таблицы (таблица 2).

С целью предварительной валидации предложенной теоретической модели было проведено исследование на небольшой выборке студентов и магистрантов в возрасте от 19 до 23 лет общим количеством 20 человек. Испытуемым был представлен авторский опросник, состоящий из девяти утверждений, которые могут быть условиями обеспечения личной безопасности, и предложено проранжировать эти условия в порядке убывания значимости для эффективного обеспечения личной безопасности:

- быть умным, сильным, здоровым, иметь знания и навыки обеспечения безопасности;
- быть авторитетным человеком, иметь связи и влияние;
- быть известным человеком, полезным и востребованным, которого уважают и ценят в обществе;
- иметь хорошо защищенное жилище, средства защиты, материальный достаток, необходимый для обеспечения безопасности;
- окружить себя надежными людьми, которым можно доверять (семья, друзья, соседи, коллеги);

- быть самодостаточным и мобильным, не зависеть от бытовых условий и постоянного социального окружения;
- жить там, где строго обеспечивается порядок и стабильность;
- жить в обществе с высокой культурой безопасности;

- жить в гуманном и терпимом обществе, уважающем права личности и собственности.

Также испытуемым было предложено указать на против каждой из предложенных условий цифру в процентах от 0 до 100, отражающую оценку того, насколько каждое условие уже реализовано в жизни испытуемого. Усредненные ранги и проценты реализации представлены в таблице 3.

Таблица 2

Характеристика типов стратегий обеспечения личной безопасности

<i>Стратегии обеспечения личной безопасности</i>	<i>Реализация стратегии в сфере саморазвития</i>	<i>Реализация стратегии в сфере микросреды</i>	<i>Реализация стратегии в сфере макросреды</i>
1. Стратегия адаптации.	Быть умным, сильным, здоровым, иметь знания и навыки обеспечения безопасности.	Иметь хорошо защищенное жилище, средства защиты, материальный достаток, необходимый для обеспечения безопасности.	Жить там, где строго обеспечивается порядок и стабильность.
2. Стратегия социализации.	Быть авторитетным человеком, иметь связи и влияние.	Окружить себя надежными людьми, которым можно доверять (семья, друзья, соседи, коллеги).	Жить в обществе с высокой культурой безопасности.
3. Стратегия индивидуализации.	Быть духовно сильным человеком, полезным и востребованным, которого уважают и ценят в обществе.	Быть самодостаточным и мобильным, не зависеть от бытовых условий и постоянного социального окружения.	Жить в гуманном и терпимом обществе, уважающем права личности и собственности.

Таблица 3

Усредненные ранги и проценты реализации условий обеспечения личной безопасности

<i>№</i>	<i>Условия обеспечения личной безопасности</i>	<i>Усредненные ранги</i>	<i>Усредненная реализованность, %</i>
1.	Быть умным, сильным, здоровым, иметь знания и навыки обеспечения безопасности.	4,1	50,5
2.	Быть авторитетным человеком, иметь связи и влияние.	6,7	27,4
3.	Быть известным человеком, полезным и востребованным, которого уважают и ценят в обществе.	6,3	39,3
4.	Иметь хорошо защищенное жилище, средства защиты, материальный достаток, необходимый для обеспечения безопасности.	4,5	58,2
5.	Окружить себя надежными людьми, которым можно доверять (семья, друзья, соседи, коллеги).	2,4	75,1
6.	Быть самодостаточным и мобильным, не зависеть от бытовых условий и постоянного социального окружения.	4,6	47,2
7.	Жить там, где строго обеспечивается порядок и стабильность.	6,4	40,5
8.	Жить в обществе с высокой культурой безопасности.	4,9	42,7
9.	Жить в гуманном и терпимом обществе, уважающем права личности и собственности.	5,2	42,0

Представленные данные позволяют составить общее представление о предпочтениях тех или иных условий обеспечения безопасности среди испытуемых и уровня их реализации. Так с большим отрывом на первом месте расположилась цель окружения себя надежными людьми, которым можно доверять, относящаяся к условиям микросреды стратегии социализации (средний ранг = 2,4). Это же условие является и наиболее реализованным в целом по выборке

(75,1 %). Меньше всего в деле обеспечения безопасности испытуемые придают значение цели стать авторитетным человеком, иметь связи и влияние (средний ранг = 6,7), она же и наименее реализована (27,4 %).

Далее посмотрим распределение испытуемых по типам стратегий, что является собственно основной задачей данного этапа исследования. Принцип определения типа стратегии аналогичен принципу, ис-

пользующемуся в модифицированной М. С. Яницким методике Р. Инглхарта. При отнесении испытуемого к тому или иному типу принимались во внимание 3 условия обеспечения безопасности, которым испытуемый придает самую высокую значимость (ранги 1, 2 и 3). Далее, если 2 из этих условий относятся к одному из типов стратегий, то мы относили испытуемого к соответствующему типу стратегии. Если все три условия относились к разным типам стратегий, то мы считали это смешанным (неопределенным) типом стратегии.

В результате выборка распределилась по типам стратегий обеспечения безопасности следующим образом: стратегия адаптации – 30 %, стратегия социализации – 30 %, стратегия индивидуализации – 10 %, смешанная (неопределенная) стратегия – 30 %.

Таким образом, мы получили достаточно отчетливое процентное распределение, с присутствием всех описанных типов, а значит и некоторое экспериментальное подтверждение валидности предложенной типологии стратегий обеспечения безопасности. Следующей экспериментальной задачей станет более масштабная и детальная эмпирическая валидизация, а на данном этапе исследования можно сделать следующие основные выводы.

1. Обнаруженные индивидуальные различия в отношениях людей к безопасности своего жизненного пути, позволяют выделить и описать типы жизненных стратегий обеспечения безопасности. Основания для типологизации при этом могут быть самые разные. Как вариант, по результатам проведенных исследований, нами были выделены три типа таких стратегий – адаптации, социализации и индивидуализации, соответствующие типологии уровней развития личности Б. Г. Ананьева и ценностным типам М. С. Яницкого,

что позволяет не только показать ценностную детерминацию выбора жизненных стратегий обеспечения безопасности, но обусловленность этого выбора общим уровнем развития личности, а, значит, предположить наличие некоторой системы отношения к безопасности в общей системе отношений личности, развивающейся в процессе социализации и формирования идентичности.

2. Полученные результаты позволяют предположить существование широкого круга психических явлений, попадающих в предметное поле психологии, относительно мало изученных, связанных с регуляцией безопасного построения и реализации личностью своего жизненного пути и стратегии жизни. Этот круг явлений расширяет предмет исследования психологии безопасности и существенно выходит за границы проблемного поля, определяемого основными подходами к изучению безопасности в психологии – психологией безопасности, психологической безопасности, психологией безопасности личности.

3. Изучение психологических факторов и механизмов обеспечения безопасности жизненного пути и самореализации личности может иметь весомое теоретическое значение как для изучения проблемы безопасности в психологии, так и для категорий жизненного пути и самореализации. Выделение в качестве предмета психологического исследования «надситуативных», экзистенциальных аспектов обеспечения личной безопасности создает основания для применения к проблемам психологии безопасности постнеклассической методологии, в том числе их изучение в рамках ценностно-смысловой парадигмы, что открывает широкое поле для исследований, как в психологии безопасности, так и в психологии жизненного пути и самореализации личности.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2011.
2. Краснянская Т. М. Психология самообеспечения безопасности: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2009.
3. Фоменко Г. Ю. Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации // Человек. Сообщество. Управление. Краснодар: КубГУ, 2010. № 1.
4. Яницкий М. С. Ценностная структура массового сознания современной России // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 7 – 27.
5. Яницкий М. С., Серый А. В. Трансформация представлений об экстремальной ситуации в постнеклассической психологии // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 120 – 124.

Информация об авторе:

Иванов Михаил Сергеевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, ivanov.mikail@gmail.com.

Mikhail S. Ivanov – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ВЗГЛЯД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ АЗИАТСКИХ НАРОДОВ НА ПРИЧИНЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Е. А. Иванова

THE OPINION OF REPRESENTATIVES OF VARIOUS ASIAN NATIONS ON THE CAUSES THAT INFLUENCE THE EMERGENCE OF ETHNIC CONFLICTS

E. A. Ivanova

Выполнено в рамках гранта РГНФ 15-06-10673 «Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи азиатской России».

Предметом представленного исследования являются факторы, вызывающие рост межэтнической напряженности и появление межнациональных конфликтов. В статье приводятся данные широкомасштабного исследования в трех странах Азиатского региона – восточной части России, Китае и Монголии (опрошено более 1600 человек в возрасте от 17 до 21 года). Анализируются ответы респондентов на вопрос о том, что они считают причиной ухудшения межнациональных отношений в современном мире. Также приводятся психологические механизмы, которые при надлежащем использовании могли бы скорректировать многие негативные конфликтогенные факторы. Делается заключение о том, что психологические подходы к расширению сознания человека, принятию полиэтничности мира и разнообразия идей и способов самовыражения людей, установлению более естественных и эффективных отношений между представителями разных культур способствуют разрешению межнациональных конфликтов.

The subject of the study is the factors causing the growth of ethnic tensions and the emergence of inter-ethnic conflicts. The paper presents the results of the research in the three countries of the Asian region – the eastern part of Russia, China and Mongolia (authors studied more than 1600 people aged 17 to 21 years). It provides an analysis of responses to the question of what they believe to be the cause of the deterioration of inter-ethnic relations in the modern world. It also provides psychological mechanisms that may overcome many of the negative conflict-generating factors. It is concluded that psychological approaches to the expansion of human consciousness, the adoption of a world of multi-ethnicity and diversity of ideas and ways of human expression, more natural and effective relations between representatives of different cultures contribute to the resolution of ethnic conflicts.

Ключевые слова: межнациональное согласие, межнациональный конфликт, детерминанты межнациональных конфликтов, этноцентризм, межкультурная компетентность.

Keywords: inter-ethnic harmony, ethnic conflict, determinants of ethnic conflicts, ethnocentrism, intercultural competence.

Рост конфликтности современных людей – часто обсуждаемая проблема, которая однако находит оправдание в том, что многие конфликты, решение которых поставлено в конструктивное русло, приводят к улучшению законодательства, организации совместной жизнедеятельности, информированности и пр. Однако рост конфликтов на национальной и религиозной почве отнюдь нельзя назвать позитивным явлением по нескольким причинам:

- подавляющее большинство таких конфликтов происходит не между конкретными личностями, а между группами людей, что резко снижает шансы на скорое разрешение конфликта;

- большинство конфликтов на национальной и религиозной почве начавшихся многие годы назад так до сих пор и не имели разрешения, и с периодичностью в несколько лет вспыхивают все с новой силой.

От конфликтов, которые действительно жидутся на почве межнациональных (или межкультурных) различий, стоит сразу отличать конфликты, имеющие в основе экономические факторы. Ведь многие авторы, долго и подробно анализирующие особенности «межнационального конфликта», на самом деле имеют в виду спор за территорию или природные богат-

ства, затеянный экономическими элитами и выдаваемый как межэтнический конфликт. Так, например, современный русско-украинский конфликт изначально имел экономическую подоплеку, и до сих пор подпитывается преимущественно экономическими причинами, что не позволяет отнести его однозначно к межнациональным конфликтам. Хотя с каждым прожитым днем таких серьезных конфликтных разногласий все острее ощущаются ухудшающиеся отношения друг к другу у представителей наших стран. И уже это позволяет предположить, что, не разрешив в ближайшее время данный экономический конфликт, правительства двух стран через 2 – 3 года столкнутся с «классическим» межкультурным конфликтом, в котором представители российского и украинского этносов будут предвзято относиться друг к другу только по причине принадлежности к другой национальности.

Многие ранние исследователи межнациональных конфликтов и напряженностей выделяют в качестве их основной причины устойчивые этнические стереотипы о предпочитаемой (а значит «правильной») внешности, еде, поведении и даже стиле общения, которые сложились в сознании носителей разных куль-

тур. Так, например, европеец с укоренившимися в его сознании стереотипами европейской жизни, может неодобрительно и даже раздраженно воспринимать такие «чуждые» ему атрибуты, как паранджа, наличие нескольких жен, и даже «неправильное» время завтрака или обеда. Соответственно, по мнению данных ученых, межнациональные конфликты вспыхивают на территориях, где проживают представители разных культур, которые сильно отличаются по внешности и избирают традиционные для себя формы поведения, общения, питания, хозяйствования и прочее. Часто в данном случае исследователи предлагали улучшить межнациональную ситуацию путем создания «единой» культурной среды.

Такой взгляд сегодня нельзя считать правильным, и тому есть ряд подтверждений:

– «интегрированные» в американское общество представители афроамериканской культуры, несмотря на «перенятые» традиции американской жизни, до сих пор ощущают межнациональное напряжение, а мы, в свою очередь, можем часто наблюдать вспышки конфликтности;

– в то же время Восточная Сибирь, в которой проживают народы очень непохожие ни внешностью, ни традициями, длительное время сосуществуют мирно.

Пусть фактор этнических стереотипов и внешних различий и может в некоторых случаях стать причиной межнационального конфликта, все же мы склонны предполагать более глубокие, личностные детерминанты, для изучения которых нужно общаться с представителями разных этносов. Также можно предположить, что данная причина (внешние различия) характерна для конфликтов между представителями не самых интеллектуально и духовно развитых слоев населения – данные конфликты очень часто встречаются в подростковой среде [5], а также среди малообразованных граждан.

Наше исследование, которое проходит в 2014 – 2015 гг. в различных азиатских странах и регионах, это подтвердило. Исследование проводилось под руководством профессора Александра Карнышева, группой ученых Иркутского государственного университета – Е. А. Ивановой, О. А. Карнышевой, А. Ю. Качимской, Е. П. Володиной, Е. Л. Аршинской, М. М. Цыгановой, а также студентами факультета прикладной психологии. Было опрошено более 1600 человек из Азиатского региона – граждан различных российских районов (Республики Тывы, Бурятии, Иркутской области), а также граждан Монголии и Китая (таблица).

Таблица

Причины, влияющие на ухудшение межнациональных отношений

<i>Причина</i>	<i>Россия Ирк. обл. (638 респ.)</i>	<i>Россия Бурятия (342 респ.)</i>	<i>Россия Тыва (150 респ.)</i>	<i>Китай (359 респ.)</i>	<i>Монголия (200 респ.)</i>
Сомнение, этноцентризм у представителей некоторых народов	41,7 %	41,2 %	41,3 %	58,5 %	40,0 %
Отсутствие стремления узнавать особенности и традиции других народов	34,8 %	32,7 %	41,3 %	32,9 %	39,0 %
Отсутствие соответствующей работы по международным документам о мире и согласии	11,8 %	7,6 %	13,3 %	19,5 %	26,0 %
Исторически сложившиеся традиции ксенофобии (боязни чужих)	22,1 %	31,0 %	21,3 %	34,3 %	27,0 %
Действия политиков некоторых стран	32,3 %	35,4 %	34,7 %	16,7 %	19,0 %
Исконно присущая отдельным народам агрессивность	22,3 %	19,6 %	13,3 %	10,9 %	12,5 %
Различия в экономических интересах	5,8 %	4,7 %	6,7 %	10,9 %	7,0 %
Низкая культура межнациональных контактов	9,6 %	9,1 %	13,3 %	1,7 %	3,5 %

Несмотря на то, что есть различия во мнениях участников опроса о том, что именно приводит к ухудшению межнациональных отношений, во всех перечисленных регионах на 1 место поставили «Сомнение и этноцентризм», которые проявляются в преувеличении достоинств собственного этноса и унижении качеств представителей других этносов. Т. е. именно данный фактор заставляет людей на-

строиться негативно к такому человеку и в дальнейшем может привести к конфликту. Как психолог, автор может отметить, что сомнение и этноцентризм – это достаточно часто встречающиеся личностные качества человека, причиной возникновения которых в большинстве случаев является неправильное воспитание в семье: родители или взрослые родственники позволяют себе унижительно высказываться о

людях другой национальности, вызывая у ребенка возникновение чувства превосходства его расы над всеми другими. Особенно опасным такой человек становится при сочетании в его личности и других качеств, например, харизматичности, умении убеждать других людей и манипулировать их сознанием. В таком случае мы встречаем «феномен» Гитлера, развязавшего мировой конфликт, во многом базирующийся на личностном самомнении и этноцентризме этого человека.

Проведенный А. М. Кибизовым краткий исторический анализ, позволил ему утверждать в своей диссертационной работе, что подобные, основанные на этноцентризме, межнациональные конфликты были свойственны человечеству в самых различных периодах его развития, в результате чего автор пришел к выводу, что межнациональные конфликты присущи человеческому обществу в принципе, а причины их коренятся в природе самого человеческого существа [4]. Их постоянное воспроизведение говорит о том, что межнациональный фактор является исторически долговечным и постоянным.

На второе место среди факторов, влияющих на ухудшение межнациональных отношений, наши респонденты поставили:

- респонденты из Иркутской области, Тывы и Монголии – «Отсутствие стремления узнавать особенности и традиции других народов»;
- респонденты из Бурятии – «Действия политиков»;
- респонденты из Китая – «Исторически сложившиеся традиции ксенофобии (боязни чужих)».

Опять же, кроме фактора «действия политиков», остальные – это личностные особенности, не позволяющие человеку компетентно действовать в ситуации полиэтничности контактов. Конечно, если человек боится чужаков и не хочет узнавать об их особенностях и привычках, он может комфортно прожить в моноэтничном обществе и никогда не знать конфликтов. Однако в современном мире, склонном к все большей полиэтничности (особенно в профессиональной и туристической сферах), такой человек превратится в ходячий «конфликтотген»: в силу своего незнания, неумения, он может оскорбить человека другой национальности, даже не желая этого. Так поступают молодые российские туристки, гуляя по арабским странам в крошечных юбках, так поступают европейские туристы, не снимающие головной убор и спокойно фотографирующиеся в христианских храмах. Ведь в Европе в католических храмах это можно делать сколько угодно, тогда как в России народ с большей трепетностью относится к религиозным местам и памятникам воинской славы. Даже если человек уверен, что ему не пригодятся знания межэтнических и межкультурных различий, жизнь легко может нарушить эту его уверенность – сменившиеся экономические приоритеты могут заставить его переехать в другой регион, в другую страну или его дети могут захотеть поехать учиться за границу. Невозможно в поликультурном мире отгородиться от всех других. Так, например, некоторые трудящиеся из стран Средней Азии, приехавшие на заработки в Иркутскую область со всей своей семь-

ей, столкнулись с необходимостью давать одинаково качественное образование и девочкам, и мальчикам. Обратившись к учителям, они просили учить своих дочерей только самым элементарным вещам – писать и читать, мотивируя это тем, что девочка выйдет замуж и никогда не будет работать, не давать девочкам никакие дополнительные «бесполезные» кружки и секции – иностранный язык, шахматы и прочее. Однако учителя не пошли на встречу, не приняли во внимание «вековые традиции», ведь девочки будут жить в другом мире – мире разнообразных культур и религий.

Можно иметь какие угодно воззрения, привычки и даже принципы, но в современном мире межкультурная компетентность, как способность благополучно сосуществовать и сотрудничать с представителями самых разных культур, является необходимым условием цивилизованности человека.

Фактор «Действия политиков», как детерминанта межнационального напряжения, опять показывает сильную взаимосвязь между межнациональным и экономическим конфликтом. Примечательно, что этот фактор намного чаще (почти в два раза) выделяют респонденты из России (его отметили 35 % российских респондентов, 16,7 % респондентов из Китая и 19 % респондентов из Монголии). Причина, скорее всего, заключается в разных информационных воздействиях СМИ в наших странах. В России ежедневно в новостных и аналитических программах подчеркивается (и неоднократно) роль тех или иных политиков в разжигании конфликтов.

Респонденты из Китая несколько чаще, чем россияне и монголы, подчеркивают различия в экономических интересах разных народов как источнике конфликтов.

Выделенные респондентами личностные качества, лежащие в основе возникновения межнациональных конфликтов, при надлежащей работе (особенно с детского возраста) могут быть исправлены, скорректированы. Сегодня появляются все новые методы работы со школьниками и студентами по формированию у них межкультурной компетентности [1; 3; 6]. Особенно важно в данной работе учитывать региональный фактор [2].

Однако ни один из психологических способов урегулирования межнациональных конфликтов не является идеальным, так как ни один психологический механизм не способен разрешить социальные проблемы. Но, даже не изменяя социальную ситуацию, психологические подходы способствуют расширению сознания человека, принятию полиэтничности мира и разнообразия идей и способов самовыражения людей, установлению более естественных и эффективных отношений между представителями разных культур, проживающих в непосредственной близости друг от друга, объединению людей вокруг общих целей (в том числе глобальных – сохранение природы, красоты, доброты), уменьшению влияния на человеческие взаимоотношения грубых механизмов политического и экономического манипулирования. И для достижения этих благородных целей необходимо использовать все возможности.

Литература

1. Карнышев А. Д., Карнышева О. А., Иванова Е. А. Межкультурная компетентность и межнациональная толерантность студентов // Социология образования, 2013. № 06. С. 62 – 79.
2. Карнышев А. Д., Терехова Т. А., Трофимова Е. Л., Иванова Е. А., Карнышева О. А., Ефимова А. В. Межкультурная компетентность в реалиях жизни азиатских народов. Иркутск: Репроцентр А1, 2013.
3. Карнышев А. Д., Терехова Т. А., Трофимова Е. Л., Скорова Л. В., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Психология межкультурной компетентности: сущность, региональная специфика, технологии формирования. Иркутск: Репроцентр А1, 2012. 438 с.
4. Кибизов А. М. Преступность на почве межнациональных конфликтов: криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 30 с.
5. Черкасова С. А. Детерминанты межнациональных конфликтов в подростковой среде // Прикладная психология и психоанализ. 2013. Т. 3. С. 9. Режим доступа: <http://ppip.idnk.ru> (дата обращения: 10.05.2015).
6. Elena Ivanova De la formation en competence interculturelle des enseignants d'Irkotsk // Cultures, education, identite, Recompositions socioculturelles, transculturalite et interculturel / Etudes reunies par Olivier Meunier. France. Artois presses universite. 2014. P. 251 – 256.

Информация об авторе:

Иванова Елена Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета, ea444@yandex.ru.

Elena A. Ivanova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Educational Psychology and Personal Development, Pedagogical Institute, Irkutsk State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.99

**ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ПАТРИОТИЗМА
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ**

А. Д. Карнышев

**ETHNO-PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF INTERRELATION OF PATRIOTISM
AND INTERETHNIC CONSENT IN A POLYCULTURAL SOCIETY**

A. D. Karnyshev

Выполнено в рамках гранта РГНФ 15-06-10673 «Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи азиатской России».

В статье патриотизм рассматривается как любовь к отечеству, вытекающая из солидарности интересов граждан данного государства или членов данной нации. Основными проблемами взаимосвязи патриотизма и межнационального согласия является следующее: во-первых, быть патриотом для отдельных личностей – прежде всего противопоставление своих сокровенных национальных ценностей ценностям других народов. Люди, провозгласившие лозунг «Россия для русских», скорее всего, в своем большинстве являются патриотами, но вот в их активном стремлении к межнациональному согласию в своей полиэтнической стране можно усомниться. Во-вторых, многонациональные государства, такие как США, Канада, Швейцария, Россия и т. д. вынуждены искать «скрепы», которые ставят гражданскую идентичность своего населения над этнической идентичностью. В-третьих, нельзя уйти от противоречий между патриотизмом граждан страны и региональным патриотизмом, как любви к малой родине. Автор выделяет некоторые виды патриотизма: 1) воинственный патриотизм, 2) пафосный патриотизм, 3) житейский (обыденный) патриотизм. Существует также лжепатриотизм. Конкретными феноменами, в которых наиболее ярко прослеживается взаимосвязь патриотизма и межнационального согласия выступают эгоцентризм, национализм, космополитизм и т. п. На примере социального опроса среди студентов из разных регионов Сибири, Китая и Монголии в статье рассматриваются конкретные прикладные проблемы: связь уровня патриотизма и межнациональных отношений, мнение о будущем патриотической ориентации в глобализирующемся обществе и т. д.

In the paper patriotism is considered as the love to the fatherland resulting from solidarity of interests of citizens of that state or members of that nation. The main problems of interrelation of patriotism and interethnic consent are the following: first, for some people being a patriot means primarily the opposition of the intimate national values to the values of other peoples. The people who proclaimed the slogan "Russia for Russians", most likely, are mostly patriots, but it is possible to doubt their active aspiration for international consent in the polyethnic country. Secondly, the multinational states, such as the USA, Canada, Switzerland, Russia etc., compelled to look for "clamps" which put civil identity of the population over ethnic identity. Thirdly, it is impossible to leave from contradictions between patriotism of

citizens of the country and regional patriotism, as love to the small homeland. The author allocates some types of patriotism: 1) aggressive patriotism, 2) pathos patriotism, 3) everyday (ordinary) patriotism.

Ключевые слова: патриотизм, межэтническое воздействие, гражданская и этническая идентичность, ценности молодежи.

Keywords: patriotism, interethnic influence, civil and ethnic identity, youth values.

Патриотизм и межнациональное согласие могут оказаться, по меньшей мере, противоречивыми, и на это есть немало причин. Во-первых, быть патриотом для некоторых личностей – значит, прежде всего, противопоставлять свои сокровенные национальные ценности ценностям других народов. Люди, провозгласившие лозунг «Россия для русских», скорее всего, в своем большинстве являются патриотами, но вот в их активном стремлении к межнациональному согласию в своей полиэтнической стране можно усомниться. Во-вторых, многонациональные государства, такие как США, Канада, Швейцария, Россия и т. д. вынуждены искать «скрепы», которые ставят гражданскую идентичность своего населения над этнической идентичностью. В противном случае, потенциалы сепаратизма могут возобладать. Рассмотренные и другие крайности – от слияния национальных и патриотических чувств до их полной противопоставленности – уверенно можно расположить на кривой Гауса и полученный спектр отношений будет весьма колоритным. Уже этот момент предполагает тщательный анализ обоих понятий с целью уточнения их возможных соотношений.

Ф. Брокгауз и И. Ефрон в энциклопедическом словаре дают следующее определение: «Патриотизм – любовь к отечеству, вытекающая из солидарности интересов граждан данного государства или членов данной нации». С. Ожегов, наряду с названными, приводит расширительную версию слова патриот: человек, преданный интересам какого-нибудь дела, горячо любящий что-нибудь. Французское происхождение слова «патриотизм» побуждает взглянуть на некоторые его нюансы именно с этнических позиций данного народа. В частности, известный ученый из Франции Г. Тард считал, что очень трудно найти истинный всеобщий полюс народов, который «обладал бы способностью возвышать и укреплять единение душ так же энергично, как религия и отечество». И пока существуют соперничающие нации и классы, верования подобного рода будут играть свою наиважнейшую роль во всех сферах жизнедеятельности общества. В противном случае нельзя позавидовать людям и отдельной личности и всем находящимся в такой ситуации: «общество, как и отдельный человек, прежде всего нуждается в какой-нибудь великой любви, и если оно перестает любить что-нибудь больше своей жизни, то его жизнью не стоит и жить» (5 с. 419). Но для ученого великая любовь к чему-то общему может и должна сочетаться с «неисчерпаемой роскошью различий», которые существуют во Вселенной в материальных, социальных и психологических вариантах, а значит касаются как отдельных людей, так и всевозможных сообществ. Неисчерпаемая роскошь различий в своих национальных вариантах настраивает, с одной стороны на познание и признание уникальности других народов, а – с другой – на поиск

всего, что может стать основой межнационального согласия.

Анализируя соотнесенность патриотизма и истоков межнационального согласия, нельзя забывать о том, что *характеры, природные данные современных людей – это во многом результаты взаимовлияний и взаимосмешений черт и особенностей различных этносов, появившихся в силу длительного проживания на одной земле и межэтнического взаимодействия*. Последнее же в психологическом плане нередко приносит изменения и модификации в личность на подсознательном уровне, и представители этнических групп могут совершенно не осознавать последствий этого процесса, не видеть его внутренних результатов, хотя таковые «проникают» в психику человека. В 30-х гг. XX в. психолог и историк К. Юнг, характеризуя североамериканцев, писал: «Внутри каждого американца, поскольку он живет на этой девственной почве, скрывается краснокожий индеец. И пусть даже он никогда не встречал ни одного краснокожего, пусть негры отовсюду изгнаны и даже места в трамваях предназначены только для белых, негр и индеец оба сосуществуют внутри американца, который сам, в силу этого, оказывается представителем отчасти цветной нации. Подобные вещи совершенно бессознательны и говорить о них можно лишь с наиболее просвещенными людьми» [7, с. 46]. Именно показанная Юнгом психологическая «смешанность», несмотря на некоторые расовые противоречия в США, легла в генетический фундамент общей гордости американцев за свою страну, стала первоосновой многих патриотических чувств.

Россия в своей истории показала наличие разнообразных «оттенков» патриотизма, как своего рода «родинофилии», и в добавление к ней вариантов «родинофобии». Их спектр позволяет рассматривать определенные уровни того и другого явления. По меньшей мере, здесь:

а) **воинственный патриотизм**, когда соответствующие чувства направлялись на защиту Родины, на победы над её врагом: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...»;

б) **пафосный патриотизм**: чувства любви к своему Отечеству направляются на укрепление гордости за его традиции и дела, на усиление гражданской идентичности (все сегодня помнят патриотическое влияние празднования 70-летия Дня Победы);

в) **житейский (обыденный) патриотизм**: в нём, казалось бы, нет места для поклонений и преувеличений; восхищение родными местами и их обитателями проявляется в простых чувствах и суждениях, но именно такая «простота» делает явление в целом весьма и весьма жизненным и стабильным. Тот, кто помнит стихотворение М. Лермонтова «Родина», может прекрасно понять данный нюанс:

Но я люблю – за что не знаю сам –
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям...

В повседневной практике жизни народов могут быть и элементы **лжепатриотизма**. Они возникают в случаях, когда за словами о любви к Родине не стоят реальные поступки, а, наоборот, скрывается готовность действовать вопреки её интересам.

Во время СССР понятие «патриотизм» было востребованным и определялось даже в психологических словарях: «патриотизм – одно из важнейших социальных чувств человека, в основе которого лежит чувство любви к Родине, к своему народу...» (Словарь социально-психологических понятий. Л., 1987). С подачи некоторых политиков постсоветского периода «патриотизм» и связанные с ним термины оказались не только размытыми, но и наполненными негативным смыслом: «патриот – последнее прибежище подлеца» (К. Илюмжинов). В связи с такой постановкой вопроса и в научной сфере проблема рассматривалась далеко не однозначно. В последнее время наметились тенденции возвращения к отчасти традиционному содержанию понятия «патриотизм», увязывая его с уровнем гражданской идентичности жителей страны. Причем это происходит с учетом междисциплинарности и полиэтнического содержания вопроса. Почти три века назад известный поэт России Василий Тредиаковский написал «Стихи похвальные России». В них он, понимая невозможность отразить любовь к родине посредством только русской речи, привёл такие слова:

Сто мне языков надобно б было
Прославить всё то, что в тебе мило.

Приведенные строки оказались пророческими в том плане, что гордость не только локальными местами российской земли, но и её общими делами, успехами, достижениями стала звучать на всех многочисленных – более двухсот – языках и наречиях народов нашей страны [см. также 3].

Чтобы более детальной разобраться в вариантах соотносительности понятий патриотизм и межнациональное согласие, целесообразно обратиться еще к ряду терминов. Среди них, в первую очередь, стоит выделить **этноцентризм**, как **стремление воспринимать все окружающее через призму ценностей своего этноса**, выступает как явление преимущественно психологического порядка. Ему свойственно пассивное самолюбование и сомнение, причем даже негативная оценка других по собственным меркам может совершенно не проявляться во внешних реакциях, маскироваться под этикетом добропорядочности и доброжелательности к другим людям. Пассивный этноцентризм может, с одной стороны, вообще не иметь отношения к патриотизму, а с другой – «окрашивать» его в спокойные, позитивно направленные тона.

Качественное изменение этноцентризма происходит в тех случаях, когда он наполняется политическим и идеологическим содержанием, т. е. из сугубо внутреннего отношения превращается во внешнюю готовность к действиям. Наиболее часто встречающимся примером политизированных движений, с ко-

торыми увязывают стратегию поведения одного этноса по отношению к другим, является понятие **национализм**. Данный термин также заимствован из французского языка, но в своем функционировании в нашей стране претерпел определенную смысловую трансформацию, приняв на себя в основном негативную окраску. Для большинства русскоязычных народов **национализм – это система воззрений, чувств и практических действий, сущностью которых является утверждение национальной исключительности, национальной обособленности и самодостаточности, сочетающееся с умалением или даже игнорированием достоинства других, находящихся за пределами России, народов**. Крайние формы национализма в политической науке и практике называют **шовинизмом**.

Краткий анализ чувственного «спектра», связанного с этнической настроенностью, позволяет утверждать, что нормальный **патриотизм** разительно отличается от национализма и шовинизма. Он не содержит в себе сознания исключительности собственной нации и игнорирования исторической и социальной значимости других народов. **Патриотизм – это любовь к своей родине и своему народу, сочетающая в себе адекватную самооценку достоинств и недостатков собственной этнической группы с уважением и признанием самобытности и ценности духовного мира представителей любых других национальностей и в целом наций**. В России такие чувства постепенно кристаллизуются в термины «российский народ», «народы России», где среди разных этносов не существует каких-либо противопоставлений. Соответствующий патриотизм предполагает в качестве обязательной составляющей способность индивида и этноса увидеть за лучшими чертами и качествами собственного сообщества адекватные характеристики других народов, опереться на это лучшее в себе и других при межнациональном взаимодействии.

Во все более глобализирующемся мире своеобразную окраску получает понятие **космополитизм**. В наполнении его содержания встречаются как позитивные, так и негативные тенденции. С положительной точки зрения представителя космополитизма – космополита можно охарактеризовать как носителя мировоззрения, имеющего в своей основе стремление к благу всего человечества и ставящего это благо выше выгод своей родины, разделяющего радости и печали всех народов. Космополит в обобщенном понятии – «гражданин Вселенной», «гражданин мира». Если же принимать во внимание отрицательные черты космополита, то это, прежде всего, человек, не знающий и не признающий своей родины, не относящий себя к какой-либо национальности и поэтому чуждый патриотизма, оторванный от интересов своего народа. Космополит в такой трактовке – это индивид, который оторван от национальных традиций и культуры во имя абстрактного единства человеческого рода, его отечество там, где ему лично хорошо (*ubi bene, ibi patria*).

Рассматривая вопросы взаимосвязи патриотизма и межнационального согласия, нельзя забывать о существующих негативных тенденциях. Общеизвестно,

что с самого зарождения научного социально-психологического и культурного знания в материалах западных исследователей то и дело подчеркивались мнения об определенной ущербности российского человека, причём, независимо от его национальностей. Всего лишь два примера из XX в.

1. В построенной Г. Лебоном иерархии рас (первобытные, низшие, средние, высшие) нашим соотечественникам хотя и уделялось место в высшей «категории», но с очень существенной оговоркой: «англичанин, испанец, русский относятся к группе высших народов; однако мы хорошо знаем, что между ними существуют очень большие различия» [2, с. 30 – 31].

2. Намного дальше в предвзятой оценке русского и «иже с ним» населения нашей страны, но и сопредельных с нами государств пошел известнейший философ О. Шпенглер. Он, высказывая свою ненависть к «цветным» людям, писал, что «под цветными я подразумеваю и жителей России, а также Южной и Юго-Восточной Европы» [6, с. 494].

Мы приводим эти факты, выступающие как бы вершиной «айсберга общественного мнения» Запада о характеристиках российского народа лишь для того, чтобы подчеркнуть исторически существующую предвзятость. «Почва подготовлена» за многие века и десятилетия, предубежденность детерминирована у значительного количества современных «русофобов» не только внешними мнениями и оценками, но, можно сказать, впитана с молоком матери. При этом природной русофобии способствовали и различные внешние обстоятельства: исторические традиции, идеологические воздействия, «холодная война», борьба за права личности и даже целых народов в Советском Союзе и т. п. И сегодня предубежденность определённым образом используется для дестабилизации межнационального согласия и в российских и в международных масштабах.

Существующие противоречия требуют детализации всей деятельности с учётом этнических и региональных аспектов. Но в научном и, отчасти, практическом описании вопросов формирования патриотизма и межнационального сотрудничества в России существует излишняя централизованность, когда во внимание берутся только в первую очередь общие характеристики процесса в целом по стране. При таком подходе за основу принимаются только глобальные детерминанты, а обращение к локальным, зачастую воспринимается отдельными учеными и практиками в качестве регионального и/или национального сепаратизма.

Но практика поставляет все больше специфических фактов. Например, в социальных сетях наблюдается появление у отдельных категорий пользователей нового тренда (моды) – стремления подчеркивать свою негативную ориентацию по отношению к России и гражданству в ней. Причем, подобные тенденции в большей мере наблюдаются у «продвинутой» молодежи, живущей в «столичных» и крупных городах, а не в провинциальных регионах. Противники таких позиций (как в центрах, так и в провинциях) нередко становятся «конформистами наоборот» – боятся высказывать собственное мнение, даже находясь в большинстве. Таким образом, провинциальная моло-

дежь начинает отчасти бояться собственных патриотических взглядов, по крайней мере, не высказывает их вслух. Только анонимные исследования отражают реальную картину.

Излишняя центробежность наблюдается и в социальной практике. В настоящее время патриотизм людей, их гражданские ценности в основном связывают с федеральными и международными факторами. Речь идет о восстановлении российского величия, о развитии евроазиатского сотрудничества и т. д. и т. п. Вне всякого сомнения, политические факторы имеют значимый консолидирующий ресурс и большое влияние на формирование достоинства гражданина России, его гражданскую идентичность. Но у данного процесса есть значимые недостатки. Во-первых, влияние политики на патриотизм людей зачастую ситуативно и зависит от колебания внутри российской и международной обстановки. Во-вторых, немалое количество людей совершенно не вовлечено в политическую деятельность из-за своих мировоззренческих и иных позиций. Нельзя сбрасывать со счетов негативизм отношения к политическим деятелям, партиям, движениям. Особенно такое положение проявляется в российских регионах, в первую очередь, отдаленных. В-третьих, политический фактор в укреплении межнационального сотрудничества невозможно оценивать однозначно и потому, что идеологи западных стран всемерно стремятся подчеркнуть негативное влияние данного фактора со стороны России на взаимоотношения и взаимопонимание народов. В свете событий на Украине, можно видеть, что это порой удаётся.

Одной из существенных проблем взаимосвязи патриотизма и межнационального согласия является анализ этнорегиональных аспектов данного явления. В частности, это можно рассмотреть на сибирских примерах. Провинциалам азиатской России есть что использовать в современной практике. Проживание в полиэтничных регионах вызвало к жизни у аборигенов и русских старожилов меж(би)культурную компетентность, т. е. способность людей нормально функционировать, а зачастую и эффективно сотрудничать в рамках двух и более культурных особенностей (например, у бурят, эвенков и др. аборигенов в религиозных ориентациях уже в царской России наблюдалось двоеверие (шаманизм и христианство), а то и троеверие (плюс буддизм). Аналогичные явления возникли в области хозяйствования, природопользования и т. д. Таким образом, в течение длительного времени функционировал так называемый «сибирский мультикультурализм» (выражение польской исследовательницы, доктора социологии Э. Новицкой), опыт и традиции которого могут быть успешно использованы сегодня. Существенной характеристикой данного феномена было превалирование гражданской идентичности над этнической. Это был неброский, но устойчивый патриотизм.

Стабильное экономическое и социальное развитие народов азиатской Сибири, как и их межнациональное согласие, детерминированы, на наш взгляд, следующими обстоятельствами:

а) особенностями ландшафтно-климатического окружения (тундра, степи, суровые морозы и т. д.) и спецификой отношения к ним населения;

б) существующими традициями и инновациями в области хозяйствования и природопользования;

в) особенностям экологических требований и стандартов, возникающих в конкретных регионах;

г) этнокультурным наследием народов, в том числе конфессиональными установлениями;

д) характером межнациональных контактов между народами, проживающими в регионе.

Правильное (адекватное) отражение структуры этнорегиональных ценностей позволяет избирать наиболее оптимальные инструменты позитивного влияния на разные категории молодежи (см., например, [8]).

О каком-то устойчивом патриотизме сибирских жителей в кризисных условиях трудно говорить. К

сожалению, современная жизнь отличается такой западно-восточной направленностью: люди считают, что, чем западнее регион, тем уровень комфортности и цивилизованности проживания в нем выше, и наоборот. Проявления западно-восточного крена мы зафиксировали в политических исследованиях в Сибири конца XX в. – начала XXI в. Вопрос в те времена шел об электоральной психологии. В 2012 г. при реализации гранта РГНФ мы задали соответствующий вопрос студентам из 3-х регионов (Иркутская область, Забайкальский край, республика Бурятия). Результаты в масштабах Иркутской области оказались в основном аналогичными (таблица 1).

Таблица 1

Сравнение оценок уровня жизни в Иркутской области и других регионах данных молодыми респондентами

<i>Регионы для сравнения</i>	<i>Варианты оценок (%)</i>				<i>Ис</i>
	<i>лучше</i>	<i>хуже</i>	<i>так же</i>	<i>не определились с оценкой</i>	
Забайкальский край	17	21	24	38	-4
Республика Бурятия	13	30	36	21	-17
Красноярский край	23	13	30	34	+10
Новосибирская область	32	11	31	26	+21
Москва и Московская обл.	44	16	8	32	+28
Юг России	38	12	6	44	+26

По таблице заметно, что **индекс сравнения (Ис)**, который отражает разницу между «лучше» и «хуже», явно сориентирован в «западную» сторону, что соответствует высказанным выше утверждениям.

Чтобы показать наличие разных позиций по некоторым значимым для нашего исследования вопросам со стороны лиц с неодинаковыми суждениями о патриотизме, мы сформировали таблицу, в которой, с одной стороны, отразили содержание некоторых оцениваемых явлений, с другой стороны, их восприятие (оценку) в целом по опросу и у представителей с раз-

ными суждениями о патриотизме. На основе конкретных исследований в таблице представлены следующие суждения о патриотизме.

I. Одно из обязательных условий и составляющих нормальной жизни, чувство единения с родной землей и ее жителями (N = 320).

II. Понятие значимое, но не для всех наполненное конкретным содержанием (N = 170).

III. Придерживаюсь принципа: «Где хорошо, там и родина» (N = 96).

Анализируемые данные отражены в таблице 2.

Таблица 2

Оценка некоторых особенностей межнациональных отношений у лиц с разными суждениями о патриотизме

<i>Содержание рассматриваемого явления</i>	<i>Общие данные по опросу</i>	<i>Суждения о патриотизме</i>		
		<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>
Наличие в обществе конфликтных, тревожных взаимоотношений (%)	13,0	8,4	18,8	120,8
Положительная оценка влияния религии на межнациональные отношения (%)	34,2	38,5	29,4	29,2
Согласие с позицией, что понятие толерантность значимо и актуально во всех современных ситуациях (%)	55,6	62,5	49,4	45,8

Среди заметных расхождений в оценке ряда явлений в соответствии с целями нашей статьи выдели позиции по межнациональным отношениям. У «космополитов», скажем так, преобладают более пессимистические оценки данного явления в некоторых его конкретных характеристиках. Конечно, чтобы более точно диагностировать подобного рода отличия, нужны, кроме опроса детальные инструменты типа тестов

и проективных методик, но и представленные данные неплохо свидетельствуют о специфике мировосприятия «патриотов» и «космополитов».

Один из самых существенных вопросов при рассмотрении феномена патриотизма – это определение в массовом сознании людей «базы» для его возможного существования. Ведь чем больше люди уверены, что «плавильный котел наций» в скором времени начнет

действовать все интенсивнее, тем скорее будет разрушаться фундамент для любви к конкретному отечеству (см., к примеру, [1; 4]). Чтобы каким-то образом диагностировать данные тенденции в нашем кросс-

культурном исследовании, был задан вопрос о будущем развитии разных народов. Его результаты в разрезе стран и регионов (Россия) отражены в таблице 3.

Таблица 3

Мнение о будущем наций и народов

<i>Вариант ответа</i>	<i>Россия Ирк. обл. (N = 638)</i>	<i>Россия Бурятия (N = 342)</i>	<i>Россия Тыва (N = 150)</i>	<i>Китай (N = 359)</i>	<i>Монголия (N = 200)</i>
Глобализм приведет к обязательному унифицированию всех наций и народов	24,0 %	17,3 %	18,7 %	12,8 %	22,5 %
Разграничения будут только по расовым и территориальным признакам (европейцы, азиаты, африканцы и т. д.)	23,4 %	20,8 %	14,7 %	15,0 %	35,0 %
При объединении некоторых характеристик и интересов наций все же будут наблюдаться определенные различия, каждый народ будет отстаивать свою самобытность и уникальность	47,0 %	54,4 %	61,3 %	65,2 %	39,0 %

Представленная таблица дает «пищу для ряда рассуждений». Обратимся к некоторым из них. Во-первых, исследование позволяет поддерживать оптимистические нотки в отношении будущего патриотизма. Первенство позиций по отстаиванию самобытности и уникальности народов практически во всех странах дает надежду и на гордость этой самобытностью, стремлению её отстаивать. Во-вторых, наблюдается заметное снижение по последней позиции у монголов. Но у них же отслеживается более существенное признание территориальных и расовых различий. Скорее всего, известный с давних пор термин «монголоидная раса» все же является ностальгическим для немалого числа жителей Монголии. В-третьих, можно отметить скрытую для читателей закономерность, когда чем больше аборигенных жителей в регионе, тем больше склонность респондентов поддерживать мнение о самобытности и уникальности народов. К сведению: в республике Тыва более половины «коренных» жителей, в Бурятии – около 30 % бурят, а в Иркутской области бурят лишь чуть более 3 %. По всей видимости, данный аспект нужно целенаправленно использовать при воздействии на разные этнокультурные группы молодежи.

Заключая статью о проблемах взаимосвязи патриотизма и межнационального согласия, подчеркнем, что прикладными сторонами данного явления, которые важно принимать во внимание в разного рода деятельности, выступают:

- учет исконных представлений, позиций и менталитета этнических групп в их отношении к детерминантам любви к Отечеству;
- необходимость анализа своеобразия поведения и привычек людей конкретных национальностей при реакциях на политические воздействия;
- обеспечение экономических и социально-психологических условий для возрождения традици-

онных форм хозяйствования и природопользования, как материальной основы для развития патриотизма;

- привитие подрастающему поколению разных народов лучших этнических традиций, навыков и умений межэтнического взаимодействия;

- формирование эффективных правил и процедур этнически ориентированного туристического обслуживания, ориентированного на формирование гордости своей малой Родиной. При этом учитывается, с одной стороны, самобытность и уникальность этнографических объектов туризма – социальных (люди, их труд и быт) и исторических (экспонаты музеев, коллекции, изделия древних мастеров и т. п.), с другой стороны, этнопсихологические особенности приезжающего туриста, его запросы, интересы, потребности;

- учет особенностей этнических групп и их представителей в организации мероприятий рекламы и маркетинга, особенно в вопросах восприятия рекламных сообщений, этнических критериев качества продукции, формирования региональных экономических стереотипов, престижного и статусного потребления и т. д.;

- устранение или хотя бы нейтрализация психолого-экономических причин и факторов, способствующих возникновению ксенофобии, межэтнической агрессии и «селекция» альтруизма и толерантности;

- обеспечение эффективности межэтнических деловых контактов: как между этническими группами в целом, так и между их отдельными представителями – предпринимателями, коммерсантами, бизнесменами, что весьма актуально в условиях перориентации экономики на отечественную продукцию.

Наличие практических вопросов, многие из которых или мало изучены, или совершенно не рассматривались исследователями, говорит о значительных перспективах анализа этнопсихологических проблем патриотизма и межнационального согласия.

Литература

1. Карнышев А. Д., Винокуров М. А. Человек и этнос на своей земле (экономика и психология самобытности и сотрудничества народов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. 348 с.
2. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.
3. Ломоносов М. В. Древняя российская история. СПб.: Лениздат, 2014 256 с.
4. Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия / отв. ред. А. Д. Карнышев. Иркутск: ИГУ, 2014.
5. Тард Г. Социальная логика. СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
6. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век: антология. М.: Юрист, 1995. С. 454 – 494.
7. Юнг К. Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: её теория и практика. Киев: СИНТО, 1995. VII. 236 с.
8. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012. 237 с.

Информация об авторе:

Карнышев Александр Дмитриевич – доктор психологических наук, декан факультета прикладной психологии педагогического института Иркутского государственного университета, ale3441@yandex.ru.

Alexander D. Karnyshev – Doctor of Psychology, Dean of the Faculty of Applied Psychology, Pedagogical Institute, Irkutsk state University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.99

**ЭТНИЧЕСКАЯ СМЕШАННОСТЬ – НЕСМЕШАННОСТЬ СЕМЕЙ
КАК ФАКТОР МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ И ПАТРИОТИЗМА**

О. А. Карнышева

**ETHNICALLY MIXED (MULTINATIONAL) AND UNMIXED (MONO-ETHNIC) FAMILIES
AS A FACTOR OF INTERETHNIC HARMONY AND PATRIOTISM**

O. A. Karnysheva

Выполнено в рамках гранта РГНФ 15-06-10673 «Факторы и особенности формирования патриотизма и межнационального согласия у молодежи азиатской России».

В статье анализируются различия между представителями из смешанных (многонациональных) и несмешанных (мононациональных) семей в вопросах межнационального взаимодействия, межнационального согласия и патриотизма. Данное исследование проводилось в 2015 году. В опросе участвовали более 600 студентов Байкальского региона. Исследование показало, что, несмотря на значительное количество совпадений, можно говорить о существовании значимых различий между представителями смешанных и несмешанных семей в их оценке межнациональных отношений, и явлений связанных с патриотизмом и межнациональным согласием. В данных вопросах можно с уверенностью говорить о позитивном влиянии такого фактора как смешанность семьи.

The paper analyzes the differences between the representatives of mixed (multinational) and unmixed (mono-ethnic) families in matters of inter-ethnic interaction, ethnic harmony and patriotism. This study was conducted in 2015. The survey involved more than 600 students of the Baikal region. The study showed that, despite a significant number of matches, it is possible to speak about the existence of significant differences between members of mixed and unmixed families in their assessment of interethnic relations, and phenomena associated with patriotism and interethnic consent. In these matters we can confidently speak about the positive impact of such factors as the heterogeneity of the family.

Ключевые слова: патриотизм, межнациональное согласие, смешанные и несмешанные семьи, межкультурная компетентность.

Keywords: patriotism, interethnic harmony, mixed and unmixed families, intercultural competence.

В последнее время мы все чаще слышим и задумываемся о таком явлении как патриотизм. Растет понимание, что именно он является источником стабильности в обществе, он удерживает жителей от миграции в другие страны и города, он свидетельствует о благополучии людей на своей земле. Но патриотизм не имеет ничего общего с замыканием человека на уз-

ких национальных интересах. Истинный патриотизм по своей природе гуманистичен и включает в себя уважение к другим народам и странам, к их национальным традициям и обычаям, к их самостоятельности и независимости и неразрывно связан с культурой межнациональных отношений. Если человек – патриот своей страны, он будет всегда исходить и действо-

вать в ее интересах, ставя во главу угла комфорт и благополучие (экономическое, социальное, политическое и пр.) своих соотечественников, но не в ущерб другим. Отсюда животрепещущим становится вопрос о формировании патриотизма у младших поколений.

На формирование ценностных ориентаций, мировосприятия и мировоззрения любого человека значительное влияние оказывает его семья и ближайшее окружение. Особенно существенно это влияние в раннем возрасте, когда большинство моделей поведения, представлений о мире и даже личностных качеств усваивается ребенком благодаря работе неосознаваемых и мало-осознаваемых механизмов. А потому, можно говорить о том, что особенности семьи будут обуславливать формирование межкультурной компетентности и патриотизма у младшего поколения.

Особенность нашего Байкальского региона состоит в том, что мы ближе географически к восточным странам. А в восточных народах сильна роль культурных традиций, роль семьи. Может быть это связано с тем, что представители восточных культур не так сильно включены в процессы миграции и глобализации. В западных же культурах эти процессы протекают довольно интенсивно. Жители западных стран гораздо чаще и сильнее подвергаются воздействию на себя представителей других культур с их ценностями, традициями и установками. И, конечно, такому интенсивному давлению трудно сопротивляться. Отсюда и те перемены, что происходят не только в мировосприятии западных народов, но и в их ценностных ориентациях. В том числе таких, как ценность семьи и брака, которая в настоящее время все больше заменяется такой декларируемой ценностью как «личная свобода и независимость».

Мы уже на протяжении нескольких лет проводим исследования и анализируем влияние на подрастающее поколение такого фактора, как этническая смешанность семьи. Что же дает человеку в психологическом плане возможность тесного общения и взаимодействия в повседневной жизни с представителями других национальностей? В первую очередь с нашей точки зрения она формирует бикультурность. Такой человек с детства погружается и имеет возможность близко наблюдать особенности жизни, быта, традиций представителей как минимум двух культур. Тем самым, они становятся для него привычны и понятны. Во-вторых, в Сибири часто смешанность осуществляется с местными аборигенами (бурятами, тувинцами, эвенками и др.). А это люди, которые чувствуют свою принадлежность этой земле, чьи предки веками жили на данной территории, и потому они по праву считают эту землю «своей, родной». А, следовательно, с психологической точки зрения они к ней более привязаны, у них сформировались веками существующие специфические для данной местности формы природопользования, трудовой деятельности человека. Возможно, с этим и связана их большая патриотичность. Вместе с тем патриотичностью отличались и русские старожилы в Сибири, представители казачества, старообрядчества. В-третьих, в процессе такого

совместного проживания с представителями разных культур, формируется и готовность к межнациональным контактам, к межнациональному взаимодействию. Данный фактор так же окажет впоследствии позитивное влияние на адаптацию человека в многонациональном обществе.

Проанализируем результаты нашего исследования, проведенного в 2015 г. среди студентов разных вузов Байкальского региона. Всего в исследовании участвовало 638 человек. Из них мы анализировали ответы тех, у кого есть родственники других национальностей (представители смешанных семей) и тех, у кого таких родственников нет (представители несмешанных семей).

В первую очередь нам было интересно, существуют ли значимые различия между этими категориями респондентов в их оценке основных жизненных ценностей. Наше исследование показало, что в этом вопросе представители обеих групп были практически едины. И те и другие на первые позиции ставят такие ценности как «уважение к родителям, родным и близким», затем «семью и брак», и далее «любовь и дружбу». В оценке других ценностей их позиции также сходны (диаграмма 1). Единственное серьезное различие в оценке жизненных ценностей между представителями из смешанных и несмешанных семей нами было выявлено по ценности «хорошие взаимоотношения между людьми разных национальностей». Представители смешанных семей данную жизненную ценность оценивают гораздо выше. Возможно, имея родственников другой национальности, они чаще замечают неуважение к представителям других культур, и это их больше заботит, так как всем нам присуще желание защитить и поддержать своих близких.

Довольно единодушно данные респонденты и в вопросе определения сущности патриотизма. Для тех и других он является обязательным условием и слагаемым нормальной жизни, и понимается ими как чувство единения с родной землей и ее жителями. Так ответили более половины всех опрашиваемых. Примечательно, что около 15 % респондентов ответили, что в данном вопросе придерживаются принципа «Где хорошо – там и родина». Мы думаем, что процент так ответивших людей среди жителей западного региона нашей страны был бы гораздо выше именно за счет их большей возможности миграции и выбора профессиональной деятельности, а следовательно, и места проживания.

Различия между мнением людей из смешанных и несмешанных семей отмечены в нашем исследовании по вопросу определения понятия «толерантность» (таблица 1). Так представители из смешанных семей гораздо чаще говорят о том, что «считают содержание понятия толерантность значимым и актуальным во всех современных ситуациях» (61,1 против 46,7 %). В то время как среди респондентов из несмешанных семей больше тех, что говорят о том, что понятие «толерантность» лучше вообще не использовать из-за накопившихся в его содержании противоречий (7,0 и 14,4 соответственно).

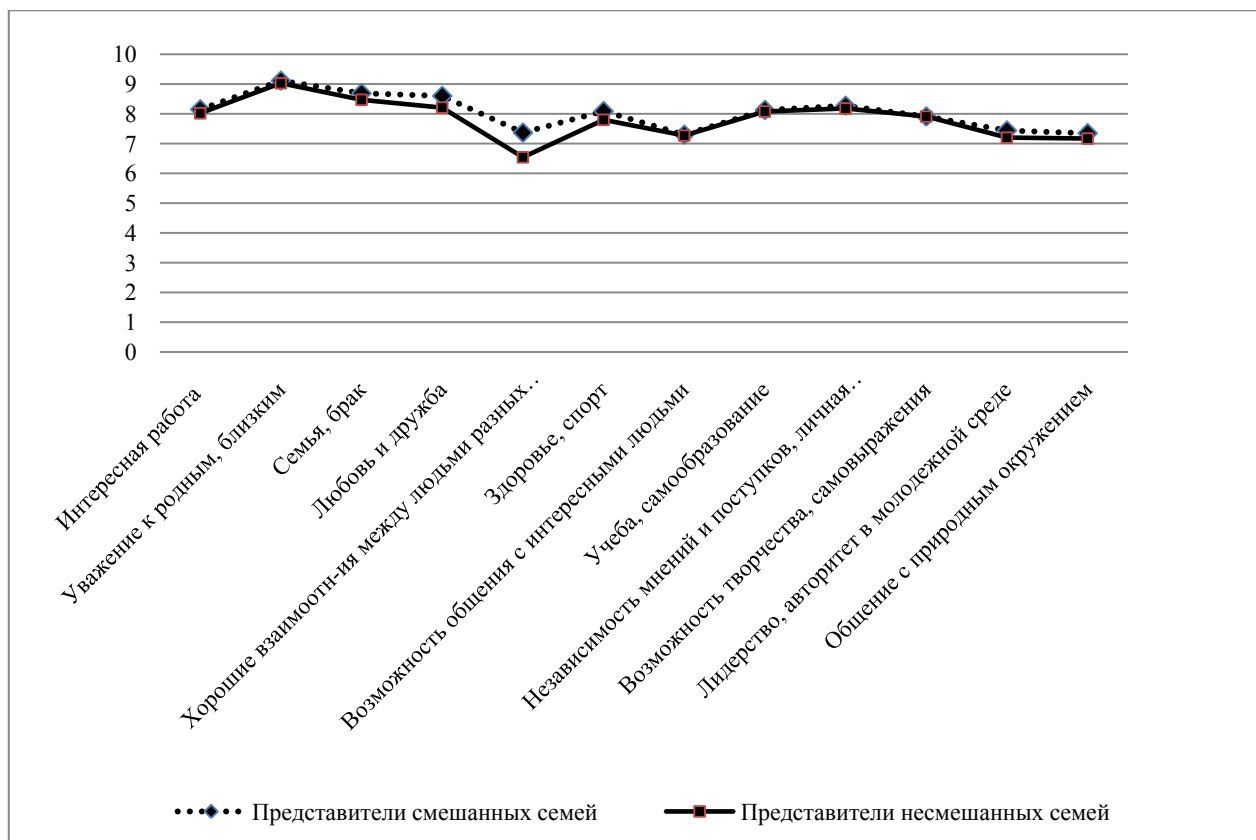

Диаграмма 1. Оценка респондентами из смешанных и несмешанных семей уровня значимости для них различных жизненных ценностей (по 10-балльной шкале)

Таблица 1

Ответы респондентов из смешанных и несмешанных семей на вопрос
«Ваше мнение по поводу понятия «толерантность»»*

Вариант ответа	Представители смешанных семей	Представители несмешанных семей
Считаю содержание понятия толерантность значимым и актуальным во всех современных ситуациях	61,1	46,7
Слово хорошее, но его лучше не использовать по отношению к мигрантам	14,0	18,9
Слово хорошее, но его лучше не использовать по отношению к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией	10,2	8,9
Слово хорошее, но его лучше не использовать по отношению к различиям в религиозных взглядах	4,2	5,6
Слово лучше вообще не использовать из-за накопившихся в его содержании противоречий	7,0	14,4

Примечание: *мнение тех респондентов, что не смогли ответить однозначно на вопрос, есть ли у них родственники – представители других национальностей здесь не приводятся.

При оценке межнациональных отношений, проживших в стране и регионе их проживания, и те и другие в большинстве случаев оценивают эти отношения как «нормальные, терпимые». Но все же, так же как и в наших прежних исследованиях, снова наблюдается такая картина, что респонденты из смешанных семей чаще, чем из несмешанных, склонны

оценивать межнациональные отношения как «хорошие, способствующие межнациональному согласию», а среди представителей из мононациональных семей больше тех, кто оценивает данные отношения как «конфликтные, тревожные» и даже «взрывоопасные, грозящие перейти в открытый конфликт» (таблица 2).

Оценка межнациональных отношений, сложившихся в стране и регионе проживания респондентов из смешанных и несмешанных семей*

<i>Категории респондентов</i>	<i>Вариант ответа</i>			
	<i>хорошие, способствующие межнациональному согласию</i>	<i>нормальные, терпимые</i>	<i>конфликтные, тревожные</i>	<i>взрывоопасные, грозящие перейти в открытый конфликт</i>
Представители смешанных семей	46,6	46,7	43,4	28,6
Представители несмешанных семей	8,5	14,6	20,5	42,9

Примечание: *мнение тех респондентов, что не смогли ответить однозначно на вопрос, есть ли у них родственники – представители других национальностей здесь не приводятся.

Среди причин, значительнее всего ухудшающих межнациональные отношения и те и другие на первых позициях называют «самоуверенность и этноцентризм некоторых народов» и «отсутствие стремления узнавать особенности и традиции других народов». Далее среди причин у обеих категорий респондентов звучат такие, как «действия политиков некоторых стран». Значимые различия в данном вопросе между рассматриваемыми категориями респондентов обнаружены по варианту «исторически сложившиеся традиции ксенофобии (боязни чужих)». Данный ответ гораздо чаще давали представители из смешанных семей. (24,6 % против 13,3 %). Последние тем самым признают наличие подобных страхов у разных народов.

При анализе ответов данных категорий опрошенных на вопрос о слагаемых межкультурной компетентности, и о том, какие качества должен демонстрировать человек, обладающий межкультурной компетентностью, так же нами были обнаружены различия. Наиболее существенные различия были выявлены в оценке такого качества как «уважение к религиозным ценностям и ритуалам других народов» (диаграмма 2). Представители смешанных семей именно это качество назвали главенствующим и поставили при ранжировании на безусловное первое место. У представителей из мононациональных семей это качество оценено значительно ниже и в ранге занимает четвертую позицию. Возможно, приоритет этого качества у респондентов из смешанных семей связан с тем, что многочисленные сюжеты о межнациональных конфликтах в СМИ часто имеют в основе причину в неуважении религиозных обычаев и традиций (вспомним недавний разгром французской газеты, которая поместила у себя на страницах карикатуры на многих религиозных идолов, чем спровоцировала волну недовольства верующих). Представители из смешанных семей, возможно, как никто другой понимают, насколько конфессиональные традиции важны для представителей разных культур. В своей повседневной жизни они наверняка сталкивались с этим.

Далее испытываемые среди необходимых качеств называли «уважение к личности», «понимание традиций и обычаев других народов». И опять значительные различия мы зафиксировали в оценке такого ка-

чества как «понимание своеобразия разных народов» и «способность легко и быстро устанавливать отношения с людьми». Данные качества заняли 3 и 8 позиции. Но вот у респондентов мононациональных семей на третьем месте «Понимание своеобразия...», а на восьмом – «Способность устанавливать отношения», а у респондентов из несмешанных семей – все с точностью да наоборот. По остальным качествам статистически значимых различий мы не наблюдаем.

Важность для межнационального согласия такого качества как «уважение к религиозным ценностям и ритуалам других народов» лишний раз подтверждают ответы респондентов на вопрос оценки влияния религиозных взглядов человека на межнациональные отношения (таблица 3). Представители смешанных семей чаще говорят о положительном влиянии религиозных взглядов в данном вопросе (ответы «положительное» и «скорее положительное, чем отрицательное»).

В большинстве и литературных и научных источников отмечается, что патриотизм очень часто связан с отношением людей к природе своего края, своей малой родине. Именно это имел в виду Л. Н. Толстой, когда отмечал: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней» (цит. по: [8]).

Наши исследования этого плана по гранту РГНФ в 2007 г. так же продемонстрировали этот момент. Нами была установлена связь высокого уровня патриотичности с бережным отношением к природе. Поэтому мы решили рассмотреть данный аспект на примере смешанных и несмешанных семей. Мы предположили, что смешанные семьи, которые ближе к аборигенам, будут чаще показывать позицию о превалировании природы над человеком, что характерно для многих азиатских народов. Данное предположение подтвердилось. Так среди представителей из мононациональных семей больше чем в смешанных семьях тех, что определяют позицию человека «над природой». И видят предназначение человека в том, что он изменяет и совершенствует ее. Представителям смешанных семей более симпатична позиция, что природа главенствует над человеком и по своей сути человек – часть природы и во многом зависит от неё.

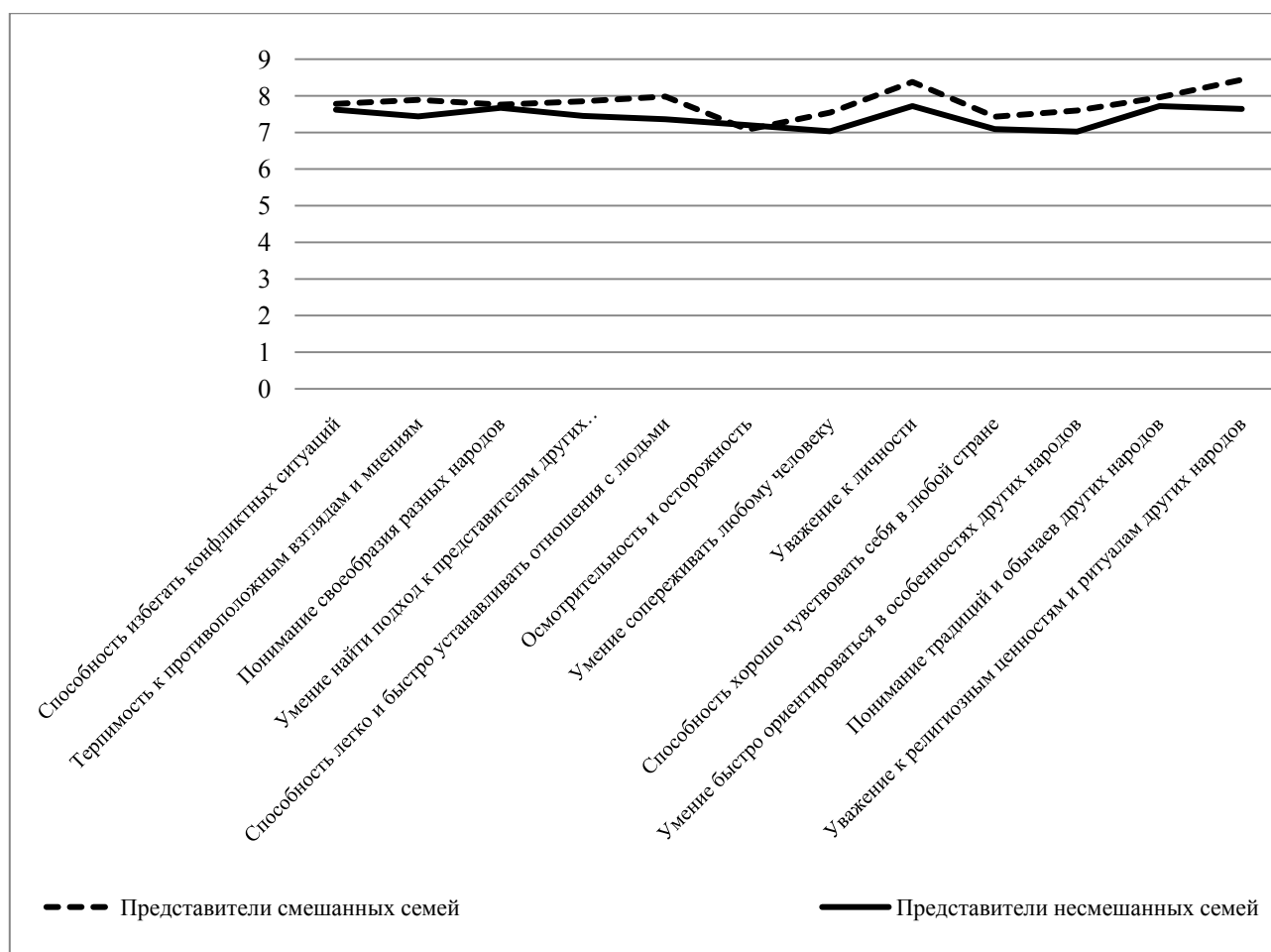

Диаграмма 2. Оценка значимости слагаемых межкультурной компетентности представителями смешанных и несмешанных семей (по 10-балльной шкале)

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос о том, какое влияние оказывают религиозные взгляды человека на межнациональные отношения

Вариант ответа	Представители смешанных семей	Представители несмешанных семей
Положительное	18,6	12,2
Скорее положительное, чем отрицательное	16,5	10,0
Никакого не оказывают	12,3	18,9
Скорее отрицательное, чем положительное	16,1	22,2
Отрицательное	19,6	15,6
Затрудняюсь ответить	16,9	21,1

Таким образом, несмотря на значительное количество совпадений, можно говорить о существовании значимых различий между представителями смешанных и несмешанных семей в их оценке межнациональных отношений, и явлений связанных с патриотизмом и межнациональным согласием. В данных вопросах можно с уверенностью говорить о позитивном влиянии такого фактора как смешанность семьи.

Так представители из смешанных семей при схожести в оценке большинства ценностей с представителями мононациональных семей, в отличие от вторых вперед выдвигают такую ценность как «хорошие взаимоотношения между людьми разных национальностей». Они оценивают межнациональные отношения, сложившиеся в регионе и стране их проживания,

как более благоприятные, но при этом их заботят проблемы ксенофобии, неуважения религиозных позиций и др. Среди слагаемых межкультурной компетентности для них самым важным является уважение к религиозным ценностям и ритуалам. В целом, они склонны видеть в религиозных воззрениях больше позитивных моментов для межнационального взаимодействия. Для них это довольно значимый вопрос. Сокровенный. То, что не терпит пренебрежения и вторжения других людей. Это проявилось и в том, что для них более важны не конкретные умения общаться с другими людьми, а важно в первую очередь понимание и уважительное отношение к тому, что является ценностью для другого, чем он дорожит.

Литература

1. Карнышев А. Д., Карнышева О. А., Иванова Е. А. Межкультурная компетентность и межнациональная толерантность студентов // Социология образования. 2013. № 06. С. 62 – 79.
2. Карнышев А. Д., Терехова Т. А., Трофимова Е. Л., Иванова Е. А., Карнышева О. А., Ефимова А. В. Межкультурная компетентность в реалиях жизни азиатских народов. Иркутск: Репроцентр А1, 2013.
3. Карнышев А. Д., Терехова Т. А., Трофимова Е. Л., Сорова Л. В., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Психология межкультурной компетентности: сущность, региональная специфика, технологии формирования. Иркутск: Репроцентр А1, 2012. 438 с.
4. Карнышева О. А. Влияние семьи и ее особенностей на подготовку детей к эффективному межнациональному взаимодействию // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 93 – 98.
5. Карнышева О. А. Этническая и личностная самооценка в семье и ее влияние на формирование межкультурной компетентности // Психолого-экономические и этнокультурные ресурсы улучшения межнациональных отношений в российских регионах: материалы Международной науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 154 – 159.
6. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, Академический проект, 1999. 320 с.
7. Чернявская Ю. В. Роль этнической самооценки в самосознании народа // Личность. Культура. Общество. 2001. Вып. 4(10). Т. 3. С. 269 – 277.
8. Ясная Поляна и вокруг неё // Литературная газета. 1987. 11 марта.

Информация об авторе:

Карнышева Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры психологии образования и развития личности педагогического института Иркутского государственного университета, borisovvla@yandex.ru.

Olga A. Karnysheva – Senior Lecturer at the Department of Educational Psychology and Personal Development, Pedagogical Institute, Irkutsk State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.9

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДВУХ ТИПОВ ХРОНОТОПИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

В. Е. Клочко, О. М. Краснорядцева, Н. В. Хван

INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF TWO TYPES OF CHRONOTOPICAL ORGANIZATION OF HUMAN LIFE WORLD

V. E. Klochko, O. M. Krasnoryadtseva, N. V. Khvan

Исследование выполнено по заданию № 201/233 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России, проект «Психотехническое обеспечение процесса развития когнитивного и коммуникативного потенциала бакалавров, магистрантов и аспирантов ведущего исследовательского университета».

Данная статья посвящена сложному, нелинейному характеру взаимосвязи параметров ценностно-смысловой сферы и особенностей временной перспективы человека. Временная перспектива и ценностно-смысловые измерения жизненного мира человека рассматриваются в их взаимообусловленности друг другом внутри целостного процесса жизнеосуществления, по отношению к которому они выступают в качестве «сквозных» его признаков; при этом индивидуальные характеристики этой взаимосвязи определяются особенностями хронотопической организации человека. Временная перспектива, рассматриваемая в единстве с ценностно-смысловыми измерениями жизненного мира человека, раскрывается в новом содержательном составе (включающем смысло-жизненные ориентации, экзистенциальную исполненность, базисные убеждения, значимые цели), поскольку выступает в качестве элемента в структуре более высокого целого-трансперспективы жизнеосуществления. На основании эмпирических данных выявлены и описаны типологические способы хронотопической организации жизненного мира. Показано, что особенности временной перспективы и ценностно-смысловых характеристик, консолидирующиеся в образе мира человека, связаны с его предпочтением той или иной сферы трудовой занятости как одной из базовых составляющих образа жизни взрослого человека. Представлены эмпирические данные, свидетельствующие о том, что осознание и гармонизация временных локусов ценностно-смысловых параметров предоставляет человеку реальную возможность обрести свой «внутренний центр», перейти в режим самодетерминации и выбрать эмоционально обогащенную, осмысленную жизнь.

The paper focuses on the complex, non-linear nature of relations between the parameters of value-semantic sphere and features of human temporal perspective. Time perspective and value-semantic dimensions of human life-world are considered in their interdependence with each other within a holistic process of life-fulfillment, in relation to which they

act as “cross-cutting” symptoms; for this purpose individual characteristics of this relations are defined by features of human chronotopic organization. The time perspective, considered in unity with value-semantic dimensions of human lifeworld, is revealed in a new meaningful composition (which includes the meaning of life orientation, existential performance, basic beliefs, meaningful goals) acting as an element in the structure of higher-transpective life-fulfillment. On the basis of empirical data, typological methods of chronotopic life-world organization are identified and described. It is shown that the features of time perspective and value-semantic characteristics, that are consolidated in the image of the person’s world, are associated with their preference for one or another field of employment as one of the basic components of adult lifestyle. The paper demonstrates empirical evidence that awareness and harmonization of temporary locuses of value and semantic parameters gives a person a real opportunity to find their “inner center”, switch to self-determination and choose an emotionally rich, meaningful live.

Ключевые слова: временная перспектива, ценностно-смысловые измерения, жизненный мир человека, хронотопическая организация.

Keywords: time perspective, value-semantic dimensions, human lifeworld, chronotopical organization.

Введение

Антропологизация науки, выступая в качестве активной тенденции развития психологии (А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, В. П. Зинченко, Д. А. Леонтьев, В. М. Слободчиков и др.), постепенно привела к тому, что жизненный мир человека стал рассматриваться не как «среда человека», его объективное «окружение», выступающее в качестве «условий жизни», но как составная часть человека, неотрывная от него. В соответствии с методологическими установками системной антропологической психологии, (В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский, О. М. Краснорядцева, О. В. Лукьянов, Е. В. Некрасова и др.) масштаб жизненного пространства человека задают ценностно-смысловые измерения; они же определяют тенденции его самоосуществления в бесконечной вариативности объективного мира [5; 1]. Примечательно, что жизненный мир человека выступает как пространство, вмещающее в себя всю совокупность значимых для человека связей и отношений, но при этом сам человек, рассматриваемый в единстве с его уникальным пространством жизни, выступает в качестве особой пространственно-временной организации, развитие которой определяет развертку бытия человека во времени и в пространстве.

Выступая в качестве относительно стабильной характеристики личности, временная перспектива существенно влияет на интерпретацию различных ситуаций и активно реагирует на события, происшедшие в прошлом, осуществляемые в настоящем, а также на процесс принятия решений относительно будущего [2 – 4]. Ценностно-смысловая сфера определяет отношение человека к окружающему миру и самому себе, задает цель и направление его деятельности, т. е. регулирует его поведение и поступки. Вопрос о сложном, нелинейном характере взаимосвязи параметров ценностно-смысловой сферы и особенностей временной перспективы человека является в современной психологической науке малоисследованным и требующим эмпирически обоснованного изучения. Между тем, осознание и гармонизация временных локусов ценностно-смысловых параметров предоставляет человеку реальную возможность обрести свой «внутренний центр», перейти в режим самодетерминации и выбрать эмоционально обогащенную, осмысленную жизнь. Особенности временной перспективы и ценностно-смысловых характеристик, консолидирующиеся в образе мира человека, связаны с его предпочтением

той или иной сферы трудовой занятости как одной из базовых составляющих образа жизни взрослого человека. В статье представлены результаты исследования, направленного на проверку данного утверждения.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 3 категории респондентов:

1) представители, занятые предпринимательской деятельностью (компании «Ambition IBQ» – обучение и развитие персонала, «Denkers» – консалтинговые услуги, «3M Kazakhstan LLP» – продажа материалов для горнодобывающей промышленности, «Аbiroy» – организация производственной деятельности); всего – 76 человек;

2) гражданские служащие (учителя и врачи), работающие в учреждениях, финансируемых из средств государственного бюджета г. Алматы, Талдыкорган, Аксай (Республика Казахстан), г. Новосибирск и Междуреченск (Российская Федерация): гимназия «Самопознание» ННПООЦ «Бобек», Назарбаев Интеллектуальная Школа, Средняя школа № 197, Средняя школа № 99, Средняя школа № 165, Психоневрологический диспансер, Центральная городская больница, Детский травматологический пункт, Городская поликлиника № 1; всего – 84 человека;

3) дистрибьюторы компаний многоуровневого сетевого маркетинга: компании «MaryKay», «Oriflame», «Vivasan», «Amway», «Тяньши», «Tupperware»; всего – 68 человек.

Средний возраст респондентов – 43 года, то есть это возраст зрелости, значимого жизненного периода, определяющего и характеризующего жизнь человека в целом. Это время исполнения своего личностного предназначения как профессиональной или общественной деятельности, так и в плане преемственности поколений.

Методы исследования

Для проверки предположения о взаимосвязи параметров временной перспективы и ценностно-смысловых характеристик и сферы деятельности, последние выбирались нами таким образом, чтобы они максимально различались по системе принятых правил и процедур и основным функциональным обязанностям, выполняемым сотрудниками организации. Все респонденты принимали участие в исследовании

после подписания специально составленного Соглашения об участии в исследовании.

Комплекс использованных диагностических средств составили следующие методики: адаптированный опросник Ф. Имбардо по временной перспективе (Zimbardo Time Perspective Inventory: ZTPI); методика «Шкала базисных убеждений» (ШБУ) Р. Янофф-Бульман, модифицированная М. А. Падун, А. В. Котельниковой; тест «Шкала Экзистенции» А. Ленгле, К. Орглер; Опросник «Значимые цели» Е. Н. Осина; методика «Опросник поведения и переживания, связанного с работой» У. Шааршмидта и А. Фишера; тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева (1992; 20 пунктов); тест «Субъективная минута» Т. А. Доброхотовой, Н. Н. Брагиной. Кроме того, респондентам было предложено пройти полуструктурированное интервью, содержащее вопросы об отношении к своему прошлому, настоящему, будущему, а также о ценностно-смысловом наполнении своей жизни.

В качестве методов статистического анализа были использованы:

- кластерный анализ с предварительной стандартизацией всех количественных признаков;
- анализ парных таблиц сопряженности;
- ранговая корреляция Спирмена;
- метод логистической регрессии;
- метод канонических корреляций с подтверждающими показателями Wilks' Lambda, Pillai's Trace, Hotelling-Lawley Trace, Roy's Greatest Root.

Проверка нормальности распределения количественных признаков в отдельных группах сравнения для повышения точности полученного результата проводилась с использованием 4 критериев: Колмогорова-Смирнова, Шапиро-Уилка, Крамера-фон-Мизеса и Андерсона-Дарлинга.

Результаты исследования

На первом этапе посредством метода канонической корреляции была исследована взаимосвязь между параметрами временной перспективы и смысложизненных ориентаций. Скорректированная на объем наблюдений величина коэффициента канонической корреляции между параметрами временной перспективы и смысложизненной ориентации равна +0.738 ($RC_i = +0.738587$, $p < 0.0001$). Результаты позволяют констатировать наличие достаточно сильной положительной связи ($\text{Canonical } R > 0,7$) между двумя множествами: признаками временной перспективы и смысложизненной ориентации. Максимальные вклады в каждую из новых канонических осей (по мере убывания) вносят такие признаки временной перспективы как «Негативное прошлое» ($RC_i = -0.5713$), «Фаталистическое настоящее» ($RC_i = -0.5618$), «Позитивное прошлое» ($RC_i = 0.3587$); из признаков смысложизненных ориентаций максимальный вклад (по мере убывания) имеют признаки «Общий уровень смысложизненных ориентаций» ($RC_i = 1.3733$), «Процесс» ($RC_i = -0.9003$) и «Локус контроля-Я» ($RC_i = 0.7679$).

По результатам анализа канонической корреляции внутри и между множествами – показателями временной перспективы и смысложизненных ориентаций

наблюдается средняя по силе отрицательная корреляция временной ориентации «Негативное прошлое» и параметров «Процесс» ($r = -0.3660$), «Общий уровень смысложизненных ориентаций» ($r = -0.4563$), «Результат» ($r = -0.5537$), «Локус контроля-Я» ($r = -0.5956$). Также обнаружена отрицательная корреляция временной ориентации «Фаталистическое настоящее» и параметров «Результат» ($r = -0.3862$), «Общий уровень смысложизненных ориентаций» ($r = -0.4087$), «Локус контроля-Я» ($r = -0.5912$).

Таким образом, результаты канонической корреляции позволяют констатировать, что оценка человеком своего прошлого, настоящего, будущего и обусловленное этим поведение действительно взаимосвязана с уровнем осмысленности целей, процесса и результата жизни, а также степени самодетерминации своей жизни и себя самого.

На втором этапе предпринята попытка выявить группы на основе внутритипового сходства по параметрам временной перспективы и смысложизненных ориентаций. Для решения этой задачи данные параметров временной перспективы и параметры осмысленности жизни всей выборки были использованы для кластеризации наблюдений. Была применена иерархическая процедура кластеризации, в результате которой весьма объективно выделились 2 кластера. Далее была проведена кластеризация данных по методу k-средних, при числе кластеров равном 2.

Результаты сравнения средних значений признаков между двумя кластерами позволяют сделать вывод, что максимальные различия наблюдаются для всех признаков смысложизненных ориентаций. Для признаков временной перспективы эти различия меньше, и значимы такие различия лишь для двух признаков, у которых достигнутый уровень значимости менее 5 % – «Негативное прошлое» и «Фаталистическое настоящее».

Таким образом, основанием формирования кластеров является степень осмысленности жизни, так как обнаружены статистически достоверные различия по всем шкалам смысложизненных ориентаций. Выявленные кластеры, на наш взгляд, отражают два специфических типа взаимосвязи параметров временной перспективы и смысложизненных ориентаций, или иначе – типы хронотопической организации жизненного мира. Первый тип обозначен нами как «ретинеративный» (лат. *retinere* – удерживать), а второй тип – как «инвадеративный» (лат. *invadere* – устремляться). Для первого типа только признаки «Негативное прошлое» и «Фаталистическое настоящее» имеют положительные средние значения, то есть средние значения признаков больше общего среднего по всему массиву; второй тип представляет прямо противоположную картину по этим признакам. Это говорит о том, что респонденты первого типа характеризуются более негативным отношением и убеждениями относительно своего прошлого. Кроме того, они не склонны активно воздействовать на свою жизнь, так как считают, что контроль над ней им не принадлежит.

Группа респондентов, принадлежащих ко второму типу, отчетливо имеет более высокие показатели по всем шкалам смысложизненных ориентаций. То есть им больше свойственно наличие целей в будущем,

придающих жизни направленность и временную перспективу, а их настоящее и прошлое осмысленно и характеризуется приносящими удовлетворенность результатами.

На третьем этапе в выделенных типах хронотопической организации жизненного мира нами было проведено сравнение таких ценностно-смысловых характеристик жизненного пространства человека, как базовые убеждения, экзистенциальная исполненность, значимые цели. Определялось также различие респондентов двух групп по отношению и переживаниям, связанным с работой.

Как показал анализ, параметры базисных убеждений «Доброжелательность окружающего мира», «Образ «Я», «Удача», «Убеждение о контроле» имеют более высокие показатели у респондентов, принадлежащих ко II типу. То есть, эти респонденты больше убеждены в доброжелательности «неперсонального» мира и окружающих людей. Кроме того, их отличает более позитивное представление о своем «Я», о своей удачливости и способности контролировать события жизни.

Параметры теста «Шкалы Экзистенции» – «Самотранценденция», «Персона», «Свобода», «Экзистенция», «Наполненность экзистенциальная» выше в группе респондентов II типа хронотопической организации жизненного мира. Это значит, что они характеризуются более высокой субъективной оценкой «степени» или «уровня» экзистенциальной исполненности своей жизни.

Значимые цели, такие как «Слава», «Личностный рост», «Помощь людям», и, как следствие, «Средние значения по внутренним приоритетам» выше у респондентов II типа. То есть, их стремления в большей мере направлены на самосовершенствование, на развитие личности и бескорыстную помощь другим людям. В то же время им важно быть известными и высоко оцененными окружающими, пусть даже и в узких кругах.

Параметры поведения и переживаний, связанных с работой, такие как «Профессиональные притязания», «Активная стратегия решения проблем», «Чувство успешности в профессии», «Удовлетворенность жизнью» выше у респондентов, относящихся к II типу. По параметру «Тенденция к отказу в ситуации неудачи», наоборот, показатели респондентов, относящихся ко II типу ниже, чем у респондентов I типа. Таким образом, респонденты, принадлежащие ко II типу, демонстрируют: активность при преодолении трудностей, большее стремление к высоким профессиональным целям, меньшую склонность к отказу от дальнейшего выполнения профессиональных заданий в случае поражения или неудачи. Кроме того, им свойственен более высокий эмоциональный настрой на профессиональную деятельность, выражением которого является чувство профессионального успеха и жизненного удовлетворения.

Также была проверена предположение о наличии взаимосвязи между качественными характеристиками респондентов, такими как: пол, сфера деятельности, субъективное восприятие времени и принадлежность к одному из типов хронотопической организации жизненного мира. Анализ таблиц сопряженности по-

казал, что указанные признаки не оказывают влияния на особенности структуры выделенных типов.

На четвертом этапе были выявлены те параметры временной перспективы и ценностно-смысловых характеристик, которые обладают хорошей прогностической способностью для определения принадлежности к одному из типов хронотопической организации жизненного мира. Основным статистическим методом для реализации данной задачи был выбран метод логистической регрессии. В качестве критерия согласия реального распределения наблюдений использовался процент правильной переклассификации (Concordant), отражающий процент предсказательной ценности предикторов, а также величина коэффициента связи D-Зоммера (Somers'D). Значимыми для прогнозирования принадлежности к одному из двух типов хронотопической организации жизненного мира по параметрам временной перспективы являются признаки: «Негативное прошлое» ($p = 0.1450$), «Фаталистическое настоящее» ($p = 0.1089$) и «Будущее» ($p = 0.0320$). По этим параметрам с вероятностью 77,8 % можно прогнозировать принадлежность респондента к одному из двух типов.

Статистически значимыми для прогнозирования принадлежности к одному из двух типов по параметрам смысловых ориентаций являются признаки: «Цель» ($p = 0.1304$) и «Процесс» ($p = 0.0373$) – 77,2 % вероятности верного предсказания. Заметим, что при расчетах уравнений логит-регрессий критический уровень значимости для предикторов был установлен как $p < 0,15$, то $p = 0.1304$ признака «Цель» является статистически значимым.

По шкале базисных убеждений статистически значимыми являются признаки «Образ «Я» ($p = 0.0014$) и «Убеждение о контроле» ($p = 0.0284$) – 88,1 % вероятности верного предсказания. Из семи параметров «Шкалы Экзистенции» значимым оказался только один признак – «Самотранценденция» ($p = 0.0019$) – 81,5 % вероятности верного предсказания.

Такие значимые цели как: «Помощь людям» ($p = 0.0494$), «Внешний вид» ($p = 0.0161$), «Слава» ($p = 0.0311$), с вероятностью 81,9 % могут прогнозировать принадлежность респондента к одному из двух типов.

По параметрам поведения и переживаний, связанных с работой, значимыми для прогнозирования принадлежности к одному из двух типов хронотопической организации жизненного мира являются признаки: «Профессиональные притязания» ($p = 0.0105$), «Дистанция по отношению к работе» ($p = 0.1186$), «Тенденция к отказу в ситуации неудачи» ($p = 0.0088$), «Чувство успешности в профессии» ($p = 0.0280$). По этим параметрам с вероятностью 93,5 % можно прогнозировать принадлежность респондента к одному из двух типов хронотопической организации жизненного мира.

1. Особенности временной перспективы и характеристик ценностно-смысловой сферы респондентов первого, «ретинеративного», типа хронотопической организации жизненного мира.

Средний возраст респондентов – 43 года, то есть это возраст зрелости, значимого жизненного периода,

определяющего и характеризующего жизнь человека в целом.

Половину (50 %) респондентов (рис. 1) образуют работники гражданской службы, треть кластера

(33.3 %) составляют занятые предпринимательской деятельностью, а дистрибьюторы сетевого маркетинга составляют 16,7 %.

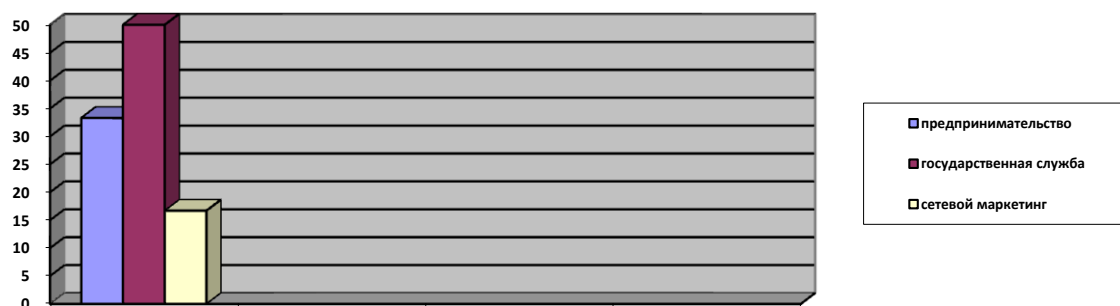

Рис. 1. Диаграмма распределения по сферам деятельности (%)

Усредненный профиль временной перспективы позволяет сделать вывод о том, что для респондентов не характерно крайне негативное отношение к своему прошлому, они также достаточно организованы, планируют свое будущее и ориентированы на достижение своих планов и решение текущих задач. К настоящему они относятся несколько фаталистично, то есть имеют подспудное убеждение, что будущее предопределено, и на него невозможно повлиять собственными действиями, а настоящее следует переносить с покорностью и смирением.

Согласно результатам теста «Субъективная минута», респонденты характеризуются несколько ускоренным субъективным восприятием времени (166 сек. при эталоне 174 сек.) и большим размахом вариации значений по этому показателю (min = 60 сек., max = 234 сек.).

Полученные данные параметров ценностно-смысловой организации и результаты интеркорреляционных связей позволяет сделать ряд обобщений в отношении респондентов первого, «ретинеративного», типа хромотопической организации жизненного мира.

Респонденты данного типа имеют средне выраженные показатели по всем временным ориентациям, кроме «Фаталистического настоящего», значения которого находятся выше среднего уровня.

Параметры «Негативное прошлое» и «Фаталистическое настоящее» имеют наибольшее количество корреляционных связей с ценностно-смысловыми характеристиками, причем указанные временные ориентации тесно связаны со всеми параметрами «Шкалы экзистенции» (исключение составляет отсутствие взаимосвязи «Самодистанцирования» и «Фаталистического настоящего»).

Степень экзистенциальной исполненности респондентов «ретинеративного» типа характеризуется значениями ниже среднего уровня. Высокие показатели осмысленности жизни у респондентов несколько противоречат результатам по параметрам экзистенции, что требует дальнейшего осмысления взаимосвязи указанных факторов в данной группе.

Параметры базисных убеждений показывают, что респонденты «ретинеративного» типа хромотопиче-

ской организации жизненного мира в целом имеют положительный образ себя, они верят в доброжелательность окружающего мира и людей, в справедливость распределения благ и в собственную удачливость.

Необходимо отметить, что особенности хромотопической организации жизненного мира отчетливо прослеживаются в ходе полуструктурированного интервью.

Опираясь на результаты анализа данных, был составлен «профиль» отношения и переживаний, связанных с работой, свойственных респондентам этой группы. Параметры, измеряющие субъективное значение деятельности, профессиональные притязания, стремление к совершенству, сохранение дистанции по отношению к работе, находятся в пределах средних значений. Это говорит о том, что работе не придается слишком высокого значения. Респондентам не свойственно также амбициозное стремление к более высоким профессиональным целям и безупречному выполнению рабочих заданий. В то же время демонстрируется достаточно высокая готовность отдавать свои силы выполнению профессиональных задач. Не сильно выражены активная готовность к решению трудных проблем и способность сохранять спокойствие и равновесие в стрессовых ситуациях. Отмечены низкие значения удовлетворенности эффективностью своей профессиональной деятельности и достижениями, а также чувства недостаточной поддержки со стороны близкого окружения.

2. Особенности временной перспективы и характеристик ценностно-смысловой сферы респондентов второго, «инвадеративного», типа хромотопической организации жизненного мира

Средний возраст, вошедших в эту группу, – 41 год, то есть это возраст, когда, как правило, определен характер линии жизни. Распределение по сферам деятельности респондентов представлено на рис. 2. Видно, что занятые предпринимательской деятельностью составляют 37,8 %, треть группы образуют работники гражданской службы, а дистрибьюторы сетевого маркетинга составляют 28,9 %.

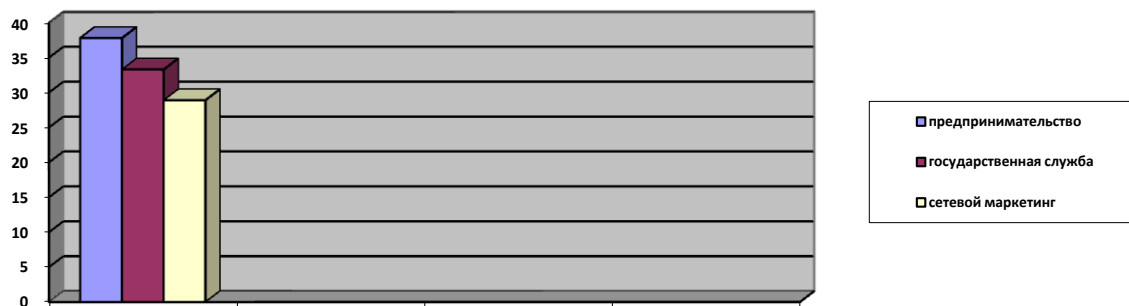

Рис. 2. Диаграмма распределения респондентов по сферам деятельности

Усредненный профиль временной перспективы II типа выглядит следующим образом: для респондентов этой группы характерно в целом позитивное, ностальгическое, отношение к своему прошлому, наличие приятных воспоминаний о былых временах. Их поведение в значительной степени определяется стремлениями к целям и вознаграждениям будущего, которое они предпочитают тщательно планировать и ради которого они готовы поступиться сиюминутными потребностями, интересами и отказаться от удовольствий в настоящем. Они склонны считать, что события и ситуации текущего времени зависят большей частью от них самих, а не от судьбы или воли слепого случая.

Согласно результатам теста «Субъективная минута», респонденты этой группы характеризуются ещё более ускоренным субъективным восприятием времени, чем респонденты первой группы (149 секунд при эталоне 174 секунды), и ещё большим размахом значений по этому показателю (Min = 46 сек., max = 235 сек.).

Полученные данные ценностно-смысловых параметров и анализ интеркорреляционных связей позволяют сделать ряд обобщений в отношении респондентов «инвадеративного» типа хронотопической организации жизненного мира.

Респонденты данного типа имеют средние показатели по шкалам «Негативное прошлое» и «Фаталистическое настоящее», средне выраженные показатели ориентации на «Гедонистическое настоящее», «Позитивное прошлое», значения параметра «Будущее» – выше среднего.

Временные ориентации «Негативное прошлое» и «Будущее» имеют наибольшее количество корреляционных связей с ценностно-смысловыми характеристиками, причем «Негативное прошлое» тесно связано с параметрами «Шкалы экзистенции», а «Будущее» – с категориями опросника «Поведение и переживания, связанные с работой».

Степень экзистенциальной исполненности респондентов характеризуется также значениями среднего уровня. Респонденты характеризуются высокими показателями по всем шкалам смысложизненных ориентаций и базисных убеждений.

Опираясь на результаты анализа данных, составлен профиль отношения и переживаний, связанных с работой, свойственных респондентам этой группы.

Параметры, измеряющие субъективное значение деятельности, профессиональные притязания, готовность к энергетическим затратам, активность стратегии решения проблем, удовлетворенность жизнью, имеют наиболее высокие значения у респондентов данной группы, а параметр «Тенденция к отказу в ситуации неудачи» – наиболее низкие. Это является показателем, что работа имеет очень важное, но не экстремальное значение в их жизни. Для них характерна относительно высокая готовность отдавать свои силы выполнению профессиональных задач, ярко выражено стремление к более высоким профессиональным достижениям и готовность к активному преодолению проблем.

Обсуждение результатов и выводы

Основным статистическим методом для реализации данной задачи был выбран адекватный для анализа подобных связей метод логистической регрессии. В качестве критерия согласия реального распределения наблюдений по сферам деятельности и прогноза на основе уравнения логистической регрессии использовался процент правильной переклассификации (Concordant), отражающий процент предсказательной ценности предикторов, а также величина коэффициента связи D-Зоммера (Somers'D).

Изучение и анализ взаимосвязи временных и ценностно-смысловых характеристик и сферы деятельности респондентов показали, что для оценки точности прогнозирования принадлежности к одной из трех сфер деятельности (1 – предпринимательство, 2 – гражданская служба, 3 – сетевой маркетинг) имеют значение ряд следующих параметров: «Негативное прошлое» и «Будущее» (Временная перспектива), «Локус контроля-Я» и «Общий уровень смысложизненных ориентаций» (СЖО), «Самодистанцирование» (Шкала Экзистенции), «Внешний вид» (Приоритеты значимых целей), «Субъективное значение деятельности», «Активная стратегия решения проблем», «Удовлетворенность жизнью», «Чувство социальной поддержки» (Поведение и переживания, связанные с работой). Следует отметить, что, согласно основным результатам логистической регрессии, ни один из параметров базисных убеждений не является статистически значимым предиктором для прогнозирования принадлежности к одной из трех сфер деятельности.

Таким образом, обобщая полученные результаты можно констатировать следующее.

1. Существует статистически подтвержденная взаимосвязь временной перспективы как субъективного восприятия человеком временного континуума своей жизни и личностных параметров смысловых ориентаций. Выявленная взаимосвязь обуславливают специфические типы хронотопической организации жизненного мира. В формирование типов вносят вклад все шкалы смысловых ориентаций, среди параметров временной перспективы наибольший вклад имеют признаки «Негативное прошлое» и «Фаталистическое настоящее».

2. Для первого типа хронотопической организации жизненного мира, обозначенного как «ретинеративный» (*от лат. retinere – удерживать*) свойственно более негативное отношение к своему прошлому, более фаталистическое отношение к настоящему и более низкие показатели по всем шкалам смысловых ориентаций.

3. Для второго типа хронотопической организации жизненного мира, обозначенного как «инвадеративный» (*от лат. invadere – устремляться*) характерно более позитивное отношение к своему прошлому, менее фаталистическое отношение к настоящему и более высокие показатели по всем шкалам смысловых ориентаций.

4. Типы хронотопической организации жизненного мира статистически значимо различаются по ценностно-смысловым характеристикам, а также по от-

ношению и переживаниям, связанным с работой. «Инвадеративному» типу свойственны более высокие показатели в базовых убеждениях, касающихся доброжелательности окружающего мира, собственной удачи и образа «Я». Кроме того, респонденты, принадлежащие к этому типу, характеризуются приоритетностью внутренних целей и более высокими значениями по шкалам экзистенции. «Ретинеративный» тип имеет более низкие показатели по профессиональным притязаниям, активности приращения рабочих проблем, чувстве успешности в профессии, удовлетворенности жизнью, стремлению преодолевать неудачи.

5. Такие качественные признаки, как «Пол», «Сфера деятельности», «Субъективное восприятие времени» не оказывают влияние на принадлежность респондентов к одному из двух типов хронотопической организации жизненного мира

Параметры временной перспективы и ценностно-смысловой сферы, а именно: «Негативное прошлое» и «Будущее», «Локус контроля-Я» и «Общий уровень смысловых ориентаций», «Самодистанцирование», «Субъективное значение деятельности», «Активная стратегия решения проблем», «Удовлетворенность жизнью», «Чувство социальной поддержки» могут выступать в качестве индикаторов предрасположенности к выбору таких сфер деятельности, как предпринимательство, гражданская служба и сетевой маркетинг.

Литература

1. Ключко В. Е., Галажинский Э. В., Краснорядцева О. М., Лукьянов О. В. Современная психология: системно-антропологический подход // *European Journal of Psychological Studies*. 2014. Т. 4. № 4. С. 142 – 155.
2. Ключко В. Е., Лукьянов О. В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 324. С. 333 – 336.
3. Лукьянов О. В. Фактор времени в системе психологических интерпретаций // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2010. Т. 7. № 2. С. 46 – 63.
4. Хван Н. В. Характеристики ценностно-смысловой организации человека как факторы профессионального самоопределения // *Мир психологии*. 2014. № 1(77). С. 21329.
5. Galazhinsky E. V., Klochko V. Y. System anthropological psychology: methodological foundations // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2012. Т. 5. С. 81 – 98.

Информация об авторах:

Ключко Виталий Евгеньевич – доктор психологических наук, профессор факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета, klo@nextmail.ru.

Vitaly E. Klochko – Doctor of Psychology, Professor at the Department of General and Pedagogical Psychology, Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University.

Краснорядцева Ольга Михайловна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета, krasnoo@mail.ru.

Olga M. Krasnoryadtseva – Doctor of Psychology, Full Professor, the Head of Department of General and Pedagogical Psychology, Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University.

Хван Наталья Владимировна – аспирант факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

Natalya V. Khvan – post-graduate student at the Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University. (Научный руководитель – В. Е. Ключко). (Academic advisor – V. E. Klochko).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

Е. В. Кривцова

TOLERANCE OF THE INDIVIDUAL IN MODERN SOCIOCULTURAL CONDITIONS

E. V. Krivtsova

В статье говорится о значимости толерантности для активизации эффективного межнационального и межкультурного взаимодействия. Указаны элементы толерантности: коммуникативная толерантность, эмпатия и толерантная установка. Представлены результаты эмпирического исследования толерантности у разных социально-демографических групп. Отмечается, что уровень толерантной установки студентов существенно не изменяется при переходе от начального этапа обучения к завершающему, но при этом достаточный уровень толерантности выявлен у большей части специалистов помогающих профессий и в группе девушек. Сравнительный анализ усредненных показателей коммуникативной толерантности показал, что юноши, студенты первого курса и специалисты помогающих профессий отличаются более высоким уровнем, чем представители других, анализируемых нами групп. В тоже время, у девушек уровень эмпатии выше, чем у юношей. Значимых различий в уровне эмпатии между испытуемыми первого и четвертого курсов обучения, студентами и специалистами помогающих профессий не выявлено. Таким образом, выраженность эмпатии, толерантной установки, коммуникативных навыков и умений зависит от пола, этапа профессионального обучения, от социального и профессионального статуса испытуемых. Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о необходимости создания психологических условий для развития толерантности у студенческой молодежи. Для этого нами была разработана программа, включающая кинолекторий и тренинг.

The paper discusses the importance of tolerance for enhancing effective inter-ethnic and cross-cultural interaction. The author reveals the elements of tolerance: communicative tolerance, empathy and tolerant setting. The results of empirical studies of tolerance among different socio-demographic groups are presented. It is noted that the level of students' tolerant setting does not change significantly during the transition from the initial to the final stage of training, but a sufficient level of tolerance was detected in most of the helping professions and experts in the group of girls. Comparative analysis of the averages of communicative tolerance showed that the young man, first-year students and specialists of helping professions have higher levels than other analyzed groups. At the same time, the level of empathy among girls is higher than in boys. No significant differences in the level of empathy between the subjects of the first and fourth years of study, students and specialists of helping professions was identified. Thus, the expression of empathy, tolerant setting, communication skills depends on the sex, stage of vocational training, the social and professional status of the subjects. The findings of the study indicate the need to create the psychological conditions for the development of tolerance among students. To do this, we developed a program that includes a film lecture hall and a training.

Ключевые слова: социокультурная ситуация, коммуникативная толерантность, эмпатия, толерантная установка.

Keywords: social and cultural situation, communicative tolerance, empathy, tolerant setting.

Социокультурная ситуация в нашей стране, равно как и в прочих многонациональных и поликультурных обществах, всегда характеризовалась неоднозначным отношением членов одной социальной группы к представителям иных национальных либо культурных групп. Все это неизбежно приводит к появлению проблем разного спектра и, в частности, к интолерантному отношению индивидов или целых групп друг к другу.

Мир человеческих взаимоотношений включает в себя систему социального поведения, которая регулируется обычаями, традициями, нормами, характерными для определенных национальных и культурных сообществ. Каждая группа в процессе жизнедеятельности опирается на свою систему правил и норм, живет с учетом своих обычаев и традиций, которые выражаются в особом языке, манере поведения, религии, системе эстетических взглядов, социальных институтах. На основе этого, появились антитезы: «мы — они», «свои — чужие», «Я — другой», но, в то же время, существование человека невозможно без Другого.

Толерантность, прежде всего, ориентирована на взаимоуважительные отношения граждан, на сохранение этнического и культурного разнообразия. Она выступает как приемлемая основа урегулирования социальных и межэтнических конфликтов, снятия на-

пряженности и достижения взаимоуважения интересов и ценностей всех этносов. Кроме того, в процессе поиска путей примирения и согласия, толерантность предполагает готовность сторон идти на взаимные уступки и самоограничения в сферах, где затрагиваются интересы разных групп и сторон [6].

Толерантность рассматривается в психологической науке как многоаспектное понятие с позиции личности, ее установок, ценностей и с точки зрения развития. Толерантность — это, с одной стороны, формирование системы определенных социальных установок, а с другой — психологическая устойчивость, совокупность индивидуальных качеств, проявляющихся в поведении и поступках [3, с. 83 — 85].

Толерантность не может быть приобретена раз и навсегда, поскольку она является системой ценностей и норм индивида, которые изменяются вслед за социальной средой и зависят от уровня развития личности. Этот факт предполагает различение толерантности как преходящего состояния и как устойчивой личностной позиции.

Элементами толерантности, по нашему мнению, являются коммуникативная толерантность, эмпатия и толерантная установка.

Коммуникативная толерантность – одна из важнейших и информативных черт человека. Она собирательная, поскольку в ней отражаются факторы его судьбы, воспитания, опыт общения, культура, ценности, потребности, интересы, установки, характер, темперамент, привычки, особенности мышления и, конечно, эмоциональный стереотип поведения. Данная характеристика личности относится к стержневой, поскольку в значительной мере определяет ее жизненный путь и деятельность – положение в ближайшем окружении и на работе, продвижение в карьере и исполнение профессиональных обязанностей. Это систематизирующая характеристика, т. к. с ней согласуются многие другие качества индивида, прежде всего, нравственные, характерологические и интеллектуальные.

Чем меньше неприятных и неприемлемых для себя различий находит один человек в другом, тем выше у него уровень коммуникативной толерантности, тем реже он осуждает индивидуальность другого или раздражается по поводу его отличительных особенностей. В. В. Бойко считает, что повышение уровня толерантности происходит в том случае, если мы научимся двум вещам: во-первых, преодолевать или сглаживать негативные впечатления от различий между подструктурами своей личности и личности партнера; во-вторых, устранять обстоятельства, вызывающие или подчеркивающие эти различия [1].

Рассматривая толерантность, большинство исследователей полагает, что важной составляющей данной характеристики является эмпатия, которая понимается нами как внимание к эмоциональному состоянию другого человека посредством сопереживания, проникновения в его субъективный мир.

Как мы полагаем, эмпатия связана с самооценкой личности и способствует доброжелательности, искренности и др.

Совершенно очевидно, что важнейшей характеристикой зрелой (толерантной) личности является адекватная самооценка личностью своих особенностей и возможностей, что обеспечивает гибкость в достижении поставленных целей, отношение к успеху и неудачам, одобрению и неодобрению.

Кроме того, толерантность представляет собой совокупность установок индивида, которые определяют его положительное отношение к объектам, процессам, явлениям окружающего мира. В связи с этим встает вопрос о необходимости такого понятия, как толерантная установка.

Толерантная установка – это «эмоционально-волевая готовность индивида к поиску объединяющих его с взаимодействующим субъектом («другим») характеристик путем анализа «образа Я» и претворенного в сознании индивида образа «другого» на основе интериоризованных этических принципов общения для преодоления конфронтации, индифферентности и достижения максимальной общности в ходе личностной идентификации» [2].

Изучение толерантных установок и отношений необходимо не столько ученым, сколько самому индивиду, в частности в профессиональной деятельности и в жизни вообще, для постоянной коррекции тактик и стратегий собственного поведения, а также к пониманию поведения других людей в социокультурных условиях.

Исследование проводилось на базе Кемеровского государственного университета. Общий объем выборки испытуемых составил 540 человек. В исследовании принимали участие студенты младших и старших курсов обучения (основная выборка). Помимо основной выборки к исследованию привлекались специалисты помогающих профессий (психологи, социальные работники – 74 человека).

В качестве психодиагностических методик использовались: тест на выявление уровня толерантной установки (П. Ф. Комогоров) [2]; «Исследование уровня эмпатийных тенденций» (И. М. Юсупов) [5] и «Диагностика коммуникативной толерантности» (В. В. Бойко) [4].

Толерантная установка изучалась с помощью методики «Уровень толерантной установки» (П. Ф. Комогоров). Использованная нами методика позволила определить уровень толерантной установки личности:

- высокий уровень толерантности (индивид открыт для всего многообразия мнений, обладает значительными ценностными представлениями, знаниями, умениями, навыками критического анализа, стремится к диалогу, готов к межэтническим контактам);

- достаточный уровень толерантности (личность стремится к анализу окружающих и обоснованности своих суждений о них, проявляет готовность к диалогу, но, в то же время, склонен общаться с представителями своей национальности при сохранении позитивного отношения к представителям иноэтнических групп);

- низкий уровень толерантности (индивид признает возможность альтернативы, однако уверен в ее ошибочности, придерживается собственных представлений и отказывается критически оценить себя; межэтнические контакты носят ограниченный характер по какому-либо признаку – языку, религиозной принадлежности, культурным особенностям);

- уровень индифферентности (личность проявляет пассивность, отстраненность от окружающих, не скрывает своего безразличия к ним, отказывается выразить свое мнение, избегает взаимодействий, межэтнические контакты возникают под давлением обстоятельств и носят сугубо деловой характер, например, по служебной линии);

- уровень интолерантности (индивид открыто и враждебно настроен по отношению к окружающим, не желает учитывать мнения остальных, держится обособленно, отказывается идти на уступки, проявляет категорическое нежелание взаимодействовать с людьми другой культуры).

Результаты по методике П. Ф. Комогорова представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, высокий уровень толерантности характерен для незначительной части испытуемых всех анализируемых нами групп.

Достаточный уровень толерантности выявлен у большей части специалистов помогающих профессий – 53 %, в группе девушек – 48 %. В группе девушек, принявших участие в исследовании, уровень толерантной установки выше, чем у юношей ($t = 3,29$, при $p < 0,01$). Поскольку толерантная установка это, прежде всего, эмоционально-волевая готовность, то вполне закономерно, что у девушек она выше. У студентов первого и четвертого курсов достаточный уровень толерантности представлен примерно в равном количестве. Высокий и достаточный уровень толе-

рантной установки свидетельствует о наличии навыков критического мышления, об умении принимать решения и нести за них ответственность, вести дис-

куссию, аргументировать и учитывать аргументы оппонента, свои особенности и особенности другого не зависимо от национальности и культуры.

Таблица 1

Проявление уровня толерантной установки в различных группах испытуемых (в %)

<i>Группы</i>	<i>Высокий уровень толерантности</i>	<i>Достаточный уровень толерантности</i>	<i>Низкий уровень толерантности</i>	<i>Уровень индифферентности</i>	<i>Уровень интолерантности</i>
Юноши	4	28	59	9	0
Девушки	2	48	47	3	0
Первый курс	3	46	46	5	0
Четвертый курс	2	42	52	4	0
Студенты*	2	44	49	5	0
Специалисты помогающих профессий	4	53	43	0	0

Примечание: *Средние показатели по всей студенческой выборке.

Уровень толерантной установки студентов существенно не изменяется при переходе от начального этапа обучения к завершающему. По нашему мнению, это связано с тем, что период с первого по четвертый курсы является временем социальных и индивидуально-личностных выборов, идентификации, профессионального становления. В этот период оформляются в устойчивую структуру основные компоненты личности – характер, способности, формируется мировоззрение. Одна из особенностей данного периода – стремление к самопознанию своей личности, к оценке ее возможностей и способностей, осмыслению себя и своего места в социуме. На основе ценностей общества личность по мере своего функционирования продуцирует ценностное отношение, ценностные ориентации и выстраивает иерархию системы ценностных ориентации. В дальнейшем наблюдается процесс преобразования личности на основе ценностей, что приводит к формированию жизненных перспектив личности. Возникает потребность в признании сверстниками и взрослыми, формируется потребность в самоутверждении и самореализации. Полученные в процессе обучения знания закрепляются в ходе профессиональной практики. Появляются новые, становящиеся все более актуальными, ценности, связанные с материальным и семейным положением, трудоустройством. В то же время, ряд исследователей указывает на то, что к концу периода обучения завершается кризис профессиональной идентификации. Завершается данный кризис готовностью к принятию ответственности за результат, процесс и цели своей жизнедеятельности.

Нами не обнаружено достоверно значимых различий в уровне толерантной установки между студента-

ми и специалистами помогающих профессий. В то же время, полученные результаты позволяют нам утверждать, что у специалистов помогающих профессий уровень толерантной установки выше, чем у студентов (таблица 1). Это, вероятно, обусловлено тем, что для успешности профессиональной деятельности психологов, социальных работников необходимо умение анализировать отношения с окружающими и обосновывать свои суждения о них, чувствовать их внутренний мир и замечать поведенческие особенности человека, преодолевая свои стереотипы в восприятии и установке. Кроме того, важным фактором является интерес и уважение к другому человеку, терпимость, безоценочное отношение к людям, высокая степень личной ответственности. Специалисты помогающих профессий сталкиваются с негативными переживаниями и, в некоторой степени, оказываются вовлеченными в них. Высокий или достаточный уровень толерантной установки позволяет сохранить целостность своей личности, за счет доброжелательности, позитивной «Я-концепции», гибкого реагирования на меняющиеся жизненные ситуации.

Изучение коммуникативной толерантности, как важной составляющей толерантности личности, проводилось с использованием методики «Диагностика коммуникативной толерантности» (В. В. Бойко). Использование данной методики при проведении исследования позволило нам проанализировать коммуникативную составляющую толерантности испытуемых.

На основании анализа данных, полученных с помощью методики В. В. Бойко, нами было выделено три группы испытуемых с различным уровнем коммуникативной толерантности (таблица 2).

Таблица 2

Среднегрупповые показатели уровня коммуникативной толерантности в группах испытуемых

<i>Уровень коммуникативной толерантности</i>	<i>Группы испытуемых</i>					
	<i>юноши</i>	<i>девушки</i>	<i>1 курс</i>	<i>4 курс</i>	<i>студенты*</i>	<i>специалисты</i>
Высокий	46	29	41	25	33	54
Средний	48	48	48	49	48	46
Низкий	6	23	11	26	19	0

Примечание: *Средние показатели по всей студенческой выборке.

Сравнительный анализ усредненных показателей в группах юношей и девушек показал, что уровень коммуникативной толерантности у юношей выше, чем у девушек ($t = -4,03$, при $p < 0,01$). В группе юношей отмечено примерно равное соотношение лиц с высоким (46 %) и средним (48 %) уровнем коммуникативной толерантности. В группе девушек высокий уровень имеет около трети испытуемых – 29 %, что в полтора раза меньше, чем в группе юношей. Средний уровень коммуникативной толерантности выявлен у 48 % девушек, что аналогично данным в группе юношей. Для 23 % девушек характерен низкий уровень коммуникативной толерантности, в то время, только 6 % юношей имеют такой уровень толерантности.

Полученные данные свидетельствуют о том, что студенты-юноши в процессе общения в большей степени готовы воспринимать индивидуальность другого человека, менее категоричны в оценке людей. Девушки в большей мере чем юноши, при взаимодействии с партнером исходят из стереотипов восприятия, которые могут оказаться ложными и ведут к формированию ошибочной оценки людей и, тем самым, деформируя межличностное взаимодействие.

Большая часть студентов первого курса имеет примерно равное соотношение высокого и среднего уровня толерантности (таблица 2). Вместе с тем у студентов четвертого курса выявлено иное соотношение в уровнях коммуникативной толерантности. Около половины студентов этой группы имеют средний уровень толерантности (49 %), остальные – высокий (25 %) и низкий (26 %). Число студентов четвертого курса, имеющих низкий уровень коммуникативной толерантности, в два раза больше числа студентов первого курса с аналогичным уровнем.

Испытуемых с высоким уровнем коммуникативной толерантности характеризует то, что оценивая поведение, образ мыслей или характеристики другого человека, они с пониманием относятся к особенностям другой личности и не проявляют категоричность в оценке.

Средний уровень коммуникативной толерантности испытуемых является промежуточным и характеризуется проявлениями толерантности-интолерантности в зависимости от ситуации, партнера по общению и обстоятельств. В процессе взаимодействия Другой вызывает у личности противоречивые чувства. В общении могут присутствовать: оценочность, настаивание на своей позиции, обрывание речи собеседника, стремление к победе в споре и др.

Низкий уровень коммуникативной толерантности у испытуемых чаще проявляется в непонимании, неприятии индивидуальности других, в оценке их поведения, образа мыслей через эталон собственного «Я». Им свойственна категоричность в оценке людей, нетерпимость к физическому и психическому дискомфорту, стремление перевоспитать партнера по общению и не готовность прощать другим ошибки. При этом сами они рассчитывают на понимание и поддержку окружающих.

В целом, у студентов первого курса уровень коммуникативной толерантности выше, чем у студентов четвертого курса ($t = -4,71$, при $p < 0,01$). Вероятно, более низкий уровень коммуникативной толерантности у студентов старших курсов обусловлен возникновением реальных проблем и трудностей, связанных

с проявлением кризиса профессиональной идентификации, который затрагивает и сферу общения. Перспектива будущей профессиональной деятельности может вызывать у студентов опасения, поскольку необходимо не только проявлять себя в качестве профессионала, но и вступать во взаимоотношения с людьми разных возрастных, социальных категорий. Кроме того, необходимо уметь адаптироваться к иной социокультурной среде и выбирать жизненную стратегию. На начальном этапе обучения студенты в большей мере взаимодействуют с однокурсниками, сверстниками, преподавателями, но в то же время, круг общения не настолько широк по сравнению со студентами четвертого курса.

Как показывают результаты, уровень коммуникативной толерантности у специалистов помогающих профессий выше, чем у студентов ($t = 4,7$, при $p < 0,01$). В группе специалистов не выявлены лица, имеющие низкий уровень данного вида толерантности. Это можно объяснить тем, что к помогающим относятся все те профессии, практика которых сосредотачивается на помощи другим, выявлении и решении их проблем и расширении знания относительно дальнейших человеческих возможностей. Следовательно, на успешность профессиональной деятельности в этой сфере влияет наличие коммуникативных качеств: умение понимать других людей, общительность, тактичность, вежливость. Коммуникативная толерантность, в данном случае, выступает как систематизирующая характеристика, поскольку с ней согласуются многие другие качества индивида (нравственные, характерологические и интеллектуальные). Более высокий уровень коммуникативной толерантности может свидетельствовать о внутренней гармонии, что является немаловажным для специалистов психологов и социальных работников.

Рассматривая толерантность личности, большинство исследователей полагает, что важной ее составляющей является эмпатия, которую мы изучали при помощи методики «Исследование уровня эмпатийных тенденций» (И. М. Юсупов). Эмпатия понимается нами как внимание к эмоциональному состоянию другого человека посредством сопереживания, проникновения в его субъективный мир. Эмпатия как отклик одной личности на переживание другой, является важным механизмом развития межличностных отношений и делает поведение человека социально обусловленным.

В ходе исследования было установлено, что у девушек уровень эмпатии выше, чем у юношей ($t = 2,95$, при $p < 0,01$), что соотносится с данными других авторов. Более высокий уровень развития эмпатии у представительниц женского пола, по сравнению с мужчинами, может быть связан с особенностями семейной и внесемейной социализации личности, со способностью к осознанному и открытому выражению своих чувств.

Повышенный уровень общей эмпатии у студентов, вероятно, обусловлен социальными нормами и гендерными стереотипами, принятыми и существующими в современном обществе, что согласуется с научными данными. Мужчины не желают, чтобы видели их эмпатичными, потому что это не соответствует гендерной роли. Забота и ласка – это важные части женской гендерной роли.

Значимых различий в уровне эмпатии между испытуемыми первого и четвертого курсов обучения, студентами и специалистами помогающих профессий не выявлено. По нашему мнению, эмпатическая способность обычно возрастает с ростом жизненного опыта.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о необходимости создания психологических условий для развития толерантности у студенческой молодежи, поскольку толерантность имеет важное значение в индивидуально-личностном развитии, социализации, обучении, социальных отношениях и профессиональной деятельности, толерантность является залогом эффективности в любой сфере жизнедеятельности.

Для этого нами была разработана программа, включающая кинолекторий и тренинг. Целью программы является формирование у студентов толерантного сознания и установок толерантного отношения к различным субъектам реальности: себе, сокурсникам, обществу, к представителям других культур и т. д.

Формирование толерантности направлено на развитие способности признавать существование иной точки зрения, многообразие культурных отличий на основе уверенности своих позиций, в рамках универсальных прав и свобод личности, и при этом обеспечивать развитие независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях.

В рамках кинолектория нами анализировались следующие фильмы:

1. «Рожденные равными» (2006 г., Великобритания, социальная драма Доминика Сэваджа). Рассматривается тема социального неравенства.
2. «Похороните меня за плинтусом» (2008 г., Россия, режиссер С. Снежин). Многогранная история с непростыми взаимоотношениями.
3. «Шоколад» (2000 г., Великобритания, США, режиссер Лассе Халльстрем). Фильм пример того, как нужно бороться с предубеждениями и нетерпимостью.

4. «Внук космонавта» (ранее «Внук Гагарина», 2007, Россия, режиссеры А. Панин, Т. Владимирцева). Фильм затрагивает очень актуальные и жизненно-важные темы – понимание, человечность, толерантность, предательство, дружба.

5. «Игра» (2011 г., Швеция, Франция, режиссер Рубен Эстлунд). Фильм о проблеме мультикультурализма.

6. «Вот я какой» (2011 г., США, режиссер Майкл Павоне). Фильм о толерантности, о вере в себя и других, о человеческом достоинстве.

Социально-психологический тренинг является ведущим методом активного социально-психологического обучения. Обучение в группе при интенсивном взаимодействии чувствами, мыслями и действиями имеет ряд неоспоримых преимуществ перед другими методами, поскольку, люди начинают испытывать большую симпатию друг к другу, начинают легче принимать точку зрения своих партнеров и обнаруживают большую готовность к изменению собственных установок. Возрастает социальная активность и инициатива в поиске оригинальных решений.

Тренинг толерантности направлен на повышение уровня толерантных установок. Задачи тренинга: дать возможность студенту побывать в роли другого человека, усилить процессы идентификации, выработать толерантные формы общения друг с другом.

Упражнения, представленные нами, способствуют развитию эмпатии, адекватной самооценки, позитивной идентичности, расширению границ восприятия себя и окружающего мира, в результате чего повышается внутригрупповая сплоченность, формируется доброжелательное отношение к себе и представителям других культур.

В заключении хотелось бы отметить, что формирование толерантности должно осуществляться на разных уровнях и у разных возрастных групп, поскольку развитая толерантность способствует снижению этнополитических, идеологических и институциональных конфликтов, позволяя сохранить целостность в полиэтническом и многоконфессиональном пространстве.

Литература

1. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других. М., 1996. 472 с.
2. Комогоров П. Ф. Формирование толерантности в межличностных отношениях студентов вуза: автореф. ... канд. пед. наук. Курган. 2000. 24 с.
3. Кривцова Е. В. Исследование уровня толерантности личности у разных возрастных групп // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 апреля 2014 г.: в 11 ч. Ч. 1. Тамбов, 2014. 164 с.
4. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2004. 672 с.
5. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. 490 с.
6. Юраков А. В. Ресурсы межэтнической толерантности в Башкортостане. М., 2002. 28 с.

Информация об авторе:

Кривцова Евгения Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы социально-психологического факультета КемГУ, evgeniya_k@bk.ru.

Evgeniya V. Krivtsova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Social Work and Social Sphere Management, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

**ОСОБЕННОСТИ «СОЦИАЛЬНОГО Я» ЧУВАШСКИХ И ТЕЛЕУТСКИХ ПОДРОСТКОВ,
ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ***Г. Н. Кригер***SPECIAL FEATURES OF THE “SOCIAL SELF” OF THE CHUVASH AND TELEUT ADOLESCENTS
LIVING ON THE TERRITORY OF KEMEROVO REGION***G. N. Kriger*

В статье представлены результаты исследования «социального Я» подростков разных этнических групп, проживающих в сельских поселениях. Выделенные особенности могут лечь в основу социокультурных исследований, программ. Делается вывод о преобладающем характере и сущности социального в становлении личности подростков.

The paper presents the results of studying the “social self” of teenagers’ in different ethnic groups, living in rural settlements. The discovered features can form the basis of sociocultural researches. The conclusion about the prevailing social character and essence in teenagers’ identity formation is drawn.

Ключевые слова: «социальное Я», чувашские, телеутские подростки, группа, особенности, показатели.

Keywords: social self, Chuvash, Teleut, adolescents, group, features, indicators.

Изменчивость мира и его образа в сознании людей разного возраста, образования, социальной принадлежности приводит к изменению в области социализированности людей. Проблема развития «социального Я» становится актуальной в наше динамическое время.

Нам представляется важным обратить внимание на подростков, поскольку именно им предстоит не только адаптироваться к новым условиям жизни общества, но и активно влиять на них. Интерес обусловлен так же тем, что подростки проживают в сельской местности. И мы согласны с В. А. Барановой, что группы, выделяемые по территориально-поселенческому критерию (жители села) по разным причинам пользуются наименьшим вниманием социальных психологов и, что учет места проживания важен в исследованиях социализации [1, с. 75]. В настоящей работе мы остановимся на характеристике особенностей социального, проявляющихся в личности подростков разных этнических групп. В наших исследованиях ранее мы показали структурно-содержательные характеристики этнического самосознания телеутов, а также роль ритуалов в развитии детей дошкольного возраста и, прежде всего, в становлении личности ребенка [3; 4].

Социальное становление личности, согласно теориям Л. С. Выготского, Дж. Боулби, М. Эйнсворт и др., формируется уже на первом году жизни. В развитии личности важным моментом является осознание ребенком своего «Я». Л. С. Выготский связывал это с двумя моментами. Первый – природный (органический). Ребенок овладевает вертикальным положением, благодаря чему руки ребенка начинают выполнять орудийные, предметные действия. Второй – культурный. Ребенок овладевает речью, происходят изменения на уровне мышления, памяти и других функций. Автор считает, что понятие «Я» развивается у ребенка на основе представлений о других людях и, что «личность – есть социальное в нас» [2, с. 745]. Ребенок применяет по отношению к самому себе те приемы,

приспособления, которые он применял по отношению к другим. Между 12 – 14 годами возникает определенность, устойчивость, характер личности. Формирование «Я» завершается в подростковом возрасте, но не завершается развитие социального. Вступая в разнообразные отношения с другими людьми, человек ориентируется на определенные нормы, правила, обычаи. «Я – образ» на индивидуальном уровне отражает степень соответствия-несоответствия человека требованиям, предъявленным ему обществом. Осознавая себя как социального индивида, человек отождествляет себя с определенной группой людей – половой, возрастной, этнической, семейной, профессиональной и др. Идентифицируя себя с этими группами, индивид «смотрит» на себя глазами других, оценивая свои поступки с позиций той или иной группы. Понятие идентификации в психологическом смысле употребляется для обозначения механизма усвоения социальных ролей, стандартов поведения, основанных на их воспроизведении и копировании. Различными могут быть люди, с которыми отождествляет себя человек: родители, близкие, значимые другие, герои произведений литературы и искусства, а также представители животного мира. Идентификация может быть различной по полноте – сравнение по одному или нескольким признакам, качествам, может быть сознательной и неосознаваемой, иметь рациональный или эмоциональный характер [5, с. 153].

Основанием нашего исследования явилась теория Л. Г. Почебут о природе социального. Человек как биологическое, психическое и социальное существо, проявляет свою социальность в социальных инстинктах, во взаимодействии с окружающими и социальной категоризации окружающего мира с целью установления единого смыслового пространства. «Социальный инстинкт – это основанное на биологической природе человека проявления социального. Инстинкты лежат в основе социального поведения и передаются генетически от поколения к поколению. Социальные инстинкты видоизменяются, переопределяются

ся в систему социальных потребностей. В поведении людей социальные инстинкты проявляются как чувство принадлежности к группе и социальная фасилитация. Социальное взаимодействие – это обмен между людьми различными представлениями, верованиями, чувствами, идеями, действиями. Оно имеет психическую природу и реализуется в сознании людей. Социальная категоризация – это один из видов категоризации, то есть способ познания мира с помощью процессов классификации и типизации окружающих людей. Социальная категоризация возникает только в отношении людей и самого себя. В целостном поведении человека присутствуют три варианта проявления социального» [6, с. 136 – 137].

Мы рассматриваем «социальное Я» в качестве одного из важных инструментов, который оказывает влияние на стратегию, ценности и поведение человека в обществе. В настоящем исследовании изучались особенности проявления «Я» в социальном поведении подростков, принадлежащих к разным этническим группам.

Цель эмпирического исследования заключалась в анализе «социального Я» чувашских и телеутских подростков, проживающих на территории Кемеровской области в сельской местности.

Кемеровская область является регионом поликультурного, полиэтнического состава. Среди 16 национальностей, проживающих на ее территории, коренные малочисленные народы, мигранты из стран ближнего зарубежья, а также те народы, которые проживают вдали от своей исторической родины.

Согласно переписи населения, на территории Кемеровской области проживает 9301 чуваш. Это почти вдвое меньше, чем по данным переписи 2002 г., когда в области насчитывалось 15480 чувашей. Расселены чувашские практически на всей территории области, а в ряде районов достаточно компактными массивами. Сравнительно многочисленны чуваше в г. Кемерово (4354 человека), Новокузнецк (2027 человек), Прокопьевск (1549 человек), Киселевск (1125 человек), Белово (978 человек), Березовский (603 человека) и Ленинск-Кузнецкий (523 человека). Значительное число чувашей проживает также в ряде поселков – в Артыште (417 человек), Трудармейском (361 человек), Крапивинском (317 человек), Промышленной (273 человека), Промышленновском (225 человек), Краснобродском (226 человек). Чувашское население в том или ином количестве имеется в Прокопьевском (2142 человека), Промышленновском (91209 человек), Кемеровском (1058 человек), Крапивинском (1038 человек), Топкинском (644 человека) и Ижморском (540 человек) районах. В области насчитывается 32 сельских населенных пункта с жителями чувашской национальности. Поселок Пушкино, в Прокопьевском районе – единственный, в котором проживают только чуваше. Во всех остальных селениях чуваше живут совместно с русскими, составляя 20 – 80 % их населения. Среди них: село Михайловка, поселок Чапаевский, село Сибирка, деревня Чуваш-Пай, село Андреевка, поселок Каменный, деревня Терехино. Основная масса телеутов проживает по рекам Большой и Малый Бачат в Беловском районе Кемеровской области в селах Беково (те-

леутское название Кресту), Челухоево (Ары Байат «по другую сторону р. Бачат»), Верховская (Сас), Шанда (Шаанды), Новобачаты (Таш Кбмир), Черта, Большой Улус. Отдельная группа телеутов живет в поселке Телеут (Том), в черте г. Новокузнецка. Такой же поселок имеется в черте г. Белова. В Горном Алтае они населяют долину рек Маймы, Иши и правый берег реки Катунь Майминского района (в настоящее время большая часть телеутов живет за пределами Горно-Алтайской автономной области, в селах Беловского района Кемеровской области). В Алтайском крае телеуты живут в Заринском (бывшем Сорокинском), Кытмановском и Чулышманском районах. По последним данным переписи, в Кемеровской области к концу 90-х гг. XX в. насчитывалось 2594 телеута [3, с. 61].

В исследовании приняли участие подростки чувашской национальности, проживающие в селе Михайловка, Прокопьевского района (17 человек, в возрасте 13 – 14 лет, условно названная – 1 группа) и подростки телеутской национальности, проживающие в селе Беково, Беловского района (25 человек в возрасте 13 – 14 лет, условно названная – 2 группа). Использовались следующие методы и методики: анкета, разработанная Д. В. Ярцевым, включающая в себя 24 вопроса; методика «Незаконченные предложения», адаптированный вариант, состоящий из 18 предложений; методика Т. Котла «Я через 10 лет»; математические методы статистики.

С помощью методики «Незаконченные предложения» мы выявили особенности проявления Я на уровне социальных инстинктов: представления о будущем, скрытые желания, уровень субъективного контроля, потребности, мотивы, ценности, идеалы, отношения к себе, другим. Результаты представлены в таблице 1.

Полученные материалы исследований показывают, что у подростков обеих групп выражено позитивное отношение к жизни, к другим, к самим себе и проявляется в особенностях просоциального поведения. *«Будущее кажется: светлым; хорошим; стабильным; цивилизованным; мирным; далеким; веселым...», «Наступит день: мне дадут зарплату; закончу школу; родится ребенок; попаду в сборную России по хоккею; стану работать; все будут хорошими людьми; выйду замуж; Россия победит Америку...», «Надеюсь на / я мог бы стать счастливым: если бы друзья и семья всегда были рядом; побыстрее настало лето; умела бы все; на земле не было бы войны; мне улыбнулась бы удача; подарили бы Toyota; не болела...», «Я всегда хотел / стремлением в жизни: научиться играть на гитаре; спорт; семью; мир во всем мире; попробовать жить самостоятельно; быть врачом; стать богатым; счастливым; съездить на теплые острова; продолжить род; чтобы меня уважали люди...», «Думаю, настоящий друг / люблю людей: не предаст; поможет всегда; поймет; ведут здоровый образ жизни; делают добро; это Алена; это Наташа...», «Люди, с которыми я учусь: самые лучшие; хорошо относятся друг к другу; знают, что в жизни надо пройти; не все плохие; мои друзья...», «Идеалом является: моя мама; друг; добрый, умный, работающий, заботящийся о других лю-*

дах...». Однако есть и различия. Так, подростки 1 группы в ответах более открыты, доверчивее, влияние близких и значимых взрослых остается высоким в данной группе, менее прибегают к ответам: «не знаю, затрудняюсь, нет».

Социальное проявляется в виде взаимодействий, интеракций, складывающихся отношений между людьми. В таблице 2 отражены результаты, полученные на основе анкеты Д. В. Ярцева.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа средних показателей особенностей социального в группах подростков (методика «Незаконченные предложения»)

<i>Показатели</i>	<i>Категории</i>	<i>1 группа</i>		<i>2 группа</i>	
		<i>М</i>	<i>т</i>	<i>М</i>	<i>т</i>
Представления о будущем	позитивные	0,58	0,0016	0,64	0
	негативные	0,41	0,0169	0,36	0,0784
Скрытые желания	индивидуальные	0,52	0,0004	0,86	0,0484
	общественные	0,35	0,0361	0,16	0,2304
Уровень субъективного контроля	интернальный	0,58	0,0016	0,72	0,0064
	экстернальный	0,41	0,0169	1,16	0,2704
Потребности, мотивы	витальные	0,35	0,0361	0,48	0,0256
	социальные	1,0	0,2116	1,36	0,5184
	экзистенциальные	0,58	0,0016	0,48	0,0256
Ценности	дружбы, любви, семьи и др.	1,0	0,2116	1,0	0,1296
Отношения к себе, другим	отношения к себе	0,53	0,0001	0,52	0,0144
	к другим	0,94	0,16	0,88	0,0576
Идеалы подростков	реальные	0,23	0,0961	0,48	0,0256
	герои книг, фильмов	0,05	0,2401	0,12	0,2704
	положительные качества	0,76	0,16	0,36	0,0784

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа средних показателей особенностей социального в группах подростков (анкета Д. В. Ярцева)

<i>Категории</i>	<i>1 группа</i>			<i>2 группа</i>		
	<i>да</i>	<i>нет</i>	<i>затр.</i>	<i>да</i>	<i>нет</i>	<i>затр.</i>
Взаимодействие в семье	0,71	0,22	0,07	0,75	0,19	0,08
Отношение к деньгам	0,64	0,29	0,05	0,61	0,32	0,04
Отношение к школе, предметам, учителям	0,66	0,22	0,11	0,68	0,21	0,12
Взаимодействие со сверстниками	0,82	0,09	0,08	0,65	0,17	0,16
Проявления симпатий, любви	0,64	0,17	0,17	0,51	0,31	0,16

В процессе взаимодействия усваиваются нормы, традиции, ценности. Социальные отношения реализуются в процессе общения подростков с семьей, в школе с учителями, сверстниками. Полученные данные на основе анкеты, свидетельствуют о благоприятных условиях развития социальных отношений в двух группах подростков. Подросткам нравится общаться в семье, однако они не всегда готовы открыто выражать свои чувства, эмоции, переживания. Это объясняется сложившимся опытом коммуникаций в семье, освоенных способов, средств общения взрослых между собой и с подростками. Анализируя данные, можно констатировать, что для подростков чувашской национальности важным аспектом социализированности выступают: тесные социальные связи со школой, сверстниками, желание сохранять отношения со старыми друзьями даже через 10 лет (средние значения 0,82; 0,38). Для телеутских подростков харак-

терно стремление принадлежать не только своей группе, семье, но и ориентация на улучшение ситуации в стране (среднее значение 0,52). Более выраженный интерес у телеутских подростков на внешнюю сторону социальной жизни («Больше всего я хотел бы в жизни мира между странами; справедливости; налаживания отношений с Украиной, Америкой; идеалом мужчины называют президента нашей страны В. В. Путина») (таблицы 2, 3).

На основе полученных материалов по методике «Я через 10 лет», можно констатировать схожесть во взглядах на будущее у подростков исследуемых групп. В качестве желательного в будущем места жительства подростки выбирают город (0,76 – 1 группа; 0,66 – 2 группа), это объясняется необходимостью получить профессиональное образование и иметь работу в городе. Предпочитают остаться в родном селе (соответственно 0,23 – 1 группа и 0,24 – 2 группа). Вы-

раженные различия в показателях «новых и старых друзей». Подростки чувашской группы ориентированы в будущем на сохранение дружеских отношений со школьными друзьями (*среднее значение 0,38*). Телеутские подростки предпочитают не школьных, а новых друзей, мотивируя это переездом из села в город (*среднее значение 0,67*). Подростки этнических групп мыслят, думают, размышляют в аспекте катего-

ризации социального контекста. Нарративы, лежащие в основе объяснения будущего, подростков двух групп можно рассматривать как способ осознания ими социального. Современная социальная ситуация, безусловно, влияет на стиль жизни подростков, на их представления о будущем (*подростки хотят в будущем: получить образование, иметь профессию, работу, жить в достатке, мире, иметь семью*).

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа средних показателей особенностей социального в группах подростков (методика «Я через 10 лет»)

<i>Показатели</i>	<i>1 группа</i>		<i>2 группа</i>	
Род занятий	Работать – 0,61	Учиться – 0,38	Работать – 0,71	Учиться – 0,28
Место проживания	Город – 0,76	Село – 0,23	Город – 0,66	Село – 0,24
Друзья	Школьные – 0,38, новые – 0,23, смешанные – 0,30		Школьные – 0, новые – 0,67, смешанные – 0,33	
Родители	С родителями жить – 0,61	Отдельно – 0,30	С родителями жить – 0,42	Отдельно – 0,57
Материальная ситуация	Знают – 0,76	Не знают – 0,23	Знают – 0,90	Не знают – 0,09
Социокультурная ситуация в стране	Улучшится – 0,38	Не улучшится – 0,38, затрудняются – 0,23	Улучшится – 0,52	Не улучшится – 0,48
Будущая семья	Будет – 0,61	Нет – 0,38	Будет – 0,67	Нет – 0,33

Обобщая результаты проведенного исследования, можно отметить, что они отражают возрастные, культурные, территориальные особенности социального Я подростков. Сущность социального проявляется в трех видах: социальный инстинкт, социальное взаимодействие, социальная категоризация. Исследование выявило отсутствие принципиальных различий у подростков чувашской и телеутской национальностей в

проявлениях социального на содержательном уровне. Категоризация социальной жизни подростков носит преобладающий позитивный характер, о чем свидетельствуют полученные и описанные результаты. Материалы исследования, имеющие отрицательные показатели (не представлены в описании), требуют дальнейшего изучения и подтверждения, в том числе и практических решений.

Литература

1. Баранова В. А. Социально-психологический подход к исследованию социально-территориальных общностей (на примере городского и сельского социумов) // Вестник МГУ. (Серия 14: Психология). 2012. № 1. С. 74 – 83.
2. Выготский Л. С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
3. Кригер Г. Н. Самосознание телеутского этноса: культурно-исторические детерминанты и структурно-содержательные характеристики. Кемерово, 2010. 126 с.
4. Кригер Г. Н. Ритуал как способ развития детей дошкольного возраста: региональный аспект. Кемерово, 2014. 100 с.
5. Кригер Г. Н. Социокультурная идентичность представителей телеутского и русского этносов // Вестник КемГУ. 2013. № 3(55). Т. 1. С. 152 – 155.
6. Почебут Л. Г., Мейжис И. А. Социальная психология. СПб.: Питер. 2010. 672 с.

Информация об авторе:

Кригер Галина Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общественных наук Беловского института (филиала) КемГУ, kgn10@yandex.ru.

Galina N. Kriger – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Social Studies, Belovo Institute (branch) of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ТЕКСТОВ БУРЯТАМИ:
ТЕМПОРИТМ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ МАРКЕР***И. М. Кыштымова***FEATURES OF BURYATS' PERCEPTION OF SOCIALLY RELEVANT TEXTS:
TEMPO-RHYTHM AS A SEMANTIC MARKER***I. M. Kyshtymova*

В статье представлены результаты эмпирического исследования влияния ритмической организации социальной рекламы на ее восприятие бурятами. Верифицирована гипотеза о семантическом предпочтении представителями монголо-бурятского этноса медленных ритмов. В исследовании участвовали Улан-удэнские буряты, говорящие на бурятском языке, контрольную группу составили русские респонденты. Испытуемые оценивали с помощью метода семантического дифференциала четыре стимула – два социальных рекламных ролика: снятый в медленном ритме и предъявляемый вначале со звуком, а затем без звука, а также снятый в динамичном ритме со звуком и без звука. В процессе исследования обнаружена зависимость семантики рекламы у бурят от ее ритмической организации. Показано, что медленный ритм воспринимается ими более позитивно. Обнаружена большая чувствительность бурят к звуковому сопровождению рекламного текста: оценка ими озвученных и беззвучных роликов характеризуется значимыми статистическими различиями по нескольким факторам. Таких различий не выявлено в контрольной группе славян.

The paper presents the results of empirical studies of the effect of the rhythmic organization of social advertisements on its perception by the Buryats. We verify the hypothesis of the Mongol-Buryat ethnoses representatives' semantic preference for slow rhythms. The study involved the Buryats of Ulan-Ude, the Buryat language speakers, the control group consisted of Russian respondents. The subjects were evaluated using the method of semantic differential – four stimuli - two social commercials: filmed in slow rhythm and shown first with the sound, then without sound, and filmed in a dynamic rhythm with sound and without sound. The study found the dependence of advertising semantics on its rhythmic organization for the Buryats. It was shown that a slow rhythm is perceived more positively. The author discovered a higher Buryats' sensitivity to the sound of the text supporting the advertising: their assessment of the voiced and soundless movies is characterized by significant statistical differences in several factors. Such differences were found in the control group of the Slavs.

Ключевые слова: семантика, ритм, хронотоп, буряты, социальная реклама.

Keywords: semantics, rhythm, time-space, Buryats, social advertising.

Поликультурное пространство Забайкалья и Прибайкалья характеризуется выраженным своеобразием, оно интегрирует миропонимания кардинально различающихся славянского и монголо-бурятского этносов, для которых характерны не только специфика ценностных, коммуникативных и эмоционально-волевых черт, которые достаточно изучены [3; 7] в психологии, но и, согласно нашему предположению, особенности восприятия и семантической оценки объектов, дифференцированных по темпоральному признаку, исследование которых ранее не проводилось. Мы исследовали особенности восприятия бурятами социальных объектов, в качестве которых использовали социальную рекламу, дифференцировав ее по признаку ритмической организации.

Понятие ритма, разработка которого началась еще в древней натурфилософии Пифагором, а затем и А. Августином, в последние годы становится базовым не только для культурологии, но является актуальным предметом междисциплинарных исследований, связанных с определением системных закономерностей функционирования человека. Ритм понимается как размеренный, налаженный каким-то образом ход протекания чего-либо [8, с. 1334], как единичная или повторяющаяся последовательность микрособытий, количественные или иные характеристики интенсивности которых закономерно изменяются внутри этой

последовательности [9, с. 532]. Характеризуя формальную, синтаксическую сторону жизнедеятельности, ритм в то же время тесно связан с ее семантикой, с такими категориями, как смысл и энергия. Реализуя в своих работах семиотический подход и рассматривая бытие как Текст, В. В. Налимов определяет время как грамматику этого Текста. Ритм находится вне Текста, выполняя организующую и структурирующую функцию [6, с. 78]. Ритмическая организация является одной из составляющих хронотопа, которое В. П. Зинченко охарактеризовал как «самый суровый определитель человеческого бытия, еще более суровый, чем социум» [1, с. 591]. При этом ритмические характеристики протекания психических процессов определяются на глубинных уровнях коллективного и индивидуального сознания, а также бессознательного; они организуют среду жизнедеятельности человека и в процессе культурного опосредования моделируют индивидуальный хронотоп.

С семиотических позиций национальная культура рассматривается как Текст, обладающий специфической ритмикой. Ее размеренность или динамичность определены множеством макроуровневых факторов, в частности, особенностями природных ландшафтов, климатическими условиями жизни людей и их историей. Размышления о ритме психической организации человека как культурно и этнически обусловленном

феномене встречаются в работах культурологов, философов и филологов [5; 9]. Взаимосвязь природы России, ее широких и разнообразных просторов с широкой душой и открытым характером русских людей исследовал в своих трудах Д. С. Лихачев, находя при этом специфические различия с характером других народов [5]. При этом в доступной литературе мы не обнаружили психологических исследований национальных особенностей восприятия текстов разной ритмической организации. Наше исследование выполнено на материале бурятского и славянского этносов и позволяют выявить различия в восприятии ритмов представителями культур, ментальные особенности которых достаточно полно представлены в научных исследованиях.

Бурятские психологи, уделяя значительное внимание изучению особенностей своего народа, тем не менее констатируют, что «несмотря на большое количество исследований бурятских ученых вопрос, вернее проблема «Кто же мы, буряты – монголы?», сформулированная Ш. Б. Чимитдориевым, остается пока без ответа» [7, с. 55]. Мы полагаем, что ответ на этот вопрос связан, в том числе, и с пониманием влияния исторически сложившегося жизненного уклада бурят на такие неявные характеристики их психической организации, как хронотоп. Пространственная, звуковая и цветовая адинамичность степных просторов Забайкалья, усиленная их «холодностью», оказала влияние на становление размеренного, несуетного образа жизни бурят, приоритетность стабильности в их жизненном мире. Для восточных культур характерно представление о мире как неизменной данности. Р. Д. Санжаева отмечает, что консерватизм является базовым качеством бурят [7, с. 56]. В этом же контексте рассматривает психологию бурят В. Г. Крысько: «Суровые условия Забайкалья и Прибайкалья не терпели поспешных решений... многословья. Вот почему в национальной психологии бурят... утвердились такие качества как выдержанность, рассудительность, немногословность, слабое выражение эмоций и чувств» [3, с. 88].

В качестве социального феномена, оказывающего влияние на трансформацию общественных установок, в представляемом исследовании рассматривается социальная реклама. Гипотетическим предположением, верифицированным в процессе исследования, было суждение о том, что дифференциальным признаком, определяющим этнически обусловленные различия в семантике воспринимаемой бурятами и русскими рекламы, будет являться ее темпоритм. Мы полагаем, что совместное проживание на одной территории, в едином социокультурном пространстве русских и бурят в большей степени оказывает влияние на формирование общих ценностных и коммуникативных установок. Значительно медленнее происходит процесс унификации хронотопа как глубинной психологической характеристики, обусловленной антропогенетическими и этническими факторами.

Хронотоп, определенный А. А. Утомским как «закономерная связь пространственно – временных координат», затем используется М. М. Батиным для определения характеристик текста, конгениальных его герою. В. П. Зинченко вводит это понятие в пси-

хологию как «симультанизацию психологического времени – дление, включающее прошлое, настоящее и будущее» [2, с. 88], полагая, что временные и темпоральные характеристики являются важным системным свойством личности. Категория хронотопа рассматривается в современной психологии как значимый диагностический маркер [4].

Мы предположили, что темпоритм организации жизни бурят характеризуется большими медлительностью и сдержанностью, а, следовательно, динамичный рекламный текст должен восприниматься ими как некомфортный и наделяться большей негативной семантикой, нежели в контрольной группе славян.

В исследовании участвовали 60 человек от 15 до 25 лет, и них 30 бурят (16 женщин и 14 мужчин) и 30 русских (18 женщин и 12 мужчин). Все испытуемые – жители города Улан-Удэ. Диагностика осуществлена с помощью студентки факультета сервиса и рекламы ИГУ Е. Хангуевой. При определении выборки учитывалось знание бурятами бурятского языка: респонденты основной группы свободно им владеют. Условие знания языка было поставлено в целях корректного определения выборки: язык является важным свидетельством принадлежности его носителя к культуре народа, следовательно, говорящие на бурятском языке буряты в меньшей степени подверглись ассимиляционным процессам.

В качестве стимульного материала исследования были использованы два социальных рекламных ролика. Причем каждый из них предъявлялся респондентам дважды: с музыкальным сопровождением и без него. Звуковое сопровождение рассматривалось как фактор, усиливающий динамические характеристики телевизионного рекламного текста. Первый ролик (реклама радио Choice FM) соответствует требованию организации по признаку медленного ровного темпоритма: содержит медленную музыку, замедленную смену кадров. В ролике при помощи замедленной съемки показывают, как разлетаются поочередно от летящей пули: яйцо, стакан молока, яблоко, бутылка кетчупа, бутылка с водой и арбуз. А в последнем кадре на том месте, где были установлены разбитые выстрелами предметы, оказывается голова подростка. Тэглайном появляется надпись «Stop The bullets. Kill the gun» – «Остановите пули. Убейте оружие». Весь ролик сопровождает классическая ария.

Второй стимульный социальный ролик был создан в рамках Всероссийской социальной кампании «Притормози!», инициированной ГУОБДД МВД России. Для него характерен неровный и динамичный темпоритм: быстрая музыка, быстрая смена кадров. В ролике демонстрируется стандартная ситуация, распространенная на дорогах: водитель едет слишком быстро и не собирается сбрасывать скорость перед пешеходным переходом, не задумываясь о том, что там могут быть люди. Тогда «оживают» пиктограммы и заставляют автомобиль остановиться. Ролик объясняет зрителям, что дорожный знак пешеходного перехода – это предупреждение о необходимости сбросить скорость заранее, а пиктограмма на знаке обозначает живых людей. Сбросив скорость за несколько десятков метров, водитель успеет остановиться, если на переходе неожиданно появится человек.

Основным методом нашего исследования послужил классический вариант Семантического дифференциала Ч. Осгуда, с помощью 26 шкал которого испытуемые последовательно оценивали 4 стимула: «медленный» и «быстрый» ролик вначале со звуковым сопровождением, а затем без него. Диагностические данные подверглись статистической обработке с помощью компьютерной программы SPSS – 20.

Полученные в процессе оценки четырех стимулов по 26 шкалам СД от 60 – 74 испытуемых данные составили матрицу размером 26X60X4. Для уменьшения ее размерности была использована процедура факторного анализа методом максимального правдоподобия. При этом значение теста КМО составило 0,679, что может оцениваться как «среднее». Коэффициент сферичности Бартлетта достаточно большой, а соответствующий ему уровень значимости составил 0.000, что свидетельствует о надежности вычисления корреляционной матрицы и о том, что данные приемлемы для проведения факторного анализа. В процессе проведенного факторного анализа было выделено семь факторов, объясняющих 65 % суммарной дисперсии переменных.

Исходя из значения шкал с высокими факторными значениями, первый фактор был идентифицирован нами как фактор «оценки», в него вошли шкалы «противный – приятный» (0,770), «плохой – хороший» (0,762), «злой – добрый» (0,761), «темный – светлый» (0,705). Во второй фактор вошли шкалы «легкий – тяжелый» (0,779), «простой – сложный» (0,732), «расслабленный – напряженный» (0,662), «радостный» – «печальный» (0,563). Он назван фактором «легкости». Третий фактор «любви» состоит из шкал «дорогой – дешевый» (0,736), «любимый – ненавистный» (0,660), «большой – маленький» (0,510). Четвертый фактор назван фактором «активности» и включает шкалы «быстрый – медленный» (0,761), «активный – пассивный» (0,670), «острый» – «тупой» (0,557). В пятый фактор вошли определения «влажный – сухой» (0,823), «мягкий – твердый» (0,566), «гладкий – шершавый» (0,534), он идентифицирован как фактор «комфорта». Шестой фактор назван фактором «хаотичности»: «хаотичный – упорядоченный» (0,713), «свежий – гнилой» (-0,521). Седьмой фактор «эмоциональной близости» включил шкалы «густой – жидкий» (0,747), «горячий – холодный» (0,626), «родной – чужой» (0,577).

Далее с помощью критерия Манна – Уитни оценивались различия в семантике исследуемых стимулов в сравниваемых группах бурят и русских. Выявлено, что рекламный ролик с замедленной репрезентацией образов без музыкального сопровождения имеет статистически значимые различия в восприятии разными этническими группами по второму фактору ($p = 0,021$). Буряты оценивают ролик как «легкий» (среднее значение в группе 0,333), а факторная оценка русских имеет отрицательное значение (-0,162). Интересно, что буряты воспринимают этот ролик скорее как «добрый» (значение по шкале «злой – добрый» (-0,33)), а русские – как «злой» (0,63). И эти различия также статистически достоверны ($p = 0,041$). Кроме того, различия в восприятии выявлены на уровне тенденций. Так, для бурят медленный ролик более «лю-

бимый» (значение третьего фактора 0,008), чем для русских (-0,227). Также он в восприятии бурят более упорядоченный (значение фактора хаотичности (-0,99), чем в восприятии русских (-0,306); а также медленный ролик более «родной» для бурят (значение фактора эмоциональной близости (-0,332)), чем для русских (-0,482). Таким образом, исходное предположение об органичности размеренного хронотопа для бурят на этом этапе исследования обнаружило достоверность.

Сравнение оценок бурятами и русскими «медленного» социального ролика, у которого при предъявлении испытуемым не был выключен звук, т. е. темпоральные характеристики рекламы усиливались через апелляцию не только к визуальному, но и к аудиальному каналу восприятия, показало значимые различия в семантике стимула по фактору «эмоциональной близости» ($p = 0,005$). Для бурят медленный ролик является эмоционально близким – «родным» (0,211), а для русских он «чужой» (-0,405).

На следующем этапе исследования семантической оценке подвергался ролик, снятый в динамичном темпе. Статистически значимое различие восприятия выявлено по шкале «противный – приятный» ($p = 0,031$). Для русских респондентов ролик с быстро сменяющимися кадрами является приятным (-0,60), а для бурят в такой форме репрезентированный текст – «противный» (-1,47). Статистических различий в факторных оценках ролика не обнаружено, но на уровне тенденции выявлена более низкая оценка стимула по большему числу шкал и факторов. Так, бурятами ролик оценивается как менее легкий, любимый, комфортный, даже менее активный. При этом он значительно более «хаотичный» в оценке бурят (0,345), чем в оценке русских (0,171).

Анализ диагностических данных, полученных при предъявлении динамичного социального ролика со звуковым сопровождением показал наличие статистически достоверных различий в семантике стимула у бурят и русских по шкале «злой – добрый» ($p = 0,032$). Мы видим, что для бурят озвученный ролик «добрее» (-0,73), чем для русских (0,17). Можно предположить, что для бурят более органична информация, презентуемая в полимодальном контексте.

Исходя из этого, в процессе исследования мы выдвинули дополнительную гипотезу о том, что аудиальная составляющая воспринимаемого бурятами стимульного текста обладает выраженными дифференциальными возможностями и определяет оценку текста. Буряты, согласно этой гипотезе, более чувствительны к аудиальной составляющей сообщения.

Для верификации предположения мы сравнили восприятие бурятами озвученного и беззвучного роликов. Выявлены статистически достоверные различия в семантике звукового и беззвучного стимулов по фактору «активности» ($p = 0,016$): озвученный ролик воспринимается как значительно более активный (-0,068), чем беззвучный (-0,656). Интересно, что ролик без звука воспринимается с негативной оценкой по фактору «эмоциональной близости» – он более «чужой» (значение эмоциональной близости (-0,33)), чем озвученный ролик, который оценивается бурятами как «родной» (0,21), причем это различие семан-

тики по седьмому фактору статистически достоверно ($p = 0,035$). В контрольной группе русских достоверных различий в семантике озвученного и беззвучного роликов не выявлено ни по одному фактору.

В условиях современного доминирования визуальной культуры и утверждения в ряде научных работ суждений о трансформации модели восприятия в сторону увеличения удельного веса визуальной модальности представляются значимыми полученные результаты об определяющей роли аудиальной компоненты восприятия у бурят. Можно также предположить, что этнически обусловленные особенности вос-

приятия бурят: адинамичность, размеренность и ровность ритмической организации – являются устойчивыми к трансформационному влиянию изменившегося коммуникационного контекста.

Таким образом, исследование показало, что обозначенное направление поиска этнически обусловленных психологических свойств бурят верно: хроно-топ как характеристика жизненного пространства, отражающаяся в специфике протекания психических процессов, обладает у бурят выраженным своеобразием.

Литература

1. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005.
2. Зинченко В. П. Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УПАО, 2000.
3. Крысько В. Г. Этническая психология. М.: Академия, 2002.
4. Кыштымова И. М. Психосемиотический анализ текста: диагностическое значение категории «время» // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 50 – 54.
5. Лихачев Д. С. Земля родная. М.: Просвещение, 1983.
6. Налимов В. В., Дрогалина Ж. Реальность нереального. М.: Мир идей, 1995.
7. Санжаева Р. Д. Этнопсихология бурят // Вестник БГУ. 2011. № 5. С. 52 – 60.
8. Словарь современного русского литературного языка. Т. 16. М.; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963.
9. Теоретическая культурология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005.

Информация об авторе:

Кыштымова Ирина Михайловна – доктор психологических наук, профессор кафедры образования и развития личности Иркутского государственного университета, info@creativity.ru.

Irina M. Kyshtymova – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Educational Psychology and Personal Development, Irkutsk State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ МАЛОГО ГОРОДА И МЕГАПОЛИСА

И. О. Логинова, Ю. В. Живаева

SOCIO-CULTURAL FEATURES OF STUDENTS' IDENTITY IN SMALL TOWNS AND METROPOLIS

I. O. Loginova, Yu. V. Zhivaeva

Предметом теоретического и эмпирического анализа выступила социокультурная идентичность. Цель статьи – представить результаты исследования особенностей социокультурной идентичности студентов, обучающихся в различных социокультурных условиях (в условиях малого города и мегаполиса). В качестве диагностического инструментария были использованы методика З. Ф. Урбанович «Личностная и социальная идентичность» и анкета, направленная на изучение индивидуальных данных исследуемых. Представлены результаты эмпирического исследования социокультурной идентичности студентов малого города и мегаполиса. Выявлено, что для исследуемых студентов малого города потенциально широкие возможности самореализации обнаруживаются при расширении социокультурного пространства по траектории: деревня, поселок – малый город; а в случае с исследуемыми студентами мегаполиса данное расширение социокультурного пространства происходит в больших масштабах соответственно: малый город – мегаполис. Данные исследования социокультурной идентичности как фактора устойчивости жизненного мира человека могут являться основой региональных программ психологического сопровождения для граждан, переселяющихся из северных регионов края, малых городов в мегаполис, граждан, испытывающих затруднения в определенной направленности жизненного и профессионального пути.

The socio-cultural identity is the subject of theoretical and empirical analysis. The purpose of the paper is to present the results of studies of the socio-cultural identity of students enrolled in different socio-cultural conditions (in a small town and metropolis). As a diagnostic tool we used the technique of Z. F. Urbanowich "Personal and social identity" and a questionnaire aimed at the study of individual data of subjects. The results of an empirical study of social and cul-

tural identity of students of small towns and metropolis are represented. The research revealed that for students studying in a small town, potentially broad self-realization opportunities are found in the expansion of socio-cultural space along the path: a village – a small town; and in the case of the students of the metropolis this extension of sociocultural space occurs on a larger scale, respectively: a small town – a metropolis. The results of the study of social and cultural identity as a factor of stability of the person's life-world can be the basis for regional programs of psychological support for citizens to move from the edge of the northern regions and small towns to metropolis, for people experiencing difficulties in determining the direction of the life and career path.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, социокультурное пространство, малый город, мегаполис.

Keywords: socio-cultural identity, socio-cultural space, small town, metropolis.

Введение

В современной действительности социокультурное пространство, обретает статус сложного, многоуровневого пространства, характеризующегося нестабильностью, неустойчивостью и высокой динамикой социальных процессов. Важнейшие процессы трансформации современного общества и культуры связаны с такими явлениями, как глобализация, транснационализм, информатизация, визуализация и виртуализация [1]. Наиболее значительным последствием данных процессов является актуализация проблемы сохранения социокультурной идентичности, как самими городами, так и людьми, их населяющими.

Учёт факторов и механизмов становления идентичности человека в региональном аспекте выступает необходимым условием успешной модернизации современного российского общества, сохранения его единства и социальной стабильности. В настоящее время численность малых городов в целом по Российской Федерации преобладает над другими типами городского поселения. Малый город, в отличие от мегаполиса, который является показателем экономического развития, характеризуется как индикатор социального и нравственного здоровья населения, именно малые города являются хранителями культурного наследия, национальной оригинальности. При этом в условиях малого города наиболее актуальна проблема социокультурного развития молодежи, которая является основой развития общества в целом.

Бурные события последних десятилетий, повлекшие за собой коренную перестройку политической и экономической жизни России, вызвали резкие изменения и в социальной сфере, что способствовало широкомасштабному развитию процессов миграции. Основной массой, составляющей «миграционную волну», является молодежь, главным образом студенты. В современной действительности вариативность социальных ситуаций влияет на процесс становления идентичности подрастающего поколения.

Данные исследования социокультурной идентичности как фактора устойчивости жизненного мира человека могут являться основой региональных программ психологического сопровождения для граждан, переселяющихся из северных регионов края, малых городов в мегаполис, граждан испытывающих затруднения в определенной направленности жизненного и профессионального пути.

В Российской Федерации с целью создания условий равных стартовых возможностей при поступлении в вузы страны был введен единый государственный экзамен (ЕГЭ), таким образом, у выпускников должны были увеличиться возможности для самореа-

лизации, но многие из учащихся выпускников малых городов и сел после первой сессии не продолжают образование, вследствие невозможности адаптироваться к условиям социума мегаполиса, отсутствия привычки к высоким учебным нагрузкам, что приводит к нарушению психологической устойчивости и идентичности молодого человека.

Социокультурная идентичность: современный взгляд на проблему

Исследования феномена социокультурной идентичности отмечают, что разные социокультурные условия, в зависимости от местности, средств массовой коммуникации, субкультуры, в различной степени способствуют либо препятствуют расширению пространства жизнедеятельности человека.

Многие исследователи (А. В. Качкин, Л. Д. Махлин, В. А. Шкуратов, В. Б. Чупина и др.) указывают на различие в мышлении, поведении, ценностных ориентациях жителей мегаполиса и малого города. Рождаясь и воспитываясь в определенной культурной среде, каждый человек усваивает принятые в ней регулятивы (правило или требование, с которым люди строят свое поведение и деятельность). В результате его действия оказываются в значительной мере обусловленными ими. Он реализует в своих поступках и в своем жизненном пути, предписанные ему культурой программы поведения, часто даже не сознавая того.

Возрастающая динамика и многообразие социокультурных процессов как отличительная черта современности имеет следствием многочисленные деформации личностного становления. Поток постоянно изменяющихся, перекрывающих друг друга образцов, норм и правил самореализации и жизнетворчества в сочетании с равнодушием или открытым неприятием индивидом многих из них проблематизируют сам факт наличия некоего константного «Я», устойчивой «Я-концепции» и актуализируют еще недавно не столь распространенные исследования индивидуальной и групповой идентичности [4].

Идентичность как защита личного, соответствие образа «Я» его жизненному воплощению, состояние принадлежности индивида некоторому надиндивидуальному целому – одно из базовых понятий современного социально-гуманитарного знания (Г. М. Андреева, Т. М. Буякас, М. В. Заковоротная, В. С. Малахов, Н. М. Лебедева, Т. Г. Стефаненко, Л. Б. Шнейдер и др.).

С точки зрения Э. Эриксона (Erikson), основными функциями идентичности являются адаптивная (сохранение целостности и защита индивидуального

опыта человека) и организующая (организация жизненного опыта в индивидуальное «Я»). Механизмы становления и развития идентичности личности основаны на выделении «своего Другого», «своей группы», «своей культуры», то есть некоего референта в социокультурном пространстве. Принимаемые и отвергаемые идентичности составляют в этом пространстве систему координат, с которой соотносится позиция индивида [8].

В психологической литературе выделяются два основных типа идентичностей, которые точнее можно назвать двумя гранями идентичности: личностная (персональная) и социальная. В ряде работ они располагаются на противоположных осях, на антагонистических полюсах, при этом движение идет от личного к социальному полюсу.

В исследовании М. В. Шакуровой отмечается «личностная идентичность есть внутренняя динамическая структура, интегрирующая представления человека о самом себе с ожиданиями значимых других, интериоризованными в самосознании этого субъекта («отраженное самоотношение», В. В. Столин) в единое целое без потери их своеобразия; совокупность знаний и представлений человека о своем месте и роли как члена социальной или этнической группы, о своих способностях и деловых качествах. Становление личностной идентичности человека происходит через сопоставление и противопоставление различных групп и общностей в процессе взаимодействия с ними: если в социальной идентичности акцентируется сходство с группой (группами), характеристики подобия, то в личностной идентичности подчеркиваются отличительные характеристики [8].

В своём исследовании автор говорит о том, что в отличие от личностной идентичности, социальная идентичность может носить характер навязанной, принудительной. Различные социальные группы идентифицируют индивида, делегируя ему некую идентичность. В зависимости от активности и избирательности индивида навязываемая идентичность может быть либо интериоризована (становится элементом личностной идентичности), либо отвергнута, либо пассивно принята [9]. В этой связи И. Л. Гринфельд, называя в числе основных характеристик идентичности человекообразность, человекообразность, подчеркивает, что «в практическом отношении интерес представляют только те идентичности, что посильны человеку и могут быть приняты (и принимаются им) добровольно [2]. Принудительная идентификация возможна и достаточно распространена, ее предпосылкой выступает навязывание обществом образцов идентичности, которые могут быть непосильны, несоразмерны человеку в «горизонте повседневности».

В анализируемых нами теоретических источниках социальную и личностную идентичности противопоставляют («конфликт») социальной и личностной идентичности Г. Тэджфел (Tajfel), Дж. Тернер (Turner); Д. А. Леонтьев, Н. В. Антонова и др.), но в последние годы «конфликтная логика» неоднократно подвергалась критике. Предлагаются иные логики рассмотрения анализируемого соотношения, построенные на утверждении условности подобного разделения. М. В. Заковоротная отмечает: «социальная идентич-

ность теснейшим образом взаимосвязана с ингрупповым подобием и межгрупповой дифференциацией, личностная идентичность – с отличием от всех других людей и, что в данном контексте наиболее важно, в том числе – от членов своей группы. Поскольку же очень трудно представить, как можно в каждый данный момент, одновременно чувствовать себя и подобным членом ингруппы (проявляя социальную идентичность), и отличным от них (в рамках личностной идентичности), то это противоречие породило идею о неизбежности определенного конфликта между двумя видами идентичности, об их несовместимости, соответственно, о том, что в каждый момент времени только одна из них может быть актуализирована» [3]. Процессы, в которых формируются или трансформируются оба вида идентичности, аналогичны. По происхождению и личностная идентичность, и социальная идентичность социальные.

В исследовании М. В. Шакуровой акцентируется внимание на факте того, что традиционное видовое соподчинение социальной (вид) и культурной (подвид) идентичностей в настоящее время все чаще заменяется использованием конструкта «социокультурная идентичность». С одной стороны, это явилось следствием признания и учета все возрастающего значения влияния на становление самосознания личности культуры, подвергающейся в современном обществе детальному социальному масштабированию. С другой стороны, применение к анализу становления идентичности личности так называемого социокультурного закона, раскрытого в исследованиях А. С. Ахизера, Н. И. Лапина и др., позволяет увидеть спектр противоречий, невидимых при самостоятельном анализе социальной и культурной идентичностей [8]. Вопросы, сопряженные с проблематикой социокультурной идентичности, затрагиваются в:

- философских исследованиях В. С. Библера, Г. С. Батищева, В. С. Малахова, М. В. Заковоротной и др.;
- психологических исследованиях А. В. Брушлинского, А. Г. Асмолова, И. С. Кона, Д. И. Фельдштейна, Л. Б. Шнейдер, Т. Г. Стефаненко, Н. В. Антоновой, Г. Д. Дмитриева и др.;
- политологических исследованиях К. К. Крылова, О. И. Генисаретского, И. С. Семененко и др.;
- социологических исследованиях Л. Г. Ионина, В. А. Ядова, Е. Н. Даниловой и др.

Вместе с тем, как отмечает О. В. Лукьянов «...эпоха социальных изменений характеризуется тем, что изменение перестает быть обстоятельством или атрибутом ситуации (то есть изменения перестают «происходить»), а становятся продуктом психологической (субъективной) жизни (ожиданиями, выборами, проектами). В эпоху изменений расширяются горизонты и умножаются степени личной ответственности человека, возрастает интенсивность процессов идентификации и значимость базовой формы ответственности – становления идентичности. Не становление, трансформация, формирование и пр. идентичности обеспечивает устойчивость человеческого бытия в мире, а сама динамика человека как саморазвивающейся системы, имеющей пространственно-временную организацию, обеспечивает устойчивость пространства и

времени. Сама динамика саморазвития через идентификацию позволяет человеку удерживать целостность себя в растущем многообразии и многомерности пространств жизни» [6, с. 18 – 19].

Организация исследования

Целью организованного нами исследования стало изучение социокультурной идентичности студентов малого города и мегаполиса.

В исследовании принимали участие студенты 2 – 3-го курсов очной формы обучения. Исследование проводилось со студентами Лесосибирского педагогического института – филиала ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» (далее – «малый город»), в количестве 146 человек, а так же студентами Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (далее – «мегаполис»), количество выборки равнозначное, возраст исследуемых 18 – 19 лет.

Личностная и социальная идентичность являются составляющими социокультурной идентичности в рамках «социокультурного» подхода. Изучение особенностей личностной и социальной идентичности у исследуемых, проживающих в малом городе и мегаполисе, в различных по своему содержательному характеру социокультурных пространствах, позволяет нам говорить о том, что особенностями идентичности будут социокультурные особенности.

В качестве диагностического инструментария для изучения социокультурной идентичности нами были использованы методы сбора эмпирических данных:

– тестирование (методика З. Ф. Урбанович «Личностная и социальная идентичность»);

– анкетирование (анкета, направленная на изучение индивидуальных данных исследуемых).

Методика «Личностная и социальная идентичность» позволяет определить уровень личностной и социальной идентичности, построить профиль идентичности (позитивный – негативный). При этом под личностной идентичностью понимается самоопределение в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт человека; под социальной идентичностью – самоопределение в терминах, отнесение себя к определенной социальной группе.

Методика позволяет осуществить анализ личностной и социальной идентичности по следующим 8 позициям: 1) работа (учеба), 2) материальное положение, 3) внутренний мир, 4) здоровье, 5) семья, 6) окружающие, 7) будущее, 8) общество.

Каждой позиции соответствует 12 утверждений опросника. Утвердительный ответ на каждое утверждение оценивается в 1 балл, и в целом повышает показатель позитивной личностной и социальной идентичности, чувство самотождественности.

Высокий уровень – 9 – 12 баллов по каждой шкале (один позитивный ответ равен одному баллу); средний уровень – 5 – 8 баллов по каждой шкале; низкий уровень – 0 – 4 балла по каждой шкале. На основании результатов исследования можно сделать вывод о характере идентичности в общем (позитивный-негативный) и возможно построение профиля идентичности.

Результаты исследования по методике «Личностная и социальная идентичность» наглядно представлены на рис.

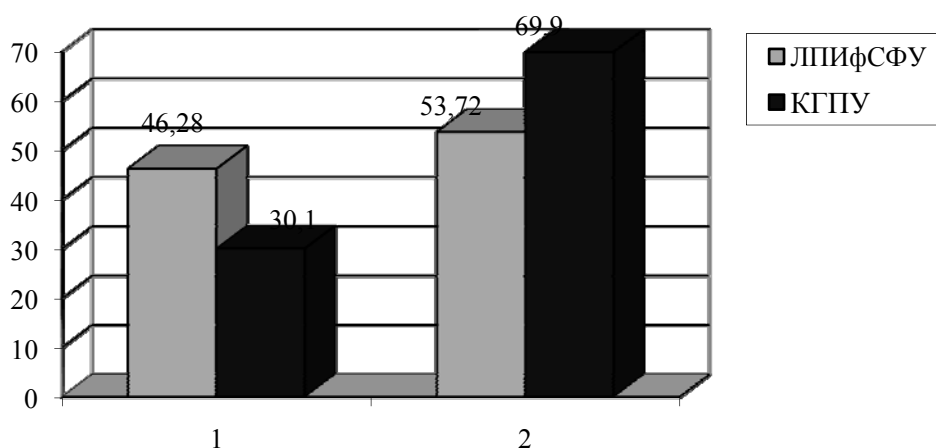

Рис. Процентное соотношение показателей исследования по методике «Личностная и социальная идентичность» (З. Ф. Урбанович)

Условные обозначения: 1 – идентичность (негативный результат); 2 – идентичность (позитивный результат)

Анализируя результаты, полученные по данной методике, у исследуемых нами студентов Лесосибирского педагогического института можно сделать вывод о том, что идентичность (позитивный результат) выявлены у 53,72 % исследуемых (79 студентов). Соответственно у 46,28 % исследуемых студентов Лесосибирского педагогического института выявлена негативная идентичность.

Так же позитивная идентичность выявлена у студентов КГПУ им. В. П. Астафьева в количестве 102 студентов, что составляет 69,9 % исследуемых. Негативная идентичность выявлена у 30,1 % исследуемых.

Для определения статистической достоверности различий между данными выборок нами был проведен расчет t-критерия Стьюдента по показателям методики «Личностная и социальная идентичность»

3. Ф. Урбанович. Полученное эмпирическое значение t по шкале «Личностная и социальная идентичность» находится в зоне значимости ($t_{кр.} = 1,99$; $p = 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между выборками.

При более детальном анализе результатов исследования по методике «Личностная и социальная идентичность» мы имеем возможность констатировать следующие факты.

1. Для исследуемых малого города в большей степени важны такие стороны их взаимодействия окружающей реальностью как: семья, окружающие, их материальное положение и внутренний мир. Для исследуемых очень важно, чтобы в семье были благополучные взаимоотношения, будь то с родителями, либо респонденты уже состоят в браке и говорят о своем супруге, как о самом значимом в жизни. Они ценят отношения с окружающими, для исследуемых очень важно мнение окружения и то, какое место они занимают в данной группе. Для исследуемых важно их материальное положение, они озабочены вопросом улучшения дохода и считают это значимым. Исследуемые обращаются к своему внутреннему миру и для них значимо состояние гармонии в нем. Внутренний (субъективный) мир – психическая реальность, организованное содержание человеческой психики, потребностно-эмоционально-информационная субстанция, вся сознательная духовная жизнь человека, источник его духовной энергии.

2. Для исследуемых мегаполиса важными аспектами в жизни является то, какое место они занимают в обществе, каково их материальное положение, как они себя видят в будущем (у них есть на него планы) и им важно быть в гармонии с собой. Они в большей степени адаптированы к реальности социального мира, они осознают, что для ощущения успешности и повышения самооценки важны как личностные качества, так и объективные показатели социальной позиции. Также им характерно увеличение осознанности представлений о себе и своем будущем, повышение эмоциональной насыщенности этих представлений, расширение их круга, студенты нацелены на будущее. У них сформированы конкретные представления о своем будущем, в котором представлены основные ценности, транслируемые социумом; для них характерно наличие реалистичных представлений о собственном будущем; наличие социокультурного аспекта в представлениях о будущем. Им важно какое материальное положение у них сейчас и то, каким способом они могут его улучшить. Студентам, обучающимся в мегаполисе, важно быть в гармонии с собой. Во внутреннем мире формируются представления и мысленные образы, среди которых за счёт самосознания может быть и образ самого внутреннего мира. Формируются представления об окружающем мире, «наполненность» внутреннего мира зависит от многих факторов – от личностных качеств человека до уровня заинтересованности и вовлеченности субъектом произведений искусства и культуры, а социальная среда, в которой находятся исследуемые, предоставляет такие возможности.

По результатам проведенного анкетирования, можно отметить, что в исследуемой нами выборке

студентов Лесосибирского педагогического института – 42,16 % (62 респондента) исследуемых родились и выросли в близлежащих к г. Лесосибирску населенных пунктах (п. Абалаково, п. Мотыгино, п. Северо-Енисейск, п. Стрелка и др.). В исследуемой нами выборке студентов Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева 40,12 % (59 респондентов) исследуемых родились и выросли в близлежащих к г. Красноярск населенных пунктах (п. Большая Мурта, д. Шапкино, п. Назарово и др.) и так же есть студенты из г. Лесосибирска. Интересен тот факт, что для этих исследуемых характерно наличие позитивной идентичности как для студентов Лесосибирского педагогического института, так и для исследуемых студентов КГПУ им. В. П. Астафьева.

Анализируя данные исследования, можно сделать вывод о том, что для исследуемых студентов Лесосибирского педагогического института, у которых выявлена позитивная социальная и личностная идентичность, потенциально широкие возможности самореализации обнаруживаются при расширении социокультурного пространства по траектории: деревня, поселок – малый город. А в случае с исследуемыми студентами Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, для которых так же характерно наличие позитивной социальной и личностной идентичности, данное расширение социокультурного пространства происходит в больших масштабах соответственно: малый город – мегаполис.

В диссертационном исследовании В. Б. Чупиной (2004) говорится, что социокультурная среда представляет собой «совокупность социальных условий жизнедеятельности человека», предоставляющих возможность действовать в соответствии со структурой и функциями среды, выбирая из разнообразного спектра возможностей те, которые могут быть реализованы. Развитая, богатая культура несет в себе необъятное множество самых разнообразных программ и предлагает каждому огромный выбор возможностей. Вопрос однако в том, насколько человек способен к свободному выбору из возможных альтернатив и созиданию, и насколько он оказывается в состоянии твердо и последовательно осуществлять то, к чему толкает его свободный выбор [7].

Жизненное пространство человека – это поле его будущих возможностей, его самоосуществления в пространстве и времени, в его истории жизни, которая еще не состоялась, но частью, которой он является. Решающую роль здесь выполняет будущее, выступающее экзистенциальным заказом и удерживающим общую интенцию движения человека в пространстве разнообразных возможностей [5]. Позитивная социокультурная идентичность ориентирована на связь прошлого-настоящего и будущего. Для студентов, у которых выявлена негативная социокультурная идентичность, характерно то, что они не принимают в полной мере ту социальную среду, в которой они живут, не пытаются противостоять возникшим проблемным ситуациям. Им свойственна низкая адаптивность к новым условиям жизни, неспособность подстраиваться под обстоятельства, которые встречаются на их пути. У них в малой степени сформированы пред-

ставления о своем будущем, они не связывают свое будущее с социумом в котором находятся сейчас.

Характер режима функционирования самоорганизующейся психологической системы может быть как конструктивным, так и неконструктивным, в зависимости от соответствия режима функционирования условиям и требованиям среды, а это означает он изначально обусловлен особенностями социокультурной идентичности. Эта взаимосвязь среды, создающей обстоятельства жизни человека, и самого человека, способного изменять условия собственной жизнедеятельности, позволяет выбирать оптимальный режим функционирования психологической системы: особым образом организованный человеком процесс жизнедеятельности, способствующий сохранению здоровья, личностному росту и творчеству. Важнейшей системной особенностью выступает, как показали исследования Е. В. Ключко, О. М. Краснорядцевой, И. О. Логиновой, О. В. Лукьянова, – тенденция к оптимизации своего потенциала, характеризующая жизненный путь любого человека. Эта оптимизация счи-

тается успешной, если человеку удастся достичь гармоничного развития самореализации во всех жизненно важных для него сферах.

Заключение

Таким образом, социокультурная идентичность исследуемых имеет свою специфику в зависимости от характера социокультурных условий её становления (малый город – мегаполис): специфика социокультурной идентичности исследуемых, сформированная в социокультурных условиях мегаполиса отличается осознанным и реалистичным представлением о себе и своем будущем (человек не только видит и знает различные стили жизни и ценностные устремления, но и имеет потенциально широкие возможности для самореализации); специфика социокультурной идентичности исследуемых, сформированная в социокультурных условиях малого города отличается неопределенным представлением о своем будущем (для человека значимым является стабильность, неизменность, склонность к инерции).

Литература

1. Асмолов А. Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Психолого-педагогический поиск. 2010. № 14. С. 21 – 39.
2. Гринфельд И. Л. Динамика процесса формирования социокультурной идентичности в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 198 с.
3. Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты // Философский факультет Ростовского государственного университета: история и современность. Ростов н/Д., 2002.
4. Леонтьев Д. А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. 2009. № 10. С. 5 – 10.
5. Логинова И. О. Исследование устойчивости жизненного мира человека: методика и психометрические характеристики // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. С. 18 – 28.
6. Лукьянов О. В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2009. 44 с.
7. Чупина В. Б. Социокультурная детерминация самооценки и самореализационного потенциала молодых преподавателей вуза: дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2004. 219 с.
8. Шакурова М. В. Педагогическое сопровождение становления и развития социокультурной идентичности школьников: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007. 361 с.
9. Шакурова М. В. «Я» в контексте «МЫ»: о сущности социокультурной идентичности личности // Известия ВГПУ. 2013. № 1(260).
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис [пер. с англ.] / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

Информация об авторах:

Логинова Ирина Олеговна – доктор психологических наук, профессор, декан факультета клинической психологии, заведующий кафедрой клинической психологии и психотерапии с курсом последипломного образования Красноярского государственного медицинского университета им. профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, loginova70_70@mail.ru.

Irina O. Loginova – Doctor of Psychology, Full Professor, Head of the Department of Medical Psychology and Psychotherapy, Dean of the Faculty of Clinical Psychology, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V. F. Voyno-Yasenetsky.

Живаева Юлия Валерьяновна – старший преподаватель кафедры клинической психологии и психотерапии с курсом последипломного образования Красноярского государственного медицинского университета им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, yul-zhivaeva@yandex.ru.

Yulia V. Zhivaeva – Senior Lecturer at the Department of Medical Psychology and Psychotherapy, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V. F. Voyno-Yasenetsky.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ФЕНОМЕН ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КАПИТУЛЯЦИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ПРОБЛЕМ С АДАПТАЦИЕЙ И САМОИДЕНТИЧНОСТЬЮ

О. В. Лукьянов, А. А. Шушаникова

THE PHENOMENON OF PSYCHOLOGICAL CAPITULATION IN THE PROCESS OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT IN CASE OF PROBLEMS WITH ADAPTATION AND SELF-IDENTITY

O. V. Lukyanov, A. A. Shushanikova

Работа выполнена при поддержке программы «Научный фонд Томского государственного университета им. Д. И. Менделеева». Регистрационный номер НИР 8.1.71.2015.

Статья посвящена исследованию проблемы эффективности психотерапевтических практик в контексте изучения риска психологической капитуляции. Представлены результаты феноменологического исследования действий клиентов, действий терапевта и благоприятных терапевтических эффектов в групповой экзистенциальной психотерапии. Данные собраны на группе А. Е. Алексеичика «Психотерапия жизнью. Интенсивная терапевтическая вера», проведенного в ноябре 2014 года в г. Кемерово. Для сбора данных использовались методы, разработанные Миком Купером и Джоном МакЛеодом (2011), описанные ими в их концепции плюралистической терапии. Исследование подразумевало сбор рефлексивных оценок и сообщений участников терапевтического группового процесса. Целью анализа данных было выявление смыслов действий клиентов и терапевта, которые наиболее способствовали терапевтическим изменениям. Делается вывод о полезности подобных исследований при решении задач мониторинга практик психологического сопровождения.

The purpose of this paper is to explore the problematic and effectiveness of psychotherapeutic practices in the context of risks of psychological capitulation. The paper presents the results of phenomenological research of client activities, therapist activities and helpful therapeutic effects in existential group therapy. The data were collected during the group therapy given by Dr. A. E. Alekseychik "Life Psychotherapy. Intensive Therapeutic Faith", held in November 2014 in the city of Kemerovo, Russia. To collect the data we used the measures developed by Mick Cooper and John McLeod (2011) and described within the framework of the pluralistic approach of psychotherapy they pioneered. The study required to collect reflexive assessments and reports by the participants of the therapeutic group. The purpose for collecting and processing the data analyzed in this paper was to identify the meanings of the most effective activities, events and processes.

Ключевые слова: помогающие терапевтические практики, после-сессия форма, риски психологической капитуляции, экзистенциальная терапия, активность, доказательства полезности.

Keywords: helpful aspects of therapy, post-session form, risks of psychological capitulation, existential therapy, activity, evidence-based usefulness.

Современный мир требует от индивида больших психологических усилий. Это связано с изменениями в жизненных укладах, и с прерыванием преемственности, информационным давлением. Проблемы с идентичностью и социальной адаптацией для многих людей являются проблемами личными, с которыми они обращаются к психологам и психотерапевтам. Экзистенциальная терапия отвечает на этот запрос, но, предлагая возможности, ставит и условия: достижение ясности оснований жизни в конкретном масштабе и актуальном контексте. Препятствием к осуществлению эффективной психологической помощи и психологического сопровождения часто становится специфическая позиция человека, характеризующаяся неприятием (не всегда тотальным, в некоторой степени) реальности и отрицания себя. Это явления мы назвали психологической капитуляцией и исследовали его на примере группы экзистенциальной терапии.

Современная психотерапия не ограничивается задачами помощи "больным" людям. Сегодня люди обращаются к психотерапии и за решением проблем повседневной жизни, социальной адаптации, развития, реализации и др. Одним из специфических измерений психотерапии является измерение рисков психологической капитуляции – индивидуального поведения, "парализующего" процесс помощи. Психологическая капитуляция выражается в двух дефицитах: дефиците

принятия человеком себя, ситуации, проблемы и в связи с этим, неприятия помощи; и в дефиците преодоления опять же ситуации, проблемы, себя и даже психотерапевта.

Роль активности клиента в психотерапии, значимость его вклада в результативность терапевтического процесса, формы инициации клиентской активности – один из важных фокусов внимания психотерапевтов и критиков психотерапии. Но, кроме специальных вопросов о психотерапевтическом процессе, сегодня важны и вопросы о рисках терапевтического процесса. Одним из таких рисков является психологическая капитуляция клиента перед своей проблемой. Мы имеем ввиду не очевидную капитуляцию, которая становится мишенью психотерапии, но скрытую, присутствующую в работе опасность психологической капитуляции, опасную тем, что она незаметна. Но именно эта психологическая капитуляция «отравляет» терапевтический процесс, снижая его эффективность.

Мы исследуем опасность психологической капитуляции с помощью метода изучения значимых событий. На основании исследований значимых событий в психотерапии (это тип исследования психотерапевтического процесса, целью которого является определение и подтверждение (доказательство) важных помогающих или мешающих событий/явлений/действий в терапевтическом процессе главным образом с точки

зрения клиента) [20] мы можем иметь дополнительные доводы в пользу того, что эффективная психотерапия должна включать в себя элементы предотвращения психологической капитуляции клиента перед трудностями и болезнями. Наиболее ярко аспекты психологической капитуляции перед трудностью проявляются в случаях серьезных заболеваний, инвалидизации, потери, травмы. Но и в решении житейских трудностей фактор капитуляции или некапитуляции играет важную роль. И потому, что он менее ясен именно в случаях решения житейских вопросов, актуально его феноменологическое описание. В чем проявляется тенденция к капитуляции клиента перед болезнью, как ее можно эксплицировать, и какие действия полезны для ее предотвращения?

В данной статье мы отвечаем на этот вопрос на основании результатов исследования случая групповой экзистенциальной терапии.

Методы и данные

Метод изучения значимых событий разработан в конце прошлого столетия (Bloch & Reibstein, 1980; Bloch, Reibstein, Crouch, Holroyd, & Themen, 1979; Elliott 1983, 1984, 1985). L. Timulak одним из первых осуществил метаанализ ключевых тем, используя рефлексивные описания клиентов и терапевтов, отмечающих помогающие события и действия психотерапии [20]. Согласно его исследованиям клиент описывает как важное то, что способствует доверительным отношениям (подбадривание, ощущение того, что его понимают, личное общение, эмпатия), а так же эффекты и результаты (инсайт, облегчение, изменение в поведении, новые чувства, раскрепощение). То есть то, что помогает «устоять» перед проблемой, принять ее, но не подчиниться ей. Исследователями было также обнаружено, что взгляды клиентов и терапевтов на то, что является значимым в терапии, отличаются [20; 9; 12].

В исследованиях L. Timulak (2010), для сбора описаний клиентов и терапевтов была использована Форма Помогающих Аспектов в Терапии (НАТ; Elliott, 1993; Llewelyn, 1988). Согласно данной форме клиент и/или терапевт, описывает одно или более помогающих и/или мешающих событий, которые происходили во время последних терапевтических сессий с их участием. Cooper и McLeod [11] предложили усовершенствовать метод анализа значимых событий, разделив оцениваемые явления на *помогающие действия клиентов* и *помогающие действия терапевтов*. Это позволяет соотносить смыслы активности терапевтов и клиентов для лучшего понимания многообразия способов, в которых могут происходить терапевтические изменения, более точного понимания активности клиента и вклада клиента в процесс изменений (Bohart and Tallman, 1999; Rennie, 1994a, 1994b). В данной статье мы используем результаты исследования случая групповой экзистенциальной терапии посредством методики После-Сессионной Формы (ПСФ) [11]. Эти формы были переведены нами на русский язык в 2014 году и сейчас активно используются в исследованиях. В Форме используются релевантные элементы Краткого Структурного Опроса на Припоминание [14] в формате самоописания.

Описание подхода в исследованной терапевтической группе

Исследование проводилось в группе «Интенсивная терапевтическая жизнь. Интенсивная терапевтическая вера», состоявшейся в 2014 г. в городе Кемерово. Автор подхода и ведущий группы: Александр Ефимович Алексейчик.

Характерное для ИТЖ включение различных теоретических основ без потери собственных оснований и собственной уникальности – принцип, близкий подходу «Плюралистической терапии», развиваемой Дж. Мак-Леодом и Миком Купером [11]. Подход А. Е. Алексейчика описан в ряде статей и книг [1 – 6]. В ИТЖ терапевт уделяет много внимания обострению специфического «фронта» проблемы, предлагает особым образом устоять перед проблемой – прожить ее.

Методы и процедура исследования

В группе «Психотерапия жизнью. Интенсивная терапевтическая вера» участникам (17 человек во внутреннем круге и около 20 человек во внешнем) предлагалось заполнить ПСФ в конце первого, второго и третьего терапевтических дней («После-Сессионные Формы» – перевод формы «Post-Session Form» Мика Купера и Джона МакЛеода [11], где было необходимо отметить насколько мешающей или способствующей терапии была данная сессия, как себя чувствовали клиенты, продвинулись ли они в решении поставленной задачи, изменилось ли что-то во время сессии по их субъективным ощущениям. Кроме варианта оценки степени значимости события участникам предлагалось сформулировать их. Клиентам предлагалось в свободной форме описать: два-три примера действий, которые предпринял сам клиент во время данной сессии, которые по его ощущениям были особенно полезны для него; два-три примера действий, которые предпринял терапевт, позволившие клиенту достичь этого; то, к чему привели предпринятые действия, и почему клиент их ощущает как эффективные; действия, предпринятые в ходе данной сессии, которые являлись бесполезными; примеры действий, которые не были предприняты, но благодаря которым сессия была бы более эффективной.

Материалы феноменологически интерпретировались. В данном случае мы сосредоточились на экспликации смыслов психологической капитуляции клиентов перед проблемой. Мы исследовали условно здоровых людей, что позволяло исследовать психологические нюансы смыслов капитуляции. Очевидно, что люди, пришедшие на такую терапию, пришли бороться за свою жизнь, а капитулировавшие перед проблемой или не заполняли формы, отказавшись от участия в исследовании, или не участвовали в необходимой степени в терапии.

Большая часть участников (клиентов), заполнивших рефлексивные формы, были профессионально практикующими психологами (63 % участников), профессиональная деятельность 21 % участников имела отношение к психологии, профессиональная деятельность 16 % участников имела отношение к психологии не имели, но это были трудоспособные и занятые трудовой деятельностью люди. Клиенты участвовали в семинаре с различными трудностями во взаимоотношениях, в вопросах самоопределения и идентично-

сти, разрешения кризисных ситуаций. В формулировках их целей это отражается, например, так: «лучше понять себя», «хочу стать более решительной», «не доверяю себе», «хочу избавиться от чрезмерной раздражительности». Но мы предполагаем, что некоторая степень психологической капитуляции перед проблемой (перед небытием, как это имел ввиду Пауль Тиллих в своих рассуждениях о мужестве быть) всегда присутствует в ситуации и может быть обнаружена при экзистенциальном анализе ситуации [7].

Как требует этика проведения психологических исследований, всем участникам до начала семинара было предоставлено письмо с информированным согласием об участии в исследовании, детально описывающий процедуру исследования, возможные риски и неудобства.

После-Сессионная Форма (Post-Session Form)

Форма представляет собой модифицированную версию Формы Помогающих Аспектов в Терапии (НАТ) [13; 17]. Форма состоит из двух частей – первой и основной. В первой части респондентам предлагается дать оценку сессии в целом и ответить на четыре вопроса: 1) *насколько способствующей или мешающей терапии была данная сессия для вас в целом;* 2) *как вы чувствуете себя по поводу данной сессии?* 3) *насколько по вашим ощущениям вы разрешили задачу/продвинулись в решении проблемы во время данной сессии?* 4) *в какой степени вы можете сказать о себе следующее: «Во время данной сессии что-то для меня изменилось. Я что-то увидел иначе или почувствовал что-то по-другому, обновленно»?* Отвечая на данные вопросы, клиенту нужно отметить один из предложенных вариантов ответов.

В основной части клиентам предлагается описать свои действия: «что *ВЫ* сделали во время сессии, что по вашим ощущениям было особенно полезным для вас?» (действия клиента). Затем описать действия терапевта: «что сделал ваш терапевт, если таковое имело место, что помогло вам этого достичь?», и описать терапию: «почему вы почувствовали, что это действие было эффективным – к чему оно привело?» (благоприятный эффект). Затем предлагается описать второе и третье такое действие, которое было полезным, и соответственно, спрашивается о действиях клиента, терапевта и благоприятных эффектах. В заключительной части формы спрашивается о том, наблюдали ли клиенты неблагоприятные и мешающие моменты, и есть ли какие-то действия, которые могли бы сделать сессию более эффективной.

В данной статье мы обсуждаем только основную часть ПСФ, поскольку описания в ответ на открытые вопросы в большей степени отражают смыслы опасностей психологической капитуляции, чем оценки сессий. Интерпретация оценок сессий обсуждается нами в других статьях.

Полученные данные и их обсуждение

В процессе анализа данных исследователи выявляли и формулировали смыслы рефлексии респондентов. Феноменологическая интерпретация проводилась по методу А. Giorgi [15] (интерпретация отдельно взятого текста). Согласно процедуре анализа в текстах выделялись смысловые единицы, выделенным смы-

словым единицам приписывался заголовок и все тексты, имеющие этот же смысл, формировались в смысловой блок, после этого смысловые блоки интерпретировались (переводились на приемлемый профессиональный язык) в результате чего формировалось краткое феноменологическое описание (понимание) отрефлексированного процесса. Темы и смыслы, встречающиеся единично, комбинировались при возможности с другими, как это рекомендовано Hill, Thomson и Williams [16].

Результаты

Примеры ответов клиентов, полученные посредством ПСФ, и их феноменологическая интерпретация представлены в таблице ниже.

Основные смыслы активности клиентов, рефлексированной ими в качестве полезных, располагаются в следующем поле: принятие, уточнение, прекращение, сохранение спокойствия, позволение, доброжелательное присутствие (мольба).

Самые частые действия, которые, по мнению клиентов, способствовали терапевтическим изменениям: включенность в процесс, честное бытие собой (честная речь, действия, переживания) и активное участие в жизни группы (активность), свидетельствуют об опасности, которую успешная терапевтическая группа избегает (преодолевают) – опасность капитуляции перед недостаточностью усилий, изолированностью, объективацией. Эти опасности неизбежны в том смысле, что это модусы, необходимые для эффективной терапии. Но они же и рискованны, поскольку их трудно принять и трудно на них ответить.

Например, участники группы отмечали такие действия как: активное вслушивание, внимание, сопереживание, формулирование образа происходящего, образа мыслей и чувств, проявление открытости, искренности во время работы. В ответах ПСФ 1 (первый день группы) мы встречаем много глаголов, говорящих о внутренней работе и о действиях: *молчала, слушала, размышляла, вслушивалась, молился, приобрел смелость говорить, делала, доверял, встал рядом с Н.* Ответы ПСФ 2 (второй день группы) приобретают иные оттенки – позиция клиентов становится более открытой по отношению к другим, создаются специфические отношения: *концентрировалась, была полезной, честно ответила О., была включенной, был собой, терпела, услышала О., помогала С., был рядом с Н., не решилась поднять руку для работы со мной, проговорила слова благодарности.* И ответы ПСФ 3 (третий, завершающий день группы), свидетельствующие о терапевтических изменениях: *сопереживала, приняла то, что никак не могла принять, была активной, принял участие, вызвался быть, извинился, молился вместе с Н., простил, попросила прощения, взволновался вопросами о простоте жизни и благодарности, переживал о Вере, Боге, своем пути.*

Самые частые действия терапевта, которые по мнению клиентов способствовали терапевтическим изменениям, согласно ПСФ 1, такие: *учил называть/обозначать, создавал пространство, был активен, задавал вопросы, направлял/помогал, обозначал своё видение мира, вводил правила и следил за их соблюдением, позволял участникам быть активными, был рядом, был терпелив/бережен/честен, поддержи-*

вал инициативу. Свидетельствуют о значимости принятия терапевтом проблемы и ситуаций и конфронтации с ними, то есть об устойчивости позиции психоте-

рапевта психологически не капитулировать перед проблемой во всех направлениях и аспектах риска этого.

Вопрос и ответы	Комментарии и интерпретации
Пожалуйста, напишите, что <i>ВЫ</i> сделали во время сессии, что по вашим ощущениям было особенно полезным для вас? <i>Формулировал свои проблемы, трудности и получал информацию о трудностях других.</i> <i>Прекратила истерику.</i> <i>Приняла сложного человека целиком, молилась о нем.</i> <i>Поняла и ужаснулась его сходству со мной.</i>	Этот вопрос, кроме всего прочего, подразумевает риск капитуляции клиента перед проблемой недостаточности своего персонального вклада в терапевтический процесс, недостаточности своих индивидуальных усилий, что часто обусловлено как раз психологическими проблемами. Выученная беспомощность по разным причинам характерна для большинства людей, тем более для клиентов психотерапии. Довольно характерный для изучаемого нами случая групповой экзистенциальной терапии ответ о полезности формулировки трудностей говорит о том, что одной из значимых форм психологической капитуляции является неартикулирование (или неадекватное артикулирование) своих трудностей и трудностей других людей.
Пожалуйста, напишите, что сделал терапевт/ведущий группы, если таковое имело место, что помогло вам этого достичь. <i>Задавал вопросы, уточнял, давал направления и обозначал границы (рамки).</i> <i>Был уверен в своих действиях, добр и спокоен.</i> <i>Дал проявиться человеку в его слепоте и пороке, на правил действия группы.</i>	Вопрос об активности терапевта подразумевает опасность психологической изолированности клиента и терапевта. Значимость вопросов, уточнений, направлений и границ (можно назвать это одним словом – наказаний) свидетельствует о единстве, совместности клиента и терапевта. Некоторые ответы клиентов свидетельствуют о таком риске капитуляции, как принятие. Терапевт принимает недостатки и слабости (пороки) клиентов, то есть не капитулирует перед ними и тем самым помогает в этом клиентам.
Пожалуйста, напишите, почему вы почувствовали, что это действие было эффективным – к чему оно привело? <i>Из хаоса понятий о себе и своих проблемах, выявилось конкретное, стали осязаемы, обозначены трудности.</i> <i>Потому что не усомнилась в его доброте. Стала лучше слышать терапевта и других.</i> <i>Это тронуло меня. Я с трепетом и болью молилась за неё.</i>	Этот вопрос о риске объективации терапевтического события. Объективация необходима, но и рискованна. Опасность объективации состоит в риске капитуляции перед незавершенностью процесса помощи. Ответ о важности упорядочивания, конкретизации и обозначенности трудностей свидетельствует о напряженности и степени этой опасности. Можно также отметить объективность терапевта. В терапевте не сомневаются, хотя нельзя сказать, что он завершен и достаточен. Терапевт проблематичен, но в нем не сомневаются. Как и в беде другого человека.

В процессе работы (второй день, ПСФ 2) отмечались следующие действия: усиливал напряжение, поднимал вопросы платы и расплаты, запретил говорить, молчал, следил за соблюдением правил, акцентировал взаимодействие участников друг с другом, заставлял стоять, раскрывал смысл вечных истин. Как мы уже писали, одной из форм преодоления психологической капитуляции является наказание (наказывание, в смысле «наставлять», «наказывать», «показывать», «указывать»).

Согласно ПСФ 3, обобщенное, уже более объективированное восприятие полезных действий терапевта в целом таково: *делился своими замечаниями и наблюдениями, добавлял интенсивности в работе, был активен, помогал найти ответы на вопросы, направлял/поддерживал, добавлял смысл в происходящее, дал проявиться человеческим порокам, обзывался, поднимал новые вечные вопросы.*

Действия терапевта, отмеченные как помогающие, которые повторялись в ответах участников на протяжении всей работы группы: *создавал пространство,*

был активен, направлял/помогал/поддерживал, обозначал своё видение мира, вводил правила и следил за их соблюдением, был рядом, был терпелив/бережен/честен, поддерживал инициативу, позволял участникам активно взаимодействовать друг с другом.

Самыми распространенными названными полезными эффектами от действий клиентов и терапевта были: *реальное/подлинное проживание жизни, приобретение опыта и более целостное понимание (ситуации/процесса/трудности, себя в них, жизни), смирение, решимость, внутренняя готовность к изменениям.*

Также отмечались следующие благоприятные эффекты: *бережность к словам, понимание себя и других, ощущение реальности жизни, возможность быть (помогать, прощать, любить), искренность и открытость, проживание всего происходящего, вера в возможные изменения, чувство физического освобождения, честность, победа над своим пороком (жадность, гордыня), окрепла в смирении, теперь могу говорить о другом.*

Феноменологическая интерпретация рефлексивных описаний опыта в группе экзистенциальной терапии позволяет предположить, что риск психологической капитуляции – это, своего рода фронт, на котором формируется терапевтичность и полезность усилий клиентов и психотерапевта. Описать интенции ответов клиентов и психотерапевта на риски психологической капитуляции можно в поле следующих смыслов.

1. **Добавление силы и оснований** принять и преодолеть опасность психологической капитуляции. Этот смысл выражается в значимости таких оценок как «добавлял смысл в происходящее», «добавлял интенсивности в работе», «позволял участникам быть активными»,

2. **Направление и наказывание** – чем создавал основания для преодоления риска капитуляции. Этот смысл отмечается в таких рефлексивных оценках как «направлял и поддерживал», «устанавливал границы и правила», «акцентировал взаимодействие», «называл и определял», «учил называть». Отметим, что в числе полезных отмечались и директивные формы наказания, такие как «запрещал», «заставлял», «разрешил».

3. **Очевидность и подлинность**. Важно, чтобы психотерапия и психотерапевт были не в зоне сомнений, ожиданий, получения новых надежд, но и в зоне очевидного, то есть они должны быть объективированы в достаточной степени е смотря на то, что психотерапия неразрывно связана с субъективным, уникальным, творческим, обновляющим опытом.

Интерпретация результатов

В описаниях смыслов психотерапевтической активности принято фокусироваться на помогающих действиях. Вплоть до того, что некоторые специалисты предпочитают разрабатывать техники помощи. V. C. Watson и его коллеги [21] в качестве самых помогающих действий со стороны клиентов отмечают обсуждения своих эмоций, опыта и переживаний. Самыми помогающими действиями терапевта клиенты отмечали задавание вопросов, направление и специфические реляционные качества (эмпатию). В числе самых распространенных терапевтических эффектов отмечаются частые инсайты, открытия, способность выполнять терапевтические задания, изменения в чувственно-эмоциональном состоянии клиента.

Согласно результатам нашего исследования, те действия клиентов, которые нашими коллегами из Европы отмечались как единичные (включенность, честность, активность в терапии), являются самыми часто упоминаемыми действиями клиентов, способствующими терапевтическим изменениям в ИТЖ. Следует отметить значимость того, что клиенты воспринимают себя способными и вносящими вклад в процесс терапевтических изменений, то есть в отношении риска психологической капитуляции чувствуют себя достаточно уверенно.

Косвенным образом о феноменологии риска психологической капитуляции свидетельствует акцентуируемый в психологии и психотерапии прошлого столетия опыт самосознания. Осознавая себя, отдавая себе отчет, человек принимает действительность и противостоит ей. Согласно выводам исследований Castonguay et al. [10] основным событием/действием в терапии (отмеченном как клиентами, так и терапевта-

ми) способствующим самосознанию, является процесс и условия, в которых клиент узнает/распознает или соприкасается со своими чувствами, поведением, восприятием и физическими состояниями. В нашем исследовании, клиенты за редким исключением (и только на первом этапе работы) отмечали свои физические состояния, эмоции, чувства. Согласно рефлексивным отчетам, ими чаще используются слова, обозначающие более глубокие процессы духовного уровня, клиенты не акцентируют внимание на своих эмоциях, а рефлексиируют поступки, трансформации в которых они становятся более активными, душевно включенными в работу.

В отношении помогающих действий терапевта наши европейские коллеги [10] отмечают, что клиентам видятся полезными описываются уточняющие действия, такие как: спрашивание (вопросы по поводу чувств, мыслей, переживаний), просьбы к клиентам описать их опыт или сделать упражнения, направление работы группы, а также общая реляционная манера работы терапевта (принятие, эмпатия). По нашим данным самыми часто отмечаемыми помогающими действиями терапевта являются действия созидательного характера, такие как: создание особого терапевтического пространства, активность терапевта по созданию атмосферы и взаимоотношений (терпелив/бережен/честен), направляющая/помогающая/поддерживающая и в целом мудрая позиция, обозначение своего видения мира (прояснял смыслы вечных истин), бытие рядом, поддержание инициативы клиентов, а также директивные действия (которые нашими коллегами отмечаются как единичные, но подчеркнута ценные и действенные, согласно описаниям клиентов) – введение правил/запретов/ограничений и отслеживание их соблюдения, позволение участникам активно взаимодействовать друг с другом, обращал внимание на самое главное. Аутентичная жизнь терапевта в группе помогала клиентам становиться смелее, активнее, лучше ощущать текучесть и быстротечность времени. На основании высокого доверия слова/вопросы/действия/предложения/предположения/побуждения терапевта выступали как значимые и расценивались как способствующие обновлению и соответственно выздоровлению.

Результаты исследования позволяют предположить, что в рамках реляционного подхода к терапии в ИТЖ, где особое внимание уделяется созданию специфических отношений и специфической совместности терапевта и клиентов, главными эффектами, которые клиенты отмечают как помогающими терапии, являются: подлинное проживание жизни, приобретение реального опыта и более целостное обновленное понимание себя и всего происходящего, смирение, решимость, внутренняя готовность к изменениям.

Мы надеемся, что продолжение предпринятого нами подхода к исследованию рисков психологической капитуляции на материале других событий позволит дополнить гипотезы о позитивной стороне помогающей и полезной психологической активности, например, таких как жизнестойкость или выученный оптимизм, ограничивающими, уточняющими знаниями о рисках, латентно присутствующих в психотерапии и повседневной жизни современного человека.

Такого рода исследования могут быть полезны при решении задач мониторинга практик психологи-

ческого сопровождения и психологической помощи с целью возвращения ответственности как специалистам, предлагающим помощь, так потребителям на эту помощь рассчитывающую. Человек с ситуации дезадаптации и проблемной идентичности уязвим со стороны коммерческих предложения, поощряющих

психологическую капитуляцию и создающих себе доход на основании игнорирования этого аспекта социальной адаптации, поощрения нереалистичных ожиданий, создания структур вовлеченности человека в квазиразвивающую деятельность.

Литература

1. Алексейчик А. Е. Восхождение на вершину // Центр экзистенциальной психотерапии и консультирования. Режим доступа: http://existpsy.ru/media/books/mpg_1993_4_alekseichik/ (дата обращения: 17.12.2014).
2. Алексейчик А., Идрисов Г., Каган В. Разговоры о психотерапии. Вильнюс: Институт гуманистической и экзистенциальной психологии, 2011. 200 с.
3. Алексейчик А. Е. Интенсивная терапевтическая жизнь // Интенсивная Терапевтическая жизнь. Режим доступа: http://valery-159.narod.ru/psykhologi/psy/psy_010.htm (дата обращения: 02.12.2014).
4. Алексейчик А. Е. Интенсивная, терапевтическая, целебная вера // Ассоциация Гуманистической Психологии Литвы. Режим доступа: http://www.lhpa.net/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=281:2014-01-16-02-13-59&catid=6:2009-06-05-08-10-02&Itemid=13 (дата обращения: 02.12.2014).
5. В режиме ветвящегося дерева // Радио Свобода. Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/blog/-24504715.html?nocache=1> (дата обращения: 20.12.2014).
6. Психотерапия жизнью: интенсивная терапевтическая жизнь Александра Алексеичика / под ред. Р. Кочюнас. Вильнюс: Институт гуманистической и экзистенциальной психологии, 2008. 416 с.
7. Тиллих П. Избранное: теология культуры / пер. с англ. М.: Юрист, 1955. С. 7 – 131.
8. Bohart A. C., Tallman K. (1999). How Clients Make Therapy Work: The process of active self healing. Washington, DC: American Psychological Association.
9. Bloch S., Reibstein J., Crouch E., Holroyd P., Thermen J. An activity for the study of therapeutic factors in group psychotherapy // British Journal of Psychiatry. 1979. Vol. 134. P. 257 – 263.
10. Castonguay L. G., Boswell J. F., Zack S. E., Baker S., Boutsellis M. A., Chiswick N. R., Holtforth M. G. Helpful and hindering events in psychotherapy: A practice research network study // Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training. 2010. Vol. 47. P. 327 – 344.
11. Cooper M., McLeod J. Pluralistic counselling and psychotherapy. London: Sage, 2011. 196 p.
12. Elliott R. Helpful and non helpful events in brief counselling interviews: An empirical taxonomy // Journal of Counselling Psychology. 1985. Vol. 32. P. 307 – 322.
13. Elliott R. (1993). Helpful aspects of therapy form. Режим доступа: <http://www.experiential-researchers.org/instruments/elliott/hat.pdf>
14. Elliott R., Shapiro D. A. Brief Structured Recall: A more efficient method for studying significant therapy events // British Journal of Medical Psychology. 1988. Vol. 61. P. 141 – 153.
15. Giorgi A. The theory, practice and evaluation of the phenomenological activity as a qualitative research procedure // Journal of Phenomenological Psychology. 1997. Vol. 28. P. 235 – 260.
16. Hill C. E., Thomson B. J., Williams E. N. A guide to constructing consensual qualitative research // The Counselling Psychologist. 1997. Vol. 25. P. 517 – 572.
17. Llewelyn S. P. Psychological therapy as viewed by clients and therapists // British Journal of Clinical Psychology. 1988. Vol. 27. P. 223 – 237.
18. Rennie D. L. Clients' accounts of resistance: A qualitative analysis // Canadian Journal of Counselling. 1994a. Vol. 28. P. 43 – 57.
19. Rennie D. L. Clients' deference in psychotherapy // Journal of Counselling Psychology. 1994b. Vol. 41. P. 427 – 437.
20. Timulak L. Significant events in psychotherapy: An update of research findings // Psychology and Psychotherapy: Theory, Research and Practice. 2010. Vol. 83. P. 421 – 447.
21. Watson V. C., Cooper M., McArthur K., McLeod J. Helpful therapeutic processes: Client activities, therapist activities and helpful effects // European. Journal of Psychotherapy and Counselling. 2012. Vol. 14. № 1. P. 77 – 89.

Информация об авторах:

Лукьянов Олег Валерьевич – доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности факультета психологии Научно исследовательского Томского государственного университета, lukyjanov7@gmail.com.

Oleg V. Lukyanov – Doctor of Psychology, Head of the Department of Psychology of Personality, National Research Tomsk State University.

Шушаникова Анастасия Андреевна – аспирант факультета психологии научно-исследовательского Томского государственного университета (Томск), shustya@gmail.com.

Anastasia A. Shushanikova – post-graduate student at the Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University.

(Научный руководитель – О. В. Лукьянов). (Academic advisor – O. V. Lukyanov).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

О. В. Маслова, Буй Дык Т.

CHANGE OF THE VALUE SYSTEM OF VIETNAMESE STUDENTS IN RUSSIA: RESULTS OF AN EMPIRICAL STUDY

O. V. Maslova, Duc Tuan Bui

Статья посвящена рассмотрению результатов эмпирического исследования динамики ценностей вьетнамских студентов в начальный период обучения в России. В работе был применен лонгитюдный метод. На первом этапе работы респонденты ($n = 100$) являлись студентами подготовительного факультета, их опыт жизни в России составлял 4 месяца, а на втором этапе – студентами 1 курса со сроком пребывания в России 1 год 4 месяца. Основными инструментами исследования были методика «Ценностных ориентаций» М. Рокича, дополненная включением в нее вьетнамских ценностей, и методика выявления стратегий аккультурации Д. Берри. В результате исследования выявлены сдвиги в системе ценностных ориентаций вьетнамских студентов, произошедшие за год: в содержании ценностей-целей усилилось индивидуалистическое начало, а в системе инструментальных ценностей – традиционные для вьетнамского менталитета ценности-средства. Представлены различия в динамике ценностей девушек и юношей, студентов, приехавших из города и села, а также студентов с разными стратегиями аккультурации.

The paper examines the results of the empirical study of the dynamics of Vietnamese students' values in the initial period of studying in Russia. The longitudinal method was applied. In the first phase of the study respondents ($n = 100$) were students of the Training Faculty, with 4 months of living in Russia. In the second phase of the research they were students who had lived in Russia for 1 year and 4 months. The main instruments of the study were the "Values' orientations" questionnaire by M. Rokeach, supplemented by the inclusion of Vietnamese values, and the questionnaire for identifying the strategies of acculturation by D. Berry. The study found changes in the value system of Vietnamese students that happened within a year: specifically, 'terminal values' became more individualistic while in 'instrumental values' there was an increase in the values-means that are traditional for Vietnamese mentality. The study shows differences in values of female and male students, students that came from towns and villages, also, students with different acculturation strategies.

Ключевые слова: аккультурация, динамика ценностей, вьетнамские студенты, стратегия аккультурации.

Keywords: acculturation, dynamics of values, Vietnamese students, acculturation strategy.

Одной из примет нашего времени является учащение межкультурных контактов и межкультурного взаимодействия в разных областях, сосуществование на одной территории разных культур. Социализация личности, понимаемая как универсальный процесс вхождения человека в данное общество через освоение его норм и ценностей, в поликультурном мире протекает сложнее, чем в монокультурном. Индивид находится в гораздо более сложной ситуации, т. к. разные институты и агенты социализации могут транслировать разные нормы и ценности, иногда даже противоположные. При неопределенности и противоречивости задаваемых извне норм и требований человек может испытывать сложные чувства – замешательство, неуверенность, неопределенность, «ценностный сумбур» и т. д. Для подлинной адаптации к поликультурному обществу и создания гармоничной непротиворечивой картины мира человеку нужно уже не просто «впитывать» эти нормы и ценности, но делать выбор, а также понимать и принимать факт существования разных точек зрения, что возможно лишь при определенном уровне развития личности. Не менее сложной является ситуация аккультурации, когда человек, выросший в одной культуре, на долгое время оказывается в новой для него культуре и вынужден взаимодействовать с представителями этой культуры. Именно поэтому сегодня актуально изуче-

ние проблем социализации в поликультурном пространстве и ее частного случая – аккультурации.

Ценностная система – достаточно устойчивое личностное образование, это точка опоры личности, позволяющая ей встать в независимую позицию по отношению к внешнему миру и всем его требованиям [3]. Одновременно система ценностей человека изменчива, поскольку в значительной степени обусловлена как меняющейся социальной средой, так и актуальным уровнем развития личности [10]. Попадая в далекую и отличную от родной культуры, человек встречается с иными нормами, правилами и самое главное – с иными ценностями, т. е. нередко оказывается в ситуации ценностного «сумбура». Осознавая то, что родные, впитанные «с молоком матери» ценности не всегда разделяются окружающими, что привычные объяснительные схемы не работают и даже существуют противоположные им точки зрения, человек может испытывать аксиологический кризис. Эта напряженная, субъективно трудно переживаемая в силу неопределенности ситуация погружения в новую культуру может выступить пусковым механизмом для изменения системы ценностей личности. Для адаптации к новой культуре визитеры вынуждены жить по новым нормам и правилам, при этом происходит преобразование социального опыта в собственные ценности и установки. Как будут меняться цен-

ности? С чем связано изменение ценностей при аккультурации? Проблема изменения ценностей личности в контексте аккультурации является актуальной и малоисследованной в психологии. Изучение динамики ценностей иностранных студентов, приехавших учиться в Россию из далеких от российской культур стран, является хорошей моделью изучения изменения ценностей под влиянием межкультурного взаимодействия и «погружения» в новую культуру, т. к. студенты отличаются особой сензитивностью к социальным воздействиям, и именно в этом возрасте остро стоит проблема выбора жизненных ценностей.

Целью нашего эмпирического исследования было выявление динамики ценностных ориентаций вьетнамских студентов в начальный период обучения в России.

Выборка. В исследовании приняли участие 100 вьетнамских студентов разных московских вузов (РУДН, МАДИ и ГосИРЯ им. А. С. Пушкина). Средний возраст студентов на момент начала исследования составил 21 год. Среди респондентов было 54 девушки и 46 юношей. 52 человека приехали из города и 48 – из села.

Методы и методики. В работе был применен лонгитюдный метод. В ходе исследования было проведено 2 среза с интервалом в 1 год. Все респонденты были исследованы дважды: первый раз, когда их опыт жизни в России составлял в среднем 4 месяца и второй раз, спустя год, когда они прожили в России уже 1 год 4 месяца. В качестве основного инструмента в исследовании применялась методика «Ценностных ориентаций» М. Рокича [4, с. 112 – 114], в число ценностей которой были добавлены 15 традиционных и 5 условно современных вьетнамских ценностей, вы-

бранных на основе исследований вьетнамских ученых [2; 11; 12]. Всего было включено 7 терминальных ценностей (*Отечество; мир; гуманность; справедливость; гармония; равенство; следование традициям*) и 13 инструментальных ценностей (*трудолюбие; скромность; самоуважение; почитание старших; простота; построение отношений и действий на основе личных эмоциональных предпочтений; благодарность; бережливость; верность; созерцательность; коллективизм; дух сообщества, солидарности, взаимная любовь, взаимосвязь и революционные идеалы*). Для выявления стратегий аккультурации нами была использована методика Д. Берри [9, с. 412 – 413]. Обе методики предварительно были переведены на вьетнамский язык.

Результаты

На рис. 1 и 2 отражена динамика терминальных и инструментальных ценностей. Как можно видеть, средние значения, вес и ранги многих ценностей через год изменились. Ранее мы писали об отдельных аспектах исследования и подробно рассматривали изменения, произошедшие в рангах и в иерархических структурах наиболее значимых (высокоранговых) ценностей [7; 8].

В данной статье мы хотели бы остановиться только на значимых «сдвигах», выявленных с помощью применения Т-критерия Вилкоксона.

Через год более важными терминальными ценностями для исследованной группы вьетнамских студентов стали *продуктивная жизнь* ($p < 0,05$) и *материально обеспеченная* ($p < 0,01$). На уровне тенденций можно говорить также о росте значимости ценности *развлечения* и о снижении значимости ценностей *мир* и *творчество* (рис. 1).

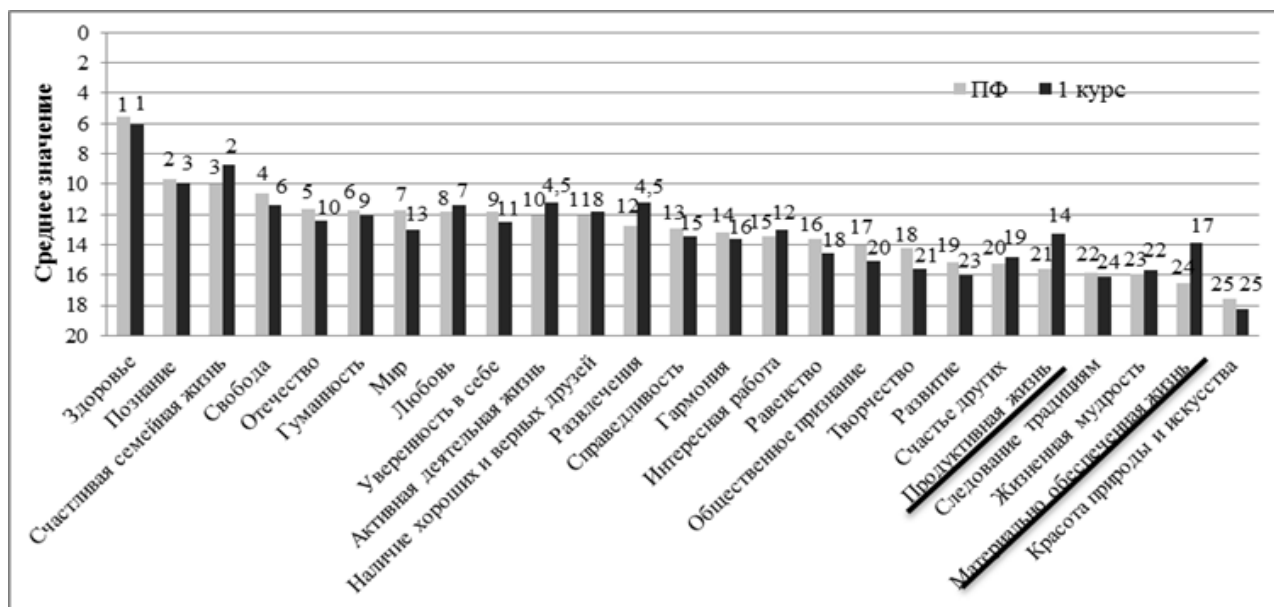

Рис. 1. Динамика терминальных ценностей вьетнамских студентов

Примечание: цифры над столбиками обозначают номера рангов. Подчеркнуты ценности, в отношении которых выявлены статистически значимые «сдвиги»

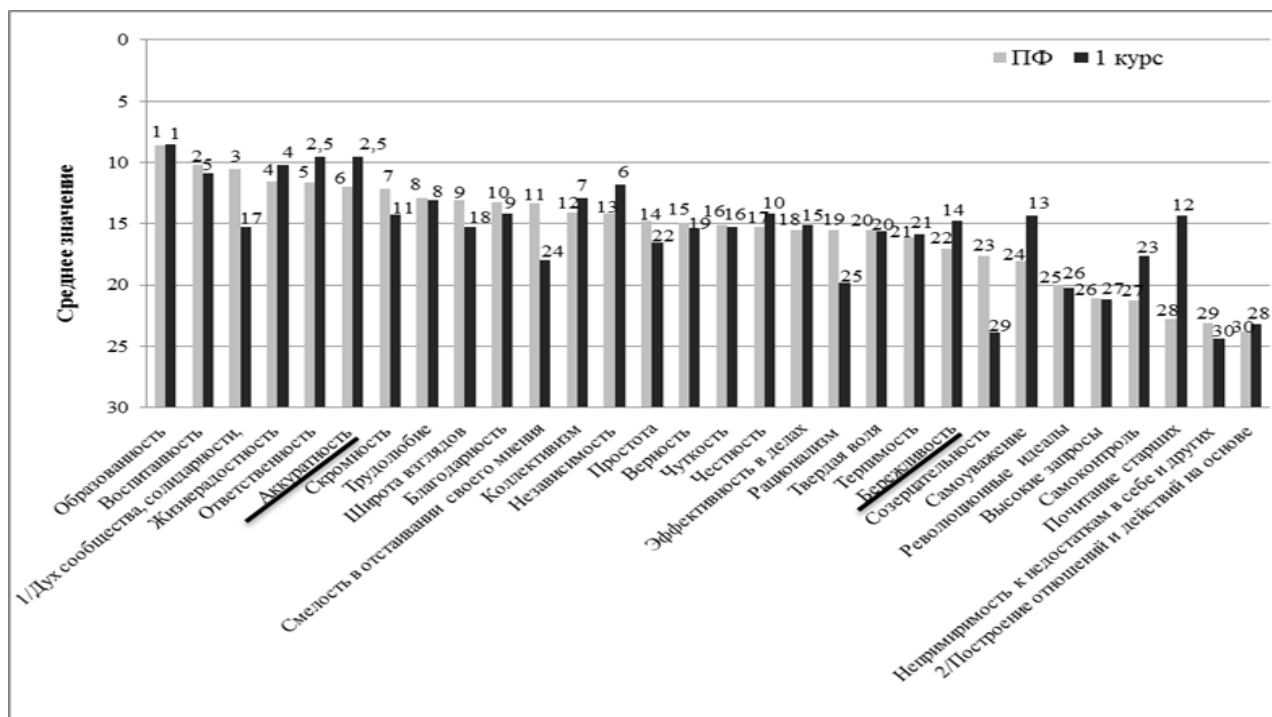

Рис. 2. Динамика инструментальных ценностей вьетнамских студентов

Примечание: цифры над столбиками обозначают номера рангов. Подчеркнуты ценности, в отношении которых выявлены статистически значимые «сдвиги». Цифрами по горизонтальной оси обозначены ценности: 1. Дух сообщества, солидарности, взаимная любовь, взаимосвязь; 2. Построение отношений и действий на основе личных эмоциональных предпочтений.

Более значимыми инструментальными ценностями через год стали *аккуратность* ($p < 0,05$) и *бережливость* ($p < 0,05$).

Таким образом, можно констатировать, что в системе ценностных ориентаций исследованной группы вьетнамских студентов за год обучения в России произошли изменения: в содержании ценностей-целей

усилилось индивидуалистическое начало, а в системе инструментальных ценностей – традиционные для вьетнамского менталитета ценности-средства.

Нас интересовало, есть ли различия в динамике ценностных ориентаций юношей и девушек.

На рис. 3 показаны ценности, в отношении которых произошли достоверные изменения.

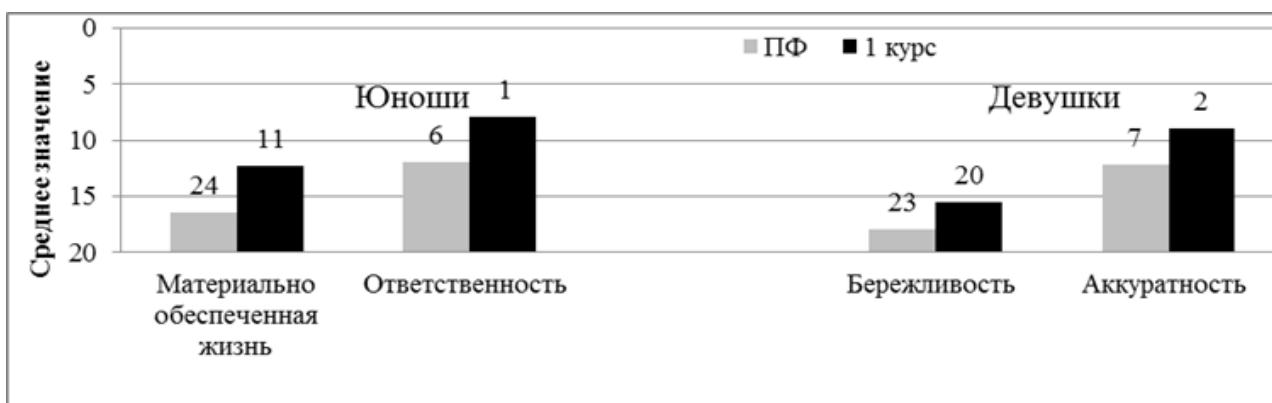

Рис. 3. Статистически значимые «сдвиги» ценностей девушек и юношей.

Примечание: цифры над столбиками обозначают номера рангов.

Как видно по рис. 3, «сдвиги», произошедшие в ценностной системе юношей, касались как терминальных, так и инструментальных ценностей. Через год для юношей более значимыми ценностями стали *материально обеспеченная жизнь* ($p < 0,05$) и *ответственность* ($p < 0,05$). Ценности-цели девушек оказались стабильными, значимые изменения коснулись

только инструментальных ценностей: выросла важность *бережливости* ($p < 0,05$) и *аккуратности* ($p < 0,05$) [8]. Результаты исследования вьетнамских студентов согласуются с описанными ранее данными о гендерных различиях в адаптации к новой социокультурной среде и большей приверженности тради-

ционными ценностям латиноамериканских девушек [5; 6; 13].

Одной из исследовательских задач было сравнение динамики ценностных ориентаций студентов,

приехавших из города и села. На рис. 4 показаны выявленные в работе сдвиги в системе ценностей этих групп студентов.

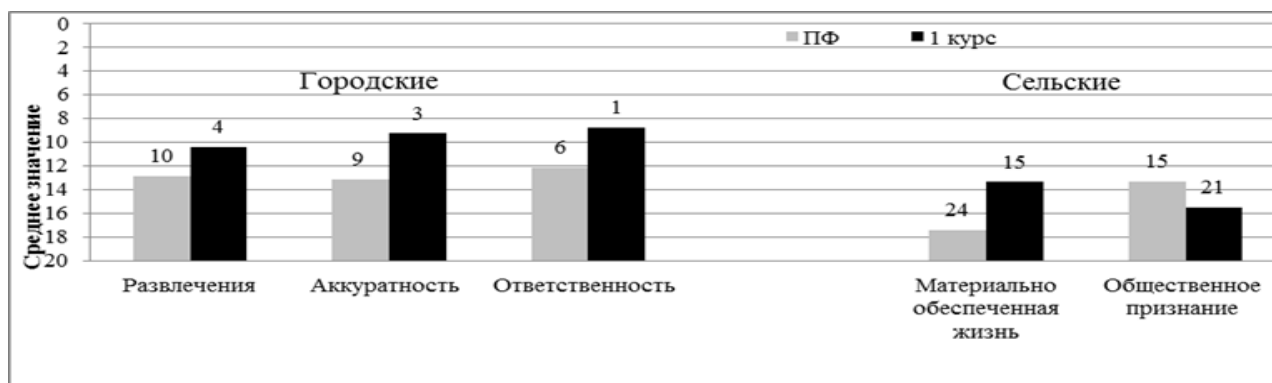

Рис. 4. Статистически значимые «сдвиги» ценностей городских и сельских студентов

Примечание: цифры над столбиками обозначают номера рангов.

Как видим по рис. 4, при взаимодействии с новой культурой происходит изменение ценностных ориентаций и у городских, и у сельских вьетнамских студентов. Эти сдвиги направлены в сторону усиления индивидуалистических ценностей и некоторого снижения коллективистических ценностей, однако содержание, «вектор» этих изменений различается у городских и сельских студентов. Городские студенты становятся более ориентированы на *развлечения* ($p < 0,05$), а в качестве ценностей-средств они начинают больше ценить *ответственность* ($p < 0,05$) и *аккуратность* ($p < 0,05$). Сельские студенты становятся более направленны на *материально обеспеченную жизнь* ($p < 0,01$). Таким образом, аккультурация сельских и городских студентов протекает по-разному. Городские и сельские студенты замечают и присваивают разные ценности [8].

Одно из наших предположений касалось связи изменений ценностных ориентаций личности со стратегиями аккультурации, или межкультурными стратегиями. Понятие межкультурных стратегий было предложено для анализа контакта индивида с новой культурой и его психологических последствий канадским исследователем Д. Берри. Межкультурные стратегии включают два компонента – установки (предпочтения) и поведение (фактические результаты). Автор отмечает, что полное совпадение того, что личность хочет, и того, что делает, бывает редко. Однако между установками и поведением часто существует положительная связь, и это позволяет говорить о стратегиях. Длительное проживание в условиях новой культуры ставит перед людьми две основных проблемы: «Стоит ли сохранять свое культурное наследие?» и «Стоит ли поддерживать отношения с представителями других культур?». Комбинация двух возможных ответов (положительного или отрицательного) на каждый из этих вопросов позволяет выделить 4 стратегии усвоения новой культуры: ассимиляцию; интеграцию; маргинализацию и сепарацию. Стратегия *ассимиляции* характеризуется стремлением индивида из

недоминирующей этнокультурной группы к повседневному взаимодействию с представителями новой культуры и его нежеланием поддерживать свою культурную идентичность. Стратегия *сепарации* определяется в том случае, когда визитеры, наоборот, придают большое значение сохранению своей родной культуры и при этом не настроены на взаимодействие с другими культурами. Если у приехавших в новую культуру есть как заинтересованность в сохранении первоначальной культуры, так и стремление к взаимодействию с другими культурами, то речь идет о стратегии *интеграции*. И наконец, если у визитера мала заинтересованность в сохранении своего культурного наследия и нет стремления наладить связи с другими культурными группами (часто по причинам исключения или дискриминации), то это стратегия *маргинализации* [1, с. 380 – 384].

Мы ожидали, что наиболее сильно система ценностных ориентаций изменится у студентов, использующих стратегию *ассимиляции*, а наименее – у студентов, прибегающих к стратегии *сепарации*. Для проверки этой гипотезы у всех респондентов с помощью методики Д. Берри были выявлены используемые ими аккультурационные стратегии. Однако, наш замысел о выделении подгрупп студентов, различающихся по преобладающим стратегиям аккультурации, и дальнейшем сравнении ценностных сдвигов в этих подгруппах осуществить не удалось, т. к. у всех 100 % респондентов наиболее выраженной являлась стратегия *интеграции*. Выраженность других стратегий у респондентов варьировала. Поэтому с помощью кластерного анализа полученных эмпирических данных мы разделили нашу выборку на 3 группы по выраженности у них всех 4-х стратегий аккультурации (рис. 5). Для этих трех групп респондентов были характерны разные сочетания выраженности стратегий аккультурации, которые мы назвали *профилем аккультурации*. Т. е. под профилем аккультурации мы понимаем определенное сочетание стратегий аккультурации.

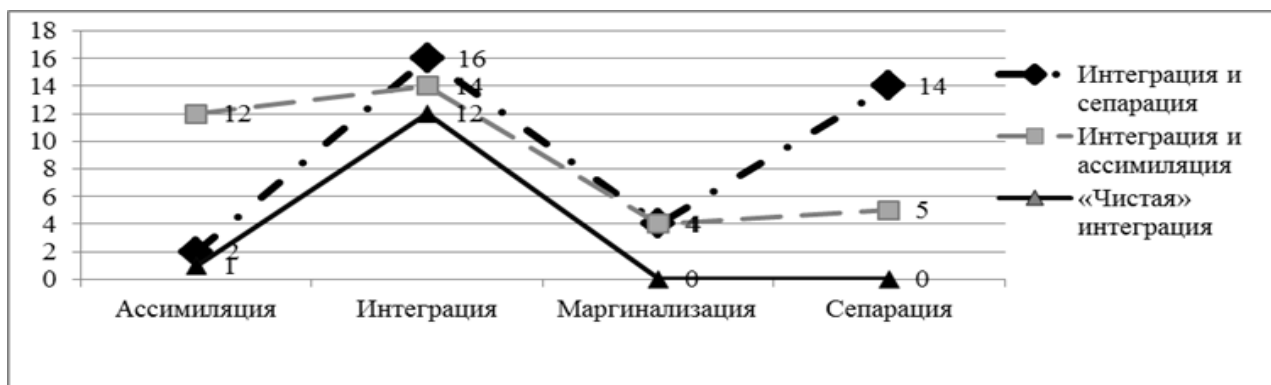

Рис. 5. Профили аккультурации вьетнамских студентов

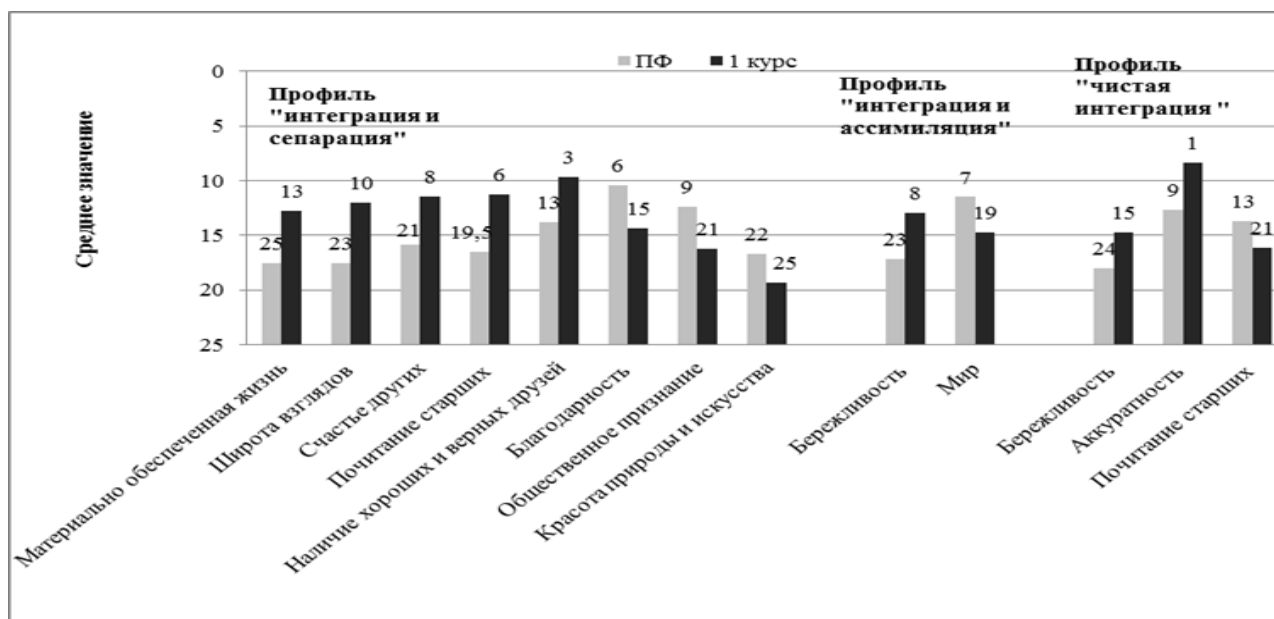

Рис. 6. Статистически значимые «сдвиги» ценностей у респондентов с разными профилями аккультурации

Примечание: цифры над столбиками обозначают номера рангов.

На основе названий наиболее выраженных стратегий выделенным профилям были даны следующие названия:

- «чистая» интеграция» (профиль отмечался у 50 % респондентов);
- «интеграция и сепарация» – у студентов с этим профилем наряду с преобладающей установкой на интеграцию с новой культурой в определенных ситуациях проявляется установка на сепарацию (выявлен у 26 % респондентов);
- «интеграция и ассимиляция» – у студентов с этим профилем наряду с преобладающей установкой на интеграцию с новой культурой в определенных ситуациях проявляется установка на ассимиляцию (выявлен у 24 % респондентов).

Результаты сравнения динамики ценностей у респондентов с разными профилями оказались для нас неожиданными. Наибольшее число сдвигов (8) обнаружено у респондентов с профилем «интеграция и сепарация». У студентов с другими профилями их значительно меньше: 3 сдвига – у студентов с профилем «чистая» интеграция» и только 2 – у студентов с профилем «интеграция и ассимиляция». Система цен-

ностных ориентаций студентов с профилями «чистая» интеграция» и «интеграция и ассимиляция» оказалась более стабильной, чем система ценностей студентов с профилем «интеграция и сепарация». На рис. 6 отражены сдвиги в системе ценностных ориентаций у респондентов с разными профилями аккультурации. Как видно по рис. 6, у респондентов с профилем «чистая» интеграция» достоверные изменения коснулись только инструментальных ценностей – у них возросла значимость аккуратности ($p < 0,01$) и бережливости ($p < 0,05$) и снизилась важность почитания старших ($p < 0,05$). У студентов с профилем «интеграция и ассимиляция» сдвиги коснулись не только ценностей-средств, но и ценности-цели. У них возросла значимость бережливости ($p < 0,05$) и снизилась значимость ценности мир ($p < 0,05$). Наиболее сильно изменилась система ценностей студентов с профилем «интеграция и сепарация». У них возросла значимость таких ценностей, как широта взглядов ($p < 0,01$), почитание старших ($p < 0,01$), наличие хороших и верных друзей ($p < 0,05$), материально обеспеченная жизнь ($p < 0,05$) и счастье других ($p < 0,05$). При этом значимо снизилась важность ценностей бла-

годарность ($p < 0,05$), общественное признание ($p < 0,05$) и красота природы и искусства ($p < 0,05$).

Почему система ценностных ориентаций студентов, более дистанцирующихся от новой культуры и менее открытых межкультурному общению, изменилась в большей степени, чем у тех, кто в большей степени был настроен на межкультурное взаимодействие? Качественный анализ всей совокупности полученных данных позволяет предположить, что, возможно, это связано с тем, что респонденты этой группы (с профилем «интеграция и сепарация») сильнее чувствовали стресс аккультурации и в большей степени переживали ценностный «сумбур». Испытывая в большей степени стресс аккультурации, они больше нуждались в поддержке старших, друзей, земляков и т. д. Не случайно у них выросла значимость ценностей наличие хороших и верных друзей ($p < 0,05$) и почитание старших ($p < 0,01$). Они чаще сравнивали родную и новую культуры, обсуждали различия, усиленно обдумывали новую ситуацию. Вероятно, реф-

лексия межкультурных различий способствовала переоценке ценностей. Показательно, что именно в этой группе возросла значимость ценности широта взглядов ($p < 0,01$), рассматриваемой как умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки. Студенты с профилями «чистая интеграция» и «интеграция и ассимиляция» чувствовали себя в новой культуре более уверенными и самостоятельными, в сложных ситуациях они в большей степени полагались на себя. У «чистых» интеграторов снизилась значимость ценностей почитание старших ($p < 0,05$) и наличие хороших и верных друзей ($p < 0,1$), у них выросла ценность ответственности ($p < 0,1$) и эффективности в делах ($p < 0,1$). Безусловно, это лишь предположение. Для более определенного ответа на вопрос – почему система ценностных ориентаций студентов с наиболее закрытым профилем аккультурации изменились в большей степени – необходимо дополнительное исследование.

Литература

1. Берри Д. В., Пуртинга А. Х., Сигал М. Х., Дасен П. Р. Кросс-культурная психология. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 560 с.
2. Ле К. Ш. Психологические особенности ценностных ориентаций современной вьетнамской молодежи: дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
3. Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. М., 1993. 43 с.
4. Лучшие психологические тесты для профотбора и профориентации. Описание и руководство к использованию / отв. ред. А. Ф. Кудряшов. Петрозаводск: Петроком, 1992.
5. Маслова О. В. Проблема гендерных различий в межкультурной адаптации // Личность в межкультурном пространстве: материалы IV Международной конференции, посвященной 50-летию Российского университета дружбы народов. М.: РУДН, 2009. Ч. 1. С. 131 – 135.
6. Маслова О. В. Особенности межкультурной адаптации латиноамериканских студентов в России // Вестник РУДН. (Серия: Психология и педагогика). 2012. № 2. С. 50 – 59.
7. Маслова О. В., Буй Дык Т. Динамика ценностей вьетнамских студентов в России // Вестник РУДН. (Серия: Психология и педагогика). М.: РУДН, 2014. № 1. С. 49 – 55.
8. Маслова О. В., Буй Дык Т. Изменение ценностных ориентаций у городских и сельских вьетнамских студентов в России // Вестник РУДН. (Серия: Психология и педагогика). М.: РУДН, 2014. № 4. С. 24 – 33.
9. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сборник научных статей / под ред. Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 420 с.
10. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 237 с.
11. Hồ Sỹ Quý. Mấy vấn đề triết học giá trị và sự biến đổi giá trị trong bối cảnh toàn cầu hóa // Nghiên cứu khoa học, Hà Nội, 2010.
12. Phạm Minh Anh, Định hướng giá trị của thanh niên ở những vùng đô thị hóa trong thời kỳ hội nhập và phát triển – một hướng nghiên cứu chuyên ngành // Tạp chí xã hội học. 2012, số 5, tr. 45 – 47.
13. Maslova O. V., Tapia López J. M. Cambio de valores de la persona en el proceso de adaptacion intercultural (Изменение ценностей личности в процессе межкультурной адаптации) // International Journal of Developmental and Educational Psychology. INFAD Revista de Psicologia. 2012. № 1. Vol. 2. P. 593 – 596.

Информация об авторах:

Маслова Ольга Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (РУДН), olgamas@list.ru.

Olga V. Maslova – Candidate of Psychology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Social and Differential Psychology, Peoples' Friendship University of Russia.

Буй Дык Туан – аспирант кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов.

Bui Duc Tuan – post-graduate student at the Department of Social and Differential Psychology, Peoples' Friendship University of Russia.

(Научный руководитель – О. В. Маслова). (Academic advisor – O. V. Maslova).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ МОДЕЛИ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ПЕДАГОГОВ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. В. Мирошниченко

THE VALIDATION OF THE MODEL OF INTERETHNIC COMMUNICATION CULTURE OF MODERN TEACHERS

E. V. Miroshnichenko

Предметом исследования в настоящей статье является модель культуры межнационального общения (КМО) педагогов современного образования. В работе обоснована актуальность теоретического и экспериментального изучения культуры межнационального общения и ее компонентов. Одним из условий развития КМО у будущих педагогов в процессе обучения в вузе считаем внедрение в учебный процесс специально разработанной Программы развития культуры межнационального общения (Игротренинга этнокультур). Анализ результатов констатирующего и контрольного этапов эксперимента показал высокую степень взаимосвязи культуры межнационального общения будущего педагога и уровня развития таких качеств его личности, как эмпатийность, ассертивность, коммуникативность, эмоциональная устойчивость, толерантность и этническая идентичность. Также установлены статистически значимые различия в уровне развития всех компонентов культуры межнационального общения будущих педагогов до и после внедрения в учебный процесс Игротренинга этнокультур. Основываясь на результатах экспериментального исследования, представлена психолого-педагогическая модель культуры межнационального общения.

The paper discusses the model of interethnic communication culture (ICC) of modern teachers. The topicality of theoretical and experimental study of the culture of interethnic communication and its components is founded in this paper. One of the conditions of ICC development for future teachers in the learning process at the university is considered to be the introduction of a specially designed program of developing interethnic communication culture in the learning process. The analysis of the experiments results showed a high degree of interrelation between future teachers' interethnic communication culture and their level of development of such qualities as empathy, assertiveness, communicativeness, emotional stability, tolerance and ethnic identity. Statistically significant differences in the level of development of all components of future teachers' interethnic communication culture before and after the introduction of the Ethnocultural training in the educational process were also discovered. Based on the results of experimental investigation, the psycho-pedagogical model of interethnic communication culture is presented.

Ключевые слова: культура межнационального общения, компоненты культуры межнационального общения, психолого-педагогическая модель культуры межнационального общения.

Keywords: culture of interethnic communication, culture elements of interethnic communication, psychological and educational model of interethnic communication culture.

В современных условиях развития российского общества обращение к вопросу межнационального общения является актуальным и своевременным в силу происходящих изменений в этнокультурной ситуации. Российская Федерация исторически является одним из многонациональных государств, кроме того, миграция населения из различных регионов страны и постсоветского пространства обуславливает разнообразный национальный состав, что неизменно приводит к необходимости взаимодействия между народами, культурами и религиями [2].

Теоретическое изучение, экспериментальное исследование и анализ особенностей межличностного взаимодействия граждан в многонациональном государстве определены актуальными проблемами поликультурной России. Педагоги школ отмечают свою недостаточную компетентность в вопросах организации межличностного общения в поликультурной образовательной среде и недостаточную разработанность технологий развития культуры межнационального общения [3]. Между тем владение новыми технологиями, знание особенностей и возможностей их применения, потребность совершенствовать профес-

сионизм и развивать свою личность является важной характеристикой современного образованного человека [1] и, что еще более важно, условием эффективной реализации педагогической деятельности. Таким образом, психолого-педагогическая наука и образовательная практика требует обращения к вопросу подготовки в системе высшего профессионального образования специалистов, способных осуществлять учебно-воспитательный процесс в условиях многонационального государства, обладающего развитой культурой межнационального общения (КМО) [4].

Наша экспериментальная работа строится на предположении о том, что культура межнационального общения является одной из важнейших характеристик профессиональной социально-психологической компетенции современного педагога и представляет собой сложное профессионально-личностное образование.

Психологическая структура профессиональной культуры межнационального общения у будущих педагогов, по нашему мнению, содержит следующие компоненты:

а) мотивационно-ценностный компонент включает в себя профессионально-значимые личностные качества будущего педагога (эмпатийность, ассертивность, коммуникативность, эмоциональная устойчивость и толерантность);

б) праксиологический компонент, включающий профессионально-направленные гуманистические деятельности практико-ориентированные технологии, позволяющие педагогу осуществлять гибкое социальное взаимодействие;

в) социально-психологический компонент, включающий развитую социальную перцепцию, которая позволяет будущему педагогу овладеть деятельностью по социальному прогнозированию содержания и методов межнационального общения.

Культура межнационального общения является личностной значимой характеристикой педагога и определяет психолого-педагогическую готовность к работе в пространстве современного поликультурного образования. Компонентами структуры КМО выступают когнитивный, мотивационно-ценностный и деятельностный (в контексте педагогической науки), что органично сочетается и амплифицируется на психологическом уровне с компонентами психологической структуры межнационального общения – аксиологическом (мотивационно-ценностном), праксиологическом (деятельностном) и социально-психологическом (социальная перцепция).

Мы считаем, что важнейшим условием развития КМО будущих педагогов является внедрение в образовательную практику вуза разработанной, обоснованной и экспериментально апробированной программы, базирующейся на активных методах обучения (Игротренинг этнокультур), практико-ориентированных технологиях решения психолого-педагогических задач современного поликультурного образования, а также технологиях социально-психологического полисубъектного педагогически ценного взаимодействия.

Анализ результатов, полученных в ходе исследования знаний, необходимых для организации межнационального общения, показывает, что уровень сформированности знаний до проведения экспериментальной работы у студентов экспериментальной и контрольной групп находился на средних и низких показателях. После проведения практической работы студенты экспериментальной группы показали результаты, значительно отличающиеся от первоначальных, – показатели сместились на «высокий» и «средний» уровни.

В ходе ранжирования личностных качеств, необходимых для работы в поликультурном образовании, студенты контрольной и экспериментальной групп на констатирующем этапе эксперимента указывают в качестве приоритетных такие качества, как самостоятельность, доброжелательность, коммуникативность, эмпатия. На контрольном этапе эксперимента в качестве наиболее приоритетных студенты экспериментальной группы указали такие качества педагогов, как ассертивность, эмпатия, высокий уровень самостоятельности, эмоциональность, коммуникативность, толерантность. Сравнительный анализ полученных ре-

зультатов с применением критерия Т-Вилкоксона в экспериментальной группе показал, что существуют достоверно значимые различия между отмеченными индивидуально-психологическими характеристиками до и после проведенного формирующего этапа эксперимента.

Результаты, полученные в ходе исследования личностных качеств (ассертивности, толерантности, эмпатии, эмоциональности, коммуникативной компетентности), показали, что ряд показателей в экспериментальной группе после проведения формирующего этапа эксперимента имеет статистически значимые различия на констатирующем и контрольном этапах. Так, обнаружены статистически значимые различия показателей уровня ассертивности ($T = 43,6$; $p < 0,05$), толерантности ($T = 192,8$; $p < 0,05$), эмпатии ($T = 366,1$; $p < 0,01$), эмоциональности ($T = 370,1$; $p < 0,01$), коммуникативной компетентности ($T = 376$; $p < 0,01$). В статистическую обработку полученных результатов вошли данные, полученные у студентов, имеющих высокий уровень развития исследуемых качеств. В контрольной группе таких значимых различий не обнаружено.

Данные срезов, проведенных до и после проведения формирующего этапа эксперимента, показали, что уровень эмоциональной устойчивости у будущих педагогов в экспериментальной группе стал выше на контрольном этапе эксперимента. Произошло снижение уровня невротичности, депрессивности, раздражительности, застенчивости, эмоциональной лабильности. Повышение уровня общительности, уравновешенности, открытости, экстраверсии мы относим к внедрению в образовательную практику игровых технологий, направленных на развитие культуры межнационального общения. В результате применения непараметрического критерия Т-Вилкоксона для математической обработки полученного фактического материала мы пришли к выводу о том, что показатели эмоциональной устойчивости в экспериментальной группе после проведения формирующего этапа эксперимента имеют статистически значимые различия на констатирующем и контрольном этапах. В контрольной группе таких значимых различий не обнаружено.

Изучение направленности студентов на межкультурное взаимодействие показало, что на констатирующем этапе эксперимента студенты обеих избирали такие стратегии взаимодействия, как «интеграция», «ассимиляция», «сепаратизм». Включение студентов экспериментальной группы в Программу позволило диагностировать на контрольном этапе исследования такую стратегию взаимодействия, как «консолидация». «Сепаратизм» как стратегия взаимодействия культур наблюдается в обеих группах, но необходимо отметить снижение количества респондентов, выбирающих данную стратегию в качестве доминирующей, в группе экспериментальной, тогда как в контрольной группе результат остался прежним.

Фактические данные, полученные в ходе исследования этнического самосознания, показывают, что на констатирующем этапе эксперимента студенты демонстрируют следующие типы этнической идентичности: «этническая индифферентность», «позитивная

этническая идентичность», «этноэгоизм». В нашем исследовании приоритетным считаем тип этнической идентичности – «позитивная этническая идентичность». Качественный анализ результатов диагностики показал наличие у студентов экспериментальной группы после включения их в Программу устойчивого сочетания позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам.

На основании выше сказанного считаем возможным представить психолого-педагогическую модель культуры межнационального общения (таблица) [5].

Таким образом, данная модель наряду с выделенными нами компонентами КМО включает в себя личностные качества, этническую идентичность, способность устанавливать взаимосвязь с представителями иных культур и психолого-педагогические условия, способствующие развитию культуры межнационального общения будущих педагогов. В ходе исследования обозначены и эмпирически изучены основные психологические качества и умения, которыми должен обладать педагог современного поликультурного образования.

Таблица

Психолого-педагогическая модель культуры межнационального общения

Общее понимание и частное определение понятия «культура»				
Культура – способность использовать опыт цивилизации во благо человечества				
Культура межнационального общения – характеристика личности педагога, определяющаяся знаниями о культуре, традициях и обычаях иных народов; толерантным отношением к иным точкам зрения и ценностям; умением преодолевать трудности в коммуникативных и других формах взаимодействия с членами различных этнических общностей в ходе учебно-воспитательного процесса и предполагающая высокий уровень развития всех компонентов ее структуры.				
Личностные качества				
Ассертивность	Толерантность	Эмоциональная устойчивость	Эмпатия	Коммуникативность
Высокий уровень – высокая самооценка, социальная смелость, доверие к людям и уверенность в себе	Высокий уровень способности признания иных культур, свободное выражение своих взглядов и ценностей, понимание иных культур, умение избегать культурные стереотипы.	Высокий уровень волевой регуляции, высокий уровень самообладания и самоконтроля, отсутствие нервной утомляемости.	Высокий уровень эмоциональной отзывчивости и чувствительности, великодушные, развитое умение доверять своим чувствам и интуиции.	Высокий уровень способности быть открытым к получению информации, общительность, внимательность к людям, способность быстро устанавливать контакты.
Социально-психологический компонент структуры КМО				
Высокая способность личности принять себя и иного как субъекта отношений, отношение к себе и иному с уважением и достоинством. Развитое умение конструировать межличностное взаимодействие с представителями различных этнических общностей на основе уважения культурных традиций.	Принятие норм, принципов и требований гуманистической этики, развитая способность личности решать проблемные ситуации, находить пути выхода из межнациональных конфликтов.		Владение навыками прогнозирования перспектив развития межнациональных отношений. Владение технологиями саморазвития. Отношение к будущей профессии как к социально-значимой деятельности.	
Мотивационно-ценностный компонент структуры КМО				
Высокий уровень эмоциональной отзывчивости и чувствительности, великодушные, развитое умение доверять своим чувствам и интуиции, социальная смелость, доверие к людям и уверенность в себе.	Высокий уровень способности быть открытым к получению информации, общительность, внимательность к людям, способность быстро устанавливать контакты, высокая способность личности к познанию себя и других.		Высокий уровень волевой регуляции, высокий уровень самообладания и самоконтроля, высокий уровень способности признания иных культур, свободное выражение своих взглядов и ценностей, понимание иных культур, умение избегать культурные стереотипы.	

Праксиологический компонент структуры КМО		
Сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам, оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и иным этническим группам.	Высокая способность личности входить в мир иной культуры, сохраняя национальную самобытность и устанавливая связи между различными культурными системами (интеграция).	Готовность и способность личности входить в мир иной культуры, сохраняя собственную культурную идентичность, приумножая общекультурные ценности (консолидация).
Этническая идентичность		
Этноиндифферентность Размывание этнической идентичности, выраженное в неопределенности этнической принадлежности, неактуальность идентичности.	Позитивная этническая идентичность Сочетание позитивного отношения к собственному народу с позитивным отношением к другим народам. Задаёт оптимальный баланс толерантности по отношению к собственной и иным этническим группам.	
Стратегии взаимодействия культур		
Интеграция Высокая способность личности входить в мир иной культуры, сохраняя национальную самобытность и устанавливая связи между различными культурными системами.	Консолидация Готовность и способность личности входить в мир иной культуры, сохраняя собственную культурную идентичность, приумножая общекультурные ценности.	
Условия развития		
Педагогические: – разработка и внедрение в учебный процесс дисциплин этнического содержания; – организация практико-ориентированных занятий; – внедрение в учебный процесс психолого-педагогической программы развития культуры межнационального общения; – создание предметно развивающей среды.	Психологические: – наличие сформированной системы ценностей и личностных смыслов; – полисубъектный характер взаимодействия всех участников образовательного процесса; – ориентация на полисубъектное становление личности; – ориентация на самоактуализацию личности; – позитивный эмоциональный фон в ходе учебной и практико-ориентированной деятельности студентов.	

Литература

- Орлова А. В. Эстетическое воспитание студентов как фактор гуманизации воспитательного процесса в системе высшего образования // Российский научный журнал. 2014. № 1(39). С. 210 – 215.
- Фалунина Е. В., Мирошниченко Е. В. Актуализация проблемы развития культуры межнационального общения будущих педагогов на основе компетентностного подхода // Российский научный журнал. 2014. № 1(39). С. 111 – 116.
- Фалунина Е. В. Психолого-педагогическая модель системы подготовки будущих учителей к работе в пространстве современного образования: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2012. 68 с.
- Фалунина Е. В. Обоснование модели подготовки педагогов к работе в поликультурном образовании России // Российский научный журнал. 2011. № 21. С. 123 – 139.
- Фалунина Е. В., Мирошниченко Е. В. Модель развития культуры межнационального общения будущих педагогов в системе высшего профессионального образования // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto»: транспорт, общество, образование, язык. Декабрь 2014. № 3(12). Режим доступа: <http://ce.if-mstuca.ru>

Информация об авторе:

Мирошниченко Евгения Витальевна – доцент кафедры педагогики и психологии Братского государственного университета, eva.miroshnichenko.72@mail.ru.

Evgenia V. Miroshnichenko – Assistant Professor at the Department of Pedagogy and Psychology, Bratsk State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА РЕАЛИЗУЕМОСТИ БАЗИСНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА ПРИ РАЗНЫХ УРОВНЯХ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ю. Ю. Неяскина, О. Е. Бурова

SUBJECTIVE ASSESSMENT OF BASIC VALUES IMPLEMENTATION IN URBAN CONDITIONS AT DIFFERENT LEVELS OF URBAN IDENTITY AMONG COLLEGE STUDENTS

Yu. Yu. Neyaskina, O. Ye. Burova

Статья посвящена описанию взаимосвязи между городской идентичностью и возможностью ценностной самореализации молодежи в условиях города. Осуществлен краткий теоретический обзор исследований, посвященных средовой и городской идентичности. Показано, что городская среда, в зависимости от ее восприятия, может выступать в качестве потенциала, способствующего реализации субъективно значимых целей и ценностей, либо препятствием для самореализации и стрессовым фактором. Эмпирическое исследование посвящено описанию специфики представлений о реализуемости базисных ценностей молодых людей с разным уровнем городской идентичности. Формирование групп, условно обозначенных как группы со слабой, средней и высокой городской идентичностью, осуществлялось при помощи кластеризации результатов методики «Шкала идентификации с городом» М. Lalli, предполагающей оценку города по таким категориям, как «внешняя ценность», «общая привязанность», «связь с прошлым», «восприятие близости» и «целесолагание». Выявлено, что респонденты трех полученных групп также различаются по степени идентификации с «типичным жителем города». Показано, что сильная идентичность с городом способствует формированию представлений о большей реализуемости ценностей «профессионального» и «смыслового» плана, а также повышению удовлетворенности жизнью и самоидентичности молодых людей.

The paper is devoted to the description of interrelation between urban identity and possibility of value implementation of the youths in urban conditions. It contains a brief academic review of the researches devoted to environmental and urban identities; it shows that the urban environment, depending on its perception, could become the potential either assisting to the implementation of subjective-relevant goals and values or hindering it, transforming into the stress factor. The empiric research is devoted to the description of basic values implementation ideas specifics among the young people with different levels of urban identity. The formation of the groups conventionally marked as the groups with weak, medium, and high urban identity was realized by means of results clustering of M. Lalli's "Scale of Urban Identification" technique assuming the city assessment by the categories of "exterior value", "general affection", "connection with the past", "proximity perception" and "objectives definition". It was educed that the respondents of the received groups also differ in the degree of their identification with "the typical urban resident". It is shown that the strong urban identity promotes the formation of ideas for better implementation of "professional" and "semantic" values as well as the rise of life satisfaction and self-identification of the young people.

Ключевые слова: средовая идентичность, городская идентичность, реализуемость базисных ценностей.

Keywords: identity, urban identity, basic values implementation.

Актуализация темы средовой идентичности обусловлена, как минимум двумя основными причинами. С одной стороны, глобализационные процессы, затрагивающие экономическую, политическую, культурную и другие сферы общественной жизни, актуализируют и проблематизируют изучение роли среды. С другой стороны, происходящие в постсоветском обществе социальные изменения привели к поиску более устойчивых оснований для идентификации. В этой связи все более «востребованными» оказались средовые идентичности (страна, регион, город, место проживания и т. п.), поскольку связь индивидов на средовом основании естественна и очевидна.

Для обозначения связи человека со средой и ее значения для индивида употребляются термины Whereness (Wo?) и Whatness (Was?). Осознание индивидом этой связи исследуется как средовая идентичность, которая может быть рассмотрена как один из наиболее значимых видов социальной идентичности наряду с профессиональной, этнической и религиозной идентичностью [2].

Одними из первых вопросами идентичности с окружающей средой занимались Р. Баркер – основатель «экоповеденческой теории», И. Альтман (исследователь в области экологической психологии), благодаря которым были описаны процессы взаимодействия группы людей со средой.

Центральным понятием концепции Р. Баркера стало «место поведения» как объективная, ограниченная во времени и пространстве ситуация, которой свойствен определенный набор типов поведения. В свою очередь И. Альтман предложил три основных вида территорий, в которых раскрывается персональное пространство личности: *первичная (постоянное владение)* – дом, спальня, машина, рабочее место, комната; *вторичная* – определенные места, связанные с работой или с развлечениями, места совместного пользования; *публичная (временная)* – телефонная будка, место в библиотеке, столик в ресторане [24].

В рамках экологической психологии сегодня выделяются четыре средовые подсистемы:

1) *природная среда;*

2) *среда «второй природы»*, преобразованная людьми – уголья, домашние животные, культурные растения и т. п.;

3) *«третья природа»* – искусственный мир – асфальт, городское пространство жизни и работы, транспорт, мебель и т. п.;

4) *социальная среда* – своеобразная интеграция предшествующих сред, определяющих качество жизни.

В работах Г. М. Андреевой совокупность природных и социальных факторов среды образуют «жизненную среду» или «непосредственную жизненную среду». Её представляют: *внутренняя среда* (её образ); *«первичная экоструктура»* – непосредственное жизненное пространство: дом, квартира, комната, вещи; *«групповая экоструктура»* – среда сообщества: территория, предприятия, места работы, различные помещения совместного пребывания и т. д. Именно эта жизненная среда выступает основой идентификации личности с каким-то определённым местом её существования и пребывания [2].

У М. Хейдметса персональное пространство человека (территория идентичности) представлено в виде иерархии персонализированных мест: тело человека; персональное пространство (контролируемая личная территория); жилая ячейка – семейная территория, имеющая индивидуальные зоны каждого члена семьи и общие для всей семьи пространства; окружение дома – двор, сад; внедомовые персонализированные места – рабочее место на работе, парта в школе; место жительства – характеризуется косвенным, опосредованным контролем территории и наличием идентификации – «моя улица», «мой город»; Родина – символический уровень персонализированного пространства [22].

Дефиниция «средовая идентичность» является относительно новой в социально-психологических работах и принимает различные смысловые оттенки, при этом варьируется и сам термин: «*идентичность со средой*» (*environmental identity*) как характерный тип поведения людей без особых индивидуальных различий в определённо организованном пространстве (М. Черноушек) [23]; «*идентичность с местом*» (*place-identity*) как членство в группе людей, объединённых общей территорией проживания (Х. М. Прошански) [28]; «*идентичность с местом проживания*» (*settlement identity*) как системообразующий параметр, который имеет субъективно отражаемую физическую среду города, и тесно связана с феноменами личностной идентификации человека (Н. Е. Голосова) [8]; «*городская идентичность*» (*urban-related identity*) как аспект личностной идентичности, представляющий собой комплекс связей между человеком и городской средой, благодаря которым город становится обобщённым символом индивидуального опыта (М. Лалли) [25]; «*социальная городская идентичность*» (*social urban identity*) как социальное представление об общих чертах и особенностях, характерных для жителей данного места и относимых к одной определённой социальной категории (С. Валера, Э. Пол) [27]; «*инвайроментальная идентичность*» как поведение, характеризующееся ответственностью по отношению к окружающей среде (Дж. Стетс, К. Бига

[29]; «*территориальная идентичность*» как переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей (субъективной социально-географической реальности), формирующие практическое чувство или сознание территориальной принадлежности индивида (Н. А. Шматко, Ю. Л. Качанов, И. С. Самошкина) [20].

Анализ работ в области психологии и социологии позволяет сделать вывод о том, что средовая идентичность является сложным феноменом и находится на пересечении личностной и социальной идентичности; играет значительную роль в процессе социализации, начиная с самого раннего детства; она включает в себя «вписывание» в определённую среду (пространство и условия существования) и одновременно соотнесение себя с социальными группами, которые связаны с данной средой.

В контексте наблюдаемых в современном российском обществе тенденций к урбанизации образа жизни, изменению роли городов, вовлечённости городов в конкуренцию, постоянной трансформации городского социокультурного пространства, повышению территориальной мобильности населения появляется потребность именно в осмыслении феномена городской идентичности жителей города.

Психологическая наука, обращаясь к городской проблематике, чаще всего изучает вопросы, нацеленные на поиск возможностей изменения, совершенствования городов: связанные с восприятием архитектуры (К. Линч) [12] и городского пространства в целом (В. Л. Глазычев) [7], изучением ресурсов городов для поиска их конкурентных преимуществ (Ч. Лэндри) [14].

Реже предметом исследования становится городская и региональная ментальность (Г. В. Акопов [1]; Т. В. Иванова [9]). Между тем, стоит отметить, что в социально-психологической литературе делается обоснование того, что *пространство* является *важнейшим источником* знаний человека о самом себе, одним из *оснований формирования его идентичности* (Г. М. Андреева [2]; Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая [4]).

Собственно, городская идентичность на сегодняшний день попадает в поле зрения исследователей относительно редко. Тем не менее, согласно исследованиям ряда авторов (С. А. Богомаз с соавторами [5 – 6; 10; 16]; М. А. Мартынова [16]; О. В. Каракулова [10] и др.), она является значимым компонентом социальной идентичности современной вузовской молодёжи. Нынешнее положение молодого поколения в обществе характеризуется крайне нестабильностью и противоречивостью. С одной стороны, студенческая молодёжь представляет собой самую мобильную, динамичную часть общества, обладающую огромным инновационным потенциалом; с другой стороны, в силу ограниченного характера её практической, созидательной деятельности, неполной включённости молодого человека в систему общественных отношений – самую социально неподготовленную, а значит и уязвимую её часть. В молодёжном сознании и поведении могут сочетаться противоречащие друг другу черты и качества: стремление к идентификации и обособление, конформизм и негативизм, подражание

и отрицание общепринятых норм, стремление к общению и уход, отрешённость от внешнего мира.

Поскольку городское пространство является крайне важным компонентом социальной среды, можно предположить, что параметры городской идентичности, степень ее целостности, интегрированности, или же, напротив, противоречивости и внутренней конфликтности, являются важным фактором поддержания психологического благополучия личности (или развития дезадаптивных тенденций).

Таким образом, анализ теоретических исследований, посвященных городской идентичности, позволяет сделать следующие выводы:

- городская идентичность является компонентом социальной идентичности, связана с включенностью в долговременные стабильные социальные группы и определяет эмоциональное наполнение самоопределения индивида по отношению к группе в целом, к групповому имени, к «своим» и «чужим», а также групповые ценности, социальные нормы, стереотипы и т. д.;
- особенностью восприятия вузовской молодежью городской среды является восприятие её как потенциала, обеспечивающего возможность их профессионально-личностного развития;
- исторически сложившаяся городская среда, с точки зрения вузовской молодёжи, может обеспечить реализацию базисных ценностей;
- городская идентичность является социокультурным конструктом, формируется в результате социализации и адаптации в определенном территориальном поселении и определяется усвоением и воспроизводством культурных символов, принятых

норм, традиций, стиля жизни жителей данного поселения;

- городская идентичность является результатом идентификации человека с городской общностью как большой социальной группой.

Описание исследования

Нами было предпринято исследование, направленное на изучения взаимосвязи городской идентичности и субъективной оценки реализуемости базисных ценностей у вузовской молодежи. В исследовании приняли участие студенты старших курсов, магистранты и аспиранты, обучающиеся по специальностям гуманитарного (средний возраст $21,8 \pm 2,6$ года, $n = 70$) и технического (средний возраст $21,5 \pm 2,09$ года, $n = 70$) профилей двух ведущих высших учебных заведений г. Петропавловск-Камчатский (Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, Камчатского технического университета).

На первом этапе нами ставилась задача дифференциации выборки на основании степени идентичности с городом. Использовалась Шкала идентификации с городом М. Lalli [18], предполагающая оценку города по таким категориям, как «внешняя ценность», «общая привязанность», «связь с прошлым», «восприятие близости» и «целеполагание». Данные Шкалы идентификации с городом, были подвергнуты кластерному анализу. В результате получены три выраженных кластера объемом 32, 74 и 34 человека. Критериальное межгрупповое сравнение по средним показателям методики идентификации с городом позволяет говорить о том, что группы значительно различаются между собой по всем шкалам методики (таблица 1).

Таблица 1

Сравнение групп, полученных в результате кластеризации, по шкалам методики идентификации с городом

Шкала	Группа 1 $n = 32$	Группа 2 $n = 74$	Группа 3 $n = 34$	t-эмп
Внешняя ценность	1,99	2,75	3,12	$t_{1,2} = -4,71^{**}$; $t_{1,3} = -5,41^{**}$; $t_{2,3} = -1,96$
Привязанность	1,91	3,52	4,55	$t_{1,2} = -11,1^{**}$; $t_{1,3} = -13,95^{**}$; $t_{2,3} = -5,84^{**}$
Связь с прошлым	2,03	2,98	4,01	$t_{1,2} = -6,13^{**}$; $t_{1,3} = -10,1^{**}$; $t_{2,3} = -6,71^{**}$
Восприятие близости	1,5	2,81	4,33	$t_{1,2} = -10,82^{**}$; $t_{1,3} = -19,84^{**}$; $t_{2,3} = -11,84^{**}$
Целеполагание	1,69	2,58	3,87	$t_{1,2} = -6,08^{**}$; $t_{1,3} = -13,03^{**}$; $t_{2,3} = -8,42^{**}$
Условные названия групп	«слабая идентичность»	«средняя идентичность»	«сильная идентичность»	

Примечание: * для $p \leq 0,05$; ** для $p \leq 0,01$.

Очевидно, что сформированные группы представляют собой «иерархию» показателей идентичности с городом – от самых низких до наиболее высоких. Далее нами будут использованы условные названия полученных экспериментальных групп: «слабая идентичность» (ЭГ1), «средняя идентичность» (ЭГ2), «сильная идентичность» (ЭГ3). Представляется закономерным тот факт, что группа с промежуточными (средними) показателями существенно превосходит две другие группы по объему. Группа респондентов

со слабой степенью идентичности с городом оказалась наиболее отличающейся от двух других; группы со средней и сильной степенью идентичности чуть более сходны между собой.

В качестве косвенного показателя степени идентичности с городом высчитывался коэффициент семантической близости образов «я сам» и «житель моего города». Нами использовался 21-шкальный семантический дифференциал В. И. Гинецинского; респонденты получали инструкцию оценить в заданном

семантическом пространстве сначала представление о себе, а затем (через некоторое время) представление о жителе города Петропавловск-Камчатский. Индивидуально для каждого респондента подсчитывался коэффициент семантической близости образов, который, на наш взгляд, можно рассматривать как показатель идентичности с типичным жителем города про-

живания респондентов. Использовался алгоритм применения семантического дифференциала как способа измерения социальной идентичности, предложенный Т. С. Барановой [3]. Анализ полученных данных позволяет говорить о том, что средняя степень семантической близости с жителем города в группах значительно различается (таблица 2).

Таблица 2

Семантическое сходство образов «я сам» – «житель г. Петропавловск-Камчатский» в группах с разной степенью идентичности с городом

<i>Коэффициент семантической близости</i>	<i>Слабая идентичность (ЭГ1; n = 32)</i>	<i>Средняя идентичность (ЭГ2; n = 74)</i>	<i>Сильная идентичность (ЭГ3; n = 34)</i>	<i>t-эмп</i>
Среднее	10,43	8,38	8,57	t1,2 = 2,58*; t1,3 = 2,11*; t2,3 = 0,28
Дисперсия	15,32	11,1	10	

Примечание: * для $p \leq 0,05$; ** для $p \leq 0,01$.

Можно говорить о том, что степень идентичности с жителем своего города в группах с разной степенью идентичности с городом также различается. При этом первая группа продолжает оставаться самой «отличающейся» на фоне двух других, респонденты которых оценили степень близости с типичным жителем города примерно одинаково. Обращает на себя внимание и тот факт, что дисперсии показателя в этих

группах практически не различаются. Таким образом, мы получили три экспериментальные группы, различающиеся между собой по степени идентичности с городом как таковым и с образом типичного жителя города.

Анализ анкетных данных позволил описать полученные группы (таблица 3).

Таблица 3

Характеристика групп с разной степенью идентичности с городом по анкетным данным

<i>Характеристика групп</i>	<i>Группа 1 (слабая идентичность) n = 32</i>	<i>Группа 2 (средняя идентичность) n = 74</i>	<i>Группа 3 (сильная идентичность) n = 34</i>
Возраст	21 ± 1,76 года	21,8 ± 2,41 года	21,9 ± 2,8 года
Девушки / юноши (%)	72 % / 28 %	65 % / 35 %	70 % / 30 %
Гуманитарные / технические специальности (%)	56 % / 44 %	36 % / 64 %	73 % / 27 %
Проживают в г. Петропавловск-Камчатский с момента рождения (%)	59 %	66 %	70 %
Средний период проживания в городе	18 ± 6,35 лет	17,7 ± 6,49 лет	19,2 ± 6,36 лет

Полученные группы эквиваленты по возрастному и гендерному признакам, средний период проживания в городе различается незначительно. По мере увеличения показателей идентичности с городом, прослеживается некоторая тенденция увеличения процента респондентов, проживающих в городе с самого рождения.

Задачей следующего этапа стало выявление особенностей субъективной оценки возможности реализовать те или иные базисные ценности в условиях городской среды у молодых людей с разными уровнями городской идентичности.

Сравнение показателей реализуемости базовых ценностей в условиях городской среды (методика СОРБЦ, С. А. Богомаз) [5] позволило говорить в различиях в картине представлений респондентов о том, насколько возможно реализовать те или иные ценно-

сти, проживая в городе Петропавловск-Камчатский (таблица 4).

Независимо от степени идентификации с городом, респонденты всех групп одинаково оценили возможность реализации в городе следующих ценностей: «иметь хорошую работу», «быть здоровым», «быть материально обеспеченным», «иметь благополучную семью», «любить и быть любимым», «чувствовать себя в безопасности», «стать известным и знаменитым», «все знать», «быть примером для других», «быть уникальным и оригинальным», «иметь власть», «быть справедливым». При этом молодые люди (независимо от степени идентификации с городом) полагают, что возможность стать известным и знаменитым, быть уникальным и оригинальным, все знать и чувствовать себя в безопасности – это наиболее трудно реализуемые в условиях их города ценности.

Реализуемость ценностей в условиях города Петропавловск-Камчатский

Ценность	Группа 1 (слабая иден- тичность) n = 32	Группа 2 (средняя иден- тичность) n = 74	Группа 3 (сильная иден- тичность) n = 34	t-эмп.
Достичь успехов в профессии	5,3	5,58	6,17	t1,2=0,99; ; t1,3=2,6**; t2,3=1,99
Быть уважаемым	4,8	5,7	6,11	t1,2=2,5*; t1,3=3,4**; t2,3=1,36
Достичь успехов в карьере	4,9	5,65	5,8	t1,2=2,14*; t1,3=2,1*; t2,3=0,42
Стать свободным	4,1	5,2	5	t1,2=2,7**; t1,3=1,96; t2,3=0,27
Достичь желаемой цели	4,5	5,2	5,6	t1,2=1,56; t1,3=2,2*; t2,3=1,1
Жить полной жизнью	4,3	5,6	5,5	t1,2=3,24**; t1,3=2,5*; t2,3=0,3
Найти смысл своей жизни	4,8	5,7	5,9	t1,2=2,7**; t1,3=2,37*; t2,3=,45
Самоутвердиться в жизни	4,8	5,8	6,2	t1,2=2,7**; t1,3=3,5**; t2,3=1,6
СОРБЦ индекс	4,83	5,4	5,65	t1,2=2,58*; t1,3= 3,23**; t2,3=1,22

Примечание: * для $p \leq 0,05$; ** для $p \leq 0,01$.

Как и следовало ожидать, наиболее выраженные различия в оценке реализуемости ценностей выявлены при сравнении «полярных» групп (с высокой и низкой городской идентичностью). Молодые люди, характеризующиеся высокой степенью идентификации с городом, выше оценивают возможность достичь успехов в профессии и карьере, самоутвердиться в жизни, быть уважаемыми, достигать желаемой цели, жить полной жизнью и найти её смысл. При этом молодежь с выраженной городской идентичностью не демонстрирует значимых различий с т. н. «средней» группой, в то время как респонденты с низким уровнем идентичности отличаются более низкими (по сравнению с показателями второй группы) оценками по параметрам реализуемости таких ценностей, как возможность быть уважаемым, самоутвердиться, достичь успехов в карьере, а также возможность стать свободным, жить полной жизнью и найти смысл жизни. Таким образом, ключевые различия между молодежью с высокой и низкой городской идентичностью выявлены по направлениям, которые условно можно обозначить как «профессиональное» и «смысловое». Общий индекс реализуемости ценностей значимо ниже у респондентов с низкой городской идентичностью (в то время как при высокой и средней степени идентичности значимо не различается).

Для большего понимания полученной картины оценки реализуемости ценностей в условиях городской среды был осуществлен анализ личностной значимости ценностей того же списка для респондентов всех групп. Выявлено, что субъективная значимость ценностей в группах не различается, так же как иерархия ценностей внутри каждой группы. Так в меньшей степени, чем остальные, для респондентов всех групп оказались значимы позиции «стать известным и знаменитым», «иметь власть» и «все знать».

Эти же ценности оказались в числе тех, которые сложнее всего реализовать в условиях города. Вместе с тем, значимость возможности чувствовать себя в безопасности у респондентов очень высока (при слабой возможности реализовать эту ценность).

Для более полной характеристики ценностных ориентиров респондентов нами был использован опросник ценностных ориентаций Ш. Шварца («Портретный ценностный опросник», в котором испытуемому предлагается оценить 57 кратких «портретных описаний» с точки зрения «похожести на себя») [21]. Анализ данных, полученных при помощи методики, позволяет говорить о практически полном сходстве ценностных ориентиров представителей всех трех групп. Значимые различия были выявлены лишь по одной позиции – «Конформизм: правила» (в трактовке автор методики – соблюдение правил, законов и формальных обязательств). Молодежь, характеризующая слабой городской идентичностью, демонстрирует значимо более низкие (по сравнению с двумя другими группами) показатели по данной ценности (t1,2 = 2,02*; t1,3 = 2,37*). Можно говорить о том, что по мере возрастания степени идентификации с городом увеличивается ориентация личности на принятие норм и следование правилам, обычаям и идеям, принятым в социуме (послушание, самодисциплина, вежливость, уважение и т. п.).

Исходя из предположения, что оценка реализуемости базовых ценностей в городской среде может быть обусловлена не только субъективным восприятием города как способствующего или препятствующего чему-либо, но и некоторыми особенностями самого респондента, мы определяли сформированность навыков тактического планирования и стратегического целеполагания учащейся молодежи при помощи Опросника самоорганизации деятельности

(ОСД), разработанного Е. Ю. Мандриковой [15]. Опросник предполагает подсчет показателей по таким шкалам, как планомерность, целеустремленность, настойчивость, фиксация, самоорганизация, ориентация на настоящее. Кроме того, подсчитывается суммарный индекс самоорганизации.

Анализ данных, полученных при помощи опросника самоорганизации деятельности во всех группах, свидетельствует об отсутствии различий по большинству позиций. Вместе с тем можно говорить о существенной специфике планирования деятельности, построения иерархии своих планов у молодых людей с разными уровнями городской идентичности. Представители группы со слабой идентичностью уступают респондентам со средним и высоким уровнем идентификации с городом в сформированности навыков планирования, умении детализировать свои планы и определять их иерархию, а также в реалистичности и самостоятельности планирования. Таким образом, можно говорить о более низкой вероятности достижения индивидуальных целей респондентами первой группы в сравнении с двумя другими ($t_{1,2} = 2,6^{**}$; $t_{1,3} = 2,68^{**}$).

Выявлено также различие между группами с высоким и средним уровнем городской идентичности по шкале «Ориентация на настоящее». Более высоким показателям идентичности с городом соответствует

более выраженная концентрация на происходящее в настоящем моменте жизни. Возможно, временная концентрация на настоящем является своего рода предпосылкой более позитивного восприятия жизни в целом (и своего города в частности), однако, данный факт требует дальнейшей эмпирической проверки. Кроме того, группа с высокой городской идентичностью демонстрирует значимо более высокие показатели по шкале «аутентичность» (самотождественность / самоотчуждение) методики оценки уровня самодетерминации «Шкала самодетерминации личности» (Б. Шелдон; в адаптации и модификации Е. Н. Осина) [26] в сравнении с двумя другими группами ($t_{1,3} = 2,74^{**}$; $t_{2,3} = 2,45^{**}$). Можно говорить о большей самотождественности респондентов с высокой городской идентичностью («жизнь, которую я живу – моя, соответствует моей внутренней сути»).

Сравнение групп по методике «Шкала удовлетворенности жизнью» (Э. Динер) [19] позволяет говорить о большей удовлетворенности жизнью в целом респондентов со средней и сильной городской идентичностью ($t_{1,2} = 3,36^{**}$; $t_{1,3} = 3,28^{**}$).

В заключение респонденты отвечали на несколько вопросов, касающихся чувств, испытываемых в отношении своего города. Ответы на отдельные вопросы представлены в таблице 5.

Таблица 5

Ответы респондентов о чувствах в отношении своего города и своей к нему принадлежности

	<i>Группа 1 (слабая идентичность) n = 32</i>	<i>Группа 2 (средняя идентичность) n = 74</i>	<i>Группа 3 (сильная идентичность) n = 34</i>
Какие чувства Вы испытываете в связи с тем, что являетесь жителем города Петропавловск-Камчатский?			
Горжусь	6 %	15 %	44 %
Испытываю досаду и раздражение	28 %	11 %	-
Не испытываю никаких особенных чувств	59 %	62 %	47 %
Другие ответы	«мне нравится здесь жить»; «люблю как памятный хлам» и др.	«я смирилась»; «смешанные чувства»; «я не житель провинции»; «в целом нравится, но много недостатков»	«горжусь, но испытываю досаду и раздражение»; «испытываю исключительно положительные эмоции»; «где родился, там и пригодился»; «счастлива, что родилась здесь» и др.
Помогает или мешает Вам Ваша «городская принадлежность» (в учебе, в общении, в развитии, в карьере, в быту и т. п.)? Каким образом?			
Ни то, ни другое	28 %	30 %	15 %
Мешает (в чем-либо)	9 %	4 %	15 %
Помогает (в чем-либо)	6 %	9 %	18 %
Не мешает	16 %	23 %	12 %
Не помогает	6 %	4 %	3 %
Другие варианты	«нет ответа» (28 %)	«нет ответа» (19 %); «никак» (4 %); «все нормально»; «в городе больше возможностей»; «не дает раскрыться» и др.	«нет ответа» (18 %); «и то и другое»; «не задумывалась»; «пятьдесят на пятьдесят» и др.

Стыдитесь ли Вы своего города? Почему?			
Нет	69 %	80 %	68 %
Да	25 %	20 %	26 %
«Мне все равно» или «амбивалентное отношение»	6 %	-	3 %
Если «да», то за...	«унылое состояние города»; «грязный город»; «никому не нужен»; «отсутствие культуры»; «нет ничего для жителей»	«нет хорошего образования»; «внешний вид»; «грязно и скучно»; «нет культуры»; «убогая архитектура» и др.	«внешнего вида»; «отношения людей к городу»; «недовольные люди»; «архитектура»
Каким образом проживание в г. Петропавловске-Камчатском влияет на Вашу жизнь?			
Никак не влияет	40 %	55 %	32 %
Положительно	«успокаивает и умиротворяет»; «расширяет знакомства»; «возможность получить образование и работу»;	«заставляет стремиться к лучшему»; «формирует меня как человека»; «люблю природу»; «путешествую»; «есть возможность получить образование и работу»;	«формирует доброту и отзывчивость»; «вырабатывает чувство терпения и стойкости»; «я – патриот»; «удобно жить»; «город – часть моей жизни»;
Отрицательно	«нет возможности профессионального развития»	«много болею»; «обстановка угнетает»; «изоляция от мира»; «пугает сейсмичность»	нет высказываний

Несмотря на то, что досаду и раздражение в отношении своего города чаще испытывают респонденты со слабой городской идентичностью, процент «не испытывающих никаких особенных чувств» достаточно высок во всех трех группах. Вместе с тем, абсолютное большинство опрошенных (независимо от группы) не испытывают чувства стыда в отношении своего города. Респонденты с высокой городской идентичностью в меньшей степени склонны считать, что проживание в городе не оказывает никакого существенного влияния на их жизнь; они не испытывают досады и раздражения по отношению к городу, спектр предлагаемых ими вариантов «положительно-го влияния» города шире и в большей степени затрагивает сферу эмоций, вариантов «негативного влияния» не упоминается. Среди представителей третьей группы больше тех, кто считает, что «городская принадлежность» помогает (или, по крайней мере, не мешает) достигать желаемого в различных сферах жизни. Вместе с тем, наиболее высокий процент ответов «мешает» также дали респонденты с высокой городской идентичности (в то время как в других группах выше ответ т. н. индифферентных ответов – «ни

то ни другое»). Возможно, молодые люди, выражающие высокие показатели идентификации с городом, склонны к большей дифференцированности своих эмоций и чувств в отношении города.

Таким образом, результаты эмпирического исследования позволяют говорить о том, что городская среда по-разному воспринимается проживающими в городе молодыми людьми. Степень городской идентификации, а также степень идентичности с образом типичного жителя города, определяет у молодежи особенности оценки своих возможностей в достижении целей и реализации значимых ценностей. Наиболее существенные различия субъективной оценки реализуемости базисных ценностей в условиях городской среды Петропавловска-Камчатского локализованы в т. н. «профессиональной» и «смысловой» сферах. Молодые люди с высокой городской идентичностью характеризуются большей направленностью на «настоящее» и большей самоидентичностью, большей сформированностью навыков планирования и детализации своих планов, реалистичностью и самостоятельностью планирования, а также более удовлетворены жизнью в целом.

Литература

1. Акопов Г. В. Российское сознание: историко-психологические очерки. Самара: СамГПУ, 2002. 90 с.
2. Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.
3. Баранова Т. С. Семантический дифференциал как способ измерения социальной идентичности // Психологическая диагностика. 2007. № 5. С. 59.
4. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности. М.: Аспект Пресс, 2001. 301 с.
5. Богомаз С. А. Различия в структуре ценностей, смыслов и личностных особенностей представителей трех городов Сибири // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред. В. В. Знаков, Г. В. Залевский. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2008. С. 262 – 297.

6. Богомаз С. А., Литвина С. А., Четошникова Е. В. Субъективная оценка городской среды вузовской молодежью Томска и Барнаула // Сибирский психологический журнал. 2013. № 49. С. 102 – 112.
7. Глазых В. Л. Городская среда, экологическое сознание и любовь к геометрии // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 4. С. 48 – 51.
8. Голосова Н. Е. Экопсихологический подход к вопросу о социальной идентификации личности // II Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. (Москва, 12 – 14 апреля 2000 г.). М., 2000. С. 184 – 186.
9. Иванова Т. В. Городская ментальность как предмет психологического исследования. Самара: Изд-во СамЦ РАН, 2003. 198 с.
10. Каракулова О. В., Богомаз С. А. Оценка реализуемости базисных ценностей в условиях города Томска с точки зрения гуманитарно-ориентированной и негуманитарно-ориентированной вузовской молодежи // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 117 – 120.
11. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. Ломоносова / под общ. ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл. 2002. Вып. 1. С. 56 – 65.
12. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
13. Литвина С. А., Богомаз С. А., Галай И. А., Айзман Р. И. Особенности личностно-обусловленного восприятия вузовской молодежи среды города (на материале исследований в Иркутске, Томске и Куйбышеве) // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1(11). С. 106 – 111.
14. Лэндри Ч. Креативный город [пер. с англ.]. М.: Классика-XXI, 2006.
15. Мандрикова Е. Ю. Опросник самоорганизации деятельности. М.: Смысл, 2007. 15 с.
16. Мартынова М. А., Литвина С. А., Богомаз С. А. Взаимосвязь личностного потенциала вузовской молодежи с субъективной оценкой реализуемости базисных ценностей // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3(23). Режим доступа: doi: 10.12731/2218-7405-2013-3-8
17. Микляева А. В., Румянцев П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска. СПб., 2011. С. 29.
18. Микляева А. В., Румянцев П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб., 2011. Режим доступа: <http://humanpsy.ru/miklyaeva/gorodskaya-identichnost>
19. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия: материалы III Всероссийского социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008.
20. Самошкина И. С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 29 с.
21. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц [и др.] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 43 – 70.
22. Хейдметс М. Социально-психологические факторы формирования пространственной структуры жилой среды: дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
23. Черноушек М. Психология жизненной среды / пер. с чеш. И. И. Попа. М.: Мысль, 1989. 174 с.
24. Altman I. Environment and social behavior: Privacy, personal space, territory, and crowding. Monterey, 1975.
25. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // Journal of Environmental Psychology. 1992. Vol. 12(4). Dec. P. 285 – 303.
26. Osin E., Boniwell I. Self-determination and well-being. Poster presented at the Self-Determination Conference (Ghent, Belgium, May 2010).
27. Pol E. The Theoretical Background of the City-Identity-Sustainability Network // Environment and Behavior. 2002. Vol. 34. P. 8 – 25.
28. Proshansky H. M., Fabian A. K., Kaminoff R. Place-identity: physical world socialization of the self // Journal of Environmental Psychology. 1983. № 3. P. 57 – 83.
29. Stets J. E., Biga C. F. Bringing Identity Theory into Environmental Sociology // Sociological Theory. 2003. V. 21. № 4.

Информация об авторах:

Неяскина Юлия Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и практической психологии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, neyaskinaju@yandex.ru.

Yulia Yu. Neyaskina – Candidate of Psychologys, Assistant Professor at the Department of Theoretical and Practical Psychology, Vitus Bering Kamchatka State University.

Бурова Ольга Евгеньевна – магистрант кафедры теоретической и практической психологии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга.

Olga Ye. Burova – Master's Degree student at the Department of Theoretical and Practical Psychology, Vitus Bering Kamchatka State University.

(Научный руководитель – Ю. Ю. Неяскина). (Academic advisor – Yu. Yu. Neyaskina).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЧАСТЬЕ У СТУДЕНТОВ

В. Г. Петров, К. В. Злыгостева

STUDENTS' VISIONS OF HAPPINESS

V. G. Petrov, K. V. Zlygosteva

В статье рассматривается проблема представлений о счастье у современной молодежи. Авторами предложена концептуальная модель представлений о счастье. Согласно авторскому определению, представление о счастье – это сложная когнитивная конструкция, которая относится к категории имплицитных (внутренних) социальных (культурно-обусловленных) представлений, определяющих отношение человека к счастью, способность к его восприятию, осознанию и переживанию. В статье показано, что у студентов преобладает умеренный уровень счастья. Вместе с тем по многим показателям имеются определенные проблемы: отдельные показатели жизнестойкости, компоненты иррациональных установок, показатели шкалы экзистенции имеют низкую степень выраженности. Корреляционный анализ показал, что субъективно воспринимаемое счастье взаимосвязано с высокой степенью жизненной удовлетворенности и субъективного благополучия; с жизнестойкостью, с отсутствием иррациональных установок, с высокими значениями по шкале экзистенции. Данная проблема продолжает разрабатываться с учетом различных факторов: возрастных, гендерных, культурных, этнических, социальных и т. д.

The paper deals with the problem of modern students' visions of happiness. The authors propose a conceptual model of visions of happiness. According to the authors, the vision of happiness is a complex cognitive structure, which belongs to the category of implicit (internal) and social (cultural and historical) representations, defining the person's attitude to happiness, the ability to perceive it, awareness and experience. The paper shows that the average level of happiness prevails among students. Problems were identified in the research for most indicators: some indicators of vitality, irrational attitudes, indicators of the scale of existence have a low degree of expression. Correlation analysis showed that the perceived happiness is interconnected with a high degree of life satisfaction and subjective well-being; with vitality, with the absence of irrational attitudes, with the absence of irrational settings, with high values on the scale of existence. This problem continues to be developed, taking into account a variety of factors: age, gender, cultural, ethnic, social, etc.

Ключевые слова: счастье, представления, психологические ресурсы, удовлетворенность, субъективное благополучие, жизнестойкость, иррациональные установки.

Keywords: happiness, representation, psychological resources, life satisfaction, subjective well-being, vitality, irrational attitudes.

Счастье – одна из вечных тем человеческих чаяний и изысканий, его трудно представить в качестве предмета строго научного и тем более экспериментального исследования, однако его феномен исследуется во многих науках, таких как социология, философия и психология [3].

Первые попытки осмыслить проблему счастья можно найти в самых ранних литературных памятниках древности: в Ведах и Упанишадах, «Песне арфиста», «Поучениях Птаххетена» и др., относящихся к III – II тысячелетиям до н. э. В основном, это своеобразные своды правил, выполнение которых могло бы, по мнению их авторов, предохранить человека от всевозможных ошибок, потерь и разочарований.

Что касается психологии, то проблема счастья и его компонентов привлекала внимание многих исследователей. Первые эмпирические исследования счастья приходится на 30-е годы XX в. Наиболее ранний анкетный опрос, посвященный выяснению источников счастья, был проведен в начале XX века американским психологом Дж. Б. Уотсоном. Позднее, в начале 40-х годов, Э. Л. Торндайк составил перечень факторов удовлетворенности жизнью, названный им «условиями хорошей жизни». Однако эти ранние работы были единичными и не опирались на широкую практику строгих социально-психологических исследований. Во второй половине XX в. появляются работы гуманистиче-

ски ориентированных психологов (А. Маслоу, Р. Мэй, Г. Олпорт, Э. Эриксон, К. Роджерс, В. Франкл и др.). В 1973 г. впервые в предметном указателе основных справочных изданий по психологическим публикациям появилась категория счастья, а в 1974 г. – категория субъективного благополучия. Траектория развития психологических подходов к счастью сходна с траекторией развития философских воззрений на счастье в предыдущие тысячелетия. В них также можно выделить объективистские подходы в терминах личностных переменных, отражающих уровень психологического и социального благополучия, связывающие счастье со степенью реализации человеческого потенциала (К. Рифф, К. Кейес), субъективистские подходы, отождествляющие счастье с субъективным ощущением (Э. Динер, Д. Майерс, М. Селигман), а также немногочисленные работы, связывающие субъективное переживание счастья с его бытийно-смысловыми основаниями (Р. Эммонс, Л. Кинг) [5].

В конце 1990-х гг. по инициативе М. Селигмана и его коллег Дж. Вейланат, Э. Динера, М. Чиксентмихайи и др., возникла новая отрасль психологического знания – позитивная психология, в рамках которой категория счастья рассматривается как одно из приоритетных направлений исследований.

Отечественная психология рассматривает счастье как ценность и как аффективное состояние (И. А. Джи-

дарьян, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, Б. И. Додонов, Е. П. Ильин и др.). Но до сих пор нет единого, принятого всеми определения счастья. Также в полной мере не решена проблема объективации субъективного переживания счастья и представлений о нем; счастье как конкретно-психологический феномен практически не рассматривается, как правило, его исследуют с позиции объективного подхода.

В отечественной психологии ощущается явный недостаток эмпирических исследований феномена счастья, он нуждается в широком изучении. Недостаточно разработанными представляются и методы практической работы в этом направлении. И теоретикам, и практическим психологам важно разобраться в природе происхождения счастья, помочь найти полезные ориентиры, а также описание путей для его достижения.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что актуальность данной темы состоит в том, что в научной литературе нет однозначного определения понятия «счастье», нет четкого понимания того, что представляет из себя счастье (какова его структура, детерминанты, антагонисты и т. д.).

Вопрос о психологических условиях и способах приобретения счастья также принадлежит к малоисследованным, хотя его важность не вызывает сомнений. Актуальность этой задачи отмечала Н. И. Рейнвальд, выделяя как единую основу для сопоставления актов деятельности и свойств личности «стремление человека к достижению максимальной полноты жизни» и подчеркивая, что «анализ путей достижения счастья можно и нужно использовать как средство раскрытия специфических для человека закономерностей самоутверждения» [4].

Другой важный аспект в рассмотрении проблемы счастья заключается в том, что восприятие счастья и отношение к нему носят не столько объективный, сколько субъективный характер и во многом определяются характером представлений о счастье. М. Чиксентмихайи отмечает, что «счастье – это вовсе не то, что с нами случается. Это не результат везения или счастливой случайности. Его нельзя купить за деньги или добиться силой. Оно зависит не от происходящих вокруг событий, а от нашей их интерпретации. Счастье – это состояние, к которому каждый должен готовиться, растить его и хранить внутри себя. Люди, научившиеся контролировать свои переживания, смогут сами влиять на качество своей жизни. Только так каждый из нас может приблизиться к тому, чтобы быть счастливым» [6].

Также необходимо учитывать, что представления о счастье имеют культурно-историческую обусловленность. Как утверждает И. А. Джидарьян, «процесс поиска и обретения счастья является актуальным для каждого нового поколения, этноса, социальной среды и каждой личности. Каждое новое поколение людей заново ставит и решает для себя проблему счастья, соглашаясь или не соглашаясь и даже отвергая многое из того, что утверждали и говорили их предшественники» [2]. В этой связи мы в своем исследовании решили исследовать молодежь как особую социальную группу, которая, с одной стороны, отражает актуальные представления, являющиеся продуктом воспитания, социализации, идентификации и т. д., а с другой – молодежь

даёт возможность увидеть те тенденции, в направлении которых возможны изменения представлений, т. е. даётся возможность увидеть «контуры» будущего. Как отмечает М. Аргайл, это объясняется эмоционально-психологической окрашенностью мировоззрения молодежи, её оптимизмом, направленностью в будущее [1].

Исходя из теоретического анализа отечественной и зарубежной литературы, мы выделили ряд теоретических моделей счастья.

1. Содержательная модель.
2. Структурно-динамическая модель.
3. Культурно-историческая модель.

На основе выделенных моделей мы составили собственную концептуальную (теоретическую) модель, в которой отразили структуру представлений о счастье (рис. 1).

Согласно нашей концептуальной модели, представление о счастье – это сложная когнитивная конструкция, которая относится к категории имплицитных (внутренних) и социальных (культурно-обусловленных) представлений, определяющих отношение человека к счастью, способность к его восприятию, осознанию и переживанию.

На основе теоретического анализа проблемы и опираясь на представленную концептуальную модель, мы провели эмпирическое исследование, направленное на изучение представлений о счастье и его компонентах у современной молодежи.

Исследование проводилось на базе Педагогического института Иркутского государственного университета, совокупную выборку составили 145 студентов первых курсов факультета прикладной психологии (50 человек) и гуманитарно-эстетического факультета (95 человек).

Для решения поставленных в исследовании задач нами был подобран комплекс психодиагностических методик: «Оксфордский опросник счастья»; эмоциональный тест Фордайса (субъективная оценка актуального уровня счастья); тест «Индекс жизненной удовлетворенности», адаптация Н. В. Паниной; тест жизнестойкости С. Маади, адаптация Д. А. Леонтьева; тест «Иррациональные установки» А. Эллиса; Шкала экзистенции А. Лэнгле и К. Орглер; «Шкала субъективного благополучия» М. В. Соколова.

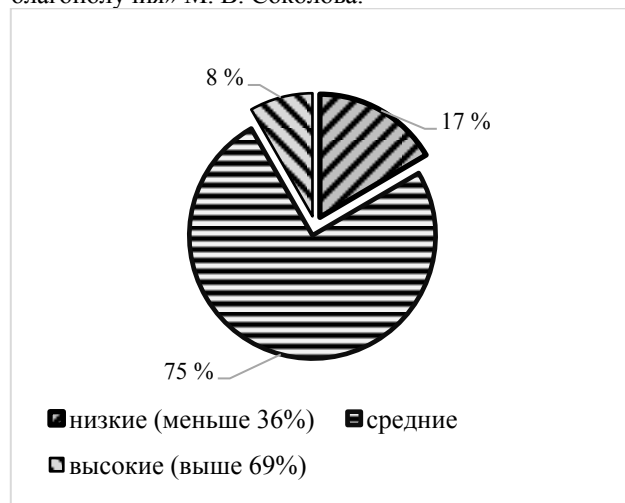

Рис. 2. Уровень субъективной оценки счастья (Оксфордский опросник счастья)

Представим основные результаты исследования. Как видно на рис. 2, по методике ОНІ большинство респондентов (76 %) оценили свой уровень счастья как средний. При этом высокий уровень отметили у себя лишь 8 % опрошенных, а низкий – 17 %.

По тесту Фордайса были получены несколько более высокие результаты: среднее по группе составило 7,1 балла, что указывает на преобладание в ответах испытуемых результатов близких к высоким. При этом распределение показателей времени, в течение которо-

го испытуемые ощущают себя счастливыми составило в среднем 58 %, несчастливыми – 20 % и находятся в нейтральном состоянии – 22 %. Более высокий балл по данной методике может быть объяснен тем, что в нём предусмотрена только общая оценка уровня выраженности счастья, в то время как Оксфордский опросник позволяет оценить данный параметр более точно, поскольку в нем общая оценка конкретизируется через перечень вопросов, имеющих отношения к разным аспектам переживания счастья.

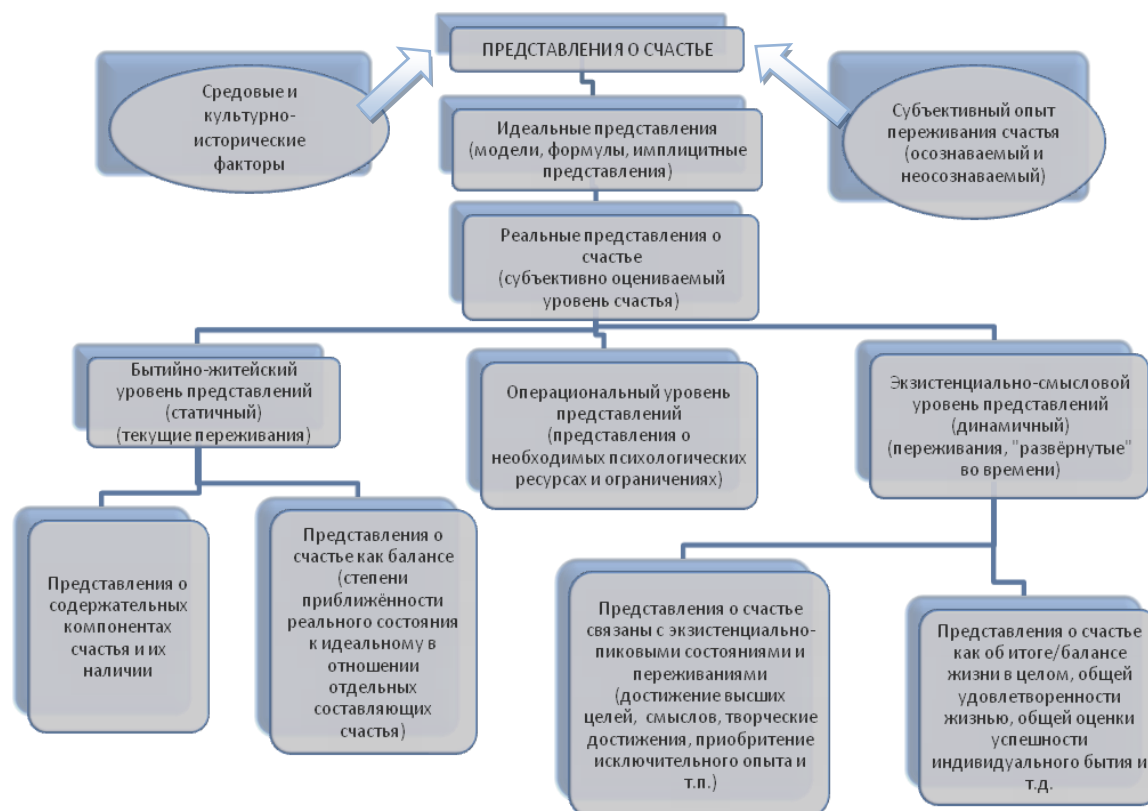

Рис. 1. Концептуальная модель представлений о счастье (сокращенный вариант)

В совокупности по двум методикам можно заключить, что подавляющее большинство молодых людей исследуемой выборки считают себя умеренно счастливыми, их субъективная оценка счастья хоть и варьируется в достаточно широком диапазоне, тем не менее, тяготеет к зоне средних, выше среднего и высоких значений, что, на наш взгляд, вполне логично и соответствует возрастным особенностям рассматриваемого контингента – это молодость, энергичность, открытость, потенциальное обилие перспектив, относительное благополучие существования, отсутствие опыта серьезных жизненных испытаний, возрастной оптимизм и т. д. Вместе с тем, определяется категория молодых людей с низкой субъективной оценкой собственной счастливости, что, несомненно, вызывает тревогу и требует самого серьезного внимания.

По методике ИЖУ (суммарный показатель) мы видим, что в ответах респондентов представлен достаточно широкий диапазон значений (минимальный зарегистрированный балл – 7, максимальный – 38), при преобладании средних значений ($M = 25,3$). Если рассматривать жизненную удовлетворенность по сферам, то мы видим, что в несколько большей степени удовле-

творенность молодым людям приносят такие показатели, как согласованность между поставленными и реально достигнутыми целями ($M = 5,5$) и общий фон настроения ($M = 5,4$), в несколько меньшей степени (средняя степень) удовлетворение приносят такие показатели, как интерес к жизни как противоположность апатии ($M = 4,86$), решительность, целеустремленность, последовательность в достижении жизненных целей ($M = 4,85$) и положительная оценка собственных качеств и поступков ($M = 4,67$).

Аналогичные результаты получены по шкале субъективного благополучия ($M = 5,18$), что соответствует умеренной выраженности данного показателя, т. е. серьезные проблемы у большинства респондентов отсутствуют, но о полном эмоциональном комфорте говорить не приходится.

Таким образом, мы видим, что полная удовлетворенность жизнью и субъективное благополучие у респондентов явно не выражены, по всей видимости, есть ряд жизненных обстоятельств, объективно и субъективно переживаемых трудностей, которые негативно отражаются на состоянии респондентов и мешают им чувствовать себя более позитивно. Относительно вы-

сокие значения по показателям согласованности между поставленными и реально достигнутыми целями и общего фона настроения могут указывать на то, что респонденты не ставят перед собой сложных, труднодостижимых целей, а ограничиваются доступными и относительно легко достижимыми целями, поэтому и не испытывают дискомфорта, но в последующем, когда уровень оценки жизненных достижений перейдет на другой более высокий и требовательный уровень, этого может оказаться недостаточно, и есть вероятность, что данный показатель будет снижаться, а общая неудовлетворенность жизнью нарастать.

По тесту жизнестойкости общий балл по группе находится на границе средних и низких значений ($M = 79,34$). Данный показатель представляет собой систему убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром и включает в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска.

Вовлеченность имеет в среднем по группе весьма низкие значения ($M = 33,88$). Вовлеченность определяется как «убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности». Слабая выраженность данного компонента свидетельствует о том, что респонденты не получают удовольствия от собственной деятельности, у них присутствует чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни. А это, на наш взгляд, прямой путь к развитию кризиса нереализованности.

Показатель контроля выражен на уровне ниже среднего ($M = 28,74$), это указывает на то, что испытуемым присуще некоторое ощущение собственной беспомощности, несамостоятельности в выборе собственной деятельности и жизненного пути. Но в том случае речь может идти либо о снятии с себя ответственности за своё будущее, за свою судьбу, либо о нарастании негатива и протеста в связи с трудностями в самостоятельном определении собственного пути.

По показателю «принятие риска» мы наблюдаем преобладание высоких значений ($M = 17,03$), что может трактоваться как наличие убежденности в том, что все то, что случается с респондентами, способствует их развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, — независимо, позитивного или негативного. В этом случае люди, рассматривающие жизнь как способ приобретения опыта, готовы действовать при отсутствии надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности.

Таким образом, мы видим, что для рассматриваемой группы респондентов определяющим в структуре жизнестойкости является именно фактор принятия риска, а вовлеченность и контроль выражены в гораздо меньшей степени. Можно говорить о том, что молодые люди склонны испытывать себя и жизнь на прочность, готовы к новому, к испытаниям и открытиям, готовы «попробовать» многое, однако сама жизнь, необходимость проявлять собственную активность, ощущение собственной недостаточности, несамостоятельности, присутствие ощущения некоторой беспомощности делают молодых людей напряженными и уязвимыми, и при неблагоприятных обстоятельствах это может способствовать развитию негативных жизненных сценари-

ев, возникновению представлений о собственной несчастьности, неуспешности, нереализованности.

Анализ иррациональных установок по методике А. Эллиса показал, что по ряду показателей на уровне среднegrupповых значений выявляется явное наличие иррациональных установок — это шкалы «катастрофизации» ($M = 26,96$) и «долженствования в отношении себя» ($M = 25,57$). Шкала «катастрофизации» отражает восприятие людьми различных неблагоприятных событий. Низкий балл по этой шкале свидетельствует о том, что испытуемым свойственно оценивать каждое неблагоприятное событие как ужасное и невыносимое, что указывает на наличие выраженного эмоционального реагирования на происходящее. Низкие значения по шкале «долженствование в отношении себя» указывают на наличие чрезмерно высоких требований к себе, склонности к самообвинениям и, следовательно, указывают на наличие недовольства собой.

По другим шкалам данной методики показатели оказываются в зоне средних значений с тенденцией к низким. В эту зону попадают шкалы «долженствование в отношении других» ($M = 31,23$), «оценочная установка» ($M = 33,83$) и «оценка фрустрационной толерантности личности» ($M = 31,63$). Данные результаты могут говорить о том, что в сложных жизненных ситуациях респонденты могут руководствоваться не только рациональными, но и иррациональными установками, предъявлять завышенные требования не только к себе, но и к окружающим, подходить к восприятию других и себя с оценочных позиций. Кроме того, можно отметить сниженный уровень стрессоустойчивости, что указывает на возможность возникновения психологических срывов в сложных, непредвиденных или напряженных ситуациях. Общая оценка степени рациональности мышления по данной методике в исследуемой выборке находится в зоне очень низких значений ($M = 149,3$), что может рассматриваться как выраженный фактор риска и указывает на наличие психологической неподготовленности молодых людей к встрече с жизненными трудностями и проблемами, а также на неустойчивость психоэмоционального состояния респондентов, на их подверженность реагировать на происходящее не столько с позиций логики и анализа, сколько с позиций эмоций.

Шкала экзистенции измеряет экзистенциальную исполненность, как она субъективно ощущается тестируемым. Степень или уровень экзистенциальной исполненности показывает, много ли осмысленного в жизни человека, как часто он живет с внутренним согласием, соответствуют ли его сущности его решения и поступки, может ли он вносить хорошее, как он его понимает, в жизнь. Тест отображает субъективную оценку человеком своей жизни. Интегральный показатель, как и все основные показатели по данной методике, в исследуемой выборке находится в зоне средних значений с тенденцией к низким ($M = 183,08$), что указывает на наличие определенных проблем: молодые люди отмечают у себя наличие признаков закрытости (заикленность на себе и эмоциональная неспособность к диалогу), нерешительности и стесненности (отсутствие ответственной включенности в жизнь).

Анализ шкал данной методики позволил выделить ряд затруднений, с которыми сталкиваются молодые люди и которые, по всей видимости, препятствуют оп-

тимальному и в полной мере осмысленному существованию. Так, средние с тенденцией к низким значения по показателю «самодистанцирование» ($M = 30,9$) говорят о том, что молодые люди далеко не всегда могут совладать со своими желаниями, чувствами и намерениями, не всегда могут трезво и осмысленно взглянуть на происходящее, дистанцироваться от существующих проблем и трудностей, они часто живут на «автомате», «плывут по течению». Аналогичным образом обстоит дело с показателем самотрансценденции ($M = 62,63$), по которому также преобладают средние с тенденцией к низким значения. Это может указывать на наличие у респондентов проявлений эмоциональной уплощенности, однобокости, обедненности и недефиницированности чувств, о недостаточном понимании и осознании ими того, что на самом деле нравится и чего они хотят, но главное, страдает чувство важности и ценности содержания переживания («что оно делает с человеком и что оно для него значит»), возникающие чувства ощущаются как мешающие.

По показателю свободы также преобладают средние с тенденцией к низким значения ($M = 42,25$), что указывает на то, что респонденты испытывают опреде-

ленные трудности в принятии решений, нерешительность, неуверенность в собственных решениях, активные действия предпочитают замещать на пассивные, не исключено возникновение у них фаталистической жизненной установки и, как реакция на ограниченность свободы могут развиваться зависимые формы жизни.

Также обстоит дело с показателем ответственности ($M = 47,31$), т. е. преобладают средние с тенденцией к низким значения, что, в свою очередь, трактуется как недостаточная включенность в жизнь, слабость волевой регуляции, при решении собственных экзистенциальных проблем многие респонденты предпочитают занимать роль зрителя, склонны занимать выжидательную позицию, сдержанны и сторонятся излишней ответственности.

Для более глубокого анализа полученных данных и выявления созависимостей между показателями субъективного переживания счастья, с одной стороны, и остальными показателями, представленными в нашем исследовании, с другой, мы провели корреляционное исследование (по Спирмену), результаты которого представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа (по Спирмену)

Показатели	Уровень счастья (ОНИ)	Уровень счастья (тест Фордайса)
Индекс жизненной удовлетворенности	0,665**	0,688**
Субъективное благополучие	-0,260**	-0,259**
Жизнестойкость	0,662**	0,609**
Самодистанцирование (Шкала экзистенции)	0,287**	0,250**
Самотрансценденция (Шкала экзистенции)	0,545**	0,481**
Свобода (Шкала экзистенции)	0,500**	0,329**
Ответственность (Шкала экзистенции)	0,175*	—
Катастрофизация (Эллис)	0,170*	0,186*
Должестование в отношении других (Эллис)	0,168*	—
Оценочность суждений (Эллис)	0,361**	0,455*
Иррациональные установки (Эллис)	0,254**	0,279**

Примечание: ** – корреляционные связи при $p \leq 0,01$, * – корреляционные связи при $p \leq 0,05$.

Независимо от того, каким образом мы измеряли уровень субъективной оценки счастья, обнаруживаются значимые корреляционные связи практически со всеми рассмотренными показателями. Это достаточно убедительно демонстрирует и доказывает ряд важных моментов, объясняющих природу переживания счастья и возможные его детерминанты у современной молодежи. Так по таблице 1 видно, что переживание счастья тесным образом связано с такими параметрами, как высокий индекс жизненной удовлетворенности и выраженное субъективное благополучие (бытийный уровень представлений о счастье); другими важными параметрами являются жизнестойкость и отсутствие иррациональных установок (операциональный уровень представлений – констатация наличия и/или отсутствия необходимых ресурсов и ограничений); третий блок

взаимосвязей связан с наличием выраженных экзистенциально-смысловых ориентиров (экзистенциально-смысловой уровень представлений). Выявленные корреляционные связи подтверждают функциональную пригодность нашей концептуальной модели представлений о счастье, а также позволяют заметить пути и направления коррекционно-развивающей работы с молодыми людьми, направленной на улучшение их психологического состояния и оптимизацию их функциональных состояний и деятельности.

В заключение необходимо отметить, что в данной работе отражена только часть исследования, направленного на комплексное исследование представлений о счастье с учетом различных факторов: возрастных, гендерных, культурных, этнических, социальных и т. д.

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. М.: Питер, 2003. – 207 с.
2. Джидарьян И. А. Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2013. 268 с.
3. Джидарьян И. А. Представления о счастье в российском менталитете. СПб.: Летейя, 2001. 242 с.
4. Кроник А. А., Ахмеров Р. А. Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2008. 294 с.

5. Селигман Мартин Э. П. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни / пер. с англ. М.: София, 2006. 368 с.
6. Чиксентмихайи Михай. Поток. Психология оптимального переживания [пер. с англ.]. М., 2011. 1122 с.

Информация об авторах:

Петров Вячеслав Григорьевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психодиагностики и практической психологии ПИ Иркутского государственного университета, г. Иркутск, vgpetrof@yandex.ru.

Viacheslav G. Petrov – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Psychodiagnostics and Practical Psychology, Pedagogical Institute, Irkutsk State University.

Ксения Владимировна Злыгостева – магистрант факультета прикладной психологии ПИ Иркутского государственного университета (г. Иркутск), home38_2@mail.ru.

Ksenia V. Zlygosteva – Master's Degree student at the Faculty of Applied Psychology, Pedagogical Institute, Irkutsk State University.

(Научный руководитель – **В. Г. Петров**). (Academic advisor – **V. G. Petrov**).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.9

ОНИОМАНИЯ В СРЕДЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

О. Л. Подлиняев

ONIOMANIA IN THE STUDENT ENVIRONMENT AS THE SOCIAL PROBLEM

O. L. Podlinyayev

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13-06-00018а.

В статье анализируется феномен «ониомания» как социально-психологическая проблема. Названы основные социально-экономические, психологические и валеологические последствия ониомании как аддиктивной формы поведения. Представлены результаты социологического обследования студенческой молодежи, проведенного с целью выявления у них тенденций к ониомании. Подтверждено существование обратной зависимости между стремлением человека к суперпотреблению и наполненностью его жизни смысловыми ориентациями. Охарактеризованы пути профилактики и коррекции названной зависимости у студентов в условиях экзистенциально-ориентированных психологических тренингов. Делается вывод о том, что, чем в большей степени человек ориентирован на самоактуализацию и личностный рост, тем в меньшей степени ему свойственны аддиктивные паттерны поведения.

The paper regards the analysis of the phenomenon of «oniomania» as the social-psychological problem. The basic socio-economical, psychological and valeological consequences of oniomania as the addictive form of behaviour are regarded in this paper. The results of the social investigation of students are presented. The author proves the existence of an inverse relationship between the human desire for super consumption and their life's filling with meaning orientations. The ways of the prophylaxis and correction of students' addiction are characterized in the conditions of existential psychological trainings. It is concluded that the more people are focused on self-actualization and personal growth, the less it is characterized by addictive patterns of behavior.

Ключевые слова: ониомания, склонность к суперпотреблению, смысложизненные ориентации, самоактуализация личности.

Keywords: oniomania, inclination to super consumption, sense living orientations, self actualization.

Одним из видов аддиктивного поведения человека является так называемая ониомания – иррациональное, находящееся за пределами здравого смысла, стремление к суперпотреблению (заметим, что понятие «ониомания» (от греч. *onio* – для продажи и *mania* – безумие) ввёл в науку ещё в конце XIX в. немецкий психиатр Эмиль Крепелин).

По данным отечественных психологов (П. Л. Пономарёв [8], Г. А. Чаусовский [11] и др.), ониомания, как вид аддиктивного поведения по степени патологической зависимости приближающегося к алкоголизму и наркомании, уже сегодня охватила более

20 % населения России, несмотря на то, что средняя зарплата в Российской Федерации в 7 раз ниже, чем средняя зарплата в Евросоюзе. При этом социальные, экономические, психологические и валеологические последствия суперпотребления также сходны с последствиями алкоголизма и наркомании.

Среди основных социально-экономических последствий можно выделить следующие:

- накопление финансовых долгов, увеличение количества кредитов и задолженностей по ним;
- ухудшение финансового положения семьи, приводящее к конфликтам между аддиктом суперпотреб-

ления и членами его семьи, а нередко и к полному разрыву семейных отношений;

- снижение уровня саморегуляции осознанного поведения, падение самоконтроля, утрата «чувства меры»;

- формирование делинквентного поведения у субъектов аддикции в попытке решения финансовых проблем противозаконными, в том числе криминальными методами.

К психологическим последствиям относятся следующие:

- депрессивное состояние, возникающее в случае фрустрации возможностей осуществить покупки или реализовать иные проявления потребительской аддикции;

- деперсонализирующее замещение жизненных смыслов и других экзистенциальных ценностей такими эрзац-заменителями, как иррациональные покупки дорогостоящих вещей, смещение приоритетов на приобретение материального в ущерб духовному;

- разрушение позитивной «Я-концепции», снижение самооценки, повышение уровня самооценочной тревожности в случае признания у себя аддиктом суперпотребления недостаточных волевых качеств, ведущих к невозможности избавиться от своей зависимости.

Валеологические последствия проявляют себя следующим образом:

- появление неврозов, фобий, нарушение сна;

- развитие психосоматических заболеваний, вегетативные нарушения; нарушение работы пищеварительного тракта;

- увлечение антидепрессантами, алкоголем, что усугубляет потребительскую аддикцию формированием других видов зависимостей.

Таким образом, следует признать, что ониомания, как очевидный феномен современного общества, ведёт к появлению не только социальных, психологических, но и широкого спектра иных проблем, в том числе, медицинского характера. В связи с этим данная проблема должна стать предметом разностороннего и глубокого изучения специалистами самого различного профиля: социологами, психологами, педагогами, юристами, медиками и т. д.

Автор настоящей статьи в течение трёх последних лет проводил исследование проблемы ониомании, как вида аддиктивного поведения в среде студенческой молодёжи Восточно-Сибирского региона России [4 – 7]. В исследовании приняли участие студенты старших курсов, обучающиеся в учреждениях высшего профессионального образования городов Иркутска, Ангарска, Братска и Улан-Удэ. В общей сложности объём выборки составил 352 человека, средний возраст респондентов – 20 лет.

Социологические методы исследования, направленные на выявление склонности к суперпотреблению, позволили выделить из общего числа его участников три группы респондентов с различной степенью выраженности стремления к потреблению: группу с высоким уровнем стремления к потреблению, группу с умеренным уровнем и группу с низким и нулевым уровнями. Дифференцирование участников ис-

следования было проведено на основе бесед, интервью, а также специально разработанного опросника, представленного в таблице.

Респонденты, набравшие в ходе ответов на вопросы от 21 до 30 баллов, были включены нами в группу с высоким уровнем стремления к суперпотреблению; их оказалось 79 человек, что составило 22,44 % от общего количества респондентов. Это, в целом, совпадает с вышеприведёнными данными, представленными в работах отечественных психологов [8; 11].

Наиболее многочисленную группу составили респонденты с умеренным уровнем стремления к потреблению, набравшие от 11 до 20 баллов; в неё вошли 228 человек, что составило 64,77 %.

Респонденты с низким уровнем стремления к потреблению, набравшие не более 10 баллов, оказались в меньшинстве – 45 человек или 12,79 %.

Учитывая, что ониомания – это крайне высокий уровень стремления к потреблению, мы допустили предположение, что респонденты, попавшие в первую группу, отличаются признаками, характерными для такой поведенческой зависимости.

Таким образом, количество студентов с признаками ониомании более чем в полтора раза превышает численность респондентов, проявивших низкий уровень стремления к потреблению.

Последующий анализ психологических причин возникновения такого вида поведенческой зависимости у студентов позволил выдвинуть гипотезу о том, что глубинные механизмы суперпотребления определяются недостаточно сформированными экзистенциальными ценностями и адекватными смысло-жизненными ориентациями. По словам В. Франкла: «Сегодня мы имеем дело с фрустрацией не сексуальных потребностей, как во времена Фрейда, а с фрустрацией потребностей экзистенциальных. Сегодня человек уже не столько страдает от чувства неполноценности, как во времена Адлера, сколько от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты – поэтому я говорю об экзистенциальном вакууме» [10].

Для уточнения психологических причин формирования потребительской зависимости в группе студентов с признаками ониомании нами был использован тест POI (Personal Orientation Inventory), разработанный Э. Шостромом на основе концепции самоактуализации А. Маслоу и валидизированный для специфических особенностей российского менталитета А. В. Лазукиным под названием «САМОАЛ» (самоактуализация личности) [3].

№	Утверждение	Никогда	Иногда	Часто
1.	Я хожу в магазины без чёткого желания найти что-либо конкретное	0	1	2
2.	У меня возникает желание купить что-либо без реальной потребности	0	1	2
3.	Без регулярного посещения магазинов у меня возникает апатия	0	1	2
4.	Я захожу в торговые заведения даже если у меня нет денег	0	1	2
5.	Отсутствие возможности что-либо купить вызывает у меня признаки депрессии или плохое настроение	0	1	2
6.	Я смотрю рекламные ролики по телевидению, слежу за рекламой в иных средствах массовой информации	0	1	2
7.	У меня возникает непреодолимое желание что-либо покупать независимо от необходимости и средств	0	1	2
8.	Процесс совершения покупок повышает моё настроение	0	1	2
9.	Я стараюсь покупать самые новые модели гаджетов (смартфонов, айфонов)	0	1	2
10.	Я беру кредиты для покупки товаров, без которых можно было бы обойтись	0	1	2
11.	Мне нравится тратить деньги в процессе совершения покупок	0	1	2
12.	Мне приятно внимание и уважительное обращение, проявляемое ко мне со стороны продавцов в момент выбора приобретаемых товаров	0	1	2
13.	Мне приносят удовлетворение обращённые на меня заинтересованные (и даже завистливые) взгляды других покупателей в тот момент, когда я делаю дорогую и престижную покупку	0	1	2
14.	Когда я прихожу в магазин то делаю спонтанные (незапланированные) покупки	0	1	2
15.	Приобретение дорогих товаров повышает моё самоуважение и мою самооценку	0	1	2

Анализ результатов диагностики, проведенный с помощью указанного теста, выявил обратную зависимость между уровнем самоактуализации и стремлением к суперпотреблению. Общий уровень самоактуализации у респондентов группы с высоким уровнем стремления к суперпотреблению оказался значительно ниже средних показателей. Особо низкие показатели в данной группе были выявлены по шкале «аутоэмпатия» (характеризующей самопонимание и сензитивность личности по отношению к собственному внутреннему миру); по шкале «ценности» (определяющей насколько респондент принимает ценности самоактуализации, к числу которых относятся ответственная свобода, творчество, аутентичность, бытийная мотивация); по шкале «креативность» (показывающей уровень стремления человека к творчеству).

Полученные результаты позволяют предположить, что для коррекции зависимых форм поведения, в психологической природе которых лежат экзистенциальные проблемы, необходимо использовать методы, разработанные в пространстве экзистенциальной психологии и психотерапии.

Для проведения работы, направленной на профилактику и коррекцию зависимости от суперпотребления нами на добровольной основе была сформирована группа студентов в количестве четырнадцати человек. Все студенты, входившие в данную группу, проявляли высокий уровень стремления к потреблению.

В коррекционной работе с зависимыми студентами нами использовалась групповая фасилитация, основанная на личностно-центрированном подходе К. Р. Роджерса

и осуществляемая в энкаунтер-группах (от англ. *encounter-group* – группа встречи). Отметим, что в личностно-центрированном подходе понятием «встреча» обозначают не только встречу психолога-фасилитатора (от англ. *to facilitate* – помогать, способствовать) и участников групповой терапии, но и встречу между самими членами группы на аутентичном, нероловом уровне.

Концепция фасилитации в энкаунтер-группах позволяла не только отойти от моносубъектной директивной стратегии психологического консультирования и терапевтической работы, но и активизировать процесс личностного роста и самоактуализации каждого участника «встречи». Специфика энкаунтер-групп позволила использовать такие интерактивные методы, как групповые и индивидуальные тренинги личностного роста, эмпатии и коммуникативности; тренинги по экзистенциальной рефлексии; тренинги, включающие элементы индирективной психотерапевтической поддержки (построенные на основе арт-терапии) и т. д.

Практика показала, что полноценное фасилитирующее воздействие на участников «группы-встречи» начинается после того, как развитие самой группы пройдет через ряд стадий, что в целом совпадает с динамикой становления энкаунтер-групп, описанной К. Р. Роджерсом [9]. Рассмотрим подробнее выявленные стадии.

1. Стадия вхождения в стандартные взаимоотношения. Студенты к началу работы в режиме «встречи», как правило, уже знают друг друга (на уровне имен, кратких сведений и т. д.) и имеют опыт, как минимум, стандартно-делового общения между собой. Начало

работы в режиме энкаунтер-группы почти во всех случаях характеризовалось стремлением ее членов к воспроизведению сложившихся ранее коммуникативных взаимоотношений.

2. Стадия сопротивления личностному самораскрытию и саморефлексии. На этой стадии фасилитатор (функции которого выполнялись психологом), используя тренинговые формы работы, предоставлял членам группы возможность перейти на более глубокие неформальные уровни взаимоотношений, способствующих личностному самораскрытию и экзистенциальной рефлексии. В качестве тренинга по экзистенциальной рефлексии использовалась методика Д. Бюджентала «SELF-AND-WORLD-CONSTRUCT SYSTEM» («Исследуйте Вашу систему понятий «Я–И–МИР») [2]. Однако большинство студентов оказывали внутреннее сопротивление таким изменениям, стремясь к сохранению сложившихся отношений, отвечающих общепринятым социальным ожиданиям. В конечном итоге, в группе возникало напряжение, вызванное противоречием между предлагаемыми индирективными формами личностного взаимодействия, требующими рефлексии и выхода на диалогический стиль общения и опасением нарушить привычные коммуникативные традиции. Данное противоречие выводило энкаунтер-группу на следующую стадию развития.

3. Стадия кризиса межличностных отношений. Напряжение в энкаунтер-группе сопровождалось появлением выраженных эмоциональных реакций, в основном негативного характера. По всей видимости, это было связано с кризисом у студентов устоявшихся ригидных представлений о жизненных смыслах и ценностях. Здесь, как правило, происходило деление членов группы на тех, кто продолжал удерживаться в пространстве формально-ролевого общения, произвольно или непроизвольно блокируя свое аутентичное самопредъявление и тех, кто «решился» на личностное самораскрытие, позволяющее строить диалогические взаимоотношения как между членами группы, так и между группой и фасилитатором. Основная задача фасилитатора на этой стадии заключалась в поддержке проявлений самопринятия, самораскрытия и саморефлексии участников тренинга и одновременном безоценочно-эмпатическом отношении к возможным негативным проявлениям в энкаунтер-группе. При этом фасилитатору было необходимо акцентировать внимание студентов на их собственных эмоциональных переживаниях, как позитивного так и негативного характера (что обеспечивалось при помощи тренингов на саморефлексию и самооценку).

4. Стадия реорганизации смысловых отношений, жизненных смыслов и ценностей. Ее начало характеризовалось заметным увеличением числа студентов, ориентированных на самораскрытие, экзистенциальную рефлексию и диалогические отношения. В

энкаунтер-группе началось развитие атмосферы взаимодоверия и взаимоподдержки. Намечился постепенный переход функций фасилитатора от психолога к группе, в частности, группа начала более эффективно разрешать межличностные противоречия и конфликты, являющиеся последствием предыдущей стадии, а также активно производить переоценку мотивационной сферы и поведения. На этой же стадии активно использовались тренинги личностного роста и самоактуализации.

В результате проведенной коррекционной работы большинство участников энкаунтер-группы преодолели существовавшую у них зависимость. Одиннадцать человек (78,57 % от всех участников) отметили в итоговом анкетировании, что им удалось полностью отказаться от иррационального потребления; при совершении покупок они стали руководствоваться принципами необходимой достаточности, научились планировать свои финансовые расходы путем составления списка предметов первоочередной потребности и соотнесения расходов с имеющимся доходом. Еще три участника тренингов вынуждены были признать, что в полной мере им не удалось преодолеть стремление к суперпотреблению, но, тем не менее, они стали значительно реже делать ненужные покупки и в целом научились использовать приемы нейтрализации бесконтрольных и бессмысленных приобретений.

Наше исследование подтвердило существование обратной зависимости между стремлением человека к суперпотреблению и наполненностью его жизни смысловыми ориентациями: чем в меньшей степени жизнь наполнена смыслом, тем в большей степени проявляется склонность к зависимым формам поведения, в том числе и к иррациональному потреблению как к попытке заполнить смысловой вакуум. Чем в большей степени человек ориентирован на самоактуализацию и личностный рост, тем в меньшей степени ему свойственны аддиктивные паттерны поведения. Именно поэтому любое тоталитарное государство, не заинтересованное в существовании самоактуализирующихся и свободных людей, стремится не выпускать своих граждан за пределы реализации примитивных потребностей, насаждает идеологию потребления, заполняет подконтрольные средства массовой информации агрессивной рекламой, формирующей культ потребительской и «гламурной» жизни.

Безусловно, делать какие-либо серьезные выводы на основе работы с небольшой группой студенческой молодежи было бы некорректно. Но очевидным является то, что такие направления психологической работы как помощь человеку в поиске и нахождении истинных жизненных смыслов, экзистенциальных ценностей, фасилитация процесса его личностного роста и самоактуализации должны стать приоритетным для психологической науки и практики.

Литература

1. Братченко С. Л. Диагностика личностно-развивающего потенциала: методическое пособие для школьных психологов. Псков, 1997. 68 с.
2. Бюджентал Дж. Искусство психотерапевта. СПб.: Питер, 2001. 304 с.
3. Маслоу А. Психология бытия [пер. с англ.]. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер. 1997. 304 с.
4. Подлинцев О. Л. Анализ феномена «суперпотребление» с позиции различных психологических теорий // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии образования. (Серия: Педагогические науки). Иркутск: ВСГАО, 2013. Вып. 18. С. 40 – 47.

5. Подлиняев О. Л. Анализ психологических детерминант феномена «суперпотребление» и специфики его проявления у студенческой молодежи (на примере Иркутской области и республики Бурятия) // «Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири № 2(14). 2014. Июнь. Режим доступа: <http://md.islu.ru/>
6. Подлиняев О. Л. Феномен обратной зависимости между стремлением к суперпотреблению и личностной самоактуализацией у современной молодежи // Гуманитарные и социальные проблемы развития регионов Сибири: материалы XXIII Межвузовской научной конференции. Братск: Изд-во БрГУ, 2014. С. 24 – 26.
7. Подлиняев О. Л. Суперпотребление как вид зависимого поведения и его психологическая коррекция у студенческой молодежи // Materiały XI Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji: Strategiczne pytania światowej nauki, 07 – 15 lutego 2015 roku. – Vol. 14. Psychologia i socjologia. Politologija: Przemysł. Nauka i studia. С. 6 – 11.
8. Пономарёв П. Л. Психология человека в условиях экономического кризиса. Режим доступа: <http://www.pavelp.ru/index.php/2011-08-12-09-07-46/2011-08-12-09-09-46/206-2012-12-24-10-21-33> (дата обращения: 27.04.2015).
9. Роджерс К. Р. Клиентоцентрированная терапия [пер. с англ.]. М.: Рефел-бук, Киев: Ваклер, 1997. 320 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник [пер. с англ. и нем.]; общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
11. Чаусовский Г. А. Новая психотехнология нейтрализации «навязчивой магазинной зависимости» (ониомании, шопингомании) // Medlinks.ru. 09.02.2009. Режим доступа: <http://www.medlinks.ru/article.php?sid=35207&query=%CA%F3%EA%EA> (дата обращения: 27.04.2015).

Информация об авторе:

Подлиняев Олег Леонидович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Иркутского государственного университета, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, podlinyaev@inbox.ru.

Oleg L. Podlinyaev – Doctor of Pedagogics, Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor at the Department of Pedagogy, Irkutsk State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.9

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Н. Н. Помуран

INTERCULTURAL COMPETENCE OF RUSSIAN OLD-BELIEVERS

N. N. Pomuran

В статье на примере русских старообрядцев рассматриваются структурные и содержательные характеристики межкультурной компетентности. Межкультурная компетентность представлена как интеграционное качество личности, состоящее из пяти параметров: психофизиологические свойства, направленность, способности, коммуникативные качества и самооценка. В результате в статье раскрываются специфические характеристики межкультурной компетентности русских старообрядцев, проявляющиеся в сочетании строгой приверженности своим мировоззренческим установкам и уважения самобытности других этносов, сформированной в результате вынужденного позитивного межэтнического взаимодействия.

With the example of Russian Old-believers the structural and tenor characteristics of intercultural competence are considered. Intercultural competence is stated as the integration personal quality that consists of five parameters of an individual: psychophysiological constructs, orientation, skills, communicative skills and self-assessment. The paper results in revealing the specific characteristics of Russian Old-believers' intercultural competence, that is, the combination of strict adherence to own attitudes and consideration of distinctive characteristics of other ethnic groups. Intercultural competence of Russian Old-believers was a result of constrained intercultural interaction.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, межкультурно-коммуникативная модель, направленность, способности, коммуникативные качества, самооценка.

Keywords: intercultural competence, intercultural communicative model, orientation, skills, communicative skills, self-assessment.

Проблема межличностного, межгруппового взаимодействия представителей различных этнических групп может обсуждаться в двух аспектах: взаимодействие представителей этнических групп в поликультурном пространстве страны, с одной стороны, и

межнациональные контакты представителей различных наций и стран – с другой.

Обращение к истории русских старообрядцев дает нам богатый опыт межкультурного взаимодействия. Старообрядческие поселения можно найти в нескольких странах: Румынии, Турции, Польше, Монголии,

США, Австралии, Южной Америке (Бразилии и Уругвае), Канаде [10, с. 9]. На территории России старообрядцы также соседствовали с бурятами, якутами, алтайцами, казахами, мордвой, украинцами, белорусами.

В литературе встречается мнение о том, что старообрядческие общины жили в абсолютной изоляции от местного населения, в иных случаях специально для контактов с внешним миром избирался конкретный человек [1, с. 96]. Однако факт взаимодействия с местным населением подтверждается многими исследователями старообрядческого движения, такими как Ф. Ф. Болонев, Ё. Накамура, Р. Моррис.

В то же время нельзя отрицать, что контакты староверов с местным населением, в основном, касались хозяйственной и товарно-экономической сфер, т. е. имели ограниченный характер. Личные и дружественные, а также близкие соседские отношения старообрядцы устанавливали неохотно, при этом соблюдали достаточную дистанцию, чтобы не создать угрозы своей религиозной идентичности: «А белорусы, украинцы, вот Черножка, там оне селились. Оне не то вражда, вражды не было такой. Оне, оне как говорится... люди, ну, с-с свои з наречие, свой язык, свои понятия» (Свинкина У. И., с. Заган) [2, с. 3].

Первоначально, страдая от малоземелья, староверы захватывали земли у местного населения, «порой не останавливались ни перед чем. Присмотрев понравившийся им участок, они вытесняли оттуда алтайцев такими средствами, как поджоги, разрушение посевов, отравление или угон их скота, опаживание и обсеивание юрт, даже избивание» [5, с. 192]. Таким образом, старообрядчество дает нам богатейший пример межэтнического взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности и весьма разнообразного по характеру: от конфликтного до мирного сотрудничества.

Изучая феномен межкультурной компетентности, А. Д. Карнышев рассматривает МК как интеграционное качество личности, состоящее из пяти параметров: психофизиологические свойства, направленность, способности, коммуникативные качества и самооценка. Опираясь на межкультурно-коммуникативную модель, проанализируем специфику межкультурной компетентности старообрядцев.

Многочисленные исследования социальных психологов доказывают что, внешность личности оказывает влияние на восприятие данной личности окружающими. Известно, что людей с привлекательной внешностью чаще наделяют положительными чертами характера, более высокими умственными способностями, с ними охотнее взаимодействуют и в большей степени доверяют. Преимущество в росте и силе помогает закрепить социально обусловленную власть над окружающими.

Современные исследователи староверов и очевидцы, такие как, Н. Н. Бурлаков, Г. М. Осокин, А. Е. Розен, Н. Ф. Высоцкий, И. М. Золотарева, Ф. Ф. Болонев, отмечают у староверов исконные славянские физические данные: высокий рост, внешнюю красоту, утонченные черты лица. Так, М. И. Орфанов, побывавший у старообрядцев Забайкалья, писал: «Мало того, что красивых между ними очень много, они к тому же

весьма крупный, сильный народ... Старики же бывают такие красивые, сановитые, что прямо просятся на полотно. Они могли бы послужить натурщиками для библейских сюжетов» [7, с. 41, 42, 44]. К привлекательной славянской внешности добавлялись выносливость, физическая сила и здоровье. Все это не могло не вызывать уважения и восхищения у окружающих, в том числе у представителей других этнических групп. Значительное превосходство в физической силе староверов служило серьезной заявкой на победу в случае конфликтного столкновения, что также не могли не осознавать и не принимать во внимание соседи. Сами потомки староверов и по сей день в качестве одной из своих отличительных черт отмечают «боевитость», умение защитить и постоять за себя [4].

Хорошее здоровье и выносливость достигались благодаря особой заботе о здоровом образе жизни. В семьях и общинах строго запрещались винопитие и табакокурение. Заботились и о здоровье потомства, поэтому к заключению браков относились очень внимательно. Браки заключались преимущественно в своей среде, со своими единоверцами. Так, генетический анализ крови, проведенный в наше время у 136 староверов, проживающих на северо-востоке Польши, свидетельствует об определенной степени генетической изоляции старообрядцев [11]. Однако при этом строго запрещалось кровосмешение, с этой целью перед заключением браков тщательно проверялось наличие родства до седьмого колена. У старообрядцев были зафиксированы случаи заключения браков как с русскими «никонианцами», так и с японцами, перекрещенными алтайцами, мигрантами-украинцами [1, с. 96]. И, судя по всему, здесь этническая принадлежность не имела значения.

Что касается направленности личности в структуре межкультурной компетентности, она раскрывается через общие мировоззренческие позиции по отношению к представителям других этнических общностей, а также мотивы, установки и стереотипы, отражающие отношение к лицам других национальностей.

Как известно, мир старовера делился на две части «свои» и «чужие». Граница этого деления была очень четкой: «свои» – это сторонники старой веры, все остальные, независимо от этнической принадлежности, – «чужие». Поэтому для старовера не существовало принципиальной разницы между русскими нововерами «никонианцами», бурятами, эвенками, поляками – все они принадлежали к миру «антихриста». Некоторые исследователи отмечают, что «чужой» для старовера вовсе не означал «плохой», а скорее всего «другой» [3]. Мы склонны считать что, отношение старовера к тем, кто находился «по ту сторону раскола», вряд ли можно охарактеризовать в нейтральных терминах. С одной стороны, староверы не испытывали открытой ненависти или вражды, с другой стороны, нельзя отрицать проявление феномена внутригруппового фаворитизма в их среде. Последнее побуждает нас обратиться к доказательствам, изложенным А. Новоселовым, воспринятым им при посещении различных старообрядческих «учреждений», от молельни до монастыря. «Надо было слышать все то, что говорилось о «поганных никонианцах» и «слугах антихриста». Такую ненависть, ничем нескрашенную непри-

творную ненависть, трудно себе и представить. Но этого требует буква, догмат и личность поморца неизбежно двойся. Сейчас же после собора, метавшего грома и молнии, к любому из этих старцев приходи «поганый никонианец» и он будет принят со всем радушием русского человека. Это было и со мной... Когда по приезде в монастырь, один из спутников представлял меня монахиням, то сказал: «он не христианин, но, кажется, не дурной человек», и «матушки», поклонившись в пояс, повели меня по всем уголкам, угощали хорошим обедом, вообще были любезны и предупредительны» [8, с. 400].

Все это приводит нас к выводу о том, что «чужой мир» для старовера был, прежде всего, недопустимым, неприемлемым и запретным. Осторожность и подозрительность, часто принимаемая за враждебность, проявлялись как защитная реакция на религиозную идентичность. Сами же старообрядцы никогда и никого не убеждали в своих взглядах, не заставляли жить по «своим» правилам. Известный исследователь старообрядческих общин в Канаде пишет: «староверы не стремятся обращать в свою веру новых людей, и в отличие от различных религиозных сект не пропагандируют свою веру, не занимаются миссионерской деятельностью» [12, с. 61].

Религиозные установки староверов запрещали принимать пищу за одним столом и из одной посуды с «чужими». Смысл подобного поведения порой ставил в тупик и был оскорбительным, но в большей степени для русского никонианского населения, т. к. они не могли понять и объяснить разницу религиозных воззрений «старой» и «новой» веры. Коренное население имело иные религиозные верования и осознавало, что данный запрет был продиктован не соображениями гигиены, а религиозными различиями. В своих записях православные миссионеры Алтая отмечали, что староверы не едят вместе с алтайцами, «считая все ихнее нечистым, но нечистым не в отношении нечистоплотности и неопрятности их, а в отношении религиозного состояния их как язычников» [5, с. 192].

Наличие у староверов обычаев гостеприимства еще раз доказывает, что смысл запрета принимать пищу из одной посуды и за одним столом с иноверцами заключался в проявлении защиты своей религиозной идентичности. Обычай требовал накормить любого, кто заходил в дом старовера, об этом свидетельствуют записи экспедиции к староверам Амура: «Раньше был такой обычай, кто зашел в избу, без чая никого не отпускали, всё» (Зайцев Н. Е., с. Новоандреевка) [2].

Ярким примером проявления мотивов, установок и стереотипов, отражающих стремление взаимодействовать с лицами других национальностей, приводит Н. Г. Архипова. Анализируя исход староверов из Амурского края в Китай, автор отмечает, что в ответ на воровство скота и урожая местными жителями староверы не шли на открытый конфликт, предпочитая не отвечать на незаконные действия [3]. В данном случае, внешне соглашаясь с претензией на превалирование со стороны доминирующего этноса, следуя его определенным установлениям и требованиям, внутренне зависимый этнос сохраняет негативное от-

ношение к давлению, стремится не утратить своеобразие своих традиций и обычаев, остаться «самим в себе». Старообрядцы проявляли конформность по отношению к доминирующему этносу в силу различных причин. Во-первых, переезжая в другую страну, необходимо было время, чтобы «присмотреться», познать национально-психологические особенности доминирующего этноса. Во-вторых, старообрядцы не рассматривали представителей национальностей страны, в которую переселялись, в качестве членов значимой референтной группы и не желали ассимиляции, но в то же время боялись дискриминации. В данной ситуации конформизм помогал хорошо приспособиться к новым обстоятельствам, выжить и сохранить свои традиции.

Если же существовала прямая угроза жизни, староверы не примирялись и шли на открытый конфликт. Так, местность, куда переселились старообрядцы из Дальнего востока в Китай, контролировалась китайскими разбойниками (хунхузами). Местное коренное население боялось разбойников, и достойный отпор смогли им дать только старообрядцы [1, с. 95].

Мировоззренческие позиции, основанные на делении мира на «свой» и «чужой» стали основой отношения к окружающим. В стойкой приверженности жизненным принципам староверов усматривают упрямство, ригидность и излишнюю самоуверенность. С этим утверждением трудно не согласиться, однако, такая стойкая убежденность не может не вызывать уважение, т. к. благодаря этому старообрядцы сохранили свою самобытность, исконно русские традиции и старину. Кроме того, нужно признать, что практическая сторона жизни старовера, невозможность обойтись без торгово-экономического и хозяйственного сотрудничества с соседями со временем заставили проявить гибкость, терпимость и уважение по отношению к местному населению. Исследователь старообрядцев Алтая Р. П. Кучуганова отмечает, что староверы Уймона, хотя и жили преимущественно «своими порядками», все же с уважением относились к традициям алтайцев [6, с. 85].

Формирование и проявление межкультурной компетентности личности связаны со знаниями, навыками и умениями. Староверы были известны своими аграрными знаниями и хозяйственными умениями. В неблагоприятных для земледелия климатических условиях Сибири, Дальнего Востока им удавалось вводить в хозяйственный оборот новые нетронутые, порой малопродуктивные угодья, выращивать все необходимые зерновые и получать хорошие урожаи. Возделываемые староверами поля отличались плодородием даже по сравнению с полями крестьян «никонианцев», традиционным занятием которых также считалось земледелие. Губернатор Восточной Сибири в начале XIX в. свидетельствовал об этом так: «Они и камень сделали плодородным» [4, с. 210]. Благодаря аграрным знаниям и способностям старообрядцы снижали себе славу умелых земледельцев у местного населения. Такой имидж играл важную роль в бытовых и хозяйственных контактах с местным населением.

Слава старовера как умелого земледельца позволяла устанавливать торгово-экономические и хозяйственные контакты с местным населением. Переселя-

ясь в Сибирь, старoverы внедряли культуру земледелия, а т. к. земли им не принадлежали, её приходилось арендовать у местного населения – бурят. Буряты занимались преимущественной скотоводством, однако у них также была потребность в хлебе, поэтому за аренду земли старoverы рассчитывались зерном. В свою очередь, семейские высоко ценили животноводческие способности бурят и часто нанимали их для выпаса своего скота, покупали или обменивали у них мясо и шерсть.

«– Дружно жили с бурятами? (Собир.)

– Ну, конечно, дружно. А че ж, сеяли на Тугнуе. Они к нам ездили, мы их чаем поили. Ночевали у нас ешшо. Раньше буряты на Тугнуе были, Бадашка был и Шапташка. Шапташка – батька.

– Двое, что ли? (Н. Г. Кушнарева, дочь информанта).

– Ну дак я говорю, к нам-то ездили, я про тоих-то говорю. К нам ездили Бадашка и Шапташка» [9, с. 272].

Постепенно общение с коренным населением перерастало в дружественные контакты. Буряты приезжали за угощением во время православных праздников. «И вот когда Пасха была, вот мама рассказывала, оне в своих красивых халатах, шапочки с кисточками, говорит, приезжали к нам. Такие красивые, говорит, на Пасху. Праздник когда был. Вот всё, говорит, делаем. Они на Пасху приезжают» [9, с. 273]. В этом эпизоде обращает на себя внимание тот факт, что буряты тщательно готовились к подобным визитам, выбирая самую красивую праздничную одежду, проявляли уважение к обычаям и традициям старoverов. Подобный пример взаимовыгодного сотрудничества в хозяйственных вопросах находим и у старообрядцев Алтая с казахами.

Способность учиться, замечать опыт местного и коренного населения также помогали быстрой адаптации в разных условиях. Так, у китайцев старoverы Маньчжурии научились выращивать сузу (маслянистое растение) и мак. Перенимали и опыт использования нетрадиционной китайской медицины, например, научились варить панты, использовать женьшень [5].

Немаловажную роль в развитии межкультурной компетентности играет самооценка личности. Многие исследователи отмечают проявление высокомерного отношения к другим со стороны старoverов: «тон в этих отношениях, безусловно, задавали старообрядцы – исходя из своих представлений о том, каковы должны быть эти взаимоотношения (характер, степень приближения и т. д.), никогда не заботясь о том, устраивают ли они другую сторону, не стараясь под нее подстраиваться. Такой подход мог вызывать у оппонентов раздражение и недовольство, но они были вынуждены терпеть и подчиняться, поскольку старообрядцы умели отстоять свои принципы. Вместе с тем, в некоторых случаях они могли сделать какие-то шаги навстречу своим оппонентам, не поступаясь при этом своей самобытностью» [5, с. 195]. Представители некоторых этносов испытывали робость по отношению к старообрядцам. В подобных случаях эти взаимоотношения вряд ли можно назвать равными.

Мы уже не раз отмечали, что осторожность и подозрительность старoverов ко всему окружающему

зачастую принимались за высокомерие и гордость. Мы не склонны целиком отрицать проявление высокомерия со стороны старoverов к окружающим. И все же в защиту старообрядцев можно привести некоторые доводы. Во-первых, высокая этническая самооценка старoverа формировалась на фоне взаимодействия с враждебным окружением и защиты от него. В этих условиях старoverы выработали модели защитного поведения, выражавшегося в сохранении дистанции, проявлении осторожности, а порой и подозрительности. Во-вторых, высокая самооценка старoverов не была беспочвенной. Стойкая убежденность в правильности жизненных принципов и религиозных верованиях со временем только крепла, т. к. на протяжении нескольких веков истории старообрядчества принципы жизнедеятельности были доказаны жизненной практикой. Более того они до сих пор продолжают быть основой для потомков и привлекать последователей.

Факты заимствования из быта и хозяйственного опыта других народов, ранее описанные нами, доказывают то, что старoverы с уважением относились к профессиональным знаниям и хозяйственному опыту своих соседей.

Старообрядцы, будучи деловыми, трудолюбивыми людьми, ценили данные качества и у представителей местного населения. Добросовестным работникам, независимо от национальности и вероисповедания, хорошо оплачивали за труд, могли также наградить и землей. В литературе описывается, как старoverы Алтая подарили на свадьбу избу с необходимой утварью и скот кумандинцу, проработавшему у них несколько лет [5]. Подобные поступки свидетельствуют о проявлении уважения и равноправия к представителям других этнических сообществ.

Межкультурная компетентность напрямую связана с коммуникативными качествами личности. Поэтому, анализируя межкультурную компетентность личности, важно рассмотреть общие коммуникативные качества старoverа и характер взаимоотношений в своей мононациональной среде.

Религия старoverов определяла допустимые и запрещенные формы речевого поведения. В своей среде старообрядцы ценили такие качества личности как сдержанность, умение говорить по существу дела. Неоспоримым свидетельством тому служат неодобрительные отрицательные высказывания в адрес многословных, крикливых, их называли «ботало», «зуда», «брякало», «пейка», «самопрядка», «шалоболка», «брехуша», «тряпалка». Но любили и тех, кто «не лез в карман за словом», умел вовремя включить в разговор острую фразу, мог дать собеседнику емкое и «разящее наповал» прозвище. Существовал строгий запрет и на ругательства, а тем более на нецензурную брань.

Взаимоотношения строились на основе взаимного уважения и с учетом возрастных особенностей и пола. «Слово старшего – закон» – к этой истине старoverы привыкали с самого раннего детства. Соответственно строились и конкретные обращения и обхождения. Общение в близких по возрасту и статусу группах (особенно среди молодежи) было весьма демократич-

ным, равноправным, взаимозаинтересованным и не-принужденным.

Таким образом, у старовера формировалось позитивное, уважительное отношение к представителям своей общности, что положительно влияло на формирование межкультурной компетентности.

Известны также, что староверы знали языки коренного населения: «Я помню, бабушка Власиха побурятски хорошо говорила. Напаяет хлеб, булок, сложит в сумку, на коня наперевес сядет, на коня верхом, и, говорит, шерсть менять. Но и меняет. Наменяет шерсть, привезет оттуда» [9, с. 275].

Итак, суровые условия выживания, непризнание со стороны официальных властей, вынуждали старо-

обрядцев обращаться за помощью к представителям коренного населения, соседствующим с ними. Такое позитивное межэтническое взаимодействие заставляло проявлять гибкость, терпимость и уважение к представителям других национальностей, при этом, старообрядцы не поступались своими установками, традициями и верованиями, не подчинялись только прагматическим или практическим задачам. Положительные аспекты механизмов формирования межкультурной компетентности старообрядцев могут быть использованы и в настоящее время. Но для этого необходимо убедиться в возможности их применения в современных условиях.

Литература

1. Аргудяева Ю. В. Русские крестьяне в Маньчжурии // Известия Восточного института. 2010. Вып. 16. С. 89 – 103.
2. Архипова Н. Г. Оппозиция «свой – чужой» как категория осознания мира амурскими старообрядцами // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. Вып. 7. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-svoy-chuzhoy-kak-kategoriya-osoznaniya-mira-amurskimi-starobryadtsami>.
3. Архипова Н. Г. Тема исхода в Китай в рассказах старообрядцев (семейских) амурской области // Слово: фольклор.-диалектол. альм. Благовещенск, 2010. Вып. 8. Спец.: Русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе: материалы науч. экспедиций. С. 37 – 39.
4. Винокуров М. А., Карнышев А. Д. Введение в экономическую этнопсихологию. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 304 с.
5. Куприянова И. В. Старообрядцы Алтая в системе этнокультурных связей // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2(39). С. 191 – 196.
6. Кучуганова Р. П. Русские в Уймонской долине // Горный Алтай: система жизнеобеспечения русского населения (историко-культурологический аспект). Горно-Алтайск, 2008. 149 с.
7. Мишля. (Орфанов М. И.) В дали. Из прошлого. Рассказы о вольной и невольной жизни. М., 1883.
8. Новоселов А. У старообрядцев Алтая // Новоселов А. Беловодье. Иркутск: Вост.-сиб. кн. изд-во, 1981. С. 381 – 406.
9. Тихонова Е. Л. Народные рассказы старообрядцев Бурятии о хозяйственных взаимоотношениях семейских и бурят // Вестник бурятского государственного университета. 2009. Вып. 10. С. 270 – 276.
10. Morris R. A. The Old Believers: The Survival of a religious and Cultural Heritage // The Journal of the Slavic and East European Folklore Association. Vol. VI. № 2. 2001. P. 5 – 10.
11. Pepinska W. et al. Genetic data on 15 STRs in a population sample of religious minority of Old Believers residing in the northeastern Poland // Forensic Science International. 2005. № 148. P. 61 – 63.
12. Scheffel D. In the shadow of Antichrist: The Old Believers of Alberta. Peterborough; Lewiston: Broadview press, 1991. 252 p.

Информация об авторе:

Помуран Наталья Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы факультета социальной работы и клинической психологии Новосибирского государственного медицинского университета, romnatnik@mail.ru.

Natalia N. Pomuran – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Theory and Technology of Social Work, Faculty of Social Work and Clinical Psychology, Novosibirsk State Medical University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ И ДИНАМИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Д. Н. Разорина

THE PROBLEM OF THE STRUCTURE AND DYNAMICS OF IDENTITY IN MODERN FOREIGN SOCIAL PSYCHOLOGY

D. N. Razorina

В статье рассматриваются современные зарубежные модели идентичности, согласно которым идентичность представляет собой многомерную систему, содержание элементов которой систематизировано, а место элемента в общей идентификационной структуре личности зависит от его эмоциональной и ценностной оценки субъектом. Подчеркивается, что развитие идентичности определяется как общепсихологическими, так и специфическими для идентичности процессами. Также оно может быть мотивировано стремлением человека понизить уровень переживаемого дискомфорта или повысить собственное психологическое благополучие. Утверждается, что модель идентичности, в которой были бы четко определены структура и динамика идентичности, а также их взаимосвязь, на данный момент не разработана и может быть лишь составлена из фрагментов других концепций.

Identity is a multidimensional system, its content is systematized and consists of elements of three types: personal, role and social identities. Element place in the overall structure depends on its emotional and value assessment by the subject. The formation and development of identity is determined by psychological and specific identity processes. It can also be motivated by the person's desire to lower the level of experienced discomfort or to improve his or her own psychological well-being. The model of identity, which clearly defines the structure and dynamics of identity and their correlation, is not currently developed and can only be made up of fragments of other concepts.

Ключевые слова: идентичность, Я-концепция, типы идентичности, иерархия идентичностей, сложность социальной идентичности, движущие силы идентичности.

Keywords: identity, self-concept, basis of identity, hierarchy of identities, social identity complexity, identity motives.

Понятие идентичности объединяет явления, за каждым из которых стоит свое определение феномена, теоретический подход и исследовательская традиция. Такая разнородность исследований имеет как плюсы, так и минусы. С одной стороны, выделение в идентичности разных аспектов позволяет описать ее более тщательно и полно, с другой стороны, интеграция результатов, полученных в рамках разных подходов, практически не происходит, что затрудняет дальнейшие исследования в данной области. Изолированность друг от друга понятийных систем разных традиций изучения отражается в проблемах структуры и динамики идентичности, на анализе которых мы сосредоточимся в настоящей работе.

Различные определения и масштаб понятия идентичности

Характеристика, объединяющая разные представления об идентичности, – ощущение тождества самому себе и переживание собственной непрерывности во времени. Специфические условия и масштаб, в котором переживается эта тождественность, отражены в основных теоретических подходах к феномену идентичности и методологических традициях его изучения. Их условно можно разделить на два подхода: один из них рассматривает идентичность как центральное образование личности, а другой – как один из элементов Я-концепции.

(1) *Идентичность как центральное образование личности, особая структура, интегрирующая разнообразные и разнопорядковые качества человека.* Это самый крупный масштаб, в пределах которого человек может переживать ощущение собственного постоянства на протяжении всей жизни от начала и до конца. Та-

кое понимание характерно для самой первой и наследовавшей принципы эго-психологии концепции идентичности Э. Эриксона (Эриксон, 2006). Введенное им понятие психосоциальной идентичности имеет, как известно, два аспекта:

1) психологический, понимаемый как ощущение тождественности самому себе и непрерывности Я во времени и пространстве;

2) социальный как чувство включенности Я в человеческие общности и наличие образа мира, не противоречащего системе ценностей и мировосприятию этих общностей.

С этой точки зрения идентичность понимается как чувство принадлежности человека эпохе и гармоничное единство собственного образа мира и доминирующих в обществе социальных представлений, при этом важным является переживание целенаправленности и осмысленности собственной жизни [1]. Разведение в идентичности двух граней – личной и социальной – оказалось в свое время достаточно эвристично. Однако представляется, что жесткое противопоставление или даже обособление этих аспектов может приводить к довольно странному с точки зрения здравого смысла результатам. Например, толкование личной идентичности как описания в терминах физических или психологических черт нивелирует само понятие идентичности. Действительно, насколько долго можно поддерживать переживание тождественности самому себе идеями о цвете своих волос или степени доброты? Обе эти характеристики включаются в комплексы представлений о себе и формируют различные образы Я, но не идентичность. Вопрос соотношения личной и социальной граней идентичности можно сформулировать и несколько иначе: не как соотношение личных и соци-

альных идентичностей, а как соотношение личного и социального компонентов идентичности. Дж. МакКолл и Дж. Симмонз, определяя ролевую идентичность как образ себя, который человек рисует в своем воображении, и отражающий то, как ему нравится думать о себе, находясь и действуя в определенной социальной позиции, выделяют в ней два измерения. *Традиционное (conventional)* измерение как «роль ролевой идентичности», отражающее ожидания, связанные с социальной позицией в социальной структуре, которые акторы стараются оправдать, и *уникальное (idiosyncratic)* как «идентичность ролевой идентичности», содержащее уникальные интерпретации, которые человек вносит в свои роли [9]. Другими словами, определяя себя в терминах социальных групп, человек неизбежно приписывает этим группам свои собственные интерпретации, а характеризуя себя при помощи личных черт, например, «добрый» или «красивый», он относит себя к группе «добрых» или «красивых» людей соответственно. Противопоставление двух ипостасей идентичности снимает Г. Брейкуэлл [3] отмечая, что дихотомия социальной и персональной идентичности есть артефакт, порождаемый временем, поскольку в течение жизни видно, как социальная идентичность становится персональной идентичностью.

(2) *Идентичность как один из множества разнородных, но имеющих схожую структуру элементов Я-концепции, как отдельный аспект представления человека о самом себе.* Это представление можно обнаружить в социальной психологии в рамках двух подходов – в теории социальной идентичности [7] и в теории идентичности [11]. Данные теории имеют как общие, так и специфические черты, но их принципиальное различие помимо методологических оснований, на наш взгляд, состоит в фокусе анализа соотношения социального и индивидуального в личности.

Теория социальной идентичности, представляя когнитивную ориентацию в социальной психологии, сосредоточена на групповых явлениях и социально-психологическом анализе роли Я-концепции в формировании группового членства. В основе данной теории лежит убеждение, что коллективные явления не могут быть адекватно объяснены в терминах изолированных личностных процессов или же межличностных взаимодействий самих по себе. Группа определяется когнитивистски – в терминах Я-концепций людей как членов группы. Так, группа существует психологически, если трое или более людей толкуют и оценивают себя в терминах общих характерных черт, которые отличают их всех вместе от других людей [7]. Ключевое для теории понятие А. Тэшфел определяет следующим образом: социальная идентичность – это «знание человека о том, что он принадлежит к определенным социальным группам в сочетании с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него членства в этих группах» (Цит. по: [7, p. 113]).

Другая концепция – теория идентичности – вырастает из структурного символического интеракционизма и фокусируется на идее преломления социального в Я. При этом переосмысливается традиционный подход к символическим интеракциям с точки зрения ситуационизма. Применение ситуационного подхода,

рассматривающего общество как находящееся в постоянном процессе созидания посредством интерпретаций и определений акторов в ситуации, приводит к тому, что Я, как отражающее общество, также становится недифференцированным, неупорядоченным, нестабильным, эфемерным и недоступным для изучения. Структурный подход к символическим интеракциям утверждает, что общество обладает характеристиками стабильности и длительности, а также структурообразующими элементами в виде образцов поведения, и поэтому Я обладает теми же качествами [11]. Характерной является, например, позиция Ш. Страйкера, который определяет идентичность как «интернализованное позиционное обозначение» для каждой из различных позиций или ролей, которые человек занимает в обществе [12, p. 60]. Аналогично П. Бёрк рассматривает идентичность как набор значений, прилагаемых к Я в социальной роли или ситуации, и определяющих для человека, что значит быть тем, кто он есть; фактически, этот набор значений служит стандартом или справкой о том, кем является человек [5].

На наш взгляд, данный подход к идентичности соотносится с концепцией психосоциальной идентичности Э. Эриксона по принципу матрешки: совокупность разнообразных идентичностей человека с учетом других факторов (например, их сформированности, согласованности, психологического благополучия личности и др.) и является основой для ощущения непрерывности своего Я на протяжении жизни.

Свой вклад в понимание динамической природы идентичности вносит и процессуальная теория идентичности (*identity process theory*) Г. Брейкуэлл, развивающаяся на стыке когнитивистского и интеракционистского подходов. Согласно этой теории, идентичность принадлежит к психологическим процессам, но проявляется через мысли, поступки и эмоции. Тем самым идентичность – это динамический социальный продукт взаимодействия субъекта (его способностей доминировать, осознавать и упорядоченно толковать) и социального контекста (физических и социетальных структур и процессов влияния). Соответственно, она может быть описана в терминах ее структуры и процессов как со стороны субъекта, так и со стороны социального контекста [3].

Проблема структуры идентичности

Структура идентичности традиционно понимается как строение отдельной идентичности, изучению которого посвящено множество научных работ. Но само понимание идентичности как элемента, а не целого, содержит идею множественности, что, в свою очередь, порождает проблему организации идентичностей в систему и их взаимодействия между собой.

Представления о системе идентичностей в общем виде можно найти в уже упомянутой процессуальной теории идентичности [3], с точки зрения которой структуру идентичности субъекта составляют два измерения – содержания и ценности.

Измерение содержания идентичности представляет собой констелляцию качеств, маркирующих субъекта как уникального. Оно охватывает и те характеристики, которые ранее рассматривались как сферы социальной идентичности (групповое членство, роли,

ярлыки социальных категорий, и т. п.) и персональной идентичности (ценности, установки, когнитивный стиль и т. п.). Измерение содержания идентичности систематизировано. Система может быть характеризована в терминах степени центральности, иерархическом упорядочении элементов и относительной значимости компонентов. Эта организация не статична, она чувствительна к входным сигналам и требованиям социального контекста, кроме того, ее преднамеренная реконструкция инициируется субъектом.

Ценностное измерение идентичности образовано ценностями и эмоциями, связанными с элементами содержания идентичности. Ценность каждого элемента пересматривается вследствие изменений в социальной системе ценностей и модификации позиции субъекта по отношению к этой системе [3]. Можно предположить, что системообразующим фактором в приведенной модели является именно ценностное измерение идентичности, поскольку место различных элементов содержания идентичности в общей системе зависит от субъективной оценки человеком его значимости.

Другие концепции описывают систему идентичностей более подробно, выделяя в ней различные элементы. Представленные ниже идеи организации множества идентичностей человека, хотя многие из них и называются авторами иерархиями, мы будем рассматривать как системы, поскольку они в значительной мере относительно, подразумевают подвижность структуры в целом и наличие некоего ядра или центра, а термин «иерархия» подразумевает более статичную вертикальную последовательность.

Ядро этой системы может формироваться под воздействием различных факторов. Так, Дж. Тернер полагает, что центральными элементами становятся базисные знания и чувства, испытываемые людьми по отношению к себе, которые обычно важны почти во всех ситуациях [13]. Ш. Страйкер в качестве основного принципа, определяющего место идентичности в системе, описывает приверженность идентичности, которая имеет два измерения, характеризующие связи с социальной средой, – количественное и качественное. *Количественное измерение* отражает количество людей, с которыми человек связан через определенную идентичность, чем их больше, тем больше приверженность этой идентичности. А *качественное измерение* отражает глубину или силу связей с другими, основанных на идентичности [11]. То есть идентичность, с которой связано большее количество людей и более интенсивные связи с ними, находится ближе к центру системы. Похожие факторы приводят Дж. МакКолл и Дж. Симмонз, отмечая, что на место идентичности в иерархии влияет получаемая за счет этой идентичности поддержка и поощрения со стороны других, приверженность идентичности, потребности человека в поощрениях, получаемых за исполнение идентичности, и благоприятная оценка возможности актуализации идентичности в ситуации [9].

Рассмотрение систем идентичностей начнем с основных типов идентичностей (*basis of identity*), изучаемых в символическом интеракционизме. Среди них *ролевые идентичности*, они представляют все значения, которые человек относит к себе при исполнении какой-либо роли, связаны со значениями, со-

держащимися в ролевом поведении, при этом присутствует человек, исполняющий дополнительную роль (например, дочь и мать/отец, студент и преподаватель). *Социальные идентичности* определяются как идентификация себя в качестве членов различных категорий; в этом случае человек считает себя похожим на членов некоторой ин-группы и отличным от членов аут-групп. *Личные идентичности* описываются как набор значений, привязанный к Я и поддерживающий человека как личность более, чем ролевые и социальные идентичности [11].

Два типа иерархии идентичностей описывают Дж. МакКолл и Дж. Симмонз. Первая из них – *иерархия выдающихся идентичностей* (*prominence hierarchy of identities*), иногда называемая идеальное Я, она более прочная и стабильная, и отражает то, как люди предпочитают смотреть на себя, учитывая их идеалы, желания или то, что существенно или важно для них. *Иерархия ярких идентичностей* (*salience hierarchy of identities*) является более гибкой и отражает ситуационное Я, место идентичности в этой иерархии в значительной мере зависит от ее места в описанной выше иерархии выдающихся идентичностей [9].

Иной подход к описанию системы идентичностей представлен в социологической теории транзакционных потребностей Дж. Тернера. Согласно ей иерархия состояний потребности формируется на основании потребности подтвердить Я и составляющие его идентичности. Я составляют четыре базисных идентичности. Центральной является:

- 1) *ядерная (или личностная) идентичность*; затем идут;
- 2) *социальные идентичности*, определяемые на основании социальных категорий;
- 3) *групповые идентичности*, определяемые членством в группах;
- 4) *ролевые идентичности* или роли, которые люди играют в любом социальном контексте [13].

Основной принцип функционирования этой системы заключается в том, что чем ближе идентичность к ядру, тем больше она имеет неосознаваемых элементов, вызывает более интенсивные чувства, проявляется в большем количестве социальных ситуаций и контролирует идентичности, расположенные ближе к периферии.

Однако идентичности не изолированы друг от друга, они часто обладают пересекающимися или общими смыслами и ценностями, что представляет сложность в изучении идентичности, поскольку в сознании субъекта выделяемые в теории идентичности образуют некие комплексы и это сказывается на анализе отдельных идентичностей. Типы взаимодействия различных социальных идентичностей между собой подробно рассмотрены С. Рокас и М. Брюер [10]. Вводимое ими понятие *сложности социальной идентичности* (*social identity complexity*), отражает субъективное представление индивида о взаимоотношениях между его множественными групповыми идентичностями и степень, в которой актуальные группы членства воспринимаются как частично совпадающие. Авторы представляют четыре альтернативные структуры идентичности, разделяя их по уровням сложности. На низком уровне сложности множественные идентичности субъективно встраиваются в единственный ин-

групповой образ. К этому уровню относятся две формы: *пересечение (intersection)* – представление о более чем одной социальной идентичности при одной ин-группе, которая образуется на пересечении множества групп членства (например, ин-группой может стать группа женщин-юристов); *преобладание (dominance)* – единственная социальная идентичность, формирующая ин-группу, все остальные идентичности оцениваются как подчиненные главной и обеспечивающие вариативность в ин-группе различные аспекты Я-концепции.

На высоком уровне сложности признается разграничение и различие ин-групповых категорий. Уровень представлен двумя формами: *разделение (compartmentalization)* – в качестве основы социальной идентичности выступает более чем одна группа членства, множественные идентичности активируются и выражаются посредством дифференциации и изоляции, социальные идентичности проявляются в специфичном контексте или ситуации; *слияние (merger)* – группы членства признаются и объединяются, ин-групповая идентификация распространяется на всех, кто попадает хотя бы в одну важную для индивида категорию.

Также эти авторы выделяют три группы факторов, влияющих на становление более или менее сложной идентичности:

- 1) сложность социального опыта, включающая в себя структуру общества и степень схожести ин-групп;
- 2) личные качества (в частности – толерантность к неопределенности);
- 3) ситуационные факторы, снижающие ресурсы внимания и повышающие значимость отдельной ин-группы [10].

На наш взгляд, комплексы идентичностей образуются на основе общности ценностных оценок и смыслов, придаваемых отдельным идентичностям. Иными словами, можно предполагать, что чем более совпадают ценностные компоненты идентичностей, тем более похожими и связанными они воспринимаются субъектом.

Динамика идентичности

Рассуждая о проблеме изменений идентичности в рамках структурного символического интеракционизма, Й. Стетс отмечает, что, хотя в данной области проводились некоторые исследования, в целом она остается мало изученной, причем сложно определить причины, по которым это происходит. Среди них, с его точки зрения, можно выделить недостаток лонгитюдных данных, нехватку теоретических оснований, либо же недостаточность и данных, и теории [11].

Изменения идентичности могут быть описаны в терминах общепсихологических процессов. Так, например, в процессуальной теории идентичности Г. Брейкуэлл динамика идентичности представлена двумя процессами – ассимиляцией/аккомодацией и оцениванием. Процесс ассимиляции состоит во встраивании новых компонентов в структуру идентичности, а процесс аккомодации – в согласовании, происходящем в существующей структуре с целью найти место для новых элементов. Процесс оценивания влечет за собой выделение значения и ценности/эмоции и для нового, и для старого содержания идентичности. Эти два процесса взаимодействуют и определяют изменение содержания и ценности идентичности во времени, а из-

менение моделей ассимиляции требует изменения оценивания и наоборот.

В рамках данной теории социальный контекст может быть схематически представлен так же в двух измерениях: структурном и процессуальном. В простейшем виде структура социального контекста включает в себя межличностные сети, групповое и социально-категориальное членство и межгрупповые отношения. Содержание идентичности ассимилируется из этих структур, генерирующих роли, которые должны быть усвоены, и убеждения, которые должны быть приняты. Второе измерение состоит из процессов социального влияния, которые, действуя сообща, создают многогранную идеологическую среду для идентичности. Процессы социального влияния (образование, пропаганда, убеждение и т. п.) устанавливают системы ценностей и убеждений, материализованные в социальных представлениях, социальных нормах и социальных атрибуциях, определяющие арену, на которой конструируются содержание и ценность отдельных идентичностей [3].

В теории контроля идентичности (*identity control theory*) П. Бёрк рассматривает процессуальную сторону идентичности как систему контроля. В его модели отношения субъекта и общества подчиняются законам кибернетики: активация идентичности приводит к установлению обратной связи между человеком и социальным окружением, включающей со стороны человека блок сравнения, он является источником поведения и воспринимает релевантную активной идентичности информацию, а социальное окружение реагирует на поведение и оценивает его. Идентичность функционирует нормально в том случае, если оценка поведения человека социальным окружением соответствует «прописанным» в идентичности стандартам. Например, если у женщины в стандартах идентичности матери содержится представление о властности, то она будет искать подтверждение этой характеристике; если эта черта не подтверждается социальным окружением, она может изменить свое поведение до тех пор, пока окружение не начнет «правильно» реагировать [5].

Нарушение процессов идентичности, считает П. Бёрк, может вызывать социальный стресс. При этом он рассматривает стресс не в традиционном понимании перегрузки, а развивает идеи когнитивистов о том, что причиной стресса является некоторое нарушение (*interruption*) – неподтверждение ожиданий или незавершение начатого действия. Так, когнитивная оценка человеком своих ожиданий как неподтвержденных или своих действий как незавершенных, ведет к нарушениям идентификационных процессов, которые «запускают» новый виток социального стресса. Социальный стресс, вызываемый нарушением процессов идентичности, может быть результатом четырех процессов:

- 1) нарушения обратной связи;
- 2) интерференции между системами идентичностей;
- 3) чрезмерного контроля систем идентичностей;
- 4) обращения к эпизодическим идентичностям.

Более детально они состоят в следующем. Обратная связь может нарушаться, когда действия человека не оказывают влияния на социальное окружение, или когда он по каким-то причинам не способен в должном объеме воспринять или понять значения ситуации. Ин-

терференция между идентичностями возникает тогда, когда в налаженную работу системы подтверждения одной идентичности вклинивается другая, система замыкается и начинает колебаться между этими двумя идентичностями. Чрезмерный контроль системы идентичности проявляется в том, что человек постоянно ищет подтверждение конкретной идентичности, что может прерывать другие ментальные процессы или прерываться ими. Эпизодическое исполнение роли не позволяет согласовать поведение и ожидаемые реакции окружения, поэтому, чем реже исполняется роль, тем больший стресс в итоге она может вызвать [5].

Обе эти концепции в некоторой степени противоречивы и акцентируют разные стороны процессов изменения идентичности. Г. Брейкуэлл определяет идентичность как динамичную структуру, но для нее она является скорее результатом общих психологических процессов, обеспечивающих функционирование идентичности. У П. Бёрка наоборот: определяя идентичность как когнитивную схему, он затем описывает процессы, которые инициирует идентичность и ее собственные механизмы регуляции.

Движущие силы формирования и развития идентичности

Движущие силы формирования и развития идентичности можно условно разделить на два вида:

- 1) понижающие дискомфорт;
- 2) повышающие субъективное благополучие.

Одним из способов минимизировать дискомфорт является стремление к снижению неопределенности. Его можно назвать базовой и самой простой формой выражения движущих сил идентичности. Так, М. Хогг [7] считает, что неопределенность – это фундаментальная мотивация, движущая людьми при идентификации с группами и включения в них. Его теория идентичности в условиях неопределенности (*uncertainty-identity theory*) основывается на идее, что чувство неопределенности относительно себя, своих ощущений, установок, ценностей и поведения, отражающееся на идентичности и чувствовании себя, вызывает эмоциональный дискомфорт и побуждает стремление к его минимизации. Стратегия его разрешения зависит от оценки человеком собственных ресурсов. Когда человек уверен, что обладает достаточными ресурсами для уменьшения неопределенности, «неопределенность в Я» (*self-uncertainty*) переживается как вызов, побуждающий движение вперед или поведение, направленное на принятие решения. Когда же ресурсы оцениваются человеком как недостаточные, «неопределенность в Я» переживается как угроза, побуждающая защитное или избегающее поведение.

Процесс социальной категоризации себя и других снижает «неопределенность в Я», поскольку деперсонализует восприятие в терминах прототипов групп, то есть нечетких наборов свойств (установок и поведения), которые определяют группу, отличают ее от других групп и предписывают поведение ее членов. Деперсонализация других позволяет человеку предсказывать, как они будут себя вести и взаимодействовать. Таким образом, социальная категоризация Я и других снижает неопределенность относительно того,

кем является человек, как он должен себя вести и как с ним будут обращаться другие.

С точки зрения М. Хогга, группы различаются по тому, насколько эффективно они снижают «неопределенность в Я». Ведущими факторами здесь являются ясность групповых границ, внутренняя однородность группы, четкая внутренняя структура, общие цели и судьба. Группы с более высокой организованностью предоставляют человеку возможности для обретения более понятной и характерной идентичности и связанного с ней ин-группового прототипа, и тем самым позволяют лучше справляться со снижением «неопределенности в Я». В условиях социетальной или глубокой личной неопределенности особенно привлекательными становятся группы с жестко обозначенными границами, предписывающие идентичность и поведение, направленное на ее защиту. М. Хогг относит к таким группам экстремистские и криминальные [6]. Это означает, что отсутствие в обществе ориентиров, делающих его более понятным и структурированным, может приводить к формированию чувства неопределенности в Я, и эти факторы, накладываясь друг на друга, могут стимулировать возникновение агрессивных тоталитарных групп, численность которых будет стремительно расти.

Еще одна «дискомфортная» теория принадлежит П. Бёрку. Он считает, что изменения идентичности обусловлены нарушениями процессов функционирования идентичностей. Он выделяет два главных источника систематических изменений идентичности:

- 1) постоянные проблемы с верификацией отдельной идентичности;
- 2) активация множественных идентичностей одновременно, чьи верификации требуют того, чтобы в поведении субъекта проявлялись противоположные смыслы.

Разница между этими источниками изменений состоит в источнике конфликта смыслов. В первом случае источником является нарушение смыслов во внешней ситуации, являющееся причиной того, что они воспринимаются как расходящиеся со смыслами стандарта идентичности. Во втором случае источником является внутренний конфликт, возникающий, когда две идентичности, контролирующие одно и то же измерение смысла, но на разных уровнях, активированы одновременно. В обоих случаях значение стандартов идентичности, вероятно, изменится, чтобы сделать возможной верификацию идентичности [4]. С нашей точки зрения, такая трактовка изменения идентичности довольно механистична и отказывает человеку в субъектности.

Противоположную позицию занимает Г. Брейкуэлл, полагая, что изменения идентичности направляются принципами, которые определяют желаемые состояния структуры идентичности, и эти состояния, возможно, специфичны для того или иного времени и культуры. С ее точки зрения, в настоящее время в западных постиндустриальных культурах четырем ведущим принципам являются: жажда непрерывности (*continuity*), самобытности/отличия (*distinctiveness*), самоэффективности и самоуважения/самооценки. Эти четыре принципа варьируют по своей относительной и абсолютной значимости с течением времени и в разных ситуациях, на протяжении жизни. Если

по каким-то причинам процессы ассимиляции-аккомодации идентичности неспособны соответствовать этим принципам, то данное несоответствие становится угрозой идентичности. Если последняя осознается субъектом, то он будет стремиться восстановить соответствие работы процессов идентичности и принципов, определяющих желаемые состояния идентичности [3].

Эти идеи Г. Брейкуэлл развиваются в работах В. Виньолеза и его коллег [14]. К выделенным ею четырем принципам они добавляют еще два: мотив смысла и стоящий в оппозиции к мотиву самобытности мотив причастности. Полученные шесть элементов они называют *движущими силами идентичности (мотивами)*. Данное понятие они определяют как силы, ведущие к определенным состояниям идентичности и прочь от других и направляющие процессы конструирования идентичности.

Эти авторы раскрывают выделенные ими движущие силы идентичности следующим образом. (1) *Мотив самоуважения/самооценки* состоит в стремлении человека поддержать и усилить положительное представление о себе; (2) *желание непрерывности* – в стремлении поддержать и усилить чувство непрерывности во времени и ситуациях внутри идентичности; (3) *мотив самобытности* отражает утверждение и поддержание человеком чувства отличия от других; (4) *мотив причастности* – потребность поддержать и усилить чувства близости или принятия другими людьми в диадических отношениях или внутри ин-групп; (5) *мотив успешности (эффективности)* – поддержание и усиление чувства компетентности и контроля; (6) *стремление к смыслу* состоит в потребности найти смысл или цель в собственном существовании [14]. В дополнение к этим шести Р. Джаспал и М. Синнирелла вводят принцип психологической согласованности, отличный от принципа непрерывности. Если непрерывность означает *временную* согласованность и чувство длительности Я, особенно в свете неожиданных событий и переживаний, то принцип психологической согласованности относится к потребности в совместимости и согласованности между *ранее существовавшими* идентичностями – то есть между разными составляющими элементами Я-концепции [8].

Эти движущие силы могут быть как осознаваемыми, так и неосознаваемыми, но их действие может быть выведено из их предсказуемого влияния на идентичности людей. Аспекты идентичности, удовлетворяющие этим мотивам, могут быть связаны с положительными эмоциями, восприниматься как особенно важные для самоопределения или акцентироваться в самопрезентации, в то время как фрустрация мотивов идентичности может быть связана с отрицательными эмоциями или не иметь когнитивного или поведенческого значения. Сознательно или бессознательно, люди стремятся максимизировать удовлетворение и минимизировать фрустрацию этих мотивов при конструировании идентичности.

Проведенное В. Виньолезом и его коллегами эмпирическое исследование показало, что респонденты воспринимали как более существенные те элементы идентичности, которые обеспечивали большее чувство самоуважения, непрерывности, самобытности и

смысла. Мотивы принадлежности и эффективности влияли на определение идентичности не напрямую, а через влияние на активацию идентичности и их вклад в самоуважение. Наибольшее ощущение счастья у респондентов вызывали те элементы идентичности, которые наилучшим образом удовлетворяли мотивы самоуважения и эффективности [14].

То есть формирование идентичности может направляться двумя стремлениями – снизить дискомфорт или повысить субъективное благополучие. Если человек движим стремлением понизить дискомфорт, то он склонен искать группы с ясными правилами и «готовой» идентичностью, которую осталось лишь принять. Если же человек стремится повысить субъективное благополучие, то он более склонен самостоятельно конструировать свою идентичность.

Также к движущим силам формирования идентичности можно отнести отношение к релевантной идентичности информации, представленное в процессуальной модели формирования идентичности М. Берзонски [2]. Следует отметить, что эта теория развивает идеи Э. Эриксона и его последователей. Но мы полагаем, что она способна объяснить и отношение к идентичностям, рассматриваемым в рамках вышеописанных когнитивных социально-психологических подходов к идентичности.

Предложенная М. Берзонски модель фокусируется на различиях в социально-когнитивных процессах и стратегиях, используемых субъектами для того, чтобы выполнить или избежать задач конструирования, поддержания и/или реконструирования чувства идентичности. Эта модель включает три различных социально-когнитивных стиля переработки информации об идентичности: информационный, нормативный и диффузно-избегающий.

Информационный стиль характеризуется сознательным поиском, обработкой и оценкой релевантной для Я информации до разрешения конфликтов идентичности и формирования ориентаций. Такие люди размышляют о себе, скептически по отношению к своим взглядам на себя, заинтересованы узнавать новое о себе и хотят оценивать и изменять свою структуру идентичности в свете противоречивой обратной связи.

Нормативный стиль проявляется в более непроизвольном принятии и интернализации целей и стандартов значимых других и референтных групп.

Диффузно-избегающий стиль соответствует отсрочиванию и попыткам отложить встречу с конфликтами идентичности и проблемами, насколько это возможно. Когда таким людям приходится действовать или принимать решение, их поведение управляется внешними требованиями и результатами. Этот стиль включает попытки уклониться или скрыть потенциально негативную для Я обратную связь [2].

Представляется, что эти взгляды могли бы быть дополнены. Так, мы предполагаем, что субъект может использовать в отношении разных идентичностей разные стили переработки информации. Например, конструирование ядерных элементов идентичности может производиться с активным поиском релевантной информации, а периферийные элементы, как менее значимые или вовсе незначимые, могут конструироваться по принципу игнорирования релевантной

информации, и поэтому поведение в соответствующих этим идентичностям ситуациях будет принимать формы, распространенные в обществе (стереотипы, установки и др.).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что идентичность является многомерной системой и может быть описана в терминах ее содержания, процессуальных характеристик, ценностей, аспектов включения в социальный контекст и др. Несмотря на многочисленность эмпирических и теоретических работ, посвященных проблеме идентичности, целостное понимание ее формирования и функционирования отсутствует, а существующие представления имеют фрагментарный характер. На данный момент подобная модель может быть составлена лишь в технике мозаики, объединяя в себе результаты исследований, выполненных в различных теоретических подходах, а зачастую и преследующих разные цели. Мы считаем, что более полное понимание феномена идентичности может быть достигнуто путем интегрирования в одной модели представлений о структурных компонентах и функциях или механизмах, обеспечивающих становление идентичности.

При этом само понятие идентичности определяется на разных уровнях. На более высоком уровне – как центральное личностное образование, на более низком – как один из многочисленных элементов Я-концепции. Содержание структуры идентичности систематизировано и упорядочено, однако выделить в нем типичные элементы (например, социальную, ролевую и личную идентичности) можно лишь условно. Так как эти элементы в сознании субъекта, взаимодействуя друг с другом, образуют некие комплексы или сложные идентичности. Среди системообразующих факторов, определяющих формирование структуры идентичности, можно назвать ценностные и эмоциональные компоненты элементов идентичности, особенности связей человека с социальной средой, обеспечиваемых определенной идентичностью (например, количество связей с людьми и их интенсивность).

Описанные в настоящей работе концепции можно условно разделить на три группы, исходя из того, как в них рассматривается структура и динамика идентичности и их соотношение. *Структурные концепции* содержат подробные описания структуры, которые сопровождаются довольно схематичным изображением процессов, по которым эта структура функционирует. К этой группе относится большинство приведенных

теоретических положений, например, идеи С. Рокаса и М. Брюера [10]. *Процессуальные концепции* достаточно детально описывают процессы, обеспечивающие поддержание идентичности, но не содержат представления об общей структуре, которую формируют эти процессы. Данная группа представлена двумя подходами – теорией контроля идентичности П. Бёрка [5] и процессуальной моделью формирования идентичности М. Берзонски [2], причем внимательное изучение последней показывает, что она входит в эту группу формально и скорее может быть отнесена к следующей. *Промежуточные концепции* описывают некие переменные, находящиеся между присущей субъекту структурой идентичности и его деятельностью, направленной на поддержание этой структуры при том, что и механизмы функционирования, и структура идентичности в этих концепциях лишь намечены. В эту группу входят концепции Г. Брейкуэлл [3], В. Виньо-леса и его коллег [14].

Кроме того, существует проблема теоретического соотношения и эмпирического изучения «идеальной» и «оперативной» систем идентичностей. «Идеальная» система идентичности содержит представления человека о том, какие аспекты Я-концепции для него важны, какие из них являются для него ориентирами в более широком контексте самоопределения. Причем мнения авторов по этому вопросу противоречивы. Так, согласно Дж. Тернеру [13] содержание ядерной системы недоступно для осознания человеком, а согласно Г. Брейкуэлл [3] человек сам является инициатором переструктурирования всей системы идентичностей. В свою очередь, «оперативная» система идентичности выступает проявлением «идеальной» системы в реальной жизни, преломляющейся в контексте ситуации, потребностей человека в верификации конкретной идентичности и т. д. Это приводит нас к вопросам методологии. При помощи каких методов следует изучать идентичность и что в итоге мы получим: «идеальную» систему или один из ее «оперативных» вариантов?

Обособленность методологических традиций изучения феномена идентичности и выраженная специфичность получаемых в их рамках результатов, а также выявленная нами противоречивость и фрагментарность представлений о структуре и динамике идентичности свидетельствуют о том, что необходимо переосмыслить и систематизировать накопленные по проблеме идентичности теоретические и эмпирические данные.

Литература

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006.
2. Berzonsky M. D., Cieciuch J., Duriez B., Soenens B. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations. *Personality and Individual Differences*. 2011. 50, 295 – 299.
3. Breakwell G. M. Resisting representations and identity processes. *Papers on Social Representations*. 2010. 19. 6.1 – 6.11.
4. Burke P. Identity change. *Social Psychology Quarterly*. 2006. 69(1). P. 81 – 96.
5. Burke P. J. Identity processes and social stress. *American Sociological Review*. 1991. 56(6). P. 836 – 849.
6. Hogg M. A. Managing self-uncertainty through group identification. *Psychological Inquiry*. 2009. 20(4). P. 221 – 224.
7. Hogg M. A. Social identity theory. In: P. J. Burke (Ed.) *Contemporary social psychological theories*. Stanford: Stanford University Press. 2006. P. 111 – 136.
8. Jaspal R., Cinnirella M. Coping with potentially incompatible identities: Accounts of religious, ethnic, and sexual identities from British Pakistani men who identify as Muslim and gay. *British Journal of Social Psychology*. 2010. 49(4). P. 849 – 870.

9. McCall G. J., Simmons J. L. Identities and interactions. New York: Free Press, 1978.
10. Roccas S., Brewer M. B. Social identity complexity. *Personality and Social Psychology Review*. 2002. 6(2). P. 88 – 106.
11. Stets J. E. Identity theory. In: P. J. Burke (Ed.) *Contemporary social psychological theories*. Stanford: Stanford University Press. 2006. P. 88 – 110.
12. Stryker S. Symbolic interactionism: A social structural version. Menlo Park: Benjamin Cummings, 1980.
13. Turner J. H. *Contemporary sociological theory*. SAGE Publications. Inc. 2013.
14. Vignoles V. L., Regalia C., Manzi C., Gollledge J., Scabini E. Beyond self-esteem: Influence of multiple motives on identity construction. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. 90(2). P. 308 – 333.

Информация об авторе:

Разорина Дарья Николаевна – аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, dn-razorina@yandex.ru.

Daria N. Razorina – post-graduate student at the Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

(Научный руководитель: Белинская Елена Павловна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, elena_belinskaya@list.ru.

Academic advisor: Elena P. Belinskaya – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.922.4

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР ИХ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Р. Д. Санжаева, А. Р. Монсонова, С. Д. Намсараев

ETHNIC AND CONFESSIONAL VALUES OF STUDENTS AS A FACTOR OF THEIR SOCIALIZATION

R. D. Sanzhaeva, A. R. Monsonova, S. D. Namsaraev

Байкальский регион является одним из толерантных полиэтнических районов России, где на протяжении многих веков мирно сосуществуют русскоязычное население («сибиряки», «семейские»), коренные народы – буряты и эвенки. Одним из факторов этого является уважение к конфессиям каждого народа: к православию русских, его особенностям у староверов, к буддизму бурят и шаманизму эвенков, бурят. Этноконфессиональные, духовные ценности как важнейший фактор социализации личности требуют исследования и его психолого-педагогического сопровождения в годы обучения не только в школе в связи с введением в 4-х классах учебного предмета «Основы религиозных культур и светской этики», но и в вузах и вузах. С этой точки зрения, курс по теологии должен читаться не только на историческом, но и на всех факультетах вуза.

The Baikal region is a tolerant multi-ethnic region of Russia where the Russian speaking population (“Siberians”, “Semey”) and the indigenous people – the Buryats and the Evenki – have coexisted peacefully for centuries. One of the important factors in this regard is their respect for the religions of every nation: Russian Orthodoxy, especially in its Old Believer form, Buddhism and shamanism of the Evenki and the Buryats. Ethnoconfessional, spiritual values as the most important factor of socialization of the person require studying and psychological and pedagogical support in the years of training, not only at school in connection with the introduction of the subject “Fundamentals of religious cultures and secular ethics” in the 4th grade, but also in colleges and universities. From this perspective, the course in theology should be taught not only at the Faculty of History, but also at all the faculties of the university.

Ключевые слова: образование, воспитание, этнос, конфессии, ценности, социализация, студенчество, духовность.

Keywords: education, ethnicity, religions, values, socialization, student, spirituality.

Начало нового тысячелетия характеризуется тем, что продолжается и усиливается процесс развития всеобщего религиозного самосознания, растет числа верующих в мире, происходит расщепление религий на более мелкие единицы и формирование новых конфессиональных групп, ветвей и течений.

Интересным феноменом мировой религиозности являются верующие без религии: они не связывают себя ни с какой религией, не ходят в храмы, не счи-

тают себя атеистами, так называемые «люди нет», «никакие». Согласно «Атласа религий и национальностей», таких людей во всех странах мира становится все больше, и они становятся заметной социальной группой. В России таких 25 %, т. е. четверть населения, и по их количеству мы занимаем 5-е место в мире после Китая, Японии, США, Вьетнама. Основной костяк «никаких» в развитых странах составляет определенное поколение – люди, рожденные между 1966 и 1975 гг., после них идет молодежь 1990-х гг., у

которой слабо выражена конфессиональная идентификация, их принцип: «Бог един». Основные их ценности – это духовные ценности, которые для всех религий, в основном, едины, являются базовыми для человека, нормами его поведения, жизни, ценностно-смысловыми ориентациями. Эти поколения «никаких» сейчас входят в период политической и экономической зрелости, а значит, будут определять портрет эпохи. Данная новая реальность как один из глобальных вызовов современности требует внимания и изучения.

За несколько веков проживания на берегу Байкала и межэтнического взаимодействия буряты и русские выработали стиль, нормы и эталоны поведения, например, многочисленные примеры братовства, уважение к национальному этикету друг друга. Поли-

этническое, межконфессиональное общение не могло не отразиться на системе нравственных и религиозных ценностей, которая, в первую очередь, обеспечила отсутствие этнической напряженности в регионе, диалог культур (таблица 1).

А. Д. Карнышев, характеризуя процесс взаимовлияния культур, в данной таблице подчеркивает, что своей глубоко нравственно-психологической основой он имел сближение многих моральных ценностей народов, их общечеловеческий характер. Это можно рассмотреть на примере буддийских нравственных заповедей и христианских заповедей Закона Божьего. Сопоставление показывает, что многие важнейшие нравственные ценности буддизма и христианства близки, созвучны друг другу [5, с. 168].

Таблица 1

Нравственные запреты буддизма и нравственные заповеди христианства

<i>Буддийские запреты</i>	<i>Христианские заповеди</i>
Три дурных дела в отношении тела: (1) убийство – лишение жизни живого существа – человека, животного или насекомого;	Зап. 6: Не убий.
(2) воровство – присвоение чужой собственности;	Зап. 8: Не укради.
(3) прелюбодеяние – совершение распутных действий;	Зап. 7: Не прелюбы сотвори. Зап. 10: Не пожелай жены искряннего твоего.
Четыре словесных дурных действия: (4) ложь – обман других словом или действием;	Зап. 9: Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна.
(5) злословие – раздувание вражды, чтобы согласные не соглашались, а не согласные разошлись во мнениях еще больше;	Зап. 7 блаженства: Блаженны миротворцы, потому что они будут названы сынами Божиими.
(6) грубая речь – словесное оскорбление других людей;	Зап. 3 блаженства: блаженны кроткие, потому что они наследуют землю.
(7) пустословие – разговоры о глупостях, мотивированные вожделением;	
Три мысленных дурных действия: (8) алчность – желание обладать тем, что принадлежит другому;	Зап. 10: Не пожелай дому ближнего твоего, ни села его, ни раба его, не воли его ... ни всего, елика суть ближнего твоего.
(9) злонамеренность – желание навредить другому;	См. Зап. 10.
(10) ложное воззрение – вера, что таких реальностей, как Четыре Благородные истины или перевоплощение не существует.	Зап. 1: Я – Господь Бог твой, и не должны быть у тебя другие боги, кроме меня.

Поэтому вызывает интерес исследование традиционного ядра в структуре культуры современных народов Байкальского региона, обеспечивающего стабильность и самоидентичность, и ее современного (актуального) слоя, обуславливающего мобильность культуры, ее способность продуцировать инновации, трансформироваться и продуцироваться через образ мира, ценностно-смысловую сферу молодежи, в нашем исследовании – студентов.

Период студенчества характеризуется закладыванием основ будущего вида деятельности – реализации себя в профессиональном плане, а также стремлением к осмыслению своего будущего – жизнедеятельности в целом, т. е. одновременным протеканием процессов профессионального и личностного самоопределения. Ведущую роль в развитии этих взаимообусловленных процессов личностного роста играет формирование и

развитие ценностных ориентаций как целостной системы интернализованных личностных смыслов, отражающих смысловой уровень ее функционирования. М. С. Яницкий, А. В. Серый в своей концепции вузовского обучения подчеркивают: «Именно в процессе обучения в вузе как жизненной ситуации личностного и профессионального самоопределения для молодых людей наиболее актуальным становится смысл собственной деятельности, и в особенности смысл своей будущей профессиональной деятельности, являющейся центральным компонентом в выборе жизненной стратегии» [9, с. 181].

Однако динамическая система ценностных ориентаций не останавливается на этом в своём развитии. Период взрослости характеризуется осуществлением намеченных ранее жизненных целей и планов, а также их корректировкой при затруднениях в достижении. В

этот период человек создает собственную семью, реализует себя в профессиональной деятельности, карьере, общественной жизни. Особое место при этом занимают вопросы максимальной реализации собственных возможностей, личностного роста, саморазвития. Следовательно, период обучения в вузе можно определить как особый смысловой жизненный период в жизни человека, связанный с переживанием кризиса профессиональной идентификации, т. е. идентификации себя с субъектом будущей профессиональной деятельности. Результатом переживания данного жизненного кризиса является формирование своей профессиональной идентичности, являющейся составной и неотъемлемой частью целостного «образа – Я» зрелой личности [8, с. 56].

В аспекте нашего исследования представляется интересным изучение образа мира современной молодежи, проживающих на территории Байкальского региона. Длительное проживание в пределах одной социально-территориальной общности во всем многообразии человеческой деятельности сформировало некоторое единство отношения не только к хозяйственно-экономической сфере, но и к социокультурной сфере [4, с. 80].

Для анализа были выбраны 3 группы респондентов. 1-ая группа – студенты младших курсов, 2-ая – студенты старших курсов, 3-я – студенты заочного отделения.

Ответы на вопрос «Что из указанных признаков главным образом роднит, сближает Вас со своим народом?» свидетельствуют, что наиболее важным сближающим фактором у студентов первой группы является внешнее сходство, у студентов второй группы – национальный язык, у работающей молодежи – кровное родство. Второе и третье место по значимости занимают: в первой группе – (соответственно) обычаи и традиции, место жительства и материальная культура, во второй группе – внешнее сходство, обычаи и традиции, в третьей – национальный язык и религия.

Подобное распределение объясняется частичной утратой коренными народами национального языка, но сохранением религиозных ценностей и кровнородственных отношений. Мифы, предания легенды, самоназвание служат весьма слабыми признаками этнической самоидентификации у исследуемых независимо от этноконфессиональной принадлежности.

Чтобы выяснить мнение опрашиваемых о национально-характерологических особенностях своей этнической общности, были заданы вопросы: «Чем Ваш народ (в целом) отличается от других народов?», «Перечислите черты характера, типичные для Вашего народа». Ответы распределились следующим образом. Наиболее характерными и отличительными чертами своего народа студенты первой группы назвали скромность, доброту, трудолюбие и гостеприимство. Студенты второй группы отличаются добротой, открытостью, гостеприимство чувством юмора. Эти качества отражают и профессиональную направленность студентов-психологов. Более старшие буряты и русские характеризуются как религиозные, воспитанные, трудолюбивые, добрые.

Как известно, становление зрелой личности возможно путями духовными и душевными. Каждый человек в определенные периоды осуществляет выбор – в юношеском возрасте это сверхактуально и ценностно, и этот процесс очень сложный, противоречивый. Конфессиональная принадлежность современной молодежи была выявлена вопросом: «К какой конфессии (вере) вы себя относите?» (таблица 2).

Таблица 2
Конфессиональная принадлежность исследуемых (в %)

Конфессия	1 группа	2 группа	3 группа
Буддист	63,3	40	68,3
Православный христианин	16,7	50	15
Другое: Вера разная, но Бог Един	20	10	16,7

Многие респонденты считают, что все конфессии равны, Бог един, что «все религии равны и являются лепестками одного цветка». Больше всего было таких ответов в 3-ей группе работающей молодежи [2].

В контексте проблемы социализации и этноконфессиональных ценностей студенты-заочники третьей группы представляют особый интерес. Видимо, в силу возрастного, профессионального и социального самоопределения они приходят к более высокому уровню духовных ценностей (терпимости, а значит, и смирению), этноконфессиональной идентичности и ценностно-смысловых регуляций своей жизнедеятельности (таблица 3).

Таблица 3
Групповая иерархия инструментальных ценностей в третьей группе

Групповой ранг	Ценности	Сумма
1	терпимость	3,7
2	честность	4,8
3	ответственность	5,2
4	широта взглядов	6,6
5	чуткость	6,8
6	самоконтроль	8,1
7	жизнерадостность	8,2
8	исполнительность	8,2
9	эффективность в делах	9,0
10	твердая воля	9,7
11	воспитанность	10,2
12	рационализм	10,7
13	образованность	11,1
14	аккуратность	11,2
15	независимость	12,6
16	смелость	12,8
17	непримиримость к недостаткам в себе и других	15,0
18	высокие запросы	16,3

Это подтвердили и результаты факторного анализа (таблица 4).

Таблица 4

Результаты факторного анализа ценностных ориентаций в третьей группе

<i>Показатели</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Принятие агрессии	0,87			
Ориентация во времени	0,79			
Ценности	0,73			
Креативность	0,70			
Потребность в познании	0,67			
Самопонимание	0,65			
Гибкость в общении	0,55			
Автономность	0,50			
Развитость интеллекта		0,68		
Общительность		0,68		
Моральный контроль		0,65		
Конформизм		0,58		
Доверчивость			0,67	
Напряженность			0,63	
Чувствительность			0,54	
Духовная активность			-0,54	
Смелость			-0,41	
Контроль			0,31	
Духовная культура				-0,79
Духовная сила				0,71
Эмоциональная устойчивость				0,50
Жизнерадостность				-0,46
Этнонигилизм				0,42
Дисперсия (%)	11,30	6,69	6,51	6,34

В данной группе выделились восемь факторов, описывающих 53,52 % общей дисперсии, при этом наиболее значимыми оказались четыре фактора. В первом факторе (нагрузка на вес 11,30) ценностных ориентаций представлены восемь показателей: принятие агрессии (0,87), ориентация во времени (0,79), ценности (0,73), креативность (0,70), потребность в познании (0,67), самопонимание (0,65), гибкость в общении (0,55), автономность (0,50). Данный фактор можно определить как «сложность». Во втором факторе представлены четыре показателя: развитость интеллекта (0,68), общительность (0,68), моральный контроль (0,65), конформизм (0,58). Данный фактор характеризует студентов-заочников с точки зрения «познания». В третьем факторе ценностных ориентаций представлены шесть показателей: доверчивость (0,67), напряженность (0,63), чувствительность (0,54), духовная активность (-0,54), смелость (-0,41), контроль (0,31). Можно обозначить данный фактор как «интернальность». В четвертом факторе представлены пять показателей: духовная культура (-0,79), духовная сила (0,71), эмоциональная устойчивость (0,50), жизнерадостность (-0,46), этнонигилизм (0,42). Этот фактор характеризуем как «устойчивость».

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, что этноконфессиональные группы придерживаются принципов сознательного (и бессознательного) сосуществования, сотрудничества, сохранения своих ценностных ориентаций и уважения их в системе социокультурных норм и духовных ценностей другого этноса. Проблема духовности, духовных ценностей рассматривается в трудах известных отечественных психологов: Б. С. Братуся, Ф. Е. Василюка, М. И. Володиной, А. А. Гостева, В. А. Кольцовой, В. А. Пономаренко, В. И. Слободчикова, Л. Ф. Шеховцевой и др. С точки зрения своей концепции А. А. Гостев пишет: «Иллюстрациями трансляционной функции образной сферы выступили: проявление воображения, как процесса продуктивного отражения; философско-богословское осмысление нравственно-духовного и религиозного опыта; опыт мистических и религиозных традиций; данные трансперсональной психологии и др. Особое внимание уделено святоотеческой православной традиции, в частности, рассмотрению данной традиции когнитивных, эмоциональных и поведенческих искажений в познании и переживании человеком духовных смыслов» [3, с. 11]. В. И. Слободчиков подчеркивает, что «...христианская психология в сущности своей – это психология духовного возрастания челове-

ка. Она призвана выявлять благоприятные (способствующие) и неблагоприятные (препятствующие) условия этого процесса как в самом человеке, так и в обстоятельствах его жизни. Именно поэтому христианская психология – это... психология для человека, выходящего на путь духовно-нравственного совершенствования, это психология пути» [10, с. 149]. На этом сложном пути, несмотря на влияние многих ассимиля-

тивных процессов, каждый этнос старается сохранить основной этноинтегрирующий фактор – систему ценностно-смысловых ориентаций, что обеспечивает им сохранение этнической идентичности, значимости, безопасности, успешную социализацию, что воспринимается как личностная духовная ценность каждого субъекта этноса.

Литература

1. Актуальные проблемы психологии Байкальской Азии в условиях трансграничья: коллективная монография / науч. ред. Р. Д. Санжаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. 312 с.
2. Базарова Д. Р. Образ мира молодежи Байкальского региона. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. 142 с.
3. Гостев А. А. В человеке должна быть некая иерархия. Духовное должно быть во главе // Откровения людям Нового века. 2013. № 1(февраль). С. 10 – 11.
4. Карнышев А. Д., Винокуров М. А., Трофимова Е. Л. Межэтническое взаимодействие и межкультурная компетентность. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. 310 с.
5. Кольцова В. А. Дефицит духовности и нравственности в современном российском обществе // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 92 – 95.
6. Монсонова А. Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор развития ценностных ориентаций личности. Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. гос. ун-та, 2012. 128 с.
7. Намсараев С. Д. Развитие региональной системы образования. Улан-Удэ: Бэлиг, 2008. 24 с.
8. Санжаева Р. Д., Дагбаева С. Б. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2010. 186 с.
9. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Кузбасвузиздат, 2004. 272 с.
10. К 70-летию В. И. Слободчикова // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 143 – 150.
11. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 237 с.

Информация об авторе:

Санжаева Римма Дугаровна – доктор психологических наук, профессор кафедрой возрастной и педагогической психологии Бурятского государственного университета, rimmasan24@mail.ru.

Rimma D. Sanzhaeva – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Age and Pedagogical Psychology, Buryat State University, Ulan-Ude.

Монсонова Ариуна Раднанимаевна – кандидат психологических наук, заместитель декана социально-психологического факультета Бурятского государственного университета, monsonova@rambler.ru.

Ariuna R. Monsonova – Candidate of Psychology, Deputy Dean at Buryat State University, Ulan-Ude.

Намсараев Сергей Дашинимаевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, vestnik_method@bsu.ru.

Sergey D. Namsaraev – Doctor of Pedagogics, Professor at the Department of Pedagogy, Buryat State University, Ulan-Ude.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЯХ И РОЛЕВЫХ УСТАНОВКАХ РУССКИХ И КОРЕЙСКИХ СТУДЕНТОВ ДВФУ

Е. Е. Сапожникова

IDEAS ABOUT FAMILY VALUES AND ROLE SETS OF RUSSIAN AND KOREAN STUDENTS OF FAR-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

E. E. Sapozhnikova

В статье рассмотрены аксиологические аспекты семейных отношений на современном этапе развития общества. Автор изучил представление молодежи о своей будущей семье в группах русских и корейских студентов. Проведена диагностика и определена иерархия семейных ценностей и представлений о распределении ролей в семье у русских и корейцев. Использована методика А. Н. Волковой «РОП» (Рольевые ожидания и притязания в браке). В исследовании подтверждается гипотеза о том, что для русских и корейских студентов характерна определенная согласованность представлений о семейных ценностях. Главные позиции в иерархии семейных ценностей занимают любовь, взаимопонимание и взаимоподдержка, стабильность отношений в паре и родительство. Юноши и девушки, независимо от этнической принадлежности, отмечают важность общих интересов, совместного времяпровождения, эмоциональной поддержки и воспитания детей в браке. Девушки отметили также важность личной идентификации и социальной активности. В целом, молодёжь ориентируется на «супружеский» тип семейной организации, в основе которого лежит ценностно-ориентационное единство брачных партнеров. Браки между данными представителями культуры возможны, так как присутствует согласованность ролевых ожиданий и притязаний брачных отношений.

The paper describes the axiological aspects of family relations at the present stage of society development. The author has studied young people's ideas about their future families in groups of Russian and Korean students. The hierarchy of family values and beliefs about family roles Russians and Koreans was tested and defined. A. N. Volkova's methodology "Role expectations and ambitions in the marriage" was used. The study confirmed the hypothesis that Russian and Korean students have fairly consistent views about family values. The main positions in their hierarchy of family values belong to love, understanding and mutual support, the stability of the relationship in the couple and parenthood. Boys and girls, regardless of ethnicity, noted the importance of common interests and hanging out, emotional support and upbringing of children in the marriage. The girls also noted the importance of personal identification and social activity. Overall, the youth is guided by the "marital" type of family organization, which is based on the value-orientation unity of the marriage partners. Marriages between the members of a culture is possible, as there is a consistency of role expectations and claims for marital relationship.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, молодежь, русские и корейские студенты.

Keywords: family, family values, young people, Russian and Korean students.

Одним из основных звеньев социализации личности является семья. На фундаменте социального положения индивида выстраивается система всех её социальных ролей и ценностных ориентаций. Они в свою очередь определяют качество и особенности структуры и мотивации поведения, и, соответственно, характер человека и образ его действий и поступков. Отношения личности к окружающей среде опосредованы направленностью личности на других, на общество, на идеалы, которые в данном обществе присутствуют, на нормы и правила данного общества. Ценности субъекта развиваются благодаря влиянию окружающей действительности и специфике тех социальных институтов, частью которых он является. Личные или индивидуальные ценности являются важным звеном структуры личности, они реализуют регулирование поведения и выражаются во всех сферах человеческой деятельности [10].

Семейные взаимоотношения всегда являлись важнейшей составляющей в жизни людей. В любом обществе человек получает воспитание именно в семье, и в любом обществе большинство людей состоит в браке. Брак получил широкое распространение как социальный институт. Именно в семье закладываются основы духовности, толерантности, нравственности. Здесь сменяются поколения людей, в семье начинается жизнь

человека, в семье продолжается род. В семье, по сути, накоплены самые разнообразные формы взаимодействия между родителями и детьми; на этой базе складываются оптимальные отношения, способствующие социализации личности [7]. Современные отечественные исследователи подчеркивают значимость родительской семьи для нормального формирования системы ценностной ориентации личности [15].

Семья является важнейшей ценностью государства, которое заинтересованно в сохранении своего населения. Именно положение семьи, а также тенденции, характеризующие ее состояние, являются индикатором социального благополучия страны. В последние десятилетия взаимосвязь семьи и общества значительно ослабла, что отрицательно повлияло как на семью, так и на общество в целом, которое уже испытывает потребность в восстановлении прежних семейных ценностей, а также в организации практической подготовки молодежи к семейной жизни [11].

Отношение к семье любого человека и любого поколения людей воссоздаёт в себе облик той эпохи, в которой человек живет, и облик тех людей и общества, в котором он находится, оставляет след той жизни и тех принципов, которые существуют в данном обществе. Сейчас, несомненно, немало затруднений и всевозможных вопросов, затрагивающих институты семьи и

брака. Большая часть молодёжи или не получает информации о семье и браке, или получает не в той мере, в которой стоило бы получать. Это не самым положительным образом сказывается и на правильном функционировании семьи, и на устойчивости браков. Количество разводов не уменьшается, рождаемость не увеличивается, а отсюда – демографический кризис в стране. Одна из причин разводов – разочарование в партнере и утрата чувства любви. Несмотря на преобразование института семьи, всё же значительная часть браков создается в период ранней взрослости (от 20 до 25 лет). «В молодости человек создает семью, стремится к достижению социальной зрелости – выполнению социальных обязанностей и принятию ответственности за собственную жизнь, свои решения и поступки. Этот возраст характеризуется тенденцией к достижению наивысшего развития духовных, интеллектуальных и физических способностей человека. Задача ранней взрослости – нахождение своего пути в социуме, активное освоение внешнего мира» [3, с. 72].

Изучение мнений современной молодежи о своей будущей семье, понимание того, какими ценностями руководствуются молодые люди в современном обществе, является актуальным. Молодежь является «мобильной» частью общества, которая легко может адаптироваться к происходящим социальным переменам в государстве. Проходя этап своего становления, современная молодежь находится в условиях, где происходит формирование социальных отношений и утрата старых ценностей. Именно отсюда зарождается растерянность и пессимизм, неверие в будущее своей страны [1].

В последнее время в России изменились взгляды на семью и брак. Отмечается свобода взглядов на брачные отношения у молодежи. Прежде всего, это выражается в появлении пробных, фактических или гостевых браков [2].

Микроперепись населения 1994 г. выявила фактические браки, когда мужчина и женщина, живя совме-

стно, не регистрируют свои отношения в ЗАГСе. В соответствии с данными микропереписи 1994 г., в России на тысячу человек, которые в браке состоят, юридически его не оформили 65 мужчин и 66 женщин (6,5 % и 6,6 % соответственно). По результатам этой переписи положительное отношение к фактическому браку высказала половина респондентов – 50,8 %. Хотя процент позитивно настроенных на такой вид брака велик, как вероятный тип собственного брака он принимается не всеми.

Свобода суждений относительно тех или иных форм брака видна и в отношении респондентов к пробному браку. Имеется в виду совместное жительство мужчины и женщины со всеми признаками семейных отношений в течение определенного времени до вступления в официальный брак или распада союза. Положительное отношение к пробному браку высказали 82 % респондентов, 63,6 % рассматривают его как вполне приемлемую ситуацию своей жизни [12].

Еще одна форма современных брачных отношений – гостевой брак, который представляет собой альянс мужчины и женщины, но уже с раздельным проживанием друг от друга и без ведения общего хозяйства. В данном браке муж и жена иногда навещают друг друга, имеют близкие отношения, проводят вместе досуг, воспитывают совместных детей или детей от предыдущего брака [13]. По результатам микропереписи положительно относятся к гостевому браку 13 % респондентов, 6,2 % могут предположить, что гостевой брак будет иметь место в их собственной жизни [12].

Количество семейных пар в Приморском крае по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. составило 443 тысячи (в 2002 г. – 482 тысячи). Из общего количества семейных пар 80,5 тысячи (18,2 %) находились в незарегистрированном браке (в 2002 г. – 71,9 тысячи, или 14,9 %) [14]. Помимо всего прочего, 16 человек в возрасте моложе 16 лет подтвердили, что они состоят в браке, из них 12 человек – в незарегистрированном (в 2002 г. соответственно – 53 и 33 человека).

Таблица 1

Брачное состояние населения Приморского края

	Человек				2010 в % к 2002	
	2002		2010		мужчины	женщины
	мужчины	женщины	мужчины	женщины		
Население в возрасте 16 лет и более, указавшее состояние в браке	801304	876215	727591	818181	90.8	93.4
из них:						
никогда не состоявшие в браке	231959	147518	205611	128357	88.6	87.0
состоящие в браке	480441	483198	443234	442744	92.3	91.6
в том числе:						
зарегистрированном	408432	411501	362096	362787	88.7	88.2
незарегистрированном	72009	71697	81138	79957	112.7	111.5
вдовы	26660	138899	24363	141084	91.4	101.6
разведенные официально и разошедшиеся	62244	106600	54383	105996	87.4	99.4
из них:						
разведенные официально (развод зарегистрирован)	...	...	42911	89278	...	...
разошедшиеся	...	...	11472	16718	...	...

В 2010 г. (по сравнению с 2002 г.) на 1 процентный пункт уменьшилась доля человек, которые никогда в браке не состояли, и на 0,1 процентного пункта – число состоящих в браке. А доля официально разведенных возросла (на 0,3 процентных пункта), так же как и вдовых (на 0,8 процентных пункта). (Данные о брачном состоянии населения Приморского края приведены в таблице 1, рис. 1, 2).

При переписях населения 2002 и 2010 гг. дополнительно была получена информация от лиц, состоя-

щих в браке, зарегистрирован ли их брак органами ЗАГС.

В 2002 г. почти каждый 7 брачный союз не был зарегистрирован в органах ЗАГС (72 тыс. или 15 %). По сравнению с предыдущей переписью число мужчин и женщин, состоящих в незарегистрированном браке, возросло на 12 % и в 2010 г. уже 80 тыс. супружеских пар (18 %) состояли в незарегистрированном браке.

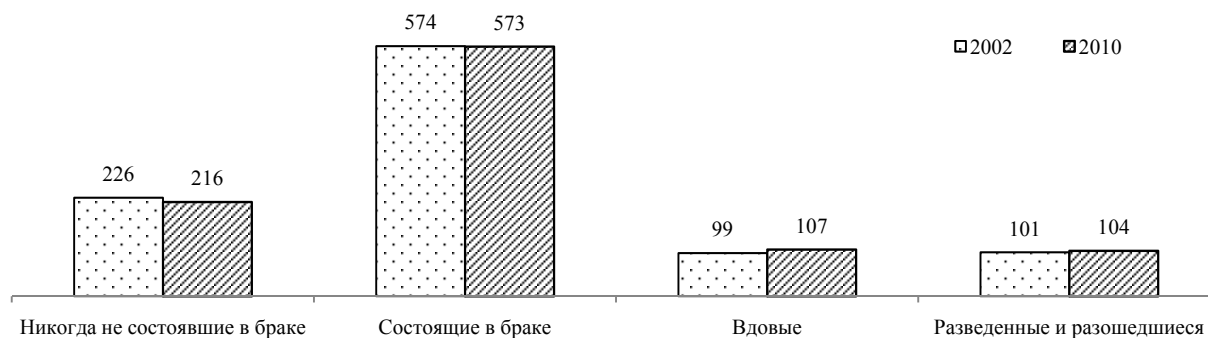

Рис. 1. Брачное состояние населения Приморского края
(на 1000 человек в возрасте 16 лет и более, указавших состояние в браке)

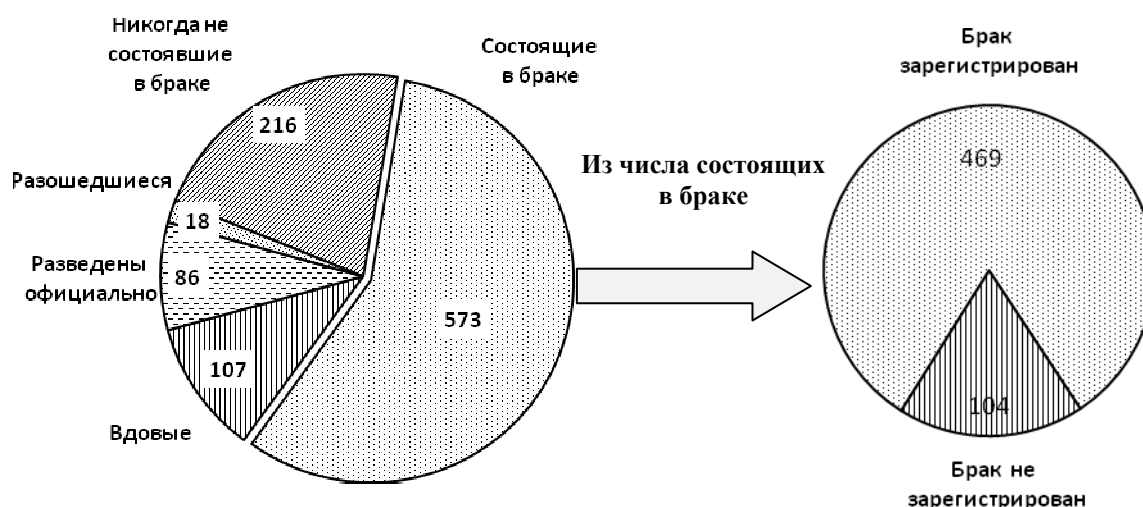

Рис. 2. Население Приморского края по состоянию в браке
(на 1000 человек в возрасте 16 лет и более, указавших состояние в браке)

Наиболее распространены неформальные брачные союзы среди населения Дальнереченского района Приморского края – 159 человек из 1000 состоят в незарегистрированном браке и Тернейского – 140 человек. Доля мужчин и женщин, которые никогда в браке не состояли высока в Пограничном – 296 человек из 1000 и Хасанском районах – 263 человека.

Проведенные исследования 1994, 2002, 2010 гг. позволяют сделать вывод о том, что нынешнее общество постепенно изменяет свое отношение к брачным

узам. Значительное количество респондентов позитивно относится к гражданскому браку. Однако радует тот факт, что институт семьи остается в приоритете и продолжает играть значимую роль в жизни молодых людей.

Так же как и русская, корейская молодежь идет в ногу со временем. Для всех городов, где живет много корейцев, характерна довольно активная деятельность религиозных обществ, как протестантских церквей, так и вон-буддистских храмов. Они служат не только

центром духовной жизни, но и местом общения между соотечественниками.

В 2007 г. в Волгоградской, Московской и Ростовской областях было проведено анкетирование молодых корейцев в возрасте от 15 до 35 лет.

Корейская семья в России сохраняет роль проводника этнокультурных традиций. Родители объясняют детям, кто были их прауродители, откуда пошел их род. По-корейски это называется «бон». Значительное количество респондентов знает свой бон. Это доказывает, что национальное воспитание и социализация происходят внутри семьи. Знание и представление человека об обычаях и традициях своей семьи, несомненно, оказывает воздействие на развитие и сохранение этнической идентичности. Благодаря данному анкетированию, обнаружилось, что семья занимает важное место в жизни опрошенной корейской молодежи. Но, конечно, не только семейные отношения имеют значение и занимают все мысли корейцев. Для молодежи так же важна профессия, которую они получают или которой они посвящают свое время. Образование – такая же ценность, как и семья. Хорошее (желательно высшее) образование считается необходимым условием для получения той профессии, которая по душе, и которая принесет необходимые дивиденды, и в конечном итоге, решит какие-то финансовые проблемы, а так же закрепит уважение в обществе. Поэтому корейская молодежь стремится с помощью образования и профессии утвердиться в социуме и добиться успеха в жизни. Поскольку для семьи, которая так важна в жизни корейцев, необходим крепкий фундамент. Опрос показывает также, что молодые корейцы, приобретая новые для себя качества самостоятельности, раскованности, современности, открытости, утрачивают те привычные правила и нормы, которые присущи их родителям, бабушкам и дедушкам, а именно – почтение к старшим, поддержание корейских традиций, общинность и т. п. Что касается своей будущей жизни, корейцы дают оптимистичные прогнозы. Они отмечают важность образования, возрождения своих традиций, духовных ценностей, ориентировку на поддержание связи с родственниками [4]. Исследователи говорят об актуальных проблемах, стоящих перед корейцами. Обычно к этим проблемам относят возрождение корейских обычаев, традиций, языка, нехватку финансов для развития национальной культуры и тому подобное. Набор этих проблем стал уже стереотипным и декларируется повсеместно с незначительными вариациями [5].

Так ли уж различаются семейные ценности русской и корейской молодежи или существуют различия в установках молодого поколения на важнейшие сферы жизнедеятельности семьи? И если на Дальнем Востоке не редки межнациональные браки, можем ли мы говорить о счастливом союзе, в котором семейные ценности супругов идентичны? Проведенное исследование позволило пролить свет на данные вопросы.

Психологическая характеристика испытуемых

В исследовании приняла участие студенческая молодежь – русские и корейские студенты ДВФУ (г. Владивосток), возраст которых находится в границах 17 – 25 лет, все они не имеют законных супругов.

Молодежь – социально-демографическая группа, обладающая совокупными половозрастными и социально-психологическими особенностями, проходящая стадии социализации в реальных условиях жизнедеятельности общества. Это поколение людей, усваивающих образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет [8]. Современное понимание молодежи характеризуется определенной трансформацией – сегодня она уже не рассматривается лишь в качестве пассивного объекта различного рода социальных воздействий со стороны старших поколений. Напротив, подчеркивается ее субъективное начало, ее социальная значимость [15].

Описание процедуры тестирования

Исследование по изучению представлений о семейных ценностях и ролевых установках проводилось с декабря 2013 г. по апрель 2014 г. Местом проведения исследования были учебные аудитории ДВФУ. В тестировании приняли участие 64 студента различных специальностей, из них было 7 корейских юношей, 13 русских юношей, 7 корейских девушек и 38 русских девушек.

Тестирование проводилось в хорошо освещенных кабинетах, во временной промежуток от 12 до 15 часов. Испытуемые рассаживались по двое за одной партой. Каждому из студентов был предоставлен бланк ответов и тестовые вопросы. В общей инструкции испытуемым сообщались некоторые сведения о методике в целом, об оформлении заданий и способах ответов на них. По времени ограничений не вводилось, поэтому в среднем заполнение теста занимало 15 – 20 минут.

Анализ результатов

Полученные результаты были обработаны при помощи интерпретационной таблицы методики РОП. Для сравнения показателей двух данных групп использовался t-критерий Стьюдента, который предназначен для оценки различий между двумя выборками по уровню какого-либо количественно измеренного признака. Суть данного критерия заключается в том, что оценивается степень расхождения средних арифметических показателей двух групп данных (M_1 и M_2) относительно дисперсии σ^2 , т. е. разброса индивидуальных данных, рассчитанной применительно к этим двум группам, где количество членов соответствует N_1 и N_2 .

Формула расчета t-критерия имеет следующий вид:

$$t = \frac{|M_1 - M_2|}{\sqrt{\frac{\sigma_1^2}{N_1} + \frac{\sigma_2^2}{N_2}}}$$

Но эта формула используется в том случае, когда выборки примерно равны по численности. В случае, когда выборки отличаются по своим размерам, при-

меняется другая – более сложная формула расчета критерия:

$$t = \frac{M_1 - M_2}{\sigma_d},$$

$$\sigma_d = \sqrt{\frac{\sigma_1^2 \cdot (N_1 - 1) + \sigma_2^2 \cdot (N_2 - 1)}{N_1 + N_2 - 2}} \cdot \sqrt{\frac{1}{N_1} + \frac{1}{N_2}},$$

где N_1 и N_2 соответствуют количеству членов 1-й и 2-й групп испытуемых [7].

В нашем случае, было произведено парное сравнение показателей одной группы с результатами этих же показателей в другой группе респондентов.

На основании этого были получены следующие результаты:

1. Показатели представлений о семейных ценностях и ролевых установках у русских и корейских юношей статистически не различаются.

2. Показатели представлений о семейных ценностях и ролевых установках у русских и корейских девушек статистически не различаются.

3. Показатели представлений о семейных ценностях и ролевых установках у русских девушек и корейских юношей статистически не различаются.

4. Показатели представлений о семейных ценностях и ролевых установках у русских юношей и корейских девушек статистически не различаются.

После этого, для более глубокого понимания данного вопроса, и получения качественных показателей, был проведен сравнительный анализ на основе сырых данных по каждой шкале (рис. 3).

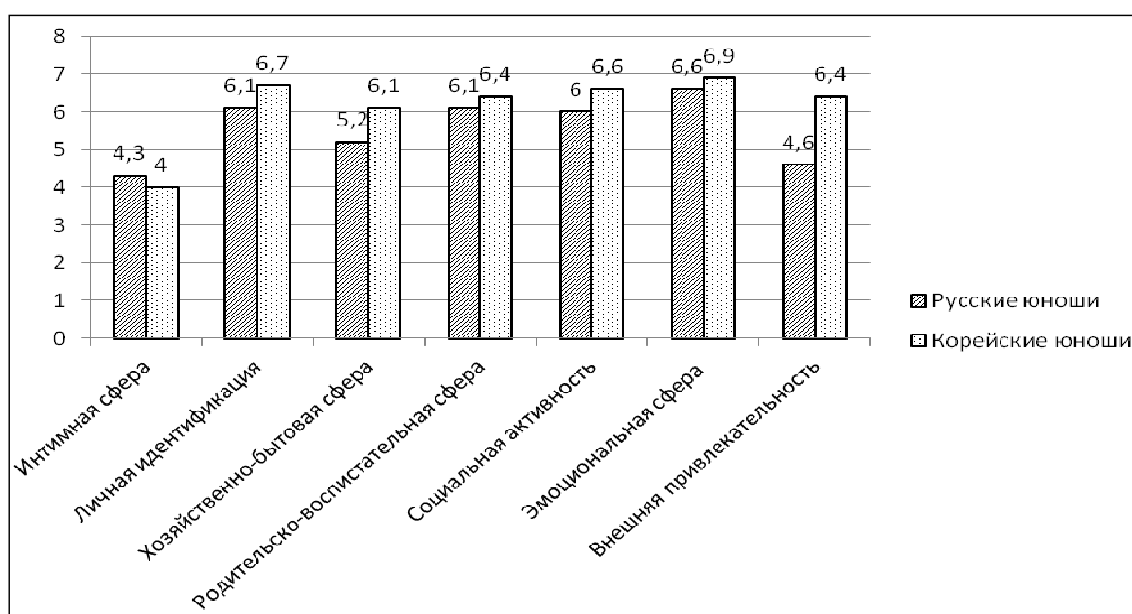

Рис. 3. Межэтническое сравнение средних показателей

На рисунке видно, что присутствует разница между показателями внешней привлекательности, но согласно методике РОП они не являются критическими, поскольку о критичности показателей можно говорить в том случае, если разница превышает отметки 3 балла. Данная шкала даёт оценку ориентации супруга на современные образцы внешнего облика. Так же показатели таких шкал, как личностная идентификация, родительско-воспитательная и эмоциональная, говорят о том, что для мужчин важны общие увлечения, совместное времяпровождение, юноши считают

важным свой вклад в воспитании детей. И ещё для них важна эмоциональная поддержка супруги.

На данном графике (рис. 4) видно, что показатели таких шкал, как личностная идентификация, социальная активность и эмоционально-психотерапевтическая, высокие. Это говорит о том, что эти сферы семейной жизни важны для женской половины.

Также были проведены гендерные (рис. 5, 6) и этнические (рис. 7, 8) сравнения средних показателей по данной методике. Полученные результаты говорят о том, что семейные ценности и ролевые установки у корейской и русской молодёжи схожи.

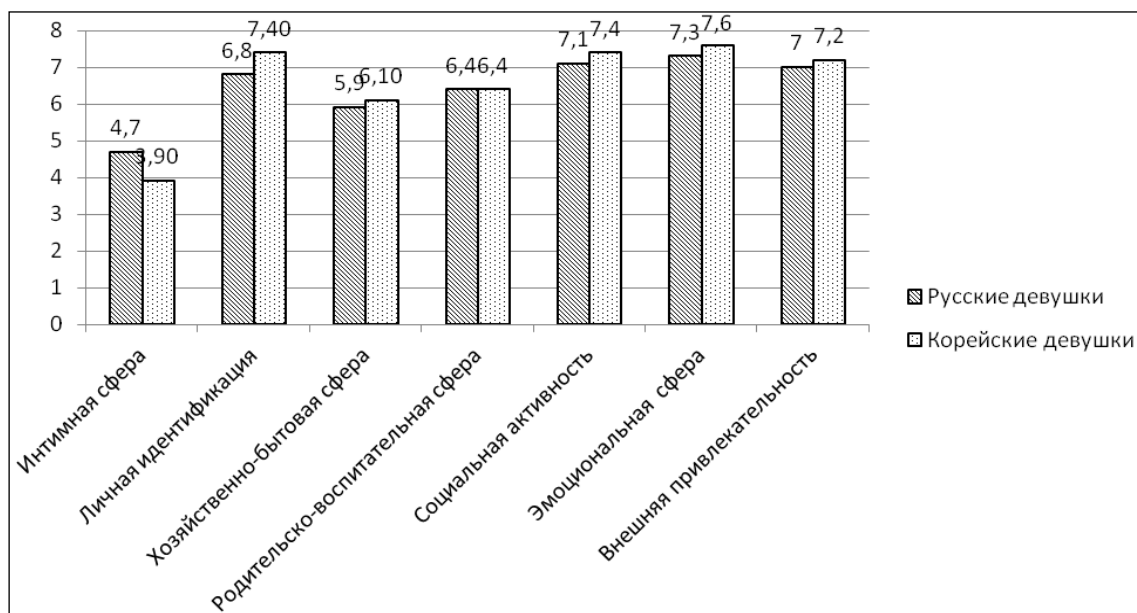

Рис. 4. Межэтническое сравнение средних показателей

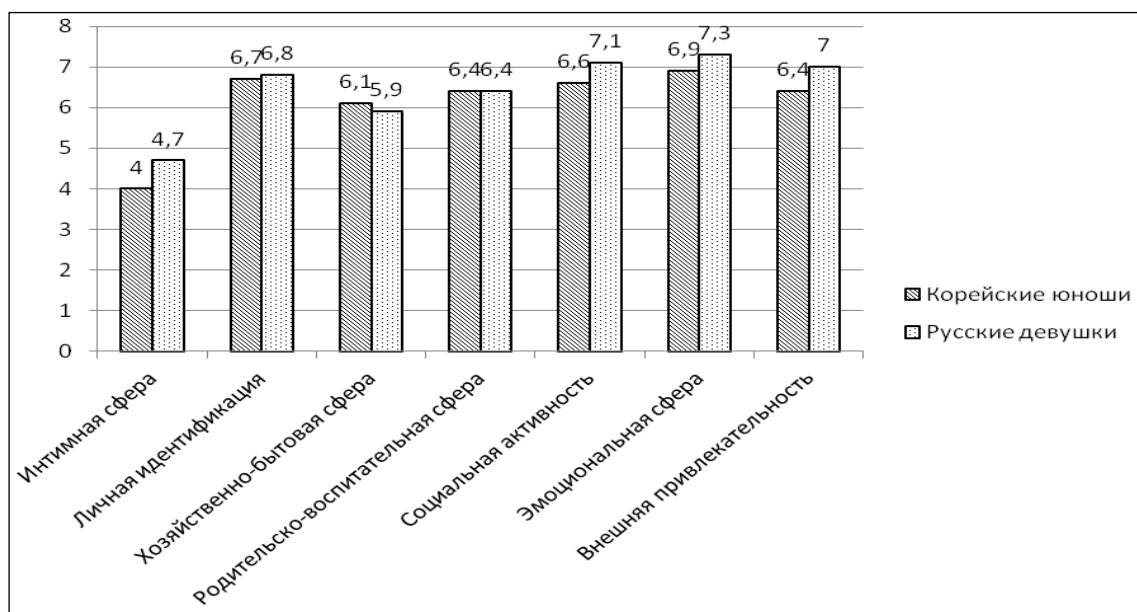

Рис. 5. Гендерное сравнение средних показателей

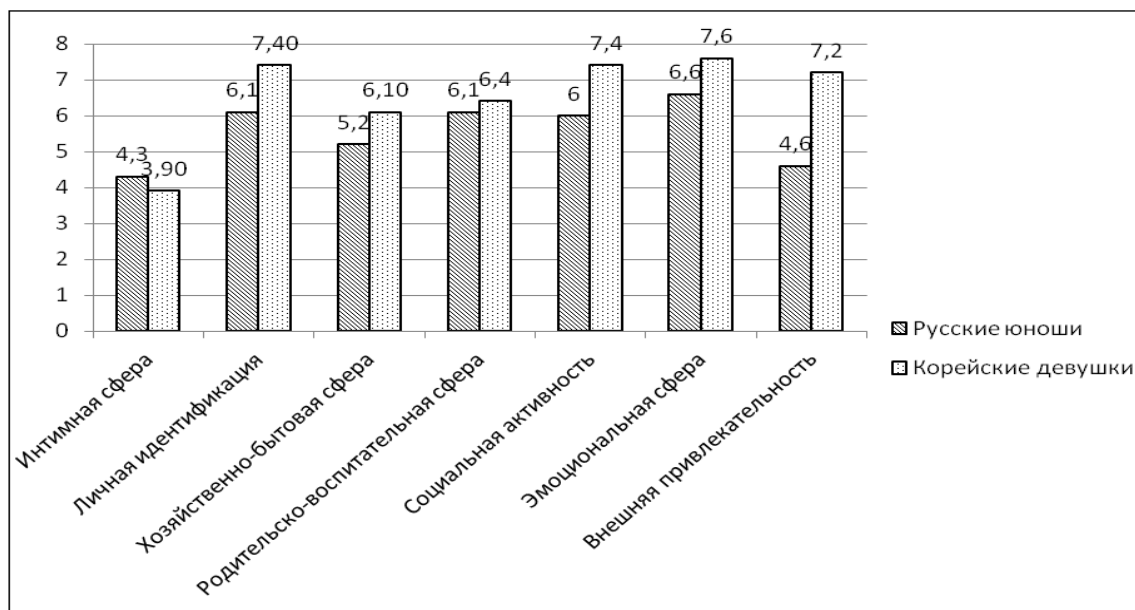

Рис. 6. Гендерное сравнение средних показателей

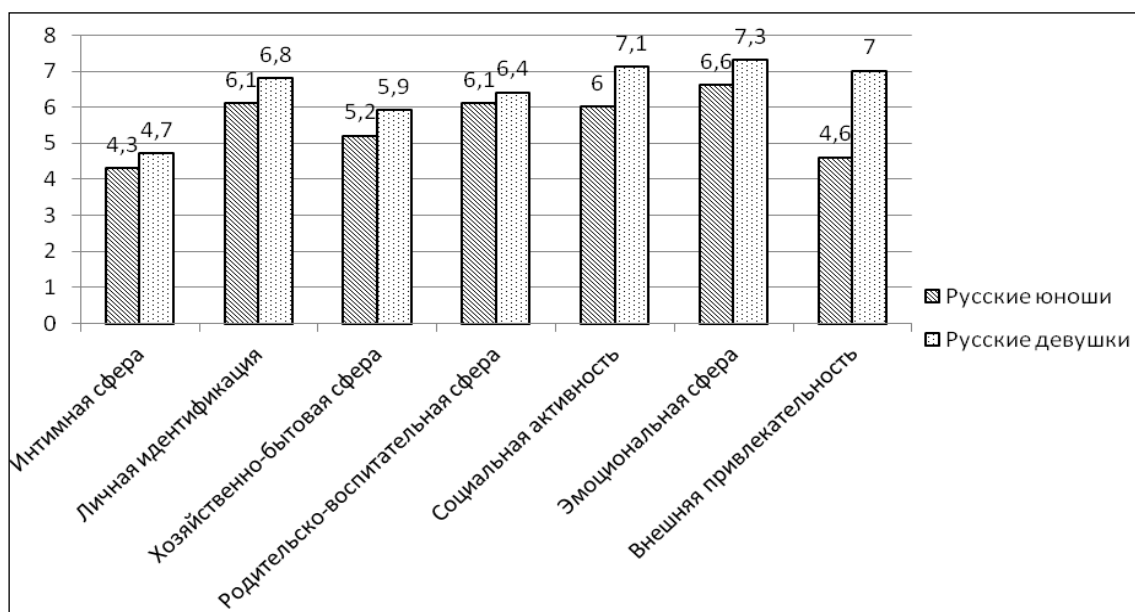

Рис. 7. Этническое сравнение средних показателей

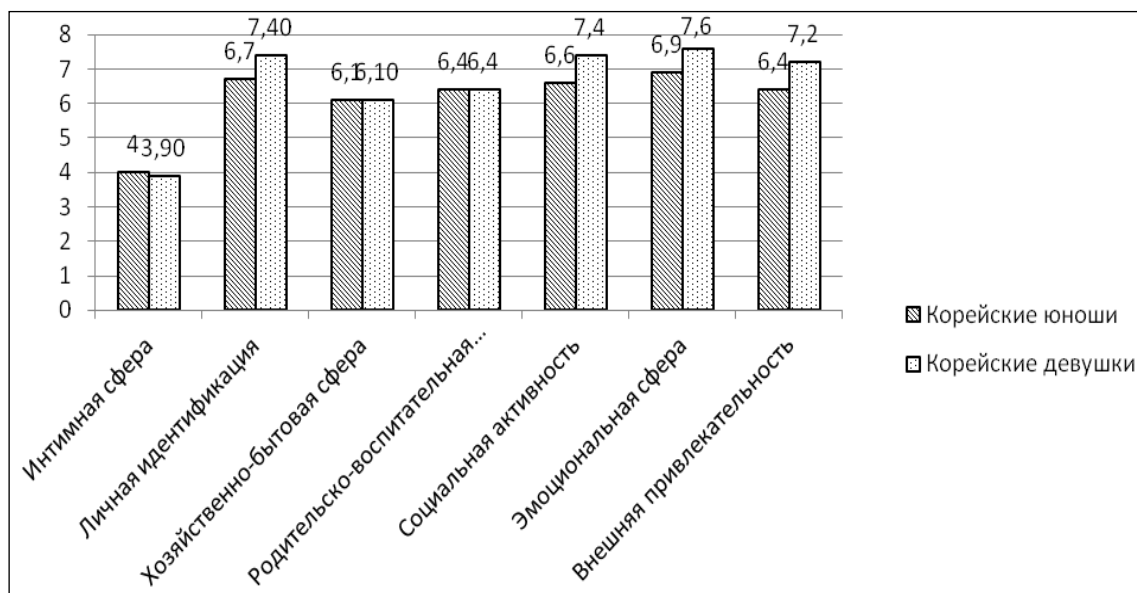

Рис. 8. Этническое сравнение средних показателей

Каждый график, содержащий семь шкал, позволил определить иерархию семейных ценностей русских и корейских студентов. Под семейными ценностями мы подразумеваем те аспекты семейной жизни, которые отражают основные функции семьи: воспитание подрастающего поколения, эмоциональная поддержка супругами друг друга, организация семейного быта, сексуальные отношения, организация досуга, эстетические ценности, социальная активность и т.п. Ответы опрашиваемых русских и корейских студентов позволили выявить весомость указанных аспектов семейной жизни. Мы смогли убедиться, что иерархия семейных ценностей у русской и корейской молодежи во многом сходна. Методика РОП (ролевые ожидания и притязания в браке) предполагает наличие 7 шкал.

1. Значимость сексуальных отношений в браке. В основном мы видим, что оценки по данной шкале не превышают 4 баллов.

2. Личностная идентификация с партнёром (общность ценностей, потребностей, интересов, способов времяпрепровождения). Здесь так же показатели у русской и корейской молодежи схожи – по 6 – 7 баллов.

3. Установка на реализацию хозяйственно-бытовых функций семьи. И опять мы видим схожесть показателей – 6 баллов.

4. Отношение к родительским обязанностям – 6 баллов. У русских и корейских девушек по 7 баллов.

5. Установка на значимость социальной активности (профессиональной, общественной) для стабильности семейных отношений. Показатели схожи. В пределах 6 – 7 баллов.

6. Установка на значимость эмоционально-психотерапевтической функции брака (поддержка, внимание и т. п.) так же 6 – 7 баллов.

7. Установка на значимость внешнего облика партнёра, его соотношения с эталонами современной моды. Здесь мы можем наблюдать некоторые различия (хотя показатели не являются критическими). Для

русских юношей внешняя привлекательность девушки как брачного партнера не является приоритетной [6].

В целом можно сказать, что для русских и корейских студентов характерна определенная схожесть представлений о ценностях семейных отношений. Некоторые расхождения в установках молодежи на важные аспекты семейного взаимодействия не превышают допустимой нормы (допустимая норма разности – не более 3 баллов). Молодые люди и девушки считают особенно значимым в семейной жизни единство ценностей, потребностей, интересов, представлений, взглядов, жизненных планов мужа и жены. Соответственно, можно сделать вывод, что молодёжь ориентируется на «супружеский» тип семейного взаимодействия, ядро которого составляет ценностно-ориентационное единогласие супружеской пары.

По мнению студентов, в семейной жизни также остаются в приоритете родительские обязательства, любовь к детям; хорошие взаимоотношения, уважение и забота к супругу; привлекательность и опрятность (своя и супруга); желание и стремление воплощать в жизнь свои мечты, касающиеся профессиональных амбиций; готовность брать на себя ответственность по решению бытовых задач, встающих перед семьёй. Хотя по поводу внешнего облика русские юноши не столь притязательны. По их мнению, мода и привлекательность не так важны для семейной жизни, как доверительные отношения с партнером, хозяйственность и родительство.

С точки зрения студенческой молодёжи, сексуальные отношения имеют не такую большую значимость в браке, как всё остальное. Это вполне характерно для юношей и девушек, еще не вступивших в брак, потому, что осознание важности интимных отношений приходит не сразу, а постепенно устанавливается изо дня в день, в течение продолжительной совместной жизни, по мере достижения психосексуальной совместимости мужа и жены.

Самоценность человеческой жизни, его духовный мир, определяется степенью развитости и зрелости его ценностных ориентаций, сопричастности к обществу, его истории, широтой его интересов, разнообразием связей и взаимоотношений с обществом.

Развитие личностных качеств любого человека берет своё начало в семье. Семья не может существовать без общества, но и общество, в свою очередь, нуждается в семье. Определённое общество в определённом временном промежутке влияет на семейный уклад, на те нормы морали, которое социум желает видеть в семье, создавая тот тип семьи, который нужен на данном этапе. А семья ускоряет развитие общества, как социального, так и экономического. Семья ответственна за подрастающее поколение, которое столь необходимо обществу. Семья, несомненно, нужна и важна для всего человечества. Это обусловлено потребностью общества в духовном и физическом воспроизводстве самого человека. «Целью и результатом личностного развития является зрелая автономная личность, обладающая такими интегральными характеристиками, как аутентичность и интенциональность, отличающаяся осмысленностью и продуктивностью жизни и деятельности» [16, с. 83].

Сохранение и развитие семьи всецело зависит от юношей и девушек, которые собираются пойти по жизни вместе, от их понимания, что семью нужно оберегать, сохранять, каждый день работать над собой и над своими отношениями, от понимания того, что семейная жизнь не всегда счастливая, солнечная и светлая: бывают и кризисные моменты, которые тоже нужно постараться пережить вместе. И прочность семейного союза зависит от способности каждого супруга уважать своего ближнего, не забывая о том, что тот человек, с которым он связал свою жизнь, так же ценен, как и он сам.

Проведённое исследование представлений о семейных ценностях молодёжи показывает, что семья для молодого поколения остаётся значимым сегментом их жизни, наряду с образованием, профессиональными успехами, социальным статусом и т. п. Схожий базис основных семейных ценностей у русской и корейской молодёжи убеждают в главном: люди любой национальности, любой культуры и религии стремятся к созданию семьи, своего маленького мира, в котором человек ощущает себя защищённым, нужным, любимым.

Литература

1. Аккерман Н. Семья как социальная и эмоциональная единица // Семейная психотерапия. СПб., 2000. 67 с.
2. Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М., 2006. Приложение 10. С. 152 – 191.
3. Белогай К. Н., Кускова М. В. Супружеские отношения на этапе «Молодой семьи» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2009. Вып. № 1. С. 72 – 77.
4. Ким Х. Ч. Особенности идентификации корейской молодёжи в современной России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. Ломоносова, 2008.
5. Ким Г. Н., Хан В. Актуальные проблемы корейской диаспоры // Диаспоры. М., 2001. № 2 – 3. С. 191.
6. Олифинович Н. И., Зинкевич-Кузёмкина Т. А., Велента Т. Ф. Семейные кризисы: феноменология, диагностика, психологическая помощь. М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2005. 356 с.
7. Проскурин В. Н. Семья основа социализации личности // Ярославский педагогический вестник. 1995. № 2(3). С. 42 – 50.
8. Санжаревский И. И. Политическая наука: словарь-справочник. 2010.
9. Сидоренко Е. В. Математические методы в психологии. СПб.: Речь, 2003.
10. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая сфера личности: учебное пособие. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. 92 с.
11. Силяева Е. Г. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования. М.: Академия, 2002. 192 с.
12. Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения в 1994 г.) / Госкомстат РФ. М., 1995. С. 15 – 36.
13. Удовиченко И. А. Динамика семейных ценностей современной молодёжи и проблемы семейной политики // Современная семья: проблемы и перспективы развития: матер. Всерос. науч. конф. Тверь, 2001. С. 68.
14. Шаповалов В. Ф. Возрастно-половой состав и состояние в браке населения Приморского края: доклад. Приморскстат, 2012. 26 с.
15. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания / Мин-во обр. и науки РФ; Кем. гос. ун-т. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012. 237 с.
16. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник КемГУКИ, 2012. С. 82 – 97.

Информация об авторе:

Сапожникова Елена Евгеньевна – старший преподаватель кафедры психологии Дальневосточного Федерального университета (ДВФУ), г. Владивосток, bifi@mail.ru.

Elena E. Sapozhnikova – Senior Lecturer at the Department of Psychology, Far Eastern Federal University, Vladivostok.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

**ВОЗМОЖНОСТИ ИЗОТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ,
НАХОДЯЩИМИСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ***А. Н. Свиридова, Н. В. Басалаева, Т. В. Казакова, Т. В. Захарова***THE POSSIBILITY OF ISOTHERAPY
IN WORKING WITH ADOLESCENTS IN SOCIAL RISK**
A. N. Sviridova, N. V. Basalaeva, T. V. Kazakova, T. V. Zakharova

В статье представлены результаты эмпирического исследования возможности изотерапии в работе с подростками, находящимися в социально опасном положении. Подростки, находящиеся в социально опасном положении характеризуются проявлением повышенного уровня агрессии, враждебности, тревожности, наличием низкого уровня саморегуляции, эмоциональной неуравновешенности и самопринятия. Во взаимодействии с окружающими, проявляют деструктивные, асоциальные и эмоционально неадекватные формы поведения и общения. Им присущи чувство обиды, одиночества, эмоциональной отверженности и беспомощности, нередко сопровождающиеся чувством вины. Изотерапия является эффективным методом в работе с подростками находящимися в социально опасно положении. Представлены результаты формирующего эксперимента, которые показывают эффективность метода изотерапии в работе с подростками, находящимися в социально опасном положении.

The paper presents the results of the empirical research into the possibility of isotherapy in working with adolescents in social risk. Adolescents in social risk are characterized by increased expression levels of aggression, hostility, anxiety, low level of self-regulation, emotional balance and self-acceptance. In collaboration with others, they demonstrate destructive, antisocial and emotionally inappropriate behavior and communication. They are characterized by resentment, loneliness, emotional isolation and helplessness, often accompanied by feelings of guilt. Isotherapy is an effective method in working with adolescents being in socially dangerous position. The authors present the results of the basic experiment which show the effectiveness of the method of isotherapy in working with adolescents in social risk.

Ключевые слова: изотерапия, подростки, находящиеся в социально опасном положении, агрессивность, тревожность.

Keywords: isotherapy, adolescents at social risk, aggressiveness, anxiety.

Актуальность проблемы исследования обусловлена тем, что за последние годы наблюдается рост количества подростков, находящихся в социально опасном положении. Это связано с увеличением подростковой преступности и в большинстве случаев с неблагополучием семей, в которых проживают несовершеннолетние. Основными особенностями таких семей являются: низкий уровень педагогической культуры, деструктивные эмоционально-конфликтные отношения между супругами, социально-экономическое неблагополучие, аморальный образ жизни, зависимость от алкоголя и психоактивных веществ, деформированность общечеловеческих ценностных ориентаций, жестокое отношение к детям и насилие над ними. Все эти факторы представляют серьезную угрозу для подростков, отрицательно сказываясь на их психологическом и физическом здоровье, и во многом определяют их поведение.

Подростки, находящиеся в социально опасном положении, не социализированы, не имеют позитивной модели поведения, не умеют выстраивать конструктивные взаимоотношения с взрослыми и сверстниками, в различных ситуациях проявляют неуверенность в себе, замкнутость, агрессивность, тревожность, склонность к зависимому и рискованному поведению, что свидетельствует о деформации личностного развития и поведения [4].

В связи с этим возникает проблема в поиске наиболее эффективных методов коррекционной работы с подростками, находящимися в социально опасном по-

ложении, что на сегодняшний день является весьма актуальным вопросом в области психолого-педагогических исследований.

Одним из таких методов, по нашему мнению, является метод изотерапии основанный на воздействии на личность средствами изобразительной деятельности. Психологическая наука давно убеждена в том, что творчество помогает человеку справиться со многими личностными, эмоциональными и поведенческими проблемами, способствует личностному росту и раскрытию. Метод изотерапии не навязывает человеку «внешних», «механических» средств разрешения его проблем, а «запускает» его внутренние ресурсы, что способствует эффективности коррекционной работы.

Подростки, находящиеся в социально опасном положении – это лица, которое вследствие безнадзорности или беспризорности находится в обстановке, представляющей опасность для их жизни или здоровья, либо не отвечающей требованиям к их воспитанию или содержанию, либо совершают правонарушения или антиобщественные действия [4].

Основным фактором отнесения подростков к группе несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении является неблагополучие семьи, в которой они воспитываются.

С точки зрения психологов (К. Хорни, и др.), в формировании самосознания подростков значительную роль играет семья, стиль семейного воспитания, определяемый родительскими ценностными ориента-

циями, установками, эмоциональным отношением к ребенку. Особенности восприятия родителей ребенком и способы поведения с ними обуславливают усвоение подростками основных правил и норм поведения, вырабатывают их позицию по отношению к миру и самому себе. Семейное неблагополучие в свою очередь порождает массу проблем в поведении детей, их развитии и образе жизни.

Так, К. Хорни полагала, что травмирующие переживания в семье способствуют формированию у ребенка особого склада характера, который она называет базальной тревожностью [6]. Э. Эриксон отмечал, что в подростковом возрасте формируется идентификация личности или спутанность ролей, когда перед ребенком встает задача осмыслить его различные социальные роли [7]. А. Адлер видел причины невроза в особенностях детского развития. Понимая невроз как нарушенный стиль жизни, Адлер считал одной из основных причин его формирования неправильное воспитание ребенка. Он указывает на две крайности в воспитании: вседозволенность и отвергание ребенка, лишение его необходимой поддержки, в результате чего у ребенка формируется нереалистичное представление о своем «Я», чувство неполноценности и стремление к его компенсации, выделить следующие психологические особенности подростков, находящихся в социально опасном положении:

- нарушение «Я-концепции»;
- неуверенность в себе;
- убеждение в своей ненужности и невозможности добиться в жизни чего-то своими силами;
- повышенный уровень тревожности и агрессивности;
- чувство недоверия и враждебности к окружающим;
- неумение выстраивать конструктивные формы взаимоотношений со сверстниками и взрослыми;
- чувство одиночества и собственной беспомощности;
- стремление к «красивой», легкой жизни, удовольствиям;
- искажение направленности интересов;
- трудности в понимании и выражении эмоций;
- склонность к правонарушениям и девиантному поведению;
- деформация ценностных ориентаций и социальных установок;
- проекция на себя неудачной жизни собственных родителей;
- трудности в овладении учебным материалом [1].

Рассмотрев психологические особенности подростков, находящихся в социально опасном положении, мы пришли к выводу, что ввиду неблагополучия семьи, в которой они воспитываются, у них главным образом происходит деформация особенностей личностного развития и поведения.

Изотерапия – один из эффективных инструментов психологической работы, основанный на применении средств изобразительного искусства и являющийся наиболее распространенным направлением арттерапии.

Из всех методов арттерапии изотерапия имеет самый широкий спектр показаний. Так, в коррекционной работе с подростками, находящимися в социально опасном положении она может быть направлена на коррегирование следующих проблем личностного развития и поведения.

Привлекательность рисуночной терапии объясняется тем, что она помогает ребенку увидеть в своём изобразительном продукте личностный смысл и осознать связь изображения с содержанием своего внутреннего мира и опыта, а также способствует развитию способности к рефлексии.

Сущность изотерапии заключается в том, что посредством творческого самовыражения своих внутренних проблем на бумаге, человек доносит психотерапевту информацию о существующей проблеме, которую не решился бы озвучить при помощи словесного контакта. Для людей, неспособных рассказать о своих проблемах, изотерапия зачастую является единственным методом диалога между ним и психотерапевтом, так как выразить свои эмоции посредством творчества гораздо проще, нежели рассказать о них [5].

Возможности изобразительного искусства в коррекционной работе с подростками, находящимися в социально опасном положении связаны, прежде всего, с тем, что собственная изобразительная деятельность может стать для подростков источником новых позитивных переживаний, способствовать появлению творческих потребностей и предоставить возможности их удовлетворения в том или ином виде художественной практики. Также это возможность научиться компенсировать средствами искусства негативные переживания, сформировать навыки конструктивного общения, проявить себя социально-приемлемыми способами взаимодействия с окружающими людьми и сформировать будущую модель своего поведения [2].

Экспериментальное исследование, направленное на изучение особенностей личностного развития и поведения подростков, находящихся в социально опасном положении и организацию проведения коррекционной программы с использованием изотерапии при работе с подростками, находящимися в социально опасном положении, проводилось на базе четырех Лесосибирских общеобразовательных школ в октябре 2014 г. – апреле 2015 г.

Выборка представлена подростками, находящимися в социально опасном положении, в количестве 40 человек в возрасте от 13 до 15 лет. Характеризуя данную выборку, следует отметить, что 35 подростков данной группы проживают в семьях, находящихся в социально опасном положении и 5 подростков состоят на учете в ОВД, КДН и ЗП ввиду совершения ими преступной деятельности.

Для изучения особенностей личностного развития и поведения подростков, находящихся в социально опасном положении нами были использованы следующие методики:

Опросник «Многомерная оценка детской тревожности» (МОДТ) Е. Е. Ромицыной. Методика диагностики показателей и форм агрессии А. Басса, А. Дар-

ки. Фрайбургский личностный опросник (FPI-B) адаптированный А. А. Крыловым, Т. И. Ронгинской.

Анализируя данные, полученные по опроснику «Многомерная оценка детской тревожности», мы отмечаем, что у экспериментальной группы подростков, находящихся в социально опасном положении преобладает средний уровень тревожности, являющийся нормальным уровнем необходимым для адаптации и продуктивной деятельности личности. Свой оптимальный (или желательный) уровень тревожности присутствует у каждого человека, такая тревожность иногда называется «полезной».

Следует отметить, что по шкалам «тревога во взаимоотношениях с учителями» и «тревога во взаимоотношениях с родителями» половина группы испытуемых (50 %) имеет крайне высокий уровень тревожности, что говорит об их трудностях во взаимоотношениях с родителями и педагогами и является неблагоприятным фактором, вызывающим негативные психоэмоциональные состояния, воздействующие на личность и поведение подростков.

Так же мы отмечаем, что по шкалам «тревога во взаимоотношениях со сверстниками» и «тревога в связи с оценкой окружающих» наряду со средним уровнем тревожности у испытуемых преобладает высокий уровень (33 – 42 %). В данном случае можно говорить о том, что для данной группы подростков характерны неуверенность в себе, низкая степень самопринятия, неумение выстраивать конструктивные формы взаимоотношений со сверстниками, что существенным образом влияет на процесс социальной адаптации.

В меньшей степени прослеживается наличие низкого уровня тревожности, который в свою очередь также является неблагоприятным показателем, так как полное отсутствие тревожности чаще всего свидетельствует об инфантильной жизненной позиции, недостаточной сформированности самосознания, препятствует личностному развитию и продуктивной деятельности.

Таким образом, анализ результатов уровня тревожности у подростков, находящихся в социально опасном положении свидетельствует о наличии тревожности у данной группы подростков, проявляющейся в неумении выстраивать взаимоотношения с окружающими людьми, социальной дезадаптации, нерешительности и эмоциональной сдержанности. Такие подростки характеризуются деструктивными навыками общения с окружающими, неумением адекватно выражать свои эмоции, чувством одиночества и ненужности, низкой самооценкой и неуверенностью в себе, что проявляется в повышенном уровне тревожности и способствует деформации личностного развития.

Анализ результатов экспериментального исследования агрессивных и враждебных реакций у подростков находящихся в социально опасном положении по методике диагностики показателей и форм агрессии показал, что 67 % подростков имеют высокий уровень агрессивности, что свидетельствует о проявлении у данной группы испытуемых агрессивных реакций в форме раздражительности, физической и вербальной

агрессии. Для данной группы испытуемых наиболее характерно выражение негативных чувств через форму и содержание словесных угроз и оскорблений, использование физической силы против других лиц. У них наблюдается готовность к проявлению вспыльчивости, резкости, грубости при малейших ситуациях кажущихся им неопределенными, угрожающими. Средний уровень агрессивности (33 % испытуемых) является допустимым уровнем проявления агрессии.

Так же отмечаем, что больше половины испытуемых (58 %) имеют высокий уровень враждебности, говорящий о том, что подросткам данной группы характерно проявление враждебных реакций в форме обиды и чувства вины. Они убеждены в том, что они являются плохими людьми, поступают злобно, наряду, с чем испытывают угрызания совести, зависть и ненависть к окружающим, которые в свою очередь обусловленные чувством горечи, гнева на весь мир за действительные или мнимые страдания. Средний уровень враждебности имеют 42 % подростков, так же как и в первом случае, он считается допустимой нормой.

Следует также отметить, что при обработке результатов исследования по данной методике, наибольшие показатели агрессивных и враждебных реакций были отмечены по шкалам: «раздражительность», «обида», «подозрительность», «вербальная агрессия», что говорит о наиболее проявляемых формах агрессии и враждебности у данной группы испытуемых.

Таким образом, анализируя результаты агрессивных и враждебных реакций у подростков, находящихся в социально опасном положении, можно говорить о том, что в силу отсутствия конструктивных навыков и социально одобряемых форм поведения, большинство подростков данной группы проявляют агрессивные и враждебные формы поведения при взаимодействии с окружающими людьми, что в свою очередь существенным образом влияет на формирование у них девиантного и правонарушающего поведения, нередко приводящего к личностному саморазрушению.

Анализируя результаты экспериментального исследования состояний и свойств личности у подростков, находящихся в социально опасном положении по методике Фрайбургский личностный опросник, мы отмечаем, что по шкалам «спонтанная агрессивность», «раздражительность», «реактивная агрессивность», «эмоциональная лабильность» более половины группы испытуемых (58 – 67 %), имеет высокие показатели, что говорит об их выраженной дезорганизацией поведения, ведущей к социальной дезадаптации. Данная группа подростков характеризуется плохой саморегуляцией, склонностью к уклонению от выполнения обязанностей, игнорированию общественных правил и культурных норм, пренебрежительным отношением к моральным ценностям, ради собственной выгоды способным на нечестность и ложь. У таких лиц сильно выражено влечение к острым аффективным переживаниям, при отсутствии которых преобладает чувство скуки. Они стремятся удовлетворить свои желания через антисоциальные формы поведения, серьезно не задумываясь о последствиях своих поступков, действуют импульсивно и непроду-

манно. Зачастую такие подростки не способны к работе, требующей волевых усилий, концентрации, собранности. Ситуации с высокой степенью неопределенности переносят плохо, расценивая их как трудно преодолимые, легко теряясь и впадая в отчаяние. Остро переживая свой неуспех, могут наряду с самообвинительными реакциями демонстрировать враждебность по отношению к окружающим лицам. Конфликтное поведение как правило является наиболее часто избираемой формой защиты от травмирующих личностных переживаний. Критику и замечания в свой адрес воспринимают как посягательство на личную свободу. Испытывают враждебные чувства по отношению к тем людям, которые пытаются контролировать их поведение, держаться в социально допустимых рамках.

Также следует отметить, что по шкалам «общительность» и «уравновешенность» низкие показатели имеют 58 % и 67 % испытуемых, что также свидетельствует о деформации социальной адаптации. Для данной группы подростков характерны такие черты как замкнутость в общении, холодность, деструктивность в межличностных отношениях, конфликтность, упрямство, неупорядоченные в поведении. Недостаток дисциплины является наиболее частой внешней чертой их поведения. Им присущи чувство собственной неполноценности, одиночества и беспомощности.

По шкале «открытость» 92 % подростков, находящихся в социально опасном положении имеют показатель высокого уровня, что свидетельствует о достоверности результатов полученных в ходе диагностики с помощью данной методики.

Проанализировав полученные результаты, можно сказать, что подростки, находящиеся в социально опасном положении характеризуются проявлением повышенного уровня агрессии, враждебности, тревожности, наличием низкого уровня саморегуляции, эмоциональной неуравновешенности и самопринятия. Во взаимодействии с окружающими, проявляют деструктивные, асоциальные и эмоционально неадекватные формы поведения и общения. Им присущи чувство обиды, одиночества, эмоциональной отверженности и беспомощности, нередко сопровождающиеся чувством вины.

Нами была апробирована коррекционная программа с использованием изотерапии при работе с подростками, находящимися в социально опасном положении.

Цель нашей программы: коррекция особенностей личностного развития и поведения подростков, находящихся в социально опасном положении.

Программа ориентирована на решение следующих задач:

1. Снижение уровня тревожности и агрессии.
2. Повышение уверенности в себе.
3. Развитие навыков общения и эффективного взаимодействия.
4. Формирование конструктивных поведенческих реакций, снятие деструктивных элементов поведения.
5. Развитие самосознания, позитивного «Я образа».

6. Осознание собственных эмоций и чувств других людей, развитие эмпатии.

7. Развитие творческого мышления, воображения, креативности.

8. Формирование навыков рефлексии.

Программа основана на следующих принципах:

- добровольного участия;
- отсутствия осуждений и оценки;
- доброжелательности;
- взаимопомощи;
- доверия и открытости;
- ориентации на успешную деятельность;
- обратной связи;
- самореализации.

Ожидаемые результаты:

- накопление эмоционально-положительного опыта;
- снятие эмоционального напряжения, повышенного уровня тревожности, агрессивности;
- формирование мотивации на самопознание;
- повышение уверенности в себе;
- овладение конструктивными навыками взаимодействия и поведения;
- развитие вариативности мышления;
- творческое самовыражение.

Данная программа рассчитана на групповую форму работу с подростками в возрасте 13 – 15 лет.

Программа состоит из 15 занятий, каждое из которых имеет свою направленность и вместе с тем, в силу многостороннего воздействия изотерапии, позволяет решать несколько задач одновременно. Занятия проводятся 1 раз в неделю во второй половине дня на протяжении четырех месяцев. Продолжительность каждого занятия 1,5 часа.

Нами было проведено повторное диагностическое обследование подростков, находящихся в социально опасном положении в апреле 2015 г. В качестве диагностического инструментария выступали методики, которые использовались при первичном диагностическом обследовании.

Сопоставляя результаты первичной и повторной диагностики уровня тревожности у подростков, находящихся в социально опасном положении по методике «Многомерная оценка детской тревожности», мы можем отметить, что у большинства испытуемых значительно изменился уровень тревожности. Так при первичном диагностическом исследовании наряду со средним уровнем тревожности по многим шкалам, преобладал крайне высокий и высокий уровень и в незначительной мере отмечался низкий уровень тревожности. При повторном проведении исследования, мы отмечаем у подростков отсутствие наличия крайне высокого и низкого уровня тревожности, а также значительное увеличение среднего уровня тревожности по всем шкалам данной методики. Также стоит отметить, что высокий уровень тревожности колеблется у испытуемых от 8 до 33 %. Таким образом, анализируя полученные данные, можно сказать, что у большинства подростков данной группы общее тревожное состояние снизилось, уровень тревожности достиг оптимального (полезного) уровня.

Анализируя результаты первичного и повторного экспериментального исследования агрессивных и враждебных реакций у подростков находящихся, в социально опасном положении по методике диагностики показателей и форм агрессии, мы видим, что количество подростков имеющих высокие показатели проявления агрессивности и враждебности снизилось. При первичной диагностики высокий уровень агрес-

сивности был выявлен у 67 % подростков, враждебности – у 58 %, при повторной – наличие высокого уровня агрессивности отмечено у 17 %, враждебности – у 25 %, что свидетельствует о снижении агрессивного поведения во взаимоотношения с окружающими, выработке новых форм и моделей поведения, повышении саморегуляции и эмоциональной устойчивости.

Таблица

Программа занятий

<i>№ занятия</i>	<i>Название занятие</i>	<i>Цель занятия</i>	<i>Используемая изотерапевтическая техника</i>
1	«Футболка с надписью»	Знакомство и сплочение группы.	Рисование на мокрой бумаге
2	«Удивительные существа»	Формирование мотивации на саморазвитие и самореализацию.	Рисование на заданную тему
3	«Грани моего Я»	Осознание и интеграция характеристик своего «Я».	Коллаж
4	«Маски»	Развития самосознания.	Рисование пластилином
5	«Рисунок по кругу»	Снятие психоэмоционального напряжения.	Дополнительное рисование
6	«Метафорический автопортрет»	Поиск «внутренних ресурсов».	Граттаж
7	«Мой страх»	Повышение уверенности в себе и высвобождение от негативной энергии.	Размывание и бесконтактное рисование
8	«История-диафильм»	Развитие способности посмотреть на проблему с другой стороны.	Парное рисование
9	«Рисуем настроение»	Самовыражение и высвобождение от негативной энергии.	Спонтанное рисование
10	«Карта моей души»	Формирование установки на саморазвитие.	Отпечатки
11	«Коллективная композиция»	Активизация внутренних ресурсов и творческих проявления.	Сочетание разных техник
12	«Цветоформы»	Развитие воображения, актуализация чувств и снятие эмоционального напряжения.	Техника раздувания краски
13	«Окружающая среда»	Формирование установки на саморазвитие.	Коллаж
14	«Герб и символ»	Развитие позитивной Я-концепции.	Рисование пластилином
15	«Окно»	Снятие психоэмоционального напряжения, связанного с событиями прошлого, настоящего и формирование умения построения жизненной перспективы.	Триптих

Сопоставляя результаты первичной и повторной диагностики состояний и свойств личности у подростков, находящихся в социально опасном положении, по методике Фрайбургский личностный опросник, мы отмечаем, что у многих подростков изменился уровень по шкалам «спонтанная агрессивность», «депрессивность», «реактивная агрессивность», «застенчивость», «эмоциональная лабильность». Если при первой диагностики у испытуемых преобладал высокий уровень (67 – 58 %), свидетельствующий о деформации социальной адаптации, регулирования поведения и негативных эмоциональных состояниях, то

при повторной диагностики у большей половины группы наблюдается средний уровень (83 – 58 %), говорящий о норме личностного развития, формировании адекватных форм поведения и общения. По шкале «открытость» 100 % подростков, имеют показатель высокого уровня, что свидетельствует о достоверности результатов полученных в ходе повторной диагностики с помощью данной методики.

Для определения значимости различий результатов первичной и повторной диагностики состояний и свойств личности у подростков, находящихся в социально опасном положении, мы воспользовались авто-

матическим расчетом U-критерия Манна-Уитни. По результатам оценки различий в данных первичной и повторной диагностики можно отметить, что значимые различия получены по шкалам «спонтанная агрессивность», «раздражительность», «общительность», «уравновешенность», «реактивная агрессивность». По шкалам «депрессивность», «застенчивость», «эмоциональная лабильность» значимые результаты не выявлены.

Таким образом, мы можем судить об эффективности проведения коррекционной программы с использованием изотерапии при работе с подростками, находящимися в социально опасном положении, поскольку изотерапия способствует процессу социальной адаптации, формированию конструктивных навыков взаимоотношений и поведения, снижению высокого уровня агрессии, тревожности и эмоционального напряжения, формированию саморегуляции и рефлексии.

Литература

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Прогресс, 1995. 96 с.
2. Зеленкова И. В. Изотерапия с девиантными подростками // Социосфера. Пенза. 2014. С. 108 – 111.
3. Каяшева О. И. Арт-терапия: теория и основные методы в психологической практике. СПб.: НИЦ АРТ, 2015. 452 с.
4. Махмудова Д. М. Подростковая преступность в России: современное состояние, причины и методы снижения // Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ. Тюмень. 2014. С. 161 – 167.
5. Назарова З. Я. Изотерапия в коррекционной работе // Наука, образование, общество: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 10 ч. Тамбов. 2013. С. 104 – 106.
6. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Прогресс, 1993. 480 с.
7. Эриксон Э. Детство и общество / под ред. А. А. Алексеева. СПб.: Речь. 2000. 415 с.

Информация об авторах:

Свиридова Анастасия Николаевна – старший преподаватель кафедры психологии развития личности Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, anastasiya_fits@mail.ru.

Anastasia N. Sviridova – Senior Lecturer at the Department of Psychology of Personal Development, Lesosibirsk Pedagogical Institute – Branch of Siberian Federal University.

Басалаева Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, и. о. зав. кафедрой психологии развития личности Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, basnv@mail.ru.

Natalia V. Basalaeva – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, acting Head of the Department of Psychology of Personal Development, Lesosibirsk Pedagogical Institute – Branch of Siberian Federal University.

Казакова Татьяна Викторовна – старший преподаватель Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, ktv999@mail.ru.

Tatyana V. Kazakova – Senior Lecturer at Lesosibirsk Pedagogical Institute – Branch of Siberian Federal University.

Захарова Татьяна Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики и информатики Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, ta.zaharova@mail.ru.

Tatyana V. Zakharova – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Mathematics and Informatics, Lesosibirsk Pedagogical Institute – Branch of Siberian Federal University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

**ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АКТУАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВЫХ ГРАНЕЙ
СУБЪЕКТИВНЫХ ОБРАЗОВ ПЕРЕЖИВАНИЯ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД ЮНОСТИ***А. В. Серый, Е. М. Вечканова***TEMPORAL ASPECTS OF THE ACTUALIZATION OF THE SEMANTIC FACETS
OF SUBJECTIVE IMAGES IN THE EXPERIENCE OF IDENTITY CRISIS DURING ADOLESCENCE***A. V. Seryy, E. M. Vechkanova*

Анализируется современное состояние проблемы идентичности, роли места в ней темпоральных компонентов. На основе принципов постнеклассической психологии: мультипарадигмальности, сетевого принципа организации знания, обобщенной теории, предполагается видение идентификации как процесса взаимообуславливания трех основных сфер самоосуществления человека. Немаловажным фактором данного процесса является временная перспектива. Приводятся результаты эмпирического исследования, направленного на изучение идентификационных процессов в период кризиса юности. Показывается место и роль временной перспективы в структуре этих процессов. Делается заключение о взаимосвязи характера идентификационных процессов и синхронизации смысла субъективных прошлого, настоящего и будущего.

The paper analyzes the current state of the problem of identity, the role of the temporal components in it. The research is based on the principles of post-non-classical psychology: multiparadigmatics, network organizing principle of knowledge, generalized theory; it assumes a vision of identification as a process of interdependence of three main spheres of realization of the person. The important factor of this process is the temporal perspective. The results of the empirical research aimed at the study of identification processes during the crisis of youth are presented. The study shows the place and role of the temporal perspective in the structure of these processes. It is concluded that the nature of identification processes correlates with the synchronization of the subjective sense of the past, the present and the future.

Ключевые слова: идентичность личности, идентификационные процессы, основные сферы самоосуществления, кризис юности, временная перспектива.

Keywords: identity, identification processes, main areas of self-actualization, crisis of youth, temporal perspective.

Актуализация изучения феномена идентичности как предмета психологического исследования, несмотря на его достаточную проработанность, обусловливается сегодня рядом факторов, определяющих задачи, с которыми приходится сталкиваться исследователям. Во-первых, до сих пор существует разногласованность исследовательских позиций в понимании и описании идентичности как процесса либо как результата становления личности. Во-вторых, наблюдается достаточная противоречивость в трактовке соотношения видов и статусов идентичности (личностная, социальная, этническая, профессиональная, супружеская, гендерная и т. д.). Наиболее распространенной и общепризнанной в психологии является идея о существовании двух аспектов идентичности – социальной, ориентированной на социальное окружение, и личностной, ориентированной на уникальность человека. Противоречивость исследовательских мнений по вопросу соотношения данных аспектов идентичности связана с излишней категоричностью отнесения возможных видов идентичности к какому-либо из крайних полюсов [3]. Кроме того, до сих пор нет определенного интегрирующего подхода к описанию условий, факторов и психологических механизмов идентификации как процесса личностного становления и развития. Разрешение поставленных вопросов возможно на основе принципов постнеклассической психологии, позволяющей рассматривать человека в единстве с окружающей действительностью, в качестве открытой самоорганизующейся системы, сочетающей в себе и образ мира человека (как субъектив-

ную компоненту), и образ жизни (как его деятельностную компоненту), и саму действительность, как многомерный мир человека, «как онтологическое основание его жизни, определяющий сам образ жизни и определяемый ею» [4, с. 157 – 165].

В контексте ценностно-смысловой парадигмы личность человека невозможно рассматривать в отрыве от социокультурной среды, т. е. только как системное качество индивида, определяемое его включенностью в общественные отношения, формирующееся в совместной деятельности и общении, а самого человека, как индивида – субъекта социальных отношений и сознательных действий. Несомненно, что человека, как личность, характеризует система отношений, обусловленных жизнью в обществе, субъектом которых он является, но не всегда эта система отношений носит осознанный характер. Как показывает практика, сложные жизненные ситуации в большинстве случаев есть результат его неинтернализированного выбора, т. е. неосмысленного, а зачастую и неосознаваемого, а сам человек, взаимодействуя с социальной средой, не всегда ощущает себя субъектом жизненной ситуации. В этой связи феномен личности представляется скорее как некий психологический, функциональный орган человека, регулирующий сложную систему взаимодействий между человеком и окружающей его социальной действительностью, которая, в свою очередь, определяет его отношение к себе, к другим людям, к миру.

Вышесказанное обуславливает рассмотрение идентификации не только как процесса самоотожде-

ствления человека с образами «Я», образами других людей или групп, а прежде всего, как переживание человеком данного процесса. Несмотря на достаточную проработанность проблемы идентификации в отечественной психологии, большинство исследований акцентируют внимание на выделении и анализе отдельных аспектов изучаемого феномена (аффективный, когнитивный, поведенческий). Многоаспектность подходов к процессу идентификации, позволяет характеризовать его как фактор, условие или механизм других психологических феноменов: «акт интерперсонального отождествления» (А. В. Петровский), «основа взаимопонимания» (Б. Д. Парыгин), «следствие потребности в общении» (В. С. Мухина), «механизм формирования смысловой сферы личности» (Е. З. Басина), «механизм феномена сопереживания» (Н. Н. Авдеева) и др. [6]. Интеграция полученных в этой области научных знаний в контексте ценностно-смысловой парадигмы позволяет определить идентификацию личности как постоянно воспроизводимый процесс смыслового взаимообуславливания трех основных сфер самоосуществления человека – деятельности, социального окружения и его внутреннего мира (личностного потенциала развития). Данное взаимообуславливание характеризуется актуализацией приоритетности для человека одной из сфер его самоосуществления, определяемой задачами жизненной ситуации, а также взаимосвязью образа мира и образа жизни [10]. Результатом данного процесса является идентичность личности как способность человека ощущать себя субъектом жизненной ситуации. Данное понимание идентичности личности позволяет, по-нашему мнению, разрешить противоречия в определении ее вида, поскольку сам феномен идентичности в данном случае обуславливается контекстом жизненной ситуации и факторами, определяющими ее условия – социальное окружение (нормы и ценности социума), смысл выполняемой человеком деятельности (жизненные задачи развития) и его личностный потенциал самоосуществления (личностные ресурсы на определенной жизненной стадии развития) и статуса. Понятие «жизненная ситуация», вслед за Б. Ф. Ломовым, определяется нами как «система воздействий, не отдельное событие, а система событий», которая «должна рассматриваться соотносительно со свойствами и особенностями того, кто в этой ситуации действует, и с самой его деятельностью» [5, с. 121].

Таким образом, процесс идентификации личности есть неотъемлемый атрибут самоосуществления человека, определяемый системой взаимообуславливания жизненных сфер – деятельность, социальное окружение, личностный потенциал развития. Разрыв взаимосвязи между этими сферами и локализация процесса самоосуществления в одной из них являются индикатором кризиса в становлении идентичности. Объективно кризис можно определить, как несоответствие сложившейся к данному моменту структуры идентичности изменившемуся контексту ее существования. Субъективно же кризис может переживаться как состояние поиска новых возможностей и решения проблем (конструктивный кризис) или как состояние не-

верия в себя и в свое будущее, депрессии (деструктивный кризис) [2].

Для разных социокультурных и возрастных групп становление идентичности характеризуется доминированием ценности будущего или прошлого, при этом происходит перераспределение времени жизни из менее ценной его составляющей в более ценную [9; 16]. Направление этого субъективного переживания времени связано со степенью реализованности жизненных смыслов на разных этапах жизни и наличием перспектив в будущем. Специфическое переживание времени является определенным состоянием, выражающим отношение индивида к смыслам прошлого, настоящего и будущего. Невозможность синхронизировать смыслы влечет за собой односторонний взгляд на объекты и явления действительности. Наличие в настоящий момент свободного структурирования временных аспектов субъективной реальности говорит о целостности самой личности, переживающей это состояние. Э. Эриксон в качестве одной из характеристик психосоциального кризиса выделял особое «диффузное» переживание времени: человек становится не способен ориентироваться в своей жизни, в связанной перспективе настоящего, прошлого и будущего [14]. Период выхода из кризиса при этом знаменуется напряженным переживанием времени, доверием себе в планировании будущего, желанием интенсивных вкладов в свою перспективу. Таким образом, актуализация индивидом содержательно-смысловых граней субъективных образов может служить не только показателем его личностного развития, но и статусом идентичности.

Наиболее ярким периодом жизни человека, демонстрирующим весь спектр кризиса идентификационных процессов, является юность. Как отмечает Э. Эриксон, период юности строится вокруг кризиса идентичности или ролевого смещения, «состоящего из серии социальных и индивидуально-личностных выборов, идентификаций и самоопределений» [14, с. 91]. Понятие «кризис» относится к тому периоду больших усилий в жизни человека, когда он раздумывает, какую выбрать карьеру и каким убеждениям и ценностям стоит следовать в жизни. При этом выход из кризиса характеризуется приобретением положительных качеств личности, иными словами, формированием устойчивых представлений о себе, Я-концепции, Я-образа в сознании молодого человека. Согласно схеме, Э. Коун, данная стадия самоосуществления ставит перед молодым человеком сложные жизненные задачи (независимое существование, принятие решения о начале карьеры, интернализация морали, осознание природы интимных отношений между полами), решение которых определяет статус идентичности, как четкой или неуверенной, и детерминирует дальнейшее личностное развитие личности (жизнь в новой семье, родительская роль, начало карьеры, выработка стиля жизни, принятие обязательств). Ключевыми социальными системами, выступающими в качестве ценностно-нормативных регуляторов самоосуществления, для юношей являются сверстники, учебное заведение или работа, родительская семья, ближайшее социальное окружение. Ресурсами развития для решения жизненных задач данной

стадии и взаимодействия с социальной средой выступают опыт осмысления решения задач предыдущих стадий развития – знания и навыки финансовой независимости, самоанализа в принятии решений, понимания плюрализма в отношениях, принятия ответственности за выбор (цит. по: [1, с. 180]).

В качестве модельной группы, демонстрирующей особенности переживания кризиса идентичности в период юности, может выступать студенческая молодежь. Обучение в вузе можно определить, как особый смысложизненный период в жизни человека, характеризующийся одновременным протеканием процессов профессионального и личностного самоопределения, т. е. актуализацией смысла своей будущей профессиональной деятельности, как центрального компонента в выборе жизненной стратегии. В процессе обучения представления о социальном статусе и содержании выбранной профессии претерпевают значительные изменения под воздействием различных факторов, смысл будущей деятельности (зачастую выбранной из соображений ее престижности) может интернализироваться или измениться в сторону отрицательной полярности. Длительность обучения в вузе, единый вид деятельности (познание), единый характер труда (учеба), общая цель обучения (получение высшего образования), возрастная и психологическая однородность обуславливают формирование социальных аспектов идентичности. «Я-концепция» в данной жизненной ситуации в большинстве случаев определяется молодыми людьми как принадлежность к отдельной социальной группе – «студенчество». Все это означает, что время начала и завершения обучения является для личности молодого человека кризисными периодами перехода из одной смысложиз-

ненной ситуации в другую, со всеми вытекающими последствиями: ломкой сложившихся стереотипов, приспособлением к другим условиям быта, иной социокультурной среде, изменением экономического и социально-демографического статуса.

С целью изучения темпоральных характеристик идентификационных процессов переживания кризиса юности было проведено исследование, в котором приняло участие 180 студентов Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга в возрасте от 18 до 23 лет. Для диагностики уровня переживания кризиса идентичности и изучения его содержательных характеристик использовались следующие психодиагностические методики: опросник «Личностная и социальная идентичность» (ЛиСИ) А. А. Урбанович [13]; методика Куна-Макпартланда "Кто Я?" (модификация Т. В. Румянцевой) [8]; методика временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) [12]; тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, реконцептуализированный для диагностики типа актуального смыслового состояния [11]; методика диагностики мотивационной индукции Ж. Нюттена (русскоязычный вариант, предложенный Д. А. Леонтьевым) [7].

На основании результатов кластерного анализа по методике «Личностная и социальная идентичность» (ЛиСИ) А. А. Урбанович, были выделены две полярные группы (таблица 1): респонденты, демонстрирующие отсутствие кризиса идентичности – 100 человек (**группа 1**) и респонденты с показателями, указывающими на наличие кризиса идентичности в основных сферах самоосуществления – 80 человек (**группа 2**).

Таблица 1
Показатели личностной и социальной идентичности исследуемых групп по методике ЛиСИ

Позиции идентификации ЛиСИ	Группа 1	Группа 2	t-эмп
Моя работа (учеба)	8	2,68	15,83**
Материальное положение	8,04	2,59	19,79**
Мой внутренний мир	8,63	2,79	19,95**
Мое здоровье	6,99	3,13	11,75**
Моя семья	9,57	3,08	21,86**
Мои отношения с окружающими	9,5	2,44	27,72**
Мое будущее	9	2,96	17,41**
Я и общество, в котором живу	7,02	2,86	13,68**

Примечание: ** – $p \leq 0,01$.

Как видно из таблицы 1, по всем позициям идентификационных процессов выявлены статистически значимые различия результатов ($p \leq 0,001$). Социальная позиция респондентов, не переживающих кризис идентичности характеризуется осознанием и принятием роли учебной деятельности в будущем профессиональном становлении, сформированным рациональным отношением к материальным благам, что является необходимым условием для адаптивного и комфортного существования личности в современном обществе, принятием своего социального статуса в обществе и окружающей действительности, неравно-

душным отношением к различным общественным процессам и принятием активной позиции в развитии общественной жизни. В сфере отношений с другими людьми и семейной сфере также наблюдаются позитивные тенденции: принятие и интерес к точке зрения других людей, умение слушать, понимать и ценить людей, с которыми происходит общение, наличие дружеских и приятельских отношений; отмечается принятие соответствующей социальной роли в родительской семье, стремление к взаимодействию с ее членами, готовность и желание выполнять конкрет-

ные обязанности, связанные с занимаемым в семье положением.

Для респондентов второй экспериментальной группы характерен низкий уровень интеграции различных социально-личностных позиций в существующий образ Я. Переживаемый кризис социальной идентичности отражается в непринятии существующей роли студента, отказе от выполнения обязанностей, регламентированных учебной деятельностью. Также отмечается отсутствие интеграции представлений о себе как о будущем специалисте, в рамках выбранной и получаемой на данный момент профессии, что не позволяет создать единую целостную картину или образ себя. При переживании кризиса наблюдается несформированность ответственного отношения к материальной стороне жизни, отсутствие понимания необходимости в будущем самостоятельно зарабатывать и материально обеспечивать себя и своих близких, что приводит к снятию с себя личной ответственности за будущий материальный достаток. Непринятие текущего социального статуса отражается в отделении себя от общества в целом, что выражается в отсутствии переживаний по поводу складывающихся в мире политических взаимоотношений, отсутствии интереса к процессам, которые происходят за рамками его ближайшего окружения. Своеобразная «оторванность» человека от социального мира проявляется и во взаимоотношениях с окружающими: непринятие позиций других людей, избегание тесных контактов и раскрытия себя в общении, отсутствие положительной оценки себя с точки зрения «интересности» для других, отсутствие дружеских отношений. Характеризуя семейные отношения, можно говорить о некотором чувстве непричастности к семейному кругу, отказе от налаживания теплых семейных отношений, наряду с представленной в сознании высокой ценности семьи, что приводит к внутриличностному конфликту.

Обращает на себя внимание факт выраженности у исследуемых групп показателей личностной и социальной идентичности. Так, в группе 1 в большей степени наблюдается направленность на идентификацию с областями, отражающими социальную идентичность (моя семья, мои отношения с окружающими), а также с позициями, отражающими ощущение самостождественности (будущее, мой внутренний мир). У респондентов второй группы наиболее значимыми сферами для достижения идентичности являются здоровье, семья, будущее, общество. Учитывая низкие показатели по всем шкалам опросника у респондентов данной группы, можно сделать заключение об определенном рассогласовании между личностной, социальной и деятельностной сферами целостного процесса идентификации личности.

Результаты анализа интеркорреляционных связей между показателями методики ЛиСИ подтверждают данное положение. В исследуемых группах были выявлены существенные различия в структуре взаимобусловленности сфер идентификации.

Для респондентов первой группы характерна более обширная система взаимосвязей показателей социальной идентичности. Взаимосвязь между шкалами «Моя работа (учеба)», «Мое материальное положение», «Я и общество, в котором живу» (степень достоверности вы-

зи $p \leq 0,01$) позволяет говорить о наличии целостного, интегративного образа Я, содержащего в себе самоопределение в профессиональной сфере, сфере общественной деятельности и эффективное функционирование в материальном плане. Все это в единстве взаимосвязей создает некий отдельный параметр социальной идентичности, который можно обозначить как общественная самореализация. Другой параметр, объединяющий три взаимосвязанных шкалы «Моя семья», «Мое материальное положение» и «Я и общество, в котором живу» (при $p \leq 0,01$), говорит о включении в образ Я респондента интегрированного представления о себе, как о члене семьи, несущего материальную ответственность перед родительской (или будущей личной) семьей; сохранение теплых семейных отношений и создание собственной семьи связывается с социальной и общественной активностью субъекта. Кроме того, при отсутствии кризиса идентичности отмечается наличие взаимосвязи между самоопределением в сфере семейных отношений и самоопределением через отношения с окружающими людьми (при $p \leq 0,01$).

Для респондентов, переживающих кризис идентичности, характерен узкий спектр взаимосвязей между параметрами социальной идентичности. Также, как и в первой группе респондентов, у них наблюдается прямая взаимосвязь самоопределения в сфере работы (учебы) и общественного самоопределения в целом ($p \leq 0,01$). Принимая во внимание тот факт, что общественная деятельность в жизни индивида непосредственно связана с его профессиональной активностью, мы можем говорить о нормативности описываемой взаимосвязи. Интерес представляет обратная взаимосвязь между самоопределением в сфере работы (учебы) и оценкой включенности в отношения с окружающими людьми ($p \leq 0,05$). Можно предположить, что низкий уровень интеграции социальных позиций в образе Я субъекта отражается в невозможности самореализации индивида в нескольких сферах одновременно. При переживании кризиса социальной идентичности человек выбирает один из альтернативных путей – либо самоопределение через ближайшее окружение, либо через профессиональную деятельность, объединение данных областей при переживании кризиса невозможно.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что взаимообусловленность деятельностной, социальной и личностной сфер идентичности является детерминантой процесса переживания кризиса идентичности.

Для изучения содержательных характеристик идентичности личности применялась методика Куна-Макпартланда «Кто Я?» (модификация Т. В. Румянцевой). Анализ общего количества ответов, с использованием t-критерия Стьюдента, выявил значимые различия в уровне развития рефлексии ($p \leq 0,05$). При переживании кризиса социальной идентичности уровень рефлексии снижен, что вызывает затруднения в описании себя и выполняемых социальных ролей.

При работе с данными по методике «Кто я?» нами проводился анализ временного и психолингвистического аспектов идентичности, а также анализ идентификационных характеристик. Различия процентной представленности категорий между выборками выявлялись с применением критерия углового преобразования Фишера (таблица 2).

Представленности категорий анализа по результатам методики «Кто я?» (%)

Анализируемые категории	Группа 1	Группа 2	φ эмп.
	временной аспект идентичности		
Настоящее	20,8	13,4	4,31**
Интегративные характеристики	69,9	78,8	4,49**
идентификационные характеристики			
Коммуникативное Я	7,6	11,0	2,56**
Физическое Я	3,7	7,8	3,92**
Перспективное Я	8,0	4,5	3,20**
Рефлексивное Я	29,7	25,4	2,13*
психолингвистический аспект идентичности			
Существительные	65,1	59,3	2,66**
Прилагательные	28,9	38,4	4,49**
Глаголы	6,0	2,4	4,09**

Примечание: ** – $p \leq 0,01$; * – $p \leq 0,05$.

Для анализа временного аспекта идентичности были выделены категории «прошлое», «настоящее», «будущее» и интегративные характеристики, содержащие вневременные описания себя (сын, дочь, мужчина, девушка, добрая, умная, веселая и т. д.). Значимые различия были обнаружены в частоте использования категорий настоящего (респонденты, не переживающие кризис идентичности, чаще указывают в самоописании на социальные роли, выполняемые в настоящий момент: студент(ка), отличница, прогульщик, влюбленная и т. д.) и в частоте использования интегративных характеристик (респонденты, переживающие кризис идентичности, чаще при самоописании используют вневременные характеристики). Для респондентов обеих выборок характерно очень редкое использование идентификационных характеристик относящихся к прошлому, чаще встречаются показатели перспективной идентичности (будущая мать, будущий отец, будущий специалист и т. д.).

При анализе идентификационных характеристик выделялись следующие категории: социальное Я, коммуникативное Я, материальное Я, физическое Я, деятельное Я, перспективное Я, рефлексивное Я. Анализ значимых различий в частоте использования той или иной категории при самоописании позволяет сделать вывод о том, что при переживании кризиса идентичности более актуальными становятся характеристики-определения, связанные с коммуникативным Я (люблю общаться, много друзей, душа компании, подруга, ценю отношения и т. д.) и физическим Я

(сильный, красивый (не), блондинка, длинноногая и т. д.), при отсутствии переживания кризиса идентичности наблюдается увеличение характеристик рефлексивного типа, направленных на описание внутреннего мира человека (мечтательная, вера, любовь, душа, разумный, ответственный и т. д.), увеличивается доля характеристик, описывающих будущие социальные роли или личностные особенности.

Лингвистический анализ, предполагающий определение частоты использования различных частей речи в самоописании, позволяет говорить о том, что для респондентов, переживающих кризис социальной идентичности, в большей степени, чем для респондентов, не переживающих данный кризис, характерно безответственное отношение к собственным делам, эмоциональность и демонстративность поведения, недостаточная уверенность в себе и недооценка собственной эффективности. При отсутствии переживания кризиса идентичности отмечается более частое использование существительных, что говорит о потребности человека в определенности и постоянстве, количество прилагательных говорит о достаточной эмоциональности, а присутствие глагольных форм в самоописании подчеркивает большую активность и самостоятельность респондентов данной группы.

С целью более глубокого изучения специфики темпоральных аспектов переживания периода кризиса идентичности был проведен анализ данных, полученных с помощью методики ZTPI Ф. Зимбардо (таблица 3).

Таблица 3

Средние показатели методики Ф. Зимбардо в исследуемых группах

Шкалы методики Ф. Зимбардо	Группа 1	Группа 2	t эмп.
"Негативное прошлое"	2,78	2,94	1,42
"Гедонистическое настоящее"	3,51	3,06	4,71**
"Будущее"	3,70	3,16	6,31**
"Позитивное прошлое"	3,72	3,18	5,66**
"Фаталистическое настоящее"	2,68	3,02	3,00**

Примечание: ** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$.

Респонденты, не переживающие кризис идентичности, характеризуются положительным отношением к своему прошлому. Прошлое в сознании субъекта представлено положительными моментами, что свидетельствует о здоровом взгляде на жизнь. Отмечается стремление к поиску новых ощущений, активность и в целом – гедонистическое отношение к настоящему, однако наряду с этим высокие показатели по шкале «будущее», говорят о том, что человек стремится планировать свою жизнь и уже способен «жертвовать» чем-то в настоящем ради получения чего-либо в будущем. Проявляется стремление самостоятельно ставить цели на своем пути и добиваться их, фаталистическое отношение к будущему значительно ниже, чем для респондентов второй группы. Для них, в отличие от респондентов первой группы, характерны высокий показатель по шкале «негативное прошлое»,

диффузное представление о будущем, фаталистическое отношение к жизни в настоящем.

Анализ корреляционных взаимосвязей между шкалами методики ЛиСИ и показателями методики временной перспективы Ф. Зимбардо выявил наличие прямых корреляций всех позиций идентичности с такими показателями временной перспективы как позитивное прошлое, гедонистическое настоящее и будущее (таблица 4). Следовательно, сформированность образа Я непосредственно связана с наличием позитивного отношения к событиям прошлого, оценкой его как удовлетворительного и результативного, активной жизненной позицией в настоящем, воспринимаемом как источник новых впечатлений и удовольствия, а также с наличием общей ориентации на будущее, стремлением к постановке более конкретных целей и построению жизненного плана.

Таблица 4

Коэффициенты корреляций между шкалами методики ЛиСИ и показателями методики Ф. Зимбардо

	<i>Негативное прошлое</i>	<i>Гедонистическое настоящее</i>	<i>Будущее</i>	<i>Позитивное прошлое</i>	<i>Фаталистическое настоящее</i>
Моя работа (учеба)	-	0,23**	0,36**	0,21**	-
Мое материальное положение	-	0,31**	0,37**	0,27**	-
Мой внутренний мир	-	0,40**	0,43**	0,38**	-
Мое здоровье	-	0,30**	0,36**	0,32**	-
Моя семья	-0,18*	0,36**	0,40**	0,39**	-0,19*
Мои отношения с окружающими	-	0,39**	0,41**	0,44**	-0,17*
Мое будущее	-	0,34**	0,43**	0,31**	-
Я и общество, в котором живу	-	0,33**	0,27**	0,24**	-

Примечание: ** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$.

Кроме того, были обнаружены обратные взаимосвязи между шкалами «Моя семья» и «Негативное прошлое»; «Фаталистическое настоящее» и «Моя семья», «Мои отношения с окружающими». Таким образом, кризис социальной идентичности, проявляемый в сфере семейных отношений и общения с близкими людьми, предполагает наличие высокой выраженности у субъекта установки на фаталистическое настоящее, что означает пассивную, ожидающую позицию в отношении к жизни и более негативное отношение к прошлому.

Иная структура взаимосвязей наблюдается при дифференцировании выборок респондентов по критерию переживания/не переживания кризиса идентичности (таблица 5). Так, в выборке респондентов первой группы, отмечается увеличение количества взаимосвязей различных позиций идентичности с показателями шкалы «фаталистическое настоящее». Обнаружены прямые взаимосвязи данной шкалы с такими позициями идентичности как «Моя работа(учеба)», «Мое материальное положение», «Мое здоровье», «Мое будущее», «Я и общество, в котором живу». Возникает вопрос, каким образом временная перспектива, характеризующая отсутствием направленности

на цель, стремлением избежать ее самостоятельной постановки, убеждением в предопределенности будущего и невозможности его контролировать, связана с успешным самоопределением в выше указанных областях? При объяснении подобного феномена необходимо учитывать текущую социальную ситуацию, в которой находятся респонденты. Изменения, происходящие в обществе на различных его уровнях, настолько стремительны, разнообразны и субъективно непредсказуемы, что ведущим способом приспособления к подобным условиям является формирование установки на «жизнь, которая сложится (удачно) не зависимо от наличия конкретных целей и направленной активности». Именно уверенность в том, что есть некая сила предопределенности (как правило, наполняемая положительным значением), позволяет человеку успешно самоопределяться в различных сферах, несмотря на нестабильность окружающей действительности и понимание того, что в любой момент запланированное тобой будущее может измениться. Таким образом, фаталистическая установка играет роль защитной функции, позволяющей субъекту адаптироваться к достаточно непредсказуемым условиям действительности [15].

**Коэффициенты корреляций между шкалами методики ЛиСИ
и показателями методики Ф. Зимбардо в исследуемых группах**

<i>Группа 1</i>					
	<i>негативное прошлое</i>	<i>гедонистическое настоящее</i>	<i>будущее</i>	<i>позитивное прошлое</i>	<i>фаталистическое настоящее</i>
Моя работа (учеба)	-	-	0,22*	-	0,20*
Мое материальное положение	0,24*	-	-	-	0,26**
Мой внутренний мир	-	0,25**	-	-	-
Мое здоровье	-	-	-	-	0,32**
Моя семья	-	-	-	0,23*	-
Мои отношения с окружающими	-	0,34**	-	0,34**	-
Мое будущее	-	0,35**	0,27**	-	0,18**
Я и общество, в котором живу	0,30**	0,32**	-	-	0,38**
<i>Группа 2</i>					
	<i>гедонистическое настоящее</i>	<i>будущее</i>	<i>позитивное прошлое</i>		
Моя работа (учеба)	-0,25*	-	-	-0,26*	
Мой внутренний мир	0,25*	-	-	0,29**	
Я и общество, в котором живу	-	-0,23*	-	-	

Примечание: ** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$.

В этой группе респондентов наблюдаются взаимосвязи между показателями временной перспективы и параметрами идентичности, выявленные в объединенной выборке: прямые взаимосвязи шкалы «Позитивное прошлое» со шкалами «Моя семья», «Мои отношения с окружающими»; шкалы «Гедонистическое настоящее» со шкалами «Мой внутренний мир», «Я и общество, в котором живу», «Мое будущее», «Мои отношения с окружающими»; шкалы «Будущее» со шкалами «Моя работа (учеба)», «Мое будущее». Также были обнаружены прямые корреляционные взаимосвязи между таким показателем временной перспективы как негативное прошлое и общим самоопределением в обществе, а также позицией идентичности в материальной сфере. Ранее нами уже было выдвинуто предположение о своеобразном психологическом ресурсе, характерном для респондентов, не переживающих кризис идентичности. Отделение образа прошлого от настоящего и будущего и оценивание событий прошлого, как отрицательных, сопровождается работой субъекта по осмыслению пройденного жизненного пути. В результате, данное переосмысление приводит не к общей негативной установке по отношению к жизни в целом, а напротив, становится тем самым ресурсом, позволяющим, учитывая ошибки прошлого, формировать свое настоящее и будущее. В нашем случае, негативная интерпретация прошлых жизненных событий непосредственно связана с успешной самоидентификацией и определением социального положения в обществе в целом, а также сформированностью навыков функционирования в материальном плане.

При переживании кризиса идентичности наблюдается «обедненная» структура взаимосвязей позиций идентификации и характеристик временной перспективы личности. Данный факт объясняется общей дезинтегрированностью самоопределения в различных жизненных областях, а также общим нарушением конструктивной взаимосвязи показателей идентичности и временной перспективы. Так при переживании кризиса

идентичности наблюдается наличие обратной взаимосвязи между показателем «Гедонистическое настоящее» и шкалой «Моя работа (учеба)», таким образом, наряду с установкой на получение удовольствия от текущего момента жизни, стремлением к новым впечатлениям, наблюдаются проблемы в профессиональном самоопределении. Напротив, при отсутствии переживания кризиса идентичности, установка на гедонистическое настоящее связана с успешным самоопределением в профессиональной сфере. При кризисе идентичности также отмечается наличие обратной взаимосвязи позитивного отношения к прошлому и самоопределением в сфере работы (учебы). Интересен тот факт, что при анализе особенностей восприятия временных модусов жизненного пути, при переживании кризиса идентичности характерно отделение области будущего от областей прошлого и настоящего, а идентификация себя в сфере профессии непосредственно связана с личным будущим. Именно поэтому, на наш взгляд, позитивное отношение к прошлому и, возможно, чрезмерная фиксация на данном временном модусе сопряжены с затруднениями в профессиональном самоопределении. Кроме того, при кризисе идентичности наблюдается обратная взаимосвязь между определением своего социального статуса в обществе в целом и общей ориентацией на будущее.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что процесс переживания кризиса идентичности обусловлен факторами, характеризующими отношение к жизненной перспективе:

- 1) позитивная или негативная оценка прошлого;
- 2) умение получать удовольствие от настоящего (гедонистическая установка);
- 3) наличие или отсутствие четко сформированных планов и целей на будущее.

Изучение особенностей мотивационных устремлений респондентов, переживающих и не переживающих кризис социальной идентичности, также выявило ряд различий (таблица 6).

Показатели мотивационных устремлений респондентов исследуемых групп

<i>Мотивационные категории</i>	<i>Группа 1</i>	<i>Группа 2</i>	<i>φ эм.</i>
Самосохранение	2,0	4,8	6,06**
Физические характеристики	1,7	2,7	2,61**
Характер, черты личности	1,7	0,90	2,76**
Самореализация	10,9	7,5	4,53**
Профессиональная деятельность	3,5	2,3	2,76**
Социальный контакт	15,0	12,0	3,38**
Социальная реципрокность (активность других в социальном контакте)	3,6	1,7	4,61**
Личные желание и надежды в отношении других людей	2,7	1,6	2,92**
Знания о культурных и природных объектах	0,06	0,00	1,88*
Трансцендентальные объекты	4,4	2,9	3,11**
Досуг, отдых, удовольствие	8,0	13,7	7,06**
Мотивация на тест	0,15	1,0	4,72**
Неклассифицируемые/пропущенные ответы	8,5	12,0	4,41**

Примечание: ** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$.

Мотивационные устремления при переживании кризиса идентичности отличаются большей направленностью на получение удовольствия и приятное времяпрепровождение. Отмечается стремление к физическому, психологическому и экономическому самосохранению, что выражается через избегание опасных для жизни и здоровья ситуаций, актуализируется потребность в сохранении психологического равновесия и душевного спокойствия, ощущается необходимость быть защищенным от критики других людей и желание стабильного экономического состояния. Более значимыми становятся мотивационные устремления, относящиеся к физическим характеристикам, что чаще отражается в стремлении хорошо выглядеть, избавиться от вредных привычек и сохранить или поправить состояние здоровья (в случае болезни). Достаточно большое количество ответов респондентов данной группы отражают мотивацию на выполнение тестовой методики или относятся к неклассифицируемым ответам, что, на наш взгляд, подтверждает сниженный уровень рефлексии и нежелание проводить внутреннюю работу по самопознанию. Наряду с мотивацией на удовольствие, в выборке, характеризующейся переживанием кризиса социальной идентичности, достаточно широко представлены мотивационные устремления, направленные на социальные контакты с другими людьми. Однако, при сравнении с группой, не переживающей кризис идентичности, видно, что данная мотивация указывается значительно реже, что может говорить о своеобразной добровольной социальной изоляции респондентов. Большое количество ответов в категории социальных контактов, данных респондентами второй группы, можно отнести к общему желанию хорошей семьи (как в настоящем, так и в будущем), встрече с любимым человеком, рождению ребенка, боязни разочаровать близких людей, в первой группе данная категория представлена более конкретными указаниями на наличие контактов, которые субъект стремится сохранить (ничего не пожалел бы для родителей и друзей, общаться с друзьями, дожидаться подруги/друга и т. д.).

Мотивационные устремления респондентов, не переживающих кризис идентичности, характеризуются

выраженностью мотивации на установление социальных контактов, самореализацию через достижение конкретной личностной цели, предполагающей указание на необходимую активность для ее осуществления (реализовать мечты, стать профессионалом, добиться успеха, достичь цели и т. д.). Значимо чаще обозначается мотивация на достижения в области будущего профессионального становления, большее внимание уделяется личностным характеристикам и стремлению к саморазвитию и изменению себя.

В целом анализ мотивационных устремлений показал, что для респондентов обеих выборок характерно наличие выраженной мотивации на учебную деятельность и налаживание социальных контактов, только при переживании кризиса идентичности эти устремления сосуществуют с желанием приятного досуга и получением удовольствия от жизни, а при отсутствии кризиса – со стремлением к самореализации и саморазвитию.

Полученные по вышеописанным методикам результаты исследования подтверждаются данными полученными с использованием методики СЖО, реконцептуализированной нами для диагностики актуального смыслового состояния как формы переживания актуальных в данный момент времени событий или ситуаций, т. е. актуализации в сознании индивидуума смыслов прошлого, настоящего и будущего в их совокупности [11].

Таблица 7

Усредненные показатели по тесту СЖО респондентов исследуемых групп

	<i>Группа 1</i>	<i>Группа 2</i>	<i>t эм.</i>
ОЖ	106,49	88,59	5,89**
Цели	33,06	26,38	6,56**
Процесс	31,71	26,75	4,61**
Результат	26,17	21,75	5,07**
Л-к Я	22,56	18,26	5,94**
л-к Жизнь	31,53	27,33	3,96**

Примечание: ** – $p \leq 0,01$, * – $p \leq 0,05$.

Для респондентов не переживающих кризис идентичности характерно следующее: направленность и временную перспективу жизни придает наличие осмысленных целей в будущем, настоящее (или процесс своей жизни) респонденты воспринимают как интересное, насыщенное событиями и смыслом, прошлое оценивается позитивно, присутствует чувство «продуктивности» прожитой жизни и ее осмысленности. У респондентов, не переживающих кризис идентичности, присутствует убеждение в возможности контролировать свою жизнь, необходимости самостоятельно принимать решения, тем самым реализую свободу выбора, присущую каждому человеку.

Для выборки респондентов второй группы характерны более негативная реконструкция и оценка прошедших событий, настоящему неудовлетворенность жизнью в данный момент и отсутствие четких и осмысленных целей в будущем. Кроме того, респонденты, переживающие кризис идентичности, испытывают неуверенность в своих силах и возможностях контролировать личную жизнь, наблюдается некоторая фаталистическая установка в жизненной позиции индивида, подобная установка не дает возможности проявлять активные действия, направленные на самореализацию субъекта.

Анализ результатов процентного распределения типов переживания актуального смыслового состояния (АСС) в исследуемых группах выявил определенные тенденции в переживании кризиса идентичности. В первой группе наблюдается весь спектр переживаний типов АСС, как совокупности актуализированных, генерализованных смыслов, размещенных во временной перспективе (опыт, реальность, цели) относительно жизненной ситуации. Данный факт указывает на нормативность переживания кризиса юности респондентами данной группы. В норме каждый человек сталкивается с необходимостью переосмысливать личностные ценности. Иногда это происходит под воздействием очень жестких обстоятельств, но механизм синхронизации временных локусов смысла, как переживание актуального смыслового состояния, позволяет ему меняться, оставаясь самим собой. Именно чередой актуальных смысловых состояний, переживаемых временно и носящих статус фаз развития, выполняет функцию генерализации отдельных смыслов различных уровней индивидуальной смысловой системы в высший, смыслжизненный уровень, который, в свою очередь, является показателем продуктивности идентификационных процессов.

Респонденты второй группы демонстрируют представленность непродуктивных типов АСС. Так, первый тип АСС, характеризуемый тем, что личностные смыслы лишены направленности и временной перспективы, что выражается в негативной самооценке, неудовлетворенности собой, экстернальном локусе контроля поведения представлен в данной группе 60 % респондентов (относительно 30 % в первой группе, ϕ эмп. 4,09 при $p \leq 0,01$). Подобная тенденция наблюдается и при сравнении продуктивных типов АСС. В данной группе представленность восьмого типа (все три временных локуса имеют высокие показатели осмысленности) составляет 7,5 % против 25 % в первой группе (ϕ эмп. 2,81 при $p \leq 0,01$), шестой и седьмой типы АСС

(синхронизация двух локусов смысла) вообще не представлены (в первой группе 13 %). Данный факт указывает на то, что в решении жизненных задач, находясь в определенных условиях социального окружения, респонденты данной группы склонны обращаться к какому-либо одному временному локусу восприятия жизненной ситуации. Это подтверждается показателями представленности второго, третьего и пятого типов АСС, характеризующихся блокированием двух временных локусов смысла (16,2 %, в первой группе – 10 %).

Соотнося показатели СЖО с результатами, полученными по методике ЛиСИ, можно сделать заключение о том, что синхронизация временных локусов смысла характеризует процессы взаимообуславливания основных сфер идентификации, т. е. десинхронизация субъективных прошлого, настоящего и будущего являются составляющими переживания кризиса идентичности.

Обобщая результаты исследования на основе принципов постнеклассической психологии (мультипарадигмальность, сетевой принцип организации знания, обобщенная теория) можно заключить, что сложный и нелинейный характер процесса идентификации личности выражается во взаимообусловленности основных сфер самоосуществления человека – деятельность, социальное окружение, личностный потенциал. Эти сферы соотносятся с темпоральными характеристиками субъективной реальности человека – деятельность, осуществляемая в настоящем, направлена на цель и детерминирована смыслом будущего, взаимоотношения с социальным окружением предполагают процесс осмысления жизненной ситуации в настоящем, а анализ своего личностного потенциала человека основывается на рефлексии опыта решения жизненных задач прошлого. Соответственно, взаимодействие человека с фактами и явлениями жизни имеет свое смысловое содержание в определенных временных локусах, синхронизация которых и опосредует направленность и характер идентификационных процессов.

В силу закономерностей возрастного и личностного развития в юношеский период жизни, кризис идентичности обусловлен необходимостью освоения молодым человеком основных сфер взрослой жизни (деятельность, социальное окружение, личностный потенциал развития), нахождения себя в них, установления устойчивых и непротиворечивых взаимосвязей между ними. Рассогласование между основными сферами жизни и длительная фиксация молодого человека в одной из этих сфер влечет за собой размывание чувства времени и однонаправленность идентификационных процессов. Осознано или нет, в данном случае юноша воспринимает жизненную ситуацию достаточно узко и ригидно, сквозь призму одного из жестко локализованных временных регионов субъективного смыслового поля, утрачивая при этом (если имел) ощущение себя как субъекта жизненной ситуации. Вместе с тем, актуализация смысловых граней субъективных образов основных сфер идентификации синхронизирует временные локусы смысла и позволяет молодому человеку ощущать себя субъектом ситуации развития, т. е. достигать устойчивой личностной идентичности для решения жизненных задач данного этапа самоосуществления.

Литература

1. Айви А. Е., Айви М. Б., Саймек-Даунинг Л. М. Психологическое консультирование и психотерапия. Методы, теории и техники: практическое руководство. М.: Психотерапевтический колледж, 1999. 487 с.
2. Антонова Н. В. Личностная идентичность современного педагога и особенности его общения // Вопросы психологии. 1997. № 6. С. 23 – 30.
3. Весна Е. Б., Неяскина Ю. Ю. Идентификация личности в супружеской паре. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. 270 с.
4. Ключко В. Е. Постнеклассическая трансспектива психологической науки // Вестник ТГУ. 2007. № 305. С. 157 – 165.
5. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 448 с.
6. Неяскина Ю. Ю. Методы исследования идентификационных процессов супружеских взаимоотношений: учеб. пособие. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. 170 с.
7. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.
8. Румянцева Т. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб.: Речь, 2006. 176 с.
9. Проконич О. А., Яницкий М. С., Браун О. А. Особенности временной перспективы различных культурно-ценностных типов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 1. № 4(52). С. 190 – 197.
10. Серкин В. П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни // Мир психологии. 2009. № 4. С. 109 – 119.
11. Серый А. В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов у студентов вуза в процессе обучения: дис. ... д-ра психол. наук. Иркутск, 2005. 411 с.
12. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 85 – 105.
13. Урбанович А. А. Психология кризисов социальной идентичности личности: монография. Мн.: Академия МВД Республики Беларусь. 2005. 228 с.
14. Эриксон Г. Эрик. Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, 1996. 592 с.
15. Яницкий М. С. Основные психологические механизмы адаптации студентов на первом и втором курсах обучения в вузе // Вопросы общей и дифференциальной психологии: сб. науч. тр. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 60 – 69.
16. Яницкий М. С., Серый А. В., Проконич О. А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // Вестник КРАУНЦ. (Серия: Гуманитарные науки). 2012. № 2(20). С. 175 – 180.

Информация об авторах:

Серый Андрей Викторович – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, grey@kemsu.ru.

Andrey V. Seryy – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

Вечканова Елена Михайловна – аспирант кафедры теоретической и практической психологии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, Colombina6@mail.ru.

Elena M. Vechkanova – post-graduate student at the Department of Theoretical and Applied Psychology, Vitus Bering Kamchatka State University.

(Научный руководитель – А. В. Серый). (Academic advisor – A. V. Seryy).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИСТАНЦИИ В РАЗНОТИПНЫХ СЕМЬЯХ

Л. В. Скорова, Т. А. Герасимчук

TO THE QUESTION OF PSYCHOLOGICAL DISTANCE IN DIFFERENT FAMILIES

L. V. Skorova, T. A. Gerasimchuk

В статье представлены результаты эмпирического исследования психологической дистанции в многодетных, среднетных и однопдетных семьях. Особое внимание уделено длине психологической дистанции, отношениям детей и родителей к семье. Предложены направления работы с родителями по изменению психологической дистанции. В заключении указывается на практическую значимость изучения механизмов формирования психологического пространства в семье и развития суверенности личности всех членов семьи, особенно в практике семейного консультирования и организации просветительской работы с родителями.

The paper describes results of the empirical research of psychological distance between family members. It presents the length of psychological distance and attitude of children and parents to family. Besides, it contains directions of work with parents for improving the psychological distance. The conclusions indicate the practical significance of studying the mechanisms of formation of psychological space in the family and development of the sovereignty of the identity of all family members, especially in the practice of family counseling and outreach work with parents

Ключевые слова: психологическое пространство личности, психологическая дистанция, отношения в семье.

Keywords: psychological space of the personality, psychological distance, family relations.

Интерес психологов к проблемам семьи и отношению родителей и детей в последние десятилетия в психологической науке, а особенно практике, усилился. В отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе представлены теоретические концепции, эмпирические данные, раскрывающие влияние семьи на развитие личности ребенка (влияние социального интеллекта родителей, физического наказания на эмоциональное развитие детей, семейного окружения и др.), специфику детско-родительских отношений в онтогенезе, в том числе материнско-детских, семейных ценностей, онтогенез родительства и др.; рассматриваются вопросы оказания психологической помощи различным семьям, в том числе многодетным, имеющим детей с ограниченными возможностями здоровья, воспитывающим приёмных детей и т. п. Анализ теоретико-эмпирических исследований позволяет констатировать, что большинство авторов признают значимость семейного окружения (пространства семьи) в развитии личности ребёнка, суверенности его психологического пространства, содержание которого и определяется, прежде всего, отношением родителей к детям. Под психологическим пространством личности понимается субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни и включающий комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет (территорию, личные предметы, социальные привязанности, установки) [2]. Психологическое пространство личности человека подвижно, динамично и может расширяться, оставаться стабильным и развиваться. Основным условием, которое влияет на формирование и развитие суверенности психологического пространства личности является семья и такие её характеристики как: полная или неполная по составу, количество детей в семье, их порядок рождения и стиль воспитания в семье.

В современных исследованиях границ, видов, измерений психологического пространства, оснований формирования пространства отношений личности со значимыми и психологически близкими людьми есть ещё целый ряд вопросов, которые заслуживают дальнейшего изучения. Например, недостаточно изучено психологическое пространство личности в разных типах семей, психологические границы и психологическая дистанция в семьях (с разным количеством детей) между детьми и родителями. Подобные исследования позволят преодолеть ряд противоречий, в том числе, противоречия между потребностью современного общества в человеке, осознающем своё место и роль в нём, готового к активному взаимодействию, преобразованию себя и окружающей действительности и пониманием психологической суверенности как готовности учитывать потребности, точки зрения, опыт людей, включенных в этот процесс, а также разработанностью психологического сопровождения процесса формирования психологической суверенности в семье.

Границы психологического пространства, формируемые родителями, позволяют ребёнку относиться к себе как к субъекту, и в дальнейшем самостоятельно стремиться к обретению суверенности. Особенности взаимодействия ребенка с родителями, степень их отзывчивости, наличие эмоциональных связей и отношений привязанности оказывают влияние на суверенность психологического пространства личности на протяжении всей жизни, являясь своеобразным этапом построения его отношений с другими людьми [3].

Стили воспитания и отношения в семье являются одним из условий формирования и развития психологического пространства. В результате исследования суверенности психологического пространства в полных и неполных семьях мы пришли к выводу о том, что дети из неполных семей обладают депривирован-

ностью (меньшей суверенностью) психологического пространства личности ($U = 502$ при $p = 0.000$) [4]. Вместе с тем, при исследовании отношений между детьми, детьми и родителями (при наличии трёх и более детей) в полных семьях возникла необходимость более детального изучения вопросов формирования психологической дистанции между членами семьи.

Психологическая дистанция представляет собой один из способов организации психологического пространства. Она фиксирует относительно устойчивые границы психологического пространства и позволяет выделить существование данных устойчивых границ, как в своём пространстве, так и в психологическом пространстве другого человека. Основными компонентами психологической дистанции являются:

- обобщенное представление о себе, о своих возможностях и ограничениях во взаимодействии с другим человеком;
- обобщенное понятие о другом, его свойствах;
- принятие решения о степени собственного влияния на другого и открытости/закрытости своей психологической реальности для воздействия этого другого [1].

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования, которое было направлено на выявление особенностей психологической дистанции между членами семьи с разным количеством детей. Исследование проводилось с 2012 г. на базе общеобразовательных учреждений г. Иркутска и Иркутской области. В нём приняли участие дети из многодетных семей, имеющих 5 и более детей, среднедетных се-

мей, имеющих трёх детей и однодетных семей, а также их родители. Все семьи – полные. Возраст родителей – от 30 – 36 до 40 – 45 лет. Возраст семьи – от 10 лет. Все дети от одних супругов. Возраст детей: старшие дети – от 16 лет и старше, средние дети – от 10 до 15 лет, младшие дети – до 10 лет. Всего в исследовании приняли участие 187 человек.

При проведении исследования использовались следующие методики.

1. Методика измерения психологической дистанции (Е. И. Медведкова) направлена на изучение степени близости/отдаленности ребёнка/родителя по отношению к членам семьи на основании измерения длины психологической дистанции и выявления вида взаимоотношений между ними. На основании длины психологической дистанции устанавливается доминирующий вид отношений в семье: симбиотический, отчуждённый, плодотворный.

2. Методика неоконченных предложений использовалась с целью выявления отношения испытуемого к папе, маме, сестре/брату, семье.

3. Проективная методика «Рисунок семьи» использовалась для детей младше 10 лет.

4. Анкета для родителей и детей старше 10 лет с целью сбора информации о микроклимате семьи, нравственных приоритетах и особенностях взаимодействия с другими членами семьи.

На первом этапе в результате исследования психологической дистанции были установлены доминирующие виды отношений в разных типах семей на основе анализа психологической дистанции (рис. 1).

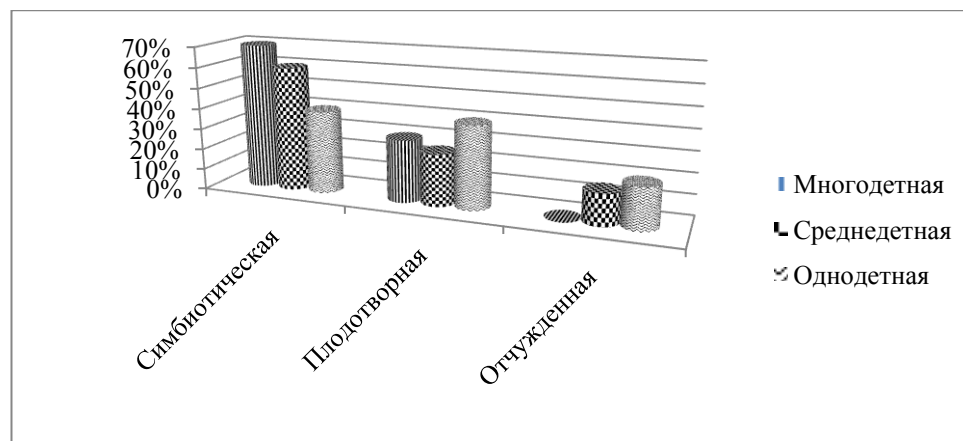

Рис. 1. Распределение выборки по видам дистанций в семье

Из рисунка видно, что чаще всего во всех типах семей встречаются уплотнённое психологическое пространство (очень близкое расстояние: симбиотические отношения), реже – большое расстояние друг от друга (отчуждённые отношения). Плодотворные отношения (оптимальная психологическая дистанция) чаще встречаются в однодетных семьях.

В многодетных и среднедетных семьях чаще, чем в однодетных длина психологической дистанции носит симбиотический характер. Это позволяет говорить о том, что в семье очень тесная связь, а в некоторых случаях – ощущение взаимозависимости, концентрация на внутрисемейном пространстве; членам семьи хорошо друг с другом и без внешнего вмешатель-

ства. Все члены семьи тесно связаны друг с другом, взаимозависимы. Однако в таких семьях могут создаваться различные барьеры для взаимоотношений с другими людьми; члены семьи склонны замыкаться на самих себе. В связи с этим может возникать угроза для личностного роста каждого члена семьи, развития отношений с окружающим миром, что способно привести к разрушению психологического пространства как личностного, так и внутрисемейного. Плодотворные отношения, базирующиеся на оптимальной длине психологической дистанции, в меньшей степени свойственны этим типам семей.

В одинаковой степени психологическая дистанция носит симбиотический и плодотворный характер

в однодетных семьях. Это говорит о том, что психологическое пространство семьи сжато и уплотнено, но в то же время, при таком взаимодействии членов семьи, существует возможность для движения и изменения условий этого пространства. Оптимальная дистанция позволяет каждому члену семьи переживать изменения собственной психической реальности как результат воздействия и самовоздействия.

Обращает на себя внимание и выраженность отчужденности — длинной психологической дистанции. В таких семьях можно наблюдать отстраненность как среди членов семьи, так и в отношениях вне семьи и говорить об отсутствии некой общности. Можно предположить, что это связано с высокой занятостью обоих родителей.

Безусловно, на длину психологической дистанции оказывают влияние много факторов, в том числе занятость родителей, их образование, возраст детей, их количество, разница в возрасте детей и родителей и др.

На втором этапе, в результате исследования отношений в семье, особенностей взаимодействия членов семей друг с другом, было установлено, что у мам во всех типах семей преобладают симбиотические отношения с родными и близкими, выражена взаимозависимость с другими людьми, боязнь разлуки, очень тесная связь с родными. Чем больше количество детей и возраст супружеской жизни, тем все чаще встречаются полные симбиотические отношения ме-

жду всеми членами семьи. У отцов многодетных семей преобладают отдаленные отношения; в однодетных семьях в равной степени проявляются все виды отношений. Между братьями/сёстрами и другими детьми в многодетных и среднедетных семьях доминируют близкие отношения. Это обусловлено тем, что дети таких семей уже имеют социальный навык общения внутри семьи, и завести друзей вне семейного круга для них не составляет труда. Дети из однодетных семей в отношениях с другими детьми испытывают затруднения в налаживании социальных контактов. Они привыкли справляться с досугом самостоятельно или же под чутким руководством прародителей, няни. Именно поэтому таким детям сложно налаживать контакт со сверстниками. В некоторых случаях, таким детям проще даётся общение с более старшими по возрасту.

Отношение к семье у детей представлено на рис. 2. Дети из многодетной и однодетной семей чаще испытывают к своей семье любовь, понимание, заботу. У детей из среднедетной семьи, наравне с заботой, отношение к семье вызывает обиду и, как следствие, недоверие. Можно отметить тот факт, что у детей из среднедетной семьи самый низкий показатель любви к своей семье. Вероятнее всего, это связано с перечисленными выше факторами (взаимоотношения с родителями, сёстрами/братьями, занятостью каждого члена семьи и т. д.).

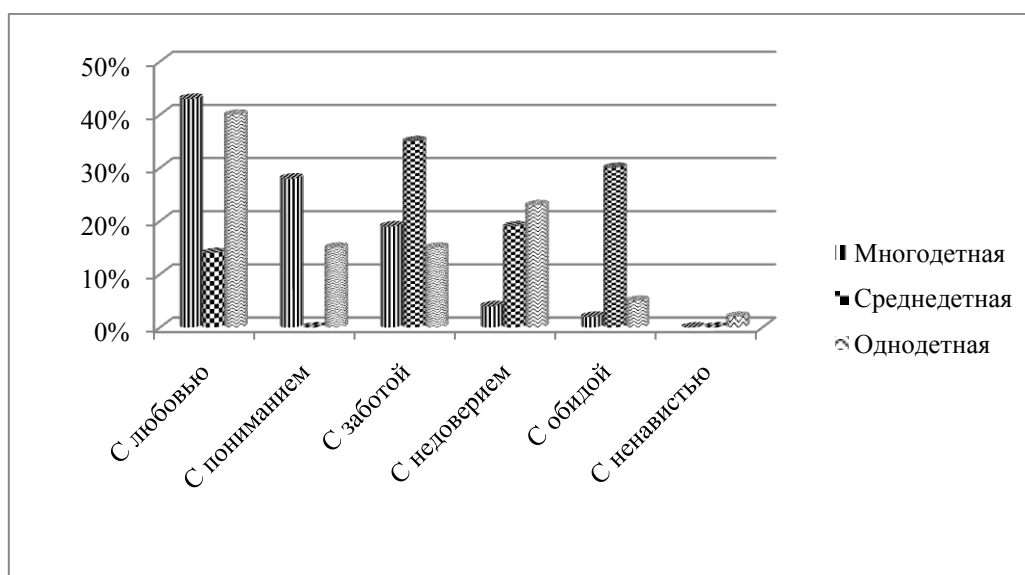

Рис. 2. Распределение выборки по отношению детей и родителей к семье

Полученные в ходе исследования данные вызвали необходимость разработки программы психологической работы с родителями. Мы исходили из того, что, во-первых, целенаправленное обучение родителей будет способствовать коррекции их поведения с ребёнком, изменению психологической дистанции в отношениях между членами семьи и их эмоциональному благополучию, во-вторых, изменение поведения родителей будет способствовать изменению детей. Программа направлена на формирование новых навыков и коррекцию неэффективных способов взаимодействия с

детьми. В настоящее время программа проходит апробацию.

В заключении отметим, что проведенное исследование не претендует на завершенность. Изучение механизмов формирования психологического пространства в семье и развития суверенности личности всех членов семьи имеет несомненную практическую значимость, особенно в практике семейного консультирования и организации просветительской работы с родителями.

Литература

1. Медведская Е. И. Методика измерения психологической дистанции // Школьный психолог. М., 2009. № 7. С. 24 – 29.
2. Нартова-Бочавер С. К., Бочавер К. А., Бочавер С. Ю. Жизненное пространство семьи: объединение и разделение. М., 2011. 320 с.
3. Руфо М. Братья и сестры, болезни любви: дети в семье – сложность роста / пер. с фр. О. Давтян. Екатеринбург, 2006. С. 288.
4. Скорова Л. В. Формирование суверенности психологического пространства у старших подростков // Сибирский психологический журнал. Томск, 2013. № 48. С. 75 – 83

Информация об авторах:

Скорова Лариса Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии образования и развития личности Иркутского государственного университета, larisa.skorova@gmail.com.

Larisa V. Skorova – Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Educational Psychology and Personality Development, Irkutsk State University.

Герасимчук Татьяна Анатольевна – магистрант Иркутского государственного университета, t.gerasimchuk@list.ru.

Tatyana A. Gerasimchuk – Master's Degree student at Irkutsk State University.

(Научный руководитель – Л. В. Скорова). (Academic advisor – L. V. Skorova).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.923

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОБСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ
КАК ОСНОВА ЕГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ: ИЗ ОПЫТА ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**
М. А. Фризен

**PERSONALITY SELF-DEVELOPMENT NOTION AS THE BASIS OF ITS PROJECTING:
FROM THE EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH**
M. A. Frizen

В статье представлен анализ результатов эмпирических исследований, посвященных представлениям о саморазвитии представителей разных возрастных и социальных групп, делается ряд выводов о том, каким образом социальный контекст и активность самой личности определяют значимость саморазвития и субъективные представления о его результативности; указывается, что специфика микросреды, в которой происходит становление личности и осуществляется ее функционирование, существенным образом влияет на представления о саморазвитии, деформированность, усеченность модели развития ограничивают личность в проектировании саморазвития. Рассмотрение проблематики проектирования саморазвития в аспекте возрастной динамики позволило определить его ключевые ресурсы, задействуемые в подростничестве, в юности, в период средней зрелости. В статье сделан общий вывод о том, что значимыми ресурсами для проектирования и осуществления саморазвития выступают его ценность для личности, субъектная активность, рефлексивность, бытийная ответственность, включенность в разнообразные деятельностные контексты, наличие соответствующих жизненных сценариев и моделей.

The paper presents the analysis of the results of the empirical research devoted to the self-development visions of different age and social groups. The conclusion is given in social context and personality activity which determine the importance of self-development and subjective vision of its effectiveness. The paper grounds the idea that the specifics of the social situation of personality development, the context of its functioning play an important role in determining the visions of self-development; the distortion model of development, a narrow range of scenarios, broadcast significant environment limit the identity construction of possible trajectories of self-development. The study of the ideas about the self-development of people belonging to different age groups allowed us to draw conclusions about which resources for designing self-development are used in adolescence and young adulthood, the period of maturity. Overall, the study revealed that the significant resources for designing and performing the self-development are: its value for the individual, subjective activity, reflexivity, existential responsibility, involvement in a variety of human activities, the availability of appropriate models.

Ключевые слова: саморазвитие, представление личности о собственном развитии, ресурсы саморазвития.

Keywords: self-development, personality's self-development vision, self-development resources.

Продуктивное функционирование личности в современном мире требует от нее субъективной активности, осмысленного выстраивания временной перспективы. На наш взгляд, осмысленное и целенаправленное саморазвитие выступает формой подобного отношения к жизни. Вместе с тем, мало исследованным остается вопрос о том, какие факторы определяют становление направленности личности на саморазвитие; под влиянием каких условий складываются представления личности о развитии и саморазвитии, составляющие основу его проектирования. В данной статье представлен анализ результатов эмпирических исследований, посвященных представлениям о саморазвитии представителей разных возрастных и социальных групп. В общей сложности в них приняли участие 204 респондента. Для сбора данных в рамках всех исследований применялся практически идентичный психодиагностический инструментарий (за исключением социально-биографических анкет и некоторых специализированных методик, выбранных в соответствии с целью каждого конкретного исследования):

1. Теоретический анализ научных источников по проблеме саморазвития личности.
2. Методы эмпирического исследования:
 - 2.1) анкетирование (авторские анкеты):
 - «В какой области Вы активно развиваетесь?»;
 - «Как Вы считаете, какая Ваша черта требует дальнейшего развития?»;
 - «Пять достижений за последний год в различных жизненных сферах»;
 - «Какой сфере жизни в последнее время Вы уделяете больше всего усилий?»;
 - 2.2) тестирование:
 - авторский вариант метода неоконченных предложений («Развитие – это...»; «Без развития человек...»; «Мое развитие...»);
 - модифицированный вариант методики вербального реагирования на стимул Е. Б. Весна, С. В. Семёновой («Мое развитие»);
 - модифицированный вариант методики Т. В. Дембо, С. Я. Рубинштейн на исследование самооценки разных сфер развития (далее – ДР);
 - тест «Готовность к саморазвитию» В. Павлова (далее – ГС);
 - методика «Уровень субъективного контроля» (далее – УСК) Дж. Роттера в адаптации Е. Ф. Бажина, Е. А. Голынкиной, Л. М. Эткинда;
 - тест мировоззренческой активности Д. А. Леонтьева, А. Н. Ильченко;
 - методика исследования представлений респондентов о жизненных сферах, в которых осуществляется их развитие («перечень» жизненных сфер составлен в логике концепции Н. Пезешкиана и дополнен авторами);
 - 2.3) метод семантического дифференциала на стимул «Мое развитие сейчас» (далее – СД);
 - 2.4) метод экспертной оценки.
3. Количественный (угловое преобразование Фишера, t -критерий Стьюдента, корреляционный анализ, кластерный анализ) и качественный анализ данных, их содержательная интерпретация.

В описании результатов каждого из исследований мы указываем только те эмпирические факты, которые показались нам наиболее значимыми.

Эмпирическое исследование представлений о собственном развитии подростков из социально неблагополучных семей осуществлялось совместно с Н. В. Гапич, выпускницей КамГУ им. Витуса Беринга 2014 г. Мы исходили из теоретически смоделированных представлений о том, что подростки, воспитывающиеся в социально неблагополучных семьях, имеют искаженную модель развития, а также специфический опыт собственного развития, определяющий, безусловно, и осмысление личностью его перспектив.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что представления о собственном развитии подростков из социально неблагополучных семей имеют специфику, связанную с относительно низкой рефлексивностью личности, выраженной гедонистичностью представлений о развитии, значимостью материального компонента, внешних параметров успешности развития, с относительно низкой личностной ответственностью за него.

Эмпирическая база исследования: учащиеся г. Елизово Камчатского края в возрасте 14 – 15 лет: 30 человек (12 девочек, 18 мальчиков), воспитывающихся в социально неблагополучных семьях – экспериментальная группа (ЭГ); 30 человек (13 девочек, 17 мальчиков), воспитывающихся в социально благополучных семьях – контрольная группа (КГ). В основу формирования выборок были положены критерии, отраженные в положении «О порядке взаимодействия органов местного самоуправления, социальной защиты, других субъектов системы профилактики и общественности по выявлению семей на ранней стадии семейного неблагополучия и проведения с ними профилактической работы».

Интерпретация результатов **анкеты «В какой области Вы активно развиваетесь?»** показала большую представленность у респондентов КГ категорий «достаток» ($\Phi_{\text{эмп.}} = 2,312$ при $p = 0,05$) и «образование» ($\Phi_{\text{эмп.}} = 2,31$ при $p = 0,05$), что может свидетельствовать как о большей доступности этой сферы развития (репетиторы, учреждения дополнительного образования, интернет), так и о понимании значимости образования для собственного развития. Обработка данных **анкеты «Пять своих достижений в разных жизненных сферах»** показала, что респонденты из благополучных семей значимо чаще указывали на достижения в сфере творчества ($\Phi_{\text{эмп.}} = 1,95$ при $p = 0,05$), что, вероятно, задано семейной моделью, а также связано с большей доступностью этой сферы.

При равной значимости достижений в общении респонденты ЭГ чаще отмечают положительные изменения в данной сфере, тогда как респонденты КГ, вероятно, воспринимают гармоничность отношений как должное.

Респонденты ЭГ на вопрос о своих достижениях также давали ответы, не представленные подростками из социально благополучных семей: «Бросил пить», «Бросил курить» и т. п. Подобного рода ответы отражают деструктивную специфику их развития.

Обработка результатов **методики «Какой сфере Вы в последнее время уделяете больше всего усилий?»** посредством t -критерия Стьюдента показала

значимо более высокие показатели респондентов ЭГ по шкале «физическое здоровье» ($t_{\text{эмп.}} = 2,75$ при $p = 0,01$). Вероятно, эта сфера требует наименьших рефлексивных усилий для оценки успешности развития в ней.

Анализ результатов *семантического дифференциала на стимул «Мое развитие сейчас»* показал, что в представлении респондентов КГ их развитие менее стремительно ($t_{\text{эмп.}} = 2,49$ при $p = 0,05$). Это может объясняться более осмысленным отношением респондентов КГ к темпам и результатам собственного развития, более высокой планкой. Также ответы респондентов КГ значимо ближе к полюсу «определяемое извне» ($t_{\text{эмп.}} = 2,52$ при $p = 0,05$), что указывает на большую ориентированность подростков из социально благополучных семей на социальную желательность, контроль взрослых (учителей, родителей), осознание определенных рамок своего развития. Представления о своем развитии как относительно быстром и автономном в сочетании с относительно небольшим количеством указываемых достижений у подростков из социально неблагополучных семей может свидетельствовать об их сниженной рефлексивности в отношении собственного развития, об отсутствии модели развития в ближайшем окружении, характеризующейся богатством направлений и достаточно высоким уровнем притязаний.

Анализ результатов методики *вербального реагирования на стимул «Мое развитие – это...»* показал, что в числе существительных подростки из социально неблагополучных семей значимо чаще давали ответ «жизнь, жизненное», что может указывать на их представление о развитии как о приспособлении к реальной жизни, формировании конкретных навыков ее построения. Респонденты КГ значимо чаще давали ответы «знание, образование, школа, учеба»: вероятно, они лучше осознают значимость образования для собственного развития. Категория «мировоззрение» также значимо чаще встречалась у респондентов КГ. У респондентов ЭГ значимо больше ответов прилагательных категории «нормальное, хорошее», это может быть связано с их относительной нескритичностью; подростки из социально благополучных семей значимо чаще характеризовали развитие как «медленное», вероятно, они более рационально смотрят на свое развитие.

Результаты *методики ДР*, обработанные посредством критерия Стьюдента, показали: респонденты ЭГ оценивают свое развитие в сфере здоровья как значимо более успешное ($t_{\text{эмп.}} = 3,11$ при $p = 0,05$), что не согласуется с результатами экспертной оценки условий их проживания.

Обработка данных *методики «Мировоззренческая активность» Д. А. Леонтьева, А. Н. Ильченко* показала: респонденты КГ дали значимо больше многозначных ответов ($\phi_{\text{эмп.}} = 3,07$ при $p = 0,01$), это указывает на их более выраженную мировоззренческую активность.

Далее был осуществлен корреляционный анализ (линейные корреляции Пирсона) данных методик Т. В. Дембо-С. Я. Рубинштейн, «Готовность к саморазвитию», «Уровень субъективного контроля», СД на стимул «Мое развитие сейчас» с целью обнаружения связей между различными параметрами представлений респондентов об их развитии, связанных с ними осо-

бенностей их личности. *Анализ корреляционных связей, обнаруженных при обработке данных респондентов ЭГ* (подростки из социально неблагополучных семей) дал следующие результаты: им свойственна относительно низкая рефлексивность, гедонистический взгляд на развитие и жизнь в целом, связывание развития со сферами здоровья, спорта, достатка (для оценивания достижения в них не требуются глубиной рефлексивной работы). В представлении респондентов ЭГ, они ответственны за качество семейных отношений; они осознают значимость образования для развития и успешной жизни. На наш взгляд, важнейшим фактором формирования подобных представлений о собственном развитии выступает семейный образец. Следует отметить, что шкалы УСК практически не вошли в структуру корреляционных связей, полученных по данным ЭГ, что косвенно может свидетельствовать о слабой связанности системы представлений о развитии подростков из социально неблагополучных семей с локусом их контроля. По мнению Е. Р. Калитеевской, Д. А. Леонтьева [1], локус контроля выступает косвенным показателем меры ее ответственности за собственную жизнь. В контексте семьи респондентам ЭГ не была транслирована модель ответственности за собственное развитие. Нужно отметить, что шкалы методики «Готовность к саморазвитию» также практически не связались со шкалами СД и ДР.

Анализ корреляционных связей, обнаруженных при обработке данных респондентов КГ, показал: представления о собственном развитии у подростков из социально благополучных семей характеризуются некоторой гедонистичностью в сочетании с рефлексивностью, связанностью с ответственностью за собственное развитие, успехи и неудачи в нем, нацеленностью на работу над собой, построением отношений. Позитивность развития связывается ими с его автономностью, динамичностью, значимостью, перспективностью, собственной вовлеченностью в деятельностные контексты его осуществления. Значимыми сферами развития выступают сферы достатка, творчества, образования, отношений.

По результатам исследования были сделаны следующие выводы.

1. Представления подростков из социально неблагополучных семей о собственном развитии характеризуются связанностью с внешними признаками успешности развития, гедонистичностью, сниженной рефлексивностью и бытийной ответственностью.

2. Представления о собственном развитии у подростков из социально благополучных семей связаны с ответственностью за его ход и результаты, со значимостью для развития сфер общения, творчества, значимостью образования, познания; определенная гедонистичность взглядов на жизнь и саморазвитие сочетается с интересом к сущности и принципам гармоничного общения, с относительно высокой рефлексивностью.

Таким образом, в ходе исследования нам удалось показать, что представления о собственном развитии подростков имеют специфику в зависимости от типа семьи по критерию ее социального благополучия; в связи с этим крайне важно оказывать подросткам из социально неблагополучных семей помощь в проектировании их развития, вовлекать их в соответствующие деятельностные, творческие контексты.

Эмпирическое исследование представлений о собственном развитии юношей, увлекающихся спортом, осуществлялось совместно с выпускницей КамГУ им. Витуса Беринга 2014 г. А. И. Шевченко. Теоретический анализ показал, что включенность личности в деятельность, с одной стороны, может стимулировать рефлексию саморазвития, с другой стороны, – ограничивать пространство альтернатив в случае, если человек «зациклен» на одной этой деятельности.

Гипотеза: представления о собственном развитии юношей, увлекающихся спортом, связаны со значимостью для них активности в построении жизни, саморазвитии, относительно легко рефлекслируемыми параметрами развития (внешность, здоровье, спортивные достижения), со сниженной значимостью сферы образования; характеризуются относительной противоречивостью.

Эмпирическая база исследования. Юноши 18 – 23 лет: в экспериментальную группу (ЭГ) вошли 25 чел., увлекающихся спортом – футболом (были выделены посредством специализированной анкеты), в контрольную группу (КГ) – 25 чел., не увлекающихся спортом.

По **методике ДР** у респондентов ЭГ выявлены значимо более высокие показатели по шкалам «здоровье» ($t_{\text{эмп}} = 6,43$ при $p = 0,01$), «спорт» ($t_{\text{эмп}} = 23,10$ при $p = 0,01$), «достаток» ($t_{\text{эмп}} = 3,54$ при $p = 0,01$). Успешность в плане легко рефлекслируемых достижений в сочетании с успешностью в материальном плане может способствовать формированию стратегии обладания (по Э. Фромму).

Сравнение результатов по **СД на стимул «Мое развитие сейчас»** показало, что юноши, увлекающиеся спортом, давали очень близкие к максимальным оценки своего актуального развития. Однако очевидно, что развитие человека в период ранней юности «зажато» социальными рамками, столь позитивная оценка саморазвития юношами-спортсменами может быть связана как с его действительной успешностью, так и со сниженной рефлексивностью, несоответствием логики развития глубинным целям бытия личности. Респонденты ЭГ воспринимают свое развитие как значимо более легкое, интересное, открытое, в большей степени склонны считать, что они лично определяют его ход, что может указывать на сниженную рефлексивность и повышенную уверенность в себе. При этом только высокая рефлексивная активность может вести к возникновению внутренних противоречий, выступающих движущей силой развития.

По **методике «Какой сфере Вы в последнее время уделяете больше всего усилий?»** выявлен значимо более высокий показатель ЭГ по сфере здоровья, при этом меньше ресурсов вкладывается в сферу виртуального мира (социальные сети, чтение, планирование), сферу деятельности (любая активность, направленная на достижения). В представлении респондентов ЭГ, они тратят меньше усилий и времени на сферу общения – о нем может быть также в некоторой степени ограничено сферой спорта (регулярные тренировки, сборы, стремление общаться с людьми со сходными интересами).

По **методике ГС** значимо выше показатели респондентов ЭГ по шкале «готовность самосовершенствоваться» ($t_{\text{эмп}} = 2,78$ при $p \leq 0,01$), это, веро-

ятно, обусловлено тем, что в спорте важно постоянно работать над собой. Респонденты КГ могут совершенствоваться в других областях деятельности, результаты которых менее очевидны.

По **методике УСК** значимо более высокие показатели обнаружены у респондентов ЭГ по шкалам «общая интернальность» ($t_{\text{эмп}} = 2,03$ при $p \leq 0,01$) и «интернальность в области неудач» ($t_{\text{эмп}} = 2,39$ при $p \leq 0,01$): с одной стороны, спорт, безусловно, основан на самоконтроле, с другой стороны, результаты спортивных усилий более заметны, легче могут формироваться представления об ответственности за них.

По **методике «Незаконченные предложения»** было выявлено, что респонденты ЭГ в меньшей степени связывают свое развитие со сферой образования, можно сделать вывод о необходимости расширения для них спектра деятельностных, социальных контекстов саморазвития. При завершении предложения «Мое развитие...» респонденты ЭГ дали значимо больше ответов в категории «личное»: в их представлении развитие идет тем путем, который они для себя выбрали.

Далее осуществлялся корреляционный анализ данных, по ЭГ (юноши, увлекающиеся спортом) было установлено, что внешний план развития, стремление иметь хорошую спортивную форму тесно связаны с другими параметрами развития. Со сферой общения респонденты связывают комфортность и перспективность развития, его высокие темпы (возможно, это связано с тем, что футбол – это командный спорт), при этом общение с референтным окружением связывается в восприятии респондентов с определенной долей комфортности. Сфера образования встроена в представления о развитии респондентов ЭГ, связывается с его позитивностью и открытостью, при этом именно со сферой спорта связались представления об успешности развития, о достижениях в нем. Респонденты осознают, что от их активности зависит их здоровье. Обнаружены свидетельства значимости субъектной активности для развития в представлении респондентов ЭГ, при этом в их представлении рефлексивная работа, заострение внимания на своих эмоциях и чувствах не способствует успешности и динамичности развития. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что у юношей, увлекающихся спортом, присутствует дефицитность рефлексивного ресурса для саморазвития, вместе с тем, им присущ такой ресурс саморазвития, как самоисследование, они связывают позитивность саморазвития с необходимостью самосовершенствования. Однако связанность интернальности с внешними параметрами своего развития может вести к иллюзорным представлениям о его подконтрольности.

По КГ отметим самые специфичные моменты: со сферой образования связаны представления о позитивности, комфортности развития, при этом успехи в образовательной сфере практически не связались со шкалами других методик, это может говорить о том, что значимость образования скорее декларируется респондентами. Представления о позитивности развития, его доступности, значимости и перспективности связаны с успешностью в сфере общения. Обнаружено определенное противопоставление желаемого развития тем деятельностным контекстам, в которые респонденты должны вкладывать свои усилия. У респондентов ЭГ

такого противопоставления не выявлено. Таким образом, респонденты ЭГ как бы замкнуты в одной сфере, а респонденты КГ активны в разных сферах. Данное обстоятельство, на наш взгляд, имеет принципиальное значение для становления у личности отношения к пространству альтернатив, к планированию жизни в нескольких сферах.

Респонденты КГ в большей степени осознают значимость субъектной активности в плане самоизменения для динамичного развития. Выявлено достаточное количество разноплановых взаимосвязей представлений о развитии с личностной ответственностью за него (локусом контроля): в осмыслении способов и ресурсов саморазвития бытийная ответственность играет у них более существенную роль. Также больше связей обнаружено и со сферами развития, в которые респонденты вкладывают свои усилия.

В целом, можно сделать следующие выводы:

1) у юношей, увлекающихся спортом, выявлены представления об успешности развития в сферах здоровья, спорта, достатка, творчества при относительной незначимости сфер общения, образования, внутреннего мира, виртуального мира; развитие значимо для них, при этом представления о нем замкнуты в сфере спорта, оценка его успешности основывается на внешних параметрах; выявлена определенная дефицитарность ресурсов саморазвития, выражающаяся в сниженной рефлексивности, центрированности на сфере спорта, конформной позиции в группе, отсутствии стремления к поиску альтернативных деятельностных контекстов;

2) у юношей, не увлекающихся спортом, выявлены представления об успешности развития в сферах образования, общения, виртуального мира при относительной незначимости сфер внутреннего мира, творчества; выявлена значимость развития на данном этапе жизни, готовность к его осуществлению, связанность представлений о развитии с более широким в сравнении с респондентами ЭГ спектром жизненных сфер, относительная непротиворечивость представлений о собственном развитии.

Таким образом, по результатам двух представленных исследований можно сказать, что специфика микросреды, в которой происходит становление личности и осуществляется ее функционирование, существенным образом влияет на представления личности о собственном развитии. Деформированность модели развития и / или ее определенная усеченность изначально ограничивают личность в смысле разноплановости проектирования саморазвития.

Эмпирическое исследование представлений о собственном развитии у старших подростков с разным самоотношением было выполнено совместно с Т. О. Токаревой, выпускницей КамГУ им. Витуса Беринга, 2014 г.

Гипотезой выступило предположение о том, что существуют различия в представлениях о собственном развитии у старших подростков с разным самоотношением.

К указанной выше системе эмпирических методик были добавлены модифицированный вариант методики исследования самооценки Т. В. Дембо – С. Я. Рубинштейн, методика исследования самоотношения (МИС) С. Р. Пантилеева.

База исследования: 60 респондентов в возрасте от 14 до 15 лет – учащиеся средних общеобразовательных школ г. Петропавловска-Камчатского.

На первом этапе с целью комплектования двух экспериментальных групп результаты методики исследования самоотношения (МИС) были подвергнуты кластерному анализу на основе внутригруппового сходства. В итоге испытуемые разделились на два основных кластера: в первую экспериментальную группу (ЭГ₁) вошли 19 респондентов, во вторую экспериментальную группу (ЭГ₂) – 20 респондентов.

Статистический анализ данных по методике МИС посредством *t*-критерия Стьюдента показал: респондентам ЭГ₁ свойственно в целом позитивное самоотношение, связанное с определенной ригидностью в плане самоизменения, а респондентам ЭГ₂ свойственно относительно негативное самоотношение, сочетающееся с потенциальной открытостью для самоизменения, при этом существует препятствие в виде эмоционально негативной саморефлексии. Далее группа ЭГ₁ рассматривалась как респонденты с позитивным самоотношением, группа ЭГ₂ – респонденты с относительно негативным самоотношением.

Статистический анализ данных по методике ДР посредством *t*-критерия Стьюдента показал: у респондентов ЭГ₁ значимо выше уверенность в себе ($t_{\text{эмл.}} = 2,93$ при $p \leq 0,01$), у ЭГ₂ – значимо более низкие, выходящие за пределы нормативных показатели по шкале авторитета у сверстников ($t_{\text{эмл.}} = 2,8$ при $p \leq 0,01$), возможно, они лишены важнейшего бытийного ресурса – принятия со стороны референтного окружения, затруднено осуществление общения со сверстниками как моделирующей взрослые отношения деятельности, что, безусловно, препятствует поиску подростком внутренних ресурсов для саморазвития. Более низкие показатели по шкале умения многое делать своими руками ($t_{\text{эмл.}} = 2,63$ при $p \leq 0,01$) указывают на несформированность убежденности в самоэффективности.

Респонденты ЭГ₁ в целом имеют реалистическую (адекватную) самооценку, что дает основания предполагать наличие у них способности выделять свои сильные стороны для осознанного и целенаправленного саморазвития; тем не менее, данный ресурс может быть задействован при достаточном уровне саморефлексии и «внутренней честности» (С. Р. Пантилеев).

По методике «Достижения за последний год» сделан вывод о том, что рефлексивная активность в целом не приобрела значимость для исследуемых подростков, при этом на уровне определенной тенденции (по нескольким методикам) она у респондентов ЭГ₂ представлена больше.

При анализе результатов *СД стимул «Мое развитие сейчас»* посредством *t*-критерия Стьюдента получены значимые различия по большинству шкал. Ряд средних значений по ЭГ₁ близок к максимальным, собственное развитие представляется им как в целом позитивное, интересное, перспективное, значимое, динамичное, понятное, при этом оно осмысливается как отчасти ограниченное, несвободное. Это логично, поскольку, на наш взгляд, полноценное саморазвитие недоступно личности в подростковом возрасте.

По ЭГ₂ практически все средние показатели нейтральны, это может свидетельствовать как о слабости

рефлексивной работы, так и о выборе нейтральных ответов как способе снятия психодиагностической тревожности. Ряд показателей по ЭГ₂ указывает на осмысление собственного развития как относительно холодного, отдаленного, определяемого извне, пассивного. Данные результаты согласуются с идеей С. Р. Панталева, В. В. Столина о связанности самоотношения с внешним локусом контроля, когда личность неспособна взять на себя ответственность за те или иные неудачи.

По *методике неоконченных предложений* выявлен целый ряд различий, в частности, респонденты ЭГ₁ в основном указывают на динамику развития, в то время как респонденты ЭГ₂ в большей степени нацелены на будущее, это способ компенсировать качество своего развития в настоящем.

В *методике вербального реагирования на стимул «Мое развитие»* респонденты ЭГ₂ значительно чаще указывали негативные ассоциации по поводу собственного развития, при этом также чаще давали ответы в категории «будущее», как бы компенсируя сегодняшние неудачи. Такого рода психологическая защита ограничивает принятие ответственности за свою жизнь и стремление ее изменить. Для респондентов ЭГ₁ установлено, что в целом развитие для них более важно, увлекательно, по их мнению, требует времени, в целом результативно, более тесно связано со сферой общения.

Анализ данных по *методике ГС* посредством *t*-критерия Стьюдента позволил выявить различия по шкале «Могу совершенствоваться» ($t_{\text{эм.}} = 6,63$ при $p \leq 0,01$): респонденты ЭГ₁ выше себя оценивают, видят в себе больше потенциалов, в том числе, и для развития.

Общие выводы по итогам исследования

1. Подросткам с позитивным самоотношением свойственны большая самоуверенность и саморукводство, что может лечь в основу активного и целенаправленного саморазвития, при этом меньшая внутренней честность, большая самопривязанность, что может стать причиной определенной самоуспокоенности, ригидности в плане саморазвития; большая внутренняя честность может выступать ресурсом осознанного саморазвития подростков с относительно негативным самоотношением, при этом внутренняя конфликтность и самообвинение существенно затрудняют их саморазвитие. Ощущение самоценности может быть ресурсом для культивирования своих сильных сторон у подростков с позитивным самоотношением, что практически недоступно подросткам с относительно негативным самоотношением.

2. У подростков с позитивным самоотношением выявлены представления о собственном развитии как о позитивном, перспективном, динамичном, понятном, при этом не свободном от предписаний социума. У подростков с относительно негативным самоотношением – как об относительно отдаленном, определяемом извне, связанным с пассивным ожиданием, при этом принятие на себя ответственности за собственное развитие может препятствовать изменению ситуации в лучшую сторону.

3. У подростков с относительно негативным самоотношением выявлен несколько больший потенциал

рефлексивности, который, однако, не может быть актуализирован для саморазвития в силу негативного характера саморефлексии.

4. У подростков с позитивным самоотношением в большей степени выявлены компоненты стратегии обладания в осуществлении саморазвития, ориентированность на достижения.

5. У подростков с позитивным самоотношением больше опыта позитивного развития, в том числе применительно к конкретным жизненным сферам. Отсутствие подобного опыта у подростков с относительно негативным самоотношением и негативная саморефлексия могут препятствовать успешному саморазвитию.

Таким образом, мы показали, что самоотношение подростков, тесно связанное с самооценкой и самопознанием, может выступать важнейшим ресурсом преоформления саморазвития личности на данном возрастном этапе. В период юности, с нашей точки зрения, саморазвитие начинает осуществляться личностью. *Эмпирическое исследование представлений о собственном развитии в период ранней юности* было осуществлено совместно с Л. А. Кокоревой, выпускницей КамГУ им. Витуса Беринга, 2014 г.

Целью данного эмпирического исследования явилось изучение представлений о собственном развитии личности в период ранней юности.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что существует специфика представлений о собственном развитии в период ранней юности по сравнению с периодом средней зрелости, заключающаяся в определенной абстрактности и противоречивости данных представлений, их связанности со значимостью развития, при этом в осознании его определенной несвободы от социального окружения.

Эмпирическую базу исследования составили 55 человек. В экспериментальную группу (ЭГ) вошли 30 человек, учащиеся МАОУ «СОШ № 42» г. Петропавловска-Камчатского, в возрасте 16 – 17 лет (ранняя юность). В контрольную группу (КГ) вошли 25 человек в возрасте от 28 – 42 лет (средняя зрелость), проживающие в г. Петропавловск-Камчатский.

Анализ данных анкеты «В какой области вы активно развиваетесь?» посредством углового преобразования Фишера показал большую значимость достатка для респондентов КГ ($\varphi_{\text{эм.}} = 3,84$ при $p \leq 0,01$), это вполне закономерно, поскольку в период зрелости человек, как правило, осуществляет профессиональную деятельность, имеет доход и, соответственно, больше ресурсов для развития в данной сфере жизни.

Далее жизненные сферы были проранжированы по принципу того, насколько активным представляется развитие в данных сферах респондентам. На первые позиции респонденты ЭГ поставили сферы осмысления жизни (19,5 % ответов), здоровья (18,5 %), общения (18,5 %), образования (17,3 %); респонденты КГ – сферы материального благополучия (19,4 %), общения (15 %), образования (13,4 %), осмысления жизни (13,4 %), творчества (13,4 %). Рефлексивный ресурс уже доступен юношам, они нацелены на поиск смысла жизни, однако недостаток жизненного опыта может ограничивать рефлексии саморазвития.

Сравнительный анализ результатов по *методике «Какая ваша черта требует дальнейшего разви-*

тия?» показал: респонденты ЭГ значимо чаще указывали ответы в категории «умение общаться» ($\varphi_{\text{эмп.}} = 2,99$ при $p \leq 0,01$): наличие навыков продуктивного общения значимо для саморазвития.

Анализ результатов методики «Пять своих достижений в разных жизненных сферах за последний год» показал: респонденты периода ранней юности значимо чаще указывали достижения в области образования, знаний, связывая их со школьными реалиями, в категориях «общение», «здоровье, спорт» – ответы связаны со значимыми жизненными контекстами юношей. Респонденты КГ давали значимо больше ответов категорий «материальное благополучие», «семья», ответов, связанных с опытом самопреодоления, профессиональных достижений.

При анализе методики неоконченных предложений у юношей было обнаружено больше ответов – отрицательных характеристик собственного развития: такая критичность в плане собственного развития может быть как причиной мотивации избегания неудач, так и стимулом к дальнейшему саморазвитию.

По методике вербального реагирования на стимул «Мое развитие – это...» обнаружено, что собственное развитие в значимо большей степени юноши связывают с приобретением личного опыта, он осмысливается как основа самосовершенствования. Большая выраженность представлений о собственном развитии как динамичном процессе может быть связана с тем, что в целом у юношей меньше опыта осознанного саморазвития, меньше планка достижений, поэтому саморазвитие может казаться им более динамичным.

Сравнительный анализ результатов СД на стимул «Мое развитие сейчас» показал значимое различие по шкале «интересное / скучное» ($t_{\text{эмп.}} = 3,8$ при $p \leq 0,05$): в представлениях юношей их развитие менее интересное, чем в представлениях респондентов зрелого возраста. Вероятно, саморазвитие в большей степени связано с увлеченностью им у респондентов зрелого возраста, с креативностью в построении жизненного пути, юноши-старшеклассники в этом смысле более ограничены, могут ощущать «туннельность» развития, его регламентированность.

При обработке данных респондентов ЭГ и КГ методом семантических универсалий было обнаружено: в представлении юношей их развитие в целом важное и привлекательное, при этом недостаточно открытое, близкое и легкое. В представлениях респондентов КГ их развитие относительно активное, долгое, важное, светлое, открытое, стремительное, в целом полное надежд, интересное и приятное; недостаточно легкое, близкое. Набор семантических универсалий респондентов КГ богаче, собственное развитие они характеризуют не только с позиций значимости и детерминированности собственными целями и потребностями, но и с позиции его перспективности, протяженности.

Анализ результатов методики ГС посредством углового преобразования Фишера показал, что значимо больше респондентов ЭГ дали ответы в категории «хочу знать, но не могу измениться» ($\varphi_{\text{эмп.}} = 2,05$ при $p \leq 0,05$), что подтверждает сказанное выше.

Анализ данных методики УСК показал, что показатели локуса контроля у респондентов зрелого возраста значимо выше. У них имеется больший жизненный опыт, в том числе в плане построения собственной се-

мьи, осуществления профессиональной деятельности, имеется опыт принятия ответственности за собственную жизнь, свое развитие, а также более сформированная рефлексия для оценки продуктивности выстраивания жизни.

По методике «Мировоззренческой активности» Д. А. Леонтьева, И. И. Ильиченко было установлено, что в КГ значимо больше респондентов, характеризующихся мировоззренческой многомерностью ($\varphi_{\text{эмп.}} = 2,68$ при $p \leq 0,01$), следовательно, респонденты периода зрелости склонны к более рефлексивному миропониманию.

В ходе корреляционного анализа данных каждой из групп было выявлено, что респондентам ЭГ уже свойственно представление о том, что принятие на себя ответственности за те или иные жизненные ситуации связано с продуктивностью своего развития, его увлекательностью, перспективностью, значимостью, связанностью с субъектной активностью. При этом можно предположить, что подобные представления еще слабо привязаны к реальному опыту саморазвития, в некоторой степени абстрактны. Вкладывание усилий в дела семьи может обеспечить определенную социальную поддержку, увлекательность саморазвития, его большую свободу. Успешность в сфере получения образования, по мнению респондентов ЭГ, связана с такими параметрами саморазвития, как его наполненность, значимость, позитивность, связанность с субъектной активностью личности, при этом, образовательный процесс, возможно, не ассоциируется у респондентов с креативностью, свободой выбора.

Респондентам КГ свойственно осознание того, что только вкладывание себя в развитие, ответственное построение жизни, учет позиций и взглядов значимых людей может обеспечить благополучие и продуктивное развитие в базовых сферах жизни. Значимыми деятельностными контекстами для саморазвития выступают сфера творчества и общения.

Общие выводы по исследованию

1. В период юности личности менее свойственна стратегия обладания, чем личности в период средней зрелости; значимы сферы осмысления жизни, здоровья, общения, образования; для лиц периода средней зрелости – сферы материального благополучия, общения, образования, осмысления жизни, творчества. Включение юношей в специальные деятельностные контексты, сопровождающиеся интенсификацией рефлексии, может повысить продуктивность рефлексивной работы личности, стать основой формирования жизненной стратегии бытия.

2. Представления о развитии и саморазвитии личности в период ранней юности более абстрактны и субъективны, в меньшей степени критичны в сравнении с подобными представлениями личности в период средней зрелости, что связано как с продуктивностью рефлексивной работы, так и с разным объемом жизненного опыта. Саморазвитие в представлении лиц периода ранней юности ограничено в выборе ими направлений. Представления о собственном развитии личности в период ранней юности являются менее объемными, многомерными, чем в период средней зрелости.

3. Внутренний локус контроля как ресурс саморазвития в большей степени выражен у респондентов периода средней зрелости, как и рефлексивность, многомерность мировоззренческих установок, при этом личности в период ранней юности уже свойственно представление о том, что принятие на себя ответственности за те или иные жизненные ситуации связано с продуктивностью собственного развития.

Сопоставление результатов описанных исследований в аспекте возрастной динамики позволяет увидеть, что на разных возрастных этапах есть ключевые ресурсы саморазвития, от представленности которых может зависеть и возрастная специфика самоизменения личности. Так, интенсивность, продуктивность рефлексивной работы личности уже в подростковом периоде определяет планку саморазвития, представления о его успешности. Нами установлено, что саморазвитие связывается с легко рефлекслируемыми параметрами у подростков, не имеющих социального образца осмысления собственного развития, у лиц юношеского возраста, саморазвитие которых замыкается в одном деятельностном контексте. В целом, определенная ограниченность жизненного опыта, абстрактность представлений о развитии и саморазвитии определяет их протекание на этапе дозрелости.

Такой ресурс саморазвития, как внутренний локус контроля – один из показателей экзистенциальной ответственности, безусловно, в большей степени доступен личности в период зрелости. На предыдущих этапах онтогенеза дефицитность данного личностного ресурса обусловлена как неблагоприятностью социальной ситуации развития, так и определенной самоуспокоенностью, ориентированностью на референтное окружение.

Нацеленность личности на саморазвитие, самодетерминация, с одной стороны, задаются социальным окружением на этапе первичной социализации на уровне жизненного сценария, с другой стороны, выби-

раются личностью уже в подростковом возрасте в случае формирования автономности и креативного отношения к жизни.

Личность в подростковом, юношеском возрасте осознает значимость саморазвития, при этом ограничена в выборе его путей, контекстов. При благополучном варианте такое противоречие станет движущей силой саморазвития, когда личность будет стремиться отстоять свою индивидуальность, свой путь. При этом при определенных обстоятельствах дефицитность ресурсов для саморазвития может привести к невозможности его осуществления личностью. Так, подростки с негативным самоотношением открыты самоанализу и саморазвитию, при этом не убеждены в самоценности и самоэффективности, в связи с этим для них дефицитными являются такие ресурсы саморазвития, как позитивное самоотношение и ответственность за самоизменение.

Выявлена нацеленность на саморазвитие у лиц юношеского возраста. В период зрелости личность может добровольно отказываться от развития, реализовывать жизненную стратегию обладания, когда сверхзначимыми становятся материальный достаток, престиж, достижения, результат, а не процесс самосовершенствования, включенность в деятельность.

Такой ресурс саморазвития, как автономность, самодетерминированность, по определению дефицитарен для личности на этапе дозрелости, что обусловлено культурной нормой определенной подчиненности развития личности требованиям социума. Такое развитие Д. А. Леонтьев называет вынужденным.

Таким образом, значимыми ресурсами для проектирования и осуществления саморазвития выступают его ценность для личности, субъектная активность, рефлексивность, бытийная ответственность, включенность в разнообразные деятельностные контексты, наличие соответствующих жизненных сценариев и моделей.

Литература

1. Калитеевская Е. Р., Леонтьев Д. А. Пути становления самодетерминации личности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 49 – 55.
2. Леонтьев Д. А. Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 67 – 80.
3. Пантеев С. Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
4. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая парадигма как методологическая основа оценки и прогнозирования развития личности // Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность: монография. Томск: ТГПУ, 2008. С. 71 – 93.

Информация об авторе:

Фризен Марина Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, frizenm@yandex.ru.

Marina A. Frizen – Candidate of Psychology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Theoretical and Applied Psychology, Vitus Bering Kamchatka State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ГРАЖДАНСКИЕ УСТАНОВКИ ЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМА ДИАГНОСТИКИ

И. С. Шахова

CIVIL SETS OF THE PERSON: THE PROBLEM OF DIAGNOSTICS

I. S. Shakhova

Обосновано представление о возможности диагностики гражданских установок личности с помощью психологического анализа вербального авторского текста, а также модифицированного варианта Методики предельных смыслов. Описаны результаты диагностики смысловой сферы юношей, проходящих службу в армии, показана взаимосвязь между гражданскими установками личности и общим уровнем ее смыслового развития. Отражены результаты исследования, демонстрирующие положительную динамику социальных свойств, качеств (гражданственности) личности молодых людей в процессе службы в армии. Предложенные в работе способы оценки гражданских установок личности могут быть рекомендованы для использования в диагностической деятельности психологов.

The author proves the idea of the possibility of diagnostics of the personality's civil sets by means of psychological analysis of the author's verbal text, and also the modified option of the Technique of limit meanings. The ways of assessing the civil sets of the personality suggested in the paper can be used in diagnostic activity of psychologists. Results of diagnostics of the semantic sphere of the young men serving in army are described, the interrelation between civil sets of the personality and the general level of their semantic development is shown. Positive dynamics of social properties, qualities (civic consciousness) of the identity of young people in the course of service in the army is revealed.

Ключевые слова: гражданские установки, диагностика, вербальный текст, личность, личностные смыслы.

Keywords: civil sets, diagnostics, verbal text, person, personal meanings.

Актуальность исследования гражданских установок личности обусловлена как их слабой изученностью: неясностью детерминант, механизмов формирования и функционирования, неразработанностью методов диагностики, – так и возросшей социальной значимостью качеств гражданина в условиях обострившейся внешне – и внутреннеполитической обстановки в стране. При этом гражданин понимается как «общественно – полезный, преданный своему отечеству человек» [13, с. 357], как «человек, подчиняющий свои личные интересы общественным, служащий родине, народу» [12, с. 342]. При очевидной важности обозначенных качеств, процесс их развития в условиях образовательных институтов сегодня скорее декларативен, нежели эффективен. Более того, в последнее время в массмедийном дискурсе понятие «патриот» (близкое по значению понятию «гражданин» в указанном выше значении) порой употребляется как уничижительное, характеризующее человека ограниченного. Совокупность данных причин является основанием для постановки проблемы гражданственности в психологии.

Диагностика гражданских установок наиболее популярными в психологии субъективными методами (опросниками) затруднена в силу влияния фактора социальной желательности, ведь феномен гражданственности семантически в большей степени связан с социальным контекстом, нежели с личностным.

Мы предлагаем диагностировать гражданские установки с помощью модифицированных вариантов методики психосемиотического анализа вербального авторского текста (И. М. Кыштымова) и методики предельных смыслов (Д. А. Леонтьев), интегрирующих приемы контент – анализа и проективных методов диагностики.

Обоснуем суждение об адекватности решаемой задаче диагностики гражданских установок обращения к методу анализа текста. Методика психосемиотического

анализа вербального авторского текста основана на представлении о тексте как вербальном маркере личности его автора [5; 7]. Текст выступает как медиатор, транслирует личностные смыслы и установки опосредованно, через повествовательный контекст, что позволяет с высокой степенью достоверности «вычерпывать» их из текста. Со времен античности известно, что речь предназначена для открытия скрытого сущего, придания ему статуса непотаенного. Из трех функций языка, выделенных К. Бюлером [1]: выражения, воздействия (с помощью призыва, сообщения и т. д.) и отнесенности к вещи (называние, ориентирование, изображение), – предметом исследования в психологии является, прежде всего, первая. Речь – это языковое выражение «личного духа», скрытого в слове [4, с. 555].

Текст, состоящий из слов, организованных по законам грамматики, морфологии и синтаксиса, представляет собой такую систему, каждый компонент которой участвует в выражении смысла. Системное подобие речевой и личностной организации является «открытием Г. Г. Шпета», которому «могли бы позавидовать П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн, Л. фон Бергланфи, Л. С. Выготский, Ж. Пиаже, Б. Ф. Ломов, Э. Г. Юдин и многие другие» [2, с. 9]. Гомоморфизм психических структур и структур предметной области является основой, позволяющей исследовать психические образования посредством анализа продуктов деятельности. Представление о подобии структур (личности как «текста» и вербального текста) позволяет адекватно задаче осуществить моделирование диагностической процедуры выраженности личностных установок в вербальном тексте.

Человек «полностью субъективируется в продуктах своего труда и творчества» [14, с. 238], и речь является самым адекватным объектом исследования для понимания внутреннего мира ее автора. Адекватность

выражения внутреннего мира посредством знаков не бывает абсолютной, но при ее относительности иного способа глубокого постижения психологии человека не существует [6, с. 118].

Исследованию особенностей письменной речи большое внимание уделял А. Р. Лурия, подчеркивая ее индивидуализированность: «это речь без собеседника, ее мотив и замысел полностью определяются субъектом» [10, с. 270]. Эти особенности позволяют рассматривать текст как «отпечаток» сознания пишущего.

Системная совокупность языковых возможностей и проявлений человека обозначается понятием «языковая личность». Индивидуальность выражается средствами языка и реконструируется посредством анализа порожденного текста: «Набор языковых умений может расцениваться как определенный (лингвистический) коррелят черт духовного облика целостной личности, отражающий в специфической, языковой форме ее социальные, этические, психологические, эстетические составляющие...» [3, с. 71].

Создание авторского текста происходит при реализации механизма, заключающегося в отборе и классификации семантических единиц. Создавая текст, человек реализует вариант каких-то жизненных ситуаций – тот, который отражает его глубинные представления о бытии. Обладая неисчислимым объемом элементов текста (потенциальных вариантов развертывания событий), автор, в силу потребности такой интерпретации жизненных событий, которая отражает его смыслы и установки, создает единственно возможный текст. Изоморфизм смысловой структуры текста и деятельности человека подчеркивает В. Ф. Петренко [11].

Совокупность порожденных текстов одного автора, являющихся фиксированными структурными образованиями, можно рассматривать как систему, в рамках которой системные закономерности личности получают свое выражение, подчиняющееся системным закономерностям языка.

И. М. Кыштымовой обосновано суждение о продуктивности использования семиотической парадигмы для реализации психодиагностического подхода к авторскому тексту: «Как язык нации отражает ее ментальность, так отдельный текст в его формальных признаках отражает выражаемый авторский смысл» [6, с. 138]. Текст, согласно Р. Д. Пиотровскому, является отпечатком личности ее автора: «Между планом выражения и планом содержания, между означающим и означаемым наблюдается последовательный изоморфизм, это принято сейчас в качестве аксиомы» (цит. по [8, с. 97]).

Таким образом, текст является адекватным объектом психодиагностического исследования, в процессе которого выявляются личностные установки автора.

Понимая гражданские установки как социальные установки, проявляющиеся в предрасположенности личности к таким значимым гражданским ценностям, как преданность отечеству и бескорыстное служение родине, мы рассматриваем их и как структурные компоненты смысловой сферы личности. Направленная на диагностику личностных смыслов методика психосемиотического анализа сочинений [7, с. 58 – 62], была дополнена нами категорией «Гражданские установки». Данный критерий оценивался следующим образом: нулевой уровень – не выраженность, отсутствие сужде-

ний, связанных с темой родины, любви к ней и готовности к служению отечеству; первый уровень – в сочинении обозначены понятия и сформулированы суждения, которые можно отнести к гражданским установкам; второй уровень – гражданские установки явно выражены, маркированы автором, подчеркнута их значимость; третий уровень – все формально-содержательные компоненты сочинения направлены на выражение себя как гражданина, патриота, осознающего свою ответственность и долг перед Родиной.

Испытуемые писали сочинения на свободную тему, самостоятельный выбор темы, связанной со служением родине, представляется нам весьма значимым для оценки выраженности в смысловой сфере юношей гражданских установок.

Для получения более достоверных данных в диагностический пакет была включена методика предельных смыслов Д. А. Леонтьева. Качественно-феноменологический подход, реализованный при ее моделировании, позволяет получить данные, которые можно обрабатывать по-разному, с разных теоретических позиций, в то время как стандартизованные методы более жестко привязаны к исходной парадигме. Эти особенности сближают качественно-феноменологические методы с проективными, но проективные методы позволяют психологу получить информацию, не осознаваемую самим респондентом, а применение качественно-феноменологических методов предполагает осознание респондентом своего жизненного мира, опирается на это осознание и стимулирует его развитие и углубление [9, с. 2].

В методике предельных смыслов использован прием изучения смысловых систем через их отражение в индивидуальном мировоззрении. Анализ данных МПС представляет собой содержательную интерпретацию полученных смысловых цепей и структур под углом зрения отражения в них глубинных личностных особенностей смысловой сферы испытуемых. Методическая процедура представляет собой структурированную серию вопросов и ответов. После получения необходимого объема информации экспериментатор строит граф (дерево) выявленных в ходе диалога с испытуемым смысловых категорий, в вершине которого находятся предельные смыслы. Анализ направлен на выявление индивидуальных особенностей структуры смыслового древа, которая может быть описана с помощью количественных индикаторов, отражающих особенности индивидуального мировоззрения.

С целью выявления наличия гражданских установок в смысловой структуре солдат по призыву, нами был введен дополнительный оценочный критерий – «индекс гражданских установок».

Всего в исследовании приняли участие 55 человек. Основную группу испытуемых (37 человек) составили солдаты, проходящие воинскую службу по призыву в гвардейской ракетной Витебской ордена Ленина Краснознаменной дивизии, дислоцирующейся в настоящее время в г. Иркутск. При кажущейся очевидности доминантности гражданских установок для военнослужащих, их выраженность в структуре личности нуждается в изучении, исходя из современных реалий, согласно которым многие юноши избегают службы в армии или идут служить с неохотой.

В качестве контрольной группы привлекались студенты призывного возраста – 18 юношей Иркутского регионального педагогического колледжа. Возраст молодых людей экспериментальной и контрольной группы от 18 до 24 лет. Среди солдат 13 человек, имеющих образование выше среднего и 24 – уровень образования средний и не оконченный средний.

Гражданственность, как одна из базовых нравственных качеств, для личности военнослужащего выступает основополагающей и выражается в чувстве долга и ответственности перед государством, семьей, в готовности отстаивать и защищать от всяких посягательств права и интересы своей Родины. Показателем присутствия гражданской ответственности в субъективной форме выступают чувство долга, ответственности, законопослушание, активная деятельность, готовность защищать общие интересы и права сообщества.

Исследование проходило в два этапа, первый этап – в период ввода в строй военнослужащих после призыва в ряды Вооруженных Сил, второй этап – перед увольнением в запас.

Использование в процессе нашего исследования методики психосемиотического анализа сочинений на свободную тему показало, что по категории «гражданские установки» средние показатели на начальном этапе службы 0,32, в период окончания службы 0,47. Таким образом, произошел значимый положительный сдвиг социальных свойств, качеств (гражданственности) личности молодых людей. В сочинениях на свободную тему у солдат не только увеличилось число апелляций к теме родины, но усилилось выражение рефлексии по поводу значимости гражданской позиции для личности и общества.

В процессе исследования был определен удельный вес категорий, выражающих гражданские установки личности, выявленных с помощью использованного варианта МПС. При проведении анализа по критерию χ^2 -Спирмена была установлена положительная корреляция данного показателя с показателем N (ПК) – количеством предельных категорий ($p = 0,033$). Повидимому, наличие в структуре смысловой сферы личности гражданских установок может послужить признаком, указывающим на то, что у человека хорошо развитое разветвленное, структурированное мировоззрение. Человек с более развитой смысловой системой более успешен в нахождении предельных оснований своей деятельности.

Выявлена отрицательная корреляция индекса гражданских установок с индексом неготовности ($p = 0,027$). При росте гражданских установок повышается готовность личности действовать сообразно со сформировавшейся социальной направленностью, готовность к достижению социально-значимых и индивидуально необходимых целей в соответствии с имеющимися в обществе, государстве условиями, личными и моральными нормами.

С целью получения данных о взаимосвязи динамики личностного смысла, который мы вслед за А. Н. Леонтьевым понимаем как системообразующее свойство в структуре личности, с гражданскими установками военнослужащих, был проведен сравнительный анализ диагностических показателей между группой юношей, показавшей наличие гражданских установок и тех, у кого они не выражены.

Результаты сравнения двух групп по критерию Манна-Уитни на начальном этапе прохождения службы показали значительные различия в смысловой сфере юношей. Статистически значимые различия были выявлены по показателям «индекс децентрации» ($p = 0,035$), «осмысленность жизни» ($p = 0,008$), «цели» ($p = 0,041$), «результат» ($p = 0,025$), «локус Я» ($p = 0,025$), «локус Жизнь» ($p = 0,032$), «количество предельных категорий» ($p = 0,014$). Можно предположить, что молодые люди со сформированными гражданскими установками характеризуются и более развитыми показателями развития смысловой сферы в целом, мотивация к воинской службе у них проявляется на более высоком смысловом уровне. На заключительном этапе различия между группой юношей, показавшей наличие гражданских установок и тех, у кого они не проявились, не так выражены. По нашему мнению, это свидетельствует о положительном влиянии воинской среды на личность тех юношей, у которых ранее гражданские установки в смысловой сфере не проявились. Статистически значимые различия выявлены по показателю «индекс неготовности» ($p = 0,022$). Молодые люди с выраженными гражданскими установками более решительны.

При оценке динамики смысловых показателей по критерию Вилкоксона в группе воинов, у которых гражданские установки не выявлены, статистически значимый сдвиг произошел по показателям обеих методик: «средняя длина цепи» ($p = 0,050$) и «осмысленность жизни» ($p = 0,024$).

В группе молодых людей, у которых выражены гражданские установки, динамика, произошла по показателям «ответственность» ($p = 0,035$), «гармонический центр» ($p = 0,025$), «время» ($p = 0,041$), «локус Жизнь» ($p = 0,033$). Обращает на себя внимание тот факт, что сдвиг произошел по тем же показателям, по которым зафиксирована динамика при анализе всей группы военнослужащих. Значимость данного наблюдения увеличивается, если учесть то, что группа военнослужащих с выявленными гражданскими установками значимо меньше (10 человек с выраженными гражданскими установками, 27 – без), что само по себе является тревожным фактом, свидетельствующим о низком уровне гражданской ответственности молодого поколения россиян.

По результатам проведенного эксперимента можно предположить, что служба в армии активизирует процессы переосмысления действительности и себя. В группе юношей, в смысловой сфере которых присутствуют гражданские установки, более высокие показатели личностных смыслов, смысловое древо более структурировано, это проявляется в готовности к действиям, не противоречащим сформированной жизненной позиции. Исследование проводилось также в контрольной группе, где статистически значимых изменений показателей гражданских установок в личностной сфере не служивших юношей не произошло.

В процессе исследования показано, что предложенные в работе способы оценки гражданских установок личности, представляющие собой модифицированные варианты МПС Д. А. Леонтьева и методики психосемиотического анализа текста И. М. Кыштымовой, обладают хорошими дифференциальными свойствами и могут использоваться в диагностической деятельности психологов.

Литература

1. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка [пер. с нем.]. М.: Прогресс, 2000. 528 с.
2. Зинченко В. П. Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006. 264 с.
4. Краткая философская энциклопедия / под ред. Е. Ф. Губского, Г. В. Кораблевой, В. А. Лутченко. М.: Прогресс-Энциклопедия, 1994. 576 с.
5. Кыштымова И. М. Психосемиотика креативности. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. 579 с.
6. Кыштымова И. М. Креативность школьников: психосемиотический подход: дис. ... д-ра психол. наук. Иркутск, 2009. 529 с.
7. Кыштымова И. М. Психосемиотическая методика диагностики вербальной креативности // Психологический журнал РАН. Т. 29. № 6. М., 2008. С. 57 – 67.
8. Левый И. Значения формы и формы значений // Семиотика и искусствометрия: сб. пер. / сост. Ю. М. Лотман, В. М. Петров. М., 1972. С. 88 – 107.
9. Леонтьев Д. А. Методика предельных смыслов (методические рекомендации). М.: Смысл, 1999.
10. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 416 с.
11. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
12. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. С. 342.
13. Словарь современного русского языка: в 17 т. / АН СССР; под ред. С. Г. Бархударова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 3. С. 357.
14. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Психология социального бытия. М., 1996. С. 261 – 373.

Информация об авторе:

Шахова Ирина Савельевна – аспирант Иркутского государственного университета, г. Иркутск, shahova-irina@lenta.ru.

Irina S. Shakhova – post-graduate student at Irkutsk State University.

(Научный руководитель: Кыштымова Ирина Михайловна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и развития личности Иркутского государственного университета, info@creativity.ru.

Academic advisor: Irina M. Kyshtymova – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Educational Psychology and Personal Development, Irkutsk State University).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.9

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЦЕННОСТНОЙ ИЕРАРХИИ ПЕДАГОГОВ КАК АГЕНТОВ СОЦИАЛИЗАЦИИ

М. С. Яницкий, О. А. Браун

ETHNIC AND CULTURAL SPECIFICS OF VALUABLE HIERARCHY OF TEACHERS AS AGENTS OF SOCIALIZATION

M. S. Yanitskiy, O. A. Braun

В статье обосновывается роль педагога как посредника между учащимися и культурой, обеспечивающего трансляцию социальных ценностей. В данном контексте аргументируется значимость изучения и развития системы ценностей педагогов в транзитных обществах, характеризующихся состоянием аномии и нарушением механизмов трансгенерационной передачи ценностей. Приводятся результаты кросскультурного исследования особенностей ценностной иерархии педагогов России, Украины, Италии и Польши. На основе проведенного исследования делается вывод о том, что выявленные различия в ценностной иерархии обусловлены объективными социально-экономическими условиями, которые задают контекст развития личности педагогов, опосредующий становление системы их ценностных предпочтений. Ценностная направленность педагогов, в свою очередь, в значительной степени определяет формирование ценностных ориентаций учеников в процессе социализации. С учетом полученных данных обосновываются рекомендации по аксиологизации процесса профессионального образования, направленные на поддержку становления гуманистически ориентированной системы ценностных ориентаций будущих педагогов как агентов социализации нового поколения.

The paper focuses on the role of the teacher as the intermediary between students and culture providing broadcast of social values. In this context it is important to study and develop teachers' system of values in the transit societies which are characterized by anomy and violation of mechanisms of trans-generative transfer of values. The results of the cross-cultural research of the features of valuable hierarchy of teachers conducted in Russia, Ukraine, Italy and Poland are given. On the basis of the study it is concluded that the differences in value hierarchies are based on objective social and economic conditions that set the context of teachers' personal development, mediating the formation of their value

preferences. Value orientations of teachers, in turn, largely determine the formation of value orientations of students in the process of socialization. With respect to the obtained data, the authors substantiate the recommendations about axiologization of the process of professional education aimed at supporting the development of the humanistic system of value orientations of future teachers as agents of socialization of the new generation.

Ключевые слова: культура, ценности, социализация, молодежь, педагоги.

Keywords: culture, values, socialization, youth, teachers.

Иерархия ценностных предпочтений как отдельной личности, так и социальных общностей традиционно связывается с социокультурным контекстом. Так, В. С. Степин определяет ценности как ориентиры, «составляющие своего рода «культурную матрицу», нечто вроде генома культуры, который обеспечивает воспроизводство и развитие социальной жизни на определенных основаниях [10, с. 634]. Ценности, в свою очередь, выступают маркерами этнокультурной специфичности. По словам Ф. Клякхон и Ф. Стродбека, «ценностная ориентация является комплексом строго определенных принципов, ... которые в своем синтезе составляют магистральное направление проявлений данной культуры, ее центральную тему, которые детерминируют собой различные человеческие поступки и которые дают ответы на то, что принято называть общечеловеческими проблемами» [15]. Т. Г. Стефаненко, обобщая существующие подходы к познанию культуры посредством изучения ценностей, резюмирует, что «преобладающие в обществе ценности являются одним из ключевых, может быть, стержневым элементом любой культуры» [11, с. 205]. Поэтому фиксация ценностных различий является основной задачей кросс-культурных исследований.

Как известно, система ценностей любой общности является фактором ее интеграции, поддержания групповой идентичности, условием сохранения и воспроизводства культуры. Согласно Л. Г. Почебут, «именно ценности являются тем смысловым конструктом, который объединяет и скрепляет этнокультурные общности» [6, с. 136]. Закономерно, что в этой связи не только ценности определяются через культуру, но и само понятие «культура» также связывается с ценностями. Так, Д. Матсумото определяет культуру как совокупность установок, ценностей, верований и поведения, разделяемых группой людей, но по-разному каждым индивидом, и передаваемых от поколения к поколению [4].

Ф. Клякхон и Ф. Стродбек полагают, что ценности возникают и развиваются внутри конкретной культуры, которая, в свою очередь, формируется под влиянием определенных социальных и исторических условий. Когда ценности разделяются большинством людей в группе, они становятся элементами данной культуры и начинают определять индивидуальное и групповое поведение [15]. Рассматривая различные работы, выполненные в рамках ценностного подхода в психологической антропологии, С. В. Лурье заключает, что ценности представляют собой как бы точку пересечения между индивидуумом и обществом, а ценностный подход в целом направлен на изучение и объяснение межкультурных вариаций [5]. Соответственно, исследования межкультурных различий неизбежно затрагивают вопрос соотношения и взаимовлияния ценностей личности и общества.

Принятие молодым поколением ценностей той или иной культуры осуществляется в процессе социализации. По словам Е. П. Белинской и О. А. Тихомандрицкой, «социальные ценности, выступающие как некоторые общественные идеалы, выработанные общественным сознанием, усваиваются индивидом в процессе социализации и образуют ценностные структуры личности, т. е. превращаются в личностные ценности» [1]. В то же время, по мнению В. Е. Ключко, ценности не усваиваются, а превращаются в одно из измерений многомерного мира человека. Ценности, с его точки зрения, превращают жизненный мир человека в пространство, сближающее его с другими людьми в силу определенной тождественности их миров, определяющей единым источником, из которого «вычerpываются» эти ценности – общей культурой [3].

Закономерно, что социальные и культурные изменения, происходящие в постмодернистском обществе, сопровождаются существенной трансформацией системы ценностных представлений. Р. Инглхарт, характеризуя происходящие в культуре постмодерна ценностные изменения, акцентирует внимание на повсеместном сдвиге от «материалистических» ценностей, обусловленных потребностью в экономической и физической безопасности, к ценностям «постматериалистическим», выдвигающим на первый план индивидуальное самовыражение и качество жизни. По его словам, такой сдвиг «представляет собой лишь одну компоненту гораздо более широкого культурного сдвига... эта широко распространяющаяся перестройка мироотношения и обозначается нами как «постмодернизация». При этом, как отмечает Р. Инглхарт, сегодня «системы убеждений на массовом уровне изменяются таким образом, что характер этих изменений имеет значительные экономические, политические и социальные последствия» [2]. Соответственно, такие «культурные сдвиги», обуславливающие трансформацию системы ценностей, в свою очередь, все больше становятся ценностно детерминированными, что придает взаимосвязи между ними двусторонний характер.

Одновременно с этим постмодернистское общество характеризуется нарушением традиционной системы социализации, снижением роли таких ее институтов, как семья, школа и т. п., общим кризисом во взаимоотношениях между поколениями, имеющим отчетливые ценностные очертания. В соответствии с теорией поколений Н. Хоува и У. Штрауса, межпоколенные конфликты, собственно говоря, и представляют собой конфликты различных систем ценностей. При этом, по словам Э. Эриксона, применительно к сегодняшнему конфликту поколений «не стоит забывать, что старшее поколение в какой-то степени пренебрегло своим долгом и не предложило молодежи сильных идеалов, которые нужны для формирования молодого поколения – хотя бы для того, чтобы молодежь могла восстать про-

тив хорошо сформулированного набора старых ценностей» [13, с. 38]. Соответственно, в постмодернистском обществе молодежь испытывает затруднения в осуществлении как функции воспроизводства существующей социальной системы, обеспечиваемой посредством усвоения ценностей старших поколений в процессе социализации, так и в реализации инновационной функции, связанной с исполнением роли самостоятельного субъекта социального развития в процессе ювентизации.

Особую значимость эта проблема приобретает в современном российском обществе, переживающем социальный и экономический кризис. Как справедливо указывает Е. П. Савруцкая, «негативные явления российской социальной реальности оказали наибольшее влияние на молодежь, поставленную перед проблемой выбора ценностных ориентаций и жизненных установок, зачастую не имеющую возможности опереться на социокультурный опыт старших поколений» [8, с. 247]. Нарушение механизмов трансгенерационной передачи ценностей в России, как и во многих других транзитных обществах, связывается с общей дезорганизацией системы социальных ценностей, состоянием аномии.

В результате, в настоящее время многие молодые люди характеризуются несформированностью системы ценностных ориентаций или ее дезинтеграцией, определенной утратой смысла жизни, что существенно осложняет процесс социализации и затрудняет последующую самореализацию личности [7]. Подобный «ценностный вакуум», свойственный части нынешней молодежи, в постмодернистских обществах является отчетливым вызовом образованию, определяющим необходимость актуализации ценностных подходов к его реализации, «аксиологизации» образовательного пространства. Связанная с этим гуманистическая переориентация образования с трансляции знаний на развитие личности, предполагает, в первую очередь, развитие ценностной сферы учащегося [9], которое можно рассматривать одновременно и в качестве цели, и в качестве результата педагогического процесса.

В настоящее время образование, традиционно признаваемое одной из важнейших ценностей человека, само становится процессом передачи ценностного знания и формирования на его основе ценностного отношения и ценностного поведения [12]. Передача ценностей педагогом и создание условий их внутреннего принятия учащимся является сегодня основной функцией образования. Влияние образовательной среды на формирование ценностных ориентаций личности определяется как особенностями организации учебного процесса, так и взаимоотношениями с учителями. При этом, вне зависимости от формы организации и содержания учебного процесса, личность педагога остается важнейшим фактором развития системы ценностей учащихся. В этой связи все большую значимость приобретает система ценностей самого учителя, в постнеклассической педагогике рассматривающегося в качестве посредника между учащимся и культурой. Все это делает актуальной задачу исследования системы ценностей педагогов, выступающих важнейшими агентами формирования системы ценностей учащихся.

Поскольку система ценностей в значительной степени задана социокультурным, в том числе этнокуль-

турным контекстом, в данной работе нами изучались этнокультурные особенности ценностной иерархии педагогов. В настоящем исследовании приняли участие 726 работающих учителей и будущих педагогов (студентов педагогических специальностей) из России, Украины, Польши и Италии различного пола, возраста, стажа и профиля преподавания либо обучения. Респондентам была предложена анкета, содержащая модифицированную нами методику Р. Инглхарта [14]. Данная методика позволяет выявить ориентацию на ценности адаптации (выживание и безопасность), социализации (социальное одобрение) или индивидуализации (независимость и саморазвитие). Процедура проведения исследования основана на выборе испытуемыми наиболее важных ценностей из предлагаемого списка, включающего индикаторы ориентации на данные группы ценностей. Исследуемым предъявлялся список из девяти ценностей, и предлагалось выбрать, что из перечисленного в нем они считают для себя наиболее важным (можно было указать от 1 до 3 вариантов). Результаты исследования анализировались посредством сравнения процентного распределения ориентирующихся на описанные группы ценностей в подвыборках, различающихся по этнокультурной принадлежности. Для выявления статистических различий в распределениях осуществлялась проверка гипотезы об однородности выборок с помощью критерия Колмогорова-Смирнова (λ_a).

На основании выбора тех или иных предложенных ценностей все респонденты были отнесены к одному из трех ценностных типов: «адаптирующиеся» (ориентация на порядок, здоровье, материальный достаток) – 39 %; «социализирующиеся» (семья, карьера, общественное признание) – 22 %; «индивидуализирующиеся» (самореализация, свобода, терпимость) – 8 %. Остальные 31 % исследуемых были отнесены к промежуточному типу. Приведенное распределение ценностных типов свидетельствует в целом о несколько более высоком уровне ценностного развития в исследуемой группе, чем в общих выборках в наших предыдущих опросах, где на ценности адаптации, как правило, ориентировались 45 – 50 % респондентов, на ценности социализации – около 30 %, и на ценности индивидуализации – менее 5 %. Доля демонстрирующих ориентацию на высшие, гуманистические ценности среди педагогов и будущих учителей ожидаемо выше, что вполне соответствует их основной миссии – развитию ценностной сферы учащихся, осуществляемому, в том числе и собственным примером.

Как следует из полученных нами результатов, распространность описываемых ценностных типов в исследуемых этнокультурных группах обнаруживает статистически значимые различия (таблица 1). Все исследуемые группы обнаруживают достоверные отличия от остальных, относительно «близки» в ценностном отношении только поляки и россияне. Наибольшее своеобразие демонстрирует группа украинских учителей и студентов педагогических специальностей – среди них в 3 – 5 раз чаще наблюдается ориентация на ценности индивидуализации. Заметные отличия от остальных обнаруживают и итальянские учителя и будущие педагоги.

Распределение ценностных типов среди педагогов в описываемых этнокультурных группах, %

Этнокультурные группы		Ценностные типы			
		А	С	И	П
1	Итальянцы ($n = 78$)	22	19	6	53
2	Поляки ($n = 197$)	46	26	3	25
3	Россияне ($n = 260$)	48	19	4	28
4	Украинцы ($n = 185$)	26	27	15	32

Примечание: различия в распределениях групп: 1 и 2 ($\alpha < 0,001$); 1 и 3 ($\alpha < 0,001$); 1 и 4 ($\alpha < 0,025$); 2 и 4 ($\alpha < 0,001$); 3 и 4 ($\alpha < 0,001$). В таблице: А – адаптирующийся, С – социализирующийся, И – индивидуализирующийся, П – промежуточный ценностный тип.

Для более детального анализа особенностей ценностной иерархии педагогов нами оценивался процент выбравших каждую отдельную ценность по выборке в целом, и в рассматриваемых этнокультурных группах (таблица 2). При классическом способе обработки результатов методики, отнесение испытуемого к определенному ценностному типу происходит по принципу «доминирования», если из выбранных 3 ценностей, хотя бы 2 принадлежат к данному типу,

при этом тип третьей ценности просто не учитывается. Таким образом, количество респондентов, включивших в систему своих приоритетных ценностей хотя бы одну ценность адаптации существенно выше, чем испытуемых, отнесенных к типу «адаптирующихся». То же самое касается и других ценностных типов. Такой способ обработки позволяет существенно дополнить информацию, получаемую при классической «типологизирующей» обработке данных.

Таблица 2

Ценностный выбор педагогов в описываемых этнокультурных группах

Ценность		Выбрали данную ценность, %				
		Россия ($n = 262$)	Украина ($n = 190$)	Польша ($n = 200$)	Италия ($n = 82$)	Все ($n = 734$)
1	Отсутствие нужды, материальный достаток	52,3	25,8	46,5	20,7	36,6
2	Семейное благополучие	79,0	50,6	76,5	84,1	71,5
3	Возможность интеллектуальной и творческой самореализации	29,0	48,9	21,5	47,6	34,2
4	Сохранение сил и здоровья	58,4	75,3	80,0	85,4	71,7
5	Хорошая, престижная работа	16,4	26,3	33,0	3,7	11,4
6	Возможность пользоваться демократическими правами и свободами	7,3	11,6	12,0	25,6	11,7
7	Сохранение порядка и стабильности в обществе	30,2	7,4	8,5	12,2	16,3
8	Уважение окружающих, общественное признание	11,4	28,9	4,5	20,7	15,1
9	Строительство более гуманного и терпимого общества	6,9	19,5	7,0	0	9,4

Как видно из представленных данных, «защитные» ценности адаптации, по своему происхождению связанные с фрустрацией потребности в физической и экономической безопасности, оказались наиболее значимыми для российских учителей. Так, только среди россиян ценность «отсутствие нужды, материальный достаток» отметили в качестве наиболее важной более половины респондентов. Еще более эта тенденция заметна в отношении такой ценности, как «сохранение порядка и стабильности в обществе», которую выбрали более 30 % российских педагогов и в 3 – 4 раза меньше – представители всех остальных этнокультурных групп. С другой стороны, российские педагоги относительно реже называют в качестве

наиболее значимой такую «дефицитарную» ценность, как «сохранение сил и здоровья» (58 % против 75 – 85 % среди остальных).

Ценности социализации, соответствующие внутреннему принятию, «заимствованию» социально одобряемых ценностей или ценностей значимых других, в несколько чаще выбирают польские и украинские педагоги. Общим для них является заметно большее предпочтение такой ценности, как «хорошая, престижная работа»: ее выбрали треть польских и более 26 % украинских учителей, и только 3,7 % итальянских и 16,4 % российских педагогов. Ценность «уважение окружающих, общественное признание» наиболее значима для украинских и итальянских рес-

пондентов (около 30 % и 21 % соответственно), а среди польских педагогов в данном случае ее отметили лишь 4,5 %. В тоже время, относящаяся к этой же группе ценность «семейного благополучия» оказалась наименее значима для украинских учителей – несмотря на то, что ее назвали более половины из них, это существенно меньше, чем среди остальных (77 – 84 %).

Ценности индивидуализации, имеющие самостоятельный, «автономный» характер оказались наиболее значимыми для украинских педагогов. Прежде всего, это касается ценности «строительство более гуманного и терпимого общества», выбранной каждым пятым украинским учителем (для сравнения – среди итальянских учителей, напротив, ни один опрошенный не назвал эту ценность в качестве значимой). «Возможность интеллектуальной и творческой самореализации» в качестве наиболее значимой ценности в 2 – 2,5 раза чаще называют украинские и итальянские педагоги. Среди итальянских учителей к числу предпочитаемых относится и такая ценность, как «возможность пользоваться демократическими правами и свободами», отмеченная каждым четвертым. Для российских педагогов, напротив, она наименее значима – ее назвали лишь 7 % респондентов.

С учетом частоты выбора той или иной ценности устанавливался также ее ранг в ценностной иерархии соответствующей этнокультурной группы и в целом по выборке (таблица 3). На основании анализа ранжирования ценностей в описываемых группах, несмотря на определенное сходство предпочтений, можно говорить о существовании двух неодинаковых ценностных систем. Российские и польские педагоги ставят на первые места «семейное благополучие», «сохранение сил и здоровья» и «отсутствие нужды, материальный достаток», на последние – «строительство более гуманного и терпимого общества» и «уважение окружающих, общественное признание». Соответственно, их ценностная система формируется преимущественно психологическими защитными механизмами, активность которых связана с фрустрационной напряженностью, и определяющими большую ориентацию на «материалистические» ценности, значимость которых имеет дефицитарный характер. Ведущей личностной направленностью в данном случае является сохранение достигнутого, высвобождение от ограничений, «свобода от».

Таблица 3

Ценностная иерархия педагогов в описываемых этнокультурных группах

<i>Ценность</i>		<i>Групповой ранг ценности</i>				
		<i>Россия (n = 262)</i>	<i>Украина (n = 190)</i>	<i>Польша (n = 200)</i>	<i>Италия (n = 82)</i>	<i>Все (n = 734)</i>
1	Отсутствие нужды, материальный достаток	3	6	3	5	3
2	Семейное благополучие	1	2	2	2	2
3	Возможность интеллектуальной и творческой самореализации	5	3	5	3	4
4	Сохранение сил и здоровья	2	1	1	1	1
5	Хорошая, престижная работа	6	5	4	8	8
6	Возможность пользоваться демократическими правами и свободами	8	8	6	4	7
7	Сохранение порядка и стабильности в обществе	4	9	7	7	5
8	Уважение окружающих, общественное признание	7	4	9	6	6
9	Строительство более гуманного и терпимого общества	9	7	8	9	9

Украинские и итальянские учителя в тройку наиболее значимых одинаково ставят ценности «сохранение сил и здоровья», «семейное благополучие» и «возможность интеллектуальной и творческой самореализации». Наименее важными для них являются «сохранение порядка и стабильности в обществе» и «строительство более гуманного и терпимого общества». Так же в данных этнокультурных группах не обнаруживается наличие какого-либо определенного общего ценностного ядра. Тем не менее, им несколько чаще свойственна ориентация на «постматериалистические» социальные ценности и ценности самореализации, являющиеся более независимыми и интернализованными. Ведущей личностной направленностью в последнем случае является ориентация на себя, более свойственная постмодернистскому обществу.

Очевидно, что описанные ценностные различия обусловлены не только собственно этнокультурными особенностями описываемых групп, но и отражают также объективные социальные различия, связанные с влиянием целого ряда социально-экономических и политических факторов. Объективные социально-экономические условия задают социокультурный контекст развития личности педагогов, опосредующий

становление системы их ценностных предпочтений. Ценностная направленность педагогов, в свою очередь, в значительной степени определяет и формирование ценностных ориентаций учеников в процессе социализации. Полученные нами результаты могут использоваться в рамках аксиологизации процесса

профессионального образования, в частности, при разработке культурно-специфических программ, направленных на поддержку становления гуманистически ориентированной системы ценностных ориентаций будущих педагогов как агентов социализации нового поколения.

Литература

1. Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2009. 304 с.
2. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6 – 32.
3. Ключко В. Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. 1998. № 8 – 9. С. 7 – 15.
4. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: учебное пособие. М.: Ключ-С, 1999. 224 с.
5. Лурье С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы: учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект; Деловая книга, 2003. 624 с.
6. Почебут Л. Г. Психология социальных общностей (толпа, социум, этнос). СПб.: СПбГУ, 2002. 176 с.
7. Пфетцер С. А. Политическое участие молодежи российской провинции: структурно-содержательные характеристики и ценностные детерминанты: дис. ... канд. полит. наук. Кемерово, 2013. 185 с.
8. Савруцкая Е. П. Политические и нравственные установки в ценностном сознании молодежи // Приволжский научный журнал. 2009. № 3. С. 246 – 251.
9. Серый А. В. Становление компетентности практического психолога // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 63 – 66.
10. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
11. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2003. 368 с.
12. Чижакова Г. И. Современное образование: аксиологические ориентиры // Становление личности в образовательном процессе: культурные и педагогические аспекты. Красноярск: Изд-во СибГТУ, 2010. С. 81 – 108.
13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
14. Яницкий М. С. Ценностная структура массового сознания современной России // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 7 – 27.
15. Kluckhohn H., Strodtbeck F. L. Variation in Value Orientations. Evanston, Ill, Elmsford. New York: Row Peterson, and comp. 1961. P. 10.

Информация об авторах:

Яницкий Михаил Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, декан социально-психологического факультета КемГУ, dekanspf@kemsu.ru.

Mikhail S. Yanitskiy – Doctor of Psychology, Full Professor, Dean of the Socio-Psychological Faculty, Kemerovo State University.

Браун Ольга Артуровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, oabraun09@rambler.ru.

Olga A. Braun – Candidate of Psychology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований. Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются по установленному графику:

– в № 1 (март) – до 1 февраля текущего года;	– в № 3 (сентябрь) – до 1 августа текущего года;
– в № 2 (июнь) – до 1 мая текущего года;	– в № 4 (декабрь) – до 1 ноября текущего года.

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. Статьи обучающихся (аспиранты, магистранты, студенты) вузов и научных организаций России, а также сотрудников КемГУ, работающих над диссертационными исследованиями, темы которых утверждены ученым советом университета, публикуются при наличии рекомендации научного руководителя (научного консультанта) и (или) решения кафедры. Статьи студентов принимаются для публикации по рекомендации кафедры только в соавторстве с научным руководителем или учеными, являющимися специалистами в соответствующей области науки.

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала, при этом **статьи обучающихся печатаются в журнале бесплатно**.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

¹ Форма экспертного заключения в формате *.pdf* представлена на [сайте издания](#)

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7).
7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2) i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2) j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.
9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.
10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.
11. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в квадратных скобках.

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с [ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»](#). Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по [ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила»](#). Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Подписано к печати 21.09.2015 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 28.09.2015 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 33,75. Уч.- изд. л. – 31,28.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. 40 лет Октября, 1б.